МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4 / 2020

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2020

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И. –** д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т. –** д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В. –** д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А. –** д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В. –** д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П. –** д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н. –** д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А. –** д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М. –** д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В. –** д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В. –** д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад –** директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мирошниченко Н. В. –** д-р юрид. наук, профессор; **Мухачёв И. В. –** д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А. –** д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий П.** – профессор Вроцласского университета (Польша); **Цыбенко В. В. –** к-т ист. наук, доцент; **Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид наук, профессор; **Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А. –** д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С. –** д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355009,
г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2020

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
"North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I. –** Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T. –** Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V. –** Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A. –** Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Müller W. –** Doctor of History, Professor; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu. –** Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P. –** Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N. –** Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A. –** Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M. –** Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V. –** Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I. –** Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M. –** Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A. –** Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N. –** Doctor of Philology, Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V. –** Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi –** Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N. –** Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii P. –** Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman L.** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University "Corvinus" (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Schwartz I. –** Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A. –** Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S. –** Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M. –** Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S. –** Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street,
Stavropol 355009
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абакумов А. А. Слоны и спартанец: Ксантипп из Амикл в битве при Тунете (255 г. до н.э.) 8

Амбарцумян К. Р. Горская республика в представлениях британской миссии и Добровольческой армии (1919–1920 гг.) 14

Баглай В. Е. Испанское завоевание тарасков Мичоакана в истории Мексики (середина XVI в.) . 23

Баранов А. В., Ратушняк О. В. Публикации историков казачьего зарубежья как источник сведений о новой экономической политике на Дону и Кубани (1920-е гг.) 28

Гепалов А. С. Религиозно-философские взгляды выдающегося деятеля индийского освободительного движения Мауланы Абул Калам Азада 35

Карташев А.В. 4-й сводный партизанский кавалерийский полк в боях на Ставрополье в октябре – ноябре 1942 года 41

Клинов А. С. Проблема политического статуса Тибета согласно Симлской конвенции 1914 г.: теоретико-исторические аспекты 49

Краснова И. А., Тельменко Е. П. Политические реформы во Флоренции 1494–1495 гг. «Закон о всеобщем мире и праве на апелляцию “шести бобов”» 58

Любушкина Е. Ю. К вопросу о деятельности Кавказского горного общества 64

Маловичко С. И., Рябцев А. В. Формирование гипотезы о восточнославянском городе – административном центре в российском историческом знании XVIII века 70

Матвеев О. В. Древняя Русь в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное 79

Невская Т. А. Ставрополье в отечественной исторической науке 20–30-х гг. XX века 88

Новосёлов А. Л. «Бесовские чудеса» волхвов и дела праведников в Повести временных лет . 96

Покотилова Т. Е. От сословного призрения и частной благотворительности – к всеобщему социальному обеспечению в России 103

Романова Н. В. Театральная и музыкальная жизнь в годы «оттепели» на Кубани и Ставрополье 109

Рыкун Г. Н., Плохотнюк Т. Н. Вторая мировая война как следствие кризиса международных отношений в 20–30-е годы XX века 116

Тельменко Е. П. «Трактат о чудесах» Джироламо Савонаролы 123

Хорняк А. Смена власти в Делвидеке: политика Югославии в отношении меньшинств и венгерский ответ на нее 128

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вышеславова Т. Ф. Особенности разрешения коллективных трудовых сопоров на Ставрополье в советское время 141

Гладчук А. В. Принципы финансового контроля в сфере закупок и их правовое закрепление . . 146

Кузьмин И. А. Правовые и политические позиции в контексте внутригосударственных и международных отношений 152

Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Насильственный способ совершения деяния и его проявления в преступлениях против жизни и здоровья личности 159

Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Принудительное изъятие земельного участка как санкция земельно-правовой ответственности в России и странах евразийского экономического союза 165

Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Ответственность за нарушения требований к получению, выращиванию генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота продукции, полученной с их применением, по новому проекту КОАП РФ 171

Хмеляж К. Инвигиляция деятельности государственных служб и право на неприкосновенность частной жизни в контексте политики безопасности Речи Посполитой (Польши) 176

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н., Борисова Т. Г. Специфика средств акцентуации в реализации перлокутивного эффекта детского поэтического текста 183

Буров А. А., Бурова Г. П. Синтаксическая номинация в поэтической картине мира: лингвориторический ракурс 193

Егорова С. А., Ласкова М. В. Реализация коммуникативных стратегий в спортивном газетно-публицистическом дискурсе 200

Князева О. В., Болдырева В. А. Транслатологическая специфика реализации инсталляционной перформативности как модального пространства доминирования в персонально-ориентированном дискурсе 206
Краснокутская С. Д., Ходус В. П. Языковые особенности организации полярной модели мира в повестях Н. В. Гоголя «Заколдованное место» и «Вечер накануне Ивана Купала» 212
Махова И. Н., Чуднова О. А. Специфика трансляции маркеров эмоционально-эстетической информации 217

РЕЦЕНЗИИ

Авидзба А. Ф., Колесникова М. Е. О деятельности пристава Цебельды Ф. Я. Лисовского в 1837–1841 гг.: по материалам сборника архивных документов «Западный Кавказ в первой половине XIX века» 223
Булыгина Т. А. Нити исторического прошлого в ткани настоящего и будущего 227

CONTENTS

HISTORY

Abakumov A. The elephants and the Spartan: Xanthippus of Amyclae at the battle of Tunis (255 BC) 8

Ambartsumyan K. The Mountain Republic in conceptions of the British mission and the Voluntary army (1919–1920) 14

Baglay V. The Spanish conquest of the Tarascans of Michoacan in the history of Mexico (mid – 16th century) 23

Baranov A., Ratushnyak O. Publications of historians of the Cossack emigration as a source of information on the new economic policy in the don and Kuban regions (1920-s) 28

Gepalov A. Religious and philosophic views of the prominent figure of the Indian liberation movement Maulana Abul Kalam Azad 35

Kartashev A. 4th Consolidated Partisan Cavalry regiment in the battles in Stavropol region in October – November 1942 41

Klinov A. The problem of the political status of Tibet according to the Simla convention of 1914: theoretical and historical aspects 49

Krasnova I., Telmenko E. Political reforms in Florence in 1494–1495. the law on universal peace and the appeal right of “Six beans” 58

Luybyshkina E. On the activities of the Caucasian mountain society 64

Malovichko S., Ryabtsev A. Formation of the hypothesis about the East Slavic city – the administrative center in the Russian historical knowledge of the 18th century 70

Matveyev O. Ancient Russia in folk historical representations of Russians and Belarusians: common and special 79

Nevskaya T. Stavropol territory in Russian historical science of the 20–30s of the XX century 88

Novoselov A. «Demonic miracles» of the magus and the affairs of the righteous in the Russian primary chronicle 96

Pokotilova T. From estate support and private charity to general social provision in Russia 103

Romanova N. Theater and music culture in the Khrushchev thaw in Kuban and Stavropol territories . . 109

Rykun G., Plohotnjuk T. The second world war as a result of the crisis of international relations in the 20–30s of the XX century 116

Telmenko E. «Treatise on the miracles» of Girolamo Savonarola 123

Hornyák Á. Change of the regime in Vojvodina minority policy of Yugoslavia and the reaction of Hungary to it 128

LEGAL SCIENCES

Vysheslavova T. Features of collective labor dispute resolution in the Stavropol territory during the Soviet period 141

Gladchuk A. Principles of financial control in the field of purchases and their legal fixing 146

Kuzmin I. Legal and political positions in the context of internal and international relations 152

Miroshnichenko N., Maksimov V. Violent method of committing an act and its manifestation in crimes against the life and health of an individual 159

Navasardova E., Nutrikhin R. Forced seizure of land as a sanction of land liability in Russia and the countries of the Eurasian economic union 165

Sokolov A., Lakaev O. Responsibility for violations of the requirements for obtaining and growing genetically modified crops and the turnover of products obtained with their use as given in a new project of the code of the Russian Federation on administrative offenses 171

Khmelyazh K. The invigilation of governmental services and the right to privacy in the context of the security policy the Republic of Poland 176

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S., Borisova T. Specifics of accentuation tools in the implementation of the perlocutory effect in children’s poetry text 183

Burov A., Burova G. Syntaxic nomination in the poetic picture of the world: view from linguistic and rhetoric position 193

Egorova S., Laskova M. Implementation of communication strategies in sports newspaper and journalistic discourse 200

Kniazeva O., Boldyreva V. Translatologic peculiarities of installation performativity as a modal dominative space in person-oriented discourse 206
Krasnokutskaya S., Khodus V. Language features of the organization of the polar model of the world in N. V. Gogol's stories “the enchanted place” and "Evening on the eve of Ivan Kupala" 212
Makhova I., Chudnova O. Specifics of translating emotional and aesthetic information markers 217

REVIEWS

Avidzba A., Kolesnikova M. About the activities of Tsebelda bailiff F.Ya. Lisovsky in 1837–1841: according to the materials of the collection of archival documents "Western Caucasus in the first half of the XIX century" 223
Bulygina T. The threads of historical past in the texture of the present and the future 227

УДК 94(3)

А. А. Абакумов

СЛОНЫ И СПАРТАНЕЦ: КСАНТИПП ИЗ АМИКЛ В БИТВЕ ПРИ ТУНЕТЕ (255 г. ДО н.э.)

Настоящая статья посвящена герою важного эпизода 1-й Пунической войны между Римом и Карфагеном (264–241 гг. до н.э.) – сражения при Тунете (или на р. Баграда) в 255 г. до н.э., которое, хоть и не изменило исход войны, несколько лет оказывало на неё существенное влияние. В этом сражении между армиями, примерно сопоставимыми по численности (у карфагенян – 12 000 пехотинцев, 4 000 всадников, 100 боевых слонов, у римлян – 15 000 пехотинцев и 500 всадников), римское войско было окружено и практически полностью уничтожено, командующий попал в плен, а сам город Карфаген спасён. Командиром пунийской армии при Тунете был наёмник из Спарты по имени Ксантипп; его успех предвосхитил известную победу Ганнибала при Каннах (216 г. до н.э.). О жизни Ксантиппа за вычетом службы в Карфагене практически ничего не известно. Единственная деталь, которую сообщает греческий историк Полибий, – его «лаконское воспитание», означающее, что он получил классическую боевую подготовку спартанцев. Тем не менее, те навыки, которые Ксантипп продемонстрировал в бою (прежде всего умелое руководство элефантерией), «лаконское воспитание» дать ему не могло, и он явно овладел ими в какой-либо из эллинистических армий (вероятнее всего, эпирской, селевкидской или птолемеевской). Иными словами, Ксантипп был нетипичным спартиатом, одним из тех, кто выбрал профессию наёмника в кризисное для Спарты время. В статье предпринимается попытка рассмотреть тактику Ксантиппа при Тунете в свете эллинистического военного дела и особенно боевого применения слонов, чтобы выявить её типичность, или, напротив, оригинальность.

Ключевые слова: 1-я Пуническая война, Ксантипп, битва при Тунете, эллинистическое военное дело, боевые слоны.

Arkady Abakumov

THE ELEPHANTS AND THE SPARTAN: XANTHIPPUS OF AMYCLAE AT THE BATTLE OF TUNIS (255 BC)

The article is dedicated to the protagonist of an important episode of the 1st Punic War between Rome and Carthage (264–241 BC) – The Battle of Tunis (or The Battle of the Bagradas River, 255 BC). Its result affected the course of the war for several years although it did not change its outcome. In the Battle of Tunis the opposing armies were approximately commensurate (the Carthaginians had 12 000 infantry, 4 000 cavalry and 100 war elephants against the Romans with 15 000 infantry and 500 cavalry), but the Roman army was encircled and almost annihilated, its commander was taken captive, thus saving the city of Carthage. The architect of this spectacular victory was Spartan mercenary general named Xanthippus; in a way, his triumph at Tunis can be considered as an anticipation of the great victory of Hannibal at Cannae (216 BC). Xanthippus' life, excluding his service in Africa, remains virtually unknown. Practically the only important detail concerning his early biography, mentioned by the Greek historian Polybius, regards his "Laconic education" – meaning he was raised in the Spartan martial way of Classical times. Nevertheless, Xanthippus obviously could not get the military skills he had demonstrated at Tunis (mainly concerning elephantry) via traditional Spartan training; presumably, earlier he had served in some Hellenistic army (Epirote, Seleucid, or Ptolemaic). In other words, Xanthippus was "an untypical Spartiate", one of those who were forced to take up a mercenary profession due to long-lasting crisis in Sparta. The author analyses Xanthippus' tactical decisions made at Tunis in view of Hellenistic warfare (especially combat use of war elephants) to specify whether his tactics were typical or unique.

Key words: 1st Punic War, Xanthippus, Battle of Tunis, Hellenistic warfare, war elephants.

Ксантипп Лакедемонянин (Xanthippus Amyclis – Sil. It. II. 434), безусловно, относится к числу самых ярких и в то же время самых загадочных фигур военной истории античности. Спартанский наёмник стремительно возникает из небытия в разгар 1-й Пунической войны, когда римляне уже высадились в Африке и угрожают самому Карфагену. Он становится во главе карфагенской армии, спасает город, одержав над римлянами блестящую победу при Тунете в 255 г. (вполне сравнимую с их разгромом при Каннах; здесь и далее все даты – до н.э.) – и затем исчезает снова. О его жизни до и после карфагенской службы не известно ничего достоверного, поэтому неоднократно предпринимались попытки буквально по крупицам реконструировать биографию Ксантиппа [15, p. 314].

Единственная её деталь, относящаяся к ранней жизни полководца, – «лаконское воспитание» (агоге), которое Ксантиппу приписывает Полибий (I. 32. 1 – ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς μετεσχηκότα). Внимание к этой детали в историографии понятно, но порой значение, придаваемое ей [8], представляется чрезмерным. По сути, непосредственно о самом Ксантиппе, его статусе и опыте она ничего не сообщает. Впрочем, Диодор прямо называет Ксантиппа «спартиатом» (XXIII. 14. 1 – ὁ Σπαρτιάτης), но это и необязательно: при определённых условиях пройти агоге могли и неполноправные граждане (в частности, знаменитый Лисандр; Plut. Lys. 2. 1–2). К тому же тот опыт, который снискал Ксантиппу славу (руководство большой разноплеменной армией с участием наёмников и особенно такого специфического соединения, как боевые слоны), «лаконское воспитание» ему дать и не могло.

Участвуя в бурных событиях конца IV – первой половины III в., Спарта не могла не испытать известного влияния эллинистических монархий, и иные её цари, формально не отменяя законов Ликурга, так или иначе ориентировались на правителей великих держав. Так, герой войны с Пирром Эпирским царь Арей первым начал чеканить в Спарте настоящие деньги, завёл двор, создал наёмную армию, устраивал богатые пиры и делал пышные подношения храмам [4; 29]. То, как тогдашние спартанцы могли ломать старые стереотипы о себе, показывает, например, тот факт, что учителем греческой *словесности* у самого Ганнибала был некий Сосил Лакедемонянин (Nep. Hannib. 13 – Atque hoc Sosylo Hannibal litterarum Graecarum usus est doctore).

Упоминание о «лаконском воспитании» Ксантиппа важно, прежде всего, в контексте истории самой Спарты – оно позволяет констатировать, что система агоге продолжала сохраняться и в первой половине III в., несмотря на затяжной кризис, в котором находилось государство. Если первоначально в Спарте насчитывалось 9 000 полноправных граждан (Plut. Lyc. 8. 3), то уже к середине IV в. в результате военных потерь и обнищания спартиатов их оставалось меньше тысячи (Xen. Hist. Gr. 6. 4. 15; Arist. Polit. II. 1270a), а в III в. – всего 700, из которых 100 самых богатых (Plut. Agis. 5. 4). Относительно того, кем были остальные воины в спартанской армии (в IV в. она состояла из 6 подразделений (мор) численностью, по разным оценкам, от 500 – 600 до 1200 человек), мнения исследователей расходятся – это могли быть те или иные непривилегированные группы местных жителей, допущенные к военной службе [18, p. 6; 23, p. 22 ff].

Где именно Ксантипп мог получить представление о современной на тот момент армии, научиться командовать элефантерией и побеждать римлян, можно лишь предполагать. Всё это вместе объединяет личность царя Пирра, поэтому в историографии Ксантиппа могут представлять ветераном либо италийских походов знаменитого эпирота [25, col. 1348], либо его последней кампании в Греции против македонского царя Антигона Гоната (272 г.), весьма драматичным эпизодом которой была неудачная попытка Пирра захватить Спарту (Plut. Pyrrh. 26–29). При этом, по разным версиям, Ксантипп мог либо сражаться за соотечественников [20, p. 99], либо просто «мог видеть слонов в боях Пирра со спартанцами» [22, p. 103].

Спартанское наёмничество к тому времени имело уже давнюю историю [9]. Так, наёмником в Египте был царь Агесилай, которого сопровождало 30 спартанцев-советников (Plut. Ages. 36–40; Nep. Ages. 8); в 330-х гг. спартанская военно-морская база на мысе Тенар ненадолго превратилась в сборный пункт наёмников [16, p. 259–260]. В сравнительно недавнем прошлом Клеоним, призвавший Пирра в Спарту, воевал в Италии и Беотии (Diod. XX. 104–105; Plut. Demetr. 39. 1–2), а непосредственно во время боёв с Пирром царь Арей находился на Крите и едва успел оттуда вернуться с двухтысячной армией (Plut. Pyrrh. 27. 1; 29. 6). Внешнеполитическая ориентация Спарты в это бурное время могла неоднократно меняться; Арей сначала сражался вместе с македонянами против Пирра, затем в союзе с другими греческими государствами – против македонян (Хремонидова война 267–261 гг., на которой он и погиб). У правителей Спарты в III в. имелись связи как с селевкидским двором (через Леонида II – Plut. Agis. 3. 6), так и с птолемеевским (через Арея и знаменитого реформатора Клеомена III – Plut. Cleom. 22. 3; 32–39). Возможно, именно широкое участие спартанцев во внешних войнах и имеет в виду Вегеций, говоря о существовании у них своего рода «школы тактиков» (III. Prooem. – magistros armorum, quos tacticos appellauerunt).

Карьера Ксантиппа перед визитом в Карфаген в историографии довольно часто связывается именно с Египтом – впрочем, аргументы для этого довольно шаткие и основываются на том, что люди с этим – и весьма редким – именем примерно в одно время (250–240-е гг.) упоминаются в разных источниках трижды и в разных ситуациях. Помимо спартанского наёмника, это некий триерарх из Галикарнаса (P. Cair. Zen. I. 59036) и участник 3-й Сирийской войны (246–241 гг.), которого царь Птолемей III назначил наместником завоёванных им (пусть и ненадолго) территорий за Евфратом (Hieron. in Dan. XI. 7–9). При крайней скудости информации о Ксантиппе возникает соблазн счесть их всех одним и тем же человеком, и иные исследователи ему поддаются: спартанец у них сначала служит в птолемеевском флоте, затем по неизвестным причинам переходит к карфагенянам и, наконец, снова возвращается в Египет [12; 8, с. 81–82]. Однако подобную интерпретацию всё же следует признать слишком вольной.

Можно встретить её «усечённый» вариант, где объединяются Ксантипп-наёмник и Ксантипп-наместник: ещё И. Г. Дройзен такую возможность допустил, а Г. Бенгтсон не стал опровергать, хотя и счёл недоказуемой [6, с. 191; 13, s. 84; 14, s. 172–173; 25, col. 1350–1351]. Что до галикарнасского триерарха, ему посвящена отдельная дискуссия – обычно просто он считается местным уроженцем [11; 17]. Правда, Х. Хаубен вместе с ним упомянул и других Ксантиппов, но стратега-наёмника сразу вынес за скобки, предположив, что нечто общее может быть только у триерарха и наместника. Этот персонаж видится ему как «высокопоставленное, богатое и влиятельное лицо, получившее от царя распоряжение построить, оснастить и потом содержать большой военный корабль» – его впоследствии вполне можно представить и во главе сатрапии [17, p. 136–137].

Так или иначе, как представляется, здесь достаточно констатировать, что в первой половине III в. у Ксантиппа хватало возможностей проявить себя, получить необходимые военные навыки и удостоиться за это похвалы Полибия (I. 32. 1). Он мог сделать это практически в любой армии того времени, будь то эпирская, македонская, селевкидская или птолемеевская (более вероятна одна из двух последних, так как там имелись большие слоновые корпуса). Известно лишь то, что на момент прибытия вербовщиков из Карфагена Ксантипп находился в Спарте. При этом у Полибия он прибыл в Африку вместе с остальными наёмниками и лишь там, критикуя действия пунийских военных, обратил на себя внимание (I. 32. 1). У Аппиана же и Евтропия спартанские власти отправили его специально в ответ на просьбу прислать опытного полководца (App. Liv. 3; Eutr. II. 21. 4). Согласно Диодору, по разным версиям Ксантипп мог уехать из Спарты как в одиночестве,

так и в сопровождении пятидесяти или ста наёмников (XXIII. 16).

Когда Ксантипп возглавил пунийское войско, под его началом оказалось 12 000 пехотинцев (из них часть составляли наёмники, при этом в битве участвовала и ополчение из самого Карфагена – что показывало всю серьёзность ситуации, так как её собирали только в крайнем случае [28, p. 92]), 4 000 всадников и около 100 слонов (Polyb. I. 32. 9); у римского командующего М. Атилия Регула изначально было 15 000 пехотинцев и 500 всадников (I. 29. 10); Аппиан и Евтропий оценивают численность армии Регула примерно в 30 000 человек (App. Lib. 3; Eutr. II. 21. 4), но это, вероятно, преувеличение [21, s. 6; 1, с. 106]. При этом по числу спасшихся римлян (2 000) и взятых в плен (500) данные Полибия (I. 34. 8–9) и Евтропия сходятся. Так или иначе, можно счесть обе армии примерно сопоставимыми по силе. Точное место сражения при Тунете (другое название – битва у р. Баград) неизвестно – очевидно лишь то, что оно происходило на равнине [21, s. 6; 22, p. 104].

Тактические решения, принятые Ксантиппом в битве, также не проливают света на то, к какой военной «школе» он мог принадлежать и где служить ранее. Он использовал вполне традиционный боевой порядок с пехотой в центре, конницей на флангах и слонами перед центром (Polyb. I. 33. 6 – τοὺς μὲν ἐλέφαντας ἐξαγαγὼν ἐφ᾽ ἕνα πρὸ πάσης τῆς δυνάμεως ἐν μετώπῳ κατέστησε). Другое дело, что самих слонов он применил нетипичным образом – в качестве своего рода «тарана» или «бильярдного шара» против пехоты, который должен был если не проломить вражеский строй, то, как минимум нанести ему серьёзный урон (и это вполне удалось). В сражениях диадохов слоны в количестве, сопоставимом с карфагенским корпусом при Тунете, тоже часто ставились перед центром (или всем строем) – как при Паретакене (317 г.) и Габиене (316 г.), но использовались, прежде всего, как живой щит от вражеской кавалерии и «экран» для успешных действий собственной. Наиболее ярким примером подобной оборонительной тактики является битва при Ипсе (301 г.), которая была выиграна именно благодаря удачному размещению слонов (Plut. Demetr. 29. 3). Диодор описывает при Габиене бой слонов обеих армий между собой (XIX. 42), но на исход сражения он не повлиял.

Возможно, в идеале и предполагалось, что слоновый корпус разобьёт вражеский, опрокинет его на собственную пехоту и внесёт хаос, когда останется лишь довершить успех, но на практике это реализовано не было. Нечто подобное удалось совершить Антиоху III (или, возможно, его элефантарху Филиппу) в битве с армией Птолемея IV при Рафии (217 г.), но слоны тогда находились не перед центром, а перед флангами, где располагалась конница. К тому же этот эпизод опять-таки не привёл к победе – царский фланг был сокрушён, но самому Птолемею удалось спастись и возглавить последнюю атаку, в то время как Антиох, не зная об этом и преследуя бегущих, не успел вовремя вернуться на поле боя (Polyb. V. 84). Наибольших же успехов элефантерия добивалась именно в противодействии вражеской коннице (битва при Ипсе, Битва слонов (270-е гг.).

Пирр Эпирский был на тот момент единственным из эллинистических царей, кто активно использовал слонов против пехоты (причём как раз римских легионеров), но его корпус был впятеро меньше корпуса Ксантиппа – изначально 20 (Plut. Pyrrh. 15. 1) против 100 (Polyb. I. 32. 9). Поэтому возможностью расставить слонов перед центром и бросить их в лобовую атаку Пирр не обладал; он размещал своих слонов на флангах (а при Аускуле (279 г.) за флангами – Dion. Hal. RA. XX. 1. 4) и вводил в бой не в начале сражения, а в кульминационный момент. Так что непосредственным примером для Ксантиппа Пирр не являлся, хотя мог оставить соответствующие наставления в своих несохранившихся мемуарах или трудах по тактике. Реконструкция предполагаемого содержания этих трудов является отдельной историографической проблемой [7, с. 25–30; 27, p. 10–11].

Сами карфагеняне занялись ловлей и обучением африканских слонов сравнительно недавно – вероятно, под впечатлением от проигранной ими кампании против Пирра на Сицилии, хотя источниками это не подтверждается. В этой связи выходит, что и карфагеняне, и Ксантипп находились в равном положении, и, если «учитель» у них был общий, такая разница в способностях «учеников» не может не удивлять. В первых сражениях 1-й Пунической войны карфагеняне использовали слонов неумело и нерешительно. В боях за г. Акрагант на Сицилии (262 г.) они применили весьма странное построение, где в первой линии располагались наёмники, а позади слоны и остальные силы (возможно, убрав слонов в тыл, именно карфагеняне – а не Ксантипп – пытались экспериментировать с тактическими находками Пирра, но безуспешно). Согласно Полибию, слонов у них тогда было около 50 (I. 19. 2), Диодор со ссылкой на Филина говорит о 60 животных (XXIII. 8. 1), Орозий – о 30, из которых 12 были захвачены римлянами (IV. 7. 5). Римлянам удалось отбросить наёмников, те испугали слонов, и весь карфагенский строй рухнул (Polyb. I. 18. 9–11). При Адисе незадолго до прибытия Ксантиппа пунийцы вообще заняли позицию на высотах, где слоны и конница были полностью бесполезны (I. 30. 6–15). Спартанец начал именно с того, что убедил карфагенян в ошибочности этого решения, и перенёс боевые действия на равнину, чтобы использовать преимущества их армии с максимальной эффективностью (I. 32. 3).

В историографии XIX – начала XX вв. можно встретить критику Полибия и других античных авторов (прежде всего греческих) за «возвеличивание» Ксантиппа – якобы именно он обучил карфагенян воевать на суше [5, с. 225–226; 10, с. 91]. Критика в данном случае представляется необоснованной: это можно интерпретировать в том ключе, что Ксантипп отнюдь не обвинял пунийцев в неумении воевать в принципе, а лишь указал на конкретные ошибки, которые были ими допущены при Адисе, а затем исправлены при Тунете.

«Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него» (Polyb. I. 34. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко). Неизвестно, на что он рассчитывал, начиная бой именно так и используя слонов не оборонительным способом, как диадохи, и не сбалансированным, как Пирр, а агрессивным. Он мог небезосновательно полагать, что слабую римскую конницу можно разбить и без слонов (так и случилось), к тому же ровная

местность позволяла бросить слонов в атаку, а у противника не было ни своей элефантерии, ни пехоты с сариссами. Тем не менее, всю рискованность избранного им «дебюта» продемонстрировал сам Ганнибал, когда в решающем сражении 2-й Пунической войны при Заме (202 г.) применил его крайне неудачно – римские легионеры Сципиона «погасили» удар слонов, просто расступившись и пропустив их сквозь свои ряды (Polyb. XV. 12. 1–4). Похожим образом македонская фаланга Александра расправилась с персидскими колесницами при Гавгамелах (331 г.; Arr. Anab. III. 13. 5–6).

Однако при Тунете римский главнокомандующий М. Атилий Регул допустил серьёзную ошибку – он выстроил свою пехоту более плотным строем, чем обычно, надеясь таким образом противодействовать слонам (Polyb. I. 33. 9–10). Это действительно позволило легионерам выдержать их удар и сохранить строй, несмотря на огромные потери, но сузило их фронт, сделав более уязвимыми для окружения. Непонятно, что помешало римлянам использовать против слонов с должной эффективностью метательное оружие. Вероятно, лёгкая пехота и охранение слонов сумели достаточно быстро рассеять находившихся перед римским строем велитов (Polyb. I. 33. 9) и обеспечить животным быстрый прорыв к неприятельским рядам.

Как бы то ни было, довольно авантюрный расчёт Ксантиппа оправдался. Слоны прорвались к римской пехоте и связывали её боем, пока карфагенская конница не разгромила малочисленных всадников Регула и не вышла легионерам в тыл. Не исключено, что в этой атаке и последующем окружении также участвовала часть слонов, если, согласно Зонаре, именно они разбили римскую конницу (Zon. 8. 13).

Разгром был полным – большую часть тех, кто сумел пробиться через линию слонов вперёд, перехватила карфагенская фаланга; слоны и всадники уничтожали бегущих, сам Регул попал в плен. Уцелели только те римляне (возможно, один легион [26, p. 150]), которые, уходя из-под удара слонов, отделились от основных сил, атаковали ту часть карфагенских наёмников, которую Ксантипп поставил на своём правим фланге (Polyb. I. 33. 7) и опрокинули их. Ксантипп пытался остановить бегство, будучи верхом (и этим развенчивая ещё один стереотип о «настоящих спартиатах») и спешившись только потом (Diod. XXIII. 14). Карфагенское войско потеряло около 800 наёмников (Polyb. I. 34. 9) – причём вовсе не обязательно греков, если Ксантипп, по некоторым данным, мог прибыть в Спарту в одиночестве. В этой связи претензия Ф. Сабина к тому, что Ксантипп «имел проблемы с контролем за своими собственными наёмниками» [24, p. 175], видится безосновательной. Армия Регула погибла почти вся, исключая 2 000 сумевших спастись и 500 пленных.

Согласно Полибию, целых два года после Тунета «в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься в равнину» (I. 39. 12. Пер. Ф. Г. Мищенко). Однако это стало единственным вкладом спартанского военачальника в ход войны – мы не знаем, что именно затем произошло между ним и его нанимателями, но карфагенскую службу он вскоре оставил и отплыл назад в Грецию. При этом, согласно Диодору и Аппиану, неблагодарные карфагеняне задумали его убить на обратном пути, утопив его корабль (Diod. XXIII. 16; App. Lib. 4); Полибий об этом не сообщает, лишь давая понять, что зависть к его победе и популярности заставила Ксантиппа вернуться на родину (I. 36. 2–4). В пользу того, что его отъезд всё же окончился благополучно, может говорить деталь, которую приводит Силий Италик: сыновья Ксантиппа, Эвмах и Критий, якобы затем служили в армии Ганнибала и погибли в битве при Тицине (Sil. It. IV. 370ff.). Сомнительно, что они согласились бы на это, если бы винили карфагенян в гибели отца.

Любопытно, что в отечественной историографии можно встретить полярные оценки военных дарований Ксантиппа. Т. В. Блаватская явно склонна их преувеличивать, на основании лишь одной известной битвы называя его «одним из крупнейших спартанских полководцев III в.» [2, с. 43]. Напротив, К. А. Ревяко их преуменьшает, полемично заявляя, что Ксантипп «сыграл некоторую роль в победе карфагенян, но его тактические приемы не были главной причиной победы» [10, с. 91].

Битва при Тунете стала самым крупным успехом слонового корпуса Карфагена, на счету которого впоследствии было куда больше поражений, чем побед. Это позволяет усомниться в том, что пунийцы хорошо усвоили преподанный им урок; всего через несколько лет после Тунета, в сражении при Панорме (250 г.), слоны были брошены на штурм римских укреплений, обращены в бегство стрелами и дротиками и смешали собственные войска. Хотя из рассказа Полибия не вполне ясно, была ли причина в прямом приказе карфагенского командующего Гасдрубала или в его неспособности руководить боем и пресечь самовольство погонщиков (I. 40. 11–13), в любом случае ответственность лежит именно на нём. Бесперспективность подобной практики стала очевидной ещё в войнах диадохов и эпигонов (атака Критополя в 321 г., атака Мегалополя в 318 г., атака Аргоса Пирром в 272 г., стоившая ему жизни), и Ксантипп явно об этом знал – но с карфагенянами его уже не было.

А.В. Гурьев в своей статье называет Ксантиппа реформатором в том плане, что он отошёл от оборонительной тактики карфагенян и убедил их руководство в необходимости активных действий [3]. Но его тактика при Тунете делает его новатором и среди эллинистических полководцев – в первую очередь в применении элефантерии (массированная лобовая атака пехоты). Сохранившие данные о последующем использовании слонов (прежде всего Ганнибалом в вышеупомянутой битве при Заме и Антиохом III при Магнесии (190 г.), где, впрочем, он слонов непосредственно в атаку и не отправил) демонстрируют, что и здесь пример Ксантиппа оказался единственным в своём роде.

С другой стороны, сражение при Тунете стоит считать ярким примером тактической схемы «бой в центре – победа на флангах – окружение», причём слоны были использованы нетривиально – не для победы на флангах (как Антиох III пробовал поступить при Рафии в 217 г.), а для боя в центре (или, если принимать версию Зонары, *преимущественно* для этого). В этом плане Ксантиппа можно поставить в ряд учителей главного героя Пунических войн – Ганнибала, блестяще применившего эту тактику в знаменитой битве при Каннах [21, s. 7; 19, p. 50–51].

Правда, здесь Ганнибалу пришлось обойтись без слонов, которых к тому времени у него почти не осталось – в начале их было около 40 (Polyb. III. 14. 5), но после битвы при Треббии (218 г.) осталось всего 7 (Liv. XXI. 58. 11, предположительно большая часть животных погибла от холода и бескормицы).

Тем не менее, в 1-й Пунической войне опыт Ксантиппа оказался невостребован. Власти Карфагена не смогли грамотно воспользоваться отсрочкой, которую предоставил им разгром Регула, и развить этот успех – оставшийся сугубо тактическим. Победа при Тунете лишь отодвинула финал войны, но повлиять на него или вовсе изменить оказалась не в состоянии.

Литература

1. Арманди П. Д. Военная история слонов. СПб.: Нестор-История, 2011. 384 с.
2. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. 324 с.
3. Гурьев А. В. Военная реформа Ксантиппа // Para bellum. 2001. №12. С. 91–102.
4. Дарвин А. Л. Усиление монархических тенденций в Спарте в период правления Арея I (309 – 265 гг. до н.э.) // Античное государство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 89–94.
5. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1: Античный мир. М.: Наука, 1999. 414 с.
6. Дройзен И. Г. История эллинизма. М.: Типолитография В. Ф. Рихтер, 1893. Т. 3. 626 с.
7. Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 521 с.
8. Козак А. И. Ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς: к вопросу о социальном происхождении Ксантиппа Лакедемонянина // Laurea I. Античный мир и Средние века. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. С. 80–83.
9. Маринович Л. П. Греческое наёмничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 274 с.
10. Ревяко К. А. Пунические войны. Минск: Изд-во «Университетское», 1988. 272 с.
11. Bagnall R. S. The Ptolemaic Trierarchs // Chronique d'Égypte. 1971. No. 46. P. 356–362
12. Bardunias P. M. Mercenary rescues Carthage. The battle of the Bagradas river // Ancient Warfare. 2009. Vol. III. No. 1. P. 29–35.
13. Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. München: Verlag C. H. Beck, 1944. Bd. 2. 404 s.
14. Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. München: Verlag C. H. Beck, 1952. Bd. 3. 290 s.
15. Bradford A. F. A Prosopography of Lacedaemonians from the death of Alexander the Great, 323 BC to the sack of Sparta by Alaric, AD 396. München: Verlag C. H. Beck, 1977. 500 p.
16. Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge: University Press, 1935. 340 p.
17. Hauben H. Triérarques et triérarchie dans la marine des Ptolémées // Ancient Society. 1990. No. 21. P. 119–139.
18. Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea: Wargames Research Group, 1982. 192 p.
19. Hoyos D. Mastering the West: Rome and Carthage at War. Oxford: University Press, 2015. 337 p.
20. Kistler J. M. War Elephants. Westport, CT: Praeger Publishers, 2006. 333 p.
21. Kromayer J., Veith G. Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte. Römische Abteilung 1: Älteste Zeit und Punische Kriege bis Cannae. Leipzig: H. Wagner & E. Debes, 1922. 30 s.
22. Lazenby J. F. The First Punic War: A Military History. Stanford: University Press, 1996. 205 p.
23. Lazenby J. F. The Spartan Army. Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 2012. 239 p.
24. Sabin Ph. Lost Battles: Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World. L.: Hambledon Continuum, 2007. 298 p.
25. Schaefer H. Xanthippos 9 // RE. Bd. IXA. Hbd 18. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1967. Col. 1348–1351.
26. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 1974. 288 p.
27. Sekunda N. The Army of Pyrrhus of Epirus. Oxford: Osprey Publishing, 2019. 48 p.
28. Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1957. 776 p.
29. Walthall D. A. Becoming Kings: Spartan Basileia in the Hellenistic Period // The Splendors and Miseries of Ruling Alone. Encounters with Monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 123–159.

References

1. Blavatskaya T. V. Iz istorii grecheskoi intelligetntsii ellinistocheskogo vremeni *(History of the Hellenistic Greek Intelligentsia)*. Moscow: Nauka, 1983. 324 p. (In Russian).
2. Guryev A. V. Voennaya reforma Xantippa *(Xanthippus' Military Reform)* // Para bellum. 2001. No. 12. P. 91–102. (In Russian).
3. Darvin A. L. Usilenie monarhicheskih tendentsii v Sparte v period pravleniya Areya I *(King Areus I and Spartan Basileia, 309–265 BC)* // Antichnoye Gosudarstvo. St. Petersburg: University Press, 2002. P.89 – 94. (In Russian).
4. Delbrück H. Istoria voennogo iskusstva v ramkah politicheskoi istorii. T. 1: Antichnyi Mir *(History of the Art of War. Vol. 1: The Ancient World)*. Moscow: Nauka, 1999. 414 p. (In Russian).
5. Droyzen I. G. Istoria ellinizma *(History of Hellenism)*. Moscow: V.F. Rikhter publ., 1893. Vol. 3. 626 p. (In Russian).
6. Kazarov S. S. Istoria tsarya Pirra Epirskogo *(History of Pyrrhus of Epirus)*. St. Petersburg: University Press, 2009. 521 p. (In Russian).
7. Kozak A. I. Ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς: k vorposu o socialnom proishozhdenii Ksantippa Lakedemonyanina *(Xanthippus of Lacedemon's Ancestry)* // Laurea I. Kharkov: OOO «HTMT», 2015. P.80 – 83. (In Russian).
8. Marinovich L. P. Grecheskoe naemnichesnvo IV v. do n.e. i krisis polica *(IV Century BC: The Greek Mercenaries and the Crisis of Greek Polis)*. Moscow: Nauka, 1975. 274 p. (In Russian).
9. Revyako K. A. Punicheskie voinyi *(The Punic Wars)*. Minsk: Universitetskoe, 1988. 272 p. (In Russian).
10. Bagnall R. S. The Ptolemaic Trierarchs // Chronique d'Égypte. 1971. No. 46. P. 356–362
11. Bardunias P. M. Mercenary rescues Carthage. The battle of the Bagradas river // Ancient Warfare. 2009. Vol. III. No. 1. P. 29–35.
12. Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. München: Verlag C. H. Beck, 1944. Bd. 2. 404 s.
13. Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. München: Verlag C. H. Beck, 1952. Bd. 3. 290 s.
14. Bradford A. F. A Prosopography of Lacedaemonians from the death of Alexander the Great, 323 BC to the sack of Sparta by Alaric, AD 396. München: Verlag C. H. Beck, 1977. 500 p.
15. Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge: University Press, 1935. 340 p.
16. Hauben H. Triérarques et triérarchie dans la marine des Ptolémées // Ancient Society. 1990. No. 21. P. 119–139.
17. Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea: Wargames Research Group, 1982. 192 p.
18. Hoyos D. Mastering the West: Rome and Carthage at War. Oxford: University Press, 2015. 337 p.

19. Kistler J. M. War Elephants. Westport, CT: Praeger Publishers, 2006. 333 p.
20. Kromayer J., Veith G. Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte. Römische Abteilung 1: Älteste Zeit und Punische Kriege bis Cannae. Leipzig: H. Wagner & E. Debes, 1922. 30 s.
21. Lazenby J. F. The First Punic War: A Military History. Stanford: University Press, 1996. 205 p.
22. Lazenby J. F. The Spartan Army. Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 2012. 239 p.
23. Sabin Ph. Lost Battles: Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World. L.: Hambledon Continuum, 2007. 298 p.
24. Schaefer H. Xanthippos 9 // RE. Bd. IXA. Hbd 18. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1967. Col. 1348–1351.
25. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 1974. 288 p.
26. Sekunda N. The Army of Pyrrhus of Epirus. Oxford: Osprey Publishing, 2019. 48 p.
27. Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1957. 776 p.
28. Walthall D. A. Becoming Kings: Spartan Basileia in the Hellenistic Period // The Splendors and Miseries of Ruling Alone. Encounters with Monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 123–159.

Информация об авторе

Абакумов Аркадий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль) / arc79@yandex.ru

Information about the author

Abakumov Arkady – PhD in History, Associate Professor, Chair of World History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl) / arc79@yandex.ru

УДК 94(470.6)084.3

К. Р. Амбарцумян

ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БРИТАНСКОЙ МИССИИ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ (1919–1920 гг.)[1]

В статье актуализируется проблема взаимодействия английской миссии, руководства Добровольческой армии и горского правительства в 1919–1920 гг. На основе опубликованных источников и архивных документов автором продемонстрировано расхождение между пониманием ситуации в регионе на уровнях Лондона, мирной конференции в Париже и той политикой, которую в регионе проводили участники английской миссии и руководство Добровольческой армии. Впервые северокавказский регион и история Горской республики помещаются в широкий контекст международных отношений, в рамках которого выявляются различные представления о судьбе региона у британских властей, руководства Добровольческой армии, представителей горского правительства. Исходя из этих представлений осуществлялась реальная политика.

Новизной исследования стало изучение ситуации на Северном Кавказе с позиции геополитических интересов Лондона, который видел в нем продолжение своей ближневосточной политики. Если рассматривать ситуацию в пределах сугубо Большого Кавказа, то в большей степени интерес проявлялся именно к Южному Кавказу, северная часть региона играла вспомогательную роль. Были выявлены общие и особенные черты в позициях руководства Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Русского политического совещания (РПС). РПС рассматривало Большой Кавказ как единую и неотъемлемую часть России. С. Д. Сазонов, бывший имперский министр иностранных дел, не видел шансов на успех в получении независимости кавказскими республиками. А. И. Деникину приходилось действовать в конкретных условиях и реальных обстоятельствах, и такой военной активности на Южном Кавказе, как на Северном, он себе в тот момент позволить не мог.

Для англичан, прибывших на Кавказ, Горская республика не была приоритетной задачей, вопрос ее признания их мало занимал. Миссия была военной и политикой заниматься приходилось по необходимости, первоначально такой задачи не ставилось.

Ключевые слова: Горская республика, Добровольческая армия, британская миссия на Кавказе, актор международных отношений.

Karine Ambartsumyan

THE MOUNTAIN REPUBLIC IN CONCEPTIONS OF THE BRITISH MISSION AND THE VOLUNTARY ARMY (1919–1920)

The article actualizes the problem of interaction between the British mission, the Volunteer Army and the government of the Mountain Republic in 1919–1920. Using published and archival sources the author reveals discrepancy between the aims of London in the Caucasus, the standpoint stated at the peace conference in Paris, and the policy of the British mission and the leadership of the Volunteer Army in the North Caucasus. For the first time, the North Caucasian region and the Mountain Republic are considered in the context of international relations that reveals different ideas about the future of the region on the part of the British authorities, the leadership of the Volunteer Army, and the representatives of the mountain government. Based on these ideas, a real policy was implemented.

The novelty of the study is in the view of the situation in the North Caucasus from geopolitical interests of London, which saw in it the extension of its Middle East policy. If we consider the situation within only the Greater Caucasus, we will notice that greater interest was shown precisely in the South Caucasus; the northern part played an auxiliary role. Common and specific features were identified in the positions of the leadership of the Armed Forces of the Southern Russia and the Russian Political Council. The Russian Political Council viewed the Greater Caucasus as part of a united and integral Russia. Sergei Sazonov, the former imperial foreign minister, saw no chance of success in gaining independence for the Caucasian republics.

A. I. Denikin had to act in specific circumstances and at that moment, he could not afford such military activity in the South Caucasus, as in the North Caucasus. For the British mission in Caucasus, the Mountain Republic was not a priority, the issue of its recognition was of little interest to them. The mission was military and they were involved in politics out of necessity, initially such a task was not set.

Key words: the Mountain Republic, the Volunteer Army, the British mission in the Caucasus, an actor of international relations.

Помещение Северного Кавказа в контекст международных отношений и мировой политики после Первой мировой войны требует разрешения проблемы акторности, так как в условиях революции 1917 г. и гражданской войны в России решить судьбу региона наряду с державами попытались негосударственные участники. Акторами международных отношений в политических исследованиях считаются субъекты, активно формирующие политические процессы на международном уровне [9]. В теории международных отношений понимание актора зависит от используемого подхода. Представители реализма считают субъектами международных отношений государства, более поздние теории расширяют их круг. Так, Дж. Най и Р. Кохэйн, представители неолиберализма, включили в список акторов международных отношений негосударственных участников. При изучении истории международных отношений на региональном уровне возникает проблема оценки эффективности и степени влияния негосударственных участников.

Целью данного исследования является включение северокавказского региона в контекст международных отношений с учетом акторности горского

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

правительства, Добровольческой армии и британской миссии. Последняя дополняла своей региональной политикой межгосударственное взаимодействие, осуществляемое Великобританией на уровне мирной конференции в Париже. Что касается горского правительства, то его можно рассматривать как субъект международных отношений, выступающий от имени непризнанного государства, которое не могло самостоятельно действовать в силу той же непризнанности и внутренней слабости. Однако, выступая с инициативой создания собственного государства представители северокавказских горцев формировали определенную региональную повестку. Добровольческая армия, как и все белое движение представлялось на уровне мирной конференции Русским политическим совещанием (РПС). Безусловно, не стоит переоценивать степень влияния РПС на мировую политику послевоенного периода. Однако, только А. И. Деникин и участники РПС до того, пока большевики не стали включаться международные отношения активно, пытались сохранить территорию бывшей Российской империи от полного политического распада.

Российские исследователи в своих работах обращаются к действиям Добровольческой армии на Северном Кавказе, и в этом контексте показывают трудности взаимодействия с британской администрацией, которая использовала белое движение как антибольшевистскую силу и никак не помогла налаживанию отношений А. И. Деникина с местными кавказскими элитами [см., например: 8; 10; 13]. Такая политика может характеризоваться как балансирование между двумя полярно ориентированными структурами, так как для А. И. Деникина идея неделимости России была генеральной установкой, и он отрицал возможность нациестроительства в пределах постимперской северокавказской окраины.

В декабре 1917 г. в Париже была заключена англо-французская конвенция о разделе России на зоны влияния. Северный Кавказ согласно документу, отошел англичанам. В начале декабря 1918 г. в Сухум и Поти прибыли английские войска. Повышенный интерес к нефти стал фактором скорейшего занятия ими Баку, только после этого подошла очередь Северного Кавказа. Горское правительство А. Чермоева было воспринято с большим недоверием, английским представителям понадобилось время, чтобы понять какие обстоятельства связывают северокавказские народы и Турцию, и почему ранее горское правительство обратилось к османской стороне.

Прежде всего англичане стремились выдворить все турецкие силы из пределов Большого Кавказа. Затем ставилась задача сформировать коалиционное правительство горцев и казаков. 15 декабря 1918 г. А. Чермоев был отправлен в отставку и Союзный Совет Республики Горцев собрал новый кабинет во главе с бывшим министром внутренних дел П. Коцевым [20, л. 6–8], который возглавил делегацию, направленную в Баку конце 1918 г. с целью обратиться за помощью к генералу У. Томсону[1], а именно с просьбой о поддержке в борьбе с большевиками и в деле достижении государственной независимости [19, л. 5].

Англичанами была сформирована военная миссия из 10 человек во главе с полковником Г. Роуландсоном, которая в декабре 1918 г. прибыла в Темир-Хан-Шуру. Нахождение их здесь было недолгим, всего два месяца, по истечении которых они вернулись в Баку. Более продолжительное время, до прибытия Добровольческой армии, оставался небольшой военный отряд. Вопрос о признании независимости новообразованной республики британские представители разрешать не планировали и перекладывали всю ответственность на мирную конференцию в Париже, соответственно требовать этого не могли и от командования Добровольческой армии. В целом, у действовавших на Кавказе британских представителей не было четких инструкций, и как показали события действовать им приходилось ситуативно.

В этот период, в конце 1918 г., А. И. Деникин не мог сосредоточится на кавказских делах и отстал от англичан по времени в прибытии на Северный Кавказ, так как в затруднительном положении оказалось войско Донское. Произошло это в связи с тем, что после поражения Германии в Первой мировой войне и в свете событий ноябрьской революции 1918 г. немецкие части вынуждены были отступить с территории области. А. И. Деникин ставил задачу сосредоточить управление в одних руках, по этому вопросу велись переговоры с атаманами А.П. Богаевским и П. Н. Красновым [7]. Донская армия была на краю гибели и проблема ее присоединения к Добровольческой армии занимала А. И. Деникина в тот момент больше, нежели провозглашенная независимость кавказских республик. 26 декабря 1918 г. согласно приказу №1, подписанному А. И. Деникиным, состоялось объединение командования Всевеликого войска Донского и Кубанского [7]. В свете этих событий, внимание лидера белого движения пока не фокусировалось на Северном Кавказе, как он пишет в своих воспоминаниях об этих днях: «Вместе с тем с ноября месяца я непрестанно напоминал союзникам о необходимости скорейшего направления вооруженных сил прежде всего на Дон, где помощь эта имела бы колоссальное значение для морального подъема, уставшего духом казачества» [7]. При этом Северный Кавказ стратегически, на перспективу, мыслился как территория важная, ставилась задача его окончательного освобождения вплоть до Кавказского хребта, затем «овладение западным берегом Каспийского моря и низовьев Волги, что давало возможность войти в связь с англичанами у Энзели и с уральцами у Гурьева и отрезать Советскую Россию от бакинской и грозненской нефти» [7].

В декабре 1918 г. Г. Роуландсон провел смотр казачьих частей в Чир-Юрте, во время которого обещал помочь в борьбе против большевиков. Итак, англичане вошли в Порт-Петровск[2]. Интересно описание флота, прибывшего сюда: 2 канонерки и торговые пароходы, обшитые броней и оснащенные пушками [19, л. 5]. Учитывая статус Великобритании в тот период и возможности ее флота, можно сделать вывод о том, что и большевики не расценивались как

[1] Речь идет об Уильяме Монтгомери Томсоне (1877–1963), который до перевода на Кавказ командовал северо-персидской группой британских войск.

[2] Ныне Махачкала.

серьезный противник, да и Северный Кавказ имел не самое большого значения в английской геополитике. Гораздо больший интерес англичане проявляли к южнокавказским делам.

Для того, чтобы более точно определить какое место отводили Северному Кавказу британские представители необходимо обратиться к свидетельствам непосредственных участников событий. Если смотреть с позиции Лондона, то У. Черчилль, занимавший в этом период пост министра авиации и военного министра, подчеркивал, что у Великобритании на Северном Кавказе нет никакого специального интереса [33]. Данное мнение было опубликовано в прессе, поэтому представляется собой смягченный вариант позиции английского политика. В меморандуме военного министерства Великобритании, изданного осенью 1919 г. дается скептическая оценка Союза горцев, как государственного образования. Главным образом, ставится под сомнение возможность формирования здесь эффективной центральной администрации, в том числе по причине многообразия населяющих территорию народов. Большие сомнения у составителей меморандума вызывает претензия Союза горцев на включение в свой состав территории всего Северного Кавказа. Ни делегация от Союза горцев в Константинополе, ни само правительство не рассматривались как власть, способная представить весь северокавказский регион [30]. Здесь речь идет об уровне высокой политики, для которой весь Кавказ, и Южный, и Северный, вписывался в ближневосточное направление.

В 1921 г., уже после включения Кавказа в зону влияния РСФСР, в британских газете «The Times» вышло послание генерала Дж. Мильна[1], в котором он давал краткий отчет о работе миссии [26]. В нем были перечислены следующие главные цели британской политики в регионе:

1. Обеспечить выполнение условий перемирия со стороны Турции[2].

2. Организация коммуникации между Батумом и Баку, налаживание работы нефтепровода.

3. Поддержание закона и порядка в Закавказье [26].

Обращает внимание на себя тот факт, что для Дж. Мильна, находящегося в Константинополе, политика проводимая здесь должна была быть в русле реализации этих трех главных задач. Северный Кавказ, особенно Дагестан, включался в ближневосточный контекст британской политики. Оккупация Порт-Петровска им объяснялась как мера для защиты Королевского военно-морского флота, действовавшего в Каспии, а впоследствии использовавшего эту гавань в качестве вспомогательной базы [32]. Контроль над Каспием с берега Дагестана был необходим для поддержки миссии У. Маллесона, располагавшейся на территории Туркестана (Закаспийская область). Снабжение он получал с юга через Герат[3] от генерала У. Маршалла[4] из Месопотамии. Проблема в том, что подкрепление можно было доставить только по дороге Багдан – Хамадан – Энзели [34], поэтому занятие Петровска создавало альтернативу этому каналу снабжения. Усиление англичан на Каспии обуславливалось также наступлением большевиков, занявших Астрахань, в которой был создан Военный флот Астраханского края. Качество этого флота оставляло желать лучшего, однако полностью сбрасывать со счетов эту угрозу было нельзя. В качестве дополнительной задачи ставилось предотвращение военных действий между войсками Добровольческой армии и Горской республики [32].

Важно подчеркнуть еще на одну деталь в действиях англичан на Северном Кавказе. Дагестан брался под контроль в связи с необходимостью вывода с Кавказа турецких войск, что соответствовало одной из задач, обозначенных Дж. Мильном. Он понимал то, что Турция могла опираться в региональной политике не только на Азербайджан, но и на Дагестан [32]. Английское командование стремилось полностью исключить Кавказ из зоны турецкого влияния. Опасения относительно связей горского правительства и Турции были не беспочвенны. Падение османского правительства и статус проигравшей державы грозил Турции утратой контроля над прежними сферами влияния, были потеряны владения на Востоке, поэтому можно было ожидать турецкой активности на Кавказе в связи со слабостью России. Интерес к Северному Кавказу проявлял Мустафа Кемаль, который всячески подчеркивал стремление к союзу с большевиками. При этом в 1920 г. он направил сюда разведчика Мустафу Бутбая с целью налаживания связей с горцами. Кемалисты не оставляли планов создания мусульманского государства на Северном Кавказе, которое стало бы буфером между Турцией и Россией [2, с. 6–7].

Как выше говорилось, до прибытия Добровольческой армии англичане уже были на Северном Кавказе. Будучи союзниками, британцы готовили почву для прибытия белых и сами занимали более выгодную позицию одновременно. Вступление А. И. Деникина с армией, безусловно, представителями горского правительства расценивалось негативно. С одной стороны, его личность ассоциировалась с недавним имперским прошлым, и было очевидно, что это осложнит создание независимого горского государства. С другой стороны, в условиях натянутых отношений между горским правительством и казачьими представителями, присутствие Добровольческой армии создавало перевес в пользу последних [25, л. 46].

В своем отчете о военно-политической ситуации на Северном Кавказе дипломатический представитель горского правительства А. Чермоев английскому генералу Дж. Мильну в Константинополе в феврале 1919 г. писал прямо о своих опасениях по этому поводу. На англичан возлагались большие надежды в деле отстаивания интересов горцев перед казачеством. Так, одной из первых мер Г. Роуландсона стал роспуск «правительства Терских казаков и крестьян» (Казачье-Крестьянского правительства Терской области). Речь идет скорее об

[1] Джордж Мильн (1866–1948), в описываемый период возглавлял британские войска на Балканах и на Черном море.

[2] Речь идет о перемирии, подписанном в Мудросе между Турцией и союзниками.

[3] Город на северо-западе Афганистана.

[4] Уильям Маршалл (1865–1939), командующий британскими войсками в Месопотамии, принимал капитуляцию британской армии в Мосуле в октябре 1918 г. в связи с подписанием перемирия в Мудросе.

остатках правительства, председателем которого в 1918 г. был Георгий Бичерахов, брат известного военного деятеля Лазаря Бичерахова. Осенью 1918 г. в связи с военными успехами большевиков, часть казаков под командованием генерала И. Колесникова и Г. Бичерахова сумела прорваться в Порт-Петровск и присоединиться к войскам Л. Бичерахова. Роспуск был номинальным, так как фактически правительство к этому моменту распалось, и значительная часть казаков уже успела присоединиться к Добровольческой армии.

20 января 1919 г. полковник Г. Роуландсон принял участие в работе заседания парламента Горской республики. Он убеждал лидеров Горского правительства в безопасности и благожелательности намерений А. И. Деникина. Вопрос о признании независимости государства был замят снова под предлогом его решения мирной конференцией в Париже. Англичане официально обратились к представителям Горской республики с просьбой принять Добровольческую армию и не портить с ней отношения [8]. Даже без опоры на свидетельства делегатов республики северокавказских горцев, пытавшихся добраться до Парижа и отстоять там свою независимость, очевидно, что мирную конференцию менее всего занимала судьба далекой горского государства. В британской «The Times» мы читаем одно из мнений, выражаемых в Европе по этому вопросу: «Париж вряд ли серьезно прислушается к претензиям Северокавказской республики, приманки для просто для европейских настроений эта затея имеет очарование кавказского ирредентизма» [31].

Сотрудники британской миссии, которые были присланы на Кавказ видели внутреннюю связь южной и северной частей региона, и сталкивались с реальностью, о которой в Лондоне имели обобщенное представление. В феврале 1919 г. в Екатеринодар был откомандирован генерал Ч. Бриггс[1], он возглавил Британскую Военную Миссию на Юге России. Обязанностью Ч. Бриггса было передавать А. И. Деникину инструкции от Дж. Мильна. В целом, миссия должна была сообщать в Константинополь об обстановке на Юге России, о нуждах ВСЮР, контролировать распределение получаемой помощи и начать обучение русских по использованию английского оружия. При этом данная структура не имела какой-то реальной в политических вопросах силы, что было причиной постоянной путаницы и опозданий в принятии решений. Пока указание доходило из Лондона через Константинополь, ситуация в России или на Кавказе менялась, и оно деактуализировалось [29]. Согласно свидетельству А. С. Лукомского, Ч. Бриггс сообщил А. И. Деникину, что Великобритания не планирует надолго оставлять свои войска и выразил надежду на поддержку со стороны ВСЮР общей политики союзников по отношению к новообразованным государствам. Обращение было ультимативным, Ч. Бриггс передал недовольство назначением генерала В. П. Ляхова губернатором Терско-Дагестанского края, так как от Добровольческой армии требовалось только ввести войска для борьбы с большевиками, не вмешиваясь при этом в политические вопросы [11].

Между А. И. Деникиным и Ч. Бриггсом сложились хорошие отношения, на что указывает следующее обстоятельство. При всей напряженности отношений между английскими представителями и руководством ВСЮР, Ч. Бригс дал А. И. Деникину положительную характеристику, с которой У. Черчилль ознакомил Палату общин парламента Великобритании: «Я специально изучил Деникина, это было моей задачей, и я могу с уверенностью сказать, что он широко мыслящий, сильный, здравомыслящий и решительный человек, который всем сердцем верит в Россию. Он бедный человек, но финансовая выгода его не интересует. Он не имеет личных амбиций и не жаждет власти. Он настоящий патриот…» [28]. В своем письме Ч. Бриггс категорически возражал против именования А. И. Деникина «авантюристом», полагая что эта характеристика скорее применима к большевикам – В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому [28]. Особенности межличностного восприятия добровольческого и английского руководства также следует учитывать, когда тот же Ч.Бриггс принимал сторону Добровольческой армии.

Англичане наметили линию, за которую Добровольческая армия не должна была заступать. Как только англичане заняли Батум, Тифлис и Баку руководство Добровольческой армии получило уведомление от английской военной миссии, о разграничительной линии – «Кизил-Бурун[2] (на берегу Каспийского моря, между Дербентом и Баку) – Закаталы и далее по главному Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море» [11, с. 94]. Такое разделение не устраивало А. И. Деникина, так как оставляло Сочинский округ за Грузией, поэтому в этой части инструкция была нарушена стразу же – 24 января – 6 февраля 1919 г. Добровольческая армия заняла Сочи. В этом вопросе Ч. Бриггс не поддержал Грузию, встав на сторону А. И. Деникина. Распространять влияние на Дагестан и Баку Добровольческая армия права не имела, что было требованием генерала Томсона. Однако, уже 16 февраля 1919 г. П. Н. Шатилов, командующий частями Добровольческой армии на Кавказе, потребовал полного подчинения горских народов Северного Кавказа и Дагестана [8, с. 34].

В конце февраля 1919 г. Добровольческая армия начала наступление против большевиков, после упорных боев в районе Минеральных Вод, затем Владикавказа, Грозного и Кизляра, Северный Кавказ был очищен [5, л. 171]. 24 апреля 1919 г. от командующий британскими войсками в Петровске уведомил П. Коцева, что А. И. Деникин больше наступать не будет, а генерала В. П. Ляхова, назначенного главнокомандующим войсками Терско-Дагестанского края, сместят. В ответ правительство Горской республики должно было разрешить Добровольческой армии пользоваться Петровском для укрепления Гурьева[3]. Здесь же находился генерал М. А. Пржевальский, который со своим отрядом эвакуировался из Баку и вошел в состав Добрармии в начале 1919 г. [24, л. 95] Армия А. И. Деникина, сражаясь с остатками большевистских отрядов, дошла до Петровска. 21 мая

[1] Бриггс Чарльз Джеймс (1865–1941), в 1919 г. возглавлял британскую миссию при ВСЮР.

[2] Пункт на территории Азербайджана.

[3] Ныне Атырау, город в Казахстане, находится на берегу р.Урал близко к ее впадению в Каспийское море.

1919 г. части Добровольческой армии вступили в Петровск, затем заняли Дербент.

Оставить Дагестан в ведении англичан и горского правительства А. И. Деникин не мог, так как через Каспийское море можно было связаться с уральским фронтом и Закаспийской областью, а также противодействовать большевикам в Астрахани. В этой связи А. И. Деникин обратился к Ч. Бриггсу с протестом относительно предложенной делимитации территории. На Баку претендовать не стал, так как это осложнило бы отношения с азербайджанским правительством [11, с.102–103]. Но Горская республика, «стоявшая поперек дороги к Каспию» [1, л. 18] создавала препятствия для борьбы с большевиками, поэтому добровольцы продвигались, невзирая на протесты англичан.

По мере продвижения деникинской армии положение горского правительства ухудшалось. Среди его участников не было единства, население отказывалось им подчиняться. Лишившись поддержки Турции, северокавказские лидеры необходимой помощи от англичан не получили. Британские миссии в Тифлисе, в Батуме, в Баку атаковались просьбами. Горское правительство требовало защиты в соответствии с программой американского президента В. Вильсона о самоопределении. Озадаченные сложностью кавказских взаимоотношений, английские генералы в своих ответах подчеркивали, что они военные, а не политики. По их инструкции линия от Сочи по Кавказскому хребту до Петровска – это северная граница их ведения. Занятие Сочи Добровольческой армией, противоречило этим планам, однако, отступление от первоначальных инструкций стало нормой, и английское командование по мере погружения в дела на месте, все меньше настаивало на ее выполнении [5, л. 170]. Заняв Петровск, Добровольческая армия завершила цикл операций, с этого момента на всем протяжении от Черного до Каспийского моря, соприкасалась в районе английской оккупации.

Правительство Союза горцев отправляло протесты генералу У. Томсону, которые фактических последствий не имели. Республики Южного Кавказа были встревожены стремительным приближением Добровольческой Армии, поэтому со своей стороны тоже пытались воздействовать на англичан и посылали своих представителей к У. Томсону в Баку с требованием обязать А. И. Деникина освободить занятую территорию. У англичан в этих пределах были и собственные интересы – в районе между Петровском и Дербентом еще до войны работали английский нефтяные компании, такие как Нобель, Мак Гарвей. Дагестанский революционер А. Тахо-Годи полагал, что английская дипломатия при определении зоны влияния могла находиться под влиянием частных нефтяных компаний [17, с. 123].

Ожидания горского правительства от англичан, которые А. Чермоев в феврале 1919 г. представил в отчете, составленном для генерала Дж. Милна суммировано можно представить следующим образом:

1. помочь правительству Северного Кавказа в формировании национальных полков, в том числе в виде английских, арабских и индусских инструкторов и специалистов;

2. приезд арабских агитаторов, которые разъяснили бы населению, что Антанта не нанесет урона исламской вере не Северном Кавказе. Таким образом, А.Чермоев обратил внимание на недоверие к англичанам со стороны населения;

3. разъяснить населению, что англичане способствуют созданию свободного арабского государства, пояснить где находится это государство и каковы его границы;

4. назначить в Грозный торгового агента для защиты британских интересов;

5. в соответствии с пожеланиями генерала У. Томсона сформировать коалиционное правительство горцев и казаков, в котором казакам отводилось три министерских поста: государственного контроля, труда и юстиции. Таким способом казаки были бы представлены, что формально соответствовала требованиям англичан, но незначительность должностей не позволяла бы им оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику;

6. узурпированную А. И. Деникиным гражданскую власть передать северокавказскому правительству, военную – оставить Г. Роулandсону [25, л. 49].

Предложения А. Чермоева в условиях того времени были нереализуемы, так как запрашиваемая помощь и ожидаемые со стороны английских представителей решения выходили за пределы тех полномочий и возможностей, которыми их наделил Лондон.

По требованию командования Добровольческой армии был распущен Союзный совет (Парламент) Горской республики, 24 июня 1919 г. власть в Дагестане перешла представителя Добровольческой армии – временного правителя М. Халилова[1]. В июне 1919 г. он обратился с воззванием к горским народам, которое было опубликовано в газете «Вестник Дагестана». Согласно ему, Добровольческая армия брала под свое начало вопрос о войне и мире, железную дорогу, почту и телеграф, таможенное ведомство. Дагестану давалось право ввести «желательный всему народу шариат». М. Халилов постарался заверить население, что Добровольческая армия не имеет цели возрождения монархии и главная её задача борьба с большевизмом [4]. В Чечне должность правителя был назначен Э. Алиев[2], Ингушетии – С. Мальсагов[3], в Осетии – Я. Хабаев[4], в Кабарду – Н. Бекович-Черкасский[5]. Таким образом, назначая своих наместников из представителей местных народов, деникинское руководство пыталось наладить управление Северным Кавказом, но все они были офицерами царской армии, получили образование и сделали карьеру в Российской империи, поэтому в социальном и профессиональном отношении они были близки и понятны для командования Добровольческой армии.

Члены парламента и правительства Горской республики вынуждены были эмигрировать в Тифлис, и уже оттуда, обращаясь за помощью к англий-

[1] Халилов Микаил Магомедович (1869–1935) – временный правитель Дагестана с мая 1919 по август 1919.

[2] Алиев Эрисхан Султан Гирей (1855–1920)

[3] Мальсагов Сафарбек Таусултанович (1968–1944).

[4] Хабаев Яков Васильевич (1910–1941).

[5] Бекович-Черкасский Николай Федорович (1870–1953).

ской миссии, они пытались бороться за восстановление контроля над утраченной территорией. С этой целью был создан «Союзный Меджлис» (Парламент Горской Республики в эмиграции). В него входили А. Цаликов, Г. Бамматов, А. Капланов, П. Коцев, А. Эфендиев и др. Главными задачами Меджлиса было, во-первых, установление внешних связей, способствующих антибелогвардейской борьбе, во-вторых, консолидация повстанческих движений горцев Кавказа [3, с. 10]. Печатным органом организации стала газета «Вольный горец», издаваемая в Тифлисе с сентября 1919 г.

В августе 1919 г. Меджлис обратился к горцам Северного Кавказа с воззванием. Суммарно декларируемые задачи можно представить следующим образом:

1. воссоздание Горской республики;

2. изгнание Добровольческой армии с горской территории;

3. достижение международного признания независимой республики горских народов [15, с. 220–221].

Помимо англичан, члены Меджлиса рассчитывали на грузинское и азербайджанское руководство. В ответ те высказывали поддержку горцам и их государственности, выступали с дипломатическими протестами перед союзниками и требовали установить нейтральную зону между Дагестаном и Добровольческой армией. Однако, сами представители горского правительства и Меджлиса понимали малоэффективность этих мер. Со временем стали усиливаться ожидания реальных шагов: «Не на словах, а на деле хочет увидеть горская масса поддержку закавказских республик» [16].

Возможности англичан и закавказских соседей, переоценивались. Английская миссия могла принимать отдельные решения, соответствующие конкретным обстоятельствам и пытаться оказывать давления на кавказские правительства или А. И. Деникина. Например, как это было в ситуации с Сочинским округом. Однако, в широком региональном контексте вступить в активное противоборство с белогвардейцами ради спасения Горской республики они не могли, это противоречило политике Лондона. Кроме того, с точки зрения международного положения эти государства не были признаны и без решения мирной конференции было нецелесообразно окончательно принимать сторону какой-либо кавказской республики. Выступая на очередном заседании Палаты общин в марте 1920 г. У. Черчилль докладывал об следующих обязанностях британской военной миссии при ВСЮР:

1. информировать военное министерство о состоянии дел;

2. контролировать распределение поставляемой помощи и оказывать техническую поддержку по использованию английского вооружения [27].

Британские солдаты и офицеры не должны были участвовать в военных сражениях [27]. Само состояние британского военного контингента имело проблемы. Свидетельства очевидцев говорят о том, что англичане не планировали ведения войны и войска были далеки от состояния боевой готовности. Например, будучи представителем РСФСР в Персии И. И. Коломийцев в мае 1919 г. в своем донесении в Москву ситуацию представил таким образом: «Взаимные отношения между англичанами и индусами (последних в армии около 80%) очень скверное: все черные работы исполняются ими, англичане на привилегированном положении. Офицерский состав преимущественно английский. Сами англичане крайне деморализованы. Наблюдалось много случаев продажи казенных вещей англичанами. Были случаи продажи оружия» [21, л. 1].

На Парижской мирной конференции вопрос о кавказских республиках был частью «русского вопроса». В отношении всего Кавказа представителям держав-победительниц было трудно определиться. Делегатам от кавказских республик заявлялось, что вопрос о признании его независимости Кавказа был бы проще, если бы Версальская конференция имела дело не с целым рядом кавказских республик, претендующих на обладание государственным суверенитетом, а рассматривала бы проблему самостоятельности объединенного кавказского государства. Шансы на признание за целым Кавказом государственной независимости со стороны конференции были выше, чем согласие ее на самостоятельное существование нескольких кавказских республик. Достичь договоренного делегации не смогли по данному вопросу, равно как и по проблеме пребывания на Кавказе английский войск. Представители Южного Кавказа настаивали на пребывании союзнических войск в регионе, пока мирная конференция не примет решения о признании независимости их трех республик. Горская делегация не подписала составленное по этому вопросу ходатайство, пояснив тем, что что на Северном Кавказе союзнических войск практически нет. Кроме того, для северокавказских представителей позиция англичан была индифферентной, они фактически так и остались над схваткой, поэтому деникинцы с легкостью заняли территорию Горской республики [14].

В условиях системного кризиса, гражданской войны в России и послевоенного урегулирования в мире, для Северного и Южного Кавказа, действительно, объединение позволило бы противостоять А. И. Деникину, отстаивающему идею единой и неделимой России, и также более убедительно и весомо выглядеть для международного сообщества. В силу целого ряда внутренних конфликтов и противоречий по обе стороны Кавказского хребта консолидация не была возможной. Представители горского правительства и Меджлиса тщетно искали поддержку у грузинского и азербайджанского правительств. В октябре 1919 г. в Тифлисе уже начинали тяготится их присутствием [23, л. 4]. А. Мкер[1], представитель северокавказской диаспоры в Турции, будучи в Париже и наблюдая отношения всех кавказских делегаций, призывал горских лидеров быть осторожными в отношении «южных соседей». В том, что объединение не случилось, он винил южнокавказских лидеров:

[1] Мкер Азиз был членом «Комитета независимости Кавказа», который еще в ходе Первой мировой войны пытался найти поддержку в Европе в деле освобождения Кавказа.

«Уже два года как мы протягиваем им руку приглашая их в Кавказскую Конфедерацию, которая будет в будущем охранять нас всех. Уже два года они относятся с пренебрежением к нашей руке» [23, л. 6].

С позиции РПС Северный Кавказ вообще не существовал как самостоятельная единица и объект борьбы в международных отношениях. Входивший совещание, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов, расценивал Кавказ как единый, не выделяя северную и южную его части. От имени А. И. Деникина он заявил английским и французским представителям протест против концессий на Кавказе и говорил о непризнании новых государственных образований, правительства которых дают согласие на эти концессии [12, с. 210]. В этом было расхождение, если А. И. Деникину приходилось в новых условиях ориентироваться и дифференцированно подходить к закавказским и Горской республикам, то С. Д. Сазонов мог по инерции расценивать их как часть России, не вдаваясь в детали и особенности нового положения региона. За попытками отделения и образования собственных государств бывшему министру виделись происки союзников, а до них – немцев. В беседах с азербайджанским делегатом А. Топчибашевым, С. Д. Сазонов ни разу не упомянул Северный Кавказ и о перспективах Азербайджана, Армении и Грузии говорил с большим скепсисом, полагая что на конференцию их не допустят [18]. Надо отметить, что эти встречи состоялись в начале 1919 г., когда Северный Кавказ еще не был занят деникинской армией, соответственно еще до установления контроля на этой территории С.Д. Сазонов не видел угрозы отделения её от России.

Летом 1919 г. Дагестан и Чечня были охвачены восстанием. Морально грузинское и азербайджанское правительства поддерживали горцев, материально оказать помощь они были не в состоянии, так как сами нуждались в таковой. Англичанин Г. Роуландсон принял сторону добровольческой командования и призвал восставших к покорности и порядку. За действиями восставших он видел происки большевиков, поэтому право подавления он смело передавал генералу А. И. Деникину. По части будущего Северного Кавказа позиция Г. Роуландсона к сентябрю 1919 г., когда он обращался с воззванием к горцам, расходилась с официальным мнение вышестоящего начальства. Упомянув значимость решения мирной конференции, он все же открыто поддержал идею неделимой России [17, с. 123–125]. Как выше говорилось, англичане старались избегать военного вмешательства, поэтому ни помогать Добрармии, ни поддерживать восставших они не стали. К осени 1919 г. Добровольческая армия была истощена борьбой на других фронтах и не смогла противостоять наступлению 11-й Красной Армии, которая установила советскую власть на Северном Кавказе.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что если Лондон не выделял Северный Кавказ в самостоятельное геополитическое пространство, то на месте представителям Добрармии и британской военной миссии приходилось ранжировать различные части Большого Кавказа по степени их значимости. Для английской стороны, Северный Кавказ имел второстепенное значение в сравнении с Южным, в этой связи они не оказали сильного сопротивления занятию его деникинскими силами. Более активно англичане отстаивали Южный Кавказ, так как там были ресурсы, главным образом, нефть, и он был более значим в контексте их ближневосточной политики. Со временем стало очевидно, что мирная конференция затягивает с разрешением вопроса о статусе всех кавказских республик, большевики одерживают победы и теснят Добрармию, а английское правительство тратит средства на содержание военного контингента на Кавказе. Все в комплексе привело к отказу от военного присутствия и уходу войск.

Источники и литература

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54837.
2. Бутбай М. Воспоминания о Кавказе / пер. З.М. Буниятовой. Махачкала: Наш Дагестан, 1993. 67 с.
3. Введение // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Издание второе, исправленное и дополненное. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2013. 290 с.
4. Воззвание // Вестник Дагестана. 1919. 15 июня.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.5881. Оп.1. Д.467.
6. ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.467.
7. Деникин А. И. Очерки русской смуты URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_08.html (Дата обращения: 21.08.2020).
8. Доного Х. М. Добровольческая армия и Горская Республика в английской политике на Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Том 32. Вып. 2. С.33–38.
9. Лебедева М. М. Акторы в международных отношениях и мировой политике URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/ (Дата обращения: 20.07.2020).
10. Лобанов В. Б. Добровольческая армия на Северном Кавказе, ноябрь 1917 – май 1919 гг.: периодизация // Вестник СПбГУКИ. 2014. №3 (20). С.183–186.
11. Лукомский А. С. Деникин и Антанта // Алексеев С. А. Деникин-Юденич-Врангель (мемуары). М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С.90-113.
12. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. 688 с.
13. Морозова О. М. Британское присутствие на Кавказе в 1918–1919 гг. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 111–120.
14. На Версальской конференции // Вольный горец. 1919. 6 октября.
15. Обращение горской интеллигенции к горцам Северного Кавказа о создании союзного меджлиса (парламента) горской республики в эмиграции // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Издание второе, исправленное и дополненное. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2013. 290 с. С. 220–221.
16. От слов к делу! // Вольный горец. 1919. 13 октября.

17. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское государственно издательство, 1927. 239 с.
18. У бывшего министра иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонова (беседа вторая) // Дипломатические беседы А. А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку: Эргюн, 1994. С.77–82.
19. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Оп.3. Д.105.
20. ЦГА РД. Ф.8. Оп.3. Д.239.
21. ЦГА РД. Ф.8-р. Оп.6. Д.21.
22. ЦГА РД. Ф.Р – 627. Оп.1. Д. 6.
23. ЦГА РД. Ф.Р – 627. Оп.1. Д.1.
24. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф.Р.2. Оп.1. Д.57.
25. ЦГА РСО-А. Ф.Р.9. Оп.1. Д.12.
26. British in the Caucasus // The Times. 1921. January 8.
27. British military mission (General Denikin) // Hansard Parliamentary Debate. March 1920. Vol. 126. C. 221–223. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/02/british-military-mission-general-denikin (Accessed: 02.08.2020).
28. Further vote on account // Hansard Parliamentary Debate. November 1919. Vol. 120. C.1535–1645. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1919/nov/05/further-vote-on-account (Accessed: 02.08.2020).
29. Kopisto L. The British intervention in South Russia, 1918–1920 URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/26041/thebriti.pdf?sequence=1 (Accessed: 23.08.2020).
30. Memorandum on the Republics of “North Caucasus” and “Azerbaijan”, and Enver Pasha’s policy there // Azerbaijan Democratic Republic. Great Britain’s Archive document. Baku: Institute of History of ANAS, 2008. 576 p.
31. North Caucasus Rivalries // The Times. 1919. June 5.
32. The following, Despatch has been.1 received, by the Secretary of State for War from General Sir G. F. Milne, G.C.M.G., K.C.B., D.S.O., Commanding in Chief, the Army of the Blade Sea // Forth Supplement to The London Gazette. 1921. January 7.
33. The Northern Caucasus // The Times. 1919. March 7.
34. Turkish atrocities put down // The Times. 1919. January 10.

References

1. Archive of foreign politics of Russian Federation. F. 04. Inv. 51. Folder 321. D. 54837. (In Russian).
2. Butbay M. Vospominaniya o Kavkaze *(Memories of the Caucasus)* / per. Z.M. Buniyatov. Makhachkala: Nash Dagestan publ., 1993. 67 p. (In Russian).
3. Vvedenie *(Introduction)* // Soyuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.) i Gorskaya Respublika (1918–1920 gg.). Dokumenty i materialy. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Makhachkala: ALEF publ., 2013. 290 p. (In Russian).
4. Vozzvanie *(proclamation)* // Vestnik Dagestana. 1919. June 15. (In Russian).
5. State archive of Russian Federation (GARF). F.5881. Inv.1. D.467. (In Russian).
6. GARF. F.5881. Inv.1. D.467. (In Russian).
7. Denikin A. I. Ocherki russkoy smuty *(Essays on the Russian Troubles)* URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_08.html (Accessed: 21.08.2020). (In Russian).
8. Donogo Kh. M. Dobrovol'cheskaya armiya i Gorskaya Respublika v angliyskoy politike na Kavkaze *(The Volunteer Army and the Mountain Republic in English Politics in the Caucasus)* // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2017. Vol. 32. Issue. 2. S.33 – 38. (In Russian).
9. Lebedeva M.M. Aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i mirovoy politike *(Actors in international relations and world politics)* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/ (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).
10. Lobanov V. B. Dobrovol'cheskaya armiya na Severnom Kavkaze, noyabr' 1917 – may 1919 gg.: periodizatsiya *(Volunteer army in the North Caucasus, November 1917 – May 1919: periodization)* // Vestnik SPbGUKI. 2014. No.3 (20). P.183–186. (In Russian).
11. Lukomskiy A. S. Denikin i Antanta *(Denikin and the Entente)* // Alekseev S.A. Denikin-Yudenich-Vrangel' (memuary). Moscow, Leningrad: State publishing office of social and economic literature publ., 1931. P.90–113. (In Russian).
12. Mikhaylovskiy G. N. Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 *(Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920).* In 2 books. Book. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ., 1993. 688 p. (In Russian).
13. Morozova O. M. Britanskoe prisutstvie na Kavkaze v 1918–1919 gg. *(British presence in the Caucasus in 1918–1919)* // Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sbornik nauchnykh statey po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem / executive editor A.N. Eremeeva. Krasnodar: Ekoinvest publ., 2015. P. 111–120. (In Russian).
14. Na Versal'skoy konferentsii *(At the Versailles Conference)* // Vol'nyy gorets. 1919. October 6. (In Russian).
15. Obrashchenie gorskoy intelligentsii k gortsam Severnogo Kavkaza o sozdanii soyuznogo medzhlisa (parlamenta) gorskoy respubliki v emigratsii *(Highland intellectuals appeal to the mountaineers of the North Caucasus for creation the Union Majlis (Parliament) of the Mountain Republic in exile)* // Soyuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917 – 1918 gg.) i Gorskaya Respublika (1918–1920 gg.). Dokumenty i materialy. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov), 2013. 290 s. P.220–221. (In Russian).
16. Ot slov k delu! *(From words to deeds!)* // Vol'nyy gorets. 1919. October 13. (In Russian).
17. Takho-Godi A. Revolyutsiya i kontr-revolyutsiya v *Dagestane (Revolution and counter-revolution in Dagestan)*. Makhachkala: Dagestanskoe gosudarstvenno izdatel'stvo, 1927. 239 p. (In Russian).
18. U byvshego ministra inostrannykh del Rossiyskoy imperii S.D. Sazonova (beseda vtoraya) *(Former Minister of Foreign Affairs of the Russian Empire S. D. Sazonova (second conversation)* // Diplomaticheskie besedy A. A. Topchibasheva v Stambule (zapisi chrezvychaynogo poslannika i polnomochnogo ministra Azerbaydzhanskoy Respubliki). 1918–1919 gg. Baku: Ergyun, 1994. P.77–82. (In Russian).
19. Central state archive of Republic Dagestan (TsGA RD). Inv.3. D.105. (In Russian).
20. TsGA RD. F.8. Inv.6. D.21. (In Russian).
22. TsGA RD. F.R – 627. Inv.1. D. 6. (In Russian).
23. TsGA RD. F.R – 627. Inv.1. D.1. (In Russian).
24. Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Ala (TsGA RSO-A). F.R.2. Inv.1. D.57. (In Russian).
25. TsGA RSO-A. F.R.9. Inv.1. D.12. (In Russian).
35. British in the Caucasus // The Times. 1921. January 8

36. British military mission (General Denikin) // Hansard Parliamentary Debate. March 1920. Vol. 126. C.221–223. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/02/british-military-mission-general-denikin (Accessed: 02.08.2020).
37. Further vote on account // Hansard Parliamentary Debate. November 1919. Vol. 120. C.1535–1645. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1919/nov/05/further-vote-on-account (Accessed: 02.08.2020).
38. Kopisto L. The British intervention in South Russia, 1918–1920 URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/26041/thebriti.pdf?sequence=1 (Accessed: 23.08.2020).
39. Memorandum on the Republics of “North Caucasus” and “Azerbaijan”, and Enver Pasha’s policy there // Azerbaijan Democratic Republic. Great Britain’s Archive document. Baku: Institute of History of ANAS, 2008. 576 p.
40. North Caucasus Rivalries // The Times. 1919. June 5.
41. The following, Despatch has been.1 received, by the Secretary of State for War from General Sir G. F. Milne, G.C.M.G., K.C.B., D.S.O., Commanding in Chief, the Army of the Blade Sea // Forth Supplement to The London Gazette. 1921. January 7.
42. The Northern Caucasus // The Times. 1919. March 7.
43. Turkish atrocities put down // The Times. 1919. January 10.

Информация об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

УДК-94(8)

В. Е. Баглай

ИСПАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ТАРАСКОВ МИЧОАКАНА В ИСТОРИИ МЕКСИКИ (СЕРЕДИНА XVI в.)

В статье анализируется история завоевания испанцами индейцев тарасков Мичоакана, территория которых располагалась у западных границ сильнейшего в древней Мексике государства ацтеков. В работе отмечается, что тараски вплоть до прихода испанских завоевателей упорно сопротивлялись ацтекам и находились с ними в состоянии вражды. Автор отмечает некоторые особенности покорения испанцами этой части доколониальной Мексики. В то время как история завоевания ацтеков известна упорным сопротивлением конкистадорам, подчинение тарасков прошло относительно мирно. Этому способствовало отсутствие согласия среди аборигенов в борьбе с завоевателями: тараски не согласились пойти на создание военного союза с ацтеками, заподозрив их в коварстве. В статье подчеркивается, что политика и практика устрашения со стороны Э.Кортеса и его окружения также оказали свое влияние. Последний доиспанский правитель тарасков Тангахоан после некоторых колебаний признал власть испанского короля и в 1525 г. принял крещение. Тем не менее, Тангахоан был казнен (сожжен на костре) 14 февраля 1530 г., не сумев выполнить очередное требование официального королевского чиновника и завоевателя Н. де Гусмана, касающееся дани.

В статье в основных чертах отмечается специфика политики испанских завоевателей по отношению к тараскам. Как мирно признавшие власть конкистадоров, правители Мичоакана почти на полвека сохранили свои права. Только с 1565 г., когда умер младший сын Тагахоана и последний правитель тарасков Антонио Уициментари, начинается собственно колониальный период истории Мичоакана. Автором подчеркивается важность использования системы общинных структур тарасков в организации испанцами местного управления, покоренными индейцев. Тараски принимали участие в военных походах испанцев, подавлении восстаний. Потомки их древней элиты занимали командные должности в организации сбора дани, рабочих отрядов для реализации первых строительных проектов колонизаторов. В статье коротко отмечаются особенности христианизации тарасков, связанные с личностью епископа В. де Кирога (умер в 1565 г.), пытавшегося в Мичоакане воплотить идеи Т.Мора и глубоко почитаемого тарасками вплоть до наших дней как «отца народа».

Ключевые слова: Мексика, Мичоакан, индейцы тараски, испанское завоевание, христианизация, система раннеколониалной власти в провинции.

Valentina Baglay

THE SPANISH CONQUEST OF THE TARASCANS OF MICHOACAN IN THE HISTORY OF MEXICO (MID – 16th CENTURY)

The article analyzes the history of the Spanish conquest of the Tarascan Indians of Michoacan, whose territory was located near the Western borders of the strongest Aztec state in ancient Mexico. The work notes that until the arrival of the Spanish conquerors the Tarascans stubbornly resisted the Aztecs and were in a state of hostility with them. The author notes some features of the Spanish conquest of this part of pre-colonial Mexico. While the history of the Aztec conquest is known for persistent resistance to the conquistadors, the submission of the Tarascans was relatively peaceful. This was facilitated by the lack of agreement among the natives in the fight against the conquerors: the Tarascans did not agree to create a military Alliance with the Aztecs, suspecting them of treachery. The article emphasizes that the policy and practice of intimidation by H. Cortez and his entourage also had an impact. The last pre-Hispanic Tarascan ruler, Tangahoan, after some hesitation, recognized the authority of the Spanish king and was baptized in 1525. However, Tangahoan was executed (burned at the stake) on February 14, 1530, after failing to fulfill another demand of the official Royal official and conqueror N. de Guzman regarding the tribute.

The article highlights the specifics of the policy of the Spanish conquerors in relation to the Tarascans. As the conquistadors peacefully recognized their authority, the rulers of Michoacan retained their rights for almost half a century. Only since 1565, when he died the younger son Tangahoan and the last ruler of the Tarascan Antonio Huitzimengari begins the colonial history of Michoacan. The author emphasizes the importance of using the system of community structures of the Tarascans in the organization of local government by the Spaniards of the conquered Indians. The Tarascans took part in the military campaigns of the Spaniards, the suppression of uprisings. The descendants of their ancient elite held command positions in the organization of tribute collection, working groups for the implementation of the first construction projects of the colonizers. The article briefly notes the features of the Tarascan Christianization associated with the personality of Bishop V. de Quiroga (died 1565), who tried to embody the ideas of Th. More in Michoacan and is deeply revered by the Tarascans up to the present day as the "father of the people".

Key words: Mexico, Michoacan, Tarascan Indians, Spanish conquest, christianization, early colonial power system in the province.

Когда речь заходит о завоевании Мексики, основное внимание обычно уделяется событиям, связанным с ацтеками, оказавшими сопротивление испанским войскам Э. Кортеса. Но среди индейцев были те, которые пошли на сотрудничество с завоевателями, хотя и не всегда добровольно. В их числе был народ тарасков [8].

Тараски – коренной народ современной западно-мексиканской провинции Мичоакан. В доиспанский период они создали общество, которое составило серьезную конкуренцию мощному древнему государству ацтеков. По крайней мере, они успешно ему противостояли, сохранив независимость вплоть до прихода испанских завоевателей. О тарасках доиспанского периода сведения крайне скудные. Основной источник пополнения знаний их культуры и истории дает археология. Это также записанные в раннеколониальный период предания и устная история, отраженные в работах раннеколониальных авторов – христианских миссионеров[1]. Согласно их

[1] В середине XVI в. был записан латиницей памятник доиспанской мифологии, религии, идеологии и истории тарасков, известный как «Хроники Мичоакана» («Сообщения из Мичоакана») Он дополнен индейскими рисунками,

данным тарасками управляли сначала вожди (легендарные, полулегендарные), а затем вполне исторические персонажи, правители. Тарасканское общество прошло путь от эпохи господства традиционных структур, через вождество к появлению элементов раннего государства (с зачатками социальной стратификации как считают некоторые авторы). Одним из признанных административных центров в последний период их истории был г. Тцинтцунтцан, сохранивший свое доиспанское название и в наши дни.

Э. Кортес, как известно, только со второй попытки захватил столицу ацтеков г. Теночтитлан-Мехико. Но прежде, чем это случилось, ацтеки направили к своим врагам тараскам посольство с предложением объединить военные усилия для борьбы с испанцами. Тараски в лице правившего в то время Суангуа отклонили его, заподозрив подвох, хитрый военный ход со стороны ацтеков. Около 1520 г. Суангуа умер, заразившись неведомой прежде в этих местах оспой. Вместе с тем Суангуа осознавал надвигающуюся опасность и уже после завоевания раннеколониальные источники сообщали о неких таинственных знаках будущих событий (в виде предзнаменований), сохранившихся в легендах, кстати, общих у ацтеков, тарасков.

Ему наследовал сын по имени Тангахоан II (известный по источникам также под именем Тцинтцича**)**. Новый правитель был храбрым воином, отличился в одной из битв против ацтеков, за что получил прозвище «Человек с крепкими зубами», «Зубастый» (вариант перевода: «Тот, кто стоит, как крепость») [3, v. 2, p. 5–7; 7, p. 45].

Однако Тангахоан был лишен того, что можно назвать мудрость. Не в пример своему покойному отцу Суангуа, умершему с ощущением надвигающейся катастрофы, гибели государства тарасков, он направил свои усилия не на попытки ее предотвращения, а на борьбу со своими внутренними врагами и соперниками[1].

Между тем от ацтеков пришло новое посольство с просьбой о помощи. Тангахоан, в отличие от своего отца, недооценил трагизм ситуации и отказался выслушать посланцев. Более того, он отдал приказ принести их в жертву богам. Вместе с этим жертвоприношением погибла последняя надежда на то, что объединенными силами индейцы если не предотвратят, то, по крайней мере, отсрочат захват Мексики испанцами. Словом, призыв ацтеков к объединению, союзу в борьбе с пришельцами, остался не услышанным [9, p. 11; 12].

Тем временем со второй попытки в августе 1521 г. испанцы захватили столицу ацтеков г. Теночтитлане-Мехико, открыв путь к дальнейшему покорению их территории.

Соседи ацтеков, среди них и тараски, к гибели ацтекского государства отнеслись если не с удовлетворением, то с безразличием [9, p. 12; 10]. И в то время, как ацтекское государство агонизировало, их западный сосед и противник, тараски, возглавляемые Тангахоаном, чувствовали себя в безопасности, которая оказалась обманчивой и, увы, недолгой.

В феврале 1521 г. испанские солдаты, отправленные на поиски продовольствия, подошли к восточным пределам Мичоакана и оказались у приграничного г. Тлашималойан (Тахимароа). Тараски, никогда прежде не видевшие европейцев, потрясенные к тому же видом неведомого животного (лошади), обошлись с ними в высшей степени дружелюбно.

Между тем, до испанцев дошли сведения о плодородных, богатых золотом и серебром землях, расположенных на запад от ацтекских владений. Э. Кортес, заинтригованный этим, послал военный отряд в сопровождении двадцати индейцев-союзников обследовать район. Они также должны были информировать местных жителей об испанском короле, как их новом господине, христианской религии; следовало также убедить тарасков в том, что христианский бог разрушил ацтеков, поскольку он сильнее их богов и потому, что они плохо встретили испанцев.

Посланцы Э. Кортеса были хорошо приняты в приграничном Тлашималойане. В сопровождении индейцев они направились в столицу, город г. Тцинтцунтцан, где их также встретили радушно, оставив, впрочем, охрану для контроля.

Дальше – типичная история столкновения, противостояния двух миров и мировоззрений – конкистадоров и индейцев. В течение нескольких недель, раздираемый противоречивыми чувствами страха и жажды расправы, властолюбивый, но недальновидный Тангахоан мучился проблемой – отпустить испанцев или принести их в жертву богам, как это он в свое время сделал в отношении ацтекских посланников. В окружении Тангахоана нашлись благоразумные люди, которые убедили его, в том, что причинить вред пришельцам – это большая ошибка. В результате, испанцы, нагруженные подарками, были отпущены в Теночтитлан-Мехико, а Тангахоан остался с надеждой, что угроза предотвращена.

Но уже через несколько месяцев, в июле 1522 г. К. де Олид с двумя сотнями испанцев вторгся в Мичоакан и занял приграничный г. Тлашималойан, ранее радушно принявший испанцев [10].

Тангахоан начал готовиться к войне, собрал войско и послал к испанцам разведчика. Впрочем, будучи ими захвачен, индеец перешел на сторону испанцев, принял христианство получив при этом новое имя – дон Педро. Теперь уже испанцы отправили его в качестве посланника к тараскам. Дон Педро стал убеждать соплеменников в бессмысленности сопротивления в свойственной индейцам манере (и характеру письменных источников того времени): испанцы, якобы, «большие колдуны» и их бог сильнее. Он передал требование Э. Кортеса, чтобы Тангахоан прибыл в место, называемое Куангасео, и принес с собой кроме продуктов также золото.

Тангахоан, сильно напуганный таким развитием событий, несмотря на уверения в мирных пла-

представляющими особый интерес [4; 5]. Другой важный источник с таким же традиционным названием связан с именем миссионера П. Бомона (Бомонта) [3].

[1] Так, опасаясь, что два его младших брата имеют планы отнять у него власть, Тангахоан казнил их, обвинив в любовной интриге со своими женами. Был в этом кровавом деле и подстрекатель, по одной версии просто некий знатный человек, по другой, один из его братьев (по имени Тимас или Тимаге) [7, p. 49; 10].

нах испанцев, укрылся в горах вместе со своим окружением и принадлежащими ему ценностями. Те, кто остался в Тцинтцунтцане, спешно принесли многочисленные человеческие жертвы. Они надеялись, что их языческие боги в обмен на такие жертвоприношения предотвратят, отведут беду – нападение испанцев.

Когда испанцы, возглавляемые К. де Олидом, вошли в Тцинтцунтцан, тараски сообщили, что их правитель Тангахоан, якобы, утонул. Тогда испанцы приказали, чтобы жители собрали все имеющиеся у них в городе ценности и отправили Э. Кортесу под присмотром уже проверенного и верного дона Педро.

Между тем Тангахоан осознал бессмысленность своих попыток избежать встречи с испанцами. Он вернулся в город, а затем вместе с испанцами отправился к Э. Кортесу, где и предстал перед ним в позе смирения – в скромных одеждах, показывая тем самым, что он признает власть пришельцев, как более сильных [6, p. 190–191; 10].

Э. Кортес принял его с сердечностью, на какую был способен, не забыв, однако, напомнить о неизбежной и мучительной смерти всякого, кто осмелится его предать, обмануть или поднять восстание.

Согласно сведениям, которые сообщал в своем сочинении францисканец П. Бомон, Тангахоан и его люди пировали вместе с испанцами, и им очень понравилось европейское вино. Под воздействием напитка и искусных лжедружеских речей, правитель тарасков перешел на позиции лояльности по отношению к испанцам. Впрочем, он возвратился в Мичоакан фактически лишь как номинальный вождь тарасков, что, однако, едва ли осознавал [3, v. 2, p. 5–7; 7, p. 49; 13]. Тангахоан принял крещение под именем Франсиско. С ним вместе в Мичоакан пришли и первые францисканцы, монахи-миссионеры, среди которых был и М. де Хесус, предполагаемый автор записи основного источника по устной истории тарасков доиспанского периода – «Хроники Мичоакана» («Сообщения из Мичоакана») [4; 5].

В 1524 г. Тангохоан, находясь в Мехико, принял крещение под именем Франсиско. Он же попросил прислать католических священников в Мичоакан. В 1525 г. шесть францисканских миссионеров прибыли в Тцинтцунцан. В следующем году они построили большой францисканский монастырь. Они разрушили большую часть языческих храмов и храмовых платформ тарасков, используя добытые камни для своих собственных зданий. Позже, в 1533 г. в Мичоакан прибудут миссионеры-августинцы [12].

Известно, что первые годы испанского завоевания сопровождались вольницей, чудовищным насилием и зверствами. Опасаясь, что это приведет к опустошению покоренных территорий, в метрополии создали так называемую, Первую аудиенцию (руководящий комитет). Ее целью было заменить правление Э. Кортеса в Мексике и утверждение власти Короны. 13 ноября 1528 года испанский адвокат Н. де Гусман был назначен испанским королем Карлосом V главой этого органа.

Однако Н. де Гусман оказался не лучше Э. Кортеса, и, в конце концов, стало очевидно, «закон и порядок», на который рассчитывали власти, не заменили беззаконие. Получив власть, Н. де Гусман продолжил продавать индейцев в рабство, грабил их храмы в поисках сокровищ, требовал от местных вождей все больше дани. Н. де Гусман был жесток и по отношению к своим соотечественникам-испанцам, отбирая энкомьенды (землевладения), которыми Э. Кортес ранее их наградил**.**

Назначенный в Мексику епископ францисканец Х. де Сумаррага почти сразу вступил в конфликт с Н. де Гусманом. Он инициировал судебное разбирательство для рассмотрения жалоб индейцев на несправедливость и жестокость испанцев. К 1529 г. Н. де Гусман был отлучен от церкви за свое неповиновение церкви и жестокое обращение с индейским населением.

Через два года, 14 февраля 1530 г., после того, как Тангахоан не смог предоставить испанцам очередную партию золота, он был убит по приказу Н. де Гусмана. Как отмечал один из исследователей, смерть Тагахоана, последнего доиспанского правителя тарасков, означала гибель самой культуры и традиции, с их богами, мифами, мировоззрением и искусством [9, p. 12].

Между тем, предвидя утрату своего положения, Н. де Гусман отправился в Мичоакан в конце 1529 г. В сопровождении 350 испанских всадников и пехотинцев, а также нескольких сот индейских воинов, Н. де Гусман прибыл в Мичоакан, где Тангахоан формально сохранял власть. Реализуя свои древние права, Тангахоан собирал дань со своих территорий. Н. де Гусман потребовал от Тангохоана выдать ему все имеющееся у него золото. Однако правитель не смог собрать достаточное количество драгоценностей и 14 февраля 1530 г. после чудовищных пыток, Тангахоана сожгли на костре. Жестокость Н. де Гусмана ошеломила и ужаснула тарасков, которые до этого изо всех сил старались приспособиться к испанцам. Многие из них либо погибли в этот момент, либо, опасаясь за свою жизнь, бежали в горы. Войска Н. де Гусмана в очередной раз разграбили храмы, дома, опустошили поля [12].

Н. де Гусман объявил себя «королем тарасканской империи» и стал готовиться к грабительским походам в соседние регионы. Для этого он призвал несколько сот воинов-тарасков в свою армию. Весть о вопиющих зверствах Н. де Гусмана разнеслась по всей округе и достигла церковных властей в Мехико. Пока Н. де Гусман занимался военными приготовлениями, епископы Б. де лас Касас и Ф. де Сумаррага инициировали дело против него. В конце концов, Н. де Гусман был арестован и отправлен в Испанию для совершения суда над ним [12].

Жестокость Н. де Гусмана разрушила отношения между испанцами и тарасками и если бы не усилия одного человека, его христианские, гуманистические идеалы и просто здравый смысл, которых он придерживался, то, возможно, тараски не пережили бы этой катастрофы. Этим человеком был дон В. де Кирога. Испанский аристократ, родившийся в Галисии, В. де Кирога получил юридическое образование, но сыграл важную роль в христианизации народа тарасков. Ему было уже 60 лет, когда в январе 1531 г. он прибыл в Мексику. В 1538 г. В. де Кирога был официально рукоположен епископом Ф. Сумаррагой в Мехико.

Оказавшись в Мичоакане, В. де Кирога очень быстро пришел к выводу, что христианизация тарасков зависит от сохранения их языка и понимания их

мировоззрения. Чтобы привлечь индейцев, заставить их спуститься из своих горных убежищ и «услышать Слово Божье», В. де Кирога пошел даже на необычный для христианского миссионера шаг – устроил танцевальное представление с элементами язычества под названием «Лос Торитос»[1].

В. де Кирога всей своей деятельностью пытался воплотить в Мичоакане идеи европейских гуманистов и мыслителей, опирающихся на утопию Томаса Мора. Как миссионер, В. де Кирога поспособствовал введению неведомой прежде системы здравоохранения. Больницы или больничные пункты были здесь не только местами помощи больным, сиротам и нищим, но своего рода моделью общества будущего. Они были одновременно религиозной организацией местных жителей, члены которой оказывали друг другу помощь [11]. Руководимые монахами, индейские общины стали практиковать самоуправление. При такой системе монахам-августинцам и францисканцам было легче обучать основным идеям христианства, а также ценностям испанской культуры [12].

Усилия В. де Кироги, направленные на повышение уровня жизни тарасков, увенчались некоторым успехом. Работа на полях, скотоводческих ранчо выполнялась общинниками поочередно, поэтому оставалось свободное время, как для духовного обучения, так и овладения некоторыми практическими навыками (например, европейским ремеслам). Мичоаканские общины стали специализироваться в определенных ремеслах. Со временем сформировался обмен, торговля между ними и другими регионами, приобретая, что способствовало организации межэтнических связей.

Несмотря на утопичность идеи построить рай в Мичоакане, благодаря усилиям В. де Кироги в колониальные годы она занимала важное место в художественном, экономическом и социальном развитии Мексики. Сам священник должен был взять на себя «пастырскую роль защитника, духовного отца, судьи и исповедального врачевателя» тарасков [12]. Со временем В. де Кирога преуспеет в том, чтобы внедриться в умы и сердца тарасков и получить значительное по смыслу почетное имя «Отец Васко», благодетель и защитник индейцев. Он относился к индейцам с «просвещенным состраданием», память о котором тараски хранят до сих пор**.** В. де Кирога умер 20 марта 1565 г. в тарасканском г. Пацкуаро [12].

Параллельно христианизации, в Мичоакане проходили политические процессы, а также продолжались военные действия с участием тарасков на стороне испанцев. Наследником казненного испанцами Тангахоана был объявлен его двоюродный брат Педро Куиниарангари. Кстати, один из информаторов сообщал, что изображение Тангахоана как трусливо укрывшегося от испанцев, принадлежит, якобы, именно Педро Куиниарангари, который тем самым стремился узаконить свои права на власть правителя тарасков. Впрочем, по другой версии, он стал наследником по причине малолетства сыновей казненного Тангахоана [10].

Сразу после испанского завоевания в 1522 г. с учетом общественных исторических обстоятельств завоеватели начали процесс инкорпорирования тарасков в новое колониальное общество, определение судьбы их традиционных институтов, формирование институтов самоуправления с опорой на местные традиции, но с учетом испанского законодательства [11].

В роли союзников испанцев, тараски с самого начала принимали очень активное участие в их военных походах. Так, еще в 1522–1525 гг. их присутствие заметно в завоеваниях территории современного штата Колима, в усмирении восстаний индейцев в регионе Пануко, а также в составе военной экспедиции Х. де Олида на территорию современного Гондурасе. В 1530 г. тараски сопровождали Н. де Гусман в его завоевании Западной Мексики, а также далеко на севере, на территории штата Синалоа**.**

Между 1539–1565 гг. сыновья Тангахоана, последние законные правители Мичоакана Франсиско Тариакури и Антонио Уициментари также были активно вовлечены в завоевания неподконтрольных индейских территорий в направлении севера Мексики. Франсиско Тариакури помогал вице-королю А. де Мендосе усмирять восставших [11]. Его брат и преемник Антонио Уициментари в 1551–1553 гг. со своим индейским войском численностью более тысячи человек, принимал участие в войне с индейцами-чичимеками (она продолжалась до конца XVI в.). Антонио Уициментари способствовал укреплению власти испанцев в районе современных штатов Сакатекас и Гуанахуато. Кроме того, тараски участвовали в защите и поддержке безопасности переселенцев на территорию этих земель.

Активная позиция поддержки испанцев тарасками объяснялась тем, что их элита получила определенные привилегии по сравнению с другими индейцами Мексики. Так, это собственно право наследников Тангахоана на сохранение главенства над тарасками, пусть и в усеченном виде и под контролем испанцев. Кроме того, местная индейская элита получала должности в управлении городами и поселениями в Мичоакане[2]. Испанцы доверяли знати тарасков право вербовки солдат, организации рабочих отрядов для направления их на различные испанские строительные проекты, работе на вновь открытых богатых золотых и серебряных рудниках, сбор и доставка дани [10; 11]. Их деятельность не ограничивалась территорией Мичоакана, но распространялась на другие индейские народы. Тараски активно участвовали, помогали в процессе христианизации аборигенов центральной и северной части Мексики, которым занимались францисканские и августинские монахи [11, p. 102].

Последний индейский правитель Антонио Уициментари занимал свой пост правителя провинции Мичоакан в течение семнадцати лет до своей смерти

[1] Этот танец, до сих пор можно наблюдать на улицах мексиканских городов и деревень во время некоторых праздников. Его исполняют танцоры, одетые в яркие костюмы и маски, одна из которых – в форме бычьей головы. Участник действа в маске быка танцует под звуки гитар и духовых, а остальные участники пытаются поймать его с помощью плащей и веревок. Нетрудно увидеть здесь подражание корриде.

[2] совсем недавнее исследование проблемы: [1].

в 1562 г. После этого в Мичоакане, как и во всей Мексике, начался собственно колониальный период. Ушло в прошлое раннее государство тарасков, оригинальное, собственное название которого так и осталось неизвестным [2]. Столица г. Тцинтцунтцан в настоящее время представляет собой небольшой городок, в чем довелось убедиться автору настоящей работы. По-прежнему на некотором возвышении находятся руины пирамид некогда знаменитого религиозного центра древних тарасков. В окрестностях археологического памятника потомки грозных воинов продают туристам сладости и скромные сувениры.

Источники и литература / References

1. Калюта А. В. Искусство жить в двух мирах: индейская знать Новой Испании в XVI–XVII веках // Латинская Америка. 2020. №2. С.80–91.

Kalyuta A.V. Iskusstvo zhit v dvukh mirakh: indeyskaya znat Novoy Ispanii v XVI-XVII vekakh (*The art of living in two worlds: the Indian nobility of New Spain in the XVI–XVII centuries)* // Latinskaya Amerika. 2000. №2. P.80–91.

2. Adkins J. Mesoamerican anomaly? The Pre-conquest tarascan state URL: http;//faculty.smu.edu/rkemper/anth-3311-adkins- (Accessed:17.09.2020)

3. Beaumont P. Cronica de Michoacán. V.1–2. México, 1932.

4. Crónicas de Michoacán. México, 1940. 211 p.

5. Relación de Michoacán. Paris, Gallimard, 1984. 376 p.

6. Cortés H. Cartas y documentos. México, 1963, 302p.

7. Lopez Sarralenque D. E. La nobleza indigena de Pátzcuaro en la epoca virreinal. Cap. 1–3. México, 1985.

8. Iglesias S. Los presagios purépecha de la conquista española URL: https://masdemx.com/2016/11/presagios-predicciones-purepecha-de-la-conquista-espanola/ (Accessed: 08.08.2020).

9. Le Clézio J. M. G. Introduction // Relación de Michoacán. Paris, Gallimard, 1984. P.11–43.

10. Macarena D. A. O. Los tarascos y la conquista española de Nueva España. URL: https://www.despertaferro-ediciones.com/2020/los-tarascos-y-la-conquista-espanola-de-nueva-espana-mexico/ (Accessed: 07.08.2020).

11. Martínez C. S. P. La Nobleza Tarasca: poder político y conflictos en el Michoacán colonial // Anuario de Estudios Americanos 65(1) URL: https://www.researchgate.net/publication/50284490_La_Nobleza_Tarascpoder_politico_y_conflictos_en_el_Michoacan_colonial (Accessed: 11.04.2020).

12. Schmal J. P. Michoacán: a struggle for identity URL: http://www.houstonculture.org/mexico/michoacan.html (Accessed: 04.06.2020).

13. Schöndube O. B. Los tarascos URL: https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/los-tarascos - (Accessed: 06.09.2020).

Информация об авторе

Баглай Валентина Ефимовна – доктор исторических наук, профессор кафедра зарубежного регионоведения Кубанского государственного университета (Краснодар) / baglayvalent@yandex.ru

Information about the author

Baglay Valentina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreing Regional Studies and Orientalism, Kuban State University (Krasnodar) / baglayvalent@yandex.ru

УДК 94 (470): 930

А. В. Баранов, О. В. Ратушняк

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИКОВ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА ДОНУ И КУБАНИ (1920-е гг.)

Авторы статьи выявляют ценность и политическую направленность работ историков казачьего зарубежья о развитии Дона и Кубани на протяжении 1920-х гг. Тема работы актуальна для переосмысления особенностей новой экономической политики 1921–1929 гг. на Юге России, для выяснения дискурса публикаций историков казачьего зарубежья первого поколения. Новизна исследования состоит в сравнении уровня осведомлённости и оценок нэпа в казачьей, социалистической и либеральной исторических традициях зарубежья, во введении в научный оборот ряда публикаций периодической печати 1920-х гг. Исследованы такие важные аспекты темы, как оценки экономического состояния Дона и Кубани, сословных и классовых отношений, большевистского режима и его политико-идеологических кампаний в казачьих регионах, повседневности. Выяснена организационная структура общественных объединений, архивных и научных учреждений казачьего зарубежья, повлиявшая на отбор и направленность исторических сведений. Сделаны выводы о близости алгоритмов анализа и политической направленности работ историков казачьего зарубежья (П. Л. Макаренко, Ф. А. Щербины, С. Г. Сватикова), российских историков социалистического направления (С. С. Маслова, С. О. Португейса) и представителей либерального направления (П. Н. Милюкова, С. Н. Прокоповича и др.). Отмечены взаимосвязи между оценками событий Гражданской войны, новой экономической политики и коллективизации в исторической традиции казачьего зарубежья 1920–1930-х гг. Выявлены проявления противоречий в оценках новой экономической политики 1920-х гг. на Дону и Кубани исследователей – «единонеделимцев» и «самостийников». Отмечена компромиссная позиция Ф. А. Щербины в данный период. Предпринята попытка реконструировать круг источников информации, изученных историками – представителями первого поколения казачьего зарубежья: экономической и социально-демографической статистики, этнографических наблюдений, работ советских публицистов, сообщений советской и эмигрантской периодической печати.

Ключевые слова: казачье зарубежье, Дон, Кубань, нэп, историки, источник.

Andrey Baranov, Oleg Ratushnyak

PUBLICATIONS OF HISTORIANS OF THE COSSACK EMIGRATION AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE NEW ECONOMIC POLICY IN THE DON AND KUBAN REGIONS (1920-s)

The authors of the article reveal the value and political orientation of the work of historians of the Cossack emigration on the development of the Don and Kuban regions in the 1920s. The topic is relevant for rethinking the features of the New economic policy of 1921–1929 in the South of Russia, to clarify the discourse of publications of historians of the Cossacks' abroad of the first generation. The novelty of the research consists in comparing the level of awareness and assessments of NEP in the Cossack, socialist and liberal historical traditions abroad, introducing a number of publications in the periodical press of the 1920s into scientific circulation. The article examines such important aspects of the topic as the assessment of the economic state of the Don and Kuban, class and class relations, the Bolshevik regime and its political and ideological campaigns in the Cossack regions, and everyday life. The organizational structure of public associations, archival and scientific institutions of the Cossacks abroad, which influenced the selection and orientation of historical information, is clarified. Conclusions on the closeness of the algorithms of analysis and political focus of the work of historians of the Cossack abroad (P. L. Makarenko, F. A. Scherbina, S. G. Svatikov), Russian socialist historians (S. S. Maslov, S. O. Portugeis) and members of the liberal direction (P. N. Milyukov, S. N. Prokopovich and others). Noted the relationship between evaluations of the events of the Civil war, New economic policy and collectivization in the historical traditions of the Cossack abroad of the 1920–1930s. Contradictions in the assessments of the New economic policy of the 1920s are revealed between the Don and the Kuban historians - the proponents of the indivisible unity with Russia and "independence supporters". The compromise position of F. A. Scherbina in this period is noted. An attempt is made to reconstruct the range of sources of information studied by historians – representatives of the first generation of the Cossack abroad: economic and socio-demographic statistics, ethnographic observations, works of Soviet publicists, reports of the Soviet and emigrant periodicals.

Key words: Cossacks emigration, the Don, the Kuban, the NEP, the historians, the source.

Актуальность научной проблемы. Весной 2021 г. исполнится 100 лет начала новой экономической политики в России, определившей облик нашей страны в постреволюционную эпоху. Злободневно переосмысление специфики нэпа на Юге РСФСР в контексте альтернативных проектов общественного развития, в том числе – предлагавшихся историками казачьего зарубежья. Актуальностью обладает выяснение дискурса историков зарубежья первого поколения, бывших и свидетелями драматических событий на Родине, и одновременно их исследователями; понимание взаимосвязей между различными идейными направлениями исторической мысли.

Степень научной разработанности темы нельзя назвать системной. Теоретические исследования представлений о нэпе в исторической мысли русского зарубежья провели Н. А. Омельченко, А. А. Пронин и М. И. Кондрашёва [22; 25, с. 37–43]. Но в их публикациях специфика исторических работ донского и казачьего зарубежья не рассмотрена. Историческую мысль казачьего зарубежья 1920-х – 1930-х гг. (прежде всего, донскую и кубанскую) проанализировал Ю. Г. Кириенко [14, с. 3–18]. Впервые мнения кубанских историков зарубежья о нэпе обзорно охарактеризовал С. Н. Якаев в 1992 г. [38, с. 13–26]. Важны исследования исторических и публицистических произведений ведущего кубанского историка Ф. А. Щербины, проведённые В. Н. Ратушняком и Л. М. Галутво [7, с. 25–39; 5; 6]. С. М. Маркедонов раскрыл особенности исторической концепции видного донского историка С. Г. Сватикова [17]. Ор-

ганизационное строение казачьего зарубежья, деятельность его научно-исследовательских, архивных и просветительских организаций освещена в монографиях и статьях О. В. Ратушняка [26, с. 212–217; 27; 28, с. 559–569]. Оценки нэпа в казачьей периодической печати и монографических изданиях проанализировал А.В. Баранов [1, с. 34–41]. Однако исследователей в большей мере интересовала деятельность организаций и ярких представителей донского и кубанского зарубежья, а не их исторические концепции. Восполнить данный пробел мы намерены в своей статье.

Цель работы – определить значимость и политическую направленность работ историков казачьего зарубежья о развитии Дона и Кубани в 1920-х гг. Исследование предполагает сравнение дискурсов и алгоритмов оценки исторических событий представителями казачьего зарубежья, а также социалистического и либерального направлений российской эмиграции. Дискурс понимается в качестве связного и последовательного стиля изложения умозаключений, характеризуемого идеологической ориентированностью, контекстом своего времени создания и отношением к социальной реальности, разделяемом своими выразителями. Необходимо также выяснить круг источников исследований, степень полноты и объективности их выводов. Анализ политических взглядов авторов позволяет провести сравнение влияния мировоззрения и политических предпочтений представителей казачьего зарубежья на их взгляды и оценки событий в России периода нэпа (большинство эмигрантов предпочитали в своих трудах название «Россия», а не СССР). Подобная корреляция взглядов представителей российской эмиграции дает возможность увидеть универсальную составляющую данной зависимости и в то же время определить влияние субъективных факторов на данные взгляды и оценки.

Значительное количество работ казаков-эмигрантов были опубликованы в периодической печати. Не менее важным в рамках изучаемой проблемы являются монографические исследования представителей казачьей интеллигенции.

Как известно, в итоге разгрома Белого движения за пределами Родины оказались десятки тысяч казаков, в том числе – многие представители гуманитарной интеллигенции. Основные центры исторической, просветительной и музейной деятельности казачьего зарубежья 1920-х гг. сложились в Чехословакии и Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, позже – во Франции и Германии. При острой нехватке финансовых средств, слабости и частых расколах казачьих организаций исторические исследования выпускались чаще всего в виде статей в периодических изданиях: «Вестнике Казачьего союза», «Донской летописи», «Информационном листке Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека», «Казачьем пути», «Про Кубань» и др. Организационными центрами накопления исторических знаний стали Донская историческая комиссия (сначала – в Белграде, а с 1925 г. – в Праге), Кубанский Заграничный Архив (существовал с 1925 г. в Праге под руководством П. Л. Макаренко), Общество изучения казачества (организовано с 1927 г. в Праге под председательством Ф. А. Щербины), а позже – Русский заграничный исторический архив в Праге. Значительную роль в становлении исторической мысли казачьего зарубежья играли высшие учебные заведения, созданные в эмиграции (Украинская сельскохозяйственная академия в Подебрадах, Кооперативные институты в Белграде и Праге) [21, с. 51–58].

Большую роль в анализе и оценках событий, происходивших в Советской России/СССР, сыграли политические взгляды представителей казачества, которое было расколото на различные группы и движения. Линий такого раскола в среде казачьего зарубежья было несколько. Одна из них пролегла в рамках традиционного политического противостояния кануна революционных событий и последующей Гражданской войны. Среди казаков-эмигрантов были монархисты, кадеты, эсеры... Другой линией был раскол казаков на единонеделимцев, федералистов и самостийников. При этом как одни, так и другие, делились на различные группы, направления, лагеря, по-разному видевшими будущее казачьих областей и, как следствие, по-разному оценивавшие события, происходившие в России.

Общей чертой оценок нэпа в творчестве историков зарубежья следует назвать непримиримость к большевистскому режиму и ожидания его падения, что влекло за собой прогнозирование общественного строя России и взаимоотношений казачьих областей с государством. Но на этом единство историков зарубежья заканчивалось. Можно выделить направления исторической мысли по критерию замыслов статуса Дона и Кубани: «единонеделимцев» [15; 11], федералистов [36; 37; 31], и «самостийников» [2; 3, с. 302–304; 16, с. 75–192]. Ряд публицистов и историков менял свои взгляды либо занимали промежуточные позиции (П. Н. Краснов, И. Ф. Быкадоров и др.). Например, монархист П. Н. Краснов в 1920-х гг. был сторонником государственного единства России и называл демократическую федеративную республику «искушением», а «самостийников» – современными «бесами». Краснов писал в 1921 г.: «Вне России казакам не быть… Вынуть их нельзя – они исчезнут, затеряются, будут стёрты с лица земли» [15, с. 8–9, 31]. Эти оценки можно отнести и к позднейшей эволюции взглядов самого Краснова в пользу «самостийничества».

Среди теоретических исследований советской системы стоит выделить труд видного кубанского историка и статистика Фёдора Андреевича Щербины (1849–1936), написанный в Белграде (май 1921 г.). Ф. А. Щербина характеризует правление большевиков эмоционально, как «диктаторскую деспотию», не способную к смягчению. Будучи сторонником умеренных социалистических идей, Щербина противопоставляет большевизм истинной демократии и социализму, считает его следствием мировой войны. Первые шаги нэпа Щербина считает «мелочами», заимствованными у рыночной экономики, но не способными ни на йоту изменить централизованную систему [36, с. 4, 20–22]. Половина из 12 разделов книги даёт характеристику экономики Советской России (промышленности, сельского хозяйства, торговли и сферы распределения, финансов). Подробно оцениваются совхозы и коммуны, кооперативы, индивидуальные хозяйства. Причину экономического упадка Ф. А. Щербина видит в административном регулиро-

вании хозяйства и грабеже, поскольку частная собственность чужда коммунистической доктрине. Вторая половина книги освещает устройство системы власти и ее принципы (отсутствие разделения властей, фиктивность выборов, бюрократизм и однопартийность, применение террора). В заключение Ф. А. Щербина выражает надежду на свержение ига; Россия не разложится на составные части и будет демократической. Возврат к монархии – тупик, а жажда «крепкой власти» – болезнь. Единственной позитивной формой государственности Ф.А. Щербина считал федерацию, строящуюся снизу-вверх: «Нужно крепко сорганизоваться частям, чтобы из них создать ещё более крепкое целое». Частью российского государства виделась Кубань с возрождёнными демократическими учреждениями казачества [36, с. 251–252, 258]. В 1926 г. Ф. А. Щербина называл великоруссов, украинцев и белорусов родственными народами, а Кубань – частью России в составе славянской общности [37, с. 7–11]. Работы Ф. А. Щербины о Советской России 1920-х гг. имели общетеоретический характер и не опирались на обширную источниковую базу.

Значительный интерес для исторической мысли казачьего зарубежья имеет творчество донского историка Сергея Григорьевича Сватикова (1880–1942), либерала и члена партии кадетов. В труде «Россия и Дон» (1924 г.) С. Г. Сватиков считал Российскую империю механическим объединением (конгломератом) земель, областей, национальностей на основе централизации и внешнего единообразия, но с остатками местного обособленного права. Дореволюционные привилегии казачества и круговую поруку С. Г. Сватиков называл «одиозными». С. Г. Сватиков не противопоставлял Россию как метрополию Войску Донскому, не ставил цель обосновать выделение Дона из общенационального единства, хотя с гордостью отмечал «высокое национальное самосознание», легкость и быстроту создания Донской республики в 1918 г. Статус Дона при советской власти С. Г. Сватиков расценивает как «провинцию», утратившую прежний статус и потерявшую более половины своей территории [31, с. IV–VI, 2, 6, с. 579].

Наиболее подробное и основанное на многообразных источниках исследование истории Кубани 1920-х гг. предпринял Пётр Леонтьевич Макаренко (1884 (1889?) – 1970), бывший член Кубанской Рады, директор Кубанского исторического заграничного архива, видный представитель «самостийного» направления [34, с. 34–35; 16, с. 75–192]. Следуя правоэсеровским представлениям, П. Л. Макаренко полагал, что отстаивает интересы «всех трудящихся слоёв населения», называя казаков и иногородних кубанцами, вместе страдающими от общего врага – централизованной власти большевиков [16, с. 75, 120]. П. Л. Макаренко затушёвывает объективные сословные различия и борьбу, ставшую причиной Гражданской войны. В его восприятии Советская власть своей политикой вызвала «страшнейшую и кровавую борьбу между казаками и неказаками», а победа большевиков привела к неравенству и принижению казаков; область до 1925 г. была будто на положении «осаждённой крепости» [16, с. 78, 80]. Далее П. Л. Макаренко изучает административно-территориальное устройство Северо-Кавказского края, отмечая отсутствие автономии казачьих областей и преобладание среди партийно-государственных служащих присланных из других регионов [16, с. 82–85]. Макаренко анализирует эффективность сельского хозяйства, землепользование и земельную реформу, выясняет методы уравнительного передела земли и масштабы миграции [16, с. 86–115]. Изучается уровень безработицы, грамотности и жилищного обеспечения городских жителей Кубани. Источниками рассуждений П. Л. Макаренко служат советские статистические сборники, краснодарская газета «Красное знамя» и ростовская газета «Молот», харьковский «Червоний шлях», этнографические очерки под редакцией В. Г. Тана-Богораза [29, ч. 2, с.71, 91]. Цитируются брошюры и газетные статьи советских авторов – В. Ф. Чёрного, Г. В. Ладохи, О. Коблянского, а также выступления партийных и государственных руководителей СССР.

Предложения экономических реформ в статье П. Л. Макаренко типичны для сторонников правых эсеров: закупить товары массового спроса за рубежом, ввести свободное ценообразование, снизить налоги, разрешить концессии для иностранного капитала [16, с. 139, 188]. О том, что подобные меры привели бы сельское хозяйство к разорению и значительному росту неравенства в обществе, автор статьи умалчивает.

С особой эмоциональностью П. Л. Макаренко критикует языковую и в целом национальную политику большевиков, усматривая в ней принудительную русификацию. Поскольку, напротив, в 1923–1932 гг. большевики проводили курс «украинизации» на Кубани и в сфере образования, и кадровой политики, Макаренко называет такие действия обманными, непоследовательными и ратует за некий «кубанский», а не украинский язык [16, с. 162–169].

В рамках «самостийного» направления представляет интерес краткая брошюра Игната Архиповича Билого (1887–1973). Он изучил изменения численности населения Дона и Кубани, его этнического и сословного состава за 1913–1926 гг., отметив восстановление демографического потенциала казачества в послевоенный период [2, с. 13–19]. В отличие от П. Л. Макаренко, Билый считал кубанских казаков-черноморцев частью украинцев и выступал с последовательно-сепаратистских позиций («стать нацией в государственно-политическом смысле, стать цементом независимого государства») [2, с. 23–24; 3, с. 302–304]. Такие взгляды впоследствии привели П. Л. Макаренко и И. А. Билого к пагубному сотрудничеству с «третьим рейхом» [33, с. 54–63]. «Самостийничество» в целом отстаивало необоснованные и политически пагубные оценки этничности казаков.

Специфическим источником информации для историков казачьего зарубежья были периодические издания, в которых печатались краткие, как правило, анонимные статьи о положении на Дону и Кубани, основанные на письмах родственников и земляков [4, № 4, 5–6; 8, Вып. № 1; 10; 12; 13; 24]. Анализ их содержания показывает достаточно высокую осведомлённость авторов о земельной и продовольственной политике в казачьих областях, об изменениях курса государственной власти, о повседневной жизни казаков. Отметим сходство оценок нэпа, даваемых в ка-

зачьей и общероссийской прессе зарубежья (эсеровских изданиях «Крестьянская Россия», «Революционная Россия», «Хутор»).

Сравним политическую направленность и алгоритмы выражения идей в исторических работах изученных представителей казачьего зарубежья и историков в эмиграции, анализировавших нэп с общероссийской точки зрения: социалистического направления (С. С. Маслова, С. О. Португейса) и представителей либерального направления (П. Н. Милюкова, С. Н. Прокоповича и др.). В частности, правый эсер, агроном и кооператор С. С. Маслов известен как автор двухтомного труда «Россия после четырёх лет революции» (1922 г.). Маслов отмечал особую разрушительность «военного коммунизма» в казачьих областях, вызванную потребностью центра страны в продовольствии [19, ч. 1, с. 18, 60, 74–80]. В отличие от Ф. А. Щербины, Маслов достаточно подробно и реалистично оценивает первые проявления нэпа, намечает программу экономических рыночных реформ. Как и Ф. А. Щербина, С. С. Маслов – сторонник областной автономии и федерации, но он признаёт невозможность для большевистского режима пойти на демократические выборы и ограничить репрессии, так как это означало бы немедленную утрату власти [19, ч. 1, с. 116–131]. В соответствии с эсеровской доктриной, С.С. Маслов отстаивает «классовую однородность» крестьянства и «исключительно трудовую природу его доходов», что приводит автора к чрезмерно оптимистическим надеждам на гражданскую самоорганизацию [19, ч. 2, с. 100–104]. Гораздо реалистичнее описание Масловым повстанческих выступлений в казачьих регионах. Историк отмечает «огромное разрушительное действие партизан: они лишены широких государственных идей, наносят ущерб и крестьянам, рушат всё народное хозяйство…», вызывают сепаратизм [19, ч. 2, с. 141].

Другой историк социалистических взглядов – правый меньшевик С.О. Португейс, писавший под псевдонимом С.Ф. Иванович. Он весьма квалифицированно раскрыл строение и способы действия большевистской партии, отметив: монопольная власть ВКП (б) – не случайность, а «центральный нерв её существования» [9, с. 25]. Продразвёрстку исследователь оценил, как «военную экспедицию голодного севера на сытый юг» [9, с. 32]. Нэп, по мнению С. О. Португейса, является противоречивым соединением коммунизма и коммерции; он ведёт к перерождению правящей партии и образованию нового правящего класса, который изнутри будет разрушать большевистскую систему [9, с. 212–243].

Либеральную концепцию истории нэпа обосновывал лидер партии кадетов П. Н. Милюков. Принципиально важен его тезис: созидание нэпа идёт не столько со стороны власти, сколько со стороны народа. «Эволюционирует в России сама жизнь, вопреки усилиям власти задержать её течение» [20, т. 1, с. XII]. Но вопреки своим обличениям большевизма, П. Н. Милюков признаёт «беспредельный оппортунизм в выборе средств» В. И. Ленина при переходе к нэпу [20, т. 1, с. 133]. Как и Португейс, П. Н. Милюков детально аргументирует привилегированный статус ВКП (б) и её срастание с государственной властью. Милюков стремится определить причины поражения антибольшевистских движений при всей их массовости, указывая на вековую пассивности и неорганизованность, терпеливость народа. Казачество, по мнению Милюкова, «сыграло особо видную роль в антибольшевистской борьбе» благодаря своему демократическому духу [20, т. 2, с. 2–4].

Экономические аспекты развития общества 1920-х гг. осмысливал С. Н. Прокопович. Он ставит цель – обнаружить наличие неправительственной, более мощной, чем государство, силы, повлиявшей на экономику страны [23, с. 18]. Видный экономист-либерал отмечает прекращение разжигания гражданской войны в станицах, стабилизацию земельных отношений, признание свободы форм землепользования [23, с. 171–175]. Он выводит формулу: «Нэп – компромисс. Размер уступок определяется величиной страха власти перед падением производительных сил и государственных доходов, бунтами крестьян и рабочих» [23, с. 128]. С.Н. Прокопович доказал, что прирост населения Юга России и его хозяйственное возрождение шли в 1920–1926 гг. замедленно в сравнении со всей РСФСР [23, с. 98–99]. В целом же нэп изжил себя; требовался полный и последовательный отказ от коммунистических начал, высвобождение частной инициативы, ломка политического режима [23, с.154, 214].

Ряд изданий либеральных экономистов 1920-х гг. более детально характеризует развитие южнороссийской экономики. Так, Ю. Ростовский (возможно, псевдоним) отмечал нарастание хозяйственной разрухи за 1921–1922 гг., в частности, падёж скота на Кубани и Дону, невыплаты зарплаты рабочим Донбасса и Грозненских нефтепромыслов [30, с. 9, 99–100]. Чрезмерные налоги стали причиной казачьих восстаний 1922 г. на Юге России [30, с. 186]. С. Н. Сирин подробно описывал голод на Дону и Кубани в 1922 г., формулируя его причины [32, с. 71]. Л. Л. Марков детально рассматривал последствия повышения налогов на Кубани втрое за 1922 г., что привело к недосеву и преднамеренному забою скота [18, с. 7–11]. Рассуждения всех авторов – в пользу коренного пересмотра экономической политики.

Политические аспекты развития Дона и Кубани в меньшей степени освещались общероссийской исторической мыслью зарубежья. Можно отметить статью известного аналитика Н. С. Тимашёва об отношении сельских жителей к Советам. В ней приведены доказательства массового лишения избирательных прав не только зажиточных, но и политически нелояльных слоёв населения; изучены изменения явки крестьян и казаков на местные выборы, проанализирован социальный состав депутатов местных органов власти [35, с. 183–189].

Сделаем выводы. Выявлены направления исторической мысли казачьего зарубежья 1920-х гг. по критерию восприятия идеального статуса казачества: «единонеделимцы», федералисты и «самостийники». При этом грань между названными направлениями, как и между профессиональными историческими исследованиями и публицистикой, оставалась зыбкой.

Установлена близость алгоритмов анализа и политической направленности работ историков казачьего зарубежья (П. Л. Макаренко, Ф. А. Щербины, С. Г. Сватикова), российских историков социалистического направления (С. С. Маслова, С. О. Португейса) и представителей либерального направления

(П. Н. Милюкова, С. Н. Прокоповича, С. Н. Сирина и др.). Как правило, они давали резко негативную оценку политики «военного коммунизма» и нэпа, подчеркивая их неразрывную связь с идеологией и монопольным типом правления большевиков. Наибольшее внимание и казачьи, и общероссийские историки уделяли экономическим процессам в станицах Юга России, глубоко характеризуя земельную, налоговую и социальную политику советской власти в отношении хлеборобов. Достаточно аргументированно освещались тенденции социальной дифференциации крестьянства и казачества, их общественное мнение о власти. В то же время, политические и социокультурные процессы в станицах Дона и Кубани оценивались более обобщённо и поверхностно вследствие нехватки оперативной информации.

Определён круг источников, изученных историками – представителями первого поколения казачьего зарубежья: экономической и социально-демографической статистики, этнографических наблюдений, работ советских публицистов, сообщений советской и эмигрантской периодической печати.

Раскрыты взаимосвязи между оценками событий Гражданской войны и новой экономической политики в исторической мысли казачьего зарубежья 1920-х гг. Именно трагедия Гражданской войны определила непримиримость оценок большевистского режима и мер его политики, повлияла на категоричный скепсис в отношении возможностей и перспектив нэпа.

Различия между историками «единонеделимого», федералистского и «самостийного» направлений проявлялись при оценке желательного будущего статуса Дона и Кубани, по степени активности защиты казачьей самобытности. Выявлены проявления противоречий в оценках новой экономической политики 1920-х гг. на Дону и Кубани исследователей – «самостийников». Доказана компромиссная, федералистская позиция Ф.А. Щербины в данный период.

Произведения историков казачьего зарубежья 1920-х гг. долго воспринимались исключительно в качестве выражения их идеологических взглядов. Научный объективный анализ данного ответвления историографии начался только в 1990-х гг. и остаётся важным для осмысления эпохи новой экономической политики на Дону и Кубани.

Анализ значения и роли НЭПа, а также важных событий 1920-х гг., происходивших в России, в значительной степени зависел от политических взглядов авторов. При этом принадлежность к казачеству часто являлась определяющей при выборе предмета исследования, географии исследуемых событий, а принадлежность к одному из политических лагерей по линии раздела эсеры – кадеты-монархисты превалировала в оценочных суждениях.

Источники и литература

1. Баранов А. В. Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности» // Кентавр. 1993. №6. С.34–41.
2. Билый И. А. Казачьи земли: территория и народонаселение. Прага: Славян. отделение при типографии «A. Fisher»; Strašnice, 1928. 25, 3 с.
3. Бондаренко В. Г. Украинское и российское вольноказачье движение: два варианта поиска национальной идентичности // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всерос. науч. конф. (28–29 сент. 2010 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 302–304.
4. Вестник Казачьего союза. Париж, 1926. №4. Апрель и май. 60 с.; №5–6. Август. 62 с.
5. Галутво Л. М. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины: автореф. дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 1993. 23 с.
6. Галутво Л. М. *Ф. А.* Щербина – *ученый, политик, человек //* Отечественная история. *2000. №5. С.139–153.*
7. Галутво Л. М., Ратушняк В. Н. Либеральная модель модернизации России Ф.А. Щербины // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2016. Т. 12. №1–2. С.25–39.
8. Донская летопись: Сборник материалов по новейшей истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 года. Вып. №1. Белград: Изд. Донской исторической комиссии, 1923. 342 с.
9. Иванович С.Ф. (Португейс С. О.) ВКП: Десять лет коммунистической монополии. Париж: Societe Nouvelle d'Editions Franco-Slaves, 1928. 256 с.
10. Информационный листок Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека. Парижская делегация. Париж, 1924. №10. 1 декабря; 1925. №11. Январь – март; №12. Лето и осень.
11. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества / предисл. В. Н. Королёва. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992. 320 с.
12. Казачий путь. Прага: Орган Общеказачьего сельскохозяйственного союза, 1926. №73. 74 с.
13. Казачий союз: Сводка. 1926. №3. Февраль – март.
14. Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. №10. С.3–18.
15. Краснов П. Н. Казачья «самостийность». Берлин; Шарлоттенбург: Двуглавый орёл, 1921. 32 с.
16. Макаренко П. Л. З життя Кубані під радянською російською комуністичною владою (1920–1926 рр.) // Кубань: Збірник статтів про Кубань і кубанців. Прага: Видання Громади Кубанців в Чехословацькій Республіці, 1926. С.75–192.
17. Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. 160 с.
18. Марков Л. Л. Хозяйственное строительство большевиков на Кубани // Хутор. Прага, 1923. №22–23. С.7–11.
19. Маслов С. С. Россия после четырёх лет революции. Париж: Русская печать, 1922. Ч. 1. 208 с.; Ч. 2. 207 с.
20. Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции: в 2-х т. Париж: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. Т. 1. XV, 400 с.; Т. 2. IX, 281, 5 с.
21. Мохоля А. Р. Становление и жизнь казачьей эмиграции в Ч.С.Р. (1921–1945 гг.) // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 25 февраля 2005 г.). Краснодар: Администрация Краснодарского края; Кубанское казачье войско; Академия маркетинга и социально-информационных технологий, 2005. С.51–58.
22. Омельченко Н. А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной академии, 1996. 560 с.
23. Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. 216 с.

24. Про Кубань. Информационный листок Общества Кубанцев в Чехословакии. Прага, 1926.
25. Пронин А. А., Кондрашёва М.И. Периодическая печать российского зарубежья как исторический источник // Клио. 2012. №10 (70). С.37–43.
26. Ратушняк О. В. Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) // Клио: журнал для ученых. 1999. №2(8). С.212–217.
27. Ратушняк О. В. Донское и Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1997. 164 с.
28. Ратушняк О. В., Худобородов А. Л. Общественно-политические искания казачьего зарубежья // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Т.2. Краснодар: ЭДВИ, 2005. С.559–569.
29. Революция в деревне: Очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. Часть 2. М.: Красная новь, 1925. 184 с.
30. Ростовский Ю. Кризис нэпа и современное положение в России. Новый Сад: 1-я Русская типогр., 1923. 224 с.
31. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Вена: Изд-во Донской исторической комиссии, 1924. 592 с.
32. Сирин С. Н. Юго-Восток России. К проблеме его экономического восстановления. Берлин: Изд-во Комитета экономического возрождения Юго-Востока России, 1922. 133 с.
33. Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 336 с.
34. Тернавский Н. А. П. Л. Макаренко: жизнь и судьба // Кубань литературная: Новые доклады и сообщения: Материалы науч.-теор. конф. Краснодар: Общество украинской культуры Кубани, 1994. С.34–35.
35. Тимашёв Н. С. Крестьянство и Советы (По данным выборов 1922 г.) // Крестьянская Россия: Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. [Вып.] VIII–IX. Прага: Крестьянская Россия, 1924. С.182 - 193.
36. Щербина Ф. А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград: Русская мысль, 1921. 262 с.
37. Щербина Ф. А. О деятельности общества кубанцев в Чехо-Словацкой Республике // Кубань: Збірник статтів про Кубань і кубанців. Прага: Видання Громади Кубанців в Чехословацькій Республіці, 1926. С.3–13.
38. Якаев С. Н. Кубанское зарубежье в 20–80-х гг. XX века // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар: Краснодарский инф. науч.-метод. центр; Краснодарский гос. ин-т искусств и культуры, 1992. С.13–26.

References

1. Baranov A. V. Rossiiskaya gosudarstvennost' i Severnyi Kavkaz: kritika ideologii «samostiinosti» *(Russian statehood and the North Caucasus: criticism of the ideology of "independence")* // Kentavr. 1993. No.6. P. 34–41. (In Russian).
2. Bilyij I. A. Kazach'i zemli: territoriya i narodonaselenie *(Cossack lands: territory and population).* Praga: Slavyanskoye otdelenie pri tipografii "A. Fisher"; Strašnice, 1928. 25, 3 p. (In Russian).
3. Bondarenko V. G. Ukrainskoe i rossiiskoe vol'nokazach'e dvizhenie: dva varianta poiska natsional'noi identichnosti *(Ukrainian and Russian Free Cossack movement: two options for searching for national identity)* // Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya. Tezisy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (28–29 sentyabrya 2010 g.) *(Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects. Abstracts of All-Russian scientific conference (28–29 Sept. 2010)).* Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2010. P.302–304. (In Russian).
4. Vestnik Kazach'ego soyuza *(Bulletin of the Cossack Union).* Paris, 1926. № 4. April – May. 60 p.; No.5–6. August. 62 p. (In Russian).
5. Galutvo L. M. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' F. A. Shcherbiny: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk *(Socio-political activity of F. A. Scherbina: Autoref. of dis. ... candidate of historical sciences).* Krasnodar, 1993. 23 p.
6. Galutvo L. M. F. A. Scherbina – uchenyi, politik, chelovek *(F.A. Shcherbina - scientist, politician, person)* // Otechestvennaya istoriya. 2000. No.5. P.139–153. (In Russian).
7. Galutvo L. M., Ratushnyak V. N. Liberal'naya model' modernizatsii Rossii F. A. Scherbiny *(Liberal model of modernization of Russia by F.A. Scherbina)* // Golos minuvshego. Kubanskij istoricheskij zhurnal. Krasnodar, 2016. Vol. 12. No.1–2. P. 25–39. (In Russian).
8. Donskaya letopis': Sbornik materialov po novejshei istorii Donskogo ka-zachestva so vremeni Russkoi revolyutsii 1917 goda *(Don chronicle: a collection of materials on the modern history of the Don Cossacks since the Russian revolution of 1917).* Belgrad: Donskaya istoricheskaya komissija Publ., 1923. Issue No.1. 342 p. (In Russian).
9. Ivanovich S. F. (Portugejs S. O.) VKP: Desyat' let kommunisticheskoj monopolii *(VCP: Ten years of Communist monopoly).* Paris: Societe Nouvelle d'Editions Franco-Slaves, 1928. 256 p. (In Russian).
10. Informatsionnyij listok Ob'edinennogo Soveta Dona, Kubani i Tereka. Parizhskaya delegatsiya *(Information leaflet of the Joint Council of the Don, Kuban and Terek. The Paris delegation).* Paris, 1924. No.10. 1 dekabrya; 1925. No.11. January – March; No.12. (In Russian).
11. Kazachestvo. Mysli sovremennikov o proshlom, nastoyashchem i budushchem kazachestva *(Cossacks. Thoughts of contemporaries about the past, present and future of Cossacks)* / with preface by V. N. Korolyov. Rostov-on-Don: Books Publ., 1992. 320 p. (In Russian).
12. Kazachij put' *(Cossack way).* Praga: Organ Obshchekazach'ego sel'skokhozyaistvennogo soyuza. 1926. No.73, 74. (In Russian).
13. Kazachij soyuz: Svodka *(Cossack Union: Summary).* Paris, 1926. No.3. February – March. (In Russian).
14. Kirienko Yu. K. Kazachestvo v emigratsii: spory o ego sud'bakh (1921–1945 gg.) *(Cossacks in emigration: disputes about their fate (1921–1945))* // Voprosy istorii. 1996. No. 10. P. 3–18. (In Russian).
15. Krasnov P. N. Kazach'ya "samostijnost" *(Cossacks' "independence").* Berlin; Sharlottenburg: Dvuglavyj orel, 1921. 32 p. (In Russian).
16. Makarenko P. L. Z zhittya Kubani pid radyans'koyu rosijs'koyu komunistichnoyu vladoyu (1920–1926) *(From the life of Kuban under the Soviet Russian Comunist government (1920–1926)* // Kuban': Zbirnik stattiv pro Kuban' i kubantsiv. Praga: Vidannya Gromadi Kubantsiv v Chekhoslovats'kii Respublitsi, 1926. P.75–192. (In Russian).
17. Markedonov S. M. S. G. Svatikov – istorik i obshchestvennyi deyatel' *(S. G. Svatikov – a historian and a public figure).* Rostov-on-Don: North Caucasus scientific center of high school, 1999. 160 p. (In Russian).
18. Markov L. L. Khozyaistvennoe stroitel'stvo bol'shevikov na Kubani *(Economic construction of the Bolsheviks on the Kuban)* // Khutor. Praga, 1923. No.22-23. P. 7–11. (In Russian).
19. Maslov S. S. Rossiya posle chetyrekh let revolyutsii *(Russia after four years of revolution).* Paris: Russkaya pechat', 1922. Part 1. 208 p.; Part 2. 207 p. (In Russian).
20. Milyukov P. N. Rossiya na perelome. Bol'shevistskii period russkoi revolyutsii *(Russia at the Edge. The Bolshevik period of the Russian revolution):* In 2 vols. Paris: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. Vol. 1. XV, 400 p.; Vol. 2. IX, 281, 5 p. (In Russian).

21. Mokholya A. P. Stanovlenie i zhizn' kazach'ej emigratsii v Ch.S.R. (1921–1945 gg.) *(Formation and life of the Cossack emigration in CH.S.R. (1921-1945)* // Nauchno-tvorcheskoe nasledie Fedora Andreevicha Shcherbiny i sovremennost'. sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (g. Krasnodar, 25 fevralya 2005 g.). Krasnodar, 2005. P.51–58. (In Russian).

22. Omel'chenko N. A. V poiskakh Rossii: obshchestvenno-politicheskaya mysl' russkogo zarubezh'ya o revolyutsii 1917 g., bol'shevizme i budushchikh sud'bakh ros-siiskoj gosudarstvennosti (istoriko-politicheskij analiz) *(In search of Russia: socio-political thought of the Russian abroad about the revolution of 1917, Bolshevism and future destinies of the Russian state (historical and political analysis).* St.Petersburg: Russian Christian Gumanitarian academy publ., 1996. 560 p. (In Russian).

23. Prokopovich S. N. Ocherki khozyaistva Sovetskoj Rossii *(Essays on the economy of Soviet Russia).* Berlin: Obelisk, 1923. 216 p. (In Russian).

24. Pro Kuban'. Informatsionnyij listok Obshchestva Kubantsev v Chekhoslovakii *(About the Kuban. Information leaflet of the Kuban Society in Czechoslovakia).* Praga, 1926. (In Russian).

25. Pronin A. A., Kondrashyova M. I. Periodicheskaya pechat' rossijskogo zaru-bezh'ya kak istoricheskij istochnik *(Periodical press of the Russian abroad as a historical source)* // Klio. 2012. No.10 (70). P. 37–43. (In Russian).

26. Ratushnyak O. V. Vol'no-kazach'e dvizhenie za rubezhom (1920–1930-e gg.) *(The Free-Cossack movement abroad (1920–1930))* // Klio. 1999. No. 2(8). P. 212–217. (In Russian).

27. Ratushnyak O. V. Donskoe i Kubanskoe kazachestvo v emigratsii (1920–1939 gg.) *(Don and Kuban Cossacks in emigration (1920–1939)).* Krasnodar: Kuban State Univ. Press pulbl., 1997. 164 p. (In Russian).

28. Ratushnyak O.V., Khudoborodov A. L. Obshchestvenno-politicheskie iskaniya kazach'ego zarubezh'ya *(Socio-political quest of the Cossack abroad)* // Ocherki traditsionnoi kul'tury kazachestv Rossii *(Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia)* / ed. by N. I. Bondar'. Krasnodar: EDVI publ., 2005. Vol.2. P. 559–569. (In Russian).

29. Revolyutsiya v derevne: Ocherki *(Revolution in the village: Essays)* / ed. by V. G. Tan-Bogoraz. Moscow: Krasnaya nov', 1925. Part 2. 184 p. (In Russian).

30. Rostovskij Yu. Krizis nepa i sovremennoe polozhenie v Rossii *(The Crisis of the NEP and the current situation in Russia).* Novyi Sad: 1-st Russian tipography, 1923. 224 p. (In Russian).

31. Svatikov S. G. Rossiya i Don (1549–1917). Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij na Donu *(Russia and the Don (1549–1917). Research on the history of state and administrative law and political movements on the Don).* Vena: Don historian commission, 1924. 592 p. (In Russian).

32. Sirin S.N. Yugo-Vostok Rossii. K probleme ego ekonomicheskogo vossta-novleniya *(South-East of Russia. On the problem of its economic recovery).* Berlin: Committee of economical revivement of South-Eastern Russia, 1922. 133 p. (In Russian).

33. Sotskov L. F. Neizvestnyij separatizm: Na sluzhbe SD i Abvera: Iz sekretnykh dos'e razvedki *(Unknown separatism: In the service of the SD and Abwehr: From the secret dossiers of intelligence).* Moscow: RIPOL KLASSIK, 2003. 336 p. (In Russian).

34. Ternavskij N. A. P. L. Makarenko: zhizn' i sud'ba *(P.L. Makarenko: life and fate)* // Kuban' literaturnaya: Novye doklady i soobshcheniya: Materialy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (*Kuban literary: New reports and messages: Materials of the scientific-theoretical conference*). Krasnodar: Obshchestvo ukrainskoj kul'tury Kubani, 1994. P.34–35. (In Russian).

35. Timashev N. S. Krest'yanstvo i Sovety (Po dannym vyborov 1922 g.) *(Peasantry and Soviets (according to the 1922 elections))* // Krest'yanskaya Rossiya: Sbornik statej po voprosam obshchestvenno-politicheskim i ekonomicheskim. Praga: Krest'yanskaya Rossiya, 1924. [Issue] VIII – IX. P.182–193. (In Russian).

36. Scherbina F. A. Zakony evolyutsii i russkii bol'shevizm *(Laws of evolution and Russian Bolshevism).* Belgrad: Russkaya mysl', 1921. 262 p. (In Russian).

37. Scherbina F. A. O deyatel'nosti obshchestva kubantsev v Chekho-Slovatskoj Respublike *(On the activities of the Kuban society in the Czech-Slovak Republic)* // Kuban': Zbirnik stattiv pro Kuban' i kubantsiv *(Kuban: a collection of articles about the Kuban and Kuban cossacks).* Praga: Vidannya Gromadi Kubantsiv v Chekhoslovats'kii Respublitsi, 1926. P. 3–13. (In Russian).

38. Yakaev S. N. Kubanskoe zarubezh'e v 20–80-kh gg. XX veka *(Kuban abroad in 20–80-s of the XX century)* // Novejshie issledovaniya po istorii Kubani *(The contemporary researches on the history of Kuban).* Krasnodar: Krasnodar information scientific and methodical center; Krasnodar state institute of arts and culture, 1992. P. 13–26. (In Russian).

Сведения об авторах

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар) / baranovandrew@mail.ru

Ратушняк Олег Валерьевич - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар) / oleg_ratushnyak@mail.ru

Information about the authors

Baranov Andrey – PhD in Historical Sciences, PhD in Political Sciences, Professor, Head of Political Science and Political Management Department, Kuban State University (Krasnodar) / baranovandrew@mail.ru

Ratushnyak Oleg – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Professor of World History and International Relations Department, Kuban State University (Krasnodar) / oleg_ratushnyak@mail.ru

УДК 28

А. С. Гепалов

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ ИНДИЙСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ МАУЛАНЫ АБУЛ КАЛАМ АЗАДА

Первая половина XX века – это эпоха кризиса и крушения колониальной системы, становления национальных государств Азии и Африки. Во многих новообразованных государствах мусульмане составляли большинство или значительную часть населения, имели место тенденции отождествления этнической и религиозной идентичностей. Освободительное движение в Британской Индии, наряду с главным антиколониальным содержанием, дало один из примеров подобного тренда – всплеск мусульманского национализма под лозунгом признания уммы-общины отдельной нацией, увенчавшийся разделом страны и созданием двух новых государств. В этой связи значительный научный интерес представляют религиозно-философские взгляды индийских политиков, как сторонников единой секулярной страны, так и приверженцев идеи раздела. В настоящей статье автор ставит задачу дать анализ воззрений мусульманина по вере, выдающегося борца за независимость Индии Абул Калам Азада (1888–1958), крайне мало изученного в отечественной науке. Подлинный маулана – мусульманский ученый, один из лидеров ведущей политической партии страны Индийского национального конгресса (ИНК), соратник Ганди и Неру, какими религиозно-философскими мотивами руководствовался он? Статья основана на объективно-критическом анализе оригинальных источников.

Азад родился в Мекке в 1888 г. В 1890 г. его семья переехала в Калькутту. В юности он получил традиционное мусульманское образование. В 1912 г. Азад вступил в крупнейшую партию Индии – Индийский национальный конгресс (ИНК). С 1920 г. непрерывно входил в состав высшего органа партии – Исполнительный комитет. Дважды избирался президентом Конгресса в 1923 и 1940 гг. С 1947 г. и до конца своих дней занимал пост министра просвещения Индии. Религиозное мировоззрение Азада являлось основой в его позиции по вопросам методов достижения Индией независимости, участия Индии во Второй мировой войне на стороне стран антигитлеровской коалиции, решения религиозно-общинной проблемы.

Азад выступал за пересмотр исламского учения с опорой на Коран, призывал мусульман участвовать в национально-освободительной борьбе против метрополий, был сторонником секуляризации общественной жизни, призывал к терпимости в отношении других религий и признавал единство всего человечества.

В статье, впервые в отечественной индологии, будет представлена позиция Азада по таким вопросам, как проблема толкования Корана, познание Бога, проявление Бога, отношение верующих к своим врагам, взгляд на христианство и другие религии, единство человечества, ислам и свобода.

Ключевые слова: маулана Абул Калам Азад, религия, ислам, Коран, Индия.

Alexander Gepalov

RELIGIOUS AND PHILOSOPHIC VIEWS OF THE PROMINENT FIGURE OF THE INDIAN LIBERATION MOVEMENT MAULANA ABUL KALAM AZAD

The first half of the XX century is an era of crisis and collapse of the colonial system, the formation of national states in Asia and Africa. In many newly formed states, Muslims formed the majority or a significant part of the population, and there were tendencies to identify ethnic and religious identities. The liberation movement in British India, along with its main anti-colonial content, provided one example of such a trend – a surge of Muslim nationalism under the slogan of recognizing the Ummah community as a separate nation, culminating in the division of the country and the creation of two new states. In this regard, the religious and philosophical views of Indian politicians, both supporters of a single secular country and adherents of the idea of partition, are of considerable scientific interest. In this article, the author sets a task to analyze the views of a Muslim by faith, an outstanding fighter for the independence of India, Abul Kalam Azad (1888-1958), who is poorly studied in Russian science. A genuine Maulana Muslim scholar, one of the leaders of the country's leading political party, the Indian national Congress (INC), an associate of Gandhi and Nehru, what religious and philosophical motives guided him? The article is based on an objective and critical analysis of original sources.

Azad was born in Mecca in 1888. In 1890, his family moved to Calcutta. In his youth, he received a traditional Muslim education. In 1912, Azad joined the largest party in India, the Indian national Congress (INC). Since 1920, he continuously was a member of the party's highest body, the Executive Committee. He was twice elected President of the Congress in 1923 and 1940. From 1947 to the end of his days, he served as the Minister of education of India. Azad's religious worldview was the basis for his position on the methods of achieving India's independence, India's participation in the Second World War on the side of the anti-Hitler coalition, and the solution of the religious and communal problems.

Azad supported the revision of Islamic teachings based on the Koran, called on Muslims to participate in the national liberation struggle against the mother countries, was a proponent of secularization of public life, called for tolerance of other religions and recognized the unity of all humankind.

Below, for the first time in Russian literature, Azad's position is be presented on such issues as the problem of interpretation of the Koran, the knowledge of God, the manifestation of God, the attitude of believers to their faiths, the view of Christianity and other religions, the unity of humanity, Islam and freedom.

Key words: Maulana Abul Kalam Azad, religion, Islam, Koran, India.

Сегодня всё чаще звучат голоса политиков и журналистов о грядущем противостоянии Запада и Востока, христианского и мусульманского миров. Связано это с событиями, происходящими на Ближнем Востоке: «Арабской весной», ростом влияния радикальных фундаменталистских организаций, миграцией населения в Западную и Центральную Европу. В России свежи воспоминания Первой и Второй чеченских компаний, террористических актов, которые ассоциируются у большинства населения нашей страны с воинствующим исламом. Достаточно остро стоит проблема мигрантов из бывших Советских республик, большинство из которых являются носите-

лями мусульманской культуры. В этой ситуации политические элиты разных государств используют религиозные противоречия для достижения своих целей.

В наше время во избежание этнических и религиозных столкновений важно демонстрировать примеры терпимости людей одной конфессии по отношению к людям других религиозных взглядов. Таким примером может служить жизнь глубоко верующего мусульманина мауланы Абул Калам Азада (1888–1958 гг.). Данная статья посвящена религиозно-философскому учению Азада, его восприятию главных идей, изложенных в Коране, влиянию мусульманского реформаторства и иных идеологий на его религиозную концепцию.

Абул Калам Азад был одним из лидеров национально-освободительного движения в Индии (1915–1947 гг.). Его имя вспоминается потомками «как одного из великих борцов за свободу Индии» и «борца за интеллектуальное освобождение человека, … борющегося против интеллектуального и религиозного мракобесия» [15, p. ix]. Современники отмечают, что Азад «был ученый, который оказался втянут в политику силой обстоятельств» [13, p. viii]. Выдающийся деятель освободительного движения Индии – Мохандас Карамчанд Ганди во вступлении к биографическим мемуарам, посвящённых Азаду, писал: «В знании ислама его никто не превзойдет. Он большой арабский ученый. Его национализм столь же крепок, как и его вера в ислам» [12, p. iv]. Доктор философских наук, востоковед М. Т. Степанянц отмечает, что до сих пор российские ученые изображали Азада прежде всего, как политического деятеля, а его философские и социальные взгляды не получили должного изучения [16, p. 201]. Политические взгляды Азада логически вытекали из его религиозно-философских представлений. Религия была фундаментом, на котором строилось его мнение по таким ключевым вопросам истории Индии как методы достижения независимости, вопрос участия во Второй мировой войне, пути решения религиозно-общинной проблемы.

Азад происходил из старинного рода делийских исламских правоведов [8, с. 48]. В юности Абул Калам получил мусульманское образование «в духе старых традиций» [1, с. 34]. Его отец – маулана Мухаммад Хайрудин, не верил в западное образование и сначала обучал сына сам [1, с. 34–35]. Впоследствии маулана Хайрудин выбрал отдельных учителей – «самых известных учёных в каждой области знаний» [1, с. 35]. Абул Калам изучал персидский и арабский языки, философию, логику, геометрию, алгебру, географию, историю и исламское богословие. Курс, рассчитанный до 20–25 летнего возраста, он освоил к 16 годам.

Примерно в это время Азад «впервые столкнулся с произведениями» главного вдохновителя мусульманского национального движения в Индии Саида Ахмада-хана (1817–1898). Ахмад-хан выступал за необходимость получения мусульманами европейского типа образования. Познакомившись с его трудами Азад понял, что «в современном мире человек не может считаться образованным, если он не изучит современные науки, философию и литературу». Азад овладел английским языком и стал уделять много внимания дополнительному изучению истории и философии [1, с. 35].

Саид Ахмад-хан был одним из главных идеологов религиозного реформаторства в исламе в XIX веке. З. И. Левин выделяет ряд признаков мусульманского реформаторства: 1) в центре внимания находился вопрос места человека в сотворённом Богом мире; 2) светское право признавалось наряду с божественным; 3) ислам становился религией разума; 4) у человека появлялась свободная воля в рамках божественного предопределения; 5) люди были равны перед Богом и законом [6, с. 98–100]. Сочинения Ахмад-хана заставили Азада переосмыслить религиозное учение: «старая ортодоксия начала казаться ему ограниченной, и даже вера в Бога и общепринятые догматы претерпели грубое потрясение». С этого времени в нём «рождается радикальный дух реформ и революции» [12, p. 17].

В возрасте около двадцати лет Азад совершил поездку по Ближнему Востоку, посетил Ирак, Сирию, Египет, Турцию. Позже побывал в Европе, во Франции. Познакомившись с арабскими и турецкими революционерами, он ещё раз убедился в необходимости участия индийских мусульман в национальной борьбе за свободу.

Его главным литературным трудом, в котором раскрывается взгляд на ислам, являются три тома, посвящённые толкованию Корана: «Введение» («Muqaddama-i-Tafsīr»), «Комментарии» («Tafsīr-al-Bayān»), «Толкование Корана» («The Tarjuman al-Qur'an»). Первым по «приоритету важности» Азад считал работу «Толкование Корана». По его собственному признанию этот труд «образует основу, на которой покоятся две другие работы» [10, p. xxxix] и представляет универсальность мусульманского учения [10, p. xi]. «Введение» подробнее излагало главные цели и идеи Корана. «Комментарии» были рассчитаны на ученых и предназначались для более детального изучения [10, p. xxvi].

Первое издание «Толкование Корана» увидело свет в 1930 г. Оно сразу привлекло внимание учёных Индии и за рубежом. Сам Азад рассматривал свою работу «как яркую веху в области исламской мысли» [15, p. ix]. Второе издание с изменениями было опубликовано в феврале 1945 г. Оба издания печатались на урду и были рассчитаны на мусульманское население Индии. На момент второго издания Азад находился в заключении в Ахмаднагарской крепости. Он понимал, что близится окончание Второй мировой войны и скоро предстоит заключительный этап борьбы за независимость Индии.

Основная политическая борьба должна была развернуться между партиями Мусульманская Лига (МЛ) и Индийский Национальный Конгресс. Конгресс – крупнейшая политическая партия, которая выступала за создание единой и независимой Индии. Лига пыталась позиционировать себя как единственную политическую силу, представляющую интересы всех мусульман Индии. Борьба за свободу осложнялась отсутствием единства между индусской и мусульманской общинами. Лидер МЛ Мухаммад Али Джинна, являлся сторонником «мусульманского национализма» [2, с. 188] и выступал за раздел Индии с образованием независимого государства Пакистан. Абул Калам Азад с 1940 по 1946 г. являлся президентом ИНК и был убеждённым сторонником единой Индии. Несомненно, Азад понимал, что его рели-

гиозно-философская концепция, изложенная в «Толкование Корана», должна способствовать установлению мирных связей среди различных конфессий и сохранению единой Индии. В 1958 г., уже после обретения Индией независимости, этот источник был переведён на английский язык.

Свою цель Азад видел в попытке представить Коран современному миру. Он обращал внимание на трудности, возникающие при изучении священной книги мусульман [10, p. xxx]. Им выделялось четырнадцать «препятствий на пути правильного понимания» Корана [10, p. xxxi]:

1. Смысл Священной книги был передан языком, хорошо понятным первому поколению мусульман. Они получили простую мысль в доступной форме. Влияние римской и иранской цивилизаций породило интерес к «новизне и изобретательности», в результате чего «простота Корана постепенно теряла свое очарование». Попытки усложнить трактовку приводили ко всё большим заблуждениям. В последующие века подход к толкованию неизменно ухудшался. Комментаторы не в состоянии подняться до высот мысли Корана, «попытались низвести его до уровня своего собственного ума» [10, p. xxxi–xxxii];

2. Первое поколение мусульман, общавшееся непосредственно с пророком Мухаммедом, понимало смысл учения лучше последующих поколений. Поэтому необходимо отдавать «предпочтение их толкованию, перед толкованием тех, кто пришёл после них и не имел преимущества тесного общения с пророком» [10, p. xxxiv];

3. Ислам обрастал преданиями и легендами, которые стали оказывать сильное влияние на умы мусульман и использовались при написании комментариев [10, p. xxxv];

4. Для пояснения смысла священных текстов, толкователи всё чаще стали обращаться к преданиям, собранным в более позднее время [10, p. xxxv];

5. Под влиянием греческой философии и логики «красота и привлекательность коранического метода аргументации и демонстрации его истинности были потеряны в сетях диалектических исследований» [10, p. xxxvi];

6. «Применение философии к Корану привело к появлению многочисленных диалектических терминов, в результате чего простые слова арабского языка стали наполняться новыми коннотациями» [10, p. xxxvi];

7. Как следствие такого отношения, появилась идея, что Священная книга мусульман должна поддерживать и одобрять каждое новое научное открытие [10, p. xxxvi];

8. Коран имеет центральную тему и цели. Неправильное их понимание привело к появлению ложной трактовки и комментариев [10, p. xxxvii];

9. Первичным условием правильного понимания смысла священных текстов является наличие у комментатора правильного литературного вкуса, который со временем неуклонно ослабевал. Это приводило к неправильному пониманию терминов и идиом [10, p. xxxvii];

10. Толкование Корана мусульманами изменялось под воздействием исторической эпохи [10, p. xxxvii];

11. Период изысканий и исследований в области исламского учения завершился в IV веке хиджры. После этого практически каждый учёный, пытавшийся написать толкование, слепо следовал трактовке предшественников несмотря на то, что в них могли быть допущены ошибки [10, p. xxxvii–xxxviii];

12. Некомпетентность ученых в последующие периоды мусульманской истории позволяла процветать любой форме интерпретации Корана. Распространялись и были популярны те комментарии, которые не имели никакого отношения к трактовке текстов первыми толкователями [10, p. xxxviii];

13. Новые толкователи использовали компиляции исследований предшествующих учёных. Там, где предыдущие учёные предлагали различные интерпретации, составители новых неизменно выбирали «самую слабую», «не останавливаясь на подходящих или правильных толкованиях, с целью потворствовать господствующему вкусу» [10, p. xxxviii];

14. Лидеры различных течений ислама использовали стихи Корана для поддержания их раскольнических идей. Не желая довольствоваться ясным смыслом, они интерпретировали текст в соответствии со своими взглядами [10, p. xxxix].

Признавая, что любой «автор произведения является продуктом своего интеллектуального окружения», Азад пытался передать смысл Корана так, как его понимало первое поколение мусульман [10, p. xxxi]. Он пишет: «Я не могу сказать, насколько мне это удалось. Но я могу сказать с уверенностью, что я открыл новый путь для разумного» подхода к Корану» [10, p. xxxix].

«Толкование Корана» состоит из семи разделов: «Главное» («Sūrat-ul-Fātihā: Importance»), «Хвала Господу» («Praise of God: Hamd»), «Божественное провидение» («Divine Providence: Rubūbiyat»), «Божественное милосердие» («Divine Benevolence: Rahmat»), «Божественная справедливость» («Divine Justice: ’Adālat»), «Понятие Бога» («The Concept of God: Tawhīd»), «Божественное руководство» («Divine Guidance: Hidāyat»). В рамках данной статьи не представляется возможным подробно рассмотреть каждый из разделов. Поэтому ниже будут представлены идеи, которые, по мнению автора статьи, являются наиболее важными.

Коран провозглашал единство Бога. Величайшая ошибка, по мнению Азада, которую совершил человек в трактовке понятия Бога, состояла в том, что он «рассматривал Бога как Бога не любви, а ужаса» [11, p. 8]. Цель человеческой жизни заключается в добродетельных мыслях и поступках, которые являются отражениями сущности Бога [11, p. 77].

Азад считал, что высший призыв Корана, это призыв к разуму человека и его способности размышлять [11, p. 139]. Познать Бога возможно через познание мира: «Изучение изобретения приводит ученика, … непосредственно к самому изобретателю [11, p. 10]. Но полное познание Бога невозможно. Говоря о высшем знании, о Боге «самое большее, что человек может сказать … это просто признать глубину своего невежества о нём» [11, p. 16].

Маулана выделяет три основных «атрибута» Бога: провидение, милосердие и справедливость. Божественное провидение устроило мир таким образом, что главной его целью является поддержание и развитие жизни на Земле [11, p. 24].

Второй атрибут Бога – милосердие: «милость Божья требует, чтобы всё, что появляется на свет, было добрым и прекрасным» [11, p. 49]. Милосердие проявляется и в том, что Бог не сразу карает за совершённый злой поступок, он даёт время человеку исправиться и «загладить свою вину» [11, p. 68]. В Коране провозглашался принцип, согласно которому зло во всех его проявлениях обречено на неудачу, а добро – на успех [11, p. 71]. Возможность исправиться распространяется не только на отдельных людей, но и на целые нации [11, p. 72].

Бог не жесток, награда или наказание в этой жизни не зависят от «Божьего удовольствия или неудовольствия» [11, p. 92]. Всякое действие в этой жизни производит свойственный ему результат [11, p. 91]. Конечное воздаяние или конечный результат наших действий будет явным только в загробной жизни, а до тех пор действует закон милосердия: «жизненные возможности для комфорта и счастья предоставляются одинаково праведным и нечестивым [11, p. 72]. Награда или наказание при жизни не зависят от Божьего удовольствия или неудовольствия, «всякое воздаяние, награда или наказание – это прямая реакция на действие человека», «Бог доволен добрым поступком и недоволен злым» [11, p. 93].

Путь к спасению человека – это путь любви и милосердия [11, p. 81]. Но Коран не призывает человека любить своих врагов, он не «препятствует полному возмездию» за совершённое зло [11, p. 77] и допускает применение силы к тем, «кто умышленно преследовал последователей Корана и проявлял к ним жестокую враждебность» [11, p. 83]. При этом лучше и полезнее для человека «научиться прощать своих врагов», это позволит ему освободить ум «от ненависти и злобы» [11, p. 77].

Учение об отношении к врагу найдет своё применение в вопросе борьбы за независимость Индии и её участия во Второй мировой войне. В обоих случаях Азад допускал возможность применения силы. Он считал, что противопоставление насилия насилию полностью согласуется с естественными законами и обстоятельствами, при которых ислам допускает его применение. Абул Калам долгое время был сторонником ненасильственного метода достижения Индией независимости. До 1942 г. он был «убежден, что Индия не может добиться успеха с помощью оружия» [12, p. 56].

14 июля 1942 г. Рабочий комитет ИНК принял резолюцию «Прочь из Индии!». Конгресс призывал начать массовое движение неповиновения с целью заставить англичан уйти из Индии. Азад считал, что в складывавшихся обстоятельствах военного времени развернуть движение, основанное на принципе ненасилия, было невозможно [1, с. 129]. Движение могло достигнуть цели лишь в случае отказа от принципа ненасилия. По его мнению, только всеобщий саботаж мог «поставить англичан в безвыходное положение и вынудить их пойти на соглашение» [1, с. 130]. С 14 июля по 5 августа Азад встречался с руководителями провинциальных организаций Конгресса. Он разъяснял им, что в случае ареста лидеров ИНК «народ волен прибегнуть к любому методу – насилия или ненасилия – и всеми возможными средствами вести борьбу против правительственного гнёта» [1, с.136].

В период между двумя мировыми войнами в Индии остро стоял вопрос решения религиозно-общинной проблемы. В своём учении Азад пытался примирить отличия и противоречия, которые существовали между различными религиями. Он пытался найти и подчеркнуть то, что объединяло разные религиозные течения. Абул Калам отмечает, что в человеческой истории заметен эволюционный процесс всех религий: от антропоморфизма к свободе от него; от политеизма к монотеизму; от благоговения и ужаса перед Богом до понятия любви [11, p. 104]. При этом корень всех религий един. У каждой расы, страны и эпохи есть свой учитель и пророк, а основные принципы, которым они учат, одни и те же [11, p. 67–68]. Суть религии заключается в поклонении Единому Богу и правильном поведении [11, p. 70]. Цель всех религий привить человеку чувство неприязни к греху, а не к человеку, совершающему грех: «они повелевали нам ненавидеть грех; они не просили нас ненавидеть грешника» [11, p. 82]. «Терпимость – это единственный путь» [11, p. 71]. «Коран говорит, что долг каждого, кто желает идти по пути Божьему, не делать различия между разными пророками и между писаниями, верить в них одинаково и не отрицать ни одного» [11, p. 75].

Любопытно мнение Азада относительно христианства. Между учениями Корана и учением Христа нет никакого противоречия – считает он. Предписания Корана и Библии одинаковы. Христос пришёл в общество, в котором уже был установлен закон Моисея. Он принёс послание о любви, прощении и чистоте жизни, которое противопоставил «религиозному лицемерию», «внешнему соблюдению ритуалов и отсутствию морали» [11, p. 78–79]. Коран же представлял этику и закон одновременно [11, p. 82].

В своём учении Христос подчеркивал важность внутренней жизни по сравнению с внешней и пытался возродить для человека забытое, но вечное послание гуманности и любви [11, p. 79]. «Цель Христа состояла в том, чтобы привить человеку чувство любви, а вовсе не в том, чтобы установить закон против наказания за преступление». Она состояла в том, «чтобы позволить человеку основывать свои действия на любви и прибегать к наказанию или возмездию только в самом крайнем случае и только для исправления» [11, p. 81].

Азад выделяет три главные идеи, изложенные в Коране:

1. Единственное средство к спасению – это вера в единого Бога и добрые дела. Принадлежность человека к какой-либо определённой группе или религии не является определяющим фактором [11, p. 163]. «Спасение является результатом приверженности Богу и праведной жизни, и не зависит от расовой или групповой принадлежности, от соблюдения обычаев, ритуалов или церемоний [11, p. 181];

2. Коран «провозглашал единство религий» [11, p. 180]. «Главная цель религии состояла в том, чтобы сохранить единство человечества и никогда не способствовать его разъединению» [11, p. 182]. Открытая Богом истина едина для всего человечества [11, p. 163–164], все религии «богооткровенные» [11, p. 182]. «Существует духовный закон жизни, который регулирует и управляет жизнью человека, и этот закон один и тот же для всех» [11, p. 182];

3. Истинная религия – это поклонение «единому Богу без какого-либо посредничества» [11, p. 164].

Написанные Азадом комментарии Корана, высоко ценились даже теми, кто расходился с ним в социальных и политических взглядах. Глубокая ученость и критический ум мауланы были бесспорны не только среди мусульманских ученых и богословов в Индии, но и в других исламских странах [12, p. 67–68]. Доктор Саид Абдул Латиф отмечает, что труды мауланы Абул Калам Азада «занимают прочное место в области исламского образования» [14, p. xvi]. Сам Абул Калам Азад рассматривал свое достижение в толковании Корана «как отчетливую веху в области исламской мысли» [14, p. x].

Религиозно-философскую концепцию Азада органично дополняет его взгляд на понятия свободы и единства человечества. Они подробно описаны в его биографических мемуарах [12]. В представлении Азада ислам представляет собой совершенную систему свободы и демократии. Коран был послан Богом, чтобы вернуть человечеству свободу, которую у него отняли «монархи, чужеземные владычества, эгоистичные религиозные понтифики и могущественные секты». Ислам провозгласил, что никто, кроме Бога, не имеет права делать божьих созданий крепостными и рабами. Все люди равны, и их основные права одинаковы. Суверенитет Пророка ислама и Халифа был совершенной концепцией демократического равенства, и он мог сформироваться только при наличии свободной воли всего народа, единства, избирательного права и выборов. Вот почему суверен или президент республики подобен назначенному Халифу. Хилафат означает не что иное, как представительство, вся власть, которой обладает Халиф, состоит в его представительном характере, и он не имеет никакого господства за пределами этой представительной власти [12, p. 52].

Ислам устанавливает, как обязанность мусульман отказываться признавать власть даже Исламского правительства, если в нем не дается полная свобода воле и волеизъявлению нации. Истинный мусульманин должен либо сохранить свою свободу, либо принести себя в жертву. Никакой другой путь невозможен для него в соответствии с его религией [12, p. 54].

Многие проблемы понимания Корана, описанные Азадом, подтверждаются современными исследователями. Отечественный исламовед А. А. Игнатенко в своей статье «Божественное» и человеческое в исламе» пишет о влиянии «греко-римского наследия», которое привело к ««европеизации» «исламского» мира». В VIII веке «из-за недоступности широко понимаемого социального и культурного контекста» Корана, «который оказался безвозвратно утраченным» его перестали понимать даже арабы. Изменение исторических условий и новое «углубленное» изучение придавало Корану новый смысл [4, с. 70–71].

В другой статье А. А. Игнатенко «Ислам в XXI веке: главные направления исследований» говорит о проблеме «исламостроительства» – создания идеологических, организационных и вероучительных конструкций, подстроенных под современные политические, социальные и экономические условия [5, с. 12]. В результате «исламостроительства» появляются секты. Подобные секты могут заниматься террористической деятельностью, провоцировать межэтнические и межконфессиональные конфликты, создавать незаконные вооружённые формирования, внедрять «квази-государственных образований в зонах ослабленного государственного контроля за национальной территорией» [5, с. 24].

М. И. Билалов пишет о специфике исламской философии. По его мнению, её особенностями являются: «многовариантность, отказ от навязывания верующим единого мнения, от претензии на абсолютную истинность» [3, с. 29]. М. М. Марданшин считает, что «исламская цивилизация» предлагает правила поведения для всех людей, основанные «на вере в Единого Бога и Его заветы, взаимном уважении и гуманизме, взаимопомощи между людьми» [7, с. 196].

В конце XIX–XX вв. в исламском мире были популярны теории панисламизма и «мусульманского национализма». Сторонники панисламизма призывали к объединению мусульман всего мира. Теория «мусульманского национализма», предполагала создание суверенного мусульманского государства с мусульманским большинством населения. В Индии «мусульманскому национализму» противопоставлялся «индусский коммуналиизм». Обе теории утверждали правомерность существования двух самобытных наций, индусов и мусульман. При этом, ни одна из теорий не гарантировала права иноверцам и людям равнодушным к вере. В своём религиозно-философском учении маулана Абул Калам Азад предлагал путь решения этой проблемы – путь терпимости. Он говорил о возможности для мусульман жить в светском государстве, в котором будут сосуществовать представители разных религий (мусульмане, индусы, сикхи, христиане). Возможно, здесь сыграло роль объединительное начало панисламистской теории, сторонником которой Азад был в молодости. Азад демонстрирует что ислам – это религия свободы. Его учение открывало путь мусульманам Индии и всех стран для мирной жизни в любом государстве. Л.А. Черешнева в своей статье «Южноазиатский урок» отмечает, что в наше время значительно возрос уровень межконфессиональных противоречий. Наше время бросает вызов южноазиатам и всему человечеству в целом. В связи с чем «требуется прагматическая идеология и технология сохранения единства в многообразии» [9, с. 55]. Такой теорией может служить религиозно-философская концепция мауланы Абул Калам Азада.

Учение Абул Калам Азада вобрало в себя лучшие идеи своего времени: от коранитов он взял идею необходимости критического пересмотра исламского учения с опорой на главный источник – Коран; от мусульманского национализма идею необходимости участия индийских мусульман в борьбе за независимость Индии; от мусульманского реформаторства необходимость секуляризации общества; от панисламизма объединительную тенденцию, выходящую за рамки единства людей по национальному или религиозному признаку. Главными факторами единства человечества должны были служить вера в Единого Бога, необходимость праведной жизни и терпимость к другим конфессиям. Религиозно-философская концепция мауланы Абул Калам Азада может помочь при разрешении глобальных проблем, требующих усилия всего международного сообщества.

Источники и литература

1. Азад А. К. Индия добивается свободы. М.: Иностранная литература, 1961. 348 с.
2. Алиев А. А. Ислам и национализм (исламская парадигма в концепциях современной мусульманской государственности) // Россия и современный мир. №2. 2009. С.187–204.
3. Билалов М. И. Философия ислама о специфике исламской философии // Исламоведение. 2019. Т.10. №3. С.20–30.
4. Игнатенко А. А. «Божественное» и человеческое в исламе» // Исламоведение. 2009. №1. С.57–77.
5. Игнатенко А. А. Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Исламоведение. 2010. №3. С.4–29.
6. Левин З. И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX-XX вв. М.: Восточная литература, 1993. 245 с.
7. Марданшин М. М. История ислама (с углубленным изучением истории и культуры ислама): Учебное пособие. Казань: Я3, 2012. 225 с.
8. Степанянц М. Т. Опровергая стереотипы: Абул Калам Азад (1888–1958) // Ислам в современном мире. Том 14. 2018. №3. С.47–56.
9. Черешнева Л. А. Южноазиатский урок // Гуманитарные исследования центральной России. 2016. Вып. 1. С. 54–59.
10. Azad A. K. Preface to the First Edition of the Tarjuman Al-Qur'an // A.K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981. xxv-xliii p.
11. Azad A. K. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981. 254 p.
12. Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. Agra: Shiva Lal Agarwala and Co., LTD. 1946. 146 p.
13. Kabir H. Introduction / Maulana Abul Kalam Azad. A Memorial Volume. Indian Council for Cultural Relations, New Delhi. 1959. vii-viii p.
14. Latif S. A. Foreword to the translation / A.K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road. 1981. xiii-xxi p.
15. Mahmud S. Foreword / A.K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981, ix-xi p.
16. Stepanyants M. The Philosophical and Socio-Political Views of Maulana Abul Kalam Azad // Russia Looks at India. A Spectrum of Philosophical Views. New Delhi: Indian Council of Philosophical Research, 2010. 201 p.

References

1. Azad A. K. Indiya dobivaetsya svobody (*India seeks freedom*). Moscow: Foreign Literature publ., 1961. 348 p. (In Russian).
2. Aliev A. A. Islam i natsionalizm (islamskaya paradigma v kontseptsiyakh sovremennoi musul'manskoi gosudarstvennosti) (*Islam and nationalism (Islamic paradigm in the concepts of modern Muslim statehood)*) // Rossiya i sovremennyi mir. No. 2. 2009. P. 187–204. (In Russian).
3. Bilalov M. I. Filosofiya islama o spetsifike islamskoi filosofii (*Philosophy of Islam about the specifics of Islamic philosophy*) // Islamovedenie. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 20–30. (In Russian).
4. Ignatenko A. A. «Bozhestvennoe» i chelovecheskoe v islame» *(«The «divine» and the human in Islam»*) // Islamo-vedenie. 2009. No. 1. P. 57–77. (In Russian).
5. Ignatenko A. A. Islam v XXI veke: glavnye napravleniya issledovanii (*Islam in the twenty-first century: main research areas*) // Islamovedenie. 2010. No. 3. P. 4–29. (In Russian).
6. Levin Z. I. Razvitie obshchestvennoi mysli na Vostoke. Kolonial'nyi period. XIX–XX vv. (*Development of social thought in the East. Colonial period. XIX–XX centuries*). M.: Oriental Literature publ., 1993. 245 p. (In Russian).
7. Mardanshin M. M. Istoriya islama (s uglublennym izucheniem isto-rii i kul'tury islama): Uchebnoe posobie (*History of Islam (with an in-depth study of the history and culture of Islam): Textbook*). Kazan': YaZ publ., 2012. 225 p. (In Russian).
8. Stepanyants M. T. Oprovergaya stereotipy: Abul Kalam Azad (1888–1958) (*Refuting stereotypes: Abul Kalam Azad (1888–1958)*) // Islam v sovremennom mire. 2018. Vol. 14. No. 3. P. 47–56. (In Russian).
9. Chereshneva L. A. Yuzhnoaziatskii urok (*South Asian lesson*) // Gumanitarnye issledovaniya tsentral'noi Rossii. 2016. Issue. 1. P. 54–59. (In Russian).
10. Azad A. K. Preface to the First Edition of the Tarjuman Al-Qur'an // A. K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981. xxv-xliii p.
11. Azad A. K. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981. 254 p.
12. Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. Agra: Shiva Lal Agarwala and Co., LTD. 1946. 146 p.
13. Kabir H. Introduction / Maulana Abul Kalam Azad. A Memorial Volume. Indian Council for Cultural Relations, New Delhi. 1959. vii-viii p.
14. Latif S. A. Foreword to the translation / A. K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road. 1981. xiii-xxi p.
15. Mahmud S. Foreword / A. K. Azad. The Tarjuman al-Koran. Vol. I. Edited and rendered into English by Dr. Syed Abdul, Latif., Hyderabad: Shadi Khana, King Kothi Road, 1981, ix-xi p.
16. Stepanyants M. The Philosophical and Socio-Political Views of Maulana Abul Kalam Azad // Russia Looks at India. A Spectrum of Philosophical Views. New Delhi: Indian Council of Philosophical Research, 2010. 201 p.

Сведения об авторе

Гепалов Александр Сергеевич – аспирант института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) / museum48@mail.ru

Alexander Gepalov – postgraduate student of the Institute of History, Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan (Lipetsk) / museum48@mail.ru

УДК 94(470.63).084.8

А. В. Карташев

4-й СВОДНЫЙ ПАРТИЗАНСКИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК В БОЯХ НА СТАВРОПОЛЬЕ В ОКТЯБРЕ – НОЯБРЕ 1942 ГОДА

Статья посвящена недостаточно изученному вопросу участия партизанских отрядов Ставропольского края в боевых действиях 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса против немецко-фашистских захватчиков в октябре – ноябре 1942 г. В статье на основе журнала боевых действий 10-й гвардейской Кубанской кавалерийской дивизии, наградных документов партизан, материалов из фондов Государственного архива Ставропольского края о партизанском движении на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны, воспоминаний участников сражений и боев и других источников анализируются факты, касающиеся вопросов формирования 4-го сводного партизанского кавалерийского полка, его структуры, комплектования личным составом, рассматриваются условия вхождения в состав названной дивизии и причины выхода из нее, описываются ход боевых действий и их результаты, приводятся примеры мужества и героизма, факты гибели партизан. Данная тема затрагивает такое довольно редкое явление в годы Великой Отечественной войны, как вхождение сводного партизанского полка на правах воинской части в состав кавалерийской дивизии Красной армии для решения задач, несвойственных партизанским формированиям. Полк просуществовал сравнительно небольшой промежуток времени. Потеряв своего первого командира, несмотря на принятое решение о выходе из состава дивизии, партизаны были вынуждены участвовать в кровопролитных боях за село Ачикулак, где вновь понесли большие потери. Проведенный анализ показал сложный характер совместного применения разнородных сил, подчиненных военному командованию и местному гражданскому руководству, стремление партизан к выходу из состава действующей армии для действий в тылу противника согласно своему предназначению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Орджоникидзевский (Ставропольский) край, партизанское движение, сводный полк, Алексей Григорьевич Однокозов.

Andrey Kartashev

4th CONSOLIDATED PARTISAN CAVALRY REGIMENT IN THE BATTLES IN STAVROPOL REGION IN OCTOBER – NOVEMBER 1942

The article is devoted to an insufficiently studied issue of the participation of partisan detachments of the Stavropol Territory in the hostilities of the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps against the Nazi invaders in October – November 1942. Based on the journal of military operations of the 10th Guards Kuban Cavalry Division, award documents of partisans, materials from the funds of the State Archives of the Stavropol Territory about the partisan movement in the Stavropol Territory during the Great Patriotic War, memoirs of participants in battles and battles and other sources, the article analyzes the facts concerning the formation of the 4th consolidated partisan cavalry regiment. Its structure, manning, the conditions for joining the named division and the reasons for leaving it are considered, the course of hostilities and their results are described, examples of courage and heroism, the facts of the death of partisans are given. This topic touches upon such a rare phenomenon during the Great Patriotic War, as the entry of a consolidated partisan regiment as a military unit into a cavalry division of the Red Army to solve tasks unusual for partisan formations. The regiment existed for a relatively short period. Having lost their first commander, despite the decision to withdraw from the division, the partisans were forced to participate in bloody battles for the village of Achikulak, where they again suffered heavy losses. The analysis showed the complex nature of the joint use of heterogeneous forces subordinate to the military command and the local civilian leadership, the desire of the partisans to withdraw from the active army to operate behind enemy lines in accordance with their mission.

Key words: the Great Patriotic War, the battle for the Caucasus, Ordzhonikidze (Stavropol) region, partisan movement, consolidated regiment, Alexei Grigorievich Odnokozov.

Вопрос о партизанском движении на Ставрополье в период Великой Отечественной войны всегда вызывал интерес в кругах историков, краеведов и в целом у общества. О ставропольских партизанах писала «Ставропольская правда» еще во время войны. Героями одного из очерков стали партизанки отряда «Максим», сражавшиеся вместе с частями Красной армии под Ачикулаком [4]. Эта тема широко зазвучала в период празднования 20-летия победы в Великой Отечественной войне. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г. многие участники партизанского движения на Ставрополье в дополнение к наградам военных лет были награждены боевыми орденами и медалями. О партизанах Ставропольского края стали много писать в периодической печати [3]. К исследованию этой темы обратились историки [17, с. 93–124], писатели и журналисты [2]. В ряде изданий были опубликованы архивные материалы по этой теме [7, с. 138–152]. Но наиболее полным и системным исследованием стала диссертационная работа А.С. Линца [5] и изданная вслед за этим его монография в соавторстве с профессором С. И. Линцом [6]. Однако и после выхода в свет этих работ изучение темы продолжилось [1, 8]. Не утихают споры о героях и предателях в наши дни на страницах сайтов Интернета.

Изучая тему боевых действий на территории Ставропольского края, автор обратил внимание, что участие 4-го сводного партизанского полка в боях 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса (4-го гв. КК), описано недостаточно подробно. Известно, что сводный партизанский полк под командованием А. Г. Однокозова в период с 10 октября по 6 ноября 1942 г. вел боевые действия совместно с полками 10-й гвардейской кавалерийской дивизии. Полки корпуса и партизаны периодически совершали внезапные рейды в тылы противника, нарушали его коммуникации, освобождали населенные пункты [6, с. 144–145].

История оставила вопросы: как создавался этот полк, какова была его структура, какие задачи он

решал, в каких боях участвовал, какие бойцы и командиры стали героями и почему полк просуществовал столь короткое время? Ответы на них автор постарался дать на основе изучения различных исторических источников, взаимодополняющих друг друга.

О создании 4-го сводного кавалерийского полка в журнале боевых действий 10-й гвардейской Кубанской казачьей кавалерийской дивизии записано следующее (стилистика и смысловые ошибки сохранены): «На пути следования частей дивизии находился партизанский отряд под командованием секретаря Ипатовского райкома ВКП (б) тов. Однокоза. По договоренности с ним и штабом 4 гв. ККК отряд вошел в подчинение 10 гв. ККД. Партизанский отряд и дивизионная школа младших командиров 6.10.42 г. объединены и сформированы в 4 партизанский полк. Командиром полка назначен Однокоз» [13, л. 30 об., 31]. Из данной записи видно, что полк вначале именовался партизанским. Сводным он будет назван потому, что в него кроме партизанских отрядов влилась дивизионная школа. Фамилия А. Г. Однокозова явно искажена, вероятно, записывалась со слов, либо использовалась как псевдоним. Так или иначе, но это характеризует взаимоотношения штаба дивизии с командованием полка как не очень близкие, как временное явление. К этому следует добавить то, что Алексей Григорьевич был секретарем Благодарненского, а не Ипатовского райкома ВКП (б).

Из материалов архивного дела «Документы о партизанском движении на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны» следует, что полк формировался на базе Северной и Восточной групп партизанских отрядов Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края. Северную группу возглавлял Золотухин Михаил Иванович – второй секретарь крайкома партии. Восточной группой отрядов командовал Однокозов Алексей Григорьевич[1].

Документы свидетельствуют, что 9 октября на время выполнения, партизанские отряды «Гавриил», «Алексей» и «Иван», находившиеся на ферме №2 совхоза «Червленые буруны» выступили на совместное специальное боевое задание с частями 10-й гвардейской Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. На следующий день 10 октября они были реорганизованы в 4-й сводный кавалерийский полк, который временно вошел в состав этой дивизии.

Из партизанских отрядов были сформированы 2-й и 3-й эскадроны. В качестве первого эскадрона в состав полка вошла дивизионная школа. Командование дивизии выделило полку одну 76-мм пушку. К полку был прикомандирован командный состав: в качестве заместителя командира полка – майор Таранин, помощниками начальника штаба – старшие лейтенанты Ловлинский, Иванов и лейтенант Васильев, помощником командира полка по материально-техническому снабжению – капитан Красанев, военврач Шалунов и другие военнослужащие [15, л. 32, 32 об.].

В 10-й гвардейской кавалерийской дивизии служил гвардии майор Таранин Александр Сергеевич (1907–1944) – кадровый военный, призванный в ряды Красной армии в 1928 г. из г. Ленинграда. На фронтах Великой Отечественной войны находился с 1942 г. На январь 1943 – командир 42-го гвардейского кавалерийского полка 10-й гв. КД. Воевал на Южном и Северо-Кавказском фронтах, освобождал Белоруссию. К марту 1944 г. имел воинское звание подполковника. Под его командованием полк был удостоен ордена Красного Знамени и почетного наименования «Барановичского». Сам Александр Сергеевич был награжден орденами Красного Знамени, Суворова III степени и Отечественной войны I степени. В марте 1944 года был ранен. Погиб в июле 1944 г. в боях за освобождение белорусского города Слуцк. Сложно оценить его роль в управлении боевыми действиями 4-го сводного кавалерийского полка, ибо его фамилия в документах 10-й гв. КД и сводного полка более не упоминается. В числе представленных к наградам в этот период его тоже не было.

В том же 42-м гвардейском кавалерийском полку служил старший лейтенант Лавлинский Александр Андреевич, 1915 г.р., к январю 1943 г. он был командиром сабельного эскадрона. Прошел всю войну, не дожив до победы несколько дней. Умер от ран, полученных в бою 19 апреля 1945 г., в Австрии. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды и Отечественной войны I степени посмертно. Его имя упоминалось в связи с 4-м партизанским полком.

Сведения, содержащиеся в наградном приказе командира 4-го гв. КК от 13 декабря 1942 г. № 01/Н, дают представления о том, что в составе эскадронов имелись взводы, их было не менее трех в каждом эскадроне. Кроме того, в состав эскадронов входили минометные и пулеметные расчеты, расчеты противотанковых ружей (ПТР), санитарные инструкторы и медицинские сестры. Бойцы именовались не казаками, как в 10-й гв. КД, а красноармейцами. Из других документов дела следует, что подавляющее большинство личного состава составляли коммунисты и комсомольцы.

Кадровых военных в полку не было, за исключением немногих офицеров запаса. Так, Ивантеев Григорий Игнатьевич, капитан танковых войск запаса, которому в ту пору исполнилось 52 года, в силу своего возраста исполнял обязанности помощника командира взвода 2-го эскадрона. Старший политрук Елистратов Александр Васильевич, 1894 г.р., числился рядовым бойцом полка, сорокалетний политрук Морозов Иван Павлович был командиром взвода, а политрук Базь Иван Антонович, 1904 г.р. – вторым номером расчета ПТР. Эти люди до войны находились на партийной работе, поэтому в военное время стали именоваться политруками. Но так как партизанские отряды создавались из числа партийных и советских работников, сотрудников НКВД, учителей, то этим людям пришлось выполнять обязанности рядовых бойцов и младших командиров.

В полку имелись и представители более молодых возрастов: наводчик миномета Братков Н. Т. имел 23 года отроду. Среди партизан было немало женщин: Долина А. В., Мирошниченко А. А., Мохна-

[1] Такое деление просуществовало недолго, обе группы вскоре после начала оккупации края слились в одну. Ее называли то «Северная», то «Восточная».

чева А. Г., Некрасова Л. И., Тонконогова А. А. и другие. Кому-то из них было около 40 лет, как председателю колхоза Акелине Александровне Мирошниченко, а кому-то – 22, как связной штаба Елене Кокташ – учителю средней школы села Тахта. Медицинский персонал был представлен также женщинами: санинструктор эскадрона Петрова В. М., медсестры Енина А. И., Корниенко М. Н. Всем им было не более 20–22 лет [15, л. 3, 3об., 4].

Численный состав полка определить довольно сложно. Если брать в расчет, что первоначально в полк влились только отряды «Гавриил» (70 чел.), «Алексей» (47 чел.) и «Иван» (28 чел.), то в составе двух партизанских эскадронов насчитывалось немногим менее 150 человек. В последующем в составе сил, воевавших во Владимировке и Ачикулаке, были представлены и другие отряды, например, «Максим» (79 чел.), «Сергей» (72 чел.). С учетом этого количество партизан в полку могло доходить до трехсот и даже более. Это, не считая дивизионной школы. Кстати, о результатах действий 1-го эскадрона (школы) не упоминается ни в партизанских документах, ни в журнале боевых действий 10-й гв. КД. А на конец октября школы в составе полка уже и вовсе не было.

Первый бой сводного партизанского полка в составе дивизии состоялся 15 октября 1942 года. 14 октября командир корпуса поставил задачу 10-й гв. КД овладеть Владимировкой [12, л. 96]. Владимировка – село в Левокумском районе Ставропольского края, расположенное в 13 километрах от райцентра – села Левокумского и в 20 километрах (по дороге) от села Урожайное.

К 6.00 15 октября части 10-й гвардейской кавалерийской дивизии, а вместе с ней и 4-й сводный партизанский полк, сосредоточились и заняли положение для наступления. Противник, деморализованный внезапностью атаки, в панике бежал на Правокумское. Отдельные группы врага, оказавшие сопротивление, были уничтожены. К 8.00 Владимировка была полностью очищена от немцев [14, л. 355].

Стоит обратить внимание на то, что в бою за Владимировку принимали активное участие части 10-й гв. КД. Поэтому приписывать успех в ее захвате исключительно партизанам нельзя. Вот что записал в своем дневнике замполит 24-го гвардейского кавалерийского полка батальонный комиссар М. П. Давыдов: «Во Владимировку ворвались на рассвете в конном строю. Немцы не ждали. Паника. 40 пленных захватили казаки. За один день четыре раза появлялись немцы перед Владимировкой. Хотели во что бы то ни стало вернуть населенный пункт. Но все их попытки кончились неудачей. Сильна была злость казачья» [16, с. 106].

В то же время партизан Михаил Струков вспоминал: «Разгромив немецкий гарнизон, состоявший из батальона мотопехоты, наш партизанский полк построился в колонну и направился к центру села. Неожиданно со стороны Левокумского показались немецкие автомашины с гитлеровцами, спешившими на помощь своим. Я ехал левым крайним в ряду и отлично видел, как на перекресток улиц, наперерез движению немцев, вырвался командир нашего сводного полка Алексей Григорьевич Однокозов вместе с начальником взвода разведки Благодарненского отряда Вячеславом Петровичем Скляровым. Они первыми открыли огонь по немцам, увлекая всех нас, но тут же были сражены фашистскими пулями. Ни одному фашисту не удалось уйти живым тогда от справедливой нашей мести…» [2, с. 359].

Представление к награде командира Апанасенковского партизанского отряда Н.А. Попова свидетельствует о том, что Никита Абрамович в бою 15 октября исполнял обязанности командира эскадрона 4-го сводного полка. Он одним из первых бросился в атаку на группу немецких солдат и офицеров, уничтожив одного солдата и одного офицера [11, л. 136]. Возможно, комэск был где-то неподалеку от командира полка, но благодаря стечению обстоятельств он остался жив в этом бою и не смог помочь своему командиру.

Крайне неоднозначной выглядит фраза из документа «Материалы к итоговому отчету о боевой и разведывательной деятельности партизанских отрядов Ставрополья»: «В то время, когда основная часть личного состава партизанских отрядов Северной группы отбивала яростные атаки противника в районе Ачикулак, отдельные группы партизан действовали в тылу противника. Так, 15 октября группа партизан из Благодарненского, Шпаковского, Ворошиловского и других отрядов произвела налет на немецкий гарнизон, расположенный в селе Владимировка. В результате налета было уничтожено: автомашина с рацией, 4 офицера, 23 солдата и 2 белоказака. Был взят в плен один офицер вместе с легковой автомашиной» [15, л. 32 об.].

В этих строках речь идет о том бое во Владимировке, в котором погиб командир полка А. Г. Однокозов. Похоже, что командование Северной группы партизанских отрядов действия полка Однокозова в составе кавалерийской дивизии всерьез не воспринимало и рассматривало их как «партизанский налет». К тому же бой во Владимировке – налетом в тыл противнику назвать сложно, так как сплошной линии боевого соприкосновения противостоящих войск не существовало, немецкие войска держали оборону в этом районе отдельными гарнизонами, расположенными в таких населенных пунктах как Владимировка, Урожайное, Ачикулак.

В то же время о действиях партизанских отрядов Северной группы в том же документе писалось следующее: «С 10 октября партизанские отряды временно объединили свою борьбу против немецких оккупантов с 10 гвардейской кавдивизией. По заданию командования дивизии проводили боевые операции, координируя их с частями кавдивизии. Во 2-й половине октября противник в районе Ачакулин (Ачикулак – *Авт.*) предпринял наступление, поставив себе задачу: прорвать оборону наших частей, захватить Кизляр и выйти на побережье Каспийского моря. Немцы пустили в бой большое количество танков, авиации и пехоты. Положение на этом участке фронта было критическим, враг, не считаясь ни с какими потерями, предпринимал атаку за атакой. Партизанские отряды, действуя совместно с частями Красной Армии, заняли оборону и стойко выдерживали танковые атаки противника, уничтожив при этом 4 танка, 2 мотоцикла, 106 солдат и офицеров противника» [15, л. 32–32 об.].

В дневнике действий партизанских отрядов Северной группы, который вел начальник штаба

группы А. Н. Попов (однофамилец Н. А. Попова), за 16 октября была сделана такая запись: «На линию обороны, занимаемую по левому берегу реки Кумы вокруг села Владимировка 4-м сводным кавполком (на участке 3-го эскадрона – командир эскадрона – командир отряда «Сергей» – Н. А. Попов) в 10 час. 30 мин. со стороны Левокумки показались 7 немецких средних танка. Спустя некоторое время три танка возвратились обратно в направлении Левокумки, а 4 танка пошли в атаку с десантом автоматчиков. Бойцы встретили танки интенсивным ружейно-пулеметным огнем и огнем из ПТР и минометов, в результате которого был подбит один танк. Атака танков отбита, и последние ушли обратно в направлении Левокумки, потеряв до двух десятков автоматчиков» [15, л. 36].

Журнал боевых действий 10-й гв. КД содержит еще более скупую информацию о действиях сводного партизанского полка. Единственное упоминание представлено так: «16.10.42 г. Противник, перегруппировав силы, решил силой до роты мотопехоты с танками обойти Владимировку с севера и ударить в тыл нашим частям. Массированным огнем 4-го сводного КП атака противника была отбита с большими для него потерями. <…> В боях под Владимировкой пали смертью командир 4-го сводного кав. полка Однокоз и другие» [13, л. 31–31 об.].

Из «Описания действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа» следует, что 17 октября противник вел наступательные бои из района Ачикулак против частей 9-й и 10-й гв. КД, занимавших Урожайное и Владимировку [12, л. 96 об.]. Подробностей о действиях сводного партизанского полка в этот день найти не удалось.

18 октября вследствие того, что немецкие войска потеснили 30-ю КД и 9-ю гв. КД, захватив село Камыш-Бурун, командир 4-го гв. КК приказал 10-й гв. КД выбить противника из села. Когда полк вслед за другими частями дивизии на рассвете подошел к Камыш-Бурун, село оказалось свободным, противник покинул его и ушел на Ачикулак за несколько часов до этого. Части дивизии заняли линию обороны в северо-восточном направлении по окраине Камыш-Бурун, прикрывая подходы к нему со стороны реки Кумы и села Урожайное [15, л. 36 об.].

В течение следующей недели 10-я гв. КД боев не вела. А 25 октября из Ачикулака 13 тяжелых и средних танков противника пытались прорваться на юго-западную окраину Камыш-Бурун и открыли огонь из орудий по боевым порядкам двух полков дивизии, но, встретив дружный огонь артиллерийского дивизиона, были вынуждены отойти [13, л. 32 об.].

В этот же день в партизанском дневнике появилась запись о том, что во время совместной разведки с 24-м кавалерийским полком под селом Урожайным была убита партизанка отряда «Иван» Анна Михайловна Шилина – девушка 18 лет, секретарь Советского райкома ВЛКСМ. Находясь в разведке, спасая жизнь раненого командира, Анна попала в окружение. Гитлеровцы пытались взять ее живой, но отважная партизанка выстрелами из пистолета и гранатами уничтожила семь немцев, а сама геройски погибла [17, с. 115].

27 октября в 13.30 с левого берега Кумы со стороны села Урожайного немцы открыли огонь из минометов по расположению партизанского полка и штабу дивизии. Во время этого обстрела был тяжело ранен тремя осколками в голову и грудь партизан Василенко из отряда «Гавриил» – помощник оперуполномоченного Петровского районного отдела НКВД. Полк потерял 26 лошадей, 2 тачанки и 1 бричку [15, л. 36 об., 52].

Далее в дневнике А. Н. Попова есть запись о том, что 28 октября некий «дядя Миша» вел переговоры с командиром 10-й гв. КД о выходе партизанских отрядов из состава дивизии. Командир дивизии сам отказался решать этот вопрос, и «дядя Миша» выехал к командиру корпуса. Под псевдонимом «дядя Миша», скорее всего, скрывался Михаил Иванович Золотухин.

Желание партизан выйти из состава кавалерийской дивизии можно объяснить тем, что, проводя дни в обороне без боев, они не выполняли своих главных задач: не совершали рейды по тылам противника, не расправлялись с предателями, не проводили диверсий. Моральный отпечаток накладывала гибель в первом же бою командира полка. Действуя в составе дивизии, партизаны лишались инициативы, и как видно из следующего примера, были не согласны с характером боевых задач, которые ставило перед полком командование дивизии.

Пока «дядя Миша» ездил к командиру корпуса, 29 октября 4-му сводному полку была поставлена задача: наступать на противника в селе Урожайное, действуя в лоб. Вероятно, полки самой дивизии должны были атаковать село с флангов и тыла, а партизанам предстояло связать противника боем со стороны фронта. По мнению командования полка, такой план из-за неподготовленности личного состава неминуемо должен был привести к значительным человеческим жертвам. От имени штаба группы партизанских отрядов партизаны известили командование дивизии о том, что в 20 часов полк выходит из подчинения дивизии и покидает район ее расположения. Ответа на это извещение командование дивизии не дало, но первоначальная задача о наступлении на Урожайное была отменена.

На следующий день, 30 октября в полк вернулся «дядя Миша» с сообщением о том, что командир корпуса согласился с выходом отрядов из состава 10-й гв. КД. Комкор обещал в тот же день издать соответствующий приказ об этом. На совещании командного состава отрядов было принято решение двигаться в сторону поселка Бажиган в Ногайской степи. Но когда передали это решение командиру дивизии генерал-майору Б. С. Миллерову, тот приказал полку выполнять его боевой приказ: двигаться вместе с частями дивизии на выполнение специального боевого задания.

Слово командира корпуса, данное «дяде Мише», мало чего стоило в тот момент, когда генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко поставил перед корпусом амбициозную задачу – во что бы-то ни стало захватить сильно укрепленный немецкий опорный пункт село Ачикулак. В предстоящих схватках каждый штык был на счету. Поэтому обещанного приказа не последовало.

31 октября 4-й сводный полк в составе дивизии вышел из района Камыш-Бурун в направлении на Ачикулак. Одним отрядом в 1.00 партизаны «оседлали» дорогу Ачикулак – Урожайное, двумя другими отрядами (кавалерийскую школу изъяли в распоря-

жение штаба дивизии), полк занял оборону на пересечении дорог Камыш-Бурун – Бияш и Владимировка – Ачикулак. Ачикулак обороняло до полка пехоты с танками и бронемашинами.

1 ноября 4-й сводный полк оказался на левом фланге частей дивизии, наступавших на Ачикулак. В результате несогласованных действий дивизий корпуса наступление захлебнулось, и полки 10-й гв. КД перешли к обороне. Немцы 4 раза предпринимали атаки танками, бронемашинами и мотопехотой на линию обороны дивизии. Но три раза их атаки расстраивались огнем артиллерии корпуса и приданной авиации.

В 1.20 немцы пошли в атаку 4 танками и 16 авто- и бронемашинами. К линии обороны прорвались все 4 танка и 2 автомашины с пехотой. Партизаны встретили танки с исключительной выдержкой и стойкостью. Даже, когда танки обошли левый фланг полка, бойцы продолжали вести интенсивный огонь по противнику. После того, как два танка и две машины были подбиты, остальные повернули назад. В этом бою полк уничтожил 67 гитлеровцев, включая двух офицеров. Особо отличился помкомвзвода Г. И. Ивантеев из отряда «Гавриил». Он бежал за одним из танков с бутылкой с зажигательной жидкостью в руке несколько десятков метров, пока не смог бросить ее под танк, после чего последний был вынужден развернуться и уйти назад. Кроме того, Ивантеев уничтожил двух мотоциклистов и в ходе боя подтащил к своему окопу один из мотоциклов, захватив его в качестве трофея [10, л. 17].

В бою 1 ноября боец Н.Ф. Степанов при отражении атаки танков противника смело выскочил из укрытия и пошел навстречу танку, после броска гранаты танк повернул обратно. Боец А. В. Долина образцово осуществляла связь между взводами своего эскадрона, под огнем врага подносила лотки с минами на огневой рубеж обороны. Бойцы 2-го эскадрона Я. С. Яковлев, А. А. Тонконогова и Л. В. Некрасова, находясь в дозоре впереди линии обороны на открытой местности без укрытия, при атаке противника хладнокровно открыли огонь по немецким автоматчикам. Встретив вражеский танк гранатой, Анна Тонконогова оказалась под ним, но, увернувшись от гусеницы, осталась живой. Оказала первую помощь раненым товарищам, перевязала свои раны и до конца боя не покидала оборону своего подразделения. Увернуться от гусениц удалось и Любови Некрасовой. Рядом с ней находилась боец А. Г. Мохначева, которая также оказывала первую помощь бойцам, попавшим под немецкие танки [10, л. 2, 25, 35, 40, 42].

Под их гусеницами погибла партизанка Т. П. Паюк из отряда «Гавриил». Паюк Татьяна Порфирьевна (1918–1942) 1 ноября во время трех танковых атак противника дважды предотвратила проникновение немецких танков к линии обороны партизан. Во время третьей атаки Татьяна до последней минуты оставалась на наблюдательном пункте и погибла смертью храбрых. Посмертно награждена орденом Красного Знамени [11, л. 132].

Бехтин Иван Андреевич из того же отряда был убит немецкими автоматчиками, тяжело ранен Ашкоян, ранение получил также заместитель командира 3-го эскадрона старший лейтенант Видаш [15, л. 37].

Медицинскую помощь раненым оказывала медсестра Любовь Петровна Докучаева (1894 г.р.). Под обстрелом противника в бою под Ачикулаком 1 ноября 1942 года она вынесла с поля боя 17 раненых, уничтожив при этом двух немецких солдат [11, л. 156].

2 ноября полк продолжал участвовать в боях за Ачикулак.

Часть партизан под руководством Александра Николаевича Соколова – командира отряда «Гавриил» (и командира эскадрона полка) занимала оборону на дороге Владимировка – Ачикулак, ближе к Ачикулаку, а вторая – сначала занимала оборону около КП дивизии, а затем перешла в наступление на восточную окраину Ачикулака. Во второй половине дня вторая группа без потерь, несмотря на ожесточенный огонь противника, смогла войти в село.

Первым занял восточную окраину Ачикулака эскадрон под командованием Н. А. Попова, предотвратив заход противника во фланг артиллерийскому дивизиону 10-й гв. КД [11, л. 136]. В первых рядах атакующих был политрук Г. П. Бугаев – командир отделения 3-го эскадрона вместе со своими бойцами, 3-й взвод 2-го эскадрона под командованием политрука И.П. Морозова [10, л. 23, 32]. Во время налета немецкой авиации с бреющего полета был убит боец отряда «Владимир» шофер Василий Дроздов, который здесь же и был похоронен.

Вечером полк был собран по приказанию командира дивизии. В полку был получен приказ на отход, об этом нужно было сообщить группе Соколова. Для этого к ней был направлен помощник начальника штаба старший лейтенант Ловлинский, который лучше других знал местоположение группы. Но офицер штаба ее не обнаружил. Решили оставить на месте основной группы начальника боепитания Олейника с тем, чтобы он вывел потом группу Соколова на новое место дислокации.

3 ноября 4-й партизанский полк без группы Соколова отошел от Ачикулака. Командир 10-й гв. КД организовал поиск группы с помощью самолета. Экипаж доложил, что бойцы Соколова находятся в 10–15 км от основных сил полка.

На следующий день выяснилось, что утром 3 ноября на группу Соколова, остававшуюся в обороне на прежнем рубеже, стали наступать немецкие танки и мотопехота. Они разгромили обоз и угрожали уничтожением всей группе. Отразив первую атаку, партизаны стали отходить, разделившись на мелкие группы. При этом снова отличился Г.И. Ивантеев, который во главе 12 бойцов прикрывал отход своих товарищей. В ходе боя с танками и мотопехотой противника его отделение уничтожило 2 танка и 17 гитлеровцев. При выходе из окружения 3 ноября в районе Ачикулака заместитель командира партизанского отряда Ипатовского района А.И. Бондаренко убил шестерых немецких солдат [11, л. 148].

Минометчики И. Д. Гулак, Н. Т. Братков и П. К. Верховец при выходе из окружения в группе Соколова 3 ноября уничтожили немецкий миномет с расчетом. Выходя из окружения, они вынесли с собой свой миномет с боеприпасами и доставили его в полк. Первый номер расчета ПТР И. И. Дорохин подбил танк противника и, выходя из окружения, сохранил не только свое ружье и боеприпасы к нему, но и еще одно противотанковое ружье. Минометчик

А. С. Королев, выходя из окружения, сохранил не только свой миномет, но и вынес два ПТР и пулемет, затем вернулся к месту боя за ранеными бойцами полка. Исключительную храбрость и боевое умение в боях 1 и 3 ноября проявил взвод старшего политрука К. Г. Коломейцева. Под его руководством бойцы уничтожили до 40 гитлеровцев, понеся незначительные потери. Командир отделения политрук Ф. Д. Лелеков 3 ноября, отбивая атаку автоматчиков, застрелил немца, но, будучи раненым в голову, не вышел из боя. Раненых на поле боя под огнем неприятеля перевязывала медсестра А. И. Енина, до возвращения в полк на протяжении всего пути следования она продолжала ухаживать за ними. От полного разгрома обоз полка спас военюрист 2 ранга И. Р. Крыжановский – старшина 2-го эскадрона. Под артиллерийским обстрелом он вывел значительную часть повозок с продовольствием и боеприпасами. Ему помогала партизанка А. Г. Мохначева [10, л. 15–28].

Посмертно ордена Красного Знамени был удостоен командир отделения Василий Григорьевич Дуенко (1897–1942). 3 ноября находясь в окружении, во время атаки немецких автоматчиков он уничтожил пятерых гитлеровцев, подпустив их к себе на расстояние 15 метров, а сам погиб [11, л. 118].

В течение нескольких дней в полк возвращались люди из группы Соколова. Из 88 человек, находившихся в группе, смог вернуться 41 человек. Дорого обошлась партизанам ошибка офицера, который искал отряд Соколова не в том месте.

С 6 ноября 1942 года совместные действия партизанских отрядов в составе 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса прекратились. Отряды были переформированы и после непродолжительного отдыха стали направляться для действий в глубоком тылу врага [15, л. 32–36].

По итогам боев за Владимировку и Ачикулак орденами Красного Знамени были награждены А. Н. Попов – командир Северной группы партизанских отрядов, Н. А. Попов – командир Апанасенковского партизанского отряда, Красной Звезды – командование партизанского отряда Ипатовского района М. Ф. Карандин, В. Н. Воронин и А. И. Бондаренко, медицинская сестра Л. П. Докучаева и много других партизан. Представления к этим наградам были подписаны начальником краевого штаба партизанского движения, секретарем крайкома ВКП(б) М. А. Сусловым, приказ о награждении подписал командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. И. Масленников.

Своим приказом по корпусу бойцов и командиров сводного полка наградил генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко. Среди награжденных орденом Красной Звезды в этом приказе значились: И. А. Базь, Н. Т. Братков, Г. И. Ивантеев, М. И. Золотухин, А. С. Королев, К. Г. Соломейцев, Ф. Д. Лелевок, А. А. Тонконогова. Ряд бойцов полка получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Представления к наградам подписали: командир Попов и комиссар Золотухин.

Тут возникает закономерный вопрос: кто командовал полком в оставшиеся дни, после гибели А. Г. Однокозова, с 16 октября по 6 ноября 1942 года? Майор А. С. Таранин, А. Н. Попов или М. И. Золотухин?

Как уже отмечалось, о майоре Таранине информации в дни боев нет. А вот А. Н. Попов в наградном листе, подписанном М.А. Сусловым, значится командиром Северной группы партизанских отрядов Ставропольского края. В описании его подвигов населенные пункты Владимировка и Ачикулак не упоминаются, указаны другие. А в наградном листе М. И. Золотухин, должность которого названа как руководитель партизанского отряда, есть такие слова: «Под его руководством Партизанский отряд в боях за Владимировку, за Ачикулак, за Урожайное, отражая немецкие танки и мотопехоту, показал беспредельную преданность и стойкость в этих боях. Личной храбростью и примером тов. Золотухин воодушевлял и вел партизан в бой. Действуя совместно с 10 гв. кав. дивизией Партизанский отряд под руководством тов. Золотухина заслужил благодарность от командования корпуса». Представление к награде подписал заместитель командира 4-го гв. КК по политической части полковник А. П. Очкин [10, л. 22].

Из этого следует вывод: командиром 4-го сводного кавалерийского полка после гибели А. Г. Однокозова, можно с уверенностью это утверждать, был М. И. Золотухин – тот самый «дядя Миша», решавший организационные вопросы с командиром дивизии и командиром корпуса.

Сложно подсчитать урон противнику, который нанес полк немецко-фашистским захватчикам в результате боев во Владимировке и под Ачикулаком. Есть, например, такие данные. В бою под Владимировкой Шпаковский отряд уничтожил 6, взял в плен 12 немцев, подбил и захватил 2 автомашины. Горячеводский отряд уничтожил 7 офицеров и 2 автомашины, Советский отряд – 7 солдат и 1 офицера, Александро-Обиленский – 37 солдат и офицеров и 2 автомашины, Апанасенковский – 6 офицеров и 17 солдат уничтожено, в плен взято 2 солдата, уничтожено 2 автомашины, в том числе одна с рацией [15, л. 13]. Под Ачикулаком партизанские отряды, действовавшие в составе 4-го сводного кавалерийского полка в период 1-3 ноября, нанесли противнику следующие потери: отряд «Гавриил» (1 ноября) – подбито 3 немецких танка, захвачен мотоцикл, уничтожено свыше 10 автоматчиков. Отряд потерял убитыми 2 и ранеными 21 человека. 3 ноября отряд потерял 6 убитыми и 2 ранеными; отряд «Сергей» уничтожил 1 офицера, 42 солдат, подбил 2 танка, 2 автомашины. Своих потерь в отряде не было; отряд «Иван» подбил 2 танка, сжег 1. Погиб 1 боец [15, л. 20]. В Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края хранится документ, согласно которому за время действий в составе 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса партизанский полк подбил 7 танков, более десяти автомашин и мотоциклов, вывел из строя сотни гитлеровских солдат и офицеров [17, с. 108]. По количеству подбитых танков эти данные соответствуют друг другу, по числу уничтоженных солдат и офицеров противника данные разнятся. По наградным документам бойцов и командиров точно подсчитать число убитых ими в боях не представляется возможным.

Таким образом, можно констатировать, что 4-й сводный партизанский полк просуществовал с 10 октября по 6 ноября 1942 года. Он создавался из числа партизанских отрядов Восточной и Северной

групп. По взаимной договоренности с командованием 10-й гвардейской кавалерийской дивизии полк вошел в ее состав. Основными боями для полка стали бои под Владимировкой 15–17 октября и Ачикулаком с 1 по 3 ноября. После гибели командира полка А. Г. Однокозова полк возглавил М. И. Золотухин. Характер решаемых задач в указанный период не позволял партизанам эффективно решать свои основные вопросы, в связи с этим полк вышел из состава кавалерийской дивизии и стал действовать согласно тактике партизанских отрядов. Героизм и мужество партизан в боях с немецко-фашистскими захватчиками были отмечены командованием корпуса и командующим Северо-Кавказским фронтом: орденами и медалями были награждены многие бойцы и командиры.

Источники и литература

1. Бочкарева З. В. Они приближали победу // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. №2. С. 13–18.

2. Гнеушев В. Г., Попутько А.А. Тайна Марухского ледника. Партизанский заслон. Дыхание лавин. Ставрополь: Кн. изд-во, 1981. 560 с.

3. Демьяненко А. Запомните их имена; Нежинский Б. Бессмертие коммунистов; Михайлов В. До последнего дыхания // Ленинское знамя (Орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС, областного совета депутатов трудящихся, Черкесского горкома КПСС и горсовета). 1965. 14 мая. С. 3.

4. Егоров И. Партизанка Люба // Ставропольская правда. 1943. 9 марта.

5. Линец А. С. Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации: Июль 1942 – январь 1943 гг.: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2003. 166 с.

6. Линец А. С. Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск: Спецпечать, 2005. 208 с.

7. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / научн. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: СГУ, 2005. 608 с.

8. Тычинский С.Д. Особенности партизанского движения на Ставрополье в период немецкой оккупации // Вклад народов Северного Кавказа в битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.): сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Бюро новостей, 2018. С. 311– 316.

10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 475.

11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 32.

12. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499.

13. ЦАМО. Ф. 3470. Оп. 0000001. Д. 0030.

14. ЦАМО. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 470.

15. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25.

16. От Кубани до Праги. Воспоминания ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1972. 319 с.

17. В суровые годы войны / ред. Д. В. Кочура и др. Ставрополь: Кн. изд-во, 1978. 352 с.

References

1. Bochkareva Z. V. Oni priblizhali pobedu *(They brought victory closer)* // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 2. P. 13–18. (In Russian).

2. Gneushev V. G., Poput'ko A.A. Tayna Marukhskogo lednika. Partizanskiy zaslon. Dykhaniye lavin *(The mystery of the Marukh glacier. Partisan barrier. Breathing avalanches)*. Stavropol', 1981. 560 p. (In Russian).

3. Dem'yanenko A. Zapomnite ikh imena *(Remember their names)* // Leninskoye znamya (Organ Karachayevo-Cherkesskogo obkoma KPSS). 1965. May 14. P. 3. (In Russian).

4. Yegorov I. Partizanka Lyuba *(Partisan Lyuba)* // Stavropol'skaya pravda. 1943. March 9. (In Russian).

5. Linets A. S. Partizanskoye dvizheniye v Stavropol'skom kraye v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii: Iyul' 1942 – yanvar' 1943 gg. *(Partisan movement in the Stavropol Territory during the Nazi occupation: July 1942 – January 1943)*: thesis. Pyatigorsk, 2003. 166 p. (In Russian).

6. Linets A. S., Linets S. I. Partizanskoye dvizheniye na Stavropol'ye v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii kraya (avgust 1942 g. – yanvar' 1943 g.) *(The partisan movement in the Stavropol region during the Nazi occupation of the region (August 1942 – January 1943)*. Pyatigorsk: Spetspechat', 2005. 208 p. (In Russian).

7. Stavropol'ye: pravda voyennykh let. Velikaya Otechestvennaya voyna v dokumentakh i issledovaniyakh *(Stavropol region: the truth of the war years. The Great Patriotic War in documents and research)* / ed by. T. A. Bulygina. Stavropol': SSU publ., 2005. 608 p. (In Russian).

8. Tychinskiy S.D. Osobennosti partizanskogo dvizheniya na Stavropol'ye v period nemetskoy okkupatsii *(Features of the partisan movement in the Stavropol region during the German occupation)* // Vklad narodov Severnogo Kavkaza v bitvu za Kavkaz: k 75-letiyu sobytiya (25 iyulya 1942 g. – 9 oktyabrya 1943 g.). Stavropol': Byuro novostey publ., 2018. P. 311–316. (In Russian).

10. Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO). F. 33. Inv. 682526. D. 475. (In Russian).

11. TsAMO. F. 33. Inv. 682527. D. 32. (In Russian).

12. TsAMO. F. 47. Inv. 1063. D. 499.

13. TsAMO. F. 3470. Inv. 0000001. D. 0030. (In Russian).

14. TsAMO. F. 3470. Inv. 1. D. 470. (In Russian).

15. State Archives of the Stavropol territory. F. R-1059. Inv. 1. D. 25. (In Russian).

16. Ot Kubani do Pragi. Vospominaniya veteranov 4-go gvardeyskogo Kubanskogo kazach'yego kavaleriyskogo korpusa *(From Kuban to Prague. Memoirs of veterans of the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps)*. Krasnodar, 1972. 319 p. (In Russian).

17. V surovyye gody voyny *(In the harsh years of the war)* / ed. D.V. Kochura. Stavropol', 1978. 352 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, руководитель центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения

и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / andreyy_ kartashev@rambler.ru

Information about the author

Kartashev Andrey – Dr. of Historical Sciences, Head of Center for the Study of History of Medicine and Public Health, Professor of Chair of Public Health, Health Service Organization and Medical Informatics at Stavropol State Medical University (Stavropol) / andreyy_ kartashev@rambler.ru

УДК 94(515)

А. С. Клинов

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ТИБЕТА СОГЛАСНО СИМЛСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1914 г.: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Актуальность темы – в стратегическом значении Тибета как в первой половине XX в., так и сейчас. Исторический анализ международной конкуренции по проблеме статуса Тибета позволяет сделать важные теоретические выводы о типологии международных отношений и форм государственности на Востоке. Новизна работы в том, что автор вводит в научный оборот новые источники на иностранных языках. Выявлены изменения статуса Тибета в контексте конкуренции великих держав, различия типологии форм политико-территориального устройства в китайской и западной политических традициях.

Автор определил, что Симлская конвенция 1914 г. сохранила статус Внешнего Тибета как части государственной территории Китая и китайский сюзеренитет над Внешним Тибетом. Симлская конвенция признала Внешний Тибет автономным государством с правами политической автономии. Но этот международный акт ограничил позиции Китая в Тибете. Китай получил право наблюдать за положением дел во Внешнем Тибете, не более того. Британская Индия обрела больше возможностей во Внешнем Тибете, чем Китай. Страны Запада и Китай воспринимали смысл Симлской конвенции противоположно, в соответствии со своими политическими и правовыми традициями. Поэтому Китай отказался ратифицировать Симлскую конвенцию.

После заключения Симлской конвенции Тибет старался выйти из состава Китая и обрести официальное признание суверенитета.

Автор дает трактовку видов территориально-политического устройства, раскрывая различия между унитарным, федеративным, конфедерацией, монархической унией и формами автономий в унитарных государствах. Отмечена однотипность вассальных государств в китайской традиции и автономных образований – в западном понимании. С точки зрения Китая, Тибет входил в геополитический пояс вассальных политических образований, не имевших независимости. Китай хотел, чтобы Великобритания и США отменили политическую автономию Тибета и разрешили установить военный и административный контроль Китая над Тибетом. Эти интересы Китая не нашли поддержки Британской империи и США.

Ключевые слова: политический статус, Тибет, Китай, Великобритания, Британская Индия, вассалитет, сюзеренитет, автономия.

Anatoliy Klinov

THE PROBLEM OF THE POLITICAL STATUS OF TIBET ACCORDING TO THE SIMLA CONVENTION OF 1914: THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS

The relevance of the topic lies in the strategic significance of Tibet both in the first half of the twentieth century and now. Historical analysis of international competition on the issue of the status of Tibet allows us to draw important theoretical conclusions about the typology of international relations and forms of statehood in the East. The novelty of the work is that the author introduces new sources in foreign languages into scientific circulation. Changes in the status of Tibet in the context of great power competition and differences in the typology of forms of political and territorial structure in Chinese and Western political traditions are revealed.

The author determined that the Simla Convention of 1914 preserved the status of Outer Tibet as part of the state territory of China and Chinese suzerainty over Outer Tibet. The Simla Convention recognized Outer Tibet as an Autonomous state with political autonomy rights. However, this international act limited China's position in Tibet. China was granted the right to observe the state of Affairs in Outer Tibet, nothing more. British India found more opportunities in Outer Tibet than China. Western countries and China perceived the meaning of the Simla Convention in a negative way, in accordance with their political and legal traditions. Therefore, China refused to ratify the Simla Convention. After the signing of the Simla Convention, Tibet tried to secede from China and obtain official recognition of its sovereignty.

The author gives an interpretation of the types of territorial and political structure, revealing the differences between unitary, Federal, Confederation, monarchical Union and forms of autonomy in unitary States. The similarity of vassal States in the Chinese tradition and Autonomous entities in the Western sense is noted. From China's point of view, Tibet was part of the geopolitical belt of vassal political entities that did not have independence. China wanted the United Kingdom and the United States to revoke Tibet's political autonomy and allow China to establish military and administrative control over Tibet. These interests of China were not supported by the British Empire and the United States.

Key words: political status, Tibet, China, Great Britain, British India, vassalage, suzerainty, autonomy.

Тибетская проблема является одной из ключевых для международных отношений в Азии. Для Китая она связана с сохранением территориальной целостности этой страны. Соединенные Штаты Америки, ведя дело к достижению Тибетом независимости, намереваются установить здесь режим в духе прав человека в американской их интерпретации. Доминирование Вашингтона в тибетских землях позволило бы ему занять преобладающее положение в Центральной Азии и соответствующим образом воздействовать на Китай и Индию. Для Индии тибетская проблема напрямую связана с ее безопасностью. Поэтому Дели старается не допустить здесь присутствия Вашингтона и ослабить власть Пекина. Это не в последнюю очередь является источником острых индийско-китайских противоречий, что проявилось, в частности, в мае 2020 г., когда с новой силой вспыхнули столкновения на тибетском участке государственной границы двух стран. Для понимания современного состояния тибетской проблемы важно выяснить политический статус Тибета согласно Симлской конвенции 1914 г. и противоречивые интересы государств, конкурировавших по проблеме Тибета. Необходимо также уточнить типологию форм терри-

ториально-политического устройства с учётом цивилизационных различий Китая и стран Запада. В этом состоит актуальность темы.

Хронологические рамки статьи охватывают 1914 г., время заключения Симлской конвенции 1914 г., определившей статус Тибета как политической автономии под сюзеренитетом Китая (что не устроило ни Китай, ни правящие круги Тибета).

Географические рамки работы охватывают, прежде всего, территорию Тибета, а во вторую очередь Британской Индии и Китая. Ниже мы поясним спорность определения границ Тибета и авторскую позицию в этом вопросе. Пространственные пределы Тибета являются предметом политической дискуссии. Так, с точки зрения правительства Тибета в изгнании, образованного Далай-ламой XIV после неудачи восстания 1959 г., пределы Тибета совпадают с Тибетским плоскогорьем площадью 2,5 млн кв. км [16, с.10] и включают все местности компактного проживания народа. Тибет состоит из 3 исторических частей: У-Цанг, Амдо и Кхам. У-Цанг примерно совпадает с границами ныне существующего Тибетского автономного района (ТАР). Амдо включает в себя южные районы китайских провинций Цинхай и Ганьсу. Кхам расположен в восточных районах провинции Сычуань и на крайнем севере провинции Юньнань. В У-Цанге живет меньшая часть тибетцев. Вместе три указанные исторические области составляют Большой (Великий) Тибет. Всю эту территорию нередко именуют просто Тибетом [7, с.42].

Органы власти Китайской Народной Республики отвергают точку зрения далай-дамы и эмигрантского правительства о границах Тибета, поскольку она ведёт к сепаратизму и расчленению Китая. Официальные представители КНР настаивают на том, что Тибет – это только ТАР [6, с.87] размером 1,2 млн кв. км [32, с.88], в том числе – весь регион У-Цанг и ряд западных местностей Кхама. Поясним, что площадь и население ТАР несколько меньше 50% Большого Тибета [7, с.42].

При подготовке работы использовались следующие группы источников. Это материалы обсуждений тибетского вопроса на заседании кафедры зарубежного Востока Коммунистического университета в 1927 г., хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Они содержат немало информации о Тибете, показывают проявления тибетского феодализма. Это дает возможность понять истоки подхода правящих кругов Тибета ко многим вопросам внешней политики [5]. Ведь внешняя политика является логическим продолжением внутренней политики и из нее вытекает. Важное место занимают международные договоры [15] и иные международные акты публично-правового характера. Немало информации дают справочные материалы [32]. Богатую информацию предоставляют Белая книга по Тибету, подготовленная тибетским правительством в изгнании [16], а также Белая книга по Тибету, изданная в Китае [6]. К источникам следует отнести справочные материалы [5], дипломатическую переписку, отчеты государственных служащих и военных [31]. Следует упомянуть деловую переписку [28]. Важную группу источников составляют воспоминания. Особенно следует выделить мемуары Ч. Белла [18], Т. Шакабпы [30], Т. Рампы [13]. Много информации дают журналистские материалы и периодика. Особенно выделяются сведения, приводимые Амори де Ренкуром [14].

По тибетской проблеме существует обширная научная литература. Среди наиболее серьезных работ отечественных ученых следует выделить труды В. А. Богословского и А. А. Москалева [2], Б. П. Гуревича [4]. За рубежом проблемой Тибета основательно занимались О. Латтимор [24], Х. Ричардсон [29], Ли Дэцзэн [25], Л. Петех [27], Д. Колмаш [23]. Но по внешней политике Тибета изучаемого периода специальные работы отсутствуют. Наша работа является скромной попыткой восполнить указанный пробел хотя бы в малой степени.

Тибет является самым высокогорным регионом планеты. Тибет сохраняет значительное транспортное и геополитическое значение в масштабе Азиатского материка [13]. Тибет стратегически важен для обеспечения государственного единства и целостности Китая. В конце XVIII в. Тибет стал объектом вторжения непальцев и обратился к Цинской империи за защитой и с просьбой о вхождении в состав Китая на правах его внутреннего вассала. В 1793 г. китайские войска защитили Тибет. Таким образом, Тибет добровольно стал китайским внутренним вассалом под сюзеренитетом Цинской империи и частью государственной территории Китая. Тибетом стал управлять наместник («амбань») от имени императора Китая). Его положение в отношении светской власти приравнивалось к положению далай-ламы и панчен-ламы. При амбане был цинский воинский контингент. Однако внутренние дела Тибета оставались в ведении его собственного правительства. Тибет имел свои вооруженные силы, более чем вдвое превышавшие по численности китайские гарнизоны в регионе.

Следует сказать об особенностях сюзеренно-вассальных отношений в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии в добуржуазную эпоху. Эти отношения базировались на концепции универсальной монархии. Её системообразующие положения таковы.

Во-первых, Китайское государство и его император (ван) – это сюзерен, тогда как другие народы и страны могут быть только вассалами [19, p.92]. Следовательно, статус верховного правителя Китая выше статусов всех других глав государств.

Во-вторых, китайская концепция означает понимание межгосударственных отношений как иерархических, то есть, императору Китая, как отцу семейства, подчинены вассальные народы и территории [21, p.3].

В-третьих, вассалы Китая должны принять китайское летоисчисление и календарь.

В-четвёртых, зависимые государства и территории должны были регулярно приезжать в китайскую столицу с данью и совершать обряд коленопреклонения перед императором [26, p.36]. За это имперская власть наделяла вассальные государства особыми привилегиями и правами [10, с.49].

В-пятых, правитель вассального государства, его аристократы и сановники получали от империи такие же ранги, что и собственно китайские знатные лица и сановники. Такой порядок сплачивал империю и повышал статус вассалов в их собственном восприятии.

В-шестых, вассальные территории были самостоятельны в своем управлении, но не имели права поступать вопреки интересам империи. Нарушение этого правила влекло за собой ввод имперских войск в данные вассальные территории, низложение их правителей и временное централизованное управление китайских чиновников. Затем китайская администрация обеспечивала воспитание новых, послушных местных элит и правителей, изменяла законы и институты власти, чтобы обеспечить безусловную лояльность вассалов. После этого статус вассальных образований возвращался к докризисному уровню [22, p.82].

В-седьмых, вассальные территории получали в обмен за свою лояльность права и обязанности, равные таковым ядра империи.

И в-восьмых, вассальные образования должны были участвовать в войнах Китая, защищать свои рубежи как общеимперские. За это вассалы получали военную и полицейскую защиту империи в целом [8, с. 99101].

Таким образом, китайская концепция имперской власти предполагала взаимовыгодный обмен ресурсами и сотрудничество между центральной властью и вассальными территориями.

Важно, что вассальные образования имели различный статус в зависимости от уровня своего социально-экономического и политического развития, а также – от культурно-цивилизационной близости самому Китаю. Так, американский исследователь Д. К. Фэйрбэнк классифицировал вассальные образования на три разнотипных ареала: 1) самый близкий Китаю в цивилизационном отношении (Вьетнам, Корея и острова Рюкю) [20, p.119]; 2) интегрированные с Китаем политически, но обособленные в цивилизационном и культурном аспектах (Япония, Юго-Восточная Азия (за исключением Вьетнама), страны Центральной и часть Южной Азии) [20, p.2]. Они имели статус либо «внутренних вассалов» в составе империи, либо «внешних вассалов», ограничиваясь данью и военной лояльностью («внутренние вассалы» не имели права вести обособленную внешнюю политику); 3) образования, не связанные с Китаем политически и социокультурно, однако принесшие вассальную клятву.

В целом совокупность вассальных территорий, несмотря на различия их статуса, обеспечивала геополитический внешний пояс безопасности вокруг Китая, гибкую интеграцию на пространстве империи и взаимовыгодное сотрудничество центральной власти с периферией [8, с.101].

Целесообразно кратко пояснить авторскую позицию о классификации форм политико-территориального устройства. Критерием классификации выбрано распределение компетенций и ресурсов власти между общегосударственной властью и властью субнационального (регионального) уровня. Ведущими формами политико-территориального устройства в XX в. являлись унитарное государство, федерация и конфедерация, а также уния государств. Они различаются по степени централизации либо децентрализации компетенций уровней и органов власти. Эта классификация отражает цивилизационные, правовые и политические традиции Запада. Как будет аргументировано далее, Китай имеет иные традиционные формы территориального устройства, что следует учитывать при определении статуса Тибета в период 1914–1959 гг.

Применительно к теме важно, что унитарные государства могут иметь в составе автономные территориальные образования, охватывающие либо всю территорию страны, либо отдельную её часть. Основаниями создания автономий могут быть как компактное проживание этнических, языковых, религиозных меньшинств, так и экономико-географические особенности некоей территории, так и сочетание всех перечисленных факторов.

По критериям объёма полномочий и способов их закрепления автономные образования делятся на административные либо политические. Административная автономия не является государственным образованием и не вправе иметь свою конституцию (устав). Её нормативные акты производны от таковых общегосударственного уровня, а должностные лица, как правило, назначаются по воле центральной власти. Полномочия административной автономии ограниченны и обычно проявляются только в экономической, социальной, культурной, а не в политической, сферах [8, с.93]. Административная автономия по субъектному составу может быть территориальной и индивидуальной. При территориальной автономии правами административной автономии наделяется административно-территориальная единица. То есть за основу берется территориальный принцип. Административная автономия индивидуального характера предполагает наделение автономными правами какого-либо этноса или религиозной конфессии. При такой автономии автономными правами наделяются все члены указанных выше этноса или конфессии независимо от места их проживания. Народ либо конфессия имеет один руководящий центр, который занимается разработкой законов по вопросам, относящихся к ведению их административной автономии.

Политическая (конституционная) автономия означает, что автономные образования имеют гарантированный в конституции страны и собственных конституциях (уставах) статус, он не может быть пересмотрен общегосударственной властью в одностороннем порядке. Такие автономии имеют выборные органы власти. Их компетенция значительно шире, чем таковая административных автономий. Она приближается по объёму и гарантированности к компетенции субъектов федерации. В том числе, политические (конституционные) автономии вправе иметь особые институты власти и правовую систему, региональный официальный язык, таможенные границы (в том числе с государством, в состав которого политическая автономия входит) и иные полномочия, за исключением вопросов внешней политики и обороны. Режим экономического и военно-политического союза между политической автономией и государством не обязателен [8, с. 9394].

Политическая автономия при своих огромных полномочиях не вправе принимать антигосударственные решения, например, налагать вето на действие общегосударственных законов и международных соглашений страны, выходить из состава государства. Хотя центр ни в коей мере не вправе вмешиваться в вопросы, относящиеся к исключительному ведению политической автономии, когда присутствует угроза государственной безопасности,

центр получает полномочия вплоть до устранения этой угрозы давать субъекту политической автономии обязательные для исполнения указания по любому вопросу, который посчитает нужным.

Ведь унитарное государство, как и федеративное, обладает суверенитетом. Этот суверенитет, во-первых, в полной мере распространяется также и на территорию политической автономии, во-вторых, дает государству законное право эту автономию, нарушающую свой установленный статус, упразднить.

На практике, однако, бывали исторические случаи, когда политическая автономия проявляла неподчинение центру и причиняла прямой вред государству. Ярким примером этому могут быть многие действия Великого Княжества Финляндии в отношении России, в состав которой Финляндия входила с 1809 по 1917 гг. [11, с.107–109].

Характеризуя виды автономии (административную и политическую), нужно учитывать два основных подхода к регулированию межэтнических отношений: византийский и «стандартный». Первый из них признаёт равноправие народов и конфессий страны, предполагает государственную политику сохранения идентичности сообществ и на наделение ее правами административной автономии [8, с. 96]. Зародился этот подход в Восточной Римской империи. Среди правящих в ней династий были греческие, арабские, славянские. Ни раса, ни язык, ни этническая принадлежность не были препятствием для реализации прав византийскими подданными. Единственное ограничение религиозного характера было только лишь для монарха: византийский император обязан был исповедовать православие. Византийский подход стал нормой на Руси, а затем – в России.

Остальной же мир живет по канонам стандартного подхода к межнациональным отношениям. В соответствии с этим походом все в государстве строится по канонам и желанию титульной нации. По общему правилу представители нетитульных наций (особенно если они грамотны) должны ассимилироваться. Справедливости ради следует отметить, что после Второй мировой войны, уже к самому концу XX в., в Европе стало практиковаться исключения из этого правила. Наиболее сильное из этих исключений коснулось сферы языка. Если какой-либо народ составляет 10% и выше в общей численности населения какого-то района, то его языку в этом районе придается статус официального [12].

Стандартный подход бывает обычным и строгим. Обычный подход описан выше. Строгий же подход представляет собой обычный подход с единственным дополнением, а именно: титульная нация не допускает включение в свой состав представителей иных этносов. Наций, придерживающих стандартного подхода в строгом его варианте, не так уже много. В Азии это, например, японцы. Для того, чтобы быть полноценным японским гражданином, нужно быть японцем по крови, родиться в Японии и быть воспитанным в Японии или среди японцев на территории, подвластной правительству этой страны (а не где-нибудь, в США, например).

В Японии в настоящее время постоянно проживают около 600 тыс. корейцев и 50 тыс. китайцев, по общему правилу не имеющих права гражданства [17, с. 26]. Особенно это касается корейцев и несколько меньшей степени китайцев. Вместо паспортов граждан Японии этой категории жителей японские власти выдают документы установленного образца. Предки этих людей во время Второй мировой войны были переселены (в большинстве случаев насильственно) японскими властями в Японию соответственно из Кореи и Китая для использования их в качестве неквалифицированной рабочей (точнее сказать, рабской) силы на тяжелых и вредных (часто опасных) для здоровья и жизни работах в пользу Японской империи, которая тогда вела тяжелую Тихоокеанскую войну (1941–1945 гг.) против США, Великобритании, Франции, Нидерландов и Китая. Эти китайцы и особенно корейцы давно утратили всякую связь со своей родиной, знают только японский язык, в Японии родились и выросли. Что касается небольшой по численности группы европейцев, живущих в Японии, то японская традиция рассматривает их только как временных жителей несмотря на срок проживания в Японии. Не может быть никакой речи о том, чтобы придать этим людям статус даже постоянного жителя Страны восходящего солнца. О предоставлении им гражданства не стоит не только говорить, но и думать. Исключения нет даже для американцев, хотя Япония в экономическом и военном отношениях всецело зависит от Соединенных Штатов. Приверженность Японии строгому варианту в рамках стандартного подхода к межнациональным отношениям стал важным обстоятельством, в силу которого Тибет не перешел на сторону держав оси в период Второй мировой войны.

Нужно учитывать два принципа, характеризующих отношение физического лица к своему государству: принцип гражданства и принцип домицилия. Принцип гражданства исходит из связи гражданина с государством, а принцип домицилия руководствуется связью лица с районом его проживания. Гражданство при этом учитывается, но ставится на второй, третий и даже на последний план. Принцип гражданства является руководящим правилом в странах романской и особенно германской государственных систем. А принцип домицилия характерен для английской и американской государственных систем.

Это обстоятельство немаловажно, учитывая, что тибетскими делами ведали Британская Индия (являвшейся в рассматриваемый период колонией Великобритании, которая делегировала ей ведение тибетских дел), и Китай. В Китае присутствуют оба принципа: принцип гражданства и принцип домицилия.

Как и в странах романской и германской систем, основным для китайца является принцип гражданства. Это закреплено в постулатах конфуцианства еще с глубокой древности, когда на территории современной Европы не было не только современных государств, но даже и того, что хотя бы отдаленно напоминало современные нации Запада. Однако в отличие от романской и германской государственных систем, где принципу домицилия отведена семейно-бытовая и конфессиональная сферы, в Китае принцип домицилия занимает важное второе место после принципа гражданства и призван наряду с принципом гражданства в том числе укреплять Китайское государство, воспитывать в китайцах верность ему. Это также закреплено и в официальной идеологии как Китайской Народной Республики, так

и Китайской Республики на Тайване. И в конфуцианстве, разумеется.

В Большом Тибете всецело господствует принцип домицилия. Район проживания тибетца, его деревня, его монастырь для него всегда были гораздо важнее Тибетского государства. Если же ему приходится выбирать между Тибетским государством и Китаем, то неизвестно еще, какая страна ему ближе: Тибет или Китай. Все зависит от конкретной ситуации. Руководство Тибета для тибетца ассоциируется прежде всего с религиозным центром, а далай-лама рассматривается, прежде всего, как духовный глава ламаистской конфессии, мнение которого в этой сфере имеет почти непререкаемый авторитет. Что же касается светской жизни, то здесь далай-лама представляется тибетцу больше как самый авторитетный чиновник, мнение которого можно пренебречь посредством усложненной процедуры. Ещё в большей степени это касалось в прошлом правительства старого Тибета, а в настоящее время правительства Тибета в изгнании.

Приведенная информация обязательно должна учитываться при рассмотрении взаимоотношений Тибета с Британской Индией, Великобританией, США, Китаем в первой половине XX в. Она объясняет многое в позиции, которую Тибет занял во Второй мировой войне.

Федерация, конфедерация и уния состоят из субъектов и центра. Субъекты представляют собой те государственные и административные образования, которые путем объединения образовали федерацию, конфедерацию и унию, а также определяют порядок функционирования данных территориально-политических систем.

Применительно к статусу Тибета в составе Китая с 1914 г. целесообразно пояснить, что в конфедерациях объём полномочий их субъектов выше, чем объём полномочий центральной власти. Члены конфедеративного союза обладают собственным суверенитетом, они вправе налагать вето на законы такого межгосударственного образования и международные договоры, заключённые конфедерацией. Участники конфедерации вправе иметь свои обособленные формы государственного правления и политические режимы, вооружённые силы, валюту и др. Субъекты конфедерации могут в одностороннем порядке законно выйти из состава конфедерации. Следовательно, конфедерации являются, скорее, рыхлым и шатким временным объединением суверенных государств, а не одним государством.

Уния – это ряд государств или территориальных образований, имеющих общего монарха. Уния может быть реальной (приближается по типу организации к унитарному государству) либо династической (близка к конфедерации). [8, с.95].

Встречается также и такое явление, как ассоциированное государство. Оно заключает с каким-либо государством договор, который прикрепляет ассоциацию к этому государству. Но в состав указанного государства ассоциация (иначе ассоциированный член, ассоциированное государство) не входит. В реальности у ассоциированного государства прав еще больше, чем у субъекта в конфедерации. Полномочия же государства, в состав которого входит ассоциация, носят по сути рекомендательный характер.

В унитарном государстве и в федерации территории не имеют права самостоятельно и по собственным правилам отделяться от государства, в состав которого они входят. Субъекты конфедерации и ассоциированные государства таким правом обладают. В унии возможны оба указанных выше варианта.

***

Справедливости ради нужно заметить, что в этом отношении Союз Советских Социалистических Республик на первый взгляд был некоторым исключением. Все конституции СССР Союз признавали право союзных республик (были его субъектами) на самостоятельный выход из состава СССР. Но это положение всех конституций бывшего СССР было декларативным и не наполненным реальным содержанием.

Во-первых, ни одна из конституций Советского Союза прямым действием не обладала. Следовательно, для реализации положений этих конституций требовались дополнительные нормативные акты, определяющие механизм этой реализации. Это в полной мере касалось и положения о праве союзных республик на выход из состава СССР по собственной инициативе. Таких нормативных актов (в первую очередь они должны были указывать на то, кто будет решат вопрос об отделении: элита или народ) не было вплоть до 1990 г. Принятый 3 апреля 1990 г. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» из-за саботирования его почти всеми союзными республиками, взявшими курс на выход из состава СССР либо же на преобразование его в конфедерацию, исполнен не был.

Во-вторых, важнейшую роль в жизни СССР играла Коммунистическая партия Советского Союза. В Конституции СССР (статья 6) была официально закреплена ее руководящая роль. А КПСС вплоть до последних месяцев существования Советского Союза строилась на четких унитарных началах, что исключало право выхода из ее состава какой-либо местной партийной организации.

На унитарных началах думали строить Советскую Россию и В. И. Ленин, ее основатель, и И. В. Сталин, ведавший делами национальностей. Унитарное государственное устройство оба лидера считали необходимым дополнить автономией. Если В.И. Ленин допускал и административную и политическую автономию, то И. В. Сталин был решительным противником последней. Л. Д. Троцкий был сторонником конфедеративного устройства России с наделением общероссийского центра весьма слабенькими полномочиями. В качестве компромиссного варианта В. И. Ленин предложил вариант федерации в форме федеративного государства (а не федерации как союза государств) и назвал его Советским Союзом.

Формальной уступкой Л. Д. Троцкому стало признание такой черты конфедерации, как право союзных республик на самоопределение. К этой уступке побудила большевиков также позиция боротьбистов (первоначально независимая от Российской коммунистической партии (большевиков) партия украинских коммунистов, борющаяся за независимость Украины и затем кооптированная в ряды РКП(б)), а также позиция коммунистов Закавказья. Те сразу раскололись на сторонников достижения независимости Азербайджана, Армении и Грузии (имели свои, независимые от РКП(б), компартии), с одной

стороны, и сторонников вхождения Закавказья в состав Советской России на правах административной автономии (входили в состав РКП(б)), с другой стороны. В дальнейшем независимые компартии Закавказья вместе с вошедшими в них левыми членами буржуазно-националистических партий Мусават, Дашнакцютун и грузинских меньшевиков были включены в состав РКП(б) методом кооптации. На Украине боротьбисты перед самым вхождением их в РКП(б) включили в свой состав левых представителей националистического движения Симеона Петлюры. Все это значительно усилило позиции Л. Д. Троцкого. В этой ситуации от В. И. Ленина потребовались ум, гибкость, последовательность, умение применить против своих политических противников целый арсенал самых разнообразных методов, включая и введение Л.Д. Троцкого в заблуждение, допуская при этом и прямой обман троцкистов.

Примером последнего метода может быть отсутствие во всех советских конституциях раскрытия понимания того, что означает право наций на самоопределение. Если исходить из концепции конфедерации, то только верхи территории, решившей отделиться от государства, определяли правила и процедуру выхода этой территории из состава государства. А если исходить из концепции В. И. Ленина, то это право находилось исключительно в ведении населения (прежде всего трудящихся) указанной выше территории. Поэтому он никогда не признавал отделения от Советской России тех территорий, где соответствующее решение принимали руководители (часто вдохновляемые иностранными державами) без участия населения этих земель. И уж во всяком случае В.И. Ленин именно в таком духе право на самоопределение распространял не только на республики, но и на народы, даже не имевшие своих автономий. Поэтому В.И. Ленин, говоря о праве на самоопределение, подразумевал под этим право наций, а не право руководителей отделяться от государства. Концепция же конфедеративного государства под правом самоопределения понимает прежде всего право элит субъектов конфедерации на такой шаг. Из этого же исходят общие правовые доктрины и практика. Поэтому когда первый и последний президент СССР М.С. Горбачев в предложенном им Законе СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» первенствующую роль в принятии вопроса об отделении от СССР отвел населению союзных республик, а не их руководству, а также подключил к этому процессу население всего Советского Союза, – вот тогда-то руководители бывших союзных республик почувствовали себя обделенными и, не желая отдавать решение вопроса о судьбах своих республик населению эти республики, весьма решительно и в большинстве своем методами (подчас довольно жесткими), весьма далекими от понятий и принципов демократии и добросовестности, взяли курс на выход из состава Советского Союза.

Следует здесь также отметить, что идеи В. И. Ленина о праве наций на самоопределение разделял и президент Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсон. Он, как и большевистский лидер, понимал под этим – право населения, а не право элит, на сецессию. Но правовые доктрины и практика международных отношений эти идеи не восприняли, подразумевая под правом на выход той или иной территории право осуществить такой шаг только элитами этих территорий и распространяя это право лишь на конфедерации. Примером того может служить непризнание мировым сообществом вхождения Крыма в состав Российской Федерации по результатам проведенного на Крымском полуострове всенародного референдума весной 2014 г. Основанием для такого суждения является унитарное государственное устройство Крыма. Таким образом, лишь в конфедерациях территория вправе самостоятельно выходить из пределов государства, но не в федерации и тем более ни в унитарном государстве.

Принимая во внимание все сказанное, можно вывести суждение, что китайская и западная концепции форм территориально-политического устройства исходят из различных ценностных, цивилизационных оснований, по-разному трактуя сам феномен государственной власти. Вместе с тем, китайское понимание «внутренних вассалов» близко западному пониманию политической автономии с той разницей, что китайские вассальные образования не имели конституций.

Новые границы и статусы областей, составляющих Тибет, были введены Симлской конференцией по Тибету 1913–1914 гг., на которой 3 июля 1914 г. заключена Конвенция между Великобританией и Тибетом. Этот международно-правовой акт разделил Тибет на Внутренний и Внешний и установил границу между ними [15, с.106]. Внутренний Тибет составили те тибетские земли, которые ныне входят в состав соседних с Тибетом китайских провинций (Амдо и почти весь Кхам). Внешний Тибет включил в себя У-Цанг и некоторую часть Кхама. Симлская конвенция 1914 г. признала абсолютный суверенитет Китая над Внутренним Тибетом и отнесла вопросы Внутреннего Тибета к исключительному ведению Китая, регулируя статус только Внешнего Тибета. Симлская конвенция заключена в период ослабления Китая после Синьхайской революции 1911 г. и отразила политику европейских держав по разделу Китая на сферы влияния.

Согласно Симлской конвенции 1914 г., Внешний Тибет получил международно-признанную автономию [15, с.103]. Британская империя и Китайская республика дали обязательство «воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и возведение в сан Далай-ламы), которое должно остаться в руках тибетского правительства в Лхасе» [15, с.103]. Исключительной компетенцией тибетского правительства также стали «выборы и назначение всех чиновников во Внешнем Тибете» [15, с.108]. Конвенция ввела норму, по которой «Внешний Тибет не должен быть представлен в китайском парламенте или другом подобном учреждении» [15, с.108]. Правительство Китая обязывалось не обращать Тибет в обычную провинцию [15, с.103], а Британская империя обещала не аннексировать Тибет или его часть [15, с.103]. Китай стал обязан «не посылать гражданских или военных должностных лиц и не создавать китайских поселений в этой стране» [15, с.104]. Китайские военнослужащие и чиновники, пребывавшие во Внешнем Тибете, подлежали выводу из региона в срок 3 месяцев после

заключения конвенции [15, с.104]. Конвенция разрешила Китаю иметь в Лхасе представителя с конвоем максимум 300 чел. [15, с.104]. Британская империя закрепила право держать в Гьянгдзе (город во Внешнем Тибете недалеко от индийских пределов) агента с правом посещать Лхасу в сопровождении конвоя [15, с.104]. Агенту поручалось подписать с правительством Тибета новое соглашение о взаимной торговле [15, с.105]. Более того, Симлская конвенция запретила Тибету и Китаю вступать в переговоры друг с другом и с другими странами по вопросу о политическом статусе Тибета [15, с.104–105, 9, с.107111].

Если учесть, что Китай был полуколониальной страной, ограниченной в своих правах многочисленными неравноправными договорами с иностранными державами, среди которых важнейшее место занимала Британская империя, то становится очевидным, что Симлская конвенция 1914 г. фактически преобразовала Тибет из китайского вассала в совместное владение Великобритании, Британской Индии и Китая, где приоритет был у Британской Индии, действующей по правилам делегированного законодательства от имени Великобритании и по ее поручению. Поэтому Китайская Республика отказалась ратифицировать Симлскую конвенцию 1914 г.

Что касается феодальных элит старого Тибета (то есть до проведения там антифеодальных реформ властями Китайской Народной Республики в 50–60-х гг. XX в.), то они поставили перед собой две задачи: во-первых, получить дипломатическое признание независимости Тибета с его полным выходом из состава Китая; во-вторых, включить в состав независимого Тибетского государства все земли Большого Тибета.

Симлская конвенция по Тибету оперирует понятием сюзеренитета. Поэтому полезно остановиться на понятиях суверенитета, сюзеренитета и вассалитета. Суверенитет представляет собой полновластие государства на своей территории и независимость и равноправие его во взаимоотношениях с другими государствами и иными субъектами международного публичного права. По общему правилу с принятием Устава Организации Объединенных Наций государства могут быть только суверенными.

Сюзеренитет означает неполную власть государства над своей территорией, вернее, над теми ее областями, которые относятся к числу вассальных (что реально соответствует политической автономии). По общему правилу «вассальное государство - государство, зависимое от более сильного государства-сюзерена, обязавшееся оказывать последнему военную помощь, ежегодно вносить «трибут», т.е. денежную или натуральную дань, и сохранять общую верность, обычно скреплявшуюся присягой. Сюзерен утверждает власть высшего органа» вассального государства, «ведет его международные дела и лишь в виде исключения признает за вассалом право вступать в международные договоры» [3, с.45]. Из приведенного определения следует, что реальное положение вассала совпадало с положением политической автономии. Только термины «вассал» и «вассальное государство» были присущи феодальной эпохе, а термин «политическая автономия» относится к постфеодальному, то есть к современному, периоду. Следует добавить, что в отличие от вассала, имевшего немалый объем обязанностей по отношению к сюзерену, обязанности политической автономии сокращены до предела и заключаются лишь в отказе от права самостоятельно вести внешнюю политику.

При административно-территориальном устройстве государства обычно используют три подхода (принципа): экономический, исторический и этнический. Экономический подход делит страну на регионы в соответствии с отраслевой специализацией их хозяйства. При историческом подходе административно-территориальные единицы создаются, исходя из исторического прошлого, в первую очередь исходя из традиции. При этническом подходе в основу территориального деления берется факт компактного расселения этнических, языковых групп.

Исторический опыт показывает, что поскольку народы живут чересполосно и часто смешанно на конкретной территории, то национальный принцип проведения административных границ ведет к межэтническим конфликтам. Более жизнеспособны и эффективны экономический и исторический принципы деления государства на административно-территориальные единицы.

В Китае в основу создания административно-территориальных единиц положен исторический принцип в сочетании с китайской традицией. Все китайские провинции уходят своими корнями по меньшей мере во времена средневековья (большая их часть тогда была создана), а часто в период древней истории. Во многом благодаря этому Китай и отказывается от деления Тибета на У-Цанг, Амдо и Кхам, а также не признает введенного Симлской конвенцией 1914 г. деления Тибета на Внутренний и Внешний.

Подведём итоги анализа темы. Симлская конвенция признала Внешний Тибет автономным государством с правами политической автономии. Этот международный акт ограничил позиции Китая в Тибете. Китай получил право наблюдать за положением дел во Внешнем Тибете, не более того. Конвенция, вместе с тем, не изменила статус Внешнего Тибета как составной части Китая и сохранила сюзеренитет Китая над этим регионом. Страны Запада и Китай воспринимали смысл Симлской конвенции противоположно, в соответствии со своими политическими и международно-правовыми традициями. Тибет, являющийся автономным государством (в статусе политической автономии) под сюзеренитетом Китая согласно Конвенции, заключенной в Симле 3 июля 1914 г., стремился к независимости. Лхаса же ставила своей целью дипломатическое признание суверенного статуса Тибета и его отделение от Китая при поддержке Британской империи и ее доминиона Индии.

Выявлена близость статусов «внутренних вассалов» Китая и автономных образований. С точки зрения Китая, Тибет входил в геополитический пояс вассальных политических образований, не имевших независимости. Особый статус Внешнего Тибета, установленный Конвенцией в Симле, означал дефакто ограничение сюзеренитета Китая над регионом. Поэтому Китай желал, чтобы Великобритания и Соединенные Штаты Америки отменили политическую автономию Тибета и разрешили установить военный и административный контроль Китая над Тибетом. Эти интересы Китая не нашли поддержки Британской империи и США.

Источники и литература

Азизов. События в Синьцзяне // На зарубежном Востоке. 1933. №5. С. 16–29.

2. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. 264 с.

3. Вассальное государство // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Москва: Большая Советская Энциклопедия, 1951. Т. 7. С. 45.

4. Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. Москва: Издательство восточной литературы, 1958. 212 с.

5. Заседание кафедры Зарубежного Востока научно-исследовательской ассоциации Сталинского Коммунистического университета от 12.05.1927 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 4. Д. 343.

6. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека. Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1992. 104 с.

7. Клинов А.С. К вопросу о международно-правовом статусе Тибета // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2008. №2(2). С.41 – 46.

8. Клинов А. С. Об основных факторах политики Китая в тайваньском вопросе // Голос минувшего. Краснодар, 2017. №12. С. 85–108.

9. Клинов А. С. Политический статус Тибета и позиция ведущих мировых держав, 1914 г. конец XX в.: дисс. … д-ра ист. наук. Краснодар, 2001. 503 с.

10. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.

11. Похлебкин В. В. СССР Финляндия: 260 лет отношений (1713–1973). М.: Международные отношения, 1975. 408 с.

12. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 01.02.1995) URL: http://constitution.-garant.ru/DOC_2440487.htm (Дата обращения: 20.08.2020).

13. Рампа Т. Третий глаз. Л.: Лениздат, 1991. 199 с.

14. Ренкур А. де. Крыша Мира. Тибет – ключ к Азии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 100 с.

15. Симла Конвенция (03.07.1914) // Сборник документов по вопросу о китайско-индийской границе (документы и материалы). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 156 с. С. 102–109.

16. Тибет: Правда, основанная на фактах. М.: Галарт, 1994. 120 с.

17. Япония. Справочник. М.: Республика, 1991. 544 с.

18. Bell Ch. Tibet: Past and Present. Oxford, 1924. 327 p.

19. Chun Hae Jong. Sino-Korean Tributary Relations in the Ch'ing Period // The Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1968. P. 90–111.

20. Fairbank J. K. A Preliminary Framework // The Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1968. P. 1–19.

21. Hsü I.C.Y. China's Entrance into the Family of Nations. The Diplomatic Phase. 1858 – 1860. Cambridge (Mass.), 1960.

22. Hsü I.C.Y. The Meetings of the Western and Eastern Families of Nations // Readings in Modern Chinese History. New York, 1971. P.79 – 89.

23. Kolmaš J. Tibet and Imperial China: A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the End of the Manchu Dynasty in 1912. Canberra, 1967. 81 p.

24. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: Beacon Press, 1962. 585 p.

25. Li Tiehtseng. The Historical Status of Tibet. New York: Columbia University Press, 1956. 312 p.

26. Mancall M. China at the Center. 300 years of Foreign Policy. New York, 1984.

27. Petech L. China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1950. 286 p.

28. President Roosevelt to the Dalai Lama of Tibet. Washington. 1942.07.03 // Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Appendix III. Geneva: International Commission of Jurists, 1960. P. 320.

29. Richardson H.E. Tibet and Its History. London, 1984. 328 p.

30. Shakabpa T.W.D. Tibet: A Political History. New Haven and London: Yale University Press, 1967. 369 p.

31. The Ambassador in China (Gauss) to the Secretary of State. Chungking. 1942.07.13 // Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Appendix III. Geneva: International Commission of Jurists, 1960.

32. 最新实用中国地图册。北京: 中国地图出版社。1992 年。105 页。Новейший атлас Китая для практического использования. Пекин: Китайское издательство географических карт, 1992. 105 с. (на китайском языке).

References

1. Azizov. Sobytiya v Sin'tszyane *(The events in Xinjiang)* // Na zarubezhnom Vostoke (*In the foreign East*). Moscow, 1933. No.5. P. 16 – 29. (In Russian).

2. Bogoslovskij V. A., Moskalyov A. A. Natsional'nyi vopros v Kitae (1911–1949) *(The national question in China (1911–1949).* Moscow: Nauka, 1984. 264 p. (In Russian).

3. Vassal'noe gosudarstvo *(Vassal state)* // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya *(The Great Soviet encyclopedia).* 2-nd ed. Moscow: Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1951. Vol.7. P.45. (In Russian).

4. Gurevich B. P. Osvobozhdenie Tibeta *(Liberation of Tibet).* Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. 212 p. (In Russian).

5. Zasedanie kafedry Zarubezhnogo Vostoka nauchnoissledovatel'skoj assotsiatsii Stalinskogo Komuniversiteta ot 12.05.1927 - (Meeting of the Department of the Foreign East of the research Association of the Stalinist University from 12.05.1927) // Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F.532. Op.4. D.343. L.1–62. (In Russian).

6. Komu prinadlezhit suverenitet nad Tibetom i kak v Tibete obstoit delo s pravami cheloveka *(To whom belongs sovereignty over Tibet and in Tibet as is the case with human rights).* Pekin: Press-kantselyariya Gossoveta KNR, 1992. 104 p. (In Russian).

7. Klinov A. S. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom statuse Tibeta *(On the international legal status of Tibet)* // Mir Evrazii *(The World of Eurasia).* Gorno-Altajsk, 2008. No.2(2). P.41–46. (In Russian).

8. Klinov A. S. Ob osnovnykh faktorakh politiki Kitaya v tajvan'skom voprose *(On the main factors of China's policy in the Taiwan issue)* // Golos minuvshego *(Voice of the past).* Krasnodar, 2017. No.1–2. P.85–108. (In Russian).

9. Klinov A. S. Politicheskij status Tibeta i pozitsiya veduschikh mirovykh derzhav, 1914 g. konets XX v. *(The Political status of Tibet and the position of the leading world powers, 1914. late twentieth century):* thesis. Krasnodar, 2001. 503 p. (In Russian).

10. Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII) *(Chinese ethnos in the middle ages (VII–XIII c.).* Moscow: Nauka, 1984. 336 p. (In Russian).
11. Pokhlyobkin V. V. SSSR Finlyandiya: 260 let otnoshenij (1713–1973) *(USSR Finland: 260 years of relations (1713–1973).* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 408 p. (In Russian).
12. Ramochnaya Konventsiya o zashchite natsional'nykh men'shinstv (Strasburg, 01.02.1995) *(The framework Convention for the protection of national minorities).* URL: http://constitution.garant.ru/DOC_2440487.htm (Data obrascheniya: 20.08.2020). (In Russian).
13. Rampa T. Tretij glaz *(Third eye).* Leningrad: Lenizdat, 1991. 199 p. (In Russian).
14. Renkur A. de. Krysha Mira. Tibet – klyuch k Azii *(The roof of the world. Tibet is the key to Asia).* Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1950. 100 p. (In Russian).
15. Simla Konventsiya (03.07.1914) *(Simla Convention (03.07.1914))* // Sbornik dokumentov po voprosu o kitajsko-indijskoi granitse (dokumenty i materialy) *(Collection of documents on the issue of the Chino-Indian border (documents and materials).* Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1959. P.102–109. (In Russian).
16. Tibet: Pravda, osnovannaya na faktakh *(Tibet: Truth based on facts).* Moscow: Galart, 1994. 120 p. (In Russian).
17. Yaponiya. Spravochnik *(Japan. Guide).* Moscow: Respublika, 1991. 544 p. (In Russian).
18. Bell Ch. Tibet: Past and Present. Oxford, 1924. 327 p.
19. Chun Hae Jong. Sino-Korean Tributary Relations in the Ch'ing Period // The Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1968. P.90–111.
20. Fairbank J.K. A Preliminary Framework // The Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1968. P. 1–19.
21. Hsü I.C.Y. China's Entrance into the Family of Nations. The Diplomatic Phase. 1858–1860. Cambridge (Mass.), 1960.
22. Hsü I.C.Y. The Meetings of the Western and Eastern Families of Nations // Readings in Modern Chinese History. New York, 1971. P.79–89.
23. Kolmaš J. Tibet and Imperial China: A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the End of the Manchu Dynasty in 1912. Canberra, 1967. 81 p.
24. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: Beacon Press, 1962. 585 p.
25. Li Tiehtseng. The Historical Status of Tibet. New York: Columbia University Press, 1956. 312 p.
26. Mancall M. China at the Center. 300 years of Foreign Policy. New York, 1984.
27. Petech L. China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1950. 286 p.
28. President Roosevelt to the Dalai Lama of Tibet. Washington. 1942.07.03 // Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Appendix III. Geneva: International Commission of Jurists, 1960. 320 p.
29. Richardson H.E. Tibet and Its History. London, 1984. 328 p.
30. Shakabpa T.W.D. Tibet: A Political History. New Haven and London: Yale University Press, 1967. 369 p.
31. The Ambassador in China (Gauss) to the Secretary of State. Chungking. 1942.07.13 // Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Appendix III. Geneva: International Commission of Jurists, 1960.
32. 最新实用中国地图册。北京: 中国地图出版社。1992 年。105 页。Novejshij atlas Kitaya dlya prakticheskogo ispol'zovaniya *(The latest Atlas of China for practical use).* Pekin: Kitajskoe izdatel'stvo geograficheskikh kart, 1992. 105 p. (In Chinese).

Сведения об авторе

Клинов Анатолий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар) / newlegend2010@yandex.ru

Information about the author

Klinov Anatoliy – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Foreign Area Studies and Oriental Studies Department, Kuban State University (Krasnodar) / newlegend2010@yandex.ru

УДК 94(450)

И. А. Краснова, Е. П. Тельменко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ВО ФЛОРЕНЦИИ 1494–1495 гг. «ЗАКОН О ВСЕОБЩЕМ МИРЕ И ПРАВЕ НА АПЕЛЛЯЦИЮ “ШЕСТИ БОБОВ”»

В статье рассматривается начальный этап политических реформ во Флоренции, избавившейся от «тирании» Медичи в ноябре 1494 г. Всплеск единения во время ноябрьского переворота, довольно скоро сменился разделением горожан на группы, отстаивающие различные варианты организации системы управления государством (режим оптиматов либо расширение демократии). Противоборство олигархической и демократической тенденций проявилось как при осуществлении институциональной реформы (учреждение Большого совета 23 декабря 1494 г.), так и в процессе продвижения закона о «всеобщем мире» и «шести бобах». Привлеченный к исследованию материал позволяет составить представление не только о характере политических процессов в обществе на стадии его реформирования, но и обратиться к проблеме влияния на них духовного лидера Флоренции – проповедника и пророка Джироламо Савонаролы.

Установление «всеобщего мира», связанное с прекращением старой вражды сторонников и противников Медичи, должно было способствовать реинтеграции общества после политических потрясений конца 1494 г., что было особенно важно для сохранения «флорентийской свободы», как внутренней (гарантия против тирании), так и внешней (с началом Итальянских войн (1494–1559) актуальность угроз возросла). И если первая часть закона практически не вызвала возражений, то вторая, связанная с правом апелляции на решения Синьории о наказании государственных и уголовных преступников, породила массу споров, во-первых, о необходимости подобного шага, а во-вторых, об апелляционной инстанции (причем, в обоих случаях опасения были связаны с возможностью попрания принципа «fiorentina libertas»).

Ключевые слова: Флоренция, реформа, закон, всеобщий мир, «шесть бобов», «флорентийская свобода», Большой совет, Джироламо Савонарола, пророк.

Irina Krasnova, Elena Telmenko

POLITICAL REFORMS IN FLORENCE IN 1494–1495. THE LAW ON UNIVERSAL PEACE AND THE APPEAL RIGHT OF “SIX BEANS”

The article examines the initial stage of political reforms in Florence, which got rid of the Medici’s "tyranny" in November 1494. The splash of unity during the November coup was soon replaced by the division of the citizens into groups defending various options for organizing the government system (the regime of Optimates or the expansion of democracy). The confrontation between oligarchic and democratic tendencies manifested itself both during the implementation of the institutional reform (the establishment of the Grand Council on December 23, 1494) and in the process of promoting the law on "universal peace" and "six beans". The material involved in the study makes it possible to form an idea not only of the nature of political processes in the society at the stage of its reforming, but also to address the problem of the influence of the Florence spiritual leader, the preacher and prophet Girolamo Savonarola, on them.

The establishment of "universal peace", associated with the end of the long-running enmity of the Medici’s supporters and opponents, was supposed to facilitate the reintegration of the society after the political upheavals of the end of 1494, which was especially important for the preservation of "Florentine freedom", both internal (a guarantee against tyranny) and external (with the outbreak of the Italian Wars (1494–1559), the urgency of threats increased). Whereas the first part of the law practically did not raise objections, the second one, connected with the right to appeal against the decisions of the Signoria on punishing state prisoners and criminals, gave rise to a lot of controversy, firstly, about the need for such a step, and secondly, about the appeal instance (in both cases, concerns were associated with the possibility of violating the "fiorentina libertas" principle).

Key words: Florence, reform, law, universal peace, «six beans», «fiorentina libertas», the Great Council, Girolamo Savonarola, the prophet.

После изгнания 9 ноября 1494 г. Пьеро Медичи – неудачливого и недальновидного правителя (1492–1494), Флоренция столкнулась с необходимостью проведения политических преобразований и одновременно установления социального мира.

Переворот накалил внутриполитическую обстановку в городе: мало того, что его жители разделились на «белых» – «друзей государства и свободы» и «ненадежных и подозрительных» «друзей Медичи» – «серых» [4, p. 21; 8, p. 98], обе группировки испытывали страх в ожидании возвра-щения противников прежнего режима, высланных и изгнанных государством с 1434 и по девятое ноября 1494 года [2, с. 96], опасаясь их мести. Очевидец событий – Якопо Нарди (1476–1563), вспоминал, что в то время «в каждом поселился страх, и особенно в тех, кто принадлежал к старому правлению, а еще больше – в тех, кто был причастен к восстановлению свободы», и что обе стороны «желали оградить себя от вышеназванной опасности» [8, p. 47]. Ему вторит и другой, младший современник – Франческо Гвиччардини (1483–1540), говоря о страхе, охватившем «всех тех, кто имел влияние во времена Лоренцо и Пьеро, всех тех, кто сам или чьи предки когда-либо обидели изгнанников или их предков; всех тех, кто владел имуществом объявленных прежде вне закона ...» [2, с. 96].

В сложившейся ситуации можно было уповать лишь на того, кого город в это тяжелое время признал своим духовным лидером – доминиканского монаха Джироламо Савонаролу, пророка, чьи предсказания о тяжелых временах уже начали сбываться, а значит сбудутся и другие, в которых избранному Богом городу было обещано обретение как земных благ, так и небесных. Монах, все больше втягивавшийся в политическую жизнь республики, в своих проповедях на пророка Аггея ноября – декабря 1494 г., поддержав демократические преобразования в освобожденной от тирании Медичи Флоренции, не уставая повторял, что залогом процветания города на Арно и спасения

его граждан является соблюдение следующих условий: страх Божий; общее благо; ***всеобщий мир*** и реформа [10, p. 274–275, 300, 320, 330–343, 359, 416–417].

Непрестанно вещая о необходимости установления всеобщего мира, Савонарола, во-первых, обратился к горожанам с призывом простить и забыть прежние обиды: «смириться перед обидевшим тебя и помириться с ним» [10, p. 227, 395]; очистить сердца от «старой вражды, которая распространена среди вас, когда один ненавидит другого из-за прошлого и былых причин», поясняя, что он имеет в виду «дела и интересы, касающиеся государства, все то, что произошло до этих ваших последних перемен» [10, p. 338]. Во-вторых, монах стал настаивать на принятии властью соответ-ствующего закона. В проповеди, прозвучавшей 28 декабря в преддверии выборов новой Синьории, он воззвал к действующему, а затем и новому правительству: «Вы … должны, по крайней мере, прежде чем покинете свой пост, добиться заключения этого всеобщего мира … если вы не доведете до совершенства эту реформу (а ее совершенство – это мир), и если станете причиной ее недостатков или по небрежению, или из-за чего-либо другого, Господь прогневается на вас … Прежние и новые правители … позаботьтесь об установлении этого всеобщего мира, примите добрые законы, которые поддержали бы и укрепили ваше правительство» [10, p. 426–427].

Вместе с этим призывом Савонарола, проявляя обеспокоенность возрождающейся партийностью городской политике, предложил правительству жестко пресекать ее проявления: следует принять постановления, «чтобы никто больше не назывался “белыми” или “серыми”, но все были едины», необходимо «установить наказание для тех, кто станет “белым” или “серым”», в противном случае в городе появится нечто подобное прежним гвельфам и гибеллинам, и за этим последует его разрушение и гибель [10, p. 427]. Поскольку за этим разделением скрывалась возможность утраты свободы и восстановления тирании, монах, как видим, уже в декабре 1494 г. высказывал мысль о необходимости принятия законов в отношении тех, кто будет представлять угрозу новому правлению.

6 января 1495 г. Савонарола возобновляет проповеди, обращаясь к толкованию Псалмов. Продолжая развивать тему необходимости установления всеобщего мира, он сосредотачивается не только, и даже не столько, на нравственных наставлениях, сколько на практических шагах правительства по принятию соответствующего правового акта. Скорее всего, рассчитывая на действенность общественного мнения в продвижении закона, монах посвящает паству в подробности своего выступления во дворце Синьории в последний день декабря 1494 г. «Я был во Палаццо в день Св. Сильвестра для заключения этого всеобщего мира», – сообщает он, и, продолжая, заявляет: «… поскольку там … я обращался к немногим …, сейчас я изложу здесь публично … все доводы, которые приводил» [12, p. 9]. В пользу этого мира свидетельствуют, по словам брата, во-первых, «божественные основания»: практически бескровный переворот 9 ноября и то, что Флоренция устояла до сего дня среди «опасностей и испытаний» – знак того, что Господь простил «многочисленные грехи» ее жителей, подобным же образом следует отнестись «к твоим близким и горожанам» [12, p. 11]. «Естественные» же доводы, которым, по словам проповедника, флорентийцы доверяют намного больше, сводятся к следующему: кто без греха, может наказывать других (но практика показывает, что таковых людей, в сущности, нет); кто «обагрит руки кровью» и причинит страдания, сам затем претерпит подобное; совершив зло в отношении одного сделаешь своими врагами все его семейство; милосердие к другим обернется милосердием к тебе; если не сделать этого, «город разделится на две части, то есть добрых и скверных людей, и иссякнет любовь в твоем городе»; осудив невинных вызовешь гнев Господа на себя; подвергнутые ссылке, «направятся к Государям и разгласят секреты твоего государства, что может причинить чрезвычайно большой вред»; и, наконец, «опыт показывает», что «скопившееся в прошлом значительное раздраже-ние необходимо разрешить сейчас» [12, p. 12–13].

Франческо Гвиччардини, практически дословно воспроизведя в своей «Истории Флоренции» отрывок первой проповеди на Псалмы, сообщает еще об одной об инициативе Савонаролы, напрямую связанной с целью «установить в городе спокойствие» и состоящей в том, «чтобы шесть членов Синьории были лишены права по собственной воле будоражить народ, изгонять и убивать граждан по своему произволу, как то было в прежние времена», то есть «ограничить власть шести бобов и постановить, чтобы всегда в случае, если какой-либо гражданин от имени государства приговорен к наказанию, отстранен от участия в Синьории или любой другой должности, он мог бы апеллировать в Большой совет[1]» [2, с. 104]. Речь идет о праве правительства республики шестью голосами приговаривать виновных в преступлениях против государства и тяжких уголовных деяниях к ссылке и изгнанию, конфискации имущества и смерти [1, с. 214].

Действительно, в выступлении 6 января 1495 г. фра Джироламо призвал «несколько умерить власть шести бобов Синьории» и в качестве апелляционной инстанции предложил «Совет восьмидесяти или ста, избранный из членов Большого совета». При этом монах попытался развеять сомнения в том, что появление апелляционного Совета умалит власть и пошатнет авторитет Синьории. Правительство, согласно проповеднику, может стремиться обрести влияние и авторитет, верша либо зло, либо добро; в первом случае «этого нельзя допустить», а во втором – действия Синьории «будут одобрены означенным Советом»; таким образом «этот Совет по апелляциям не лишит Синьорию влияния, но скорее – скверного авторитета» [12, p. 13]. В этой и в последующих проповедях доминиканец представля-ет Совет не только как узду для Синьории, но и как стимул и

[1] Большой совет (Consiglio Maggiore, Consiglio generale, Consiglio grande) – орган управления, решавший вопросы, связанные с законодательной деятельностью, а также обладавший правом назначения глав государственных учреждений (магистратов); был учрежден 23 декабря 1494 г.

опору в ее решениях. «Будет величайшей поддержкой Синьории этот Совет, если только он будет создан», ибо таким образом Синьория станет «настроена наказывать дурных людей … поскольку она не одна» [12, p. 14], – обосновывает необходимость введения нового магистрата Савонарола, и, продолжая свои рассуждения в следующей проповеди 11 января, заявляет: «Я тебе говорил об этих шести бобах, что необходимо предоставить им некую палку (bastoncello), то есть этот Совет по апелляциям, и таким образом … Синьория будет более настойчива и решительна в любом деле» [12, p. 32].

Как видим, монах демонстрирует хорошее знание флорентийской системы управления, с ее достоинствами и недостатками: основанная на выборах частая сменяемость магистратов в республике была не только проявлением демократии, но и причиной нестабильности общества, в котором действовали различные партии и группировки; вероятный приход в Синьорию политических оппонентов (тем более в случае ущемления их интересов прежним составом), тормозил принятие важных, в том числе судебных, решений, а также вызывал стремление разделить ответственность с другими органами и структурами власти. Об этой проблеме Савонарола упоминает в проповеди 6 января [12, p. 13–14], а затем более пространно рассуждает в выступлении 17 января 1495 г. «Зло твое пребывает внутри, … оно в государственном режиме, который сейчас существует», – замечает монах, и продолжая уточняет: «Я не утверждаю, что имеется сейчас кто-либо здесь, кто желает творить зло, но он появится, поскольку ты возвышаешь значительное число людей на короткий промежуток времени, которые завидуют друг другу и сталкиваются между собой; поэтому вполне возможно наступит время, когда некая часть грандов (grandi) обретет в качестве друзей большинство Синьоров (то есть шесть бобов) и изгонит, и уничтожит других» [12, p. 79]. Возражения, основанные на том, что новый способ формирования Синьории, – очевидно, подразуме-валась введенная после переворота сроком на год практика выборов ее состава «вручную» Комиссией 20 аккопьяторов, – гарантирует правительство от злоупотребления этим правом, не убеждают Савонаролу. «Ты скажешь: “Ах, мы выбираем Синьоров таким способом, что не может произойти подобной неприятности”. Безумец! Ты не замечаешь, что шесть бобов противодействуют и вредят тому, кто их применяет», – выражает свои сомнения фра Джироламо, и призывает народ не позволить ввести себя в заблуждение, ибо «шесть бобов» удобно применять в борьбе с противниками и для того, чтобы возвыситься [12, p. 79–80]. Кроме того, продолжая в проповеди 20 января отстаивать необходимость введения права на апелляцию, Савонарола обращается не столько к проблеме политической ориентации членов Синьории, сколько к необоснованной, по его мнению, абсолютизации непогрешимости их решений: «… ты знаешь, что в этом месте постоянно не пребывают наиболее мудрые граждане города» [12, p. 107].

Принятие закона о всеобщем мире и шести бобах затянулось до марта 1495 г. Выступление доминиканского брата 25 января свидетельствует о его неудовлетворенности текущим положением дел. Савонарола напоминает пастве о том, что проповедовал «четыре вещи, которые были твоим спасением», то есть «первое – страх Божий, второе – общее благо, третье – всеобщий мир, четвертое – реформа»; затем указывает, что до сих пор «сделано недостаточно из того, что я тебе говорил, то есть немного относительно реформы». Все это, по мнению проповедника, позволяет ему «предоставить место некоторому гневу»: он в сердцах заявляет, что хочет стать просто монахом, не вникать в государственные дела, в том числе – «не вмешиваться более в шесть бобов», сверх того – уйти проповедовать в Лукку, а «затем, возможно, еще дальше», к язычникам [12, p. 124–125].

«Флорентийская история» Пьеро ди Марко Паренти (1449–1519) позволяет увидеть, как с января по март происходила трансформация отношения городского правительства и граждан республики к введению всеобщего мира и закону о шести бобах. При этом, стоит обратить внимание на то, как в тексте сочинения этого современника и очевидца событий обнаруживается проблема постоянного, если можно так выразиться, «многоголосия» в городе на Арно, ситуативного изменения и переплетения мнений и суждений по важным государственным вопросам.

В январе 1495 г., когда доминиканский брат начал публично призывать ограничить право Синьории «отправлять в ссылку 6 бобами» и разделить эту власть «с другим магистратом или множеством граждан», «гранды», согласно Паренти, опасаясь утратить свое влияние, выступили против, обосновывая свою позицию, в-первых, тем, что «это лишит Синьорию репутации», поскольку «одобрение (санкционирование наказания) другими, будь то учреждения либо люди, приведет к тому, что они возвысятся над ней, а не она над ними», и, во-вторых, тем, что этот шаг будет означать отход от традиции, когда издревле Синьория постоянно обладала подобным правом [9, p. 167].

Затем автор «Флорентийской истории» сообщает: поскольку монах непрестанно увещевал к заключению мира, Синьория созвала «большую Пратику»[1], где было решено принять постановление о прощении преступлений, совершенных до 9 ноября, а после – подвергать провинившихся наказанию. Однако, «полагая, что такая вещь может быть опасной», поскольку «Серые» – сторонники партии Медичи, «возрадуются», «избавятся от страха» и «вступят в сговор», ибо только «страх» и «осмотрительность сдерживает их», была собрана другая, уже «секретная Пратика», на которой «было условлено ничего не предпринимать, и сказать брату Иерониму оставить это (предприятие)» [9, p. 172–173]. Кроме того, на тайном совещании было решено «не лишать (Синьорию) власти шести бобов», и таким образом «сохранить инструмент для оперативного наказания какого-либо сильного горожанина из приверженцев прежнего правления». Реакция народа, в силу отрицательного отношения к промедичейской группировке,

[1] Судя по порядку изложения событий во «Флорентийской истории», Пратика была созвана после 20 января. Пратика – особое консультативное совещание, созываемое по решению Синьории [3, с. 318].

в целом совпала с позицией правительства. «Эти два заключения, хоть отчасти и не нравились людям, которые стремились удовлетворить брата Иеронима, – замечает Паренти и, продолжая, уточняет, – тем не менее были по сердцу, когда речь шла о возможности наказания кого-либо из лидеров Серых» [9, p. 173].

В марте ситуация складывается по-иному. Прежняя Синьория сменилась новой, состоящей «из уважаемых и состоятельных людей», часть которых оказалась «ближайшими родственниками ненавистников нового правления», то есть сторонников прежнего режима. Как сообщает Паренти, в это время «горожане, живущие плохой или доброй жизнью, обретались без какого-либо различения в правительстве», при этом «многие желали Пьеро Медичи» [9, p. 189]. Кроме того, республика нуждалась в «cittadini grandi» – богатых и влиятельных гражданах, как источнике средств, необходимых «чтобы заплатить королю Франции» часть суммы, оговоренной в ноябрьском соглашении 1494 г.[1], а также в качестве искусных дипломатов и администраторов, «которые вели переговоры с синьорами Италии, и постоянно наблюдали за интригами правителей, и принимали участие в обсуждениях относительно нашего города, и исполняли все надлежащие им (обязанности)». По этой причине, если предыдущая Синьория «проявляла стремление наказать» Серых, то новому ее составу это представлялось практически невозможным [9, p. 190].

Паренти выказывает также еще одно предположение, объясняющее почему городская верхушка («Grandi») начала склоняться к принятию решения о введении всеобщего мира и ограничении «власти шести бобов»: согласно Пьеро ди Марко, эта часть граждан, видя, что правление «становится все более народным», и существует перспектива «с течением времени формировать Синьорию посредством народных выборов», стала опасаться утратить власть и политическое влияние, по этой причине была заинтересована в сужении прав Синьории, а также в преуменьшении ее авторитета, представив этот отправляющий горожан в ссылку орган «в качестве источника опасности» для нового режима [9, p. 190–191]. Таким образом, заключает Паренти, «гранды, понимая …, что невозможно чувствовать себя в безопасности в городе, если не умалить власть Синьории, вновь подстрекаемые множеством Серых, приложили усилия, совместно с расположенной к подобному результату Синьорией, чтобы относительно власти 6 бобов, равным образом и всеобщего мира, принять решение прежде, чем уйдут послы к королю Франции» [9, p. 192].

Здесь упомянута еще одна причина, побуждавшая правительство к скорейшему принятию закона, внешняя. Заключалась она в необходимости призвать Карла VIII к соблюдению пунктов ноябрьского договора с Флоренцией, согласно которому король обязывался вернуть республике принадлежавшие ей крепости после того, как французы захватят Неаполь. 5 марта были избраны послы к Карлу VIII, чтобы поздравить его с победой и напомнить о выполнении означенного соглашения [9, p. 188; 7, p. 102]. Как утверждает Паренти, принятое накануне отбытия посольской миссии постановление должно было «показать королю Франции, что наш народ един, и не стоит более ожидать разделения во Флоренции, которое должно разрушить нашу свободу», что «все готовы к защите нашей свободы, желая получить обратно наше (крепости) и жить в мире и согласии с Его Величеством, как это надлежит добрым сыновьям» [9, p. 195].

Между тем, наделение Синьории «в давние времена» правом подвергать репрессиям, согласно Паренти, толковалось гражданами Флоренции, как средство защиты государства и социально слабых, низших слоев населения («Minori») от оптиматов, которые «первоначально не страшились ни Синьории, ни прочих Магнатов, полагаясь на собственную силу». Соответственно, со стороны народа в означенное время обнаруживается «значительное противодействие, (связанное с мнением), что лучше было бы поскорее наказать Серых, чем поступать по-иному, и не умалять власть 6 бобов» [9, p. 191].

В конце концов, гонфалоньер справедливости Танаи де Нерли, «видя намерения народа, который выступал за то, чтобы ничего не менять», счел нужным заняться этими вопросами «для блага города»: правительство созвало Пратику дабы выслушать мнения «за и против». Консультативное совещание выказало одобрение относительно «установления мира и предоставления апелляции на Синьорию». Народ «еще более подозрительно» воспринял это решение, поскольку (если доверять информации Паренти) распространилось суждение, что Синьория «обратилась к умиротворению граждан не для пользы народа и города, а для обеспечения безопасности Грандов, связанных с прошлым и нынешним правлением, а также Серых, с тем, чтобы уберечь всякого своего родственника и друга» [9, p. 191, 192–193]. Паренти сообщает о «скрытом волнении» в городе; о «колебаниях»; подозрениях, что «за этим постановлением скрыт обман»; о том, что среди граждан «обнаружилось твердое намерение взяться за оружие», поскольку «многим казалось, что свобода может быть утрачена, особенно, если власть Синьории будет ущемлена» [9, p. 194].

В итоге, 16 марта закон был одобрен «Синьорией и Коллегиями», 18 марта – Советом восьмидесяти, а 19 марта утвержден Большим советом [7, p. 102–103]. Как сообщает Паренти, на Большом совете собралось «около 700 человек», из которых только 163 проголосовали против. Примечательно, что в агиографических сочинениях последователей Савонаролы («плакс») такой исход голосования представлен как чудо. Плачидо Чиноцци, например, вспоминал, что монах, говоря о продвижении реформы Флоренции, утверждал: «Вы сделаете это в любом случае, хотите вы того или нет, белые бобы превратятся в черные (то есть голоса «против» превратятся в голоса «за»)» [4, p. 21]. Псевдо-Бурламакки в «Жизнеописании» Савонаролы приводит

[1] События связаны с началом Итальянских войн (1494–1559): в августе 1494 г. французский правитель Карл VIII начал поход на Неаполитанское королевство; во Флоренции армия короля пребывала с 17 по 28 ноября; по условиям договора с Карлом республика должна была заплатить высокую контрибуцию и теряла несколько крепостей, которые король обещал вернуть после захвата Неаполитанского королевства (Неаполь был взят 22.02.1495).

аналогичное высказывание брата, а также находит сходство между событиями, связанными с учреждением Большого совета и принятием закона о всеобщем мире и шести бобах: в обоих случаях принятию постановлений предшествовали бурные обсуждения, мощное противодействие и сомнения в положительном итоге голосования; «многие подавали белые бобы», а затем изумлялись, что при подсчете голосов большинство из них оказывались черными [6, p. 77–78; 11, p. 15].

Принятый таким образом закон провозглашал амнистию для приверженцев прошлого правления, «прощение проступков с 9 ноября и по сей день», «за исключением долгов Коммуне и убийства»; также те, «кто был осужден Синьорией и Балией Восьми на денежный штраф более 300 флоринов, или изгнание, или смерть, или телесное наказание, могли в установленный срок (8 дней) апеллировать к Большому совету» [9, p. 193, 195; 7, p. 102–103; 1, с. 216].

И тем не менее, при некоем общем консенсусе, состоявшем в том, что подобное нововведение позволяет, во-первых, «ограничить власть верховных магистратов касательно преступников, чтобы они не подвергались жестокому исправлению» и предоставить возможность прибегнуть к помощи «народа Флоренции, который должен быть господином всего», и, во-вторых, продемонстрировать французскому королю единство горожан и их готовность отстаивать свободу, у многих, как сообщает Паренти, остались сомнения относительно второй части постановления, касающейся права на апелляцию. Этим гражданам «казалось, что наша свобода может быть таким образом подчинена фортуне»: как поясняет автор сочинения, апелляция в Большой совет означала затягивание времени разбирательства, что в определенных случаях могло создать опасное положение в городе, ибо «с отсутствием возможности тотчас прибегнуть к жестокости, устранялась перспектива быстрого установления блага». В итоге, как сообщил современник Савонаролы, разумные люди пришли к заключению, что «судить о последствиях можно лишь подождав результата, который ясно сможет показать хорошо это или плохо» [9, p. 195–196].

В том, что касается Савонаролы, то в проповеди 27 марта, произнесенной после того, как был принят закон об апелляции к Большому совету вместо предлагавшихся им более узких советов восьмидесяти или ста, доминиканец выразил удовлетворение уже тем, что был достигнут консенсус относительно самой возможности подачи апелляции: «Что касается смягчения власти шести бобов, я привел тебе доводы, которые требовались от меня, и сказал, чтобы ты поступал так, как подсказывает тебе разум; что затем ты и предпринял, и это было сделано хорошо, и ты не мог бы сделать ничего лучше» [11, p. 15].

Итак, после переворота во Флоренции явно обозначились две тенденции реформирования – олигархическая и демократическая, противоборство которых проявилось и в процессе принятия закона о «всеобщем мире» и «шести бобах». В спорах как о необходимости ограничения судебных прав Синьории, так и об апелляционной инстанции политические оппоненты выражали всеобщую обеспокоенность сохранением «флорентийской свободы» – внутренней и внешней. В итоге, было принято решение о передаче апелляций в Большой совет. Савонарола, обладая значительным авторитетом среди граждан, своими проповедями оказывал существенное влияние на общественное мнение и мог рассчитывать на принятие тех или иных законов; при этом, на практике постановления правительства не всегда полностью совпадали с идеями, озвученными доминиканцем.

Источники и литература

1. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. М.: Ладомир, 1995. 929 с.
2. Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в./ Сост., вступит. статья, комментарии Л. М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. С. 72–140.
3. Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: [монография] / Отв. ред.: Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 302–332.
4. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruìn S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri lacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenza: Sansoni, 1898. P. 1 – 28.
5. Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 Torino: Bollati Boringhieri, 2009. 560 p.
6. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e gia attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.
7. Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV, 377 pp.
8. Nardi I. Istorie della città di Firenze / pubblicate per cura di Agenore Gelli. Vol. 1. Firenze, 1858.– XXIV, 437 pp.
9. Parenti P. Storia fiorentina / a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476-78, 1492-96. LI, 364 pp.
10. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della citta di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
11. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della citta di Firenze (Sermons Savonarola G. Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 2. 474 p.
12. Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.

References

1. Villari P. Dzhirolamo Savonarola i ego vremya. (*Girolamo Savonarola and His Time*). V 2 t. v 1 kn. M.: Ladomir, 1995. 929 s.

2. Gvichchardini F. Istoriya Florentsii (*The History of Florence*) // Sochineniya velikikh ital'yantsev XVI v./ Sost., vstupit. stat'ya, kommentarii L.M. Braginoi. SPb.: Aleteiya, 2002. S. 72–140.
3. Krasnova I.A. Dolzhnosti i potestarnye instituty vo Florentsii (*Positions and Potestary Institutions in Florence*) // Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya: [monografiya] / Otv. red.: T.P. Gusarova. M.: KDU, 2011. S. 302–332.
4. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruìn S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenza: Sansoni, 1898. P. 1–28.
5. Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. 560 p.
6. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e gia attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.
7. Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV, 377 pp.
8. Nardi I. Istorie della città di Firenze (*The History of Florence*) / pubblicate per cura di Agenore Gelli. Vol. 1. Firenze, 1858.XXIV, 437 pp.
9. Parenti P. Storia fiorentina (*The History of Florence*) / a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476-78, 1492-96. LI, 364 pp.
10. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della citta di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
11. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della citta di Firenze / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 2. 474 p.
12. *Savonarola G.* Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1.305 p.

Сведения об авторах

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; gorward_@mail.ru

Тельменко Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / teilman@mail.ru

Information about the authors

Krasnova Irina – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / gorward_@mail.ru

Telmenko Elena – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / teilman@mail.ru

УДК 94 (47)

Е. Ю. Любушкина

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОГО ГОРНОГО ОБЩЕСТВА

В статье речь идет о создании и направлениях деятельности Кавказского горного общества на рубеже XIX – начале XX вв. Кавказское горное общество сыграло важную роль в становлении туризма на Северном Кавказе, в исследовании Кавказских Минеральных вод, Кавказских гор, изучении многонационального региона. Общество объединило ученых, краеведов, топографов, фотографов, инженеров, писателей, учителей России. Значительное место в поле деятельности членов Общества занимала экскурсионная работа. Общество организовывало экскурсии для жителей Кавказских Минеральных вод, туристов, приезжающих из разных мест Российской империи, Западной Европы. Основное внимание было уделено проведению экскурсий для учащихся учебных заведений Российской империи, которые знакомились с удивительными местами, историей, культурой, природой Кавказа. Обществом было разработано 16 маршрутов, начиная от экскурсий по Кавказским Минеральным водам до маршрутов по военным дорогам – Грузинской, Осетинской, на Эльбрус, Казбек.

Одним из направлений в работе Общества была издательская деятельность. Члены Общества издавали «Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске» и «Вестник Кавказского горного общества», а также брошюры, в которых нашли отражение наблюдения по истории, археологии, геологии, ботанике Северного Кавказа. Кавказское горное общество проводило археологические работы, заботилось об охране археологических памятников.

Общество открыло библиотеку, в которой были представлены уникальные коллекции книг по истории Северного Кавказа, карты, справочные материалы. Кавказским горным обществом была проделана большая работа по созданию музея, в котором были представлены материалы по геологии, ботанике, энтомологии, палеонтологии, археологии, фотографические снимки выдающихся мест Кавказа, на основе которого был создан Пятигорский краеведческий музей.

Кавказское горное общество положило начало всестороннему изучению Северного Кавказа, развитию северокавказского краеведения, заложило исследовательские и практические традиции, которые были восприняты учеными и научными учреждениями в советский период.

Ключевые слова: Кавказское горное общество, деятельность, туризм, краеведение, кавказоведение, Северный Кавказ, рубеж XIX – начало XX вв.

Elena Luybyshkina

ON THE ACTIVITIES OF THE CAUCASIAN MOUNTAIN SOCIETY

The article deals with the creation, directions of activities of the Caucasian Mountain Society at the turn of the XIX – early XX centuries. The Caucasian Mountain Society played an important role in the development of tourism in the North Caucasus, in the study of the Caucasian Mineral Waters, the Caucasus Mountains, and the study of the multinational region. The Society brought together scientists, ethnographers, topographers, photographers, engineers, writers and teachers of Russia. Excursion work took a significant place in the field of activity of the Society's members. The Society organized excursions for residents of the Caucasian Mineral Waters, tourists coming from different parts of the Russian Empire and Western Europe. The main attention was paid to conducting excursions for students of educational institutions of the Russian Empire, who got acquainted with amazing places, history, culture, nature of the Caucasus. The company has developed 16 routes, ranging from excursions along the Caucasian Mineral Waters to routes along military roads – Georgian, Ossetian, Elbrus, and Kazbek.

One of the directions in the work of the Society was publishing. Members of the Society published the “Yearbook of the Caucasian Mountain Society in Pyatigorsk” and “Bulletin of the Caucasian Mountain Society”, as well as brochures reflecting observations on the history, archeology, geology, botany of the North Caucasus. The Caucasian Mountain Society carried out archaeological work, took care of the protection of archaeological monuments.

The society opened a library, which presented unique collections of books on the history of the North Caucasus, maps, reference materials. The Caucasian Mountain Society did a lot to create a museum, which presented materials on geology, botany, entomology, paleontology, archeology, photographs of prominent places in the Caucasus, on the basis of which the Pyatigorsk Museum of Local Lore was created.

The Caucasian Mountain Society laid the foundation for a comprehensive study of the North Caucasus, the development of North Caucasus local history, laid research and practical traditions that were perceived by scientists and scientific institutions during the Soviet period.

Key words: Caucasian Mountain society, activities, tourism, local history, Caucasian studies, North Caucasus, the turn of the XIX – early XX centuries.

Одной из ярких страниц в истории развития туризма, кавказоведения на Северном Кавказе является деятельность Кавказского горного общества.

Горные клубы возникли в странах Западной Европы во второй половине XIX в. Первый Английский горный клуб возник в Лондоне в 1857 г., затем в 1863 г. в Швейцарии, в Берне был открыт Альпийский Швейцарский Клуб. В 60-е гг. XIX в. альпийские клубы возникают в Австрии, Италии, Германии, Франции, Испании, Америке. В сферу деятельности этих клубов входило не только изучение местностей в естественно-историческом, экономическом, топографическом отношении. Они «прокладывают новые дороги и горные тропинки, строят дома, хижины и землянки для приюта и убежища путешественников, организуют класс горных проводников, строят метеорологические станции, охраняют, где нужно, леса и особые виды животных, помогают горным жителям» [6, с. 5]. Важным делом альпийских клубов была издательская деятельность – каждый клуб издавал один или несколько журналов. В своих рядах эти клубы насчитывали до 100 000 человек [6, с. 5]. В одном Австро-Немецком альпийском клубе состояло около 46 500 человек [1, с. 3].

В России появление горных клубов относится к 90-м гг. XIX в. В 1890 г. учрежден Крымский горный клуб в Одессе с целью «научного исследования Таврических гор и распространения о них разных све-

дений; исследования этих гор, поддержки лесного хозяйства, сельского хозяйства, мелкой горной промышленности, охраны горных видов растений и животных» [6, с. 1].

В 1901 г. было учреждено Русское горное общество в Москве, инициатором создания которого выступил альпинист А. К. фон Мекк, которое занималось изучением горных районов России, предпринимало путешествия, экскурсии, исследовало Кавказские горы, издавало свой «Ежегодник» с публикацией материалов по истории и природе замечательных и необъятных просторов России. Члены общества, известные ученые России – Д. Н. Анучин, П. П. Семенов-Тян-Шанский, И. В. Мушкетов и др. занимались обследованием малоисследованных районов России, доктор В. А. Шуровский исследовал горные ущелья Кавказских гор.

Принимая во внимание пример западных горных обществ, а также стремясь к развитию туризма и альпинизма в России, передовая общественность Северного Кавказа предпринимает попытки к созданию горных обществ в регионе.

Инициатором и организатором горного общества в г. Пятигорске выступил ученый, общественный деятель, альпинист, уроженец Швейцарии Рудольф Рудольфович Лейцингер. В 19 лет он приехал в Россию, работал управляющим на винокуренном заводе в Тамбове, затем занимался развитием винокуренного дела в Воронеже. В 1881 г. прибыл на Кавказ. В Терской области и Ставропольской губернии пропагандировал необходимость применения машин при обработке земли и уборке хлебов. В 1882 г. первый приобрел две паровые молотилки, которые испытал в станицах Лысогорской и Незлобной в Терской области. Очарованный величием Кавказских гор, предпринял путешествия на Эльбрус, посетил Клухорский перевал, верховье Кубани. С 1890-х гг. посвятил свою деятельность г. Пятигорску, организации экскурсий по Кавказу. В г. Пятигорске выступил инициатором создания Общества пособия бедным, в 1898 г. поднял вопрос об устройстве в городе трамвайной линии. В 1898 г. в своем доме на ул. Теплосерной устроил первый зимний театр в г. Пятигорске, в начале XX в. разработал проект создания «Лиги трезвости в Пятигорске».

Рассуждая о пользе альпинизма, исследовании Кавказских гор, в брошюре «Три дня в горах» Р. Р. Лейцингер отмечал: «Какое широкое поле деятельности представляет Кавказ молодым естественникам, минералогам, ботаникам и т.п.: здесь нужны дружные работники, ибо здесь хватит работы на сотни лет. Пора русскому народу перестать возить свой излишек средств заграницу, пора заглянуть поглубже и повнимательнее в свой, еще неизведанный край» [5, с. 16]. Руководствуясь опытом развития туризма и создания альпийских клубов в Швейцарии Р. Р. Лейцингер стал пропагандировать идеи создания горного общества в г. Пятигорске. На рубеже XIX – начале XX вв. жители г. Пятигорска, а также приезжающие на курорты на лечение и отдых, предпринимали прогулки к Провалу, Перкалке, Юце, изредка на вершины г. Машук и г. Бештау. Р. Р. Лейцинберг периодически собирал компанию любителей природы и увлекал их далеко в горы к подножию г. Эльбрус.

23 июня 1899 г. на Николаевском вокзале состоялось первое собрание учредителей горного общества в г. Пятигорске, была создана комиссия по выработке устава, с определением цели и состава общества. 14 декабря 1901 г. устав Кавказского горного общества был утвержден министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым, который стал почетным членом Кавказского горного общества.

Целью Общества было: «Всестороннее научное исследование Кавказских гор и прилегающих к ним предгорий, степей и морей, а также ознакомление с бытом и жизнью населяющих Кавказ народностей; поощрение к посещению и исследованию этих местностей учеными, художниками и туристами и оказание им в этом возможного содействия; поддержка местных отраслей хозяйства, садоводства и горной промышленности; охрана редких видов горных растений и животных, исторических памятников и всяких примечательностей» [1, с. 4].

Получив устав, учредители Общества образовали временное правление Общества под председательством атамана Пятигорского отдела генерал-майора А. А. Ржевуского, в которое вошли Р. Р. Лейцингер, И. И. Апухтин, Л. Ф. Бржезинский. Объявления о создании горного Общества были напечатаны в «Правительственном Вестнике» и в газете «Казбек», циркуляры с извещением об открытии общества разосланы во все русские и заграничные альпийские клубы, всего циркуляров было разослано по России 1700 и заграницу 297 экземпляров [1, с. 14].

Отправной точкой начала деятельности Общества можно считать 18 апреля 1902 г., когда состоялось первое общее собрание членов Общества в составе 32 человек. Первым председателем Общества стал профессор Медико-хирургической академии Оттон Антонович Чечотт. Своего собственного здания Общество не имело, поэтому в период летних месяцев снимало квартиру с небольшой комнатой, в которой размещалось бюро для записи экскурсантов и выдачи справок. Собрания членов правления проходили на квартире председателя Общества, а общие собрания – в помещении Пятигорского 4-х классного училища.

По своему составу, Общество было элитарным, его почетными членами были Великий князь Дмитрий Константинович, Его высочество Сеид-Абдул-Ахад-Хан Эмир Бухарский, товарищ министра торговли и промышленности Дмитрий Петрович Коновалов, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант, генерал от инфантерии князь Григорий Сергеевич Голицын, помощник главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, генерал от инфантерии Александр Александрович Фрезе, попечитель Кавказского учебного округа Николай Федорович Рудольф, директор Кавказских минеральных вод, действительный статский советник Владимир Васильевич Хвощинский, атаман Пятигорского отдела генерал-майор Адам Адамович Ржевуский, действительный статский советник, доктор Оттон Антонович Чечотт. Общество объединило ученых, краеведов, топографов, фотографов, инженеров, писателей, учителей Российской империи.

Первостепенными задачами Общества были: организация горных прогулок в окрестности Кавказских минеральных вод, экскурсии в наиболее доступные места главного Кавказского хребта, «собирание, по возможности, всех относящихся к Кавказу трудов, имея в виду, хотя бы в отдаленном будущем, создать в Пятигорске такой общедоступный центр кавказоведения и русского альпинизма, где бы каждый трудящийся на этом поприще, ученый, писатель, топограф, художник, фотограф и обыкновенный турист, мог бы внести свою посильную лепту и почерпнуть нужные сведения» [1, с. 5].

Ставя перед собой задачу по проведению экскурсий, члены Общества разработали программу экскурсий. Первоначально руководителями экскурсий были Р. Р. Лейцингер, О. А. Чечотт, Н. Д. Красов, С. М. Фридман, И. И. Апухтин. В 1902 г. экскурсии совершались в окрестностях Пятигорска, Железноводска и Кисловодска пешком, в наемных экипажах и верхом на лошадях. В основном экскурсии проводились в летние месяцы. В 1902 г. за три месяца было осуществлено экскурсий: 22 однодневные – восхождения на горы Машук, Бештау и Железную, поездки к водопаду Юца, к Баталинскому источнику, озеру Тамбукан и в колонию Темпельгоф; 12 двухдневных – в долину Нарзанов, в аул Хасаут и на г. Бермамыт и 7 дальних – к подножию Эльбруса, в Балкарию, к Девдоракскому леднику и в Чегемский аул [1, с. 15].

Рассматривая вопрос об организации экскурсий члены Общества стремились сделать их проведение более комфортным для туристов. С этой целью в 1902 г. правление общества просило Владикавказское общество охоты разрешить туристам останавливаться в имеющихся горных приютах – стоянках для отдыха. С местной администрацией сл. Нальчик была договоренность о покровительстве туристам, совершающим экскурсии в пределах Нальчикского округа.

Почетные члены Общества с благосклонностью относились к деятельности Кавказского горного общества, оказывая поддержку, в том числе, материальную помощь. Директор Кавказских минеральных вод В.В. Хвощинский, передал в распоряжение Общества деккеровский барак, который и был поставлен на г. Бермамыт. Кроме того, В.В. Хвощинский ассигновал Обществу 400 руб. для обустройства дороги на г. Бермамыт, а также 640 руб. для проведения новой пешеходной дорожки на вершину г. Бештау. 9 января 1903 г. правление Общества получило письмо от временно исправляющего должность главноначальствующего генерала от инфантерии А. А. Фрезе о том, что он сделал распоряжение об оказании членам Кавказского горного общества во время экскурсий по Кавказу возможного содействия со стороны местной администрации. Особое внимание туристам Кавказского горного общества было оказано начальником работ Терского отделения Кавказского округа путей сообщения К. И. Сипайло во время экскурсии к Цейскому леднику и по Военно-Осетинской дороге [1, с. 17]. В 1906 г. правлением было получено от строительного отделения Терского областного Управления уведомление об ассигновании наместником 3000 руб. на проложение тропы к Цейскому леднику и устройство там приютов [2, с. 35].

Одной из форм работы Кавказского горного общества была издательская деятельность. В 1903 г. правлением общества был поставлен вопрос об издании собственного журнала и «Ежегодника». Правлением было принято решение в летние месяцы издавать журнал «Вестник Кавказского горного общества», в котором бы публиковали данные о текущей работе общества, а зимой – издавать «Ежегодник», который бы представлял итог годовой деятельности Общества с публикацией наиболее значимых трудов по кавказоведению и альпинизму. Редактором журнала «Вестник Кавказского горного общества» был избран горный инженер А. И. Дрейер, а «Ежегодника» П. Н. Перваго. Первый выпуск «Ежегодника Кавказского горного общества в гор. Пятигорске» вышел в 1904 г. В «Ежегоднике» печатались сведения о личном составе Общества, обзоры о его деятельности, статьи членов Общества, протоколы заседаний, финансовые отчеты. Среди статей, опубликованных в разных выпусках «Ежегодника» можно отметить статьи К. Висконта «Палеозойские сланцы в окрестностях станции Казбек», П. Перваго «Картография Кавказа», А. фон-Ризенкампфа «Более редкие и замечательные растения Пятигорского края», И. Ткешелашвили «Поездка в Кармов аул», Г. Абозина «Горная прогулка к «Горячим нарзанам и ледникам северного склона Эльбруса», В. Лучника «К фауне жужелиц Кавказских минеральных вод». В 1916 г. был издан «Вестник Кавказского горного общества». Кроме того, члены Кавказского горного общества издавали брошюры: В. Дубянского «На Девдаракский ледник» (1902 г.), А. Сипягина «Казбек и восхождение на его вершину», Р.Р. Лейцингера «Три дня в горах» (1905 г.), А.А. Истомина «Описание Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог» (1905 г.), И. С. Ткешелашвили «Сванетия» (1905 г.), Э. Э. Эйхельмана «Краткий очерк геологии и гидрологии района Кавказских минеральных вод» (1905 г.). В 1906 г. Обществом была издана брошюра «Несколько слов об ученических экскурсиях», в которой отмечалась важная роль экскурсий по горам Кавказа в образовательном и воспитательном отношении для молодого поколения: «Экскурсии и путешествия учащихся под руководством опытных учителей … должны составить неотъемлемую часть обязательных учебных занятий, являясь несомненно важнейшим подспорьем классного преподавания естествоведения, географии и даже истории» [7, с. 1]. Брошюра была разослана во все учебные округа и в 640 женских и мужских средних учебных заведений.

Кавказское горного общество, члены которого стремились к развитию туризма и единению ученых, в 1905 г. обратились к правлениям других отечественных горных обществ, а также в отделения Императорского Русского Географического общества с вопросом об учреждении «Союза русских горных Обществ» и об учреждении «постоянной русской ледниковой Комиссии».

Кавказское горное общество предпринимало попытки организовать публичные, общедоступные чтения, лекции, знакомящие публику с различными областями горного Кавказа. С инициативой их организации выступил в 1906 г. член правления А. А. Истомин. Однако эта идея не нашла широкой поддержки у населения, возможно по той причине, что предполагалось проводить платные лекции, и в 1906 г. А. А. Ис-

томиным была проведена только одна лекция, финансовый сбор с которой не перекрыл затрат на ее организацию.

С первых дней своей деятельности члены Кавказского горного общества стремились создать библиотеку, чтобы придать Обществу характер научного учреждения. Правление Общества приложило немало усилий, чтобы создать коллекции книг, карт, справочных руководств. Оказывая поддержку Обществу, атаман Пятигорского отдела генерал-майор А. А. Ржевуский обратился с официальным письмом к помощнику командующего войсками Кавказского военного округа генералу от инфантерии А. А. Фрезе с просьбой выделить обществу из Военно-топографического отдела по одному экземпляру всех карт Кавказа. В июне 1903 г. Общество получило от Кавказского Военно-топографического отдела 212 листов различных карт Кавказа [1, с. 17].

Деятельность Общества по созданию научной библиотеки нашла поддержку как среди российских, так и заграничных альпийских клубов. По просьбе правления Общества прислать печатные издания этих клубов свои издания выслали Русское Горное общество, Крымский Горный клуб, Фриульское общество в Италии, Австро-Немецкий горный клуб в Вене, французское общество туристов Дофинэ, Карпатское Горное общество в Германштадте, Татринское общество в Кракове. Библиотека Общества содержала «богатое собрание книг по географии, истории и этнографии Северного Кавказа, став в будущем первой публичной библиотекой г. Пятигорска» [4, с. 342].

Все же первостепенной задачей Общества была экскурсионная деятельность. В 1903 г. при предложенных 16 маршрутов, состоялось 73 экскурсии, в которых приняло участие 838 человек. Продолжительность экскурсий составляла в зависимости от маршрута – от 5 часов (пешком), например, на вершину г. Машук – до 6 дней к подножию г. Эльбрус по ущелью р. Баксан (в экипаже и пешком), по Военно-Осетинской дороге в г. Кутаис (по железной дороге, в экипаже и верхом на лошадях). Цена экскурсий колебалась от 1 руб. 80 коп., к примеру, на вершину г. Бештау до 32 руб. по Военно-Осетинской дороге в г. Кутаис [1, с. 18]. В 1903 г. общество посетили германские туристы – Л. Дистель, д-р Лейхс и Х. Пфанн, предпринявшие восхождение на Эльбрус и Ушбу.

В сентябре 1903 г. в Пятигорске происходил II-й Всероссийский съезд деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в память императора Петра Великого. Членами Общества для участников съезда были проведены экскурсии к Цейскому леднику, по Военно-Осетинской дороге, в долину Нарзанов, на г. Бештау, Бермамыт. Председатель Общества, доктор О. А. Чечотт выступил с докладом, по результатам которого съезд вынес постановление: «а) изучение климата высоких горных мест Кавказа, в частности вблизи ледников; б) врачебное наблюдение над существующими народными курортами этого рода, как, например, у Цейского ледника; в) изучение состояния здоровья населения горных мест Кавказа и правильная организация врачебной помощи этому населению» [1, с. 19].

В 1904 г. состоялось 38 экскурсий, в которых участвовало 955 человек. Экскурсии осуществлялись на вершины Бештау, Машук, к Пятигорским источникам, Ессентукским источникам, Железноводским источникам, на г. Развалку, к Юцкому водопаду, на г. Бирмамыт, в «Долину Нарзанов», на г. Диант, в «Долину Очарования», к Цейскому леднику, в Кармов аул. Обществом были установлены цены на проведение экскурсий от 25 коп. до 11 руб. [2, с. 25].

Рассуждая о пользе экскурсий Р.Р. Лейцингер отмечал: «Под флагом горных обществ можно было бы устраивать экскурсии разных типов, а именно: 1) экскурсии гигиенические укрепляющие – под руководством врача гигиениста; 2) образовательные – под руководством специалистов естествознания, истории, художников, археологов и любителей природы. Первая группа экскурсий являлась бы могучим средством в борьбе с туберкулезом… Особенное значение должно придавать устройству каникулярных экскурсий для народных учителей и учительниц; они могут спасти многих от развития страшного недуга – туберкулеза» [5, с. 18].

С 1905 г. важной стороной деятельности Общества стала организация систематических, научно-воспитательных экскурсий по Кавказу для учащейся молодежи и учебных заведений России. В течение летних месяцев 1905 г. организовано и состоялось 32 общих экскурсии при 677 участниках и 8 ученических при 246 экскурсантах (учениц 146) [7, с. 8].

Руководители экскурсий основательно готовились к их проведению, поскольку предполагалось «ознакомление участников, по возможности, подробно с географическим характером страны: устройством поверхности, климатом, орошением, народностями и промышленностью; ознакомление с естественно-историческим материалом страны: геологическими, ботаническими и зоологическими особенностями; ознакомление с историческим прошлым и настоящим страны и ее жителей (религия, быт и язык, искусства и науки) [7, с. 5].

Важное значение в образовательном и воспитательном процессе экскурсий придавал попечитель Кавказского учебного округа Н. Ф. Рудольф, который был почетным членом Кавказского горного общества. В 1912 г. в «Обзоре деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг.» он отмечал: «давая возможность детям получить самое чистое и высокое наслаждение от картин природы, экскурсии содействуют развитию эстетического вкуса, стремлению ко всему истинно-прекрасному; знакомя на памятниках седой старины с прошлой историей предшествующих поколений и представляя вместе с тем возможность наблюдать и современную жизнь родного народа со всеми ее радостями и горестями, экскурсии могут заронить в сердце юношей и детей семена сознательной любви к родине и деятельное влечение работать на ее пользу» [8, с. 96].

Экскурсионная деятельность Общества постепенно расширялась. Так, если в 1906 г. общедоступных экскурсий в окрестностях Кавказских минеральных вод в течение 2,5 месяцев (с 1 июня по 15 августа) состоялось 34 при участии 381 участника [2, с. 33], в 1910 г. было организовано 164 экскурсии, в которых приняли участие 3680 человек, учащиеся в них составили 3438 человек, в 1912 г. – 126 экскурсий, 2787 участников, из них 2170 учеников [4, с. 339].

С 1907 по 1910 гг. председателем правления Кавказского горного общества стал Р.Р. Лейцингер,

под руководством которого деятельность Общества расширялась, совершенствовались формы работы Общества. Теперь организовывая ученические экскурсии в пределах Кавказа, Кавказское горное общество стремилось обеспечить учащимся льготный проезд, если этим правом пользовались члены Общества, бесплатную остановку и ночлег в бараках и горных хижинах, принадлежащих Обществу, а также в зданиях, на которые имелось разрешение властей; собирание древесных пород, организацию рыбной ловли и охоты в тех местах, где на это имелось разрешение; бесплатное пользование библиотекой и посещение музея Общества.

В 1908 г. Р.Р. Лейцингер предоставил свое здание бывшего театра в распоряжение правления Кавказского горного общества, вследствие чего Общество устроило приют для учащихся для остановки и ночлега на период посещения экскурсий. Кроме того, экскурсантам Общество выдавало специальные удостоверения на право бесплатных остановок в зданиях Министерства путей сообщения и приютах Общества.

В 1908 г. в экскурсиях приняли участие учащиеся Петербургского университета, Петербургских женских высших курсов, Киевского политехникума, Московских женских высших курсов, Петербургского технологического института, Харьковского университета, Смоленского епархиального училища, Курской гимназии, всего от 26 учебных заведений Российской империи.

28 июля 1908 г. была совершена экскурсия на западную вершину Эльбруса, организованная членом Общества В. В. Дубянским вместе с членами Общества В. М. Ройхелем, Ю. П. Нациевским, В. А. Гуровым, И. И. Медведковым и др. Однако, по мере восхождения на гору, многие члены Общества возвращались в Терскольский поселок. 3 августа 1908 г. на западной вершине Эльбруса В. В. Дубянский впервые установил флаг Кавказского горного общества [3, с. 18]. В 1909 г. по инициативе Р. Р. Лейцингера был сооружен каменный приют на юго-восточном склоне Эльбруса – «Кругозор», что облегчало восхождение на гору ученым и туристам.

Члены Кавказского горного общества, прежде всего, Р. Р. Лейцингер организовывали экскурсии заграницу. Так, организовывая экскурсию по Швейцарии 1 августа 1908 г. экскурсанты поднялись на вершину Юнгфрау.

Важной страницей в истории деятельности Кавказского горного общества стало открытие музея в 1905 г. Идея по основанию музея зародилась в связи с собранными Р.Р. Лейцингером во время экскурсий различными окаменелостями и образцами различных горных пород. Коллекции насекомых позволили открыть энтомологический отдел музея. Членом Общества И.И. Медведковым было положено начало ботаническому отделу музея. Обществом был составлен гербарий альпийских растений Кавказа, собраны образцы его горных пород. Был составлен альбом фотографических видов Кавказа. В целом, в музей Общества поступали материалы по ботанике, геологии, палеонтологии, археологии. В последствии, на основе музея Кавказского горного общества был создан Пятигорский краеведческий музей [4, с. 342].

Занимаясь и постоянно совершенствуя экскурсионную работу члены Кавказского горного общества занимались научной деятельностью, уделяя большое внимание изучению природы Кавказских Минеральных Вод, Кавказских гор. В 1905 г. члены Общества получили разрешение на проведение археологических работ, было удовлетворено ходатайство Общества Императорской Археологической комиссией о предоставлении Обществу права на проведение археологических раскопок на Северном Кавказе. Общество получило «Открытые листы» на право раскопок в Пятигорском отделе и Нальчикском округе Терской области, а также в Баталпашинском округе Кубанской области. [2, с. 34] Р.Р. Лейцингер проводил раскопки в районе Горячеводска и в Ишкаконском ущелье. Во время экскурсии к Эльбрусу Р.Р. Лейцингер вскрыл несколько Гунделеновских могильников, но все они носили следы хищнических раскопок и все находки ограничились небольшим числом стеклянных бус и блях со сбруи. Более удачная была экскурсия в Горячеводске, вблизи которого в разрытом насыпанном кургане были найдены скелет и заржавленный нож [2, с. 34].

В 1909 г. в г. Москве проходил XII съезд русских естествоиспытателей и врачей, при котором председателем Русского горного общества А. К. фон-Мекка была организована выставка по альпинизму. Кавказское горное общество приняло участие в выставке, на которую был командирован член Общества И. И. Медведков, в обязанности которого входило устройство отдела от Общества на выставке. Были представлены флаг, значок Общества, предметы альпийского спорта, фотографические снимки приютов, канцелярии и музея Общества, издания Общества, альбомы, фотографические снимки выдающихся местностей Кавказа и серии в 100 шт. стереоскопических видов Баксанской долины [3, с. 20]. Многие фотографии и все диапозитивы были сделаны известным фотографом Григорием Ивановичем Раевым, который с 1906 г. был членом Кавказского горного Общества.

К 1910 г. Кавказское горное общество насчитывало в своем составе 270 человек. Однако смерть председателя Общества Р.Р. Лейцингера несколько приостановила деятельность Общества. В 1915 г. председателем правления Общества стал барон А. П. Лорч, при котором деятельность Общества оживилась. По его инициативе в 1917 г. в г. Кисловодске было открыто первое отделение Кавказского горного общества. Историк М.Е. Колесникова отмечает: «Несмотря на то, что Кисловодское отделение КГО просуществовало недолго, оно сыграло важную роль в организации и развитии краеведческих обществ КМВ в последующий, советский период» [4, с. 343].

В советский период Кавказское горное общество продолжало заниматься экскурсионной работой. В начале 1930-х гг. Общество прекратило свою деятельность.

Таким образом, Кавказское горное общество своей деятельностью способствовало развитию туризма, стремлению туристов на Кавказ, развитию интереса к экскурсиям не только среди населения Российской империи, но и туристов из-за границы. Члены Кавказского горного общества своей неустанной работой способствовали превращению города-курорта Пятигорска в центр организации экскурсий по Кавказу. Обществом были заложены основы по

развитию краеведения на Кавказских Минеральных Водах. В поле деятельности ученых Общества было изучение истории, археологии, географии, природы, флоры и фауны региона. Совместная деятельность ведущих ученых столичных городов России с провинциальными учеными, краеведами способствовала формированию научного диалога, выражавшегося в более углубленном изучении Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Ежегодник Кавказского горного общества в г. Пятигорске за 1902 и 1903 гг. № 1. Пятигорск: Типография Е. П. Садовникова, 1904. 100 с.

2. Ежегодник Кавказского Горного общества в гор. Пятигорске. № 2. За 1904, 1905, 1906 и 1907 гг./Под редакцией секретаря Общества И. И. Медведкова. Пятигорск. Электропечатня «Сукиасянц и Лысенко», 1908. 168 с.

3. Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. № 3. За 1908–1909 гг. / Под редакцией и.д. председателя И.И. Медведкова. Пятигорск. Электропечатня «Сукиасянц и Лысенко», 1910. 130 с.

4. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: Монография; 2-е изд., доп. / М. Е. Колесникова; науч. Ред. М. П. Мохначева; Ставропольский государственный университет. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.

5. Лейцингер Р. Р. Три дня в горах альпиниста Р. Р. Лейцингера. Пятигорск. Типография Сукиасянц и Лысенко. 1905. 19 с.

6. Мельников Н. П. Крымский горный клуб. Заметка по поводу открытия Крымского горного клуба. Одесса: Тип. Морица Гринбаума, 1907. 37 с.

7. Несколько слов об ученических экскурсиях. Пятигорск. Типография «Сукиасянц и Лысенко», 1906. 8 с.

8. Рудольф Н.Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа. 1908–1912. Тифлис: Типо-лит. Т-ва «Либерман и К», 1914. 235 с.

References

1. Ezhegodnik Kavkazskogo gornogo obshhestva v gor. Pjatigorske za 1902 i 1903 gg. *(Yearbook of the Caucasian Mountain Society in Pyatigorsk for 1902 and 1903.)* No.1. Pjatigorsk: E.P. Sadovnikov publ., 1904. 100 p. (In Russian).

2. Ezhegodnik Kavkazskogo Gornogo obshhestva v gor. Pjatigorske. *(Yearbook of the Caucasian Mountain Society in the mountains. Pyatigorsk.)* No. 2. 1904, 1905, 1906 i 1907 / ed by I.I. Medvedkoa. Pjatigorsk: Sukiasjanc and Lysenko publ., 1908. 168 p. (In Russian).

3. Ezhegodnik Kavkazskogo gornogo obshhestva v gor. Pjatigorske. No. 3. Za 1908-1909 gg. *(Yearbook of the Caucasian Mountain Society in Pyatigorsk)* / ed by I.I. Medvedkov. Pjatigorsk: Sukiasjanc and Lysenko publ., 1910. 130 p. (In Russian).

4. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo XX veka *(North Caucasian historiographic tradition: the second half of the 18th - early 20th centuries)*. Stavropol': SSU publ., 2011. 496 p. (In Russian).

5. Lejcinger R. R. Tri dnja v gorah al'pinista R.R. Lejcingera *(Three days in the mountains of the climber R.R. Leuzinger).* Pjatigorsk: Sukiasjanc and Lysenko publ., 1905. 19 p. (In Russian).

6. Mel'nikov N. P. Krymskij gornyj klub. Zametka po povodu otkrytija Krymskogo gornogo kluba. *(Crimean mountain club. A note on the opening of the Crimean Mountain Club)*. Odessa: Morica Grinbaum publ., 1907. 37 p. (In Russian).

7. Neskol'ko slov ob uchenicheskih jekskursijah. *(A few words about student excursions)* Pjatigorsk: Sukiasjanc and Lysenko publ., 1906. 8 p. (In Russian).

8. Rudol'f N.F. Obzor dejatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga. 1908-1912. *(Review of the activities of the Caucasian educational district. 1908–1912).* Tiflis: Liberman publ.», 1914. 235 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Elenaklim77@yandex.ru

Information about the author

Luybyshkina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian history, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Elenaklim77@yandex.ru

УДК 94(47).02:316.56

С. И. Маловичко, А. В. Рябцев

ФОРМИРОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ГОРОДЕ – АДМИНИСТРАТИВНОМ ЦЕНТРЕ В РОССИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ XVIII ВЕКА[1]

В российской историографии уже не первое столетие продолжаются споры о возможных причинах происхождения восточнославянских / древнерусских городов. Сегодня сосуществуют гипотезы 1) о том, что города являются продуктами государственной власти; 2) на их возникновение повлиял торгово-ремесленный фактор, 3) на градообразование оказали влияние нужды обороны, 4) города возникли из сельских поселений как административные центры славянских племен / союзов племен и были вызваны к жизни потребностями в координации усложнявшейся социальной и политической жизни.

Такие гипотезы стали появляться еще в XVIII в., в тот период, когда на основе европейского рационализма стали складываться черты классической европейской модели исторической науки.

Историографическими источниками для нашего исследования выступили (большие) национальные истории, очерковые разновидности исторических нарраций, научные исследования, исторические описания, учебные книги по истории и др.

Анализ историографических источников XVIII в. позволил выявить два близких взгляда, оказавших влияние на формирование гипотезы о городе как административном центре округи. Основой первого взгляда стала появившаяся во второй половине XVIII в. стадиальная теория развития человечества, универсальный характер которой позволял гипотетически представить не только разницу в «кочевой» (дикость) и «оседлой» (варварство) стадиях, но и обратить внимание на оседлое население, которое должно было селиться в определенных местах – «селах» – поселениях земледельцев, некоторые из которых становились городскими поселениями. Второй взгляд сформировался на основе интерпретации сообщений исторических источников (летописей). Историки обратили внимание на отдельные славянские племена, которые создавали свои «грады» («огороженные села»). К концу XVIII в. А. Л. Шлёцер в учебных книгах по истории и в научных исследованиях обратил внимание на город, как продукт изменения хозяйственной деятельности населения и административный центр славянских обществ.

Ключевые слова историография XVIII в., восточнославянский город, стадиальная теория, оседлость, административный центр.

Sergey Malovichko, Alexey Ryabtsev

FORMATION OF THE HYPOTHESIS ABOUT THE EAST SLAVIC CITY – THE ADMINISTRATIVE CENTER IN THE RUSSIAN HISTORICAL KNOWLEDGE OF THE 18TH CENTURY

In Russian historiography, for more than a century, there have been disputes about the possible reasons for the origin of East Slavic / Old Russian cities. Today, several hypotheses coexist: 1) cities are products of state power, 2) their emergence was influenced by the trade and craft factor, 3) the needs of defense influenced the formation of towns, 4) cities arose from rural settlements and were brought into being by the need to coordinate the increasingly complex social and political life – as the administrative centers of Slavic tribes / tribal unions.

Such hypotheses began to appear as early as the 18th century, at a time when the features of the classical European model of historical science began to take shape on the basis of European rationalism.

Historiographic sources for research were (big) national histories, essay kinds of historical narrations, scientific research, historical descriptions, educational books on history, etc.

Analysis of historiographic sources of the 18th century allowed identifying two close views that influenced the formation of the hypothesis about the city as the administrative center of the district. The basis of the first view was the stage theory of human development that appeared in the second half of the 18th century. Its universal nature made it possible to hypothetically represent not only the difference in the “nomadic” (wildness) and “settled” (barbarity) stages, but also to draw attention to the sedentary population, which had to settle in certain places “villages” – settlements farmers, some of whom became urban settlements. The second view was based on the interpretation of historical sources (chronicles). Historians drew attention to individual Slavic tribes, which created their own “towns” (“fenced villages”). By the end of the 18th century, in educational books on history and in researches A.L. Schlözer drew attention to the city as a product of changes in the economic activity of the population and as the administrative center of Slavic societies.

Key words: historiography of the 18th century, East Slavic city, stadial theory, settled life, administrative center.

Вопрос о причинах происхождения древнерусских городов со времени утверждения исторической науки в первой половине XIX в. продолжает интересовать историков [см.: 1; 25; 6]. Исследователи выдвигают разные версии начального этапа градообразования на Руси и связывают его с возникновением государственной власти [см., напр.: 5], с развитием торгово-ремесленной деятельности [см., напр.: 25], с нуждами оборонительной деятельности [см., напр.: 27]. Такие взгляды на причины возникновения городов начали оформляться еще в историографии XVIII в. В это же время стало формироваться представление, что ранние города у восточных славян возникали из сельских поселений и первоначальной функцией, выполняемой ими – была функция административная, актуализированная усложнением общественной жизни отдельных племен или их союзов. Однако такой взгляд на раннюю историю города формировался двояким путем, с одной стороны, его основой явилась философская теория третьей четверти XVIII в., с другой стороны – интерпретация сообщений исторических источников. Один из авторов этой статьи уже имел опыт изучения процесса формирования в исторической мысли XVIII в. «племенной» теории становления городского строя у восточных славян

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

[18, с. 154 – 170], но в данном исследовании мы расширяем и несколько изменяем ракурс рассмотрения вопроса о городе, как административном центре.

Авторы статьи поставили задачу выявить в историографии XVIII в. пути формирования взгляда на восточнославянский / древнерусский город как на административный центр округи. Для ее решения мы последовательно 1) обратим внимание на актуализацию рационалистического взгляда на причины градообразования, 2) проанализируем интеллектуальные конструкции философов и историописателей о возникновении города из сельского поселения, 3) выявим представление авторов исторических произведений о возможности возникновения города как племенного центра.

Исследование основано на таких видах историографических источников, как (научные) исследования (А. Л. Шлецер, Г. Ф. Миллер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт и др.), очерки (опыты) (И. П. Елагин, М. И. Ильинский), «полные» национальные истории (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов), материалы историографических дискуссий (М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин), учебные книги (А. Л. Шлёцер, И. Ф. Яковкин, Ф. И. Янкович де Мириево и др.). Для понимания специфики интеллектуальной работы авторов XVIII в. был привлечен такой вид исторических источников, как летописи. Использовались те летописные источники и позднесредневековые исторические произведения, которые издавались в России в XVIII веке (напр.: «Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку», «Книга Сепенная царского родословия» и др.).

Зарождающаяся европейская научная традиция историописания уже с начала XVIII в. стала предписывать историкам поиск причин случавшихся происшествий, возникновения институтов власти их трансформации и т.д. Как писал в первой половине столетия В. Н. Татищев: «ничто само собою и без причины или внешнего действа приключиться не может» [24, с. I]. Само-собой разумеется, что исследователи начали ставить вопрос о причине, которая привела к появлению городов и становлению городского строя на Руси.

Данный вопрос оказался сложным, т.к. исторические источники позволяли узнавать приблизительное время появления городов, но возможная причина градообразования в них не указывалась. Поэтому, не находя ни каких намеков на возможною причину основания некоторых городов Московской губернии, Х. А. Чеботарев осторожно указывал: «Первоначальное сего города построение кем учинено и в какое время, совсем не ведомо» (Можайск); «О начальные сии города построении неизвестно» (Серпухов), «когда первоначально заселен и построен, в точности не известно» (Коломна) [31, с. 282, 304, 350].

В издававшихся во второй половине XVIII в. списках древнерусских летописей и в Степенной книге читатель встречал сюжеты, где города строились князьями или по их же приказу: «…и сотвориша городокъ, въ имя брата ихъ старшаго, и нарекоша Кїевъ», «и срубиша городъ Ладогу, и сѣдѣ въ Ладозѣ старѣй Рюрикъ» [14, с. 9, 16]; «Олегъ нача городы ставити, и дани устави» [22, с. 24–25]; «Посла же Святая Ольга много злата на Плескову рѣку <…>. Послѣди же ту градъ великъ Псковъ поставленъ бысть» [11, ч. I, с. 31]. В поздних произведениях московской поры книжников также больше интересовал вопрос: «кто построил?», а не «почему?». Поэтому там можно встретить мифологему о легендарном князе Словене, в честь которого поставили «Словенескъ великии», а его брат Рус «созда градъ межъ двемя реками и нарекоша въ свое имя…Старая руса» [13, с. 178–179].

Исследователи XVIII в. в таких случаях часто следовали за сообщениями поздних произведений московской поры. Не случайно, пытаясь отстоять один из элементов старой московской культуры от нападок рационалистической историографии в лице Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносов упорно защищал и свою источниковую базу, заявляя: «сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя», и, несмотря на то, что больше никакие исторические источники этого не подтверждают, подчеркивал, что сообщение о Славенске и Русе «само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно». Русский ученый критиковал Г. Ф. Миллера и за то, что тот «опровергает мнение о происхождении от Мосоха (внука библейского Ноя. – *С. М., А. Р.*) Москвы» [15, с. 39, 20].

Критикуя взгляд на основание городов легендарными героями, А. Л. Шлёцер – в небольшой учебной книге по русской истории, изданной в 1769 г. (сначала в Гёттингене на фр. яз.), высказал вполне рационалистическое мнение о «героях-градостроителях»: «Было время, в которое думали, что Москва получила себе название от Мозоха правнука Ноева, Тобольск от Тубала, а Киев построен от Кия, потомка того же Мозоха. Было время, в которое не усомнились говорить, что Новгород получил от Александра Великого грамоту <…>. Невежество <…> впечатлело в них сии столь странные предрассуждения, которые во времена варварства повсюду господствовали; но История, будучи на здравом разуме основана, и подкрепляемая критикой, гнушается таковых нелепостей» [32, с. 7–8].

Конечно, на выбор размышлявшего о причинах градообразования, как историописателя, так и грамотного читателя могли оказывать влияние некоторые конструкции учебных книг по истории. В этой связи, интересно отметить, что уже русский автор, также в учебной книге по истории (вероятный автор – смоленский учитель Н. Г. Ефремов), поддержал мысль Шлёцера и несколько переделав его слова, написал: «… были и такие, кои не стыдились приписывать построение Москвы Мосоху внуку Яфетову, Тобольска Тубалу, Киева Кию. Столько неведение и суеверие затмевают Отечественную историю» [8, с. 3].

Многие историки XVIII в. смогли с рационалистических позиций посмотреть на средневековую традицию и стали искать ответы не только в исторических источниках, но и в нововременной философской мысли. В период Просвещения светская история становилась все более несовместимой с библейским рассказом и немалую роль здесь сыграла стадиальная теория развития человечества, со второй половины XVIII в. получившая популярность в Европе. А.-Р. Ж. Тюрго в 1750 г. писал: «… Нынешнее состояние вселенной, представляя одновременно все оттенки варварства и цивилизации, некоторым образом показывает нам при одном только взгляде

следы и памятники всех шагов человеческого разума, картину всех ступеней, через которые он прошел, и историю всех эпох» [26, с. 53]. Эта теория позиционировалась как универсальная. Один из ее теоретиков А. Фергюсон в 1767 г. указывал: «стадии истории всех наций», отнеся к первоначальным стадиям «дикарей» и «варваров» [28, с. 130].

Стадиальная теория довольно быстро распространялась в европейской исторической культуре второй половины XVIII в. Известный историк Г.-Б. де Мабли в 60-х гг. XVIII в., писал: «Потребовалось великое множество несчастий, дабы вынудить их [дикарей] задуматься, а счастливые случайности и одаренные способностями люди исторгли их из лесов, научили строить хижины, содержать скот, возделывать поля и взаимно оказывать друг другу помощь в своих нуждах» [16, с. 6]. В 1768 г. русский просветитель С.Е. Десницкий стал рассуждать о народах, находящихся на стадиях собирательства, земледелия и коммерции [7, с. 205].

Переход к земледелию (стадия варварства), по мнению философов и историописателей, создал базу для возникновения городов, государств и многих других вещей, незнакомых первобытному человеку. В конце 60-х гг. в большой (полной) национальной истории («История Российская»), М. М. Щербатов высказав мысль о развитии человечества через универсальные формы быта – «степени» (кочевой, потом оседлый и т.д.), отметил, что «время возникновения городов наступает с переходом от кочевого к оседлому быту» [36, с. II]. В последующем, в период спора с И. Н. Болтиным, в материалах историографических дискуссий, М. М. Щербатов уточнил, что первые «города их [славян] еще походили на села» [35, с. 568–569].

И. Н. Болтину не нравилось, что Щербатов определяет время начала градостроительства у восточных славян слишком, как ему казалось, поздно (ко времени прихода варягов). Но вывод о причине появления первых городов у критика Щербатова был почти аналогичный – это переход от одной ступени развития к более прогрессивной. В материалах историографических дискуссий Болтин писал: «Чтоб Русской народ был кочевым, о том история ни каких следов нам не оставила. Если ж и был он некогда таковым, то не прежде как за несколько сот лет до завоевания Олегом Киева» [3, т. 2, с. 111]. Через несколько лет он добавил: «Теж народы, кои в городах живут, доказывают о себе, что давно уже оставили они жизнь кочевую» [3, т. 2, с. 306]. Позиционировавшийся теоретиками стадиальной теории универсализм хода исторического процесса оказывал влияние на историческую мысль. В этой связи Болтин уточнил, переход от «дикости» к «варварству» знаменуется у всех народов появлением городского строя, поэтому, «первобытные Россияне жили в городах своих точно также, как и другие народы» [2, т. 1, с. 4].

Как можно было заметить, актуализация в исторической мысли такой причины – как переход от кочевого быта к оседлому или от «дикости» к «варварству» связана со стадиальной теорией, которая – являясь по сути – гипотетической – не основывавалась на конкретном историческом материале. В начале 70-х гг. XVIII в. в учебной книге «Введение ко всемирной истории для детей («Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder», в 2 т., 1779) А. Л. Шлёцер так объяснял этот гипотетический процесс: «Люди заселяя в первый раз какую-либо страну или беспрестанно скитаются из одной части в другую, и живут под деревьями, в пещерах, в палатках, как тунгусы, калмыки и большинство арабов, и этих людей называют, номадами (Nomaden), [здесь и далее выделено автором. – A. Sch.], или строят себе прочные дома, которые невозможно переносить с собой с места на место подобно палаткам. Если они делают последнее, то в этом месте появляются села и города (Dörfer und Städte) <…>. Этих людей, в противоположность первым, называют оседлыми» (Ansässige) [42, bd. 1, s. 25].

Письменных источников, в которых было бы написано, что «наш город был основан потому, что мы перешли от одной стадии развития к более сложной» – не было. Поэтому, совершенно абстрактно рассуждал на эту тему и Ж.А. Кондорсэ, отметивший, что город появляется вместе с прогрессом земледелия. «Некоторые народы остались рассеянными в деревнях. Другие, писал Кондорсэ, объединились в городах, которые стали служить резиденцией общего начальника <…> местопребыванием начальников кланов, которые разделяли его власть, и старейшин, представителей каждой большой семьи. Там решались дела, касающиеся всего общества, и выносились приговоры по частным делам. Там скоплялись наиболее ценные богатства в целях охранения их от грабителей…» [12, с. 36–37]. Кроме указания Кондорсэ на функциональное значение города – административно-политического центра, в его рассуждении больше ни о чем не говорится.

Близкие, но такие же абстрактные мысли, высказывал в философской работе А. Н. Радищев. Он писал, что «земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделие, торговлю, устройство, законы, правления» [21, с. 303]. Но все-же, важным в рассуждениях мыслителей видится то, что на желание человеческих обществ строить города повлияла не просто «оседлость», а переход к занятию земледелием. Надо заметить, что в историческом сознании образованных европейцев последней четверти XVIII в. объяснение хода процесса градообразования посредством перехода людей к земледельческим занятиям становилось все более привычным – ведь города Раннего Нового времени часто имели своим основанием существовавшие на этих местах сельские поселения. Х. А. Чеботарев, описывая историю города Богородска Московской губернии, указал: «Сие селение прежде называлось Село Рогожи» [31, с. 102]. Другой город губернии – Никитск, как отметил исследователь, также произошел от села, которое ранее «называлось село Колычево, в котором жили дворцового ведомства крестьяне» [31, с. 120–121]. Таким же образом произошли города Подол, Клин [31, с. 135, 222] и т.д.

Внимание исследователей к (оседлому) месту, на котором вырастает город, заставляло задуматься об основном занятии местного населения – земледелии. В этой связи интересные мысли можно найти в произведении, выполненном в очерковой форме исторической наррации – в «Опыте» о русской истории известного масона И. П. Елагина. Историописатель не стал употреблять универсальные

термины «кочевой» vs «оседлый», а пояснил ход градообразования более привычными для русского читателя словами: «скотоводство» vs «хлебопашество». Елагин написал, что северная часть славян, стала заселять Приильменье – с его суровым климатом, а потому, вынуждена была основывать постоянные селения «и в хлебопашестве более пропитания искать, нежели в скотоводстве». Смена форм хозяйственного быта заставила «новопришельцев <…> размыслить о постановлении жития общественнаго и неподвижнаго. С сим намерением прибегли они к созданию градов» [9, с. 67].

В другом «Опыте», но уже по истории Москвы, написанном надворным советником М.И. Ильинским, основание этого города связано с «красными селами» боярина Кучки. Об этих «селах» до него писали и некоторые другие исследователи, например, И. Н. Болтин, но это сельское поселение (поселения) для него выступало лишь как владение боярина – принадлежащая именно ему территория [2, т. 1, с. 43–45, 189–190]. Важность ситуации, когда село предшествует городу, Болтиным не была отрефлексирована, да и такую задачу он не ставил. Ильинский, напротив, в самоназвании своей работы задал вопрос: «как и по каким причинам она [Москва] основалась». Отвечая на вопрос, он написал: «Москва прежде сего быв простое поселение» [10, с. 2]. В данном случае, не столь важно, принадлежало ли это «простое поселение» боярину, тысяцкому или свободным общинникам – важно – что городу (по мысли Ильинского) предшествовало сельское поселение.

В конце XVIII в. авторы и некоторых других исторических произведений также делали попытки выводить город из сельских поселений. Их попытки были связаны с анализом конкретных сообщений исторических источников. Так, корреспондент С.-Петербургской Академии наук Я. Я. Фриз, в готовившейся им учебной книге об Устюге Великом[1], указывал, что город вырос из поселения Гледен, а то – в свою очередь было основано земледельцем Киприаном в начале XIII в. [29, № 11, с. 322–323]

Более осознанно заговорил о таких поселениях А. Л. Шлёцер. Известный историк считал, что такой процесс градообразования был вполне обыденным и закономерным явлением. Первые славянские города появились после оседания людей на землю, и историк пояснил, что они «жили постоянно, и кочевать уже перестали: только об огороженных селениях их, городами называемых, не надобно думать слишком много» [33, ч. 2, с. 169]. По мысли Шлёцера, города вели свое непосредственное происхождение от простых огороженных сел, они были «не похожие на нынешние города, а на огороженные деревни» [33, ч. 1, с. 15–16].

Причину появления города на днепровских холмах Шлёцер взялся объяснить с помощью нового подхода к тексту источника. Для этого он попытался интерпретировать предание о Киеве, очистить его от мифической оболочки и представить трезвой историей. По его мнению, Киев, как и многие другие города Европы, возник на поселении, где был перевоз через Днепр. «Основание сего города, по Несторову повествованию», – писал историк, – «удержалось очень вероятным преданием. Киев основался точно также, как и Франкфурт, Оксенфурт (фурт – перевоз) и пр. <…> Некто, по имени Кий, держал всегда в готовности лодку для перевоза, чем и питался <…> из хижины перевозчика сделалась деревня, из деревни город и т.д. Как это естественно» [33, ч. 1. с. 181]. Шлёцер под настоящим городом подразумевал те укрепленные поселения, которые появились на Руси с утверждением княжеской власти. Но если проследить за мыслью историка, можно сделать вывод, что основой города послужили восточнославянские укрепленные пункты (грады), выросшие из сел.

Какие города имел в виду А. Л. Шлёцер, когда писал «об огороженных селениях их, городами называемых»? Он сделал это замечание, когда перечислял восточнославянские племена, называя их «народ» или «демократическое единочество» [33, ч. 2, с. 169], т.е. историк имел в виду города, являвшиеся центрами племен. Не используя привычную для современной историографии категорию «племенные центры», он все-таки писал именно о них. Некоторые такие города Шлёцер указал: «Коростень город Древлянский»; «город уличей Пересечень»; Муром – «бывший некогда главным городом мордвы»; «Новгород, построенный славянами» и т.д. [33, ч. 1, с. 66; ч. 2, с. 6; ч. 3, с. 9, 202]

Известный историк заложил основу гипотезы, сторонники которой считали, что город вызревал из села, создавался определенным коллективом людей, как административный центр территории, становясь для нее «главным городом».

К сторонникам указанного взгляда навстречу шли исследователи, которые также говорили о городах – административных центрах, но при этом – миновавшие теоретическую подготовку, доставшуюся первым.

Некоторые историки середины – второй половины XVIII в. видели в древнейших восточнославянских городах прежде всего – племенные центры. Сообщения о них можно найти в древнерусских летописях. Так, в издававшейся с 1767 г. Никоновской летописи рассказывается, что восточные славяне расселялись по рекам Восточной Европы и назывались своими именами, при этом некоторые племена создавали свои административные центры: «Словене пришедше седоша поДнепру, и нарѣкошася Поляне; а друзиї Древляне, sане седоша влѣсехъ <…> Словенеже пришедше sДуная седоша около esepa Илмеря, и нарекошася своимъ именемъ. И cosдаша градъ, и нерекоша и Новъгородъ» [22, ч. 1, с. 5]. В изданной в том же 1767 г. Радзивиловской летописи («Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку») можно прочитать: «Кривичи сѣдятъ на верьхъ Волги, и на верьхъ Двины, и на верьхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ» [14, с. 10]. Кроме того, там имеется сообщение, что Рюрик «раздая волости мужемъ своим, и городы [начал]

[1] К сожалению, издатели отрывка рукописи Я. Я. Фриза в журнале «Северный архив» в названии не корректно указали: «Хронологическая летопись», т.к. в самоназвании, данном рукописи Фризом, была презентирована учебная форма наррации: «*Руководство* [выделено нами – *С.М., А.Р.*] к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочиненное в 1791 году [см.: 29, № 11, с. 321]).

рубити», а далее средневековый книжник уточнил: «а перьвыи насельницы въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовѣ Меря» [14, с. 16–17].

Авторы исторических сочинений московского периода сообщения о племенных градах автоматически списывали из летописей, лишь внося незначительное уточнение. Так, в Степенной книге, писатель, перечисляя западнославянские и восточнославянские племена, указал: «Во всѣхъ тѣхъ земляхъ мнозіи сильніи грады и многи великія области» [11, ч. 1, с. 82].

С конца XVI в. сначала белорусским и украинским заинтересованным читателям, и писателям, а затем и русским стали известны переосмысленные польско-литовским хронистом М. Стрыйковским некоторые сюжеты древнерусских летописей, которые, в том числе, касались истории возникновения восточнославянских городов. Конечно, в своей «Хронике польской, литовской, жмойтской и всея Руси» (1582) Стрыйковский повторял древнерусского летописца в тех метах, которые касались строительства городов отдельными книжными героями, поэтому, он писал, что Кий и братья, властвуя над русским народом «начали закладывать и строить города и замки для обороны («miasta i zamki ku obronie») [3, t. 1, s. 112]. Но, Стрыйковский передал и сообщения летописей о племенных градах восточных славян, указав, что у кривичей «главным городом был Смоленск (główne miasto Smolensko) и, что другие «русаки <…> построили Новгород Великий над рекой Волховой» («Nowogrod Wielki nad Wolchowa rzeka») [3, t. 1, s. 112].

В отличие от историописателей, доискивавшихся имен конкретных строителей городов, а потому не обращавших внимания на приведенные сообщения исторических и историографических источников, ряд исследователей обратились именно к нужным нам сюжетам. Для них было достаточно тех скупых сообщений, чтобы понять, что первые города строились «обществом», «землей», «народом» и так далее. Значит, эти историки подошли к выводу, что такие города могли возникать в результате осознанного волеизъявления групп населения. Данную работу могли совершать представители отдельных племен. Такую мысль мы находим уже у Г.З. Байера, который выясняя вопрос о городе Полоцке – в научной статье в «Комментариях С.-Петербургской Академии наук» за 1738 г., написал, что он основан кривичами («Poltesk urbs <…> Krivizis condita») [40, p. 412].

В научном исследовании (диссертации) «Происхождение народа и имени Российского» (1749) Г. Ф. Миллер не поддержал Байера, он заметил, что профессор Байер, написав о Полоцке, сослался «на некоторого Российского летописца, <…> токмо я не помню, чтоб о том где читал» [20, с. 38]. Сам Миллер обратил внимание на общественные организмы славян, которые создавали города. Он заметил, что поляне (он их называл Поляками днепровскими), древлане, дреговичи, словене новгородские, полочане, кривичи были «разные роды, [на] которые славенский народ <…> в первые времена в России разделился <…>, главной Древлянский город был *Коростень* [здесь и далее выделено автором. – *Г.М.*] <…>. Прочие из объявленных народов жительство имели у вершины Днепра и у текущей недалеко реки Двины. *Дреговичей* <…> почитаю я за жителей города *Дорогобужа*; *Кривичи*, по летописям, жительство имели около города *Смоленска*, а *Полочане* около города *Полоцка* <…>. Сие подлинно, что *Полоцк*, *Смоленск* и *Дорогобуж* весьма старинные городы, и вероятно, что оные от первых Славян построены» [20, с. 38].

В другом научном исследовании (первоначально – на фр. яз. в самоназвании было «dissertation»; русск. переводчик дал название – «рассуждение») Ф.Г. Штрубе де Пирмонта, написанном на рубеже 60–70-х гг. XVIII в., поселение на Ильмене озере было названо политическим центром свободных славян, которые управлялись сами собой. «Новгород бывши с самого начала свободен, наподобие республики по примеру всех древних славянских владений», – писал он [34, с. 52]. Как видим, историк этот пример распространил на все славянские земли, а значит и там должны были существовать такие политические центры.

В последней четверти XVIII в. поиск славянских племенных центров предпринимали и некоторые польские историки. Так, А. Нарушевич не согласился с Миллером, что центральным городом древлян был Дорогобуж. По его мнению, им был Дорогочин в Галиции. Кроме того, историк указал, что на Волыни обитало славянское племя лютичи, от которых получил название город Луцк [41, t. 2, s. 415–417]. Центром кривичской земли определил город Смоленск местный исследователь архиепископ Гедеон, коротко заметивший: «Главный город Кривичей был Смоленск» [4, с. 4].

За Миллером последовал И. Ф. Яковкин. Он также считал, что каждое племя, как славянское, так и финское, основывало свои центры. В учебной книге по национальной истории исследователь писал: «Собственно Славяне жили в соседстве с Руссами (под «руссами» историк подразумевал финские племена – *С.М., А.Р.*) около озера Ильменя. Знатнейшие города у них были Ладога, Славенск и Новгород». У полочан главный «их город был Полотск». Северяне также имели свои города. «Их главные города были Чернигов и Новгород Северский». «Знатнейшие города» у древлян «были Коростень и Овруч». Кривичи, по мнению Яковкина, не принадлежали к славянам, они были не то литовским, не то финским племенем. «Главный их город был Смоленск» [38, с. 7–9].

Примечательно, что, когда историк писал о полянах, он не упомянул, как это делали почти все его современники, что город Киев основан князем Кием, а ясно обозначил его центром племени. Упоминали о Кие действительно все – хотя бы для критики легенды, как например, это сделал Шлёцер. Репрезентацию киевского сюжета Яковкин провел иначе: «Поляне жили по обеим сторонам Днепра, около главного своего города Киева» [38, с. 9]. Таким образом, он функционально приравнял город Киев к другим, перечисленным племенным городам.

Аналогично воспринял сообщение источников о племенных городах Ф. И. Янкович де Мириево. В первом русском учебнике по национальной истории [см.: 19], он заметил, что у финского народа – «Руссов были три знатные города, а именно: Старая Русь или Руса, Ладога, и Холмгард» [39, с. 2]. Известный австрийский и российский просветитель явно ошибся, причислив эти города к названному народу, но для нас важным является иное – а именно – сам

принцип анализа историографических источников (исторические произведения Екатерины II и И. М. Стриттера) и отбор материала, достойного презентации учащимся.

Кроме того, Янкович де Мириево указал, что славянские племена также имели свои города. Славене «сперва имели город Славянск». «Главный город» кривичей «был Смоленск». Полочане обитали по реке Полоте. «Главный город их был Полотск». У древлян «известные города <…> были Коростень, Туров, Овруч». У другого славянского племени – северян, по летописям, известны города Любеч, Чернигов и Переяславль [39, с. 6]. Как и Яковкин, составитель учебника указал, что Киев – центр полянской земли, но не промолчал о его легендарных строителях: «Поляне имели свои селения около Вышгорода и главного города своего Киева, построенного княжившими у них братьями Кием, Щеком и Хоревом» [39, с. 6–7].

Таким образом, историки различными, но близкими путями пришли к выводу, что первые города у славян возникали по причине их нужды в политико-административных центрах. Славянские земли сами организовывали такие центры для того, чтобы они обеспечивали их существование. Те исследователи, которые вслед за Г. Ф. Миллером стали называть славянские грады «главными» городами племен, непосредственный процесс градообразования не выясняли. Но их заслуга состояла в том, что они постарались интерпретировать сообщения древнерусские летописей. Эти историки больше внимания уделили вопросу о функциональном значении города в период его появления. Они взглянули на него именно как на город, служащий административным центром создавшей его общности.

Указанную сторону проблемы «города» приведенные выше историки рассмотрели глубже, нежели исследователи, взявшиеся объяснить его появление изменением хозяйственного быта населения. Но вторые, напротив, глубже взглянули на проблему появления города, меньше внимания обращая на его функциональное значение. А А. Л. Шлёцер сумел охватить своим взглядом как непосредственное становление городского центра из сельского поселения, так и функциональную роль урбанизирующегося места.

Гипотеза о том, что город первоначально являлся административным центром округи заявила о себе в российской историографии XVIII в. Постепенно, не всегда осознанно, начиная с середины XVIII в., она создавалась рядом историков, и уже в 1800–1801 гг. ее теоретик (Шлёцер) выступает с острой критикой взглядов представителя иной формирующейся гипотезы о причинах возникновения городов. Почетный член С.-Петербургской Академии наук А. Л. Шлёцер никак не мог согласиться с утверждением другого ее члена – Г.Ф. фон Шторха, что на процесс градообразования решающее влияние оказала торговля, как внутренняя, так и внешняя [33, ч. 1, с. 388–389]. Взгляды историков, сторонников гипотезы о городе – административном центре будут развивать многие исследователи последующих столетий [см., напр.: 37, с. 24, 74–75; 23, с. 11–13; 17, с. 60–64; 30, с. 73-89 и др.].

Источники и литература

1. Беляев И. Д. Города на Руси до монголов // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. LVII. С. 157–190.
2. Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на 1-й [и на 2-й] том Истории князя Щербатова: в 2 т. СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793–1794.
3. Болтин И. Н. Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка: в 2 т. СПб.: Тип. Горного училища,1788.
4. Гедеон, архиепископ. Историческое и географическое описание города Смоленска // Северный Архив. 1828. Ч. 32. № 3. С. 3–41.
5. Горский А. А. Политические центры восточных славян и Киевской Руси: Проблемы эволюции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 157–162.
6. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 45–55.
7. Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета… говоренное… июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. I. С. 187–235.
8. Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск: Тип. Приказа обществ. призрения, 1797. 191 с.
9. Елагин И. [П.] Опыт повествования о России, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790. Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. 532 с.
10. Ильинский М. [И.] Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол Великокняжеский туда перенесен; и от чего сей город получил тогда свое возвышение. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. 102 с.
11. Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича: в 2 ч. М.: При Имп. ун-те, 1775.
12. Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 266 с.
13. Летописец вкратце // Продолжение древней российской вивлиофики: в XI ч. Ч.VIII. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1791. С. 173–224.
14. Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. СПб.: При Имп. Акад. наук., 1767. 400 с.
15. Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. / гл. ред. С.И. Вавилов и др.; АН СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1952. С. 17-42.
16. Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как изучать историю. М.: Наука,1993. 414 с.
17. Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.: Учпедгиз, 1956. 264 с.
18. Маловичко С. И. Отечественная историческая мысль XVIII в. о возникновении и социально-политической жизни древнерусского города (от Киевского «Синопсиса» до «Нестора» А.Л. Шлецера). Ставрополь: СГУ, 2001. 416 с.
19. Маловичко С. И., Марухин В. Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. Вып. 4. Ч. 2. С. 298–315.
20. Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени Российского // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М.: Московские учебники и картолитография / сост., ст. и прим. С. С. Илизарова. Янус-К, 2007. С. 31–56.

21. Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. 559 с.
22. Руская летопись по Никонову списку изданная смотрением Императорской Академии Наук: в 8 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767–1792.
23. Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к Великим князьям. Историческое исследование. М.: Унив. тип.,1846. 171 с.
24. Татищев В. Н. История Российская с древнейших времен: в 4 кн. Кн. 1. Ч. 1. СПб.: При Имп. Моск. ун-те, 1768. 262 с.
25. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Политическая литература, 1956. 475 с.
26. Тюрго А.-Р. Ж. Последовательные успехи человеческого разума: речь, произнесенная в Сорбонне 11 декабря 1750 г. // Избранные философские произведения / пер. с фр. И.А. Шапиро. – Москва: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 51–73.
27. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синод. тип.,1872. 217 с.
28. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2000. 392 с.
29. Фриз Я. Я. Хронологическая летопись города Устюга Великого // Северный Архив. 1822. № 11. С. 321– 332; № 12. С. 402–412; № 13. С. 19–29.
30. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: СПбГУ, 1999. 372 с.
31. Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами: С прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах. М.: Тип. Губ. правления, 1778. 390+117 с.
32. Шлёцер [А. Л.] Изображение Российской истории / пер. с фр. Н.[А.] Назимов. СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, [Б.г.]. 17 с.
33. Шлёцер А. Л. Нестор: русские летописи на древнеславянском языке / Пер. с нем. Д. Языков: в 3 ч. СПб.: Имп. типогр. [1-2 ч.], Тип. К. Шнора [3 ч.], 1809–1819.
34. Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Разсуждение о древних россиянах / Пер. с фр. Л. Паловской. М.: Универ. тип., 1791. 206 с.
35. Щербатов М. М. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова сочинителя Российской истории. М.: Универ. тип.,1792. 642 с.
36. Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен: в VII т. [15 кн.]. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770–1791.
37. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. И. Платонов. СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1835. 445 с.
38. Яковкин И. [Ф.] Летосчислительное изображение Российской истории. СПб.: при Имп. Акад. наук,1798. 47 с.
39. Янкович де Мириево Ф. И. Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской Империи. СПб.: Тип. Комиссии об учрежд. Училищ Ф. Брункова, 1799. 191 с.
40. Bayeri T. S. Geographia Russiae vicinarumque regionum, circiter A. C. DCCCCXLVIIL. Ex scriptoribus septentrionalibus // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae, 1738. P. 371–419
41. Naruszewicz A. Historya narodu Polskiego od poczatku Chrzescijanstwa: w 7 t. T.2. Warszawa: w Drukarni J.K. Mei,1780.
42. Schlözer A. L. Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder: 2 bd. Göttingen, Verlag der Wittwe Vandenhoek ,1779.
43. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi, v 2 t. Warsaw: Nakład G. L. Glücksberga, 1846.

References

1. Beljaev I. D. Goroda na Rusi do mongolov *(The cities in Russia before Mongols)* // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1848. No. LVII. P. 57–190. (In Russian).
2. Boltin I. N. Kriticheskie primechanija general-majora Boltina na 1-j [i na 2-j] tom Istorii knjazja Shherbatova *(Critical notes of the general-major Boltin on the 1st [and on the 2nd] volume of History of the prince Shcherbatov)*: in 2 Vols. St. Petersburg: A type. Corps of foreign co-religionists publ., 1793–1794. (In Russian).
3. Boltin I. N. Primechanija na Istoriju drevnija i nyneshnija Rossii g. Leklerka *(Notes on the History of Ancient and Present Russia by Mr. Leclerc)*: in 2 Vols. St. Petersburg: Mining school publ.,1788. (In Russian).
4. Gedeon, arhiepiskop. Istoricheskoe i geograficheskoe opisanie goroda Smolenska *(Historical and geographical description of the city of Smolensk)* // Severnyj Arhiv. 1828. Part. 32. No. 3. P. 3–41. (In Russian).
5. Gorskij A. A. Politicheskie centry vostochnyh slavjan i Kievskoj Rusi: Problemy jevoljucii *(Political Centers of the Eastern Slavs and Kievan Rus: Problems of Evolution)* // Otechestvennaja istorija. 1993. No. 6. P. 157–162. (In Russian).
6. Darkevich V. P. Proishozhdenie i razvitie gorodov drevnej Rusi (X–XIII vv.) *(Origin and Development of the Cities of Ancient Russia (the X–XIII centuries)* // Voprosy istorii. 1994. No. 10. P. 45–55. (In Russian).
7. Desnickij S. E. Slovo o prjamom i blizhajshem sposobe k naucheniju jurisprudencii, v publichnom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta… govorennoe… ijunja 30 dnja 1768 goda *(The word about the direct and closest way to teaching jurisprudence, in a public meeting of the Imperial Moscow University ... spoken ... June 30th 1768)* // Izbrannye proizvedenija russkih myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka: in 2 Vols. Moscow: Gospolitizdat publ., 1952. Vol. I. P. 187–235. (In Russian).
8. Detskaja rossijskaja istorija, izdannaja v pol'zu obuchajushhegosja junoshestva *(The children's Russian history published in favor of the studying youth)*. Smolensk: A type. Order of societies. Charities publ., 1797. 191 p. (In Russian).
9. Elagin I. [P.] Opyt povestvovanija o Rossii, nachatoe na 65-m godu ot ego rozhdenija, leta ot R.H. 1790. (*The Essay of narrating about Russia, begun in the 65th year from its birth, in the year B.C. in 1790)*. Book. 1. Moscow: University printing office publ., 1803. 532 p. (In Russian).
10. Il'inskij M.[I.] Opyt istoricheskogo opisanija o nachale goroda Moskvy, kak i po kakim prichinam ona osnovalas', kem i kogda prestol Velikoknjazheskij tuda perenesen; i ot chego sej gorod poluchil togda svoe vozvyshenie *(Essay of the historical description about the beginning of the city of Moscow as well as for what reasons it was based by whom and when the throne Grand-ducal there is transferred; and from what this city received then the eminence)*. Moscow: A. Reshetnikov printing office publ., 1795. 102 p. (In Russian).
11. Kniga Stepennaja carskogo rodoslovija, soderzhashhaja istoriju rossijskuju s nachala onyja do vremen gosudarja carja i velikogo knjazja Ioanna Vasil'evicha *(The book of the Degrees of Tsarist Genealogy, containing Russian history from the beginning of these to the time of the Tsar and Grand Duke Johan Vasilyevich)*: in 2 parts. Moscow: University printing office publ., 1775. (In Russian).
12. Kondorsje Zh. A. Jeskiz istoricheskoj kartiny progressa chelovecheskogo razuma *(Sketch of a historical picture of the progress of the human mind)*. Moscow: SOCAKGIZ publ., 1936. 266 p. (In Russian).
13. Letopisec vkratce *(Chronicler in brief)* // Prodolzhenie drevnej rossijskoj vivliofiki: in IX parts. Part VIII. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1791. P. 173–224. (In Russian).
14. Letopis' Nestorova s prodolzheniem po Kenigsbergskomu spisku, do 1206 goda *(Chronicle of Nestor with a continuation according to the Konigsberg list, until 1206)*. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk., 1767. 400 p. (In Russian).
15. Lomonosov M. V. Zamechanija na dissertaciju G.-F. Millera «Proishozhdenie imeni i naroda Rossijskogo» *(Remarks on G.-F. Miller's dissertation «Origin of a name and the people Russian»)* // Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch.: in 11 Vols. Vol. 6. Trudy po russkoj istorii, obshhestvenno-jekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765 gg. / executive editor S.I. Vavilov and ect; SA USSR. Moscow; Leningrad: SA USSR publ., 1952. P. 17–42. (In Russian).

16. Mabli G.-B. Ob izuchenii istorii. O tom, kak izuchat' istoriju *(On the study of history. How to study history)*. Moscow: Nauka publ.,1993. 414 p. (In Russian).

17. Mavrodin V. V. Ocherki istorii SSSR. Drevnerusskoe gosudarstvo *(Essays on the history of the USSR. Old Russian state)*. Moscow: Uchpedgiz publ., 1956. 264 p. (In Russian).

18. Malovichko S. I. Otechestvennaja istoricheskaja mysl' XVIII v. o vozniknovenii i social'no-politicheskoj zhizni drevnerusskogo goroda (ot Kievskogo «Sinopsisa» do «Nestora» A.L. Shlecera) *(National historical thought of the 18th century of emergence and socio-political life of the Old Russian city (from Kiev «Synopsis» to «Nestor» by A.L. Shletser)*. Stavropol': SSU publ., 2001. 416 p. (In Russian).

19. Malovichko S. I., Maruhin V. F. Uchebnaja kniga po russkoj istorii v sisteme prezentacii nacional'no-gosudarstvennoj istorii rossijskoj imperii konca XVIII – 40 gg. XIX veka *(An educational book on Russian history in the system of presentation of the national-state history of the Russian Empire at the end of the 18th – 40s. 19th century)* // Prepodavatel' XXI vek. 2017. Issue. 4. No. 2. P. 298-315. (In Russian).

20. Miller G. F. Proishozhdenie naroda i imeni Rossijskogo *(The origin of the people and the name of Russian)* // Miller G.F. Izbrannye trudy. Moskovskie uchebniki i kartolitografija / compiler S.S. Ilizarova Moscow: Janus-K publ., 2007. P. 31–56. (In Russian).

21. Radishhev A. N. Izbrannye filosofskie i obshhestvenno-politicheskie sochinenija *(Selected philosophical and social and political compositions)*. Moscow: Gospolitizdat publ., 1949. 559 p. (In Russian).

22. Ruskaja letopis' po Nikonovu spisku izdannaja smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk *(Russian chronicle according to Nikon's list published by the Imperial Academy of Sciences)*: in 8 part. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1767–1792. (In Russian).

23. Solov'ev S. M. Ob otnoshenijah Novgoroda k Velikim knjaz'jam. Istoricheskoe issledovanie *(On Novgorod's relations with the Grand Dukes. Historical research)*. Moscow: University printing office publ.,1846. 171 p. (In Russian).

24. Tatishhev V. [N.] Istorija Rossijskaja s drevnejshih vremen *(Russian history since ancient times)*: in 4 books. Book. 1. Part. 1. Moscow: Pri Imp. Mosk. un-te, 1768. 262 p. (In Russian).

25. Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda *(Old Russian cities)*. Moscow: Politicheskaja literature publ., 1956. 475 p. (In Russian).

26. Tjurgo A.-R. Zh. Posledovatel'nye uspehi chelovecheskogo razuma: rech', proiznesennaja v Sorbonne 11 dekabrja 1750 g. *(Consecutive progress of human mind: Speech delivered in Sorbonne on December 11, 1750)* // Izbrannye filosofskie proizvedenija / translated by I. A. Shapiro. Moscow: State social and political printing house publ., 1937. P. 51–73. (In Russian).

27. Uvarov A. S. Merjane i ih byt po kurgannym raskopkam *(Laymen and their life in the burial mounds)*. Moscow: Sinod printing house publ.,1872. 217 p.

28. Fergjuson A. Opyt istorii grazhdanskogo obshhestva *(An Essay on the History of Civil Society)*. Moscow: ROSSPEN publ., 2000. 392 p. (In Russian).

29. Friz Ja. Ja. Hronologicheskaja letopis' goroda Ustjuga Velikogo *(The chronicle of the city of Ustyug Velikiy)* // Severnyj Arhiv. 1822. No. 11. P. 321 – 332; No. 12. P. 402-412; No. 13. P. 19–29. (In Russian).

30. Frojanov I. Ja. Kievskaja Rus': Glavnye cherty social'no-jekonomicheskogo stroja *(Kievan Rus: The main features of the socio-economic system)*. St. Petersburg: SPbSU publ., 1999. 372 p. (In Russian).

31. Chebotarev H. A. Istoricheskoe i topograficheskoe opisanie gorodov Moskovskoj gubernii s ih uezdami: S pribavleniem istoricheskogo svedenija o nahodjashhihsja v Moskve soborah, monastyrjah i znamenitejshih cerkvah *(Historical and topographic description of the cities of the Moscow province with their counties: With the addition of historical information about the cathedrals, monasteries and most famous churches located in Moscow)*. Moscow: provincial government printing house publ., 1778. 390+117 p (In Russian).

32. Schlözer [A. L.] Izobrazhenie Rossijskoj istorii, sochinennoe g. Shljocerom *(Image of the Russian history)* / Per. s fr. N.[A.] Nazimov. St. Petersburg: printing house of the naval cadet corps publ., [B.g.]. 17 p. (In Russian).

33. Schlözer A. L. Nestor: russkie letopisi na drevneslavjanskom jazyke *(Nestor: Russian chronicles in Old Slavic language)* / translated by D. Jazykov: in 2 parts. St. Petersburg: Imperial printing house [1–2 parts.], K. Shnor's Printing house [3 parts], 1809–1819. (In Russian).

34. Shtrube de Pirmont F.G. Razsuzhdenie o drevnih rossijanah *(Consideration of ancient Russians)* / translated by L. Palovskoj. Moscow: University printing office publ. 1791. 206 p. (In Russian).

35. Shherbatov M. M. Primechanija na otvet gospodina general-majora Boltina na pis'mo kn. Shherbatova sochinitelja Rossijskoj istorii *(Notes on the answer of Mr. General-major Boltin to the letter of book of Shcherbatov of the author of the Russian history)*. Moscow: University printing office publ.,1792. 642 p. (In Russian).

36. Shherbatov M. [M.] Istorija rossijskaja s drevnejshih vremen *(Russian history since ancient times)*: in 7 Vols [15 Book.]. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1770 – 1791. (In Russian).

37. Jevers I. F. G. Drevnejshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii *(The oldest Russian law in its historical disclosure)* / translated by I. Platonov. St. Petersburg: Headquarters dep. Inner Guard Corps Printing house publ., 1835. 445 p. (In Russian).

38. Jakovkin I. [F.] Letoschislitel'noe izobrazhenie Rossijskoj istorii *(Chronological essay of Russian history)*. St. Petersburg: pri Imp. Akad. nauk,1798. 47 p. (In Russian).

39. Jankovich de Mirievo F.I. Kratkaja Rossijskaja istorija, izdannaja v pol'zu narodnyh uchilishh Rossijskoj Imperii *(Short Russian history, published in favor of the public schools of the Russian Empire)*. St. Petersburg: Commission on the establishment. F. Brunkov's schools publ., 1799. 191 p. (In Russian).

40. Bayeri T. S. Geographia Russiae vicinarumque regionum, circiter A. C. DCCCCXLVIIL. Ex scriptoribus septentrionalibus *(Geography of the Russian adjacent territories around AC DCCCCXLVIIL. The Southern Writers)* // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae, 1738. P. 371 – 419. (In Russian).

41. Naruszewicz A. Historya narodu Polskiego od poczatku Chrzescijanstwa *(History of the Polish nation from the beginning of Christianity)*: w 7 t. T.2. Warszawa: w Drukarni J.K. Mei,1780.

42. Schlözer A. L.] Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder *(World history preparation for children)*: 2 bd. Göttingen, Verlag der Wittwe Vandenhoek ,1779.

43. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi *(Chronicle of Poland, Lithuania, Zmod and all Russia)*: v 2 t. Warsaw: Nakład G. L. Glücksberga, 1846.

Сведения об авторах

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и гуманитарных наук, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево), Российский государственный гуманитарный университет (Москва), старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) / sergei.malovichko@gmail.com

Рябцев Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево) / awr-oz@mail.ru

Information about the authors

Malovichko Sergei – ScD in History, Professor, Chair of History and Humanities, State University of Humanities and Technology (Orekhovo-Zuyevo); Russian State University for the Humanities (Moscow), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg) / sergei.malovichko@gmail.com

Ryabtsev Alexey – PhD in History, Chair of History and Humanities, Associate Professor, State University of Humanities and Technology (Orekhovo-Zuyevo) / awr-oz@mail.ru

УДК 94(3) (161.1) (161.3)

О. В. Матвеев

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ[1]

Статья посвящена сравнительному анализу исторических представлений русских и белорусов о наследии Древней Руси. На материалах топонимических преданий и легенд, сюжетов былинного эпоса, духовных стихов, обрядовой поэзии рассматриваются особенности отношения русского и белорусского народов к персонажам и событиям древнерусской истории. Выявлены параллели в откликах на деятельность князя Владимира по укреплению государственного единства Руси, осмыслении с помощью элементов ландшафта образов русских княгинь Ольги и Рогнеды, участия народа в комплектовании дружинных слоёв. Образы богатырей-змееборцев рассматриваются в контексте представлений о противостоянии христианства и архаических верований в эпоху Владимира I и его наследников. В то же время олицетворением наследия дохристианской Руси выступал былинный Волх Всеславьевич, записи былины о котором фиксировались в северных русских губерниях вплоть до середины XIX в., а в белорусских сказках этого времени нашел отражение образ князя-оборотня. Отражение следов династических связей Древней Руси с европейскими государствами в былине о Соловье Будимировиче рассмотрено в аналогии с обрядовыми текстами, когда все основные образы: приезд жениха-иноземца из-за моря на кораблях, возведение «терема», изображение жениха как соловья в саду невесты, приход невесты в златоверхие палаты жениха и др. представлены в русской и белорусской свадебной поэзии. На материалах топонимических преданий охарактеризованы схожие сюжеты, связанные с татарским нашествием. Особенность белорусских исторических представлений автор усматривает в том, что народные версии истории эзоповым языком волшебных сказок, духовных стихов, обрядовой поэзии противостояли историческим концепциям захватчиков память о единстве и величии Древней Руси, восхваляли подвиги древнерусских богатырей, обосновывали необходимость борьбы с социальным и конфессиональным гнётом. Несмотря на различие исторических условий, в которых формировались, народные представления русских и белорусов, их сюжеты и образы носят во многом тождественный характер. Схожие тексты выполняли интегрирующую функцию, сохраняли память о героях и подвижниках, наделяемых типичными чертами народного характера. При всех обобщениях, гиперболизациях, местных проявлениях идентичности, этнокультурных и конфессиональных стереотипов русские и белорусы не искажали главного смысла своего историко-духовного единства.

Ключевые слова: народные исторические представления, русские, белорусы, Древняя Русь, идентичность, народная картина мира, эпос, предания, легенды, топонимия, исторические концепции.

Oleg Matveyev

ANCIENT RUSSIA IN FOLK HISTORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: COMMON AND SPECIAL

The article is devoted to a comparative analysis of the historical ideas of Russians and Belarusians about the heritage of Ancient Rus. With the reference to toponymic traditions and legends, epic plots, spiritual poems, ritual poetry, the author examines the peculiarities of the attitude of Russian and Belarusian peoples to the characters and events of ancient Russian history. The parallels are revealed in the responses to the activities of Prince Vladimir in strengthening the state unity of Russia, in comprehending the images of the Russian princesses Olga and Rogneda with the help of landscape elements, in the participation of the people in the recruitment of the squads. The images of heroes-snake-fighters are considered in the context of ideas about the opposition of Christianity and archaic beliefs in the era of Vladimir I and his successors. At the same time, the epic Volkh Vseslavievich was the personification of the legacy of pre-Christian Russia, the epic records of which were recorded in the northern Russian provinces until the middle of the 19th century, and the image of a werewolf prince was reflected in Belarusian fairy tales of that time. The reflection of traces of the dynastic ties of Ancient Russia with European states in the epic about Nightingale Budimirovich is considered in analogy with ritual texts, as all the main images, namely the arrival of a foreign groom from across the sea on ships, the construction of a "tower", the image of the groom as a nightingale in the bride's garden, the arrival of the bride in the golden-domed chambers of the groom and others, are represented in Russian and Belarusian wedding poetry. Based on the materials of toponymic legends, similar plots related to the Tatar invasion are characterized. The author sees the peculiarity of Belarusian historical ideas in the fact that the folk versions of history in the Aesopian language of fairy tales, spiritual poems, ritual poetry opposed the historical concepts of the invaders, the memory of the unity and greatness of Ancient Russia, praised the exploits of the ancient Russian heroes, substantiated the need to combat social and confessional oppression. Despite the difference in the historical conditions in which they were formed, the folk ideas of Russians and Belarusians, their plots and images are largely identical. Similar texts performed an integrating function, preserving the memory of heroes and devotees, endowed with typical features of a folk character. With all the generalizations, hyperbolizations, local manifestations of identity, ethnocultural and confessional stereotypes, Russians and Belarusians did not distort the main meaning of their historical spirits.

Key words: folk historical ideas, Russians, Belarusians, Ancient Russia, identity, folk worldview, epic, traditions, legends, toponymy, historical concepts

Древнерусское наследие имело важное историческое значение для развития восточнославянских народов, способствуя национальной консолидации России и этнокультурному самосохранению в белорусских и украинских землях в условиях литовско-польской государственности [24, с. 5]. Память о князьях и героях, событиях истории Древней Руси сохранялась как своеобразно преломлявшаяся через различные фольклорно-нарративные формы реакции на официальную, социально-ориентированную, «панскую» историю. Обращение к комплексу народных

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00017 «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

исторических представлений позволяет не только раскрыть особенности народной версии прошлого, но и приблизиться к пониманию механизмов идентификации через собирательные образы страны и народа [8, с. 6]. В статье предпринята попытка сравнительной характеристики древнерусского наследия в исторических представлениях русских и белорусов.

Особое место в народных исторических представлениях белорусско-русского пограничья занимают образы княгинь Ольги и Рогнеды, в которых, прослеживаются архетипы дев-воительниц [17, с. 350–383], привязанных в топонимических преданиях Витебщины и Псковщины к горе и водным источникам. В народной картине мира события истории нередко осмысляются с помощью элементов ландшафта. Гора в народной культуре представляет идею «верха», «центра», который организует окружающее пространство, в отличие от бесструктурного, приближенного к хаосу «чистого поля. Не менее важна символика водного источника. Изучавший предания Псковской земли А. А. Александров отмечал, что самое большое количество текстов о княгине Ольге связывалось с деревней Волженец на правом берегу Великой, где сохранился фундамент прямоугольной постройки, называемой Ольгин Дворец или Ольгина Церковь. Берег вдоль этой деревни также назывался Ольгинским, там и поныне вытекает из скалы Ольгин Ключ, вода которого, по поверьям, помогает при глазных болезнях. Согласно местным преданиям, Ольга, «будучи ещё крестьянской девицей, ходила за водой и умывала в нём каждое утро «своё светлое личико» [2, с. 73]. До середины XIX в. сюда был большой наплыв паломников из разных мест России. Псков, согласно местной легенде, тоже был основан княгиней Ольгой. Ольга работала перевозчицей на переправе. Одним из тех, кто переправлялся через реку, оказался князь Игорь, который полюбил девушку и женился на ней. По убеждению крестьян Псковской губернии, Ольга была дочерью бедного селянина. Однако роль перевозчицы, по мнению ряда исследователей (А. В. Карташов, А. А. Александров), – это легендарно-отмеченный признак высокого социального положения Ольги. Заведывание переправой через реку Великую, входившую в систему знаменитого военно-торгового пути «из Варяг в Греки» не могло быть в руках простого крестьянина [3, с. 26]. Здесь можно вспомнить указание одной из версий Повести временных лет на то, что основатель Киева князь Кий был перевозчиком.

Уже в качестве княгини Ольга как-то раз плыла по реке Великой на ладье и залюбовалась красивым холмом, возвышающимся над местом впадения в р. Великую р. Псковы. Внезапно небо заволокло тучами, налетел сильный ветер. Княгиня высадилась на берег и стала молиться. Тогда небеса разверзлись, и перед Ольгой явились три луча. Под впечатлением от видения Ольга в том месте, где лучи сошлись, распорядилась заложить Троицкий собор, а вокруг него основать город [3, с. 26]. Схожий легендарно-религиозный характер носит в Белоруссии предание об основании г. Витебска княгиней Ольгой, которое передавалось из поколения в поколение в устной форме и было записано, по мнению А. Н. Дулова, в начале XVIII в. витебским мещанином Михаилом Панцырным. Оригинал Витебской летописи М. Панцирного летописи был написан на польском языке с вкраплением белорусского и был введен в научный оборот лишь в 1880-е гг. [11, с. 147]. В предании говорится: «Zbiwszy Olha iaćwingow i piczyngowy, przeprawiwszy sie przez rżeke Dzwina zanocowawszy z woyskiem, y upodobawszy gure założyła zamek drewniany, nazwała od rżieki Widiby Wittebskiem, wmurowała cerkicu w Wysznim zamku swienteho Michała, a w Niżnim Zwiastowanie. Dwa roki zmieszkawszy odiechała do Kiowa» [16, с. 572]. А. Н. Дулов полагает, что в основу предания был положен факт, оставивший яркий след в народной памяти: посещение киевской княгиней Витебска в 947 г. и основание ею здесь погоста. Приписывание Ольге постройки церквей можно воспринимать не только как отзвук сведений о крещении княгини в Константинополе, но и как указание на то, что Витебск с момента основания был христианским городом. Упоминание того, что княгиня прожила здесь два года, подчеркивало значимость Витебска. Указание, что Ольга «założyła zamek drewniany», носило скорее вспомогательный характер и служило для четкой локализации храмов, понятной современникам [11, с. 147]. Топоним «Ольгово» сохранился на окраине современного Витебска, а также в районе озер Межа, Сесико, Сосно, Чернясто, в Городокском районе Витебской области [12, с. 102].

В окрестностях г. Заславля Минской области (бывший Изяславль, заложенный князем Владимиром для проживания пытавшейся ему отомстить Рогнеды и сына Изяслава) известна Черная гора. Название последней местные предания связывают с Рогнедой: здесь, но народной версии, стоял основанный княгиней монастырь. Местные жители утверждают, что ее могила находится на холме, который сейчас называют городище «Замэчак» [23].

С именем Рогнеды местные нарративы оговаривают происхождение водных источников. По одной из легенд приехавший на похороны матери князь Изяслав спросил у монахинь: «Что говорила мама перед смертью?» Ему ответили: «Ничего не говорила, только плакала». А после ее смерти в Заславле забило несколько родников, которые называли слезами Рогнеды. Лес вокруг города местные старожилы называют Рогнединым, озеро – Рогнедь, две речушки – Княгинька и Черница (две ипостаси Рогнеды) [23].

Ещё дореволюционные и советские русские и белорусские исследователи аргументированно опровергли попытки отрицания связей белорусского фольклора с древнерусским эпическим наследием и убедительно показали, что Беларусь сохранила традиции восточнославянского героического эпоса в виде сказочных повествований о богатырях, белорусских легенд и песен об исторических событиях XI–XV вв. [14, с. 314–325; 18, с. 1–34; 25, с. 493–502]. Имеются и документальные свидетельства того, что былины в белорусских землях бытовали ещё в XVI в. Один из первых белорусских средневековых писателей, оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский в письме к кастеляну Троицкому Остафию Воловичу от 5 августа 1574 г. отождествлял своё положение защитника границы с положением былинного стража русской земли Ильи Муромца: «Бо прийдет час, коли будет надобе Илии Муравленина и Соловья Будимировича прийдет час, коли будет служб наших потреба!» [27, с. 89]. Автор письма ссылается

на былину как общеизвестное произведение, не требующее пересказа содержания. В последующем былины продолжали жить в народном сознании белорусов, но уже не как эпические песни. В XIX–XX вв. былинные сюжеты стали не петь, а рассказывать, как сказки [14, с. 317]. Сказочный пересказ былин характерен и для русского населения тех областей и губерний, где былина в XIX–XX вв. перестала жить устной жизнью.

Былину о Микуле Селяниновиче Б. А. Рыбаков считал отголоском событий 975–977 гг., когда князь Олег Святославич Древлянский начал борьбу с варягом Свенельдом и нуждался для пополнения своей дружины за счет народных, крестьянских ополчений [28, с. 160]. Народ выступает здесь в качестве главной богатырской силы, поэтому крестьянин оказывается сильнее профессионального воина. В онежской былине, записанной А. Ф. Гильфердингом в 1871 г., говорится, что дружинники «они сошку за обжи вокруг вертят, / Из омешиков земельки повытряхнуть, / Бросить сошку за раков куст, / Тут оратай-оратаюшко / На своей ли кобыле соловенькой / Приехал ко сошке кленовенькой. / Он брал-то ведь сошку одной рукой. Сошку из земли он повыдернул. / Из омешиков земельку повытряхнул. / Бросил сошку за рактов куст» [9, № 6, с. 45]. Записи белорусского фольклора показывают, что последний сохраняет память об этой богатырской эпохе в виде сказочной прозы. В белорусской сказке, записанной С.И. Василенком, имеется эпизод, напоминающий былину об Илье Муромце и Миколе Селяниновиче. Илья встречает в поле пахаря, который называет себя богатырём: «Ён пашоў туды на палянку і бачиць: паша чалавек. Ад'ехаў недалёка ад дарогі, з сохой паша.

– Пачакай, – гавора, – хадзі-ка сюды. Скажи ты мне, тут гавораць, што на поляне ёсць сільны багатыр.

А ён адказвае:

– Я багатыр.

– Э-э-э, такі багатыр.

– Такі багатыр

– Яж цябе б як узяў, на ладонюў посадіў и падшыбнуў пад хмару.

– А може б я цябе падшыбнуў. Ідзі к маёй сошци і папробай яё вытрусіць.

Ён падыйшоў к гэтай сошцы, ды і з месца не кране.

– Да, – гавора, праўда твая, ты б мяне падшыбнуў» [4, с. 60].

Эпоха князя Владимира I весьма своеобразно отразилась в народных исторических представлениях русских и белорусов. Топонимические предания о нём сохранились в Псковской области, где на берегу реки Черёхи находится деревня Будник. Здесь, по убеждения местных жителей, родился князь Владимир Красное Солнышко, креститель Руси, сын князя Святослава и внук Ольги [2, с. 81]. В Никоновской летописи имеется короткое упоминание: «... и бе рождение Володимеру в Будутине веси, томо бо во гневе отслала Олга, село бо бяше еа тамо, и умираючи дале его святей Богородици» [26, с. 35]. В народной памяти летописаная «весь Будутина» и современный Будник отождествляются. На берегу р. Черёхи даже сохранился поныне камень, связываемый преданием с местом рождения князя Владимира.

В народных представлениях отразилась прежде всего деятельность князя по прокладке «дорог прямоезжих» и укрепление им государственного единства Руси. Главная идея эпического рассказа «Илья Муромец и Соловей Разбойник» заключается в очищении магистральных дорог в Киевском государстве, в борьбе за укрепление внутреннего порядка, в уничтожении сил, препятствовавших этому. «Существование сепаратистского владения Соловья резко противоречит былинному сознанию, основанному на принципе единовластия и целостности Киевской Руси. Вот причина, почему он должен быть уничтожен, – отмечал В. Г. Мирзоев. – <…> Тот факт, что именно Соловья-Разбойника берёт в полон Илья Муромец и привозит на суд князя Владимира, приобретает в этом свете глубокий смысл: родовой строй выкорчеван до конца, древний сепаратизм уничтожен» [22, с. 38]. Белорусская сказка «Об Илюшке» рассказывает: «Ён (Соловей-разбойник. – *О.М.*) свістам убіваў за тры вярсты людзей. Як толькі замеціў, так свісь и няма яго. Вот Салавей бача ўсаднік едзе не абы які. Падпускае яго бліжай. Як свіснуў, дык конь на колені ўпаў. Ён [Ілля] спрынуў з каня: "Стой, конь, не падай". Нацягнуў свой лук и як рэзнуў яго [Салавў'я разбойніка] прама ў правае вока. Выбіў. Ён выбаратам на зямлю. Ён [Ілля] пад'ехаў к яму і падвязаў яго к сядлу І паехаў у Кіеў горад. Прыехаў туды к князю» [4, с. 58 – 59].

В записях русских сказок с эпическими сюжетами в Воронежской губернии в середине XIX в. также присутствовала тема боя Ильи Муромца с Соловьём, атаманам разбойницким [8, с. 184]. Таким образом, мотивы борьбы Ильи Муромца с разбойниками внутри единой страны – Древней Руси, очищение им проезжих дорог, охрана мирного руда людей – были востребованы в народных исторических представлениях как белорусов, так и русских. Правда, в отличие от русских текстов, имени князя Владимира в белорусских сказках практически не упоминается: государь, к которому отправляется богатырь, победив чудовище или Соловья Рабойника, называется царём, королём или князем. Зато белорусы были убеждены, что Илья Муромец является их земляком. В белорусском эпосоведении высказано предположение, что родиной былин об Илье Муромце являются северо-западные земли Руси, поскольку в тексте Киши Данилова присутствуют колорит белорусского пейзажа: «грязи» (болота), Брынские (Брянские) леса, упоминание Брянска и Смоленска [25, с. 493]. Привязки к исторической карте и местной топонимии выглядят заманчиво: единственные достойные упоминания в былине грязи – это Полесье, которые на пути в Киев ни обойти, ни объехать. Чернигов и Себеж, упоминаемые в цикле былин об Илье Муромце, находятся рядом с белорусскими землями. Илья едет через некие леса «Брынские», у «берёзы покляпой» и «славного креста Леванидова». Полесье действительно лучше форсировать в самом узком месте – у города Берёзы. Путь Илья идёт через «Кобрынскую» (по тексту былины – Брынкскую) пущу, петляя по холмам в болотах. Поэтому Берёза и названа «покляпой» или кривой. Рядом с ней должен быть крест Леванидов. Это название находит ассоциации с соседним селом Лявошки (ныне – Берёзовского района Брестской области), у которого три рукава реки Ясельды стекаются в один. Получается

нерукотворный крест прямо на пути богатыря. В русских и белорусских сказках богатыри самоотверженно защищают *Калинов мост*. Между тем. стратегическая переправа через топи находилась в Калинковичах, по-другому враг здесь пройти не мог [13].

Имя князя Владимира упоминается в белорусском варианте духовных стихов «Голубиной книги», созданной в процессе фольклоризации апокрифических сочинений, где в форме вопросов и ответов даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, географические, естественно-научные и другие сведения. Как и в русских вариантах, в текстах, зафиксированных в Белоруссии, главным героем толкователем «Голубиной книги» оказывается «хитромудрый» стольно-киевский князь Владимир [15, с. 503]. Правда, в некоторых вариантах он имеет отчество Витовтович. В тексте, включенном Е. Р. Романовым в «Белорусский сборник», цари, короли, попы и дьяки обращаются к Владимиру: «Ты хорошь, Волоздимер-царь, / Володзимер-царь, Вытовцеевич, / Ты на басенки ўсё на добрыи, / На отгадычки ўсё на мудрыи: / Прочитай нам книгу голубиную, / Голубиную, лебядзяную, / И скажи нам правду верную» [6, с. 287]. Вопросы Владимиру и его ответы тождественны записям, сделанным на севере и в средней полосе России. Е.Ф. Карский находил в некоторых белорусских вариантах ответа на вопрос «Который царь всем царям отец?» «белорусского царя»: «Биларусский царь всим царям ацец… / Ион дзяржиц веру христисціянскую, / Хрисціянскую, багамольную; / Кали будзя время апаследняя, – / Вси цари-карали к яму приклонютца…» [15, с. 503]. Представляется, что в данном случае Е.Ф. Карский, усиленно трудившийся над созданием белорусской идентичности в начале XX в.. выдает желаемое за действительное. Речь идёт не о «белорусском царе», никогда не существовавшем ни в реальной истории, ни в исторических представлениях белорусов, а о русском «Белом царе», выступающем в народном сознании «одним из основополагающих символов идеального образа православного царства как своего рода проекции Царства Небесного» [33, с. 41]. В «Голубиной книги» изображение «Белого царя» является сакральным образом русской народной духовной поэзии: «У нас Белый царь – над царями царь. / Почему ж Белый царь над царями царь? / И он держит веру крещеную, / Веру крещеную, богомольную, / Стоит за веру христианскую, / За дом Пречистыя Богородицы, – / Потому Белый царь над царями царь...» [10, с. 37]. В белорусских записях Е.Р. Романова также отмечен «Бялый жа царь усим царям оцец» [6, с. 288].

Введение в духовные стихи имени крестителя Руси далеко не случайно. Память о главном деле Владимира так или иначе преломлялась в различных жанрах народного творчества. Реальный сподвижник и воевода Владимира Добрыня, крестивший новгородцев, был воплощен в образе былинного Добрыни Никитича, который ведёт борьбу со змеем, олицетворяющем язычество [1, с. 98]. Уже В.Ф. Миллер обратил внимание на странность того, что в былине нападение змея на происходит во время купания Добрыни в Пучай-реке. Крупнейший русский былиновед был «склонен видеть в этом наивное народное осмысление исторического Добрыни, как "крестителя", купалы. В самом деле, что должно было представляться самым ярким и бросающимся в глаза признаком крещения для народной массы, усвояющей только внешнюю обрядность христианства? Конечно, погруженье в воду, купанье. Добрыня, сгоняющий силою в воду целыми толпами народ, мог в воображении полуязыческой среды вызвать образ какого-то купальщика-фанатика» [21, с. 140]. Почайрека находит аналогии с наименованием впадающей в Днепр у Киева р. Почайны, на которой Владимир крестил киевлян [21, с. 140 –141]. Наконец, Добрыня бьётся со змеем не оружием, а отбивает ему хоботы *шляпой или колпаком земли греческой*. Шляпа греческая, колпак (скуфья) составляли головной убор духовных лиц, каликов, что придаёт змееборству духовную окраску – «борьбы со змеем язычества, сокрушенным греческим орудием» [21, с. 142].

Параллели подобного понимания народной истории находим в белорусской эпической традиции. Илья Муромец в белорусских сказках побеждает Соловья-разбойника, который охраняет подступы к царству «нигядного царя Абжоры» и поставляет последнему человеческие жертвы. Абжору – своеобразное переосмысление Идолища Поганого, богатырь убивает, как и в былине, шапкой: «Ильля подаеть яму руку; Абжора схватаў яво за руку рукатца. Ни ўзлбіў Ильля, што іон тиснить дужа, скинў сваю шляпу з галавы левыю рукою, удариў Абжору: прокатіўся Абжора скрозь стену» [32, с. 401].

В то же время олицетворением наследия дохристианской Руси, противостоящей официальному Киеву, выступал былинный Волх Всеславьевич, отождествляемый отдельными исследователями с полоцким князем Всеславом Брячиславичем. Б. А. Рыбаков считал, что «Всеслав пользовался народными симпатиями; за ним закрепилась слава стремительного и удачного полководца, как бы по колдовству переносившегося с места на место и бравшего смелостью и проницательным умом то Новгород на Севере, то Тмутаракань на юге. О Всеславе, Волхве Всеславьевиче – были сложены народные былины, о нём с большим сочувствием говорит автор «Слова о полку Игореве», <…> Князь волхв, князь-оборотень, каким он рисуется в летописях и песнях, владел умами людей XI в., и, может быть, не случайно летописец Никон, повествуя о киевском восстании 1068 г., предпослал ему подобное рассуждение о вреде язычества; быть может полоцкий князь, враждуя с тремя Ярославичами, опирался на народное недовольство, поддерживал народные языческие верования и обряды, в обличье которых выступало в то время классовое недовольство» [28, с. 440]. Записи былин о Волхве Всеславьевие фиксировались в северных русских губерниях вплоть до середины XIX в. Образ князя-оборотня нашёл отражение и в белорусских сказках. В сказке «Синяя Свита» герой «пирид царём стояв добрым молодцем, по двору бех чорным соболем, под вороты лез белым горностаем, по полю бех шерым зайцем. Як бяжи, так бяжи за тридевить земель у тридесятое царство, де ёсь такей дуб, што корни у земли, а макушка ў неби. Узлез ён на дуб, обярнвся иголочкой ды под коринку» [30, с. 489].

Упоминание в письме Филоны Кмиты Чернобыльского Соловья Будимировича говорит о том, что в белорусских землях были известны варианты этой

былины. Русский литературовед А. И. Лященко изложил аргументированную версию о том, что в былине нашли отражение династические связи Древней Руси с европейскими государствами, и прежде всего, сватовство норвежского викинга, будущего короля Гаральда III к дочери Ярослава Мудрого Елизавете. Гаральд поступил на службу к Ярославу Мудрому, возглавил один из отрядов, охранявших рубежи Руси. Проявив себя отважным воином, он посватался к Елизавете, но получил отказ князя. Тогда Гаральд со своей дружиной поступает на службу к византийскому императору, совершает славные подвиги в итальянских землях. Он возвращается со славой и почётом в Русское государство и вторично сватается к Елизавете. На этот раз Ярослав Мудрый принял предложение. Гаральд увёз Елизавету Ярославну в Норвегию, где был избран королем и правил с 1046 по 1066 г. Ему приписывают цикл скальдических сочинений, которые он сложил, направляясь из Византии в Новгород к Ярославу Мудрому. Припевы этих эпических песен «Герд золотого обручья пренебрегает мной» и «Знать меня не хочет» относятся к Елизавете [19, с. 94–137]. А. Н. Робинсон и Б. А. Рыбаков поддержали такое видение историзма былины. В былине «Соловей Будимирович» из собрания Киршы Данилова говорится: «Прибежали корабли под славный Киев-град, / Якори метали в Непр-реку / <…> Молодой Соловей сын Будимирович, / Спасову образу молится, / Владимиру-князю кланяется, / Княгине Апраксеевной на особицу / И подносит князю свои дорогие подарочки: / Сорок сороков чёрных соболей, / второе сорок бурнастых лисиц; / Княгине поднес камку белохрущатую, / Не дорога камочка – узор хитер: / Хитрости Царя-града, Мудрости Иерусалима» [9, № 35, с. 318].

Все основные образы былины (приезд жениха из-за моря на кораблях, жених-иноземец, постройка «сеней» или «терема», изображение жениха как соловья в саду невесты, жених-гусляр, приход невесты в златоверхие палаты жениха и т. д.) представлены в русской и белорусской свадебной поэзии. В белорусских свадебных песнях жених нередко является на челне или корабле, причем прибытие гостей-корабельщиков, по словам А.М. Лободы, «обрисовывается прямо чертами былины о Соловье Будимировиче: "Затьвитали ж то наши быстрыя речушки яны не тьветами да ўсе кораблями. / Вох, да не приместушку наш новый кораблик серод синяго мора, / Серяд синяго морушка, ли крутого деля бережку, супроти строенья нашего N., а у N. Была дочь хорошая / Чарнобровая, чарноглазая… / На коробле – молоды корабелщики, яны горды, ўвпарты / Ляксандрицкія белыя рубашачки ўзяли поскидали / Гарнитуравыя яны с прозументами дай понадевали, / Дай надевши с прозументами, ў гусяльки зайграли"» [18, с. 12–13].

Н. Я. Аристов сообщал в 1878 г.: «В Тамбовской и Воронежской губерниях, первых подвергшихся натиску татар, рассказывают крестьяне, что когда-то давно прошёл по Русской земле страшный воитель Батей и на пути вырубил всё православное население; он никому не давал пощады, ни старику хилому, ни беспомощному малютке, сжег по дороге всякое жилье человеческое, истребил все леса и травы на сто верст в ширину, а в длину – насквозь всей Русской земли. Где шли его полчища многочисленные, как муравьи, там не осталось ни одного зверя, ни одной птицы, да и рыба вся подохла в реках, одна лежала чёрная земля, и та вся избита конскими копытами, и не зарастала она сто годов. С той поры против этой широкой тропы земной, где шёл Батей, и на небе выступило знамение в виде белой полосы, которую зовут Батевой дорогой» [34, № 32, с. 107].

Жители Рязанского края многие местные топонимы возводят к временам нашествия монголо-татар. Так, название с. Киструс Спасского района Рязанской области жители объясняют тем, что когда-то напал на места хан Кис, но ему дали отпор и бежал он как трус. Есть и другая версия, согласно которой при нападении татар бежал местный воевода Кис. По преданию, зафиксированному А. В. Бугановым в Михайловском районе Рязанской области, река Жрака потопила (сожрала) татарского предводителя, по другой версии в ней утонул конь хана Батыя [31, с. 73].

Схожие тексты сохраняли память о прохождении татарского войска через северо-западные земли Руси. Так, в рассказах старожилов деревни Дорошевичи Петриковского района Гомельской области говорится о полях под названием *Батыевка, Заболище и Татарлиха*, находящихся в ближайших окрестностях этой деревни. Согласно местным преданиям, когда-то давно здесь произошло сражение с татарами, поля были залиты кровью, погибли сотни людей. По словам старожилов, «до сих пор здесь по ночам слышны стоны раненых и предсмертные хрипы умирающих» [29, с. 186]. Татарские отряды появились в границах северо-западных земель Древней Руси в конце 1240 г., когда хан Батый направил часть своих войск во главе с Гаюком и Кайдганом в Черниговскую землю и в пределы Турово-Пиского княжества. Были взяты и сожжены Клецк, Мозырь, Петриков, Пинск, Слуцк, Туров. Минск татары взять не смогли, поскольку были остановлены полками литовских и древнерусских князей. В дорошевичском предании отмечается, что хан Батый сражался и погиб на поле *Забоище* [29, с. 187]. Сам факт упоминания имени хана в наименовании поля *Батыевка* и в предании о жестокой битве, в которой погибло много людей, весьма значим для соотнесения народной версии истории с реальными событиями. О побоище с татарами рассказывает предание, известное в деревне Рычов Житковичского района Гомельской области. Согласно рассказам старожилов, в местности *Курганье* около деревни Липники Светлогорского района Гомельской области произошло сражение «между монголо-татарами и дружинами русских князей» [29, с. 188].

Большая яма с водой возле берега Днепра в окрестностях деревни Абакумы Лоевского района Гомельской области носит название *Монголов Калтоб*. Сохраняется предание о том, что в этом месте монголо-татары топили пленных христиан. Возле деревни Бродча Столинского района Брестской области одно из мест в пойме Припяти носит наименование *Татарский Брод*. В окрестностях деревни Осовляны Мостовского района Гродненской области имеется болото под названием *Татаровщина*. Согласно местному преданию, здесь во время монголо-татарского нашествия прятались жители окрестных селений [29, с. 188]. В деревне Картыничи Лельчицкого района Гомельской области местные жители уверяют, что из картынических болот до сих пор слышны

бывают татарские голоса и хлюпанье болотной воды под копытами вражеских всадников: по преданию, здесь проходила татарская конница.

Сюжет русской былины «Исцеление Ильи Муромца» исследователи увязывают с метафорическим изображением ордынского ига. В былине Илья Муромец «сиднем сидел цело тридцать лет», но ему говорят «калики перехожие»: «"Вставай-ка Илья, на резвы ноги, / Отворяй-ка ворота широкие, / Пуская-то калик к себе в дом". / Выставал Илья на резвы ноги, / Отворял ворота широкие / И пускал калик к себе в дом. / Приходили калики перехожие, / Они крест кладут по-писаному, / Поклон ведут по-ученому, / Наливают чарочку питьица медвяного, / Подносят-то Илье Муромцу. / Как выпил-то чару питьеца медвяного, / Богатырское его сердце разгорелося, / Его белое тело распотелося. / Воспроговорят калики таковы слова: / "Что чувствуешь в себе, Илья?" / Бил челом Илья, калик поздравствовал: "Слышу в себе силушку великую"» [9, № 15, с. 104–105].

Глубокий знаток историзма былин В. Г. Мирзоев отмечал: «Не воплощён ли в образе Ильи русский народ, скованный по рукам и ногам страшной татарской силой? Конечно, тридцать лет – эпическое время, не соответствующее действительной хронологии. Однако мы должны допустить время, когда Русская земля, залитая кровью и обезлюдевшая после татарского нашествия, должна была пройти известный период, чтобы опомниться от ужасного разгрома и приступить к собиранию сил для борьбы» [22, с. 30–31]. Сюжет с исцелением Ильи активно присутствует в белорусских сказках. В сказке, записанной Е. Р. Романовым от Козьмы Исаева в с. Городище говорится: «Жили сабе у двоих муж с жаной, и народзився у них сын Ильюшка. Прожив ён больше дватцаци годов, и лежав дватцаць три годы на'дным боку. Посьли того, пролежав ён дватцаць три годы, приходзя к яму дзядуля – Господзь. "Што ты, Ильюшка: воды б напився, ци квасу?" Ён говора: могу напитца воды! И сказав яму дзядуля принéсци вядро воды. Так он як унёс. Так и выпив. Тоды после говора: "як ты, Ильюшка, маесься сам собою?" – А во, дзядуля: меюся так, што могу от зямли неба достаць, а от неба зямли! (Дуже дав яму Господзь богатырскую силу). Тоды говора, штоб ён унёс вядро квасу. Тэй як унес, так и выпив. Тоды дзядулька узнов спрашуя: "як ты меесься, Ильюшка?" – Не, кажа, дзядуля: чустую, што крэпок, да ўжо так не могу зделаць – от зямли неба достаць! – "Живи же, говора, Ильюшка, на здоровъа и очищуй свет"» [5, с. 259].

Древнерусский героический эпос, таким образом, не только был известен белорусскому народу, но и оказывал активное воздействие на формирование народных исторических представлений позднего средневековья и Нового времени. Так, Белорусская Православная Церковь Московского Патриархата почитает преподобного Мартина, туровского пустынника, который был исцелен святыми братьями, подавшими страдавшему монаху ковш воды [20, с. 53]. В основе «Слова о Мартине монахе, что пребывал в Турове», включенного в собрание Великих Миней Четьев митрополита Макария в XVI в., многое напоминает исцеление Ильи Муромца: «Однажды, страдая тем же недугом, лежал он в келье, изнемогая от жажды. Никто его не посетил, потому что вокруг монастыря стояла большая вода. На третий же день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб наяву в своем образе, так же, как и на иконе написаны. И произнесли: "Чем болеешь, старче?" Он же поведал им о своем недуге. И сказали: "Хочешь ли воды?" И сказал старец: "О повелители, давно уже ее жажду". И взял один из них сосуд старца, и принес воды, и, взяв ковш, напоили они старца. И сказал старец: "Чьи вы чада?" Ответили: "Ярослава". И подумал старец, что они – слуги Ярослава Георгиевича. И сказал: "Дай вам Бог много лет, повелители мои. Ешьте, однако, хлеб, взяв его самостоятельно, ибо я не могу послужить вам". Они же сказали: "Мы уже пойдем, пусть и тебе будет хлеб, а ты не болей, но отдохни". Стали они точно невидимы, старец же выздоровел и, встав, прославил Бога и святых мучеников, и впредь был здоров» [7].

Монголо-татарское разорение привело к подрыву древнерусской исторической культуры, вовлечению северо-западных земель Древней Руси в орбиту литовской государственности, складыванию предпосылок формирования белорусской народности. В официальных версиях истории акцент делался на то, что лишь литовские князья сумели установить на захваченных землях порядок, противостоять татарам, возвести города, пожаловать вольности, которыми, например, пользовались полочане – «вечо мети и в звон звонити» [24, с. 157]. Польская историческая концепция пером Яна Длугоша и других хронистов отождествляла древнерусских «полян» с древнепольским племенем, обитавшим в районе Гнезна, Аскольда и Дира изображала потомками поляка Кия, которые вероломно были отстранены от власти Рюриковичами. Описание в таких построениях походов короля Болеслава, который поставил на месте впадения Сулы в Днепр железные столпы, «существующие и теперь», обосновывало восточные границы Польского королевства и захват древнерусских земель польскими феодалами [24, с. 156]. Народные версии истории в таких условиях эзоповым языком волшебных сказок, духовных стихов, обрядовой поэзии противостояли историческим концепциям захватчиков память о единстве и величии Древней Руси, восхваляли подвиги древнерусских богатырей, обосновывали необходимость борьбы с социальным и конфессиональным гнётом.

Таким образом, народные представления русских и белорусов о Древней Руси, несмотря на различие исторических условий, в которых эти представления формировались, носят во многом тождественный характер. Схожие топонимические легенды и предания, былинные сюжеты в текстах, зафиксированных в русских и в белорусских губерниях XIX – начале XX вв., общие мотивы змееборства, борьбы за единство страны, исцеления и собирания сил выполняли интегрирующую функцию, сохраняли память о героях и подвижниках, наделяемых типичными чертами народного характера. Поэтому попытки отдельных исследователей «обеларусить» древнерусское наследие, как и стремления обеспечить преемственность последнего исключительно с русской историей плохо согласуются с установками исторической картины мира двух братских народов, связанных общей исторической судьбой. При всех обобщениях, гиперболизациях, местных («тутэшних») проявлениях идентичности, этнокультурных и

конфессиональных стереотипов русские и белорусы не искажали главного смысла своего историко-духовного единства.

Источники и литература

1. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

2. Александров А. А. Во времена княгини Ольги. Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков: Псковское возрождение, 2001. 282 с.

3. Александров А. А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы псковской земли // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.: ART-CONTACT, 1994. С. 22–31.

4. Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І.В. Гутарау. Минск: Выдавецтва АН БССР, 1959. 318 с.

5. Белорусский сборник. Т. 1. Губерния Могилевксая. Вып. 3. Сказки / Собрал Е.Р. Романов. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1887. 444 с.

6. Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи / Собр. Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. 450 с.

7. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 12: СПб.: Наука, 2003. XVI век. 624 с.

8. Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013. 296 с.

9. Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 1).

10. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX / сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Моск. рабочий, 1991. 351 с.

11. Дулов А. Н. Основание Витебска княгиней Ольгой: к вопросу об источнике летописной легенды // Актуальные проблемы источниковедения. материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты. Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2013. Витебск: Витеб. госуд. унив. им. П.М. Машерова, 2013. С. 146–148.

12. Иванова И.Т. Имя княгини Ольги объединяет три славянских народа (к 1040-летию основания Витебска) // Вестник МИУ. 2014. № 5–6 (129–130). С. 99–104.

13. Илья Муромец родом … из Беларуси // https://belaruspartisan.by/life/169052/ (Дата обращения 12.10.2020).

14. Кабашников К. П. Традиции героического эпоса в белорусском народном творчестве // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 314. – 325

15. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. М.: Тип. Т-ва И. П. Кушнарев и К°, 1916. 557 с.

16. Летапіс Пацырнага і Аверкі // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск: Інбелкульт, 2013. С. 572–589.

17. Лобач В. А. Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования – XX. Сб. науч. трудов. М.: Изд.-во Инс.-т славяноведения РАН, 2019. С. 350–383.

18. Лобода А. М. Белорусская поэзия и русский былевой эпос // Этнографическое обозрение. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1895. Кн. XXV. № 2. С. 1–34.

19. Лященко А. И. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде // Sertum bibliologicum в честь проф. Малеина. Пг, 1922. С. 94–137.

20. Мельников А.А. Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Минск: Изд. Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. 242 с.

21. Миллер Вс. Ф. Народный эпос и история. М.: Высш. шк., 2005. 391 с.

22. Мирзоев В. Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978. 256 с.

23. Мытько О. Рогнеда // https://news.21.by/society/2010/04/22/14296.html (Дата обращения 12.09.2020).

24. Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. 264 с.

25. Плужникова С. Былевое наследие белорусского сказочного эпоса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: АН СССР, 1965. Т. XXIV. Вып. 6. С. 493 – 502.

26. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 256 с.

27. Помнікі старажытнай белорускай пісьменнасці / ред. Ю.С. Пшыркоў. Мн.: Наука і тэхніка, 1975. 245 с.

28. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд-е 2 е, дополн. М.: Наука, 1993. 592 с.

29. Рогалев А.Ф. Скрытый смысл географических названий, легенд и преданий (на материале Беларуси). Гомель: Барк, 2012. 208 с.

30. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 6. Сказки. Могилёв: Тип. Губерн. Правл, 1901. 528 с.

31. Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова: Т. 1. М.: Индрик, 2009. 616 с.

32. Смоленский этнографический сборник / сост. В.Н. Добровольский. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1891. Ч. 1. 716 с.

33. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.

34. Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / сост., вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелев. М.: Русская книга, 1999. 464 с.

References

1. Azbelev S. N. Ustnaya istoriya v pamyatnikah Novgoroda I novgorodskoy zemli (*Oral history in the monuments of Novgorod and Novgorod land*). St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 2007. 296 p. (In Russian).

2. Alexandrov A. A. Vo vremena knyagini Olgi. Legendi I bili o knyagine Olge v pskovskoy zemle. (*During the time of Princess Olga. There were legends about Princess Olga in the Pskov land*). Pskov: Pskov revival, 2001. 282 p. (In Russian).

3. Alexandrov A. A. Olginskaya toponimika, vibutskie sopki i russi pskovskoy zemli (*Olginskaya toponymy, Vybut hills and Russes of the Pskov land*) // Monuments of medieval culture. Discoveries and versions. St. Petersburg: ART-CONTACT publ., 1994. P. 22–31. (In Russian).

4. Belarusski epas (*Belarusian epas*) / ed. P.F. Glebka, I.V. Gutarau. Minsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR publ., 1959. 318 p. (In Belorussian).

5. Belarusski sbornik (*Belarusian collection*). Vol. I. Gubernia Mogilevksaya. – Issue. 3. Fairy tales / collected by E.R. Romanov. Vitebsk: Typographic lithography by G.A. Malkin, 1887. 444 p. (In Russian).

6. Belarusski sbornik (*Belarusian collection*). Issue. 5. Conspiracies, apocrypha and spiritual verses / Sobr. E.R. Romanov. Vitebsk: Typographic lithography by G.A. Malkin, 1891. 450 p. (In Belorussian).

7. Biblioteka literature Drevney Rusi (*Library of Literature of Ancient Rus*) / ed. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St. Petersburg: Nauka publ., 2003. Vol. 12: XVI century. 624 p. (In Russian).

8. Buganov A. V. Lichnosti I sobitya istorii v massovom soznanii russkih krestyan XIX – nachale XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (*Personalities and events of history in the mass consciousness of Russian peasants of the XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic research*). Moscow: Principium publ., 2013. 296 p. (In Russian).

9. Bilini (*Epics*) / comp., Entry. Art., prepared. texts and comments. F.M. Selivanov. Moscow: Soviet Russia publ., 1988. 576 p. (Library of Russian folklore; Vol. 1). (In Russian).

10. Golubinaya kniga. Ruskie narodnie duhovnie stihi XI–XIX vv. (*Dove book. Russian folk spiritual verses X1–X1X*) / Comp., Will enter. article, note. L. F. Soloshchenko, Yu. S. Prokoshin. Moscow: Mosk. Worker publ., 1991. 351 p. (In Russian).

11. Dulov A. N. Onovanie Vitebska knyaginey Olgoy: k voprosu ob istochnike letopisnoy legend (*The founding of Vitebsk by Princess Olga: on the question of the source of the chronicle legend*) // Aktualnie problem istochnikovedeniya. Materiali megdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii k 13-lttiyu so dnya rogdeniya V.I. Piceti. Vitebskiy gosudarstvenniy universitet im. P.M. Masherova.. Vitebsk State University P.M. Masherov. 2013. Vitebsk, 2013. P. 146–148. (In Russian).

12. Ivanova I. T. Imya knyagini Olgi obyediniyet tri slaviyanskih naroda (k 1040-letiyu osnovaniya Vitebska) (*The name of Princess Olga unites three Slavic peoples (to the 1040th anniversary of the founding of Vitebsk*)) // Vestnik MIU. 2014. №5–6 (129–1301. P. 99–04. (In Russian).

13. Ilya Muromec rodom iz … Belarusi (*Ilya Muromets comes from ... Belarus*) // https://belaruspartisan.by/life/169052/ (Accessed: 10.12.2020). (In Russian).

14. Kabashnikov K.P. Tradicii geroicheskogo eposa v belorusskom narodnom tvorchestve (*Traditions of the heroic epos in the Belarusian folk art*) // Osnovnie problem eposa vostochnih slavyan. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. P. 314–325 (In Russian).

15. Karsky E. F. Belorusi (*Belarusians*). Vol. III. Ocherki slovesnosti belorusskogo plemeni (*Essays on the literature of the Belarusian tribe*). 1. Folk poetry. Moscow: Kushnarev and C° publ., 1916. 557 p. (In Russian).

16. Letopis Pacirnogo I Averki (*Letapis Patsyrnaga and Averki*) // Letapisi I hroniki Belarusi. Serednyavecha I rannemaderni chas / style. V. A. Varonin. Smalensk: Inbelkult, 2013. P. 572–589. (In Belorussian).

17. Lobach V. A. Bogatiri, osilki I devi-voitelnici v toponimicheskih predaniyah vostochnih slaviyan (*Bogatyrs, donkeys and warrior maidens in toponymic legends of the Eastern Slavs*) // Balto-slavyansrie issledovaniya – XX. Sbornik nauchnih trudov. Moscow: Publishing house of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 350–383. (In Russian).

18. Loboda A. M. Belorusskaya poeziya I russky bilevoy epos (*Belarusian poetry and Russian epic stories*) // Etnograficheskoe obozrenie. Moscow: A.A. Levenson's publ., 1895. Book. XXV. No. 2. P. 1–34. (In Russian).

19. Lyashchenko A.I. Bilina o Solovye Budimiroviche I saga o Garalde (*Epic about Nightingale Budimirovich and the saga of Harald*) // Sertum bibliologicum pamyati prof. Maleina. Pg, 1922. P. 94–137.

20. Melnikov A. A. Put nepechalen. Istoricheskie svidetelstva o svyatosti Beloy Rusi (*The path is not sad. Historical evidence of the sanctity of White Russia*). Minsk: Ed. Belarusian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, 1992. 242 p. (In Russian).

21. Miller Vs. F. Narodni epos I istoriya (*Folk epos and history*). Moscow: Higher. School publ., 2005. 391 p. (In Russian).

22. Mirzoev V. G. Bilini I letopisi – pamyatniki russkoy istoricheskoy misli (*Epics and chronicles are monuments of Russian historical thought*). Moscow: Mysl publ., 1978. 256 p. (In Russian).

23. Mytko O. Rogneda (*Rogneda*) // https://news.21.by/society/2010/04/22/14296.html (Accessed: 09.12.2020). (In Russian).

24. Pashuto V. T., Florea B. N., Khoroshkevich A. L. Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sudbi vostocnogo slavyanstva (*Old Russian heritage and historical destinies of the Eastern Slavs*). Moscow: Nauka publ., 1982. 264 p. (In Russian).

25. Pluzhnikova S. Bilevoe nasledie belorusskogo skazochnogo eposa (*Waste legacy of the Belarusian fairy-tale epic*) // Izvestiya Academii nauk SSSR. Seriya yazika I literaturi. Moscow: SA USSR publ., 1965. Vol. XXIV. Issue. 6. P. 493–502. (In Russian).

26. Polnoe sobranie russkih letopisey (*Complete collection of Russian chronicles*). Vol. 9. Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Eduard Prats publ., 1862. 256 p. (In Russian).

27. Pomniki staragitnay belarusskay pismennosti (*Remember the old-time Belarusian writer*) / Ed. Yu.S. Pshyrkoў. Minsk: Nauka i tekhnika, 1975. 245 p. (In Belorussian).

28. Rybakov B.A. Kievskay Rus I Russkie knyagestva v XII – XIII vv. (*Kievan Rus and the Russian principalities of the XII–XIII centuries*). Moscow: Nauka publ., 1993. 592 p. (In Russian).

29. Rogalev A. F. Skriti smisl geograficheskih nazvaniy, legend I predaniy (na material Belarusi) (*The hidden meaning of geographical names, legends and traditions (based on the material of Belarus)*. Gomel: Bark publ., 2012. 208 p. (In Russian).

30. Romanov E. R. Belorusskiy sbornik (*Belarusian collection*). Issue. 6. Fairy tales. Mogilev, 1901. 528 p. (In Belorussian).

31. Russkie Ryazanskogo kraya (*Russians of the Ryazan region*). Vol. 1. Moscow: Indrik publ., 2009. 616 p. (In Russian).

32. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik (*Smolensk ethnographic collection*) / comp. V. N. Dobrovolsky. St. Petersburg: Type. E. Evdokimova, 1891. Part 1. 716 p. (In Belorussian).

33. Trepavlov V.V. «Beliy car»: obraz monarha I predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. *(«White Tsar»: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia in the 15th – 18th centuries*). Moscow: Vost. lit. publ., 2007. 255 p. (In Russian).

34. Tisyacha let russkoy istorii v predaniah, legendah, pesnyah (*A thousand years of Russian history in legends, songs*) / comp., entry. art., comment. S.N. Azbelev. Moscow: Russian book, 1999. 464 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского Государственного университета (Краснодар) / vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveyev Oleg – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / vim12@rambler.ru

УДК 94(47.63)

Т. А. Невская

СТАВРОПОЛЬЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 20–30-х гг. XX ВЕКА

В статье показано, какие проблемы интересовали ученых-гуманитариев и публицистов в довоенный период советской истории и как эти проблемы освещались с новых методологических позиций. Рассматриваются работы, созданные в это время историками старой школы, подчеркивается, что даже в статьях, написанных авторами, не писавших с точки зрения марксистской теории, большое внимание уделяется проблемам жизни народных масс, проявлениям классовой борьбы, общественным отношениям в ставропольских селах. Освещается деятельность краеведческих обществ и организаций. Большое внимание исследователи уделяли проблемам аграрной истории Ставрополья, работы этого времени, как правило, затрагивают одновременно досоветский и советский периоды, так как в большинстве из них дается сравнительный материал. В 1920-е гг., когда еще не были определены пути развития сельского хозяйства, практические потребности аграрного сектора вызывали повышенное внимание к вопросам развития кооперации, формам землевладения и землепользования в прошлом.

Перестройка экономики на социалистический лад в конце 1920-х – начале 1930-х гг. отражена в публицистических статьях партийных и советских руководителей. Наиболее актуальной тематикой для исследования стала в рассматриваемом периоде история революционного движения и борьбы за власть советов. В статье рассмотрена деятельность Истпартов – комиссий по истории революционного движения и гражданской войны. Показано, что эти организации, в том числе и ставропольский истпарт, много сделали для сбора и публикации материалов по этой теме. Дан анализ журнальных публикаций, выявлены ошибки, допущенные авторами.

Характерная для 1920-х годов широкая публикация воспоминаний участников революционных событий не сопровождалась критической проверкой, поэтому по поводу статей, содержащих неверные сведения или спорную оценку событий, возникали дискуссии, в которых принимали участие и историки, и участники событий. Дана характеристика обобщающим работам по истории Октября и гражданской войны на Ставрополье.

Ключевые слова: Ставрополье, Северный Кавказ, историческая наука, марксистская методология, аграрная история, краеведческие общества, истпарт, сельское хозяйство, революционное движение, советская власть, гражданская война.

Tatyana Nevskaya

STAVROPOL TERRITORY IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE OF THE 20–30s OF THE XX CENTURY

The article shows what problems interested humanities scholars and publicists in the pre-war period of the Soviet history and how these problems were covered from new methodological positions. The works created at that time by historians of the old school are examined, it is emphasized that even in articles written by authors who have not mastered Marxist theory, much attention is paid to the problems of the life of the masses, the manifestations of the class struggle, and public relations in Stavropol villages. The activity of local history societies and organizations is highlighted. Researchers paid much attention to the problems of the agrarian history of Stavropol, works of this time, as a rule, affect both the pre-Soviet and Soviet periods, since most of them give comparative material. In the 1920s, when the ways of agricultural development were not yet determined, the practical needs of the agricultural sector caused increased attention to the issues of developing cooperation, forms of land ownership and land use in the past.

The restructuring of the economy in a socialist manner in the late 1920s and early 1930s is reflected in the journalistic articles of party and Soviet leaders. In the period under review, the history of the revolutionary movement and the struggle for power of the Soviets became the most relevant topics for research. The article discusses the activities of Eastparts – commissions on the history of the revolutionary movement and civil war. It is shown that these organizations, including the Stavropol Istpart, have done a lot to collect and publish materials on this topic. The analysis of journal publications is given, the errors made by the authors are revealed.

The widespread publication of the memoirs of participants in revolutionary events, characteristic of the 1920s, was not accompanied by a critical check, therefore, over articles containing incorrect information or a controversial assessment of events, discussions arose in which both historians and participants in the events took part. The characteristic is given to generalizing works on the history of the October Revolution and the Civil war in the Stavropol Territory.

Key words: Stavropol Territory, North Caucasus, historical science, Marxist methodology, agrarian history, local history societies, Eastpart, agriculture, revolutionary movement, Soviet power, civil war.

20-е начало 30-х годов XX века являлись весьма интересным периодом в развитии отечественной исторической науки, в том числе и провинциальной. В это время, с одной стороны, идет становление марксистской методологии, осмысление событий отечественной истории с классовых позиций, с другой стороны, наиболее компетентными остаются историки старой школы. В этот период советские историки занимались, в основном, вопросами революционного движения и советского общества. На Ставрополье, как и везде в стране, молодые историки-марксисты писали работы о первой русской революции, становлении советской власти в регионе, проблемах гражданской войны.

Историки, сформировавшиеся в дореволюционный период, занимаются проблемами древности и развития культуры как наиболее аполитичными темами. В эти годы историей дореволюционного периода занимались и те историки старой школы, которые приняли революцию, стали сотрудничать с советской властью, но не встали на марксистские позиции в историографии. Надо отметить, что в это время марксистская методология истории еще не была догматизирована и четко определена, в столичных центрах шли бурные дискуссии о том, как трактовать положения классиков марксизма-ленинизма применительно к историческому развитию России. Ряд статей по дореволюционной истории Ставрополья, вышедших в эти годы, был написан историками «старой школы» и по своей методологии, подходу к изучаемым событиям эти работы принципиально не отличались от дореволюционных трудов. Многие из них

были подготовлены до революции или в период гражданской войны во время существования деникинского режима [18; 24; 26]. Тем не менее, следует отметить, что в публикациях стало больше внимания уделяться проблемам жизни народных масс, проявлениям классовой борьбы, общественным отношениям в ставропольских селах. Добросовестно описывая исторические события, сравнивая прошлое с современным состоянием общества, названные авторы еще не видели принципиального отличия советского строя от предшествующих эпох. Так, Л. Мордовин дает прекрасную характеристику сельской общине на Ставрополье, показывает ее сущность и перспективы развития, однако, отмечая рост такого явления в сельском хозяйстве, как кооперация, приходит к выводу, «что «вчерашнее увлечение хуторами сменяется увлечением коммунами», то есть в новых формах организации производства он не видит перехода на принципиально новые отношения собственности [24, с. 10].

В эти годы на Северном Кавказе были созданы, как и по всей стране, краеведческие общества и организации, в частности, Ставропольская этнолого-археологическая комиссия, возглавляемая выдающимся ставропольским исследователем Г. Н. Прозрителевым. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ) выпускало с 1926 г. журнал «Бюллетень Северо-Кавказского Бюро краеведения», переименованный в 1928 г. в «Краеведение на Северном Кавказе». В этом журнале публиковался и уже упоминавшийся историк, ставший членом ЦБК – Г. Н. Прозрителев. Его статьи были посвящены археологии, в основном изучению маджарских древностей [27]. Интересна также его статья о деятельности Германа Лопатина в г. Ставрополе. В этой работе описана ранняя биография Г. Лопатина, представлена картина города во время высылки сюда Лопатина, показано его влияние на учащуюся молодежь Ставрополя [28]. Эта статья является явной уступкой старейшего ставропольского историка новым веяниям в науке, которые требовали внимательного изучения биографии революционных деятелей.

Названный журнал интересен тем, что не только помещал отдельные работы по древней истории Ставрополья [22], но и показывал состояние исторической науки в это время, базу ее развития, исторические учреждения и организации. Журнал публиковал статьи о задачах и методах краеведения, о преподавании краеведения в школе, о роли краеведения в охране памятников старины, в частности, Маджар [6], помещал статьи о музеях Северного Кавказа, деятельности различных организаций. Так, в статье Г. Г. Григора «Музеи Северного Кавказа» были описаны Ставропольский музей им. Праве, Ставропольский музей Северного Кавказа, Терский окружной музей краеведения в г. Пятигорске, история их создания и деятельность [7]. В статье М. Л. Ямпольского «Краеведческие организации Северо-Кавказского края» также описано состояние Ставропольского музея [8; 9]. На страницах журнала развернулась дискуссия о целесообразности слияния ставропольских музеев в один, о проблемах организации краеведческих изысканий [8; 9, с.72]. Большой интерес представляет статья Б. Л., опубликованная в №1-2 за 1928 г., посвященная 80-летнему юбилею Г. Н. Прозрителева, занимавшему в то время пост Председателя Совета объединенного музея г. Ставрополя, где сообщались факты его биографии в связи с общественной и научной деятельностью в г. Ставрополе. Там же была помещена статья самого Г. Н. Прозрителева о деятельности Ставропольской Этнолого-Археологической комиссии.

Изучение аграрной истории. В 20-е годы в стране остро стоял вопрос о социалистической перестройке экономики, путях развития хозяйства в новых условиях. Ставропольских исследователей в первую очередь волнуют проблемы восстановления и преобразования сельского хозяйства – основной в тот период отрасли экономики Ставрополья. Работы по аграрной истории Ставрополья этого времени, как правило, затрагивают одновременно досоветский и советский периоды, так как в большинстве из них дается сравнительный материал. Практические потребности развития сельского хозяйства вызывали повышенное внимание к вопросам развития кооперации, формам землевладения и землепользования в прошлом.

Статистико-экономическое исследование С. Кузницкого «Аграрный вопрос в Ставропольской губернии», изданное в 1920 г., построено на данных 1911–1914 гг. Автор дает картину населения губернии по национальному, профессиональному и сословному признаку, рассматривает демографические процессы на Ставрополье. Приводит С. Кузницкий и данные по кочевым народам, а также показывает различные типы землевладения, итоги столыпинского землеустройства. Эта работа преследовала конкретную цель – оказать помощь в определении размеров трудового крестьянского землепользования, которые бы отвечали и интересам крестьянства, и государства, так как трудовое землепользование после установления советской власти считалось основной формой использования национализированных сельскохозяйственных угодий. Для решения этой задачи автор приводит ценные статистические данные по различным типам хозяйства, анализирует бюджет крестьянских семей в 1913–1914 гг., а также приводит конкретные примеры богатых, средних и бедных хозяйств в ставропольских селах. В результате этого С. Кузницкий приходит к выводу, что Ставропольская губерния не может служить местом для колонизации. Недостатком данного исследования является то, что автор излагает материал в настоящем времени, хотя основан он на дореволюционных данных, тем самым не видно различия в организации землепользования и крестьянского хозяйства в дореволюционный и советский периоды развития ставропольских сел.

Сельское хозяйство Ставрополья, его современное для авторов состояние, показанное в сравнении с дореволюционным, рассматривается в целом ряде работ 1920-х годов, в которых уже явственно прослеживается переход на марксистскую методологию исследования. Это труды «Ставропольская губерния в сельскохозяйственном отношении. Опыт монографии», изданная в Ставрополе в 1922 г., «Хозяйство Ставропольской губернии» (Ставрополь, 1921), «Сельское хозяйство Ставрополья к 10-летию Октября (1917–1927 гг.) (Ставрополь, 1927). В них показывается деятельность советских организаций (зе-

морганов, сельскохозяйственных комитетов, губэкономсовещания) в области преобразования сельского хозяйства и землеустройства, изменения в сельском хозяйстве в связи с гражданской войной, новой экономической политикой, а также состояние кооперации, кустарных промыслов. Наибольший интерес представляет последняя из названных книг, изданная под редакцией Ф. Головенченко. В ней не только представлены статистические сведения, отражающие изменения сельского хозяйства с 1895 по 1927 гг. и мероприятия советской власти в области сельского хозяйства, но и сделаны некоторые выводы о целях советского землеустройства, отличии его от столыпинского, о тенденциях эволюции крестьянского хозяйства. Особое внимание в этой работе уделяется сельскохозяйственной кооперации. Недостатком всех вышеназванных работ является то, что все цифровые данные приводятся без указания источника, откуда они взяты, причем некоторые цифры и особенно проценты, например, по землепользованию, отличаются у разных авторов.

Процесс социалистической реконструкции экономики Северного Кавказа, в том числе и Ставрополья, показан в речах и докладах партийных руководителей Северо-Кавказского края. Естественно, эти работы весьма тенденциозны, написаны «на злобу дня» и имеют ярко выраженную идеологическую направленность. Однако они все же дают некоторое представление о перестройке экономики в конце 1920-х – начале 1930-х годов, так как сугубо научных работ в этот период еще создано не было. Так, рассмотрение проблем колхозного строительства содержится в речах А. А. Андреева [1; 2; 3], проблемы социалистического строительства на Ставрополье в предвоенные годы, состояние экономики края, трудовой героизм народа при строительстве Невинномысского канала нашли отражение в речах М. А. Суслова.

История революционного движения и борьбы за власть советов. Интерес историков к революционным событиям и гражданской войне возник сразу же после победы Красной армии на территории Ставрополья. В 20-е годы на Ставрополье, как и по всей стране, возникают Истпарты – комиссии по истории революционного движения и гражданской войны. Истпарты, в том числе и ставропольский, много сделали для сбора и публикации материалов по истории революционного движения, они занимались разбором архивных дел Терского жандармского управления, изучением северокавказской периодической печати и сбором воспоминаний участников революционного движения, а также подготавливали к печати мемуары и монографии, составляли хроники революционных событий, организовывали музеи, устраивали вечера воспоминаний со стенографической записью и т.п.

Ставропольский Истпарт с 1924 г. имел постоянную рубрику в журнале «Ставрополье», издававшимся ставропольским окружным комитетом РКП(б), кроме того, статьи по революционному движению на Кавказе и Ставрополье печатались в центральном журнале Истпарта «Пролетарская революция» в Москве. Основная масса публикаций была посвящена первой русской революции, особенно воспоминаниям участников революции на Ставрополье [31,32,19,14,11,30,15]. Весь декабрьский номер журнала «Ставрополье» (№12) за 1925 г. был посвящен 20-летию революции. Как и любые воспоминания, эти статьи весьма субъективны, носят описательный характер, однако они содержат интересные, часто живо и красочно изложенные факты, детали и подробности некоторых событий. В ряде номеров журнала был помещен цикл статей В.Апухтина «Материалы по истории первой Российской революции на Ставрополье» [29], который был подготовлен к предстоящему 20-летнему юбилею революции. В них автор дает хронику революционных событий, описывает наиболее яркие моменты – «кровавое воскресенье Ставрополя», создание Крестьянского Союза, подробно останавливается на аграрном движении, организации в селах сходов, митингов, революционных кружков. В.Апухтин приводит интересные цитаты из документов, однако не дает на них сносок. В духе того времени автор пытается дать анализ и классовую оценку происходящим событиям, так, например, он отмечает наивность требований крестьян, их монархические представления.

Определенный интерес представляет статья редактора журнала Ф. Головенченко «Революция 1905 г. в Ставропольской губернии» (№12, 1925), где дан краткий общий обзор событий, охарактеризована деятельность политических партий, выступления рабочих и аграрные волнения. В этом же номере помещена статья Н.Бергера «Профсоюзы Ставрополя в годы первой русской революции», где показана «отсталость» рабочих губернии, борьба социал-демократов за влияние на профсоюзы, в результате чего они стали выдвигать не только экономические, но и политические требования.

Наиболее подробной и заслуживающей внимания по проблемам первой русской революции является статья Е. «Первая Российская революция (воспоминания ставропольца участника – выдержки из рукописи), помещенная в №10 за 1924 г., а также статья Н. Лещинского «Работа социал-демократов в Ставрополе- губернском (1904–1907 гг.) в журнале «Пролетарская революция» (№4, 1924). Источником для статьи Лещинского, как он сообщает, являлись корреспонденции, помещенные в «Искре», однако из текста это не следует. Автор описывает основание в Ставрополе социал-демократической организации, приписывая создание ее себе. Деятельность партийных групп он описывает лишь общими словами, и почти не сообщает конкретных сведений. В этой же статье Лещинский сообщает об организации в Ставрополе в 1905 г. «сейчас же после образования Петербургского Совета» Совета рабочих депутатов [20, с. 125]. Причем, он пишет об этом событии довольно подробно, показывает состав совета, говорит о влиянии в нем социал-демократов, называет даже фамилии председателя совета и его членов, а также место, где состоялись заседания. Лещинский оговаривается, что не все помнит точно, так как сам не присутствовал на заседаниях совета, но пишет, что «вскоре Совет перешел под наше руководство», а в начале лета 1906 г. он был разогнан, после чего был организован подпольный совет, заседания которого происходили вместе с заседаниями комитета социал-демократов [20, с.126].

Версию об организации в Ставрополе в 1905 г. совета приводит в своей статье и Е. (возможно, Емельянов), не исключено, что под влиянием Лещинского [12, с.105]. Е. отмечает, что совет в 1905 г. не играл большой роли, но «забастовки и собрания рабочих, благодаря Совету Рабочих Депутатов проводились дружно» [12, с.103]. Вопрос об организации первых советов в городе был весьма важен для советской исторической науки и пропаганды. Необоснованное положение о возникновении уже в 1905 г. советов в Ставрополе, не подтвержденное никакими документами, попало из данных статей в работы историков послевоенного периода, а затем было отвергнуто в результате тщательных архивных поисков. Однако мемориальная доска на доме, указанном в статье, висит до сих пор.

Надо отметить, что упомянутая статья Е. содержит и другие ошибочные моменты. Так, автор утверждает, что «крестьянство Ставрополья шло на штурм самодержавия – царя дружно, как один», не учитывая социального расслоения среди крестьян, что «выборы комитетов среди крестьян были высшей точкой крестьянского движения, это же была и последняя вспышка революции во всей России» [20, с.103]. Интересно, что Е. в своей статье высказывает также подозрение, что Лещинский был провокатор, описывая его некорректное поведение в тюрьме [20, с.107].

Лишь отдельные статьи в журнале были написаны по архивным материалам, большинство – только на основе личных воспоминаний, поэтому они были посвящены, как правило, частным, отдельным вопросам, и не содержали глубоких выводов и обобщений. Ценны эти статьи интересным фактическим материалом. Событиям первой русской революции была посвящена работа Н. Янчевского «Пятый год на Северном Кавказе. Краткий очерк», вышедшая в 1930 г. в Ростове-на-Дону. В ней приводится, хотя и очень сжато, материал и по Ставрополью. Достоинство книги – в описании ставропольских событий на фоне революционного движения всего региона, недостаток – в неверном изображении взаимоотношений северокавказских и славянских народов.

Характерная для 1920-х годов широкая публикация воспоминаний участников революционных событий не сопровождалась критической проверкой, поэтому некоторые работы, как уже было показано выше, содержали неточные сведения и даже ошибки. Однако, по поводу статей, содержащих неверные сведения или спорную оценку событий, возникали дискуссии, в которых принимали участие и историки, и участники событий. Так, в №5 «Ставрополья» за 1924 г. была опубликована статья «1905 г. в Ставрополе (воспоминания тов. Блинкова)», в ответ на которую в №7 было опубликовано письмо Лесника (Лопатина) сообщавшего об ошибках у Блинкова. В письме автор уточнял некоторые даты, а также давал иную оценку событиям. Такие же дискуссии возникали и по проблемам установления советской власти в регионе. В №8 за 1924 г. были опубликованы воспоминания того же Блинкова «Октябрьская революция в Ставрополье», где автор описывает подавление офицерского восстания в Ставрополе, называя эти события «Варфоломеевской ночью», которую рабочие устроили в качестве мести за подавление революции 1905 г. Против такой трактовки возражали многие авторы (К.А.Гамаюнов в №9 за 1924 г.; Лесник в №1 за 1925 г.), отмечая ряд неточностей у Блинкова, в частности они оспаривали участие Шпака в резне офицеров и интеллигенции. Вопрос о ликвидации в Ставрополе офицерского восстания, по которому не сохранилось архивных документов, поднимался во многих статьях того времени и вызывает споры у современников.

Надо отметить, что все работы, посвященные первой русской революции, были написаны с ярко выраженных классовых позиций, в них одобрялось все, что делали представители трудящихся, и осуждалось все, что предпринимали власти для установления порядка и прекращения противоправных действий (например, одобрялись действия по уничтожению документов и сельских правлениях и т.п.). С таких же позиций были написаны и воспоминания участников борьбы за советскую власть на Ставрополье, которые также публиковались под рубрикой «Истпарта» [16, 5, 25]. Наибольший интерес по истории Октября и гражданской войны представляет цикл статей Рутберга, написанных по архивным материалам. В статьях Рутберга охвачены почти все этапы революционной борьбы на Ставрополье – Февральские события («Ставрополье», №8-9, 1926 г.), установление советской власти (№8, 1924 г.), первые мероприятия новой власти, формирование революционной гвардии и образование Военно-революционного комитета, установление в губернии белогвардейского режима (№1-3, 1925 г.). Автора отличает добросовестное исследование документальных источников, анализ событий. Солидная статья Рутберга посвящена деятельности партии коммунистов в1917-1919 гг. на Ставрополье (№12,1926 г.). Стоит отметить также интересные статьи К.А.Гамаюнова о гражданской войне (№ 6, 1924 г.; №9, 1924 г.), Апухтина об организации Красной Армии в губернии (№1-2, 1924 г.), А.Горбунова об истории профсоюзного движения в Ставрополе в 1917 г. (№4-5, 1925 г.). В этой статье дан классовый анализ Уставу Бюро профсоюзов, показано отношение Бюро к советской власти. Истории гражданской войны, деникинскому режиму в регионе посвящен также ряд материалов и статей других авторов [23; 13; 11; 17].

В 1920-е годы выходят и большие обобщающие работы по истории Октября и гражданской войны на Ставрополье. Особый интерес представляет серьезный труд «1917 г. в Ставропольской губернии», изданный в 1927 г. в Ставрополе Истпартотделом Окружкома ВКП(б) и юбилейной комиссией к 10-й годовщине Октября под редакцией Ф. Головенченко. Работа основана на архивном материале и периодической печати, несмотря на ее научность, она написана живым языком, материал излагается интересно, доступно широкому читателю. Во вступлении показано развитие революционного движения от 1905 г. к 1917 г., деятельность социал-демократов и социал-революционеров в борьбе за своих сторонников. Особенно ценным является освещение периода между Февральскими и Октябрьскими событиями. В этой главе дан анализ деятельности советов, а также органов власти Временного правительства – исполнительных комитетов, Комитетов общественной безопасности (КОБ), Продовольственных комитетов. На конкретных примерах

раскрыта политическая деятельность различных партий в губернии, дана характеристика июльского кризиса. В главе «Октябрьский переворот» хорошо показано соотношение политических сил в губернии накануне революции. Ценным является в работе обилие выдержек из документов, газет, например, резолюции, воззвания и постановления различных партий и организаций. Подробно описана деятельность Крестьянского съезда и народного собрания губернии, развернувшаяся на нем борьба различных партий, закончившаяся установлением советской власти в губернии. В приложении к работе также помещен ряд документов.

Продолжением этой работы является труд Ф. Головенченко и Ф. Емельянова «Гражданская война в Ставропольской губернии (1919–1920). Исторический очерк» (Ставрополь, 1928). Книга написана также на основании архивных документов, использованы газетный материал, воспоминания. В этой работе описывается, в основном, 1918 год – первый год советской власти в губернии. Описание построено на авторском анализе приводимых документов, которые даются также в приложении. Интерес представляет данная авторами книги характеристика отношения различных партий к задачам советской власти и к гражданской войне. Авторы не просто подробно описывают споры социалистов-демократов и социалистов-революционеров, но и анализируют их ошибки, взаимоотношения «правых» и «левых» большевиков, определяют, как тогда было принято, классовый характер выступлений максималистов и эсеров. Подробно показана в работе организация Красной армии, а также партизанского движения. Особое внимание в книге, естественно, уделяется деятельности компартии. Современному читателю, воспринимающему гражданскую войну как величайшую трагедию народа, эта книга покажется тенденциозной, как и все работы этого периода, однако она содержит большой фактический материал.

Гражданская война на Ставрополье отражена в ряде работ, посвященных событиям на Северном Кавказе, в целом. В книге Г. Покровского «Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919)» («Пролетарий», 1926), изданной под редакцией видного большевика В. И. Невского, показан, конечно же с отрицательной стороны, режим, установленный белыми на Кубани и Ставрополье. В книге И. Борисенко «Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г.» (Ростов -на-Дону, 1930) дан всесторонний анализ и сущность авантюр командующего 11-й Красной армией И.Л. Сорокина, Нижевясова, действовавшего в Пятигорске, Коппе в Ставрополе, а также действий И. Кочубея. Несмотря на ошибки и неточности (например, утверждение, что «в Ставропольской губернии власть Советов укрепилась…без особых трудностей и без борьбы (с.83) и т. п.), а также несколько неряшливые формулировки, впрочем, распространенные в то время в исторических трудах – «Сорокинщина», «Кочубеевщина» и т.п., это исследование представляет большой интерес самой постановкой проблемы. Борисенко в художественно-документальной форме описывает ход событий, пытается выяснить причины авантюр, как объективные, так и субъективные, дать разностороннюю характеристику каждой исторической личности. Сам факт причисления И.Кочубея к авантюристам является ошибочным, однако автор не ставит его в один ряд с Сорокиным и др., а напротив, пишет о нем с большой симпатией, отмечая его личную храбрость, полководческие таланты, преданность крестьянской бедноте и рабочему классу, делу революции.

Наиболее обобщенное изложение событий революции и гражданской войны во всех областях Северного Кавказа содержится в книгах Н. Янчевского [33; 34]. Ценность этих работ для историографии Ставрополья в том, что исторические события здесь показаны в тесной связи с событиями в других областях Северного Кавказа, автор постоянно проводит сравнения революционного процесса на Ставрополье с революцией в казачьих областях. В таком ключе описаны февральские события и установление советской власти на Ставрополье. Подробно представлена, естественно «с пролетарских позиций», характеристика режима Деникина. Революция на Ставрополье, судя по сноскам, описана по уже упоминавшейся книге «1917 г. в Ставропольской губернии», поэтому ничего нового в изложение фактического хода событий автор не вносит.

Труды Н. Янчевского содержат целый ряд ошибок и неточностей. Некоторые из них относятся непосредственно к революционным событиям на Ставрополье и носят субъективный характер, другие же связаны с общим подходом к историческому процессу и оценкам ряда явлений в истории нашей страны, принятым в 1930-е гг. в советской исторической науке. Причем, эволюция взглядов Н. Янчевского видна при сравнении названных трудов, вышедших в 1927 и 1931 гг. В книге «От победы к победе», которая представляет краткое изложение работы «Гражданская война на Северном Кавказе», внесен ряд изменений по вопросу колониальной, аграрной политики и т.п. Неверно автор определяет характер Кавказской войны как исключительно антиколониальный [33, т.1, с.7], сильно преувеличивает колониальный характер русской политики на Кавказе, утрирует ее негативные стороны, отождествляет все русское население с угнетателями, преувеличивает вражду между горским и славянским населением [34, с. 3, 5]. Сильно также преувеличена автором роль иностранного капитала в экономике Северного Кавказа, а также роль иностранной интервенции в гражданской войне на Северном Кавказе [34, с. 3, 5].

Ряд недочетов работы Н. Янчевского относится, как уже было сказано, непосредственно к истории Ставрополья. Так, автор считает, что иногороднее население было только в казачьих областях, не видя такого слоя населения в ставропольских селах [33, т. 1, с. 9]. Неточности в работе касаются деятельности И.Кочубея, партизанского движения на Ставрополье [33, с. 69–70].

В 1934 г. органами истпарта в Ростове-на-Дону была издана книга «Октябрь на Северном Кавказе», авторами которой являются С. Бойков (ему принадлежат разделы, посвященные Ставрополью), Н. Буркин, З. Кандюрина. В этой работе подробно описаны особенности развития северокавказских областей, ситуация в селах, классовая дифференциация накануне революции. Однако, при изложении социально-экономических предпосылок революции на Ставрополье допущены фактические ошибки. Автор плохо представляет историю заселения края и социальный состав населения в XIX – начале XX вв. Он

считает «коренным» населением Ставрополья казаков, а не государственных крестьян. Неверным является высказанное автором положение, что «до 1871 г. Ставропольская губерния была «оказачена» присылкой Кавказского линейного войска… В 1871 г., за ненадобностью, «коренное» население губернии было лишено звания казачества, после чего роль Ставрополья сводится к снабжению армии продовольствием» [4, с. 37]. Как известно, в казачье сословие были переведены только некоторые из сел Ставрополья, а представление о дореволюционном Ставрополье исключительно, как только базы для снабжения армии, является сильным упрощением.

Большое внимание в этой книге уделено периоду от февраля к октябрю 1917 г., детально описывается создание КОБов, их отношения с советами. Рассмотрен также процесс организации советской власти на Тереке, в Пятигорске. Автор считает ошибкой ставропольских большевиков то, что они не вышли из единой РСДРП, спорит с авторами книги «1917 г. в Ставропольской губернии», утверждавшими, что нахождение большевиков в единой с меньшевиками организации было выгодно для них [4, с.79].

Как и везде в это время по стране, на Ставрополье публиковались воспоминания и работы участников гражданской войны, партизанского движения, в которых они, естественно субъективно, описывали яркие боевые эпизоды. В книге И. Иванько «Грозовые годы», изданной в Пятигорске в 1936 г., как и в работе «Двадцать лет освобождения Ставрополья от белых» (Пятигорск, 1940.) созданы образы бойцов за власть советов – Апанасенко, Книги, Ипатова, Трунова, Шпака, а также в духе сталинского времени показана роль С. Буденного и Ворошилова в боях на Северном Кавказе.

Подводя итоги развития изучения Ставрополья в исторической науке довоенного периода, следует отметить, что исследование революционного движения и борьбы за советскую власть получило достаточное освещение в работах ученых. Эта проблематика была ведущей в исторической науке и опережала разработку других тем и периодов, в частности, дореволюционной истории. Были созданы серьезные монографии по данной проблеме, подробно описаны и изучены факты. Ошибки, допущенные авторами, были связаны как с недостаточным общим уровнем развития исторических исследований, так и с идеологизацией названной проблемы. Многие ошибки были обусловлены положениями и оценками, принятыми тогда в науке, от которых авторы не могли отступить.

Источники и литература

1. Андреев А. А. Социалистическая реконструкция Северо-Кавказского края и задачи краевой партийной организации. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. 45 с.
2. Андреев А. А. Успехи и недостатки колхозного строительства. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. 38 с.
3. Андреев А. А. Успехи коллективизации на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. 36 с.
4. Бойков С. и др. Октябрь на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону Азово-Черноморск. краев. кн-во, 1934. 157 с.
5. Брянцев В. О революционном движении в Ставропольском округе 1917 – 1919 гг. (воспоминания) // Ставрополье. 1926. №4. С. 52–54.
6. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1926. №1 – 2.
7. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1926. №5 – 7.
8. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1928. №1 – 2.
9. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1928. №3 – 4.
10. Войткевич. Один из революционных эпизодов 1905 г. на Ставрополье // Ставрополье. 1925. №11. С. 58–60.
11. Войткевич. Из гражданской борьбы Ставрополья (по архивным материалам) // Ставрополье. 1926. №2.
12. Е. Первая Российская революция (воспоминания ставропольца участника – выдержки из рукописи) // Ставрополь. 1924. №10.
13. Из документов красного повстанчества против Деникина (1919 г.) // Ставрополье. 1926. №1. С.109–111.
14. Козлов. История одного бунта // Ставрополье. 1925. №11.
15. Комиссия Манжоса-Белого в Ставрополе // Ставрополье. 1926. №5.
16. Коткин Е. Они победят // Ставрополье. 1924. №6.
17. Кочергин. Из революционной борьбы в Ставропольской губернии (I -й Кавкорпус XI армии) // Ставрополье. 1926. №3.
18. Лашков П. Краткий очерк деятельности Ставропольского отделения Крестьянского Поземельного Банка за период с 1 го февраля 1910 г. по 1 е августа 1914 г. // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т.XII. Ставрополь, 1920.
19. Лесник Чернолесья. 1 мая 20 лет назад (воспоминания) // Ставрополье. 1925. №6–7.
20. Лещинский Н. Работа социал-демократов в Ставрополе-губернском (1904–1907 гг.) // Пролетарская революция. 1924. №4.
21. Лунин Б. В. Курганные могильники в окрестностях г. Пятигорска // Бюллетень Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (далее – СКОАИЭ). 1927. Вып. 2.
22. Лунин Б. В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1928. Вып.1–2.
23. Материалы о советах народного хозяйства в 1918 г. // Ставрополье. 1926. №1.
24. Мордовин Л. Общинное землепользование и полеводство в Ставропольской губернии. По данным переписи 1916 г. // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т.XII. Ставрополь, 1920.
25. Назаркин. Таманская армия (воспоминания) // Ставрополье. 1924. №6–7.
26. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ставрополь: Пролетарий, 1925. 68 с.
27. Прозрителев Г. Н. К вопросу об изучении маджарских древностей // Бюллетень СКОАИЭ. Кн.1 (Т.3). Вып.3–4. 1927–1928.
28. .Прозрителев Г. Н. Герман Лопатин в Ставрополе на Кавказе // Бюллетень СКОАИЭ. Кн.1 (Т.3). Вып.5–6, 1929–1930.
29. Ставрополье. 1926. №4–6.
30. Сухотько Т. Г. Из истории революционного движения в Благодарнинском уезде Ставропольской губернии (воспоминания) // Ставрополье. 1926. №1.
31. Схема революционных событий 1905–1906 гг. в г. Ставрополе и губернии // Ставрополье, 1925. №2–3.

32. Штиллер А. К. К 20-летию первой революционной маевки в г.Ставрополе // Ставрополье, 1925. №6–7.
33. Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2-х т. Ростов-на Дону: Севкавкнига, 1927.
34. Янчевский Н. От победы к победе. Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Истпарт. Сев. Кав. краев. ком-та ВКП(б), 1932. 78 с.

References

1. Andreev A. A. Socialisticheskaja rekonstrukcija Severo-Kavkazskogo kraja i zadachi kraevoj partijnoj organizacii *(Socialist reconstruction of the North Caucasus region and the tasks of the regional party organization)*. Rostov-on-Don: Severnyj Kavkaz publ., 1930. 45 p. (In Russian).
2. Andreev A. A. Uspehi i nedostatki kolhoznogo stroitel'stva *(The successes and disadvantages of collective farm construction)*. Rostov-on-Don: Severnyj Kavkaz publ., 1930. 38 p. (In Russian).
3. Andreev A. A. Uspehi kollektivizacii na Severnom Kavkaze *(The successes of collectivization in the North Caucasus)*. Rostov-on-Don: Severnyj Kavkaz, 1931. 36 p. (In Russian).
4. Bojkov S. and ect.. Oktjabr' na Severnom Kavkaze *(October in the North Caucasus)*. Rostov-on-Don: Azovo-Chernomorsk publ., 1934. 157 p. (In Russian).
5. Brjancev V. O revoljucionnom dvizhenii v Stavropol'skom okruge 1917–1919 gg. (vospominanija) *(On the revolutionary movement in the Stavropol district of 1917–1919. (memories)* // Stavropol'e. 1926. No. 4. P. 52–54. (In Russian).
6. Bjulleten' Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija. 1926. No. 1–2. (In Russian).
7. Bjulleten' Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija. 1926. No. 5–7. (In Russian).
8. Bjulleten' Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija. 1928. No. 1–2. (In Russian).
9. Bjulleten' Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija. 1928. No. 3–4. (In Russian).
10. Vojtkevich. Odin iz revoljucionnyh jepizodov 1905 g. na Stavropol'e *(One of the revolutionary episodes of 1905 in Stavropol)* // Stavropol'e. 1925. No. 11. P. 58–60. (In Russian).
11. Vojtkevich. Iz grazhdanskoj bor'by Stavropol'ja (po arhivnym materialam) *(From the civil struggle of the Stavropol Territory (according to archival materials)* // Stavropol'e. 1926. No. 2. (In Russian).
12. E. Pervaja Rossijskaja revoljucija (vospominanija stavropol'ca uchastnika – vyderzhki iz rukopisi) *(The first Russian revolution (memoirs of a participant from Stavropol - excerpts from the manuscript)* // Stavropol'. 1924. No. 10. (In Russian).
13. Iz dokumentov krasnogo povstanchestva protiv Denikina (1919 g.) *(From the documents of the red insurrection against Denikin (1919)* // Stavropol'e. 1926. No. 1. P.109–111. (In Russian).
14. Kozlov. Istorija odnogo bunta *(The story of one riot)* // Stavropol'e. 1925. No. 11. (In Russian).
15. Komissija Manzhosa-Belogo v Stavropole *(Commission of Manzhos-Bely in Stavropol)* // Stavropol'e. 1926. No. 5. (In Russian).
16. Kotkin E. Oni pobedjat *(They will win)* // Stavropol'e. 1924. No. 6. (In Russian).
17. Kochergin. Iz revoljucionnoj bor'by v Stavropol'skoj gubernii (I-j Kavkorpus XI armii) *(From the revolutionary struggle in the Stavropol province (I Cavalry Corps of the XI Army)* // Stavropol'e. 1926. No. 3. (In Russian).
18. Lashkov P. Kratkij ocherk dejatel'nosti Stavropol'skogo otdelenija Krest'janskogo Pozemel'nogo Banka za period s 1 go fevralja 1910 g. po 1 e avgusta 1914 g. *(A brief outline of the activities of the Stavropol branch of the Peasant Pozemelny Bank for the period from February 1, 1910 to August 1, 1914.)* // Sbornik svedenij o Severnom Kavkaze. Vol. XII. Stavropol', 1920. (In Russian).
19. Lesnik Chernoles'ja. 1 maja 20 let nazad (vospominanija) *(Blackwood Forester. May 1 20 years ago (memories)* // Stavropol'e. 1925. No. 6–7. (In Russian).
20. Leshhinskij N. Rabota social-demokratov v Stavropole-gubernskom (1904–1907 gg.) *(Social Democrats work in the provincial city of Stavropol (1904–1907 gg.)* // Proletarskaja revoljucija. 1924. No. 4. (In Russian).
21. Lunin B.V. Kurgannye mogil'niki v okrestnostjah g. Pjatigorska *(Burial mounds in the vicinity of Pyatigorsk)* // Bjulleten' Severo-Kavkazskogo kraevogo obshhestva arheologii, istorii i jetnografii (dalee – SKOAIJe). 1927. Issue. 2. (In Russian).
22. Lunin B. V. Arheologicheskie raskopki i razvedki na Severnom Kavkaze v 1927 g. *(Archaeological excavations and exploration in the North Caucasus in 1927)* // Bjulleten' Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija. 1928. Issue.1–2. (In Russian).
23. Materialy o sovetah narodnogo hozjajstva v 1918 g. *(Materials about the councils of the national economy in 1918)* // Stavropol'e. 1926. No. 1. (In Russian).
24. Mordovin L. Obshhinnoe zemlepol'zovanie i polevodstvo v Stavropol'skoj gubernii. Po dannym perepisi 1916 g. *(Community land use and field cultivation in the Stavropol province. According to the 1916 census)* // Sbornik svedenij o Severnom Kavkaze. Vol. XII. Stavropol', 1920. (In Russian).
25. Nazarkin. Tamanskaja armija (vospominanija) *(Taman Army (memories)* // Stavropol'e. 1924. No. №6–7. (In Russian).
26. Prozritelev G. N. Stavropol'skaja gubernija v istoricheskom, hozjajstvennom i bytovom otnoshenii *(Stavropol province in historical, economic and household terms)*. Stavropol': Proletarij, 1925. 68 p. (In Russian).
27. Prozritelev G. N. K voprosu ob izuchenii madzharskih drevnostej *(On the study of Madjar antiquities)* // Bjulleten' SKOAIJe. Book.1 (Vol.3). Issuep.3–4. 1927–1928. (In Russian).
28. Prozritelev G. N. German Lopatin v Stavropole na Kavkaze *(German Lopatin in Stavropol in the Caucasus)* // Bjulleten' SKOAIJe. Book.1 (Vol.3). Issue.5–6, 1929–1930. (In Russian).
29. Stavropol'e. 1926. No. 4–6. (In Russian).
30. Suhot'ko T. G. Iz istorii revoljucionnogo dvizhenija v Blagodarninskom uezde Stavropol'skoj gubernii (vospominanija) *(From the history of the revolutionary movement in Blagodininsky district of the Stavropol province (memoirs)* // Stavropol'e. 1926. No. 1. (In Russian).
31. Shema revoljucionnyh sobytij 1905–1906 gg. v g. Stavropole i gubernii *(Scheme of the revolutionary events of 1905–1906 in the city of Stavropol and the province)* // Stavropol'e, 1925. No. 2–3. (In Russian).
32. Shtiller A. K. K 20-letiju pervoj revoljucionnoj maevki v g. Stavropole *(To the 20th anniversary of the first revolutionary May Day in Stavropol)* // Stavropol'e, 1925. No. 6–7. (In Russian).
33. Janchevskij N. Grazhdanskaja bor'ba na Severnom Kavkaze *(Civil strife in the North Caucasus)*. In 2 Vols. Rostov-on-Don: Sevkavkniga publ., 1927. (In Russian).
34. Janchevskij N. Ot pobedy k pobede. Kratkij ocherk istorii grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze *(From victory to victory. A brief outline of the history of the civil war in the North Caucasus)*. Rostov-on-Don: History of perty of North Caucasia part of VCP (b) publ., 1932. 78 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tnevskaya@yandex.ru

Information about the author

Nevskaja Tat'yana – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russain History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tnevskaya@yandex.ru

УДК 94

А. Л. Новосёлов

«БЕСОВСКИЕ ЧУДЕСА» ВОЛХВОВ И ДЕЛА ПРАВЕДНИКОВ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В статье рассматривается место и значение сюжетов о чудесах в Повести временных лет, под которыми понимаются повествования о неожиданных, сверхъестественных событиях, происходящих по воле Бога и разрешающих какие-то земные проблемы. Чудо представляет собой жанр древнерусской литературы, встречающийся преимущественно в составе житий. Спецификой чудес как устойчивых литературных элементов в летописях является их полисемантичность, приобретаемая во взаимодействии с другими частями летописного текста. Чудеса являются неотъемлемой частью картины мира древнерусских жителей, и потому исследование репрезентации феномена «чуда» в летописных текстах является важным и необходимым для реконструкции ментальности и повседневных практик этих людей. Маркером «чудесного» в Повести временных лет выступает эмоционально нагруженное описание какого-либо события, вызвавшего удивление или любопытство. В статье показаны способы репрезентации и роль «удивительного» в тексте Повести временных лет, сохранившемся в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской, Новгородской первой (старшего и младшего изводов) летописях. «Чудесное» как часть «удивительного» рассматривается как символическое выражение идеи проявления божественной силы и божественного попущения через волхвов, монахов Киево-Печерского монастыря, первых русских святых Бориса и Глеба, предложенной условным автором Повести временных лет. Доказывается, что в Повести временных лет имеет место противопоставление чудес волхвов чудесам праведников посредствам приписывания волхвам черт библейских лжепророков и акцентирования внимания на «неудивительности» их чудес. Это может быть объяснено тем, что предшествующий Повести временных лет летописных свод составлялся под впечатлением ростовского восстания 1071 г., возглавляемого волхвами из Ярославля. Предпринята попытка раскрыть текстуальные связи летописных чудес с известными источниками Повести временных лет: Хроникой Георгия Амартола, Откровением Мефодия Паттарского, переводными (Житие Василия Нового) и древнерусскими агиографическими произведениями (Киево-Печерский патерик, Сказание о Борисе и Глебе), книгами Ветхого и Нового заветов. Выявляются возможности применения междисциплинарных методов в исследовании древнерусских исторических источников.

Ключевые слова: чудеса, Повесть временных лет, ментальность, русское летописание, методы анализа, источниковедение.

Alexander Novoselov

«DEMONIC MIRACLES» OF THE MAGUS AND THE AFFAIRS OF THE RIGHTEOUS IN THE RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE

The article discusses the place and meaning of the stories about miracles in the Tale of Bygone Years, which are the stories of unexpected, supernatural events that occur at the will of God and solve some earthly problems. The miracle is a genre of Old Russian literature, found mainly in the hagiography. The specificity of miracles as stable literary elements in chronicles is their polysemanticism, acquired in interaction with other parts of the annalistic text. Wonders are an integral part of the picture of the world of the Old Russian inhabitants, and therefore the study of the representation of the phenomenon of "miracle" in annalistic texts is important and necessary to reconstruct the mentality and everyday practices of these people. The marker of "miraculous" in the Tale of Bygone Yearsis an emotionally loaded description of an event that caused surprise or curiosity. The article shows the ways of representation and the role of the "miraculous" in the text of the Tale of Bygone Years, preserved in the Laurentian, Ipatiev, Radzivilov, Novgorod first (senior and junior) chronicles. The 'miraculous' as a part of the 'wondrous' is regarded as a symbolic expression of the idea of manifestation of divine power and divine will through the Magi, the monks of the Kiev Pechersk Monastery, and the first Russian saints Boris and Gleb, proposed by the conditional author of the Tale of Bygone Years. It is proved that in the Tale of Bygone Years, there is an opposition to the wonders of the magi by attributing to the magi the features of biblical false prophets and emphasizing the "unsurprising" of their miracles. This can be explained by the fact that the preceding Story of the Time Years of Chronicles was compiled under the impression of the Rostov uprising of 1071, led by the Magi from Yaroslavl. An attempt was made to reveal textual connections of annalistic miracles with famous sources of the Tale of Bygone Years: the Chronicle of George Amartol, the Revelation of Methodius of Pattar, translated (The Life of Basil the New) and Old Russian hagiographic works (Kiev-Pechersk Paterik, the Tale of Boris and Gleb), books of the Old and New Testaments. The possibilities of applying interdisciplinary methods in the study of Old Russian historical sources are revealed.

Key words: miracles, the Russian primary chronicle, Russian chronicles, methods of analysis, source studies.

Одной из актуальных проблем изучения русских летописей, в частности Повести временных лет (далее – ПВЛ), является проблема «понимания» летописного текста. Сложности интерпретации текста ПВЛ отмечал, в частности, И. Н. Данилевский [3, с. 23]. Он показал тесную связь текстологического изучения ПВЛ с анализом её содержания, утверждая, что «понять» общий замысел ПВЛ невозможно без истолкования её отдельных сюжетов [3, с. 27].

Любой летописный текст обладает сложной структурой, многозначностью и многоплановостью действия. В летописи переплетены погодные записи, легенды и предания, вставки из источников, которыми пользовался летописец. Все эти элементы присутствуют и в ПВЛ, обусловливая сложность внутренней структуры летописного текста.

Подтверждение сказанному – чудеса и знамения, присутствующие в тексте ПВЛ и не привлекающие должного внимания историков из-за своей недостоверности и низкой информативности. По мнению А. Л. Юрганова, представившего в своей монографии историографию данной проблемы [20], во многих работах феномен чуда в древнерусской культуре вообще игнорировался [20, с. 117]. Некоторые исследователи все же обращались к чудесам, но исключительно как к инструменту церковной политики и великокняжеской идеологии [20, с. 117].

Отдельные аспекты феномена чуда в ПВЛ были отражены в исследованиях В. В. Долгова и Д. В. Пузанова. В. В. Долгов в своей диссертации, вероятно впервые поднял вопрос о чудесах в культуре Древней Руси в историко-антропологической перспективе [5, с. 469–486]. Им была отмечена присущая жителям Древней Руси «настроенность на чудо», раскрыт механизм истолкования чудес древнерусскими книжниками, обозначена важнейшая функция чуда в древнерусской литературе – связь фактов земной жизни с действием высших сил [4, с. 485–486]. Обстоятельное исследование знамений в сакральной картине мира народов Восточной Европы IX–XIII вв. провел Д. В. Пузанов, показав, в первую очередь, отличие чудес от знамений. Чудо, с точки зрения Д. В. Пузанова, есть любое проявление сверхъестественного, знамение же всегда является реализацией божьего замысла [14, с. 221–222].

Для дальнейшего изучения феномена чуда в древнерусской книжности, в частности в ПВЛ, требуется выработать необходимые методологические подходы, позволяющие показать его место и значение в тексте ПВЛ. В западной историографии методология изучения «чудес» и «чудесного» представлена в трудах французских историков М. Блока и Ж. Ле Гоффа. М. Блок дает детальное описание королевского обряда исцеления золотушных больных, который воспринимался в средневековой Франции и Англии как чудо [1, с. 43–46]. Такое подробное описание позволяет проследить логику обряда, уделить внимание образам, через которые его участникам передаётся смысл действия. Ж. Ле Гофф опирался в изучении «чудесного» на семиотику, филологию и лингвистику. В основе анализа «чудесного» у Ле Гоффа лежит определение семантического поля понятий, которыми в средневековье обозначали «чудесное» [7, с. 42]. Такой метод позволяет, например, выявить соотношение значений слов «чудо» и «диво», используемых в ПВЛ для маркировки «чудесного».

В данном исследовании нами были привлечены три группы источников. Во-первых, это древние по составу Лаврентьевская (1377 г.), Ипатьевская (XIII в.) и Радзивиловская (XIII в.) летописи, сохранившие текст сводов XI – начала XII в., в том числе текст, условно называемый ПВЛ. Сведения, предшествующие созданию ПВЛ и необходимые для её понимания, сохранились в Новгородской I летописи. Во-вторых, привлекались сочинения, которые могли быть связаны с ПВЛ текстуально: Киево-Печерский патерик (XIII в.), Память и похвала князю Владимиру (XI в.), Сказание о Борисе и Глебе (XI в.). В-третьих, учитывая несомненное влияние Священного Писания на образность и смысловое содержание ПВЛ [3, с. 133], в качестве источников также были привлечены книги Ветхого и Нового Завета.

Изучение «чудес» в летописи следует начать, по нашему мнению, с анализа этимологических данных. Так, в наиболее объёмном и авторитетном словаре М. Фасмера (1964–1973 гг.) отмечается, что древняя основа слова «чудо» предполагает связь с греческим существительным, которое может быть переведено как «слава, честь» [17, с. 377]. Кроме того, корневая основа «чуда» может быть близка к древнеиндийскому слову, переводимому как «учитель, мудрец». Наконец, церковнославянское «чудо», как и польский корень cud, испытали влияние слова «чужой» [17, с. 378].

В ещё одном подробном и доходящем до буквы «ч» словаре, составленном П. Я. Черных (1999 г.), уделяется внимание близости корней куд- и чуд- [18, с. 395]. Тем самым, слова «чудо» и «кудесник» могут быть поставлены в один ряд из-за схожести их корневой основы.

Приведённые выше этимологические данные о происхождении слова «чудо» позволяют сделать несколько важных замечаний.

Во-первых, интересна связь слов «чудо» и «чужой». Недаром древнерусские жители прозвали далёкие восточные племена «чудью». То ли потому, что язык этих племён был «чужим» для русичей, то ли потому, что обычаи и нравы их были «чудными», этноним «чудь» оправдывал себя тем, что уже в ПВЛ есть несколько сообщений о необычном, удивительном и чудесном в Чудской земле.

Во-вторых, близость корней слов «чудо» и «кудесник» указывает на, что в древности чудеса совершали кудесники, точнее сказать, чудесами называли то, что делали кудесники. И в древнейшем русском летописании чудесами назывались колдовство и кудесничество волхвов.

С одной стороны, древнерусские летописцы как представители своей народности и носители восточнославянского языка могли следовать именно связке чудо−кудесник, т.е. представлению о том, что чудеса – это то, что совершают волхвы. С другой стороны, понимание того, что такое чудо и как к нему относиться, в силу религиозного мировоззрения составителей летописей определялось книгами Священного писания, учениями отцов церкви, известными им агиографическими, апокрифическими и литургическими текстами.

«Удивительное» и «чудесное» в ПВЛ тесно связано с восприятием «чужого». Удивляет «чужой» народ и его обычаи, от степени этого удивления зависит отнесение того или иного явления к чудесам. В этой связи своеобразным сосредоточением чужого и чудесного в ПВЛ выступают волхвы как «чужие» этнически и религиозно.

Трижды в ПВЛ чудом называются действия волхвов.

Так, под 912 г. в ПВЛ помещена легенда о смерти князя Олега от укуса змеи. Эта смерть, как известно, была предсказана князю волхвами. После этого сообщения следует длинная выписка из Хроники Георгия Амартола [11, стб. 39–42; 12, стб. 29–31; 13, с. 23], которая с буквальной точностью повторяет оригинальный болгарский текст [19, с. 50–52], начинающийся фразой: «се же не дивно яко от волхвованиа собываехся чародеиство». Автор повествует о волхве Аполонии Тирском (древнеримский философ), творившем всюду «бесовскаа чюдеса»: в Византии по просьбе жителей он отогнал от города змей и скорпионов, обуздал взбесившихся лошадей на глазах горожан, в Антиохии избавил город от скорпионов и комаров, мог предсказывать землетрясения, разговаривать с животными. После смерти у гроба Аполония «знамения творяху» бесы. Автор сопровождает свой рассказ об Аполонии размышлениями о природе чудес волхвов. Благодать действует на всех без исключения, поэтому возможность

сверхъестественной силы может проявляться у «недостойных». Причем чудеса творят не сами волхвы, а бесы, отсюда − «бесовские чудеса», «сотонинские дела», «мечетные чудеса». Чудеса волхвов есть следствие «ослабления», попущения Бога, и посылаются они для искушения верующих. Заключает автор свой рассказ ёмким выводом: «не чюдесы прелщати» [11, стб. 39–42; 12, стб. 29–31; 13, с. 23].

Попытаемся понять, зачем летописец вставил этот текст из хроники Амартола в ПВЛ.

Вопрос о чудесах волхвов, по всей видимости, волновал древнерусских книжников и до ПВЛ. Так, например, в «Памяти и похвале князю Владимиру» (XI в.) автор ссылается на Иоанна Златоуста: святого человека узнаём по делам, а не по чудесам, т.к. много чудес сотворили и волхвы [9, с. 321–323]. Волхвы, как это отмечалось исследователями [14, с. 152–153], средневековым хронистом расценивались как слуги антихриста, они наделялись всеми чертами евангельских лжепророков, которые явятся в преддверии Конца Света и будут совершать великие знамения и чудеса, чтобы прельстить праведников.

Древнерусское летописание, предшествующее ПВЛ, зафиксировало т.н. восстание волхвов в 1071 г. Сообщение о появлении волхвов в Ростовской и Новгородских землях присутствует не только в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской летописях, но и в Новгородской I [11, стб. 147–181; 12, стб. 164–171; 13, с. 74–76; 8, с. 191–196]. Вполне возможно, что записаны они были современниками событий: в 1073 г. в Печерском монастыре был составлен летописный свод. Текст о восстании волхвов в 1071 г. мог присутствовать уже в нём, а затем отразиться в Начальном своде и в Новгородской I летописи.

Кроме того, автор первой редакции ПВЛ был знаком с Яном Вышатичем, непосредственным участником событий 1071 г. в Ростовской земле.

Всё это свидетельствует о том, что проблема волхвов была крайне актуальной для рубежа XI–XII вв. Создателю первой редакции ПВЛ требовалось дать какое-то объяснение этим событиям, осудить движение волхвов. У него было значительное преимущество перед предшественниками – авторами Начального свода и свода 1073 г.: одним из его источников была византийская хроника Георгия Амартола и его продолжателей. Именно из неё он позаимствовал приведённый выше текст об Аполонии Тирском и пространное рассуждение о природе волховских чудес. Эта цитата помогает объединить все предшествующие разрозненные сообщения о волхвах в единый сюжет, главная цель которого – идеологическое опровержение «чудотворения» волхвов. Чудеса волхвов – ложные чудеса – сверхъестественное, но неудивительное явление, т.к. это обычное дело для сил зла.

В статье под 1071 г. мы вновь встречаемся с сюжетом о чудесах и волхвах. Автор, уже не прибегая к цитатам, сообщает о восстании волхвов в 1070-е гг. и размышляет о природе волхования [11, стб. 147–181; 12, стб. 164–171; 13, с. 74–76; 8, с. 191–196]. Этническую сторону движения волхвов, в том числе и историографию этого вопроса, достаточно обстоятельно рассмотрел в своей монографии Д. В. Пузанов, и поэтому мы не будем останавливаться на этом сюжете [14, с. 138–156]. Другое дело − антропологический аспект проблемы. Каким образом летописец доказывает неудивительность чудес волхвов, какие способы он использует, чтобы сформировать негативный образ волхва, развеять массовые представления о его чудесных деяниях? Ведь именно в сюжетах под 1071 г. встречается элемент народных, а не книжных представлений о чудесах волхвов. Отчасти авторский посыл заключается и в том, чтобы осудить ту часть народа, которая готова поверить первому встречному кудеснику, назвать его удивительные дела чудесами и последовать за ним.

Итак, под 1071 г. летописец сообщает о деяниях волхвов в Киеве, Ростовской земле, Белоозере, Чудской земле и Новгороде. Свой рассказ автор сопровождает оригинальными рассуждениями о волховании. Летописец обращается к библейским сюжетам, вспоминая ветхозаветных волхвов Иannия и Иамврия, противника апостола Петра Симона Волхва и др. Образы этих волхвов возникают и при описании конкретно-исторических событий: два волхва из Ростовской земли вступают в противоборство с князем Яном Вышатичем, подобно Ианнию и Иамврию, противостоявшим Моисею, волхв в Новгороде пытается подражать Христу, подобно Симону Волхву.

Как и прежде, летописец настойчиво проводит линию бесовского происхождения волховской силы, вкладывая эту идею в речи самих волхвов. В Белоозере Ян вступает в диалог с волхвами, рассуждая о природе человека и его сотворении. Волхвы излагают свои воззрения: человек создан дьяволом, а душа – Богом, поклоняются волхвы антихристу, который сидит в бездне [11, стб. 176–177; 12, стб. 166; 13, с. 74; 4, с. 193–194]. Волхв в Чудской земле в разговоре с пришедшим к нему новгородцем также сообщает о том, что поклоняется бесам, сидящим в бездне [11, стб. 179; 12, стб. 168–169; 13, с. 75; 4, с. 195].

Другая важная задача летописца – показать немощность волхвов, неудивительность их чудес. Соответственно, ни одно чудо у волхвов в ПВЛ не получается. Волхв в Киеве предсказывает, что Днепр потечет в обратную сторону, Греческая и Русская земля поменяются местами, но, по ироничному замечанию летописца, сам он пропал без вести, а пророчество не сбылось [11, стб. 174; 12, стб. 164; 13, с. 74; 8, с. 191–192]. В случае с ростовскими волхвами, которые, обладая прозорливостью, якобы видели жен, скрывающих жито во время неурожая и впоследствии погибших в Белоозере от рук Яна Вышатича, летописец просто и логично замечает: «и тако погыбнуста наущеньемь бесовьскым инемъ ведуще а своее пагубы не ведуче аще ли быста ведала то не быста пришла на место се идеже ятома има быти аще ли м ята быста то почто гласта не умрети нам» [11, стб. 178; 12, стб. 167; 13, с. 75; 8, с. 194]. В Чудской земле волхв оказывается бессилен из-за креста на теле новгородца, пришедшего к нему вероятно за исцелением [11, стб. 179; 12, стб. 169; 13, с. 75; 8, с. 195]. Наконец, с явной насмешкой летописец приводит короткий диалог Глеба с волхвом в Новгороде: «Глебъ же возма топоръ подъ скутом приде к волхву и рек ему то веси ли что утро хощеть быти и что ли до вечера он же рек проповежь вся и рече Глебъ то веси ли что ти хощеть быти днесь чюдеса веоика створю» [11, стб. 181; 12, стб. 170– 171;

13, с. 76; 8, с. 196]. После слов волхва Глеб разрубил его топором на две части. Высмеять волхва для летописца не менее важно, чем показать его бесовскую природу [4, с. 397–398].

Осуждению людей, которые верят волхвам, посвящена статья 6579. Летописец явно отсылает читателя ко Второму посланию апостола Павла к Тимофею: «как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере» (2-е Тимофею 3:1-8). Это точное слово − «невежды» − летописец использует сам («невегласи»), говоря о людях, которые слушали предсказании киевского волхва. «Вернии же насмехаются», − продолжает летописец [11, стб. 174; 12, стб. 164; 13, с. 74; 8, с. 191–192].

Так как волхв действует всегда перформативно, стремится устроить зрелище, то обязательным элементом его чудес является наличие публики. По верному замечанию В. В. Долгова, у древнерусских жителей имелась «настроенность на чудо» [4, с. 405]. Волхв для простого народа был потенциальным носителем «чудесного». Летописец стремится найти в толпе сторонников волхвов и осудить их. Как уже отмечалось выше, в Киеве часть горожан поверили волхву. В Ростовской земле, по свидетельству летописи, люди сами приводили к волхвам своих сестер и жен, веря, что они виновны в сокрытии жита. Летописец сообщает, что ростовские волхвы пришли в Белоозеро с 300 людьми [11, стб. 178; 12, стб. 167; 13, с. 75; 8, с. 194]. Наконец, в Новгороде толпа вовсе делится надвое: князь с дружиной – на стороне епископа, люди пошли за волхвом [11, стб. 181; 12, стб. 170–171; 13, с. 76; 8, с. 196].

Желание увидеть что-то необычное, удивительное увлекало за волхвами не только толпу, но и отдельных людей. Так, например, в 1071 г., по сообщению летописи, некий новгородец отправился за волхованием в Чудскую землю. Местному кудеснику для камлания и призвания бесов потребовалось, чтобы новгородец снял с себя крест. Это, вероятно, заинтересовало новгородца, и далее между ними завязался диалог о «богах» волхва и о том, почему они боятся креста [11, стб. 181; 12, стб. 171; 13, с. 76; 8, с. 196]. Перед нами – яркое подтверждение интереса населения Древней Руси к магии и колдовству соседних народов [14, с. 136]. Однако летописец толкует её в рамках своего общего замысла о дьявольском происхождении волхования. Боги волхва, живущие в безднах – бесы, которые боятся знамения небесного Бога – креста. По словам В. В. Долгова, волхв свидетельствует против себя, утверждая силу креста против бесов [4, с. 437]. Летописец последовательно «вписывает» волхование в христианское мировоззрение, определяя ему место ложных чудес, совершаемых через кудесников бесами.

Сразу за статьей 6579 следует сообщение о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. Летописец сообщает: «и принесше в новую церквы отверзоша раку исполнися благоуханья церкы воне благы видевше же се прославиша Бога» [11, стб. 181–182; 12, стб. 171–172; 13, с. 76; 8, с. 196–197], фиксируя тем самым важнейшее христианское чудо – нетленность мощей. Исследователи полагают, что именно с этого события устанавливается общецерковное почитание святых страстотерпцев [2]. Как известно, нетленность мощей – необходимое условие для канонизации. Но обращает на себя внимание другое.

Прежде всего, совершенно ясно, что соседство пространного сообщения о восстании волхвов и сюжет о нетленности мощей Бориса и Глеба неслучайно. Оба эпизода присутствуют не только в Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивиловской летописях, но и в Новгородской I, что свидетельствует о более раннем соединении этих двух сюжетов. Можно предположить, что в предшествующих ПВЛ летописных сводах, в которых не было дат, эти эпизоды соединялись не хронологически, а по смыслу. Летописец явно противопоставляет чудо, произошедшее во время перенесения мощей Бориса и Глеба, чудесам волхвов. Д. С. Лихачёв совершенно точно перевёл словосочетание «воне благы» как «запах чудный» [10, с. 216], понимая, что с литературной точки зрения данный сюжет типичен для христианских чудес. Сам же летописец слово «чудо» не использует.

Однако в сюжете о перенесении мощей Бориса и Глеба летописец продолжает одну из важных тем предыдущего рассказа о волхвах. «И митрополита ужасть обиде бе бо нетвердъ верою к нима падъ ницъ просяше прощенья» [11, стб. 181– 182; 12, стб. 171–172; 13, с. 76; 8, с. 196–197]. Киевского митрополита−грека Георгия летопись изобразила не сразу поверившим в святость Бориса и Глеба. Другие же, видевшие чудо, прославили Бога. Летописец вновь обращается к вопросу о твердости веры, противопоставляя истинно верующих и сомневающихся. Чудеса в христианском учении бывают истинные и ложные. Ложные чудеса – чудеса вол вов − посланы, чтобы испытать веру праведников. Истинные чудеса укрепляют веру. Почему же в таком случае летопись не называет чудесами всё, что связано с Борисом и Глебом?

Сложность ответа на этот вопрос заключатся в том, что агиографическая традиция образов Бориса и Глеба, представленная в «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» и «Сказании о Борисе и Глебе», изобилует «чудесной» терминологией [15]. В «Сказании» автор постоянно использует применительно к ним термин «чудо» [16, с. 346–349]. До сих пор в отечественной науке нет единого мнения по поводу времени появления этих памятников и их взаимоотношения с летописными сообщениями о первых русских святых. Принято считать, что в основе «Сказания» и «Чтения» лежит летописная повесть [15]. Наравне с этим высказывалась гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести [15].

Если «Сказание» с описаниями чудес первично по отношению к летописному тексту, то автор, преследуя цель противопоставить «бесовские чудеса» волхвов делам праведников, нарочно избегает использования термина «чудо» применительно к последним. При этом в летописной похвале Борису и Глебу он перечисляет все их чудеса, известные по агиографии: «и инемъ приходящим странным с верою даета ицеленье хромым ходити слепымъ прозренье болящим целбы окованым разрешенье темницам отверенье печалным утеха напастным избавленье и еста заступнника Русьстеи земли…» [11, стб. 137–138; 12, стб. 123–126].

Ни в «Чтении», ни в «Сказании» нет ни слова о волхвах. Если эти памятники вторичны по отношению к летописному тексту, то, возможно, его влияние проявляется в том, что в агиографических сочинениях о Борисе и Глебе часто используется конструкция «дивные чудеса», которая подчёркивает удивительность чудес Бориса и Глеба. Главный признак чудес волхвов, их ложности – неудивительность. Напротив, чудеса праведников удивительны.

Акцент на удивительности дел праведников делается и в самой ПВЛ. Помимо Бориса и Глеба к положительным персонажам ПВЛ относятся Феодосий Печерский и монахи Киево-Печерского монастыря.

В 1074 г. преставился Феодосий Печерский, в связи с чем летописец пишет подробный рассказ о его кончине. Далее повествование переходит к характеристике монахов [11, стб. 189–198; 12, стб. 180–189; 13, с. 78–81]. Именно это «Слово о первых черноризцах печерских» впоследствии вошло в состав Киево-Печерского патерика.

Лексика Киево-Печерского патерика, появившегося в первой трети XIII в., полна «чудесного» и «дивного» [6, с. 303, 309, 349]. Авторы используют эти слова применительно и к людям (не только монахам и праведникам, но и мастерам), и к строениям, и к событиям, которые должны вызывать удивление, доказывать присутствие сверхъестественных сил.

В ПВЛ автор ограничился тем, что назвал подвижников Киево-Печерского монастыря «чудными мужами» [11, стб. 189; 12, стб. 180; 13, с. 78;]. По мнению Д. С. Лихачёва, некоторые эпизоды «Слова о первых черноризцах печерских» появились в ПВЛ не ранее 1088 г. [10, с. 501]. Это вновь наводит на мысль, что летописец при описании событий 1070-х годов находился под сильным впечатлением от восстания волхвов. «Чудные мужья» Киево-Печерского монастыря противопоставлены волхвам. Каждый из них обладает сверхъестественной силой. Если в монастырь приходили больные люди, то Феодосий призывал на помощь пресвитера Демьяна: «молитву створити болящему и абье створяше молитву и масломь помазаше и приимаху ицеленье приходящии к нему» [11, стб. 189; 12, стб. 180; 13, с. 78], т.е. Демьян мог исцелять людей, что является одним из главных христианских чудес. Другому подвижнику, Еремии, «бе даръ дарованъ от Бога проповедаше предибудущая», а также он мог читать мысли [11, стб. 189; 12, стб. 180–181; 13, с. 78]. Старец Матфей был «прозорлив», мог видеть бесов, разговаривал с ними и отгонял их крестным знамением [11, стб. 190–191; 12, стб. 181–181; 13, с. 78–79].

При этом летописец не называет дела подвижников монастыря чудесами. «Чудесное» мы встречаем только в рассказе о черноризце Исакие. Оставляя массу деталей жизнеописания этого монаха, обратимся к моменту, когда над ним жестокого «надругались» бесы. Братья думали, что Исакий умер, но черноризец остался жив. Заботу над ним взял на себя сам Феодосий: «взяя Исакия и принесе и к собе велью и служаше около его бе бо раслабленъ теломь». Феодосий в течение двух лет своими руками умывал и переодевал Исакия. Только на третий год черноризец стал поправляться. Всё это время Феодосий молился за него [11, стб. 191–198; 12, стб. 182–189; 13, с. 79–81].

История исцеления Исакия, на первый взгляд, не содержит в себе ничего сверхъестественного, несмотря на то, что подобных сюжетов насчитывается множество и чаще всего они называются чудесами, т.к. исцеление молитвой само по себе чудо. Однако летописец и здесь нашёл то, чему можно удивиться: «се же быс дивно чюдно яко за в лета лежа си ни хлеба не вкоуси ни воды ни овоща ни от какого брашна ни языкомъ прогла но немъ и глоух лежа» [11, стб. 194; 12, стб. 185; 13, с. 80]. Именно это «дивно» и чудно» для летописца, а не исцеление.

Таким образом, праведники в ПВЛ не совершают чудес, они сами по себе «чудесны». При этом явно стремясь противопоставить праведных Бориса и Глеба, Киево-Печерских подвижников, волхвам, летописец осознанно или неосознанно, заимствует некоторые элементы образа волхва и переносит их на праведников. Мы можем проследить, как печерские «чудные мужи», несмотря на то, что образы их созданы по агиографическим канонам, повторяют силы волхвов: исцеление, способность предвидеть будущие, прозорливость, возможность видеть то, что другие не видят и т.д. Если «бесовские чудеса» волхвов неудивительны по своей природе, безрезультатны и смешны, то дела праведников, пусть и не названные чудом, вызывают удивление, дают реальный результат (исцеление или сбывшееся предсказание).

Летописец словно на современной ему действительности находит подтверждение той самой мысли о неудивительности чудес волхвов, подчерпнутой им из Хроники Георгия Амартола в начале летописи. В хронике указано одно важное отличие волхва от праведника: волхв творит чудеса действием, а праведник словом [11, стб. 39 – 42; 12, стб. 29 – 31; 13, с. 23]. Действительно, вспомним, как летописец описывает чудского волхва, который ложится, трясется, призывает бесов. Этими необычными действиями волхвы и удивляли людей. Праведник же творит словом, молитвой. Именно молитва Феодосия помогла Исакию выздороветь.

В тексте ПВЛ, выражаясь словами Ж. Ле Гоффа, наравне с событиями «реальной действительности» несомненно присутствуют явления «воображаемой реальности». К последним следует отнести описания сверхъестественных явлений. Для летописца как для человека христианского мировоззрения характерно признание факта божественного вмешательства в земную жизнь. Любое такое вмешательство по своему характеру сверхъестественное, удивительное и необъяснимое. В ПВЛ есть несколько приёмов обозначения сверхъестественного: упоминание божественной помощи, ангелов, бесов, действия праведников и волхвов, термины «чудо», «диво», «знамение». Устойчивых правил применения того или иного приёма или термина в ПВЛ обнаружить трудно. То, что с точки зрения христианства является чудом, автор «чудом» не называет. Однако большинство сверхъестественных явлений в ПВЛ отчетливо разделяются на «удивительное сверхъестественное» и «неудивительное сверхъестественногекоторые противопоставлены друг другу.

В первую группу входят «бесовские чудеса» волхвов. Образ волхва выстроен в ПВЛ мастерски: взяты точные цитаты о природе волхования из других источников, подробно описан обряд волхования, изложена «религия» волхвов. Волхвы, с позиций

условного автора ПВЛ – лжепророки, их магия чудесна, но неудивительна, т.к. свершается не ими самим, а бесами при божественном попустительстве. В этой формуле удар наносится не только по языческим колдунам, но и по тем, кто верит им. Волхование, представленное в ПВЛ как ложные чудеса, подтверждает гипотезу об эсхатологическом характере летописи. Согласно христианскому учению, лжепророки накануне Конца Света буду творить чудеса, чтобы прельстить праведников.

К «удивительному сверхъестественному» относятся в ПВЛ дела праведников. Борис и Глеб, Феодосий Печерский, монахи Киево-Печерского монастыря совершают в ПВЛ истинные чудеса, при этом слово «чудо» летописец не использует. Если над волхвами в ПВЛ люди часто смеются, то чудеса праведников вызывают удивление, заставляют прославлять Бога. Само расположение событий в тексте ПВЛ даёт возможность читателю противопоставить волхвов праведникам: за пространным описанием восстания волхвов в 70-е гг. XI в. следует сообщение об обретении нетленных мощей Бориса и Глеба.

Источники и литература

1. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и Англии. М.: школа Языки русской культуры, 1998. 712 с.
2. Борис и Глеб // Православная энциклопедия. URL: http://www.pravenc.ru/text/153171.html. (Дата обращения: 24.06.2018).
3. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
4. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.
5. Долгов В. В. Представления об обществе в картине мира населения Древней Руси XI–XIII вв.: дис. … д. ист. наук. Ижевск: УГУ, 2008. 616 с.
6. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб. 1997. С. 296–490.
7. Ле Гофф. Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Издательская группа Прогресс, 2001. 440 с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 576 с.
9. Память и похвала князю Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997. С. 316–328.
10. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 672 с.
11. Полное собрание русских летописей, том I. Издание 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. 286 стб.
12. Полное собрание русских летописей, том II. Издание 2-е. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 стб.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивиловская летопись. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 179 с.
14. Пузанов Д. В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 480 с.
15. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/-Default.aspx?tabid=4871. (Дата обращения: 24.06.2018).
16. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997. С. 328–352
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Издательство Русский язык, 1999. 560 с.
19. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. С. 11–142.
20. Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2006. 433 с.

References

1. Block M. Koroli-chudotvorci: ocherk predstavleniy o sverhestestvennom haraktere korolevskoy vlasti vo Francii I Anglii *(The Miracle Kings: an essay of perceptions of the supernatural nature of royal power, common predominantly in France and England*). Moscow: School Languages of Russian Culture publ., 1998. 712 p. (In Russian).
2. Boris and Gleb (*Boris and Gleb*) // Orthodox Encyclopedia URL: http://www.pravenc.ru/text/153171 (Accessed: 24.06.2018).
3. Danilevsky I. N. Povest vremennih let: germenevticheskie osnovi istochnikovedenia letopisnih tekstov (*The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source of Historical Texts*). Moscow: Aspect-Press publ., 2004. 370 p. (In Russian).
4. Dolgov V.V. Bit I nravi Drevney Rusi. Miri povsednevnosti XI–XIII vv. (*Life and mores of ancient Russia. Worlds of everyday life of the XI–XIII centuries*). Saint Petersburg: The Publishing House of Oleg Abyshko publ., 2017. 592 p. (In Russian).
5. Dolgov V.V. Predstavlenia ob obchestve v kartine mira naselenia Drevney Rusi XI–XIII vv. (*Ideas about society in the picture of the world of the population of ancient Russia XI–XIII centuries*). Izhevsk: UGU publ., 2008. 616 p. (In Russian).
6. Kievo-Pecherskiy paterik (*Kiev-Pomerskoe Patent*) // Biblioteka literaturi Drevney Rusi, 1997. Vol. 4. P. 296–490. (In Russian).
7. Le Goff. J. Srednevekoviy mir voobrazhaemogo (*Medieval world of the imaginary*). Moscow: Progress Publishing Group publ., 2001. 440 p. (In Russian).
8. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov (*Novgorod First Record of Senior and Junior Records*). Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR publ., 1950. 576 p. (In Russian).
9. Pamyat i pohvala knyazu Vladimiru (*Memory and praise to Prince Vladimir*) // Biblioteka literaturi Drevney Rusi. 1997. Vol. 1. P. 316–328. (In Russian).
10. Povest vremennich let (*The Tale of Bygone Years*). St. Petersburg.: Science publ., 1996. 672 p. (In Russian).
11. Polnoe sobranie russkich letopisey. Tom 1, izdanie 2. Lavrentievskaya letopis. Vipusk 1: Povest vremennich let (*Full collection of Russian chronicles, vol. I. Edition 2. Lavrentievskaya record. Issue. 1: the Tale of Bygone Years*). Leningrad, 1926. 286 p. (In Russian).
12. Polnoe sobranie russkich letopisey. Tom 2, izdanie 2. Ipatievskaya letopis (*Full collection of Russian chronicles, vol. II. Edition 2. Ipatiev record*). Saint Petersburg, 1908. 938 p. (In Russian).
13. Polnoe sobranie russkich letopisey. Tom 38. Radziwilovskaya letopis (*A complete collection of Russian chronicles. T. 38. Radziwilov record*). Leningrad: Science Leningrad branch publ., 1989. 179 p. (In Russian).
14. Puzanov D. V. Prirodnie yavleniya v sakralnoy kartine mira narodov Vostochnoy Evropi. Drevnya Rus i yeyo sosedi: IX–XIII vv. (*Natural phenomena in the sacral picture of the world of the peoples of Eastern Europe. Ancient Rus and its neighbors: IX–XIII centuries*). Saint Petersburg: The Publishing House of Oleg Abyshko publ., 2018. 480 p. (In Russian).

15. Skazanie o Borise i Glebe (*The story of Boris and Gleb*) // Dictionary of scribes and bookishness of ancient Russia URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871 (Accessed: 24.06.2018).
16. Skazanie o Borise i Glebe (*The story of Boris and Gleb*) // Biblioteka literaturi Drevney Rusi, 1997. Vol. 1. P.328–352. (In Russian).
17. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar russkogo yazika (*Etymological Dictionary of Russian*). Vol. 4. Moscow: Progress publ., 1987. 864 p. (In Russian).
18. Chernich P.J. Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazika (*Historical and etymological dictionary of modern Russian language*). Tom 2. Moscow: Publishing House Russian Language publ., 1999. 560 p. (In Russian).
19. Shahmatov A. A. Povest vremennih let I yeyo istochniki *("The Tale of Bygone Years" and its sources)* // Trudi otdela drevnerusskoy literaturi. Vol. 4. P.11–142. (In Russian).
20. Jürganov A. L. Ubit besa. Put ot srednevekovya k Novomu vremeni (*Kill the demon. The way from the Middle Ages to New Time*). Moscow: Russian state university for the humanities publ., 2006. 433 p. (In Russian).

Информация об авторе

Новосёлов Александр Леонидович – аспирант кафедры отечественной истории Казанского федерального университета (Казань) / alnovo92@mail.ru

Information about the author

Novoselov Alexander – postgraduate student of the Department of Russian History, Kazan Federal University (Kazan) / alnovo92@mail.ru

УДК 94(47):364

Т. Е. Покотилова

ОТ СОСЛОВНОГО ПРИЗРЕНИЯ И ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ – К ВСЕОБЩЕМУ СОЦИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ В РОССИИ

В статье исследуется материал, позволяющий получить представление об основных принципах и масштабах организации, а также предоставления социальной помощи в предреволюционной России и России первых лет существования советской власти. На конкретных примерах показано, что к началу XX в. страна имела устойчивую традицию к оказанию различных видов помощи социально недостаточному населению, прежде всего, за счет личной и организованной частной благотворительности, а также деятельности российских благотворительных ведомств полугосударственного, полуобщественного характера. При этом автор делает вывод об абсолютной недостаточности мер и масштабов оказания социальной помощи населению со стороны самого государства, ставшей одной из причин социального взрыва 1917 г. В статье показано, как новая власть с первых же дней приступила к формированию полноценной правовой базы для реализации одного из программных положений большевиков по всеобщему обеспечению каждого нетрудоспособного по его потребностям. Декретом о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 г. регулировалось обеспечение всех случаев, связанных с утратой средств к существованию, как вследствие временной нетрудоспособности, так и вследствие постоянной нетрудоспособности. Новый закон обязал создаваемые новой властью органы социального обеспечения заниматься принятием предупредительных мер против заболеваний, увечий, инвалидности и др. Каждый трудящийся получил право, в случае заболевания, на все виды врачебной помощи. Обговаривал закон и право каждого потерявшего трудоспособность или работу (не по своей вине) на получение пособия или пенсии.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, дореволюционная Россия, советская Россия, всеобщее социальное обеспечение.

Tatyana Pokotilova

FROM ESTATE SUPPORT AND PRIVATE CHARITY TO GENERAL SOCIAL PROVISION IN RUSSIA

The article examines the material that allows you to get an idea of the basic principles and scope of organization, as well as the provision of social assistance in pre-revolutionary Russia and Russia in the first years of the existence of the Soviet power. Specific examples show that by the beginning of the XX century the country had a steady tradition of providing various types of assistance to socially underprivileged population, primarily through personal and organized private charity, as well as the activities of Russian charitable departments of a semi-state, semi-public nature. At the same time, the author concludes that the measures and scales of social assistance to the population by the state itself are insufficient, which became one of the reasons for the social explosion of 1917. The article shows how the new government from the very first days began to form a full-fledged legal basis for the implementation of one of the Bolsheviks' program provisions on the universal provision of every disabled person according to his needs. The decree on the social security of workers of October 31, 1918 regulated the provision of all cases related to the loss of livelihood, both due to temporary and permanent incapacity for work. The new law obliged the social security agencies created by the new government to take preventive measures against diseases, injuries, disabilities, etc. Every worker received the right, in case of illness, to all types of medical assistance. Negotiated the law and the right of everyone who lost their ability to work or work (through no fault of their own) to receive benefits or pensions.

Key words: charity, public charity, pre-revolutionary Russia, Soviet Russia, general social provision.

Звучит достаточно парадоксально, но взорвавшаяся из-за многочисленных, столетиями не решавшихся проблем, Россия при этом имела многовековой опыт и устойчивую традицию к оказанию различных видов помощи социально недостаточному населению. Личная и организованная частная благотворительность охватывала в попечении к началу XX в. большое количество граждан различных возрастных категорий, по тем или иным причинам испытывавших серьезные жизненные затруднения.

Весомым косвенным доказательством развитости системы социального попечения в дореволюционной России и масштабности действий внутри самой этой системы может служить активный интерес к ее истории со стороны современных исследователей, и не только отечественных. Последние четверть века прошли под знаком становления и активного развития отдельного направления в историографии, в рамках которого защищены многочисленные кандидатские и докторские диссертации по истории благотворительности в России, написаны десятки монографий [1; 6; 7; 10; 12; 13; 14; 18; 19; 20] и множество научных статей. Многовекторность их тематики в рамках единого направления, их научное качество и значительное количество – неоспоримое свидетельство масштабности и значительной протяженности во времени социокультурного феномена, составившего в дореволюционной России неотъемлемую часть ее существования.

Более того, изучаемая чувствительная сфера социальной жизни к рубежу XIX–XX вв. была предметом пристального внимания царствующей фамилии и правительства: регулярные инициативы и предметные действия Романовых по созданию и плотной курации российских благотворительных ведомств полугосударственного-полуобщественного характера; пристальное внимание власти к сбору, обработке и публикации, в виде многочисленных, зачастую роскошно исполненных изданий, информации о содержании и объемах благотворительной практики в стране; создание комиссий по совершенствованию нормативной базы отечественного благотворения; стремление правительственных структур участвовать в становлении и работе всероссийских общественных союзов, связанных с организацией социальной помощи, – весомое тому доказательство.

Работа автора с документами ряда архивов позволяет констатировать наличие в дореволюционных фондах каждого из них огромногоколичества

разноформатных документов, раскрывающих перечисленные выше и иные направления, а также разнообразные формы благотворительной инициативы и деятельности в стране.

К примеру, материалы фондов Центрального государственного архива республики Северная Осетия-Алания свидетельствуют, что 11 марта 1895 г. в адрес Статистического Комитета г. Санкт-Пете бурга, в ответ на запрос, был отправлен составленный по просьбе управляющего канцелярией Начальника Терской области документ «Список благотворительных обществ и заведений в г. Владикавказе» [21, л. 54]. В нем были указаны действовавшие на тот момент в городе восемь благотворительных структур. Среди них – Осетинский женский приют с училищем при нем (открыт в 1866 г.); Михайловская городская лечебница для приходящих больных (открыта 27 июня 1867 г.); Владикавказское благотворительное общество (создано в 1880 г.); городской приют для престарелых и увечных (открыт в 1880 г.); Вдовий дом для беднейших женщин (открыт 6 августа 1881 г.); городская чайная и столовая (открыта в 1892 г.); Дневное убежище для сирот (открыто 8 ноября 1892 г.); частная лечебница врача Неумова (начала работу с 6 сентября 1894 г.). В подобном списке, представленном в канцелярию Начальника Терской области 14 марта 1895 г. из Пятигорского отдела области, числятся 3 структуры [22, л.64–64 об.]. Это – богадельня, учрежденная в 1882 г. Пятигорским благотворительным обществом; богадельня, учрежденная в 1882 г. Потомственным почетным гражданином Пятигорским купцом 1-й гильдии Василием Зипаловым, и богадельня, учрежденная в 1893 г. в г. Георгиевске церковно-приходским попечительством.

Подобные списки собирались по всей стране Статистическим Комитетом Санкт-Петербурга для того, чтобы Комитет известной на всю Россию Нижегородской ярмарки к открытию в ее рамках выставки благотворительных обществ издал статистический сборник. В этот сборник, по задумке организаторов, вошли не только имеющиеся в Империи благотворительные общества, но и «благотворительные заведения (богадельни, ясли, больницы и т.д.), к какому бы ведомству они не принадлежали, на какие бы средства не содержались и на какие бы вероисповедания не распространялись» [22, л.93–94].

Взрывная динамика роста количества благотворительных общественных организаций в стране в конце XIX – начале XX вв. обеспечивалась наложением привычки к благотворению, плотно присутствовавшей в отечественной культуре в течение столетий, на стремительное развитие гражданской активности в русле проходивших по следам реформ второй половины XIX в. модернизационных процессов. Поэтому, к примеру, в «Списке обществ, союзов, кружков и прочих, существующих в пределах многонациональной Терской области», руководимой Терским казачьим атаманом, от 10 августа 1913 г., из 74 перечисленных 18 организаций преследовали, прежде всего и в основном, благотворительные цели [23, л.3–5]. Это – Общество помощи бедным персидскоподданным; Общество попечения о душевнобольных Терской области; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Кисловодской мужской и женской гимназии; Кизлярское общество попечения о бедных; Грозненское общество вспомоществования учащимся; Пятигорский дамский кружок попечения о бедных детях; Общество вспомоществования учащимся в г. Георгиевске Терской области; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Пятигорской мужской и женской гимназиях; Общество попечения о сиротах и бедных детях г. Грозного; Благотворительное общество для распространения образования среди горцев Нальчикского округа; Дамское армянское благотворительное общество в г. Пятигорске; Общество просвещения ингушского народа Назрановского округа; Владикавказское отделение армянского благотворительного общества на Кавказе; Кизлярское армянское женское общество пособия бедным; Общество призрения сирот и бесприютных девочек, учрежденное в память 300-летия Царствования дома Романовых в г. Грозном; Нальчикское благотворительное общество вспомоществования бедным-больным учащимся высших учебных заведений и учащимся народных училищ; Дамский кружок в г. Георгиевске; Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе Терской области.

И это при том, что за рамками списка оказались ряд эффективно действовавших в регионе религиозно-благотворительных организаций, отделений российских благотворительных организаций, имевших статус не частноправовых, а государственно-общественных объединений. В последнем случае речь идет о Российском обществе Красного Креста, Ведомстве учреждений Императрицы Марии, Попечительстве о Домах Трудолюбия и многих др. Так, к примеру, в Терской области, как и в остальных российских административных субъектах, накануне Первой мировой войны было создано отделение «Состоящего под Высочайшие Его Императорские Величества Покровительством Романовского Комитета». Организованный «в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых», Романовский Комитет видел своей задачей «воспособление делу призрения беспризорных сирот сельского населения без различия племен, состояний, сословий и вероисповеданий, а равно объединение правительственной, общественной и частной деятельности в этой области» [17, с.1].

Конечно, вступление России в Первую мировую войну значительно скорректировало возможности и действия участников отечественного благотворительного движения. Постепенно уменьшалось количество средств на реализацию благотворительных проектов на фоне резкого роста потребности в них в связи с увеличением масштабов социальных проблем. Реалии военного времени вызвали появление категорий нуждающихся в помощи воинов-инвалидов и раненых, беженцев, сирот военного времени и др., требующих первостепенного внимания со стороны благотворителей. Поэтому в этих условиях несоизмеримо возрастает роль благотворительных организаций, имевших в своей многолетней истории опыт работы в военных условиях.

И здесь речь, прежде всего, идет о Российском обществе Красного Креста. Его региональные отделения к 1914 г. имели как серьезный опыт, так и потенциал для того, чтобы оперативно начать работу в условиях военных действий. К примеру, под началом Пятигорского Комитета РОКК действовали Дамский Комитет Красного Креста, колония Красного

Креста в г. Железноводске, колония Красного Креста в г. Ессентуки, Георгиевская колония Красного Креста, а также Георгиевская община сестер милосердия. Все названные колонии Красного Креста с началом войны были перепрофилированы в лазареты. А община сестер милосердия в Георгиевске открыла курсы по подготовке сестер милосердия, выпустив их за годы войны численностью 140 человек. В разгар военных действий – в 1915 г. – Пятигорский Комитет РОКК смог привлечь средства и открыл на Кавказских Минеральных Водах три лазарета для лечения офицеров, пострадавших на войне, общим числом коек 415 [11, с.171]. Владикавказский Комитет Красного Креста в своей работе опирался и на возможности Кавказского Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от войны. Комитет этот был в начале войны организован, прежде всего, как полугосударственная, полуобщественная благотворительная структура с целью объединения всех заинтересованных в деле оказания помощи пострадавшим от войны сил и средств. Более того, в своем попечении о раненых и инвалидах, сиротах – жертвах войны, беженцах Владикавказский Комитет Красного креста, как и все региональные отделения РОКК, сотрудничал и с местными властями, и местными благотворительными обществами и с церковными структурами. К примеру, как и по всей стране, большим подспорьем в деле реабилитации солдат-инвалидов в социальной среде стали всевозможные курсы их профессионального обучения. Масштаб их создания и работы к 1916 г. стал таким, что Министерство народного просвещения опубликовало специальный сборник [9] с примерными программами различных курсов и информацией об опыте организации последних. Создававшиеся и содержавшиеся, в большинстве своем, на благотворительные средства, курсы готовили инвалидов к гончарному делу, «жестяничномедницкому» делу, чеканному и монтировочному делу, обучали обработке металла, обработке дерева, крахмальному производству, «щеточному и кистовязному ремеслу» и многому другому.

Даже вышеописанные отдельные примеры из яркой палитры истории отечественной благотворительности дают представление о масштабности и разнообразии направлений, форм и средств, применявшихся в сфере попечения общества, в лице отдельных граждан и многочисленных благотворительных объединений, о социально-недостаточном населении в дореволюционной России.

Чего, наоборот, не наблюдалось в сфере т.н. системы общественного призрения, реализовавшей официально государственную заботу о страждущих и ведущей свою историю с момента издания Учреждения о губерниях в 1775 г. [16, с.229–304]. Создав этим актом Приказы общественного призрения и обеспечив их к 1825 г. капиталом в 25 миллионов рублей [2, с. 37], власть возложила на них руководство и реализацию социальной помощи, в виде открытого и закрытого призрения, социально недостаточному населению. Но, заложив в основу такой помощи принцип сословности в призрении и подчинив деятельность Приказов жесткому контролю со стороны губернских властей, власть одновременно предопределила ее ограниченность и бюрократических характер. Создание земств и передача им полномочий в области общественного призрения, в первую очередь, за счет привлечения последними к деятельности значительного общественного элемента оживило государственную политику в изучаемой сфере. В процессе нашей многолетней исследовательской деятельности мы пришли к глубокому убеждению в том, что земствам «принадлежит приоритет в смене подходов к помощи нуждающимся: именно эти учреждения начали систематическую, в меру доступного, работу по профилактике, предупреждению нужды, совмещая ее с собственно призрением и расходуя на это 2,5% своего бюджета. Круг таких мер сводился к организации противопожарной безопасности, заботам о развитии мелкой кустарной промышленности и другому. Земства помогали пострадавшим от наводнения, неурожая, помогали семьям нижних чинов, призванных в армию; помогали переселяющимся крестьянам; содержали стипендиатов в учебных заведениях; создавали и финансировали дома и колонии умалишенных; колонии для малолетних преступников, приюты для подкидышей; строили благотворительные заведения других типов; выдавали ссуды безземельным крестьянам на приобретение земли и т.д.» [15, с. 33]. Е. Д. Максимов на данных 1891 г. показывает очевидную разницу в масштабах расходов только на собственно призрение в земских и неземских губерниях (где продолжали действовать Приказы общественного призрения): в 28-ми земских губерниях работало 1090 заведений призрения (без медицинских), в которых призревалось 1 072 146 человек, в 16-ти неземских губерниях 60 322 человека призревались в 817 заведениях [8, с. 63].

Но слабые финансовые возможности земств, на плечах которых лежала ответственность за развитие народного образования и народного здравоохранения, народного хозяйства в регионах, как и постепенное сужение их полномочий в условиях растущего недоверия к ним со стороны центральной власти, не могли не отразиться самым негативным образом на их работе по организации социальной заботы о нуждающихся в ней в плане масштабов и качества ее предоставления.

В начале XX в. в рамках развития экономики, ускорявшегося ее перехода к той стадии, которая связана с высшим уровнем развития капитализма, в стране постепенно, по опыту Запада, набирает обороты и социальное страхование. Но в России оно было, по сравнению с масштабами сумм, тратившихся на благотворительность, несоизмеримо скудным. По свидетельству современника, А. Винокурова, – страхование в стране начала второго десятилетия XX в. «распространялось только на незначительную часть рабочих, главным образом, крупной фабрично-заводской промышленности. Приказчики, прислуга, рабочие транспортной промышленности, домашней промышленности, сельскохозяйственные рабочие были лишены страхования. 3/5 взносов по закону 1912 г. и ½ по закону 1917 г. падало на рабочих. Пособия составляли от половины до двух третей заработка. Страхование распространялось только на болезни и несчастные случаи. Инвалидность, старость, безработица не были обеспечены» [3, с.5].

Как констатировалось в тексте Декларации Временного Правительства, – «… власть оставила дело обороны страны в тяжелом, расстроенном положении; своим преступным бездействием и своими неумелыми мерами она внесла разруху в наши финансы, в дело продовольствия и перевозок, в дело снабжения армии, она подорвала наш хозяйственный строй» [5, с.3]. Конечно же, количество людей в России, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации и нуждавшихся в социальной помощи, росло при этом в геометрической прогрессии. А число потенциальных субъектов благотворения, будь-то отдельные или организованные граждане, либо соответствующие социальные структуры, уменьшалось с еще большей скоростью.

Социальный взрыв 1917 г. показал, помимо всего прочего, очевидную недостаточность мер и масштабов оказания социальной помощи в России, обусловленную, в первую очередь, архаичной и абсолютно неэффективной системой ее организации и предоставления на государственном уровне.

Поэтому один из лозунгов победившей Советской власти – «…действительная материальная помощь по потребностям каждому нетрудоспособному, не имеющему возможности добывать себе средства к существованию» [3, с.16] – стал таким же привлекательным, как лозунги «Мир-народам», «Земля-крестьянам» и др., провозглашая революцию и в сфере социального попечения.

Начало радикальным изменениям в этой сфере было положено изданием уже в ноябре декабре 1917 г. четырех базовых документов: декрета о страховании на случай безработицы, декрета о страховании на случай болезни, положения о Страховом Совете и положения о страховых присутствиях. Согласно этим документам, страхование от болезни и безработицы теперь распространялось на всех наемных рабочих и беднейшее крестьянство, хотя бы частично занятое наемным трудом. При этом размер пособия по болезни должен был соответствовать заработку рабочего, размер пособия по безработице должен был исчисляться, исходя из средней дневной заработной платы в регионе. Заболевшему, кроме пособия, должны были быть предоставлены бесплатная медицинская помощь (в различных ее формах) и бесплатные лекарства. Взносы на страхование были полностью переложены на работодателей.

Но, поскольку складывавшиеся социалистические отношения требовали распространения требуемого социального попечения на все категории населения, в них нуждавшихся, 31 октября 1918 г. был издан декрет о социальном обеспечении трудящихся. Этот документ не только осуществил «целиком прежнюю страховую программу», но и сделал «значительный шаг вперед, сообразно с новыми социалистическими основами Советской России» [3, с.7]. Прежде всего новый закон распространил социальное обеспечение на всех, без исключения, трудящихся: вне зависимости от того, «работают ли они в государственных, национализированных, частных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно. Обеспечению подлежат и трудоспособные члены семьи трудящегося, ведущие домашнее хозяйство» [4, с.2]. Декрет регулировал обеспечение всех случаев «утраты средств к существованию, как вследствие временной нетрудоспособности, вызванной общим заболеванием, увечьем, беременностью и родами, так и вследствие постоянной нетрудоспособности (инвалидности), вызванной болезнью, увечьем, старостью и т.п.» [4, с.2]. Законом предусматривалась и необходимость обеспечения средств существования для безработных, потерявших работу не по своей вине. Более того новый закон обязал создаваемые новой властью органы социального обеспечения заниматься принятием «предупредительных мер против заболеваний, увечий, инвалидности и проч.» [4, с.3]. При этом, каждый трудящийся имел право, в случае заболевания, на «получение всех видов врачебной помощи – первоначальной при внезапных заболеваниях, амбулаторного лечения по всем специальностям, родовспоможения, врачебной помощи на дому, курортно-санаторного лечения, и проч., а также получения лечебных и лекарственных средств, дополнительной пищи, медицинских принадлежностей и вспомогательных средств, необходимых для успеха лечения и облегчения последствий болезни и увечья (очки, костыли, протезы и т.п.) [4, с.3]. Обговаривал закон и право каждого потерявшего трудоспособность или работу (не по своей вине) на получение пособия или пенсии. Вместо пенсии инвалиды могли помещаться в дома инвалидов, в которых они могли и подлечиться, и переучиться.

Революционными стали и изменения в материальном обеспечении вышеперечисленных действий в сфере социального попечения о нуждающихся в нем. Декрет констатировал создание единого Всероссийского фонда социального обеспечения, средства которого формировались из взносов «частных предприятий, учреждений и отдельных работодателей; из взносов национализированных и государственных предприятий и учреждений и из взносов, подлежащих обеспечению в случае отсутствия работодателей» [4, с.6]. В Фонд, кроме этого, были переданы все существовавшие страховые и пенсионные фонды: «фонд безработных, быв. имперский штрафной капитал, капиталы помощи увечным воинам, всевозможные пенсионные фонды, а также все средства больничных, вспомогательно-сберегательных, пенсионных, ссудо-сберегательных, похоронных, эмеритальных и т.п. касс, страховых товариществ и проч.» [4, с. 7]. Органами управления процессом социального обеспечения в молодой республике стали Центральный отдел социального обеспечения и охраны труда при Комиссариате труда и подчиненные ему подотделы при местных Советах депутатов.

Созданный позднее Народный комиссариат социального обеспечения, благодаря расширению соответствующей нормативной базы, расширил и перечень видов социального обеспечения. Сред них – предоставление социального обеспечения нетрудоспособным членам семей трудящихся и военнослужащих; членам семейств рабочих и служащих, занятым домашней работой или уходом за детьми, – при временной утрате трудоспособности и инвалидности; предоставление семьям трудящихся пособия на погребение в случае смерти членов семьи; создание и обеспечение деятельности сети детских учреждений социального обеспечения.

Дальнейшая история системы социальной защиты в СССР связана с ее развитием с целью полной реализации программного положения по всеобщему обеспечению каждого нетрудоспособного по его потребностям. К сожалению, в этом благородном стремлении новая власть категорически и полностью отказалось от тех многовековых традиций в отечественной культуре, которые были связаны с привычкой и стремлением как отдельных, так и организованных граждан заниматься благотворительностью в самых различных ее формах.

Источники и литература

1. Бадя Л. В. Благотворительность и меценатство в России. М: [б.и.], 1993 183 с.
2. Благотворительная Россия. История государственной благотворительности. Т.1. СПб.: Издание княгини О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина,1903. 330 с.
3. Винокуров А. Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму). М.: Государственное издательство, 1921. 16 с.
4. Винокуров А. Н. Новый закон о полном социальном обеспечении трудящихся. М.: Тип. «Ломоносов», 1918. 8 с.
5. Война. (Документы). Минск: Отдел просвещения при В. З. С., 1917. 20 с.
6. Иванова Н. П. История благотворительности в России (вторая половина XIX – начало XX вв). СПб.: О-во памяти Игумении Таисии, 1999. 119 с.
7. Кононова Т. Б. Особенности развития благотворительности в России. М.: Моск. гос. социал. ун-т, 2002. 111 с.
8. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России. СПб.: Пар. типо-лит. Ныркина,1906. 97с.
9. Материалы по организации ремесленного и профессионального обучения увечных воинов. Вып.1. Пг.: Садовая типо-лит. Н. Г. Мазур, 1916. 134 с.
10. Нещеретний П. И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М.: Рос. гос. социал. ин-т.,1993. 31 с.
11. Омылаева Е.В. Благотворительная помощь на курортах КМВ в годы Первой мировой войны // Южные рубежи России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 17–19 ноября 2008 г. Ставрополь: СГУ, 2009. С.171–173
12. Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX вв. Красноярск: КГАУ, 2003.152 с.
13. Павлова О. К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: вторая половина XIX – начало XX веков. СПб.: Изд-во политихнического университета, 2007. 416 с.
14. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997. 185 с.
15. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: автореф. дисс. … доктора ист. наук. М., 1998. 40 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 2. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1045 с.
17. Положение о состоящем под Высочайшие Его Императорские Величества Покровительством Романовском Комитете. Петроград: Государственная типография, 1915. 12 с.
18. Скоч А. В. Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М.: СЭ-Пресс, 2004. 331 с.
19. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX века). СПб.: Лики России, 2006. 648 с.
20. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 402 с.
21. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-Алания). Ф.12. Оп. 2. Д. 182.
22. ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп. 2. Д.1060.
23. ЦГА РСО-Алания. Ф.199. Оп.1. Д.271.

References

1. Badya L. V. Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo v Rossii *(Charity and patronage in Russia)*. Moscow, 1993 183 p. (In Russian).
2. Blagotvoritel'naya Rossiya. Istoriya gosudarstvennoy blagotvoritel'nosti *(History of the state charity)*. Vol.1. St. Petersburg: Published by Princess O. F. Imeretinskaya and P. I. Lykoshin publ.,1903. 330 p. (In Russian).
3. Vinokurov A. Sotsial'noe obespechenie (ot kapitalizma k kommunizmu) *(Social provision (from capitalism to communism)*. Moscow: State publishing house publ., 1921. 16 p. (In Russian).
4. Vinokurov A. N. Novyy zakon o polnom sotsial'nom obespechenii trudyashchikhsya *(New law for the full social privision of wokers)*. Moscow: Lomonosov publ., 1918. 8 p. (In Russian).
5. Voyna. (Dokumenty) *(Documents).* Minsk: Department of Education publ., 1917. 20 p. (In Russian).
6. Ivanova N. P. Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv) *(History of the charity in Russia (the second half of XIX – the beginning XX)*. St. Peterburg: Society for the Memory of Abbess Taisia, 1999. 119 p. (In Russian).
7. Kononova T. B. Osobennosti razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii *(Features of Russian charity)*. Moscow: Moscow state social university, 2002. 111 p. (In Russian).
8. Maksimov E. D. Obshchestvennaya pomoshch' nuzhdayushchimsya v istoricheskom razvitii ee v Rossii *(Public assistance to those in need of its historical development in Russia)*. St. Peterburg: Nyrkin's publ.,1906. 97 p. (In Russian).
9. Materialy po organizatsii remeslennogo i professional'nogo obucheniya uvechnykh voinov *(Materials for organizing handicraft and vocational training for crippled soldiers)*. Issue.1. Petrograd: N.G. Mazur publ., 1916. 134 p. (In Russian).
10. Neshcheretniy P. I. Istoricheskie korni i traditsii razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii *(Historical roots and traditions of the development of charity in Russia*). Moscow: Russian state social institute,1993. 31 p. (In Russian).
11. Omylaeva E. V. Blagotvoritel'naya pomoshch' na kurortakh KMV v gody Pervoy mirovoy voyny *(Charitable assistance at the KMV resorts during the First World War)* // Yuzhnye rubezhi Rossii. Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Stavropol', 17 – 19 noyabrya 2008 g. Stavropol': SSU publ., 2009. P.171 – 173 (In Russian).
12. Pavlova I. P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. *(Social care in Russia in the late 19th – early 20th centuries).* Krasnoyarsk: KSAU publ., 2003.152 p. (In Russian).
13. Pavlova O. K. Predprinimatel'stvo, prizrenie i blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov *(Entrepreneurship, charity and charity in St. Petersburg: the second half of the 19th - early 20th centuries).* St.Petersburg: Political University publ., 2007. 416 p. (In Russian).

14. Pokotilova T. E. Blagotvoritel'nost' v sotsial'noy istorii dorevolyutsionnoy Rossii *(Charity in the social history of pre-revolutionary Russia).* Moscow, 1997. 185 p. (In Russian).
15. Pokotilova T. E. Blagotvoritel'nost' v sotsial'noy istorii dorevolyutsionnoy Rossii: mirovozzrenie i istoricheskiy opyt *(Charity in the social history of pre-revolutionary Russia: worldview and historical experience)*: abstract of thesis. Moscow, 1998. 40 p. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii *(Complete collection of laws of the Russian Empire)*. Vol. 2. St. Petersburg: Department of the Imperial Chancellery publ., 1830. 1045 p. (In Russian).
17. Polozhenie o sostoyashchem pod Vysochayshie Ego Imperatorskie Velichestva Pokrovitel'stvom Romanovskom Komitete *(Regulations on the Romanov Committee under the patronage of His Imperial Majesties)*. Petrograd: State printing house, 1915. 12 p. (In Russian).
18. Skoch A. V. Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii XIX–XX vekov *(Patronage and charity in the national education of the XIX - XX centuries)*. Moscow: SE-Press publ., 2004. 331 p. (In Russian).
19. Sokolov A. R. Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX veka) *(Patronage and charity in the national education of the XIX–XX centuries)*. St. Petersburg: Liki Rossii publ., 2006. 648 p. (In Russian).
20. Ul'yanova G. N. Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii: XIX – nachalo XX veka *(Charity in the Russian Empire: XIX – early XX centuries)*. Moscow: Nauka publ., 2005. 402 p. (In Russian).
21. Central State archive Repiblic North Osetia-Alania (TsGA RSO-Alaniya). F.12. Inv. 2. D. 182. (In Russian).
22. TsGA RSO-Alaniya. F.12. Inv. 2. D.1060. (In Russian).
23. TsGA RSO-Alaniya. F.199. Inv.1. D.271. (In Russian).

Информация об авторе

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.pokotilova@gmail.com

Information about the author

Pokotilova Tatyana – Doctor of History Science, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / t.pokotilova@gmail.com

УДК 947.8(470.62) (470.63)

Н. В. Романова

ТЕАТРАЛЬНАЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ» НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ

В данной статье, опираясь на архивные источники и материалы периодических изданий, автор рассматривает процесс воздействия нового политического курса эпохи «оттепели» на состояние советской культуры и специфику культурной политики партийно-государственного руководства в контексте ее реализации на местах на примере деятельности профессиональных театрально-зрелищных объединений Краснодарского и Ставропольского краев.

В работе подробно анализируется процесс формирования новых направлений в репертуаре музыкальных произведений, театральных постановок и эстрадного репертуара в контексте региональной тематики. Проблема привлечения местных авторов была злободневной, т.к. согласно партийным указаниям эстрадные программы, театральные постановки на местном материале должны были не только «выводить на сцену положительного героя» как пример для тружеников региона, но этот герой должен быть понятным и близким местным жителям. В духе единства теории и практики, провозглашенной новыми партийными вождями, использование образов положительных персонажей из местных приведет к росту энтузиазма тружеников, а значит, к подъему экономики регионов.

Автор уделил внимание оживлению деятельности в конце 1950-х – начале 1960-х гг. жизни музыкальных и театральных общественных организаций Южной провинции на примере местных отделений Всероссийского хорового и Всесоюзного театрального обществ.

На основе анализа источников показана многогранная работа профессиональных театрально-зрелищных объединений Кубани и Ставрополья по художественному воспитанию юных зрителей, освещены новые формы и этой работы. Особое внимание автор обратил на расширение этой деятельности в селах Кубани и Ставрополья.

В статье прослеживается небывалый ранее процесс развития самодеятельного искусства и на его основе выявление народных талантов. В совокупности с шефством профессиональных актеров, музыкантов, режиссеров это привело к появлению в регионах качественной музыкально-театральной подготовки из числа местных жителей и созданию мощных творческих коллективов, которые могли соперничать с профессионалами. Следствием этого стало присвоение лучшим самодеятельным коллективам статуса профессиональных и даже академических ансамблей и театров.

В рамках данной статьи поднят вопрос о таком новом явлении в художественной жизни южной провинции эпохи «оттепели», как организация гастролей зарубежных артистов по городам Ставрополья и Кубани.

Ключевые слова: Южная провинция, «оттепель», общественная жизнь, культурная политика, партийная концепция, музыкальная жизнь, театр.

Nina Romanova

THEATER AND MUSIC CULTURE IN THE KHRUSHCHEV THAW IN KUBAN AND STAVROPOL TERRITORIES

The author examines the process of the impact of a new political course of the Khrushchev Thaw era on the state of Soviet culture and the specifics of the cultural policy of the party and state leadership in the context of its implementation on the ground using the example of the activities of professional theater and entertainment associations Krasnodar and Stavropol Territories.

The work analyzes the process of formation of new directions in music repertoire, theatrical performances and pop repertoire in the context of regional themes. The problem of attracting local authors was the main because party instruction. It required that pop programs and theatrical performances based on local material were supposed not only to “bring a positive character onto the stage” as an example for the workers, but this character should be understandable and close to local residents.

In the spirit of the unity of theory and practice, proclaimed by the new party leaders, the use of images of positive characters from the locals will lead to an increase in the enthusiasm of workers, and, therefore, to the rise of regional economy.

The author paid attention to the revitalization of activity in the late 1950s - early 19600s of musical and theatrical public organizations of the Southern province by the example of local branches of the All-Russian Choral and All-Union Theater Societies.

Based on the analysis of sources, the multifaceted work of professional theatrical and entertainment associations of the Kuban and Stavropol regions on the artistic education of young spectators is shown; new forms of this work are highlighted. The author paid special attention to the expansion of this activity in the villages of the Kuban and Stavropol regions.

The article traces the previously unprecedented process of the development of amateur art and, on its basis, the identification of folk talents. Together with the patronage of professional actors, musicians, directors, this led to the emergence in the regions of high-quality musical and theatrical training from among local residents and the creation of powerful creative teams that could compete with professionals. The consequence of this was the assignment of the status of professional and even academic ensembles and theaters to the best amateur ensembles.

Within the framework of this article, the question is raised about such a new phenomenon in the artistic life of the southern province of the the Khrushchev Thaw epoch, as the organization of tours of foreign artists in the cities of Stavropol and Kuban.

Key words: Southern Province, the Khrushchev Thaw, social life, cultural policy, party concept, musical culture, theater.

Актуальность данной темы связана с тем, что проблемы советской истории, в том числе советской художественной интеллигенции, требуют сравнительного анализа различных ее уровней, в частности центрального и регионального.

Цель работы – на основе архивных источников и местной периодики показать специфику реализации культурной политики в 50–60-е гг. XX в. в Ставропольском и Краснодарском краях на примере деятельности профессиональных театрально зрелищ-

ных объединений. Для достижения цели рассматриваются основные направления работы различных творческих коллективов Южной провинции в контексте официальных идеологических установок.

Художественная культура эпохи «оттепели» стала важным фактором перемен в массовом сознании и одновременно важным элементом общественной активности. Однако свободу творчества, как и прежде, сковывали идеологические ограничения и партийно-государственный диктат, который в регионах был более жестким, чем в Центре. Это создавало сложности в работе художественных учреждений. Оживление художественной жизни, особенно на местах, было достаточно сложным и противоречивым процессом. Речь идет не только о запретительной политике любых отклонений от прямых партийных установок, но и об упрощенном понимании тезиса единства теории и практики. Художественная культура в духе времен пролеткульта объявлялась не только средством воспитания населения, но и прямым орудием решения производственных задач.

Рассмотрим реализацию этой политики на примере деятельности региональных театрально зрелищных объединений. Работа музыкальных коллективов регламентировалась партийными и государственными органами не в меньшей мере, чем литература или театр. Так Ставропольская государственная филармония должна была в своей творческой деятельности руководствоваться постановлением Совета Министров РСФСР от 29 декабря 1951 г., а также постановлениями ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам. Практическая работа была организована согласно указаниям и приказам комитетов по делам искусств при Совете Министров СССР и РСФСР и краевых организаций [11, л.18].

В 50–60-е гг. XX в. театрально-зрелищные объединения Кубани были представлены Краснодарским краевым драматическим театром им. М. Горького, Адыгейским областным драматическим т атром им. А.С. Пушкина, Армавирским драматическим театром им. А. Луначарского, Краснодарским театром кукол и краевой филармонией. На Ставрополье свою творческую деятельность осуществляли: Ставропольский краевой драматический театр им. М.Ю. Лермонтова, Краевой театр музыкальной комедии, Черкесский областной драматический театр, краевая филармония и недавно открывшийся театр кукол. Организация музыкальной жизни регионов, в первую очередь, была сосредоточена в филармониях. На Ставрополье наиболее развитым центром музыкальной жизни был еще с дореволюционных времен район Кавказских Минеральных вод, где базировалась филармония, которая имела коллективы во всех городах-курортах. Однако в связи с реорганизацией всей системы управления культурой в стране в 1956 г. Кавминводская филармония влилась в единую Ставропольскую краевую филармонию с отделениями в Ставрополе, Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Железноводске [11, л.1]. В штате Ставропольской краевой филармонии было 4 эстрадные бригады, музыкально-литературный лекторий, а также Черкесский ансамбль песни и пляски. Музыкально-литературный лекторий регулярно работал до осени 1954 г, а к 1956 г. фактически прекратил свою работу. В связи с новыми веяниями руководство филармонии сосредоточило внимание на выступлениях эстрадных бригад, а просветительская работа была перенесена непосредственно в исполнительские коллективы.

В состав Краснодарской краевой филармонии входил ансамбль песни и пляски Кубанских казаков с хором из 28 человек и танцевальной группой из 13 человек, а также 3-х человек музыкально-баянной группы. Возглавлял ансамбль талантливый хормейстер В. Малышев. Кроме того, на балансе филармонии находился и малый симфонический оркестр. Репертуар филармонических коллективов в основном состоял из произведений советских композиторов, который изредка «разбавлялся» народным фольклором и немногочисленными произведениями местных авторов [3, л.24]. Поэтому особое место занимала проблема создания произведений на местную тематику. Так, Краснодарские композиторы никак не могли установить тесного контакта с краевым отделением писателей. В одном из документов говорилось, что «музыканты чувствуют постоянную нехватку оригинальных, высокохудожественных стихотворных текстов для своих произведений» [19, с.3]. Пассивную позицию по отношению к композиторам занимало и краевое книгоиздательство, постоянно отмахиваясь от попыток издать сборник песен кубанских авторов. Работники краевого радио также уделяли крайне мало внимания пропаганде местной музыки. В связи с приходом в 1954 г. на пост руководителя Краснодарской краевой филармонией кубанского композитора и фольклориста Г. Плотниченко, ситуация резко изменилась. Ряд его песен было рекомендовано к изданию [19, с.3].

Проблема привлечения местных авторов была злободневной и для театров Кубани и Ставрополья. Ставропольский краевой драмтеатр не оставлял без внимания работу с местными авторами. На его сцене были поставлены пьесы известных ставропольских писателей В. Туренской и П. Мелибеева «Своя линия» и «На перекрестке дорог», М. Никольского – «Ветер с Запада». Тем не менее, в адрес руководства драмтеатра в 1955 г. прозвучала жесткая, несправедливая партийная критика. В партийном документе утверждалось, что в течение ряда лет не было поставлено ни одной пьесы, созданной ставропольскими писателями. Это противоречило фактам. В 1955 г. театр подготовил новый спектакль по пьесе П. Мелибеева «Товарищ Ксения».

Говоря о местной тематике, особо надо выделить вопрос об эстрадном репертуаре. Эстрадные программы на местном материале согласно партийным указаниям должны были выводить на сцену не только сатирические образы, отражавшие недостатки, но, в первую очередь, положительного героя. Такой образ призван был стать примером для тружеников региона, и таким способом, в духе партийной концепции, способствовать подъему экономики Кубани и Ставрополья. В реальности работа по созданию эстрадного репертуара по местным сюжетам велась крайне вяло, не было сотрудничества с местными авторами в области эстрадного искусства. Так в 1956 г. работники филармонии в ответ на обращение к ставропольским литераторам поучали «отказ работать в области малых форм – фельетоны, скетчи» [13, л.31]. «Репертуарный голод» испытывали и артисты разговорного жанра Кубани. Кубанские писатели почти ничего не писали для эстрады.

Исключение составляли молодые авторы. С большим успехом шло обозрение С. Ольгина «И в шутку и в серьез», конферанс В. Киселева и В. Тихомирова «Мы с Кубани».

Было бы неправильно сказать, что до 1956 г. ничего не делалось в области повышения качества спектаклей и музыкальных программ. Работали репертуарные комиссии, была организована пропаганда классической музыки, делались попытки повысить квалификацию артистов. Однако партийные догмы, финансовая нищета порождали состояние стагнации в жизни театральных и музыкальных коллективов. Тем не менее, источники свидетельствуют, что перемены в общественно-политической жизни страны в середине 1950-х гг. позитивно повлияли и на культурную жизнь регионов. Это в полной мере относится и к работе профессиональных общественных объединений.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. большую роль в культурной жизни страны стали играть музыкальные и театральные общественные организации. С 1959 г. на территории Ставропольского и Краснодарского краев стали действовать местные отделения Всероссийского хорового общества. На Кубани его возглавил Г. Плотниченко [6, л.3], а на Ставрополье – молодой композитор Н. Зинченко. Под эгидой общества создавались интересные хоровые коллективы, пропагандировались местные авторы. Например, Ставропольское хоровое общество подготовило к изданию 3 сборника песен «местных композиторов Н. Зинченко, Л. Яресько, М. Севрюкова. Н. Зинченко много лет руководил на общественных началах хором мальчиков «Орлята» [26, с.2].

В связи с общим оживлением общественной жизни страны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. активизировалась и деятельность Всесоюзного театрального общества (ВТО). Шире стала оказываться творческая помощь провинциальным театрам. Для начинающих местных артистов организация Ставрополья провела 5 занятий по овладению наследием К.С. Станиславского. Представители ВТО участвовали в творческих обсуждениях новых спектаклей Ставропольского драмтеатра. В начале 60-х гг. Ставропольское отделение ВТО два раза в месяц проводило занятия с молодежью театров по повышению квалификации по дисциплинам «Мастерство актера» и «Техника речи» [16, л.3]. Члены правления ВТО организовывали обмен опытом между театрами соседних краев и областей. По рекомендации Москвы практиковались выезды актеров Ставропольских театров в Ростов, Краснодар и наоборот. Например, с 16 по 19 декабря 1956 г. в Ростов были командированы актеры Ставропольского краевого драматического театра Г. Георгиевский, Е. Писаренко, Б. Дымченко, Б. Данильченко, К. Македонский [15, л.17].

Силами членов ВТО оказывалась помощь художественной самодеятельности. В 1953 г. был организован просмотр и разбор спектаклей самодеятельного клуба им. Гофицкого и нефтяного техникума в Ставрополе. Эти спорадические усилия во второй половине 1950-х гг. сменились более организованной работой. В 1957 г. краевое правление ВТО приняло решение организовать при всех театрах края комиссии содействия сельской самодеятельности [14, л.26].

Наряду с активизацией ВТО и созданием хорового общества оживилась исполнительская деятельность музыкальных и театральных коллективов. Показательна в этом отношении работа Краснодарской краевой филармонии. К 1956 г. ее творческий коллектив увеличился и объединял 52 артиста. На порядок выросло число их выступлений. Так, если за 1956 г. было дано 1507 концертов, то за 1957 г. – 2605. Расширилась работа музыкального лектория за счет создания системы филиалов, которые были организованны на заводе измерительных приборов, в станице Крымской, у нефтяников станицы Черноморской. В 1956–1957 гг. по краю их действовали уже 13 таких филиалов. Всего за 1957 г. были организованы 221 лекций-концертов [4, л.2]. Не отставала и Ставропольская филармония. В середине 1950-х гг. ее эстрадные бригады 60% концертов давали непосредственно в колхозах, совхозах, МТС [12, л.49].

В это время самостоятельной задачей стала активизация художественного воспитания юных зрителей. Это направление было определено как приоритетное в культурной политике партийных органов во второй половине 1950-х гг. Краснодарская филармония даже организовала в своей структуре детский сектор. В сезон 1956–1957 г. было организованно 6 музыкальных филиалов для детей [4, л.2].

К этому же времени относится и становление Ставропольского кукольного театра, который тогда еще не имел самостоятельного статуса и входил в состав краевой филармонии. Обладая большими творческими возможностями, он уже был достаточно известен, и любим юными зрителями. Имеется свидетельство о восторженных откликах юных и взрослых зрителей по поводу выступления театра в апреле 1956 г. в Суворовском районном Доме пионеров [21, с.4]. Артисты также выступили в Александровском, Круголесском, Томузловском селах. Выступали перед ребятишками и взрослые эстрадные бригады, концерты которых за период весенних каникул в Георгиевском районе посетили 4 тысячи учащихся [25, с.3].

Большой опыт распространения музыкальных знаний среди школьников накопила Краснодарская краевая филармония. Выполняя приказ Министерства культуры об улучшении музыкальной пропаганды среди школьников, сотрудниками филармонии были подготовлены 5 лекций-концертов для детей, среди которых были программы «Что такое музыка и как ее слушать», «Композиторы – детям», «Концерт – загадка» [5, л. 24].

Постепенно менялся репертуар театров региона. Примечательной особенностью театрального репертуара 1950-х гг. было наличие большого числа постановок комедийного жанра, особенно лирических и бытовых. Потребность общественного сознания в жизнерадостных, легких и светлых зрелищах призвано было смягчить травмы, нанесенные войной и трудностями восстановительного периода, соответствовали переходу общества к более стабильной мирной жизни. Это было время обращения к жанру советской сатирической комедии. Так в Ставропольском драмтеатре были поставлены «Раки» и «Дикари» С. Михалкова, «В поисках радости» В. Розова.

Однако ведущим фактором качественности исполнительского репертуара в тех условиях оставалось

идейное соответствие произведений основным политическим установкам советского руководства. Вследствие этого, партийные вожди требовали от театров постановок на современную советскую тематику. Следуя этим требованиям, Черкесский областной драматический театр уже в 1955 г. основное внимание уделял постановке современных пьес. То же можно говорить и о репертуаре краснодарских театров.

Обновление репертуара было характерно и для филармоний. В провинции это было сопряжено с рядом трудностей. У местных коллективов был острый недостаток в произведениях советских композиторов, особенно для эстрадных групп. При строгом контроле над эстрадным репертуаром со стороны партийно-государственной власти такой материал, как правило, спускался сверху. Вместе с тем, Главное управление музыкальных учреждений чрезмерно редко рассылало на места рекомендательные списки и сам литературный и эстрадный материал. Новинки «добывались» исполнителями путем записи радиопередач на магнитофон и с пластинок, так как приобрести ноты новых произведений на периферии было невозможно [3, л.13].

В то же время даже очень талантливые произведения советских драматургов могли быть подвергнуты разгрому, если в них автор переходил границы дозволенной критики советской действительности. Так спектакль Ставропольского драмтеатра по пьесе А. Макаенка «Камни в печени, или Извините, пожалуйста» был осужден местными властями за то, что под обстрелом сатиры оказались непартийные, антигосударственные методы руководства колхозным строительством.

Отличительной чертой требований, предъявляемых к профессиональным мастерам искусств со стороны государственных и партийных органов, было их участие в организации художественной самодеятельности в трудовых коллективах. Еще в 1947 г. вышел приказ Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР «Об организации систематического обслуживания районных Домов культуры и укомплектовании их художественными руководителями», в котором подчеркивалась обязательность шефства театров и концертных организаций над районными Домами культуры. Согласно этому требованию за Ставропольским краевым драматическим театром были закреплены кружки Ворошиловского, Старо-Марьевского и Егорлыкского районов, за Черкесским областным драматическим театром – кружки районов Черкесской области, за краевым театром музыкальной комедии – коллективы Горячеводского, Кисловодского, Минводского, Ессентукского районов [9, л.18].

Благодаря помощи профессионалов на Ставрополье появились сильные в художественном плане драматические кружки в Петровском, Дмитриевском, Буденовском, Зеленчукском районах. Еще более широко развивались самодеятельные театры в Краснодарском крае, где действовало 1492 самодеятельных театральных коллектива [18, л.87].

Однако наиболее широко и систематически такая работа профессиональных творческих коллективов развернулась в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда власть обратила особое внимание на развитие художественной самодеятельности в стране. Большую роль в успешной постановке художественной самодеятельности в регионах играла согласованность действий профессиональных коллективов с краевыми Домами народного творчества. В Краснодарском крае краевая филармония работала в тесном контакте с краевым Домом народного творчества. Много сил развитию художественной самодеятельности на Кубани отдавали такие известные деятели, как композитор Г. Плотниченко, заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР А. Александров, режиссеры Т. Гагава, В. Арбенин, актриса Л. Воробьева, искусствовед А. Ломоносов [7, л.7].

Ставропольское управление культуры и краевой Дом народного творчества в 1959 г. организовали стажировку 10 руководителей кружков из трех районов края у режиссеров Ставропольского краевого драматического театра А. Шумилина и В. Сумкина. Партийное бюро и местный комитет драмтеатра совместно с местным отделением Всероссийского театрального общества (ВТО) 26 апреля 1960 г. приступили к организации театра-спутника в Михайловском ДК. В 1962 г. при Ставропольском краевом Доме народного творчества была создана народная театральная студия. В ней работали на общественных началах главный режиссер местного драмтеатра, заслуженный деятель МА ССР М. Толчинский и артисты театра Ф. Абакумов и В. Фоменко. В 1961–1962 гг. здесь были созданы постоянные театральная и музыкально-хоровая секции. Ими руководили режиссер М. Мирошниченко и композиторы Н. Зинченко, Л. Яресько, Т.Черепкова [10, л.7–10].

Регулярное привлечение профессиональных мастеров к помощи любительским коллективам способствовало повышению их исполнительского уровня. В результате этого многие любительские коллективы получали звания «народный». Следует также заметить, что работа по организации самодеятельности была весьма плодотворной и для профессиональных коллективов, поскольку являлась хорошей школой для выявления народных талантов, которые, получив подготовку либо в народных студиях, либо в специальных учебных заведениях, пополняли кадры творческих работников.

Рассматривая социальный аспект развития художественного творчества в регионах в рамках официальных учреждений и организаций, хочется отметить, что в жизни местных театров начала 1950-х гг. наиболее острой была проблема их материального существования. Приход в Ставропольский драматический театр в 1953 г. нового режиссера заслуженного деятеля искусств Г. Георгиевского был отмечен в документах того времени не только как возможность улучшить художественное качество спектаклей, но и как условие повышения организационной дисциплины, когда театр стал выпускать спектакли в установленные сроки. Это позволило, в свою очередь, повысить доходную часть от спектаклей. Оставался убыточным Ставропольский краевой театр музыкальной комедии. Дело в том, что в летний период на Кавминводах гастролировали столичные театры и многочисленные коллективы из столицы, составляя непосильную конкуренцию скромному провинциальному театру.

Крайне слабым было обеспечение театров транспортом, что входило в противоречие с жесткими партийными требованиями по культурному обслуживанию сельских жителей. Так, в Армавирском театре, где коллектив значительную часть времени

проводил в концертных поездках по региону, катастрофически не хватало автотранспорта. Коллектив театра только за 1953 г. показал в колхозах, совхозах, МТС и на полевых станах 31 района 160 спектаклей [22, с.3]. Ограниченным был лимит на горюче-смазочные материалы и на постановочные материалы, что ограничивало возможности показа спектаклей в сельских районах.

То же можно сказать и о состоянии материально-технической базы Черкесского областного драматического театра. Его коллектив преимущественно гастролировал в районах края и только в 1952 г. получил право гастролировать в городах КМВ, в Ставрополе, и Краснодарском крае. Дотация театру составляла мизерную сумму – всего 100 тысяч рублей. В 1953 г. театр из-за финансовых трудностей смог подготовить к показу только 9 из 12 планируемых спектаклей. Труппа работала на площадках с плохим освещением, малой вместимостью. Большинство помещений в зимнее время не отапливались. Нехватка работников вынуждала руководство систематически нарушать финансовую дисциплину. В штате театра не было ни кассира, ни уборщицы, ни гардеробщицы, ни заведующего постановочной частью, имелся всего один электрик. В результате этого на мероприятия в районных центрах края, селах и аулах приглашались работники на разовую оплату [8, л.45]. И таких примеров достаточно много. Значительное время люди терпели и отвечали на это или слабой работой, или увольнением.

Ситуация принципиально изменилась после XX съезда партии. Как будто почувствовав дыхание свободы, творческие работники стали более смелыми в своих суждениях и критике в адрес вышестоящих начальников. Ярким примером является профсоюзно-производственное собрание коллектива Ставропольской филармонии 1956 г. На собрании присутствовали, как всегда, представители краевого Управления культуры и горкома КПСС. Но это не остановило артистов. Они говорили о своей нищете, когда актеры ездили на гастроли в районы края без выплаты командировочных средств. Часто нарушались сроки выдачи заработной платы. Более того, резкие замечания прозвучали в адрес местных партийных и государственных органов: «Давали они многозначительные обещания, записывали нужды и просьбы артистических коллективов в солидные блокноты, но … вот уже почти полгода прошло, а каких-либо существенных изменений в условиях работы артистов эстрадных бригад не произошло» [20, с.3].

Более настойчиво к проблеме условий труда и жизни творческих работников стали обращаться коллективы Кубани. Во второй половине 1950-х гг., когда в крае увеличился поток гастролирующих коллективов, обнаружилась настоятельная потребность в большом концертном зале в краевом центре. Зал местной филармонии вмещал всего 475 мест, что ограничивало возможности приглашать большие творческие коллективы. Концертное помещение на 1200–1500 мест позволило бы обеспечить не только больший охват зрителя, но и снизить стоимость билетов. По мнению администрации, это дало бы возможность сделать концерты общедоступными. Не менее острым вопросом было обеспечение творческих работников жильем. Дирекция и партийная организация филармонии неоднократно обращались во все вышестоящие инстанции по вопросу предоставления работникам филармонии хотя бы общежития.

Новым явлением после 1956 г. стала организация в регионе гастролей зарубежных артистов. Это касалось, прежде всего, музыкальной классики. Зарубежная же эстрада была еще не доступна для зрителей южной провинции, но «железный занавес» уже был приподнят, и советские люди могли приобщаться к достижениям мирового искусства. В сезон 1956 – 1957 гг. на концертных площадках Краснодара выступали представители зарубежного искусства, среди которых были «Малая балетная группа» из Бомбея (Индия), Мексиканский балет Хосефины Ловалье и Оскара Пуэнтэ, монгольский ансамбль, корейский театр [4, л.5].

Этот прорыв отразился и на программах филармонических коллективов. Например, в 1959 г. для эстрадных бригад Краснодарской филармонии наряду с тематическими программами «Хороши вечера на Кубани», «У нас на Кубани» была подготовлена специальная программа для эстрадной бригады Гарри Гольди, которая посвящалась содружеству и мирному соревнованию великих держав СССР и США. Символом этого было сотрудничество Кубани со штатом Айова [4, л.1].

На Ставропольской земле искусство народного танца и песни показали артисты из Вьетнама и Эфиопии. Состоялись концерты местного симфонического оркестра под управлением немецкого дирижера Хорста Штайна и югославского дирижера Оскар Данон [1, с.4]. В 1963 г. во время гастролей на КМВ Ленинградского симфонического оркестра под управлением дирижера Е.А. Муравинского представили свое мастерство английский дирижер Рудольф Дунбар и кубинский – Бенджамин Стейнберг [23, с.4].

Процесс либерализации эпохи «оттепели» затронул и национальную политику, что, безусловно, получило определенный отклик и в области культуры. Так 24 января 1957 г. увидел свет приказ Министерства культуры РСФСР «Об улучшении обмена культурными ценностями между автономными республиками, областями, краями РСФСР и союзными республиками», отразивший эти тенденции. Министерство рекомендовало главному управлению по делам искусств провести в сезон 1957–1958 гг. Северо-Кавказскую театральную весну с участием театров Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Лучшие спектакли предполагалось показать в Москве.

В контексте этих процессов наблюдается оживление национальных коллективов, работавших на территории Кубани и Ставрополья. Бывший Черкесский театр стал областным Карачаево-Черкесским драматическим театром. Повышение статуса театра сразу же отразилось и на его кадрах, и в его репертуаре. В 1960-е г. были созданы интересные спектакли по пьесам, ставшим советской классикой. Это – «Любовь Яровая», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая». Ставилась русская классика, в частности, спектакли «Враги», «Васса Железнова». Однако главной отличительной чертой репертуара театра стал тот факт, что национальная драматургия заняла прочное место в работе коллектива. Шли спектакли «Фатима» К. Хетагурова, «Дорога к сча-

стью» К. Керашева. В программе театра были постановки не только на русском, но и национальных языках – «В нашем ауле» А. Абдокова, «Среди горцев» Х. Карданова [15, л. 23].

Начало 1960-х гг. отмечено подъемом театрального и музыкального дела в Адыгее. Больше стало уделяться внимания произведениям национальных авторов на кубанской эстраде. В ноябре 1960 года Адыгейским книжным издательством даже был выпущен сборник песен, в него вошли песни о Родине, партии, счастливом и мирном труде, тексты и которых были написаны адыгейскими поэтами М. Таранук, Х. Беретарь, КиримизеЖанэ, Х. Ашиновым на музыку композиторов Адыгеи [24, с.3].

Адыгейский областной драмтеатр им. А. С. Пушкина, расположенный в Майкопе, по принципам подбора репертуарам, с одной стороны, мало, чем отличался от любого провинциального театра. Спектакли театра шли в постановке, как русских, так и адыгейских режиссеров. В то же время, как и другие национальные театры того времени, коллектив Адыгейского театра делился на две труппы: русскую и адыгейскую. Всего в сезоне 1962 г. было поставлено 17 спектаклей, из которых 14 показала русская труппа, а 3 – адыгейская. Например, пьеса Р. Хубецова «Песня Софии» была подготовлена адыгейской труппой на родном языке [17, л.95].

Таким образом, в эпоху «оттепели» на Ставрополье и Кубани активизировалась вся художественная жизнь, в том числе, театральная и музыкальная. Это сказалось на интенсивности работы культурных учреждений, на укреплении их материальной базы. Постепенно, хотя и очень медленно, менялся репертуар театров и музыкальных коллективов. В условиях сохранения жесткой идеологической цензуры этот сдвиг, в отличие от столиц, происходил не в сторону постановки острых общественных вопросов, но в область частных проблем. На наш взгляд, плодотворным была разработка местной тематики, связанная, в том числе с собиранием неповторимого местного фольклора. Кроме того, в те годы творчески работники лучше узнали повседневную жизнь местного населения, особенно на селе. В связи с этим стало более предметным и направленным культурное просвещение среди различных слоев, немаловажным была работа по подъему уровня массовой культуры в регионе и стране.

Источники и литература

1. В. Ешенко. Большое театральное лето // Кавказская здравница. 1961. 1 мая
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). ФР. 1693. Оп.1. Д. 48.
3. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 59.
4. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 75.
5. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 83.
6. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 95.
7. ГАКК. ФР. 1731. Оп. 1. Д. 6.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР.3798. Оп.1. Д. 3.
9. ГАСК. ФР. 3815. Оп.1. Д. 14.
10. ГАСК. ФР. 3815. Оп.1. Д. 114.
11. ГАСК. ФР. 3992. Оп.1. Д.52.
12. ГАСК. ФР. 3992. Оп.1. Д.58.
13. ГАСК. ФР. 3992. Оп.1. Д. 73.
14. ГАСК. ФР. 4085. Оп.1. Д. 6.
15. ГАСК. ФР. 4085. Оп.1. Д. 16.
16. ГАСК. ФР. 4085. Оп. 1. Д. 38.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-501. Оп.1. Д. 3895.
18. ГАРФ. Ф.628. Оп.2. Д. 457.
19. Г. Плотниченко. Что волнует композиторов Кубани // Советская Кубань. 1953. 4 октября.
20. Г. Расторгуев // Ставропольская правда. 1956. 24 ноября.
21. Знамя труда // 1956. 19 апреля.
22. И. Самохвалов. Театр и сельский зритель // Советская Кубань. 1953. 28 декабря.
23. На гастролях ленинградцы // Кавказская здравница. 1963. 5 июля.
24. Новый сборник песен // Советская Кубань. 1960. 26 ноября.
25. Сталинское слово. 1956. 11 мая.
26. С.Хабаров. Ключом забила творческая жизнь // Молодой ленинец. 1959. 3 января.

References

1. V. Eshenko. Bol'shoe teatral'noe leto *(The great summer of the theater)* // Kavkazskaya zdravnitsa. 1961. May 1. (In Russian).
2. State archve of Krasnodar territory (GAKK). FR. 1693. Inv.1. D. 48. (In Russian).
3. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 59. (In Russian).
4. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 75. (In Russian).
5. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 95. (In Russian).
7. GAKK. FR. 1731. Inv. 1. D. 6. (In Russian).
8. State archve of Krasnodar territory (GASK). FR.3798. Inv.1. D. 3. (In Russian).
9. GASK. FR. 3815. Inv.1. D. 14. (In Russian).
10. GASK. FR. 3815. Inv.1. D. 114. (In Russian).
11. GASK. FR. 3992. Inv.1. D.52. (In Russian).
12. GASK. FR. 3992. Inv.1. D.58. (In Russian).
13. GASK. FR. 3992. Inv.1. D. 73. (In Russian).
14. GASK. FR. 4085. Inv.1. D. 6. (In Russian).

15. GASK. FR. 4085. Inv.1. D. 16. (In Russian).
16. GASK. FR. 4085. Inv. 1. D. 38. (In Russian).
17. State archve of Russian Federation (GARF). F.A-501. Inv.1. D. 3895. (In Russian).
18. GARF. F.628. Inv.2. D. 457. (In Russian).
19. G. Plotnichenko. Chto volnuet kompozitorov Kubani *(What worries the composers of the Kuban)* // Sovetskaya Kuban'. 1953. October 4. (In Russian).
20. G. Rastorguev *(G. Rastorguev)* // Stavropol'skaya pravda. 1956. November 24. (In Russian).
21. Znamya truda *(Flag of Labour)* // 1956. April 19. (In Russian).
22. I. Samokhvalov. Teatr i sel'skii zritel' *(A theater and a villager)* // Sovetskaya Kuban'. 1953. December 28. (In Russian).
23. Na gastrolyakh leningradtsy *(The artists from Leningrad on the tour)* // Kavkazskaya zdravnitsa. 1963. July 5. (In Russian).
24. Novyi sbornik pesen *(New collection of songs)* // Sovetskaya Kuban'. 1960. November 26. (In Russian).
25. Stalinskoe slovo. 1956. May 11. (In Russian).
26. S.Khabarov. Klyuchom zabila tvorcheskaya zhizn' *(Creative life has seethed)* // Molodoi leninets. 1959. January 3. (In Russian).

Информация об авторе

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / history_ d03@mail.ru

Informetion about the author

Romanova Nina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / history_d03@mail.ru

УДК 327.2.5

Г. Н. Рыкун, Т. Н. Плохотнюк

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье прослеживается динамика развития кризисных тенденций, с одной стороны, внутри капиталистического мира, обусловленных итогами Первой мировой войны и заключением Версальского мирного договора, с другой, – между капиталистическими державами и советским государством. На этом фоне показаны реваншистские устремления Германии времен Веймарской республики, раскрыт процесс становления национал-социалистического режима в Третьем рейхе, втянувшего человечество во Вторую мировую войну. Ведущие державы капиталистического мира в своем стремлении к мировому господству, расширению рынков сырья и сбыта и сохранению установленного ими миропорядка предпринимали безуспешные попытки изоляции СССР от участия в решении важнейших международных проблем и снижения его внешнеполитической активности, прежде всего, в вопросах поддержки национально-освободительных движений и ликвидации мировой колониальной системы. Подстрекаемые радикально настроенными ультраправыми политическими силами, представлявшими в правительствах крупные промышленные монополии, западные державы намеревались расширить свои владения за счет германских афро-азиатских колоний, однако и эти планы оказались несбыточными. Германия, униженная и ограниченная в действиях требованиями Версальского договора, не только смогла защитить свои международные интересы, но и обозначить претензии на расширение жизненного пространства для арийцев. В конце концов, Запад, разделенный на два противостоящих друг другу блока, решил использовать жесткий внешнеполитический курс германского руководства против Советского Союза. В этих целях он настойчиво проводил политику умиротворения германского милитаризма и игнорировал многочисленные советские инициативы, направленные на создание коллективной системы безопасности в Европе. В силу изложенных выше причин Запад не смог дать объективную оценку предложениям советского руководства, тем самым способствовал развязыванию фашистской Германией самого масштабного в истории человечества мирового военного конфликта.

Ключевые слова: страны капиталистического мира, Версальская система международных отношений, кризис капитализма, колониальная политика, Германия, милитаризация экономики, советские инициативы.

Galina Rykun, Tatyana Plohotnjuk

THE SECOND WORLD WAR AS A RESULT OF THE CRISIS OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20–30s OF THE XX CENTURY

The article traces the dynamics of the development of crisis trends, on the one hand, within the capitalist world, conditioned by the results of the First World War and the conclusion of the Versailles Peace Treaty, on the other, between the capitalist powers and the Soviet state. Against this background, the revanchist aspirations of Germany during the Weimar Republic are shown, the process of the formation of the National Socialist regime in the Third Reich, which dragged humanity into the Second World War, is revealed. The leading powers of the capitalist world, in their striving for world domination, expanding the markets for raw materials and sales and preserving the world order established by them, made unsuccessful attempts to isolate the USSR from participating in solving major international problems and reducing its foreign policy activity, primarily in supporting national liberation movements and elimination of the world colonial system. Encouraged by radical ultra-right political forces that represented large industrial monopolies in governments, the Western powers intended to expand their possessions at the expense of the German Afro-Asian colonies, but these plans also turned out to be unrealizable. Germany, humiliated and limited in action by the requirements of the Treaty of Versailles, was not only able to defend its international interests, but also to designate claims to expand living space for the Aryans. In the end, the West, divided into two opposing blocs, decided to use the tough foreign policy course of the German leadership against the Soviet Union. To this end, it persistently pursued a policy of appeasing German militarism and ignored numerous Soviet initiatives aimed at creating a collective security system in Europe. For the reasons set out above, the West was unable to give an objective assessment of the proposals of the Soviet leadership, thereby facilitating the unleashing of the world's largest military conflict in the history of mankind by fascist Germany.

Key words: countries of the capitalist world, the Versailles system of international relations, crisis of capitalism, colonial policy, Germany, militarization of economy, Soviet initiatives.

Вторая мировая война 1939–1945 гг. является самым масштабным, жестоким и разрушительным военным конфликтом в истории XX в. В вооруженное противоборство было втянуто 62 государства, расположенные на трех континентах, или 4/5 населения всей планеты. Основные боевые баталии на суше развернулись в 40 государствах на трех континентах, на воде – в акваториях четырех мировых океанов. В общей сложности в армии воюющих сторон было мобилизовано более 110 млн человек. Список жертв Второй мировой войны, по разным данным, включает в себя от 55 до 65 млн человек, из них почти 27 млн являются советскими гражданами. Только в Ленинграде за время блокады погибло людей больше, чем совокупные потери США и Великобритания в течение всей Второй мировой войны. С 1939 по 1945 год в концентрационных лагерях фашистской Германии побывало 18 млн человек, из них 2/3 были уничтожены [6, с. 146–151].

За время Великой отечественной войны на территории СССР полностью или частично было разрушено 1710 городов, более 70 тысяч сельских населенных пунктов, десятки тысяч промышленных предприятий. Их восстановление обошлось стране почти в 130 млрд. долларов США. Для понимания величины ущерба, нанесенного фашистами Советскому Союзу, отметим, что Польше и Франции, вместе взятым, на восстановление разрухи после войны потребовалось немногим более 40 млрд. долларов [11, с. 121].

Такова цена, которую пришлось заплатить за безрассудную политику ведущих капиталистических

держав, которые ради удовлетворения политических амбиций правящих кругов, завладения рынками сбыта, новыми источниками сырья и рабочей силы стремились к расширению колониальных владений за пределами своих территорий. Вместо использования цивилизованных форм конкурентной борьбы за свои политические и экономические интересы они отдали предпочтение политике шантажа, захвата и порабощения народов, ущемления их национального достоинства, лишения государственного суверенитета. Внешнеполитическая атмосфера, сложившаяся после заключения Версальского мирного договора по итогам Первой мировой войны, вовсе не способствовала гармонизации международных отношений. Напротив, внутри капиталистического мира еще сильнее углубились противоречия, наметился раскол, в результате которого образовались два противоборствующих центра. США и странам Антанты (Англии и Франции) противостоял союз милитаристских режимов Германии, Италии и Японии. Между этими союзами находился СССР, который занял пацифистскую позицию в международных делах, придерживаясь принципов мирного сосуществования, выступая против колониальной политики западных держав, исключения из практики международных отношений насилия и несправедливости. Это обстоятельство осложняло положение советского государства, политика которого по разным причинам не устраивала оба капиталистических союза.

Руководители стран Антанты и Четверного союза после неудавшейся интервенции в Россию в 1918–1921 гг. сразу же заговорили о необходимости создания «санитарного кордона» вокруг страны Советов. Это намерение нашло отражение и в ряде документов, правда, на официальном уровне и в открытой печати употреблялся термин «линия обороны». Страны западной Европы беспокоило расширение национально-освободительного движения в колониях и распространение революционных настроений в рабочей среде на собственной территории. Поэтому решение о создании «линии обороны», а, по сути, защитного барьера вдоль западных границ СССР было продиктовано стремлением изолировать очаг распространения идей большевизма от остальной европейской территории [24, p. 481–482].

В рассматриваемый период Германия строила реваншистские планы, стремясь освободиться от жестких и унизительных условий Версальского договора. По итогам Первой мировой войны она потеряла все завоеванные территории, в том числе колонии, большая часть территории Веймарской республики была демилитаризована. Под влиянием революционных перемен в России участились протесты немецкого рабочего класса против засилья крупных монополий, на волне демократических перемен появились самопровозглашенные образования. В такой обстановке противоречия внутри капиталистического мира приобретали антагонистические черты, что способствовало выходу на политическую арену крупных держав ультраправых сил, выступавших под демократическими лозунгами, но стремившихся к установлению диктаторских режимов.

Свою лепту в обострение отношений в мировой политике внесли экономически окрепшие монополистические объединения, игравшие ключевую роль в расстановке политических сил и формировании институтов власти в западных государствах. Сконцентрировав в своих руках огромные капиталы, они стремились к закреплению господства в экономической сфере, расширению рынков сырья и сбыта. Все это значительно усиливало агрессивность западной внутренней и внешней политики, хотя ее идеологи не уставали декларировать приверженность демократическим принципам и стремление к установлению мирных отношений с остальным миром. Однако реальное положение дел в международной сфере в корне противоречило этим заявлениям, а очередной пленум Исполкома Коминтерна в 1927 году назвал их лицемерными и издевательскими [5, с. 85]. С такой оценкой западной политики в рассматриваемый период согласились даже те, кто продолжал вершить эту политику во времена «холодной войны» [16].

Это является еще одним подтверждением того, что Версальская система не устраняла противоречия, а накалила обстановку в капиталистическом мире, обнажила его агрессивную сущность. Соединенные Штаты Америки пытались использовать созданную в рамках этой системы Лигу наций для контроля и определения направлений развития мирового порядка, однако, западноевропейские государства оказали сопротивление американскому диктату. В то же время Лига наций активно пользовалась коллективным Западом для нейтрализации миролюбивых инициатив Советской России [22].

После неудачной попытки использовать международную трибуну в своих корыстных целях США выдвинули идею перераспределения афро-азиатских колоний, что также вызвало негативную реакцию со стороны метрополий Западной Европы, каждая из которых рассчитывала получить свой лакомый кусок от германского колониального пирога. Что касается самой Германии, то, несмотря на жесткие требования Версальского договора, она смогла сохранить достаточный военно-промышленный потенциал, позволяющий ей не только отстаивать свои интересы, но и ставить условия соседним державам [25, p. 357]. Более того, крупные промышленники и представители добывающих концернов после установления в Германии национал-социалистического режима не скрывали стремления к расширению колониальной империи, прежде всего за счет освоения восточноевропейских территорий, населенных славянскими народами, в том числе и европейской России [19]. Стало очевидно, что германский деловой мир рассчитывает на возрождение могущества страны, и будет стимулировать политическую верхушку к реализации жесткого внешнеполитического курса.

Таким образом, ведущие капиталистические державы не только натравливали своих союзников на Советскую Россию, они преднамеренно сталкивали их между собой в целях предотвращения и недопущения развития революционных тенденций, занимались перераспределением колониальных владений. Например, Италия за участие в войне на стороне США и Антанты получила земли, ранее принадлежавшие Австро-Венгрии, целый ряд африканских колоний Германии расширили владения победителей в Первой мировой войне. Через три года после

подписания Версальского мирного договора в Вашингтоне прошла конференция капиталистических государств с целью упорядочения вопросов, касавшихся владений в бассейне Тихого океана, а также ограничения японских притязания к Китаю. В результате был создан так называемый «Четверной тихоокеанский трактат», в составе США, Великобритании, Франции и Японии, которые распределили между собой сферы эксплуатации Китая [2]. При этом каждый участник трактата отстаивал свои собственные интересы, которые, несмотря на договоренности, сохранили остроту многочисленных англо-американских, англо-японских, американо-японских, франко-итальянских, англо-французских и других противоречий. Пожалуй, самыми непримиримыми в этот период являлись американо-японские противоречия, обусловленные стремлением двух держав к мировому лидерству, что исключало возможность мирного урегулирования, назревавшего между ними конфликта.

Динамично нарастала напряженность и в отношениях США с капиталистическими странами Европы, что непременно сказывалось на устойчивости и эффективности Версальской системы международных отношений. Атмосферу недоверия внутри капиталистического мира создавала и внешнеполитическая деятельность СССР, которая ограничивала возможности порабощения стран третьего мира. Неприятие позиции Советского Союза в международных делах стало объединяющим фактором для капиталистических государств. Это не является свидетельством отказа от взаимных претензий, их наличие лишь усиливало желание быстрее погасить очаг распространения свободолюбивых тенденций.

Появление первого в мире советского государства знаменовало собой начало новой эпохи, в том числе в плане существования колониальной системы, СССР активно включился в борьбу за право народов самостоятельно решать свою судьбу. Агрессивное противодействие этой политике со стороны капиталистических держав было вполне ожидаемым, а противоречия между ними умело использовались советской дипломатией в работе по утверждению принципов равноправия в международной политике. Успехи антиколониальных инициатив не только укрепляли авторитет Советского Союза среди угнетенных народов, но и обнажали внутренние противоречия мировой системы капитализма. В своем кругу лидеры западных держав регулярно обсуждали возможности ограничения внешнеполитической активности СССР вплоть до применения военной силы и его расчленения на небольшие государственные образования.

Представители крупных деловых кругов, в свою очередь, предлагали действовать методами экономической интервенции. В любом случае, такая направленность политических дискуссий на Западе свидетельствовала о его обеспокоенности в связи с утратой возможностей беспредельного господства. В итоге западные державы вынуждены были изменить свои взгляды на политику ограничения в отношении Германии, способствовать возрождению ее военной мощи для борьбы против Советского государства.

Стратегия использования Германии в качестве основной силы давления на Советскую Россию обсуждалась на Парижской конференции лидерами США, Англии, Италии и Франции. Знало об этом и руководство Германии, рассчитывая на то, что такого рода договоренности могут оказаться полезными в будущем и помогут немецкой нации занять достойное место в мировом сообществе. Тем не менее, Версальский договор все же значительно сужал возможности военно-экономического восстановления Германии в рамках Веймарской республики, хотя ее руководство пошло на ужесточение внутренней политики, прежде всего, по отношению к представителям сил левой ориентации. На этой почве возникли разногласия с российским руководством, которые, однако, были урегулированы посредством заключения Рапалльского договора. Этот договор от 16 апреля 1922 года был выгоден обеим сторонам. РСФСР отказалась от репараций и возмещения ущерба, нанесенного немецкими войсками, Германия признала правомерность национализации ее собственности на территории России. Но главное значение Рапалльского договора заключалось в том, что он способствовал выходу обеих стран из состояния международной политической изоляции и экономической блокады, предусматривал свободное развитие взаимовыгодных отношений и сотрудничества [1, с. 97].

Договор сначала вызвал бурю негодований в западном мире, обе страны обвинялись в предательстве, прежде всего, экономических интересов союзников и мирового сообщества. В. Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, он же президент крупного электроэнергетического и машиностроительного концерна AEG (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft) пытался даже отозвать свою подпись под соглашением. Однако страсти улеглись, и этот договор стал, по сути, основой возрождения вооруженных сил Германии. Она получила возможность в обход версальским запретам на полигонах России совершенствовать навыки военного мастерства будущих летчиков, танкистов. Для России, в свою очередь, открылся доступ к новым технологиям производства отдельных видов техники и энергетической продукции [12, л. 24,33].

Тем временем европейские страны все сильнее и сильнее ощущали влияние российской политики на настроения народных масс. В 1926 году в Англии состоялась всеобщая забастовка рабочих промышленности, через год волнения трудящихся масс сотрясали Австрию, где произошли кровавые столкновения бастующих с полицией. Фактически во всех странах капиталистического мира резко обострились классовые противоречия, что ускорило наступление мирового экономического кризиса 1929–1933 годов. Его последствия отразились в повышении норм выработки на промышленных предприятиях при существенном снижении заработной платы рабочих. Индивидуальный индекс почасовой выработки в промышленности в первой половине 1930-х годов увеличился в два раза, а уровень безработицы вырос в семь раз. Каждый второй рабочий трудоспособного возраста стал безработным [8, с. 2].

Кризисные тенденции перекинулись и на колониальную систему, народы зависимых стран начали национально-освободительную борьбу против порядков, установленных метрополиями. По континентам прокатилась волна колониальных войн, которые

вынуждали мировой капитализм принимать жесткие меры к населению подвластных территорий. В адрес Советского Союза посыпались обвинения в политической и экономической дестабилизации мирового порядка. Человеческая цивилизация быстро продвигалась к глобальному военному конфликту.

Острый социально-экономический кризис в это же время проявлялся и в Германии, на ее политическом горизонте появились цвета национал-социалистической партии, лидеры которой выбрали подходящий исторический момент и умело воспользовались атмосферой тотального недовольства условиями жизни. Партия А. Гитлера сделала ставку на трудящиеся массы Германии и мелких собственников, развернув широкую кампанию по пропаганде своих перспективных планов. Гражданам Германии, уставшим от бесправного существования, было обещано быстрое принятие мер по повышению уровня жизни, проведение земельной реформы, национализация промышленных гигантов. Эти декларации возымели ожидаемое действие, основная масса немецкого населения поверила НСДАП и обеспечила им поддержку на выборах, не обращая внимания на то, что их обещания сопровождались преследованием организаций левого толка, настоящим террором в отношении коммунистов и социал-демократов.

Стратегическая цель нацистской партии: борьба с коммунизмом, расширение жизненного пространства немцев за счет новых территорий на востоке Европы с их последующей германизацией, нашла отклик не только среди крупных промышленников и радикально настроенных политиков, но и во властных структурах капиталистических стран. Они планировали использовать агрессивный настрой национал-социалистов в борьбе против России. К началу 1933 г. НСДАП заручилась поддержкой Рура, представителей деловых кругов других промышленно-индустриальных центров, праворадикальных политиков, действующего рейхсканцлера и президента. А. Гитлер возглавил германское правительство и добился предоставления своему кабинету чрезвычайных полномочий. В первую очередь, в стране были аннулированы конституционные права и свободы [7, с.193–199].

В марте 1933 г. нацистская партия выиграла выборы в рейхстаг, обеспечив себе большинство мест в парламенте. Одно из первых его решений предусматривало запрет Коммунистической партии Германии, репрессии против оппозиционно настроенных социал-демократов. Рейхстаг отменил республиканскую форму государственного устройства и провозгласил создание Третьего рейха, в основу которого был положен авторитарный принцип: один народ, одна страна, один вождь. На практике это означало концентрацию законодательной и исполнительной власти в одних руках [21, s. 248]. Лишенная конституционной основы, внутренняя и внешняя политика Третьего рейха наполнилась агрессивным содержанием, которое целиком и полностью соответствовало притязаниям нацизма на расовую исключительность и мировое господство. По результатам всенародных выборов в августе 1934 г. НСДАП окончательно утвердилась в качестве правящей политической силы, ее руководитель был провозглашен верховным вождем нацистской партии и всего германского народа, главнокомандующим вермахтом. За ненадобностью Рейхстаг, а также земельные ландтаги, прекратили свою деятельность. С этого времени Третий рейх был разделен на партийные округа, во главе которых стояли гаулейтеры, назначаемые лично фюрером. НСДАП провозгласила себя партией «германской государственной идеи» [15, с. 30–31].

На уровне международных отношений Германия декларировала перед мировой общественностью стремление к укреплению мира и взаимного уважения, на практике она демонстративно прекратила выполнение обязательств по Версальскому договору и отказалась выполнять положения, которые ограничивали создание собственных вооруженных сил. Весной 1935 г. вступил в силу утвержденный фюрером закон об обороне, в соответствии с которым в стране вводилась всеобщая воинская повинность. Основные усилия государства были направлены на модернизацию и развитие военно-морского и воздушного флота. Через несколько месяцев после утверждения закона об обороне Германия добилась заключения соглашения с правительством Великобритании о соотношении военно-морских сил [17, с. 90]. Тем самым Великобритания, рассчитывая, что окрепшая Германия направит свою военную мощь на Восток, проигнорировала интересы своих союзников и способствовала денонсации Версальского договора. Для Третьего рейха был открыт прямой путь к реализации планов по милитаризации всех сфер жизнедеятельности государства. Об агрессивности намерений нацизма свидетельствуют не только усиленные темпы строительства вермахта, но и создание на территории Германии сети концлагерей. До начала Второй мировой войны они предназначались для немецких граждан, которые помещались в лагеря по приговорам судебной палаты. По подсчетам специалистов через них прошли свыше миллиона граждан Германии, которые выражали несогласие с политикой гитлеровского режима, его расистской и антисемитской направленностью [23, s. 173].

Жестокость и преследование населения собственной страны достаточно быстро переросли в ненавистное отношение к народам неарийского происхождения, в первую очередь, к славянам. В соответствии с генеральным планом «Ост», фашистские стратеги намеревались уничтожить или насильно выселить со своих земель поляков, белорусов, украинцев, русских и другие славянские народы в отдаленные регионы Сибири, Южной Америки, а захваченное пространство использовать для расселения немцев. В то время рассматриваемый план представлял собой доктрину порабощения, программу колонизации и германизации восточных территорий [17, с. 102]. Этот план возник еще до начала Второй мировой войны, а затем вплоть до поражения гитлеровских армий под Сталинградом корректировался и дополнялся новыми замыслами. Ответственным за подготовку и реализацию мероприятий по выполнению плана «Ост» был назначен рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Он же координировал работу по переселению немцев на захваченные восточные территории [20, s. 122–130]. Активная фаза реализации положений плана «Ост» должна была начаться после оккупации европейских краев и областей Советского

Союза. Известно, что на первом этапе планировалось переселить на восточные земли пять миллионов немцев [10, с. 222–251].

План «Ост» отражал перспективные намерения нацистов, но сначала им нужно было подготовить безопасные тылы, и эта подготовка началась с вмешательства в гражданскую войну в Испании и создания «Антикоминтерновского пакта» с Японией [18, s. 114–116]. Италия присоединилась к этому пакту в 1937 г. К этому времени в Германии была сформирована мощная военно-экономическая база, которая позволяла начать экспансионистскую восточную политику. Весной 1938 года независимая Австрия была включена в состав Третьего рейха, осенью между Германией, Италией, Англией и Францией было заключено Мюнхенское соглашение, согласно которому под контроль немцев перешла Судетская область. Свою долю при разделе Чехословакии получили также Венгрия и Польша [4, с. 288–291]. Национал-социалистическое правительство Германии пошло на денонсацию морского соглашения с Англией и декларации о неприменении военной силы с Польшей. Формальные препятствия продвижения на Восток были устранены. Весной 1939 г. войска Третьего рейха оккупировали часть Латвии, правительство которой, по докладу советского военного атташе в этой стране, предало свой народ и «втянуло его в лоно фашизма» [13, л. 123–128]. После этого, летом 1939 г., по неофициальным каналам в полпредство СССР в Берлине поступило письмо, в котором правительство Германии предлагало советскому руководству установить границу между Третьим рейхом и СССР по «линии Варты» с включением Латвии в состав Германии [14, с. 389–391].

В августе 1939 г. был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. В секретном дополнительном протоколе к этому договору указывалось, что «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР» [9, с. 80–82].

Советское правительство вынуждено пошло на подписание этого договора за несколько дней до начала Второй мировой войны. С момента прихода фашистов к власти в Германии, оно безуспешно пыталось создать на европейском континенте основу коллективного противодействия захватническим планам А. Гитлера. Однако все дипломатические усилия в этом направлении оказались безрезультатными. Страны капиталистического мира отказывались от советских инициатив, декларируя необходимость умиротворения Германии, хотя происходившие на континенте события свидетельствовали о подготовке нацистов к широкомасштабной военной агрессии. Еще одну попытку убедить европейских лидеров в необходимости создания системы коллективной безопасности советское руководство предприняло в апреле 1939 г., оно предложило Англии и Франции заключить договор о взаимной помощи и совместном противодействии нацистским планам. Но и это предложение было отклонено, англичане и французы надеялись на соблюдение А. Гитлером деклараций о взаимном ненападении, подписанные с ними в 1938 г. [3, с. 241, 257 – 258]. Английский парламент не учел даже мнение авторитетного политика У. Черчилля, который, выступая в Палате общин, отмечал, что не видит препятствий для подписания такого соглашения и создания союза против Германии [17, с. 362]. Но к его словам парламент не прислушался. Их примеру последовала и Польша, ставшая первой жертвой фашизма. 1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись на территорию Польши. Эта дата официально считается началом Второй мировой войны. В течение первого года войны большинство европейских стран оказались оккупированными Германией. Франция была раздроблена, а в Берлине разрабатывалась операция «Морской лев» против Великобритании.

Проведенный анализ показал, что главной предпосылкой начала Второй мировой войны стали глубокие противоречия внутри капиталистического мира. С одной стороны, капиталистические страны прилагали усилия для изоляции Советского Союза, предпринимали попытки вычеркнуть его из международной жизни, с другой стороны, намеревались устранить конкурента в лице Германии, претендовавшей на мировое лидерство. В конце концов, Запад попытался разрешить узел противоречий, направив агрессивный германский милитаризм на Восток. Для этого проводил политику умиротворения агрессора, ключевым событием в этом отношении явилось мюнхенское соглашение. С его помощью западные державы намеревались оградить свои интересы, но сами загнали себя в тупик, из которого не было мирного выхода. Союз с Гитлером оказался ненадежным и не долгосрочным.

Войну можно было предотвратить, если бы западные идеологи правильно оценили предложения Советского Союза о создании системы коллективной безопасности и начали противостоять агрессии. Лидеры США, Англии и Франции осознали правоту советских предложений только после того, как Германия захватила практически всю Западную Европу. Отдельного внимания требует к себе выжидательная внешняя политика Соединенных Штатов, которые, с одной стороны, не считали Советский Союз того времени серьезным оппонентом германской агрессивности, с другой стороны, просчитывали свои потенциальные выгоды в случае провала миссии западноевропейской дипломатии.

Основной урок предыстории Второй мировой войны заключается в том, что в условиях разделения мира на различные общественно-политические и экономические системы к отражению вероятной внешней агрессии нужно готовиться в мирное время, обеспечивая безопасность своих территорий и интересов, расширяя и укрепляя взаимовыгодное сотрудничество с соседними государствами. При этом не стоит забывать, что в любом конфликте большое значение имеет единство целей армии и тыла, которое формируется, в том числе на основе социально ориентированной внутренней политики, соблюдения гражданских прав и свобод, воспитания чувства патриотизма и ответственности за судьбу страны.

Источники и литература

1. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М.: Международные отношения, 1974. 304 с.
2. Головин Н., Бубнов А. Тихоокеанская проблема в XX столетии. М.: АСТ, Астрель, 2004. 368 с.
3. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – дек. 1938 г.; редкол.: И. Н. Земсков и др. М.: Политиздат, 1981. 302 с.
4. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939; редкол.: В.Ф. Мальцев и др. М.: Политиздат, 1979. 471 с.
5. Задачи Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности // VIII пленум Исполкома Коминтерна. 18 – 30 1927 г.: тезисы, резолюции, воззвания. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 31–102.
6. Зуев М.Н. История России с древнейших времен до конца XX века: учебное пособие для студентов вузов. – изд. 3-е., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 656 с.
7. История Германии XX века в новом измерении. Источники, статистика, художественные документы; под ред. И. Бюлова. М.: ОЛМА-МЕДИА Групп, 2008. 688 с.
8. Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 1. С. 2.
9. Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы; отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. 677 с.
10. Пикер Г., Хаффнер С. План «Ост»: как правильно поделить Россию; пер. О.В. Вишлева. М.: ЭКСМО, 2011. 384 с.
11. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование; под. общ. ред. Г.В. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429 – ВСНХ СССР. Оп. 1. Д. 4984. Л. 24, 33.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987 – Секретариат Председателя РВС СССР. 1918 – 1939. Оп. 3. Д. 1236. Л. 123–128.
14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 1237. Л. 389–391.
15. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945; пер. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2009. 255 с.
16. Фуллер Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор; пер. с англ. В.А. Герасимова, Н.Н. Яковлева; ред. А.Д. Багреев. М.: Иностранная литература, 1956. 550 с.
17. Черчилль У. Вторая мировая война. В 2-х кн. Кн. 1: Надвигающаяся буря. Адольф Гитлер. Сумерки войны. Битва за Англию. Воспоминания, мемуары; пер. А.И. Усачевой. Минск: Хорвест, 2003. 576 с.
18. Akten zur Deutchen Auswartigen Politik. 1918-1945. Das Dritte Reich: Die Ersten Jahren. 1933–1937. Dd. VI. S. 114–116.
19. Deutsches Zentralarchiv Potsdam (DZP). Akten des Reichswirtschaftsamtes. Bd. 1. H.16. 9. November 1918.
20. Eichholtz D. Der «Generalplan Ost» als genozidale Variante der imperialistischen Ostexpansion // Rössler M., Schleiermacher S. Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin, 1993. S. 122–130.
21. Essner C. Die «Numberger Gesetze» oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933-1945. Paderborn: Schöningh, 2002. 477 s.
22. Evening Star. 1919. 16 January.
23. Ortner H. Der Hinrichter: Roland Freisler, Mörder im Dienste Hitlers. Wien: Zsolnay, 1993. 352 s.
24. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Washington: Government Printing Office, 1942. P. 481–482. 812 p.
25. Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe 1933-1936. Chicago-London: University of Chicago Press, 1970. 397 p.

References

1. Ahtamzyan A. A. Rapallskaya politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniya v 1922–1932 godah *(Rapallian politics. Soviet-German diplomatic relations in the years 1922–1932)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ., 1974. 304 p. (In Russian).
2. Golovin N., Bubnov, A. Tihookeanskaya problema v XX stoletii *(The Pacific problem in the 20th century)*. Moscow: AST, Astrel publ., 2004. 368 p. (In Russian).
3. Dokumenty i materialy kanuna Vtoroj mirovoj vojny. 1937–1939. *(Documents and materials on the eve of World War II. 1937–1939.)* In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Politizdat publ., 1981. 302 p. (In Russian).
4. Dokumenty po istorii myunhenskogo sgovora. 1937–1939 *(Documents on the history of the Munich conspiracy. 1937–1939)*. Moscow: Politizdat publ., 1979. 471 p. (In Russian).
5. Zadachi Kominterna v borbe protiv vojny i voennoj opasnosti *(The tasks of Comintern in the fight against war and military danger)* // VIII plenum Ispolkoma Kominterna. 18–30 1927 g.: tezisy, rezolyucii, vozzvaniya. Moscow - Leningrad: Gosizdat publ., 1928. P. 31–102. (In Russian).
6. Zuev M. N. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XX veka: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov *(History of Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century: A Textbook for University Students)*. Moscow: Drofa publ., 2001. 656 p. (In Russian).
7. Istoriya Germanii XX veka v novom izmerenii. Istochniki, statistika, hudozhestvennye Dokumenty *(The history of Germany in the 20th century in a new dimension. Sources, statistics, art documents)*. Moscow: OLMA-MEDIA Grupp publ., 2008. 688 p. (In Russian).
8. Mirovoe hozyajstvo i mirovaya politika *(World Economy and World Politics)*. 1941. No. 1. P. 2. (In Russian).
9. Mirovye vojny XX veka. V 4-h kn. Kn. 4: Vtoraya mirovaya vojna: Dokumenty i materialy *(World wars of the twentieth century. In 4 books. Book. 4: World War II: Documents and Materials)* / ed by M.Yu. Myagkov. Moscow: Nauka publ., 2002. 677 p. (In Russian).
10. Piker G., Haffner C. Plan «Ost»: kak pravilno podelit Rossiyu *(Plan "Ost": how to divide Russia correctly)* / translated by O. V. Vishlev. Moscow: EKSMO publ., 2011. 384 p. (In Russian).
11. Rossiya i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil: statisticheskoe issledovanie *(Russia and the USSR in the wars of the XX century. Military Losses: A Statistical Study)* / ed by G.V. Krivosheev. Moscow: OLMA-PRESS publ., 2001. 608 p. (In Russian).
12. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 3429 – VSNH SSSR *(Supreme Economic Council of the USSR)*. Inv. 1. D. 4984. (In Russian).
13. Russian State Military Archive (RGVA). F. 33987 – Sekretariat Predsedatelya RVS SSSR *(Secretariat of the Chairman of the Revolutionary Military Council of the USSR)*. 1918–1939. Inv. 3. D. 1236. (In Russian).
14. RGVA. F. 33987. Inv. 1. D. 1237. (In Russian).
15. Fraj N. Gosudarstvo fyurera. Nacional-socialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945 *(Fuehrer State. National Socialists in Power: Germany, 1933–1945)* / ed. L.Yu. Pantinoj. Moscow: ROSSPEN publ., 2009. 255 p. (In Russian).

16. Fuller Dzh. F. Ch. Vtoraya mirovaya vojna 1939-1945 gg. Strategicheskij i takticheskij obzor *(World War II 1939-1945. Strategic and Tactical Review)* / translated by V. A. Gerasimov, N. N. Yakovlev; ed by. A. D. Bagreev. Moscow: Inostrannaya literature publ., 1956. 550 p. (In Russian).
17. Cherchill U. Vtoraya mirovaya vojna. Kn. 1: Nadvigayushayasya burya. Adolf Gitler. Sumerki vojny. Bitva za Angliyu. Vospominaniya, memuary *(The Second World War. Book. 1: Gathering Storm. Adolf Gitler. Twilight of the war. Battle of England. Memorials, memoirs)*; translated by A.I. Usacheva. Minsk: Horvest publ., 2003. 576 p. (In Russian).
18. Akten zur Deutchen Auswartigen Politik. 1918-1945. Das Dritte Reich: Die Ersten Jahren. 1933–1937. Dd. VI. S. 114–116.
19. Deutsches Zentralarchiv Potsdam (DZP). Akten des Reichswirtschaftsamtes. Bd. 1. H.16. 9. November 1918.
20. Eichholtz D. Der «Generalplan Ost» als genozidale Variante der imperialistischen Ostexpansion // Rössler M., Schleiermacher S. Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin, 1993. S. 122–130.
21. Essner C. Die «Numberger Gesetze» oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945. Paderborn: Schöningh, 2002. 477 p.
22. Evening Star. 1919. 16 January.
23. Ortner H. Der Hinrichter: Roland Freisler, Mörder im Dienste Hitlers. Wien: Zsolnay, 1993. 352 s.
24. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Washington: Government Printing Office, 1942. 812 p.
25. Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe 1933-1936. Chicago-London: University of *Chicago* Press, 1970. 397 p.

Сведения об авторах

Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Школы кавказского гостеприимства Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске / galina.rykun@gmail.com
Плохотнюк Татьяна Николаена – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / plokhotnjuk@ gmail.com

Information about the authors

Rykun Galina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Tourism and Hospitality of the School of Caucasian Hospitality, Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of the North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk / galina.rykun@gmail.com
Plokhotnyuk Tat'yana – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / galina.rykun@gmail.com

УДК 94(450)

Е. П. Тельменко

«ТРАКТАТ О ЧУДЕСАХ» ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ

Использование достижений различных направлений исторических исследований позволяет обращаться с новыми вопросами к уже хорошо известным источникам, примером чего является привлеченный к анализу в данной статье сборник рассказов о прижизненных и посмертных чудесах флорентийского проповедника-пророка Савонаролы. Переосмысление данного текста с позиций исторической антропологии и истории святости способствует более глубокому пониманию специфики «движения Савонаролы». Являясь результатом коллективного творчества последователей брата Джироламо – «плакс», «Трактат о чудесах» содержит информацию об особенностях сознания и поведения этой группы в атмосфере преследований, обрушившихся на них после казни доминиканского монаха. Означенный источник – одно из свидетельств становления в среде «плакс» кон. XV в. – XVI в. культа «нового святого». Изучение текстов миракул позволило прийти к заключению, что большая часть признаков святого, присущая сознанию того времени, воплотилась в историях о доминиканце. Рассказы, помещенные в трактат, отражают стремление сторонников брата не только к личному его почитанию, но и распространению культа, а значит и учения, среди других верующих. Но прежде всего, повествования о чудесах Савонаролы имели терапевтическую направленность, были нацелены на сплочение общины верных, а также на поддержание их стойкости в следовании учению доминиканского проповедника.

Ключевые слова: «Трактат о чудесах», Флоренция, «плаксы», культ Джироламо Савонаролы, святой, мученик.

Elena Telmenko

«TREATISE ON THE MIRACLES» OF GIROLAMO SAVONAROLA

The use of the achievements of various directions of historical research enables us to address new questions to already well-known sources, an example of which is the collection of stories about the lifetime and posthumous miracles of the Florentine preacher-prophet, Savonarola, taken for the analysis in this article. Rethinking this text through the lens of historical anthropology and the history of holiness contributes to a deeper insight into the specifics of the «Savonarola movement». Being a result of the collective work of Brother Girolamo's followers – «whiners», «Treatise on the Miracles» contains information about the peculiarities of consciousness and behavior of this group in the atmosphere of persecution that fell upon them after the execution of the Dominican monk. This source is one of the evidences of the formation the cult of the «new saint» among the «whiners» in the late 15th – 16th centuries. The study of the texts of the miracles allowed us to conclude that most of the signs of a saint inherent in the consciousness of that time were embodied in the stories about the Dominican monk. The stories included in the Treatise reflect the desire of Brother's supporters not only for his personal veneration, but also for the spread of the cult, and hence the doctrine, among other believers. Above all, the stories of Savonarola's miracles had a therapeutic focus, were aimed at uniting the community of the faithful, as well as maintaining their steadfastness in following the teachings of the Dominican preacher.

Key words: «Treatise on the Miracles» («Trattato dei miracoli»), Florence, «whiners» («piagnoni»), cult of Girolamo Savonarola, saint, martyr.

23 мая 1498 г. флорентийский пророк реформатор Джироламо Савонарола, вместе со своими товарищами – фра Доменико да Пеша и фра Сильвестро Маруффи, был сожжен на площади Синьории. Эта казнь положила начало формированию в среде сторонников брата («плакс») культа мученичества и святости Савонаролы.

Одним из источников, позволяющих обратиться к исследованию процесса формирования культа «нового святого» после его смерти, является «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы» [9]. Ранее предполагалось, что его автор – доминиканец Пачифико Бурламакки (1465–1519), однако, как упоминание событий, происходивших после его смерти, так и ряд других особенностей текста, привели к разделяемому всеми современными учеными заключению о том, что этот текст XVI в. – плод коллективного творчества последователей брата [7; 6, p. 376–377].

К цитированию означенного трактата, так или иначе, обращались историки, при написании общих трудов о Савонароле, однако предметом отдельного специального исследования он так и не стал. Так, заинтересовавшийся сходной проблемой итальянский ученый С. Даль'Альо (Stefano Dall'Aglio) в одной из своих недавних статей представил довольно сжатый анализ этого источника, сосредоточившись преимущественно на других свидетельствах существования «домашнего культа» Савонаролы в XVI в. (хроники, официальные распоряжения, литургические тексты, полемические сочинения противников, письма, реликвии). Собственно, задачи, которые поставил перед собой Даль'Альо, заключались в выяснении реальности бытования «домашнего культа» доминиканского брата, его признаков, реакции на него церковных и светских властей, и, наконец, того, как это культ вписался в картину Контрреформации в Италии [6]. Между тем, теоретические разработки такого направления в историографии, как история святости, позволяют по-новому переосмыслить текст источника, рассмотрев нарративные конструкции чудес о Савонароле с позиции их соответствия традиционному набору признаков святого [10, p. 491–622; 1; 4; 3]. Кроме того, содержание трактата позволяет вычленить реалии кон. XV – нач. XVI вв., связанные с положением «плакс» после смерти пророка и их действиями по утверждению культа доминиканского брата.

Итак, ряд миракул «Трактата» воспроизводит хорошо известный тип средневековых чудес о возмездии и наказании, демонстрирующих триумф святого мученика над врагами [2]. Противники Савонаролы, приложившие руку к его страданиям под пытками и на костре, становятся объектами божественного правосудия, умирая без надежды и покаяния. К примеру, сфальсифицировавший документы су-

дебного процесса Савонаролы, нотариус – сер Чекконе перед смертью признается двум доминиканским монахам-исповедникам в совершении греха, «который Бог ему никогда не простит». Он сравнивает себя с Иудой, но мыслит свой грех еще большим, ибо тот «предал одного, а я предал троих», и покидает этот мир, отчаявшись в собственном спасении и не приобщившись к таинствам [9, p. 224–225]. Палача, повесившего трех монахов, вскоре забили камнями зрители неудачно проведенной им казни, проникнувшись состраданием к мучениям преступника [9, p. 226]. Другие миракулы представляют собой истории, связанные с возмездием (смерть, увечье, болезнь) за нанесение оскорблений мученику прижизненно или посмертно [9, p. 225–226; 228–229; 233; 244]. Некоторые из них содержат в себе элементы интерпретации истоков недуга самими «согрешившими». Воздаяние при этом носит «зеркальный» характер. В одной из историй у противника брата были поражены гениталии, в другой – враг флорентийского пророка испытывал нестерпимые боли в руке; оба толковали болезнь как результат своего участия в допросах Савонаролы, во время которых они прикасались к срамным местам монаха, чтобы проверить не является ли он гермафродитом [9, p. 226–227; 230–231; 8, p. 502–503]. Смерть без покаяния и приобщения к таинствам, тяжелые недуги врагов фра Джироламо объясняются как проявление божественного правосудия и, соответственно, свидетельство избранности, непорочности и святости доминиканца и истинности его учения. Таким образом, гонения, обрушившиеся на сторонников брата в земной жизни, ничто по сравнению с небесным наказанием их антагонистов.

Миракулы, как о возмездии, так и об избавлении, носят также ярко выраженный наставительный характер. В преамбуле к записям о чудесах Савонаролы, автор отмечает, что, узнав о них, «дурные люди, продолжающие упорствовать, тем не менее, будут сдерживать свой язык и смущаться, видя торжество Бога», те, кто «сбился, смогут вернуться к настоящему свету истины», а «тот, кто не слышал, или мог быть дурным образом информирован равнодушными и его противниками, обретет возможность постигнуть истину» [9, p. 201]. Так, упомянутый выше, смертельно больной Джованни Каначчи, – тот, у кого были поражены гениталии за глумление над монахом, – под воздействием исповедника искренне раскаивается и умирает, получив полное отпущение грехов, и являя собой пример справедливости и милосердия Бога [9, p. 227]. Епископ Вальзоны (Паганотти – *Е.Т.*), по приказанию папы совершивший обряд расстрижения доминиканцев перед казнью, страдая от смертельно опасного кровотечения обращается к «невинно умерщвленным» братьям за помощью. Трое монахов предстают ему в видении, и, обещая исцелить, заявляют, что делают это, «чтобы ты постиг, что мы возвеличены на небе, и, что как слуги Божии воздаем добром за зло» [9, p. 218]. Дидактическая направленность миракул о раскаявшихся врагах, очень своеобразно появляется в истории флорентийской горожанки Кассандры Аччайуоли, жены Якопо Ридольфи. Будучи парализована, эта противница Савонаролы, неоднократно побуждалась своим братом-плаксой Алессандро обратиться за помощью к трем мученикам за веру. Она долго сопротивлялась подобным увещеваниям, но, не в силах более переносить свою неподвижность, решила испробовать и это средство. Поскольку ее скепсис преобладал над верой, Кассандра обрела не полное исцеление от паралича, а лишь то, что просила – способность передвигаться с помощью костылей [9, p. 220–221].

Чудесные исцеления, совершенные при посредничестве Савонаролы и его двух собратьев – фра Доменико и фра Сильвестро, происходят преимущественно либо с последователями монаха, как воздаяние за сохраненную верность его учению, либо с теми, кто обратился к почитанию нового мученика и святого посредством молвы или под воздействием его сторонников. В первом случае, примечательна история о флорентийском скульпторе Бартоло да Монтелупо. В ней рассказывается, как многие плаксы были вынуждены из-за преследований покинуть Флоренцию и разбрестись по разным городам. Бартоло оказался одним из таких беглецов. В Болонье он впал в нужду и стал жертвой корыстного каноника – хозяина дома, в котором он остановился: желая бесплатно получить работу скульптора, тот стал исподволь травить постояльца ядом. Находясь на грани жизни и смерти, Бартоло обратился за помощью к фра Джироламо: «Вы ведаете, что из-за любви, которую я испытывал и испытываю к вам и вашему учению, я нашел здесь свою смерть. Я поручаю вам себя, или, по крайней мере, мою жену и детей; вы знаете, как им живется, и станет жить без меня». Тот час скульптор узрел Савонаролу с сотоварищами, который утешил его и указал дом, где тот обретет приют и помощь, в итоге Бартоло избежал смерти [9, p. 201–203].

А вот три истории, произошедшие в одной семье из Феррары, скорее всего связаны с воздействием молвы: заболев во время чумного поветрия в городе, они, «вспомнив о своем земляке фра Джироламо, с величайшим благочестием препоручили себя под его защиту», в итоге все обрели здоровье; после этого, по свидетельству главы семейства – фра Бернардино, аналогичная ситуация с избавлением от смертельной болезни («врачи отказались от нее») повторилась дважды – с его женой и одной из дочерей [9, p. 203–207].

Целый ряд повествований о чудесах – это исцеления тех, кто воззвал о помощи к «новому святому», поддавшись убеждениям его последователей. Таким способом, согласно одной из миракул, в Лукке, благодаря увещеваниям фра Пачифико Бурламакки, обрели здоровье монахиня, дочь знатной синьоры и целая семья [9, p. 215–218]. На последнем примере, как наиболее ярком и показательном, стоит остановиться. Рассказчик, он же участник истории, сообщает, что жена и девять детей лукканца Паголо Ванни заболели так, что один ребенок умер, а остальные «уже приближались к своему концу». Навестившая их родственница, исповедником которой был фра Пачифико, посоветовала обратиться к нему: «Есть один священник в Сан Романо (этот Сан Романо – монастырь Братьев Проповедников), у которого имеется новый святой, что вершит множество чудес (выделено авт. – *Е.Т.*); если пошлете за ним, думаю, вы избавитесь от этого недуга». В итоге, монах пришел и поведал семье, что «новый святой» – «это фра Иероним из Феррары, который был сожжен во Флоренции, и что посредством него – непорочного

и святого, Бог сотворил большое количество чудес». Семья доверилась исповеднику, обратилась к «святому» в форме обета, и через три дня все ее члены встали на ноги без всяких признаков болезни [9, p. 217–218]. Здесь стоит привести еще один пример подобного рода, в котором повествователь связывает между собой две истории. Как и предыдущем случае, мы видим каким образом распространяются вести о новом святом мученике и его чудесах. В 1523 г., когда «Сиену потрясла эпидемия чумы», и в многочисленном семействе знатного горожанина Людовико Буоньисеньи умерла старшая дочь, а жизнь остальных домочадцев могла оборваться в любой момент, в его доме оказались два брата-доминиканца, которые вместе со словами утешения упомянули о том, как в Ферраре во время такой же чумы вся семья спаслась, обратившись за помощью к «трем мученикам – фра Джироламо, фра Доменико и фра Сильвестро», и предложили поступить также; Людовико внял совету, и мор больше не коснулся его близких [9, p. 243–244].

В описанных выше случаях обретение здоровья происходило через призывы к «святому» («трем мученикам») о заступничестве перед Богом, сопровождаемые различными обетами – заказать мессу; прибыть во Флоренцию и поставить огромную свечу в Сан Марко; принести в дар изображение из воска исцеленной части тела [9, p. 231–232]; посвятить одного из детей Богу, и, наконец, поместить в своем доме «в память об оказанном благодеянии» изображение слуги Божьего и один раз в неделю зажигать перед ним свечу [9, p. 207]. Помимо этого, исцеления совершались посредством реликвий Савонаролы. Здесь стоит обратиться к свидетельству Бартоломео Черретани (1475–1524) – автора «Флорентийской истории», написанной между 1512 и 1514 гг., который сообщает читателям о том, что «в наше время» все, что связано с доминиканцем, бережно хранится, а «некоторые из этих вещей приносят заболевшим, и говорят (выделено мной, *Е.Т.*), что множество людей исцелилось» [5, p. 254–255]. Согласно «Трактату», такого же рода чудеса происходили с монахинями Св. Лючии – обители, которая еще при жизни Савонаролы вошла в состав созданной им Тосканской конгрегации, приняв строгий устав и объединив внутри своих стен последовательниц флорентийского реформатора [9, p. 244–245, 247]. Мало того, означенная (но не описанная подробно) реликвия фра Джироламо, как передает рассказчик, помогла сестрам и в другой ситуации: когда в 1516 г. в монастыре испортились 120 бочек вина, и оставалось их только вылить, монахини вместе со своим исповедником из Сан Марко с помощью молитв и реликвии попытались исправить ситуацию. В итоге хранилище наполнилось запахом фиалок, а вино стало пригодным для употребления, к тому же меняло свой вкус («иной раз казалось сладким словно мед, другой – терпким, а когда напоминало и мальвазию»); его количество возросло; и, наконец, оно приобрело свойство исцелять от различных недугов, что испытали на себе, как затворницы, так и миряне [9, p. 245–247].

Последняя история имеет определенное сходство с событиями, произошедшими с «сестрами из Фолиньо», принадлежащими к «третьему Ордену Св. Франциска», но большими почитательницами учения доминиканца Савонаролы, охотно посещавшими его проповеди, за что и поплатились после его смерти: «противники и враги фра Джироламо, при участии Папы Александра, заперли их в доме и предали анафеме, так, что никто не мог оказать им помощь и материальную поддержку». В итоге благочестивые женщины оказались в ситуации, когда «хлеба осталось только на ужин, а вина – на три дня». Однако Господь вознаградил их стойкость, поскольку все то время (несколько недель), пока они пребывали в заточении, хлеб приумножался, а бочка с осадками напитка оказалась наполнена «превосходным вином из небесного виноградника». Таким образом, по словам рассказчика, будучи отлученными на земле, они обрели «божественное благословение» от «Того, кто никогда не покинет уповающих на Него» [9, p. 212–213]. Итак, с «новым святым» связаны не только практики исцеления, но и другие чудеса, рассказы о которых присутствуют в «Трактате». Помимо приведенных выше, это истории о бедном ремесленнике, которому заимодавец пошел навстречу; терциарии, который долго не мог научиться читать, но обрел этот навык, чтобы самостоятельно постигать учение Савонаролы; священнике, которому явился брат Джироламо с внушением, что вместо того, чтобы целиком и полностью предаваться изучению светского права, необходимо в совершенстве изучить Закон Божий [9, p. 207–208; 232–233; 208–209].

Повествования о различных чудесах, как видно из изложенных ранее примеров, отражают стремление плакс к распространению учения и утверждению культа Савонаролы. Причем, согласно «Трактату», география действий сторонников доминиканского реформатора не ограничивалась территорией Апеннинского полуострова. В одном из рассказов описывается, как «учение и слава» брата, еще при его жизни, «в кратчайшее время распространились по всему христианскому миру», в том числе благодаря печатным трудам, которые вместе с флорентийскими купцами попали в различные страны, вплоть до «Великого Турка». В это повествование вплетены две истории: первая связана с английскими купцами, которые предложили последователю доминиканца за перевод проповедей на книгу пророка Амоса 200 золотых дукатов и, в случае согласия, обещали заплатить еще больше; другая – с «Великим Турком» который якобы вызвал к себе флорентийского консула, чтобы узнать больше о доминиканце и его трудах, о которых спорят итальянские негоцианты в Константинополе, тот принес правителю недавно полученный экземпляр проповедей на Амоса и способствовал их переводу [9, p. 242–243]. Еще одна история, приписанная одной испанской монахине, связана с неким священником, который «из-за доброй славы, которая распространилась в Испании» о фра Джироламо, прибыл во Флоренцию, чтобы послушать проповеди доминиканца, и стал его горячим последователем. Затем, через некоторое время после смерти «мученика» священник заболел, и призвал его себе «в помощь и поддержку». Савонарола со своими двумя товарищами явился ему в видении, заявив: «Наш Господь по своему бесконечному милосердию, и из-за доброй веры, которую ты обрел во мне, посредством нас, возвращает тебе здоровье» [9, p. 209–210].

Хождение известий о чудесах, а также сбывшихся предсказаниях флорентийского пророка [9, p. 208–209; 214–215, 228–229] неразрывно связано с доказательством его святости. Так, один из рассказчиков свидетельствует, что услышал голос, призывающий прославить этого праведного монаха наравне с другими святыми: «Эти святые, которых ты призываешь на помощь для избавления твоей дочери, их слава и святость признана всеми христианами, а у фра Джироламо пока не постигнуты; прибегни к нему и попроси за свою дочь, и она излечится» [9, p. 206]. Другой пример того же рода отсылает к событиям в женском монастыре г. Ареццо, произошедшим 23 мая 1498 г., в день казни трех доминиканских братьев. В то время, когда монахи Сан Марко принимали мученическую смерть, сестры и жители города наблюдали видение, длившееся несколько часов: «увидели великое множество ангелов, в величайшем сиянии и сладко поющих, посреди них узрели трех братьев в одеяниях ордена Проповедников, которые как мученики возносились на небо с большим ликованием и радостью» [9, p. 213–214]. В «Трактате» также имеется история об одной вдове из Прато, которая обрела ряд откровений, о чем сообщала во время исповеди монахам-доминиканцам. Одно из видений якобы посетило эту женщину в канун Рождества: она увидела Святое семейство в окружении поющих ангелов и пастухов, там были также ее ангел-хранитель и «три новых мученика – фра Джироламо, фра Сильвестро и фра Доменико». Христос-младенец изрек: «Я хочу обновить мою Церковь». После этого ангел спросил: «Почему ты не идешь исповедоваться к братьям Св. Доминика? Разве не знаешь ты, что многие из них должны быть использованы в этом обновлении Св. Церкви, и наполнить мир светом?». На что визионерка выразила свои сомнения и страх: «Я слышала, что их братья, которых сожгли во Флоренции, были признаны еретиками». В ответ на это ангел, указав на стоящих рядом монахов, произнес: «Ты знаешь, каковы были те умершие братья? Посмотри на них, предстоящих перед Христом прославленных мучеников, которые просят об обновлении, и, как полководцы Господа, стоят впереди, ибо претерпели мученичество за это». Затем к ней обратился Савонарола, призывая прекратить не доверять тому, что он проповедовал, и передать братьям его Ордена через исповедника-доминиканца, что в этот раз их не минует чаша испытаний [9, p. 240–241]. Несмотря на то, что весь рассказ, а не только приведенная здесь часть, пронизан духом соперничества двух Орденов, – францисканцы интригуют против доминиканцев, отвращая от них паству, а также инициируют испытание огнем для дискредитации конкурентов [9, p. 241–242]; братья же проповедники представлены в качестве избранных Богом для особой миссии, – стоит обратить внимание на то, что в этой истории сам Иисус поддерживает реформаторские устремления монаха, а осужденный официальной Церковью фра Джироламо пребывает подле Христа.

В рассказах, как правило, присутствует указание на цепочку передатчиков информации, зачастую довольно сложную и запутанную. Например, в приведенной выше истории об испанском священнике, сообщается, что некая «сестра Третьего Ордена испанской нации», по дороге к Гробу Господню посетив Феррару, передала вести «сестре Лючии из Витербо», прославленной «строгим усмирением плоти», а та сообщила их своему исповеднику – фра Никколо да Финаро, который «рассказал мне». Затем, тот, кто включил означенное повествование в «Трактат», уточняет, что «сообщение об этих … чудесах отправил из Феррары во Флоренцию … фра Бернадино из Третьего Ордена покаяния для фра Томмазо; это письмо я видел множество раз у фра Якопо да Сицилия» [9, p. 209–210]. В других, приписываемых фра Бернардино миракулах, имеются такие, в которых указывается на несколько источников информации, посредством чего читатель должен укрепиться во мнении о достоверности сообщения. Так история священника, которого Савонарола увещевал тщательно изучать Св. Писание, была якобы рассказана им самим «в моей боттеге», а затем его же об этом деле «расспросил маэстро Джованни да Субиано из Ордена Проповедников, человек добрый и ученый, в то время – инквизитор в Болонье, который по каким-то своим делам прибыл в Санта Мария дельи Анджели в Ферраре» [9, p. 208–209]. Таким образом, оставив в стороне давно установленный факт наличия нескольких составителей «Трактата», стоит обратить внимание на то, что означенное сочинение, отражая источники и пути распространения молвы о чудесах доминиканского мученика за веру, демонстрирует процесс формирования культа «нового святого» посредством усилий, как мирян, так и братьев Ордена из числа «плакс».

Итак, «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы» свидетельствует о том, что фигура монаха аккумулирует в представлении его последователей если не весь набор признаков святого, эволюционировавший к XV в., то существенную их часть. Становление культа монаха из Сан Марко, похоже, происходило через слияние и взаимопроникновение интеллектуальной, книжной традиции (ее носители – доминиканцы, причастные к составлению «Трактата») и устной – народной молвы, что само по себе не ново, принимая во внимание исследования по истории святости. Появление и распространение описанных выше повествований стоит интерпретировать, прежде всего, как средство сплочения и своеобразной терапии для «плакс», подвергшихся преследованиям после казни пророка-реформатора.

Источники и литература

1. Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.

2. Кланицай Г. Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и maleficia // Одиссей. Человек в истории. 1998. М.: Наука, 1999. С.118–133.

3. Парамонова М.Ю. Святые // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 467–478.

4. Яцык С. А. Тренды в изучении святости // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / Отв. ред. С. А. Яцык. СПб.: Алетейя, 2018. С. 5–15.

5. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti.Firenze: L. S. Olschki, 1994. – XIX, 474 p.

6. Dall'Aglio S. Domestic Prayers and Miracles in Renaissance Italy: The Case of Savonarola and his Cult // Domestic Devotions in Early Modern Italy / ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden-Boston: Brill, 2018. P. 375–388.

7. Desideri Trigari M. Burlamacchi, Pacifico // Dizionario biografico degli italiani. Vol. 15: Buffoli-Caccianemici. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1972. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pacifico-burlamacchi_%28Dizionario-Biografico%29/ (Accessed: 28.04.2020).

8. Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenza: Sansoni, 1898. P. 451–518.

9. Il Trattato de'miracoli di fra Girolamo Savonarola // La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e gia attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 199–249.

10. Vauchez A. La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Roma: École française de Rome, 1988. 771 p.

References

1. Braun P. Kul't svjatyh. Ego stanovlenie i rol' v latinskom hristianstve (*The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity*). Moscow: ROSSPJeN publ., 2004. 207 p. (In Russian).

2. Klanicaj G. Struktura povestvovanij o nakazanii i iscelenii. Sopostavlenie chudes i maleficia (*Narrative structure of the punishment and healing. Comparison of miracles and maleficia*) // Odissej. Chelovek v istorii. 1998. Moscow: Nauka publ., 1999. P.118–133. (In Russian).

3. Paramonova M.Ju. Svjatye (*The Saints*) // Slovar' srednevekovoj kul'tury / Pod red. A.Ja. Gurevicha. Moscow: ROSSPJeN publ. 2003. P. 467 – 478. (In Russian).

4. Jacyk S.A. Trendy v izuchenii svjatosti (*Trends in Sanctity Studies*) // Evropa svjatyh. Social'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svjatosti v Srednie veka / ed by S.A. Jacyk. St.Petersburg: Aletejja, 2018. P.5 – 15. (In Russian).

5. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti.Firenze: L. S. Olschki, 1994. XIX, 474 p. (In Russian).

6. Dall'Aglio S. Domestic Prayers and Miracles in Renaissance Italy: The Case of Savonarola and his Cult // Domestic Devotions in Early Modern Italy / ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden-Boston: Brill, 2018. P. 375–388. (In Russian).

7. Desideri Trigari M. Burlamacchi, Pacifico // Dizionario biografico degli italiani. Vol. 15: Buffoli-Caccianemici. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1972. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pacifico-burlamacchi_%28Dizionario-Biografico%29/ (Accessed: 28.04.2020).

8. Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenza: Sansoni, 1898. P. 451–518.

9. Il Trattato de'miracoli di fra Girolamo Savonarola // La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e gia attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 199–249.

10. Vauchez A. La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Roma: École française de Rome, 1988. 771 p.

Сведения об авторе

Тельменко Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / teilman@mail.ru

Information about the author

Telmenko Elena – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / teilman@mail.ru

УДК 94(497.1)

Арпад Хорняк

СМЕНА ВЛАСТИ В ДЕЛВИДЕКЕ. ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ В ОТНОШЕНИИ МЕНЬШИНСТВ И ВЕНГЕРСКИЙ ОТВЕТ НА НЕЕ[1]

Изменение государственной принадлежности исторического региона т. н. Южной Венгрии (венг. «Делвидек») Венгерского королевства было обосновано Белградским перемирием 13 ноября 1918 г., заключенным между венгерским революционным правительством графа Михая Каройи и союзным командованием на Балканах (французским маршалом Франше д'Эспере). Венгрия обязалась позволить Антанте оккупировать ряд пунктов на своей территории, в том числе подавляющую часть отошедшей позже согласно Трианонскому мирному договору 1920 г. Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев. Однако уже в период от Белградского перемирия до Трианонского договора Делвидек (сербская Воеводина) органы гражданской администрации постепенно перешли под контроль сербских властей. Венгры, проживающие в этой территории, пострадали от многочисленных мер образовавшейся югославской государственной администрации, которые были направлены к тому, чтобы ущемлять их в своих политических, экономических и культурных правах, а также праве пользования родным языком. До конца 1920-х годов представители венгерского нацменьшинства в Делвидеке разработали свою стратегию выживания в новых политических и государственных условиях.

Ключевые слова: Венгры в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, Воеводина (венг. «Делвидек»), Изменение государственной принадлежности венгерского «Делвидека» после Трианонского мирного договора 4 июня 1920 г., Югославия, Интеграция нацменьшинств в Югославии.

Árpád Hornyák

CHANGE OF THE REGIME IN VOJVODINA. MINORITY POLICY OF YUGOSLAVIA AND THE REACTION OF HUNGARY TO IT

The change of national status of the historical region of the Hungarian kingdom, the so-called Southern Hungary (Hungarian "Délvidék"), was stipulated by the Armistice of Belgrade on November 13, 1918. It was concluded between the Hungarian revolutionary government of Count Mihály Károlyi and the Allied Powers in the Balkans (French Marshal Franchet d'Espèrey). Hungary pledged to allow the Entente to occupy a number of points on its territory, including the overwhelming part of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes that later seceded in accordance with the Treaty of Trianon of 1920. However, already in the period from the Armistice of Belgrade to the Treaty of Trianon, Délvidék (Serbian Vojvodina), the civil administration gradually came under the control of Serbian authorities. The Hungarians living in this territory suffered from numerous measures of the emerging Yugoslav state administration, which were aimed at discouraging them in their political, economic and cultural rights, as well as the right to use their mother tongue. Until the end of the 1920s, representatives of the Hungarian national minority in Délvidék developed their own strategy for survival in new political and state conditions.

Key words: Hungarians in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Vojvodina (Hungarian "Délvidék"), change of national status of the Hungarian "Délvidék" after the Treaty of Trianon on June 4, 1920, Yugoslavia, Integration of national minorities in Yugoslavia.

Большая часть созданного 1 декабря 1918 г. Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев ранее входила в состав Австро-Венгерской монархии, а точнее – Венгерского королевства. Это был треугольник, образованный регионами «Муравидек», «Муракэз» и «Бараня», а также районы «Бачки» и «Баншага» без «Серемшега», ныне называемые «Воеводиной». К моменту смены власти на территории, которую венгры называют общим словом «Делвидек» («Южная провинция»), проживало почти полмиллиона венгров. Согласно переписи населения, за 1910 г., на территории Делвидека площадью 20551 км^2, присоединенного впоследствии к Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев, проживало порядка полутора млн человек, 30% из которых было венграми. [3, p. 47]. Согласно переписи населения Югославии, за 1921 г., численность венгров составляла 467 658, десять лет спустя эта цифра составляла 468.185 человек. [17, p. 19]. Настоящая статья посвящена судьбе данных территорий и их населения: большой автохтонной этнической группы венгров Баншага и еще более крупной автохтонной группы венгров Бачки, иными словами, истории венгров Делвидека (Воеводины) отрезком в десять лет, с конца Первой мировой войны и до введения королевской диктатуры в 1929 г.

Оккупация территории

Южные земли венгерской короны были объектом сербских национальных устремлений с конца XVII в. Автономия этих земель или же присоединение к Сербии – при различных условиях – звучала неизменным лейтмотивом сербской политики в эпоху австро-венгерского дуализма. Де факто и де юре эта идея воплотилась, когда в 1849 г. в империи Габсбургов была создана административная область Сербская Воеводина и Темешский Баншаг – в просторечии Сербская Воеводина – которая просуществовала до 1860 г.

Практическая возможность реализовать второй сценарий представилась после начала Первой мировой войны. Уже в сентябре 1914 г. сербское правительство потребовало отделения от Венгерского королевства Делвидека и присоединения его к Сербии, согласно этим требованиям, северная и северо-восточная граница послевоенного государства южных славян должна была протянуться выше Оршовы

[1] Перевод данной статьи с венгерского на русский язык был профинансирован Архивным институтом Венгрии в Москве в 2015 г. Аннотация, ключевые слова, сведения об авторе на русском языке, а также перечень географических наименований были составлены Аттилой Шереш в 2020 г. Научная редакция русского перевода статьи: А. Шереш.

по горам Баншага от Дуная и дальше на север к Марошу (Арад, Лугош и Липпу оставляли Румынии), далее по Марошу до его впадения в Тису, затем к западу до Дравы и по ее руслу (Сербии отводилась Сабадка и Байя) вдоль Муры до Любляны (нем. Лайбниц) [11, p.87].

Возможность присоединения представилась сербскому военному командованию в последние месяцы войны, после прорыва на Салоникском фронте. Оккупировать эти территории позволял не только перевес в силе, но и международное право: 13 ноября 1918 г. в Белграде была подписана военная конвенция. Она определила южную и восточную демаркационную линию, которая прошла по линии Бестерце-Марош-Сабадка-Байя-Печ Драва. Венгрия должна была в течение восьми дней прекратить здесь военное присутствие, однако могла сохранить венгерское административное управление до окончательного определения территориальной принадлежности[1]. Венгрия также имела право указать стратегические точки, где считала необходимым наличие французских войск, при условии, что окончательное решение будет принято главнокомандующим союзнических сил [12, p. 16–18]. Этот пункт конвенции был наиболее важен для Венгрии, поскольку занятие стратегических точек французскими и союзническими войсками гарантировало статус кво до окончательного урегулирования вопроса на мирной конференции. Это позволяло воспрепятствовать проникновению войск соседних стран – в первую очередь Румынии и Сербии – в глубь Венгрии и помешать им представить на мирной конференции занятие территорий как свершившийся факт. 18 пунктов конвенции предписывали демобилизацию венгерской армии, ограничивая ее максимальную численность 6-ю пехотными и 2 конными дивизиями. Конвенция гарантировала союзническим войскам право находиться на территории Венгрии и пересекать ее по любому маршруту и обязывала Венгрию содействовать обеспечению их жильем и продовольствием. Согласно распоряжению главного командования Антанты, венгерское правительство должно было выделить для восстановления сербских железных дорог 3000 железнодорожных рабочих, а для восстановления телефонной и телеграфной линии – саперов и телеграфистов с аппаратурой. Последний пункт конвенции прекращал военные действия союзников против Венгрии[2].

Сербские вооруженные силы вступили на территорию Делвидека за неделю до определения конвенцией демаркационых линий. По приказу главнокомандующего Восточной группы союзных войск Луи Франше д'Эспере, главнокомандующий сербской армией уже 5-го числа приказал своим частям выдвинуться до линии Марош-Сабадка-Байя и занять Баншаг и Бачку[3]. Вероятно, данное распоряжение д'Эспере было основано на полученной 5 ноября телефонограммы Клемансо, в которой излагался план военных действий против Германии. Третий пункт плана («Перемирие в Сербии») предписывал д'Эспере занять при поддержке сербского правительства важные стратегические точки в Боснии и Герцеговине, а также к северу от Дуная и Савы, чтобы обеспечить Сербии военную защиту и соблюсти ее политические интересы. Оккупацию следовало производить со ссылкой на 4-й пункт перемирия за 3 ноября, который – без временных и территориальных ограничений – предусматривал занятие стратегических точек для поддержания порядка и продолжения военных действий [23, p. 130]. В тот же день сербские войска появились в Зимоне и Панчове, а на следующий день - в Фехертемпломе [29, p. 1219]. Сербские войска были уполномочены Франше д'Эспере проводить военные действия и занять Воеводину. 8 ноября сербы вошли в О-Пазову, Митровицу, (Серемскую) Индию, 9 ноября – в Уйвидек, а 10 ноября – в Вершец [29, p. 1219].

Военные действия были – во второй раз – официально прекращены только в 11 часов 11 ноября, после капитуляции Германии. Как мы смогли убедиться, венгерское правительство со своей стороны прекратило военные действия 1 ноября, кроме того, это предписывалось перемирием, подписанным Австро-Венгрией в Падуе 3 ноября 1918 г. Приказом маршала Фоша союзным войскам запрещалось выдвигаться за линии, достигнутые на означенный момент[4]. Несмотря на то, что прекращение огня распространялось и на Венгрию, командир подразделения связи сербского генштаба при главном командовании восточной группы Союзных войск майор Мирко Маринкович телеграфировал сербскому главному командованию, что приказ не следует воспринимать слишком серьезно и прекращать занятие новых территорий не обязательно. Неподчинение приказу объяснили следующим образом: из Парижа не поступили условия заключенного перемирия [22, p. 130]. Сербское главное командование, поверив Маринковичу, продолжало наступление до самого последнего момента. Еще 13 ноября командующий 1-й сербской армией отдал командиру Дунайской дивизии приказ занять линию Сабадка-Байя к вечеру, самое позднее к полуночи, чтобы «до подписания перемирия вся Бачка была нашей» [28, p. 164]. Так и

[1] По этому поводу между представлявшим венгерское правительство министром без портфеля Белой Линдером и сербским воеводой Живойином Мишичем возник спор, так как Мишич хотел, чтобы в зоне оккупации венгерских чиновников заменили сербские. В конце концов, возглавлявший переговоры командующий восточной французской армией генерал Поль Поспер Анри заявил, что при заключении конвенции подобные споры неуместны и венгерские чиновники останутся на местах [20, p. 428],

[2] Полковник Калафатович в своих мемуарах пишет, что по поводу последнего пункта возникли разногласия, так как в первоначальной версии военные действия прекращались на следующий день после подписания. Линдер был против, поскольку Венгрия прекратила военные действия еще 1 ноября, и повторное объявление о прекращении военных действий аннулировало предыдущее решение венгров. Генерал Анри, а вслед за ним и Мишич, согласились с предложением Линдера [19, с. 523].

[3] С учетом изменившихся обстоятельств, а также беспорядков в Австро-Венгрии, Франше д'Эспере посчитал необходимым внести изменения в отданные 10 и 18 октября приказы, о чем 5 ноября «войска под командованием генерала Анри и сербские вооруженные силы» получили «особое распоряжение». Новое распоряжение предписывало формирование в Северной Сербии укрепленной линии временной обороны [15, p. 484].

[4] Телефонограмма Маринковича главному командованию (12 ноября 1918 г.). [22, p. 130].

было сделано. 13 ноября сербская армия заняла Сабадку и Байю, 15 ноября – уже после подписания Белградской конвенции – Барч, Сигетвар и Печ, в начале декабря - Печварад. Таким образом, белградкая военная конвенция не была началом вторжения сербской армии в Делвидек и Дунантул - она просто докуметально закрепила свершившийся факт.

Венгерское население Делвидека не оказало оккупационным сербским войсками вооруженного сопротивления, в первую очередь потому, что восприняли их как временное явление, а подписанное венгерским правительством соглашение санкционировало и гарантировало сохранение венгерского административного управления, то есть формальную принадлежность региона к Венгрии.

Смена государственной принадлежности

Несмотря на то, что статья 17 военной конвенции гласила: «союзники вмешиваются во внутреннее управление Венгрии», оккупационные войска последовательно ее игнорировали. С точки зрения включения земель Делвидека в государство южных славян ключевую роль сыграло формирование из числа южных славян – преимущественно сербов – собственного чиновничьего аппарата и администрации.

Практически одновременно с появлением сербской армии в Воеводине приступили к ликвидации близкой Будапешту венгерской администрации. Важную роль в этом сыграли сербские политические силы Воеводины, в первую очередь Радикальная партия и ее лидер Яша Томич. Еще до вступления сербской армии в Делвидек он стал инициатором и основным спикером великого славянского съезда, который состоялся 3 ноября и на котором были сформированы Сербский Национальный Совет и Гвардия национальной обороны для решения «народных вопросов» в «переходный период». Данный орган должен был стать альтернативой официально существовавшей и работавшей венгерской администрации.

Таким образом, оккупация положила начало ликвидации венгерских властей. Ее темпы зависели от обстановки на местах, поскольку численность сербских войск не везде позволяла обеспечивать порядок без привлечения венгерских национальных советов и органов национальной обороны, которые стали появляться в Делвидеке с конца октября. Одновременно с этим шло окончательное разоружение подразделений венгерской жандармерии и пограничной службы [27, p. 57]. В ответ на протесты венгерского правительства сербская сторона заявила, что сербская армия заняла упомянутые территории до подписания конвенции [25, p. 100].

Ликвидация венгерской администрации ускорилась после 25 ноября 1918 г. В этот день посланцы национальных советов Барани, Бачки и Баншага провели в Уйвидеке Великую народную скупщину – среди 757 ее членов был всего один венгр и шестеро немцев – которая приняла постановление о вхождении упомянутых территорий в Королевство Сербия. Был создан Великий Народный Совет и его исполнительный орган, Народная управа Баната, Бачки и Барани, которая отвечала за управление регионом и одной из важнейших задач которой было формирование прослойки лояльного новым властям чиновничества. Несмотря на то, что перевод административного управления на новые рельсы шел негладко, вскоре Народная управа укрепила свои политические позиции, а ее административные органы заработали во всех сферах общественно-политической жизни [27, p. 61]. Этому способствовало решение Великого Народного Совета от 4 декабря 1918 г., согласно которому Народной Управе передавались все административные функции – она получила право назначать новых ишпанов и утверждать текст присяги новой власти. Практически во всех крупных городах венгерская администрация оказалась «обезглавлена». В Уйвидеке, Вершеце, Сабадке и Панчове сменили губернаторов, нотариусов и высокопоставленных городских чиновников. Главного ишпана Панчовы интернировали [27, p. 62.; 21, p. 124]. 5 декабря Народная управа постановила, что, ввиду отсутствия сербских специалистов, венегрские судьи могут по-прежнему исполнять свои обязанности, но без права выносить приговор в соответствии с венгерским законодательством.

Новый орган административной власти, Народная управа, фактически выполняла фукнции правительства: в ней работало 11 профильных комитетов, по сути – министерств [21, p. 122]. На самом деле Белград не признал Народную управу, «независимость» которой была очень непродолжительной, и в марте 1919 г. она была переподчинена белградскому министерству внутренних дел как Отдел Баната, Бачки и Барани. В то же время венгерский чиновничий аппарат – без которого в ряде мест не могли обойтись даже после увольнения руководства – поддерживал постоянную связь с будапештским правительством. Это создало странную ситуацию, поскольку до весны 1919 г. в Делвидеке в некотором смысле было административное двоевластие [21 p. 123].

В начале 1919 г. относительно «спокойная» поначалу ситуация резко изменилась. Сербская оккупационная политика ужесточилась, а ликвидация венгерской администрации ускорилась. Такой поворот событий был вызван появлением одновременно нескольких, неблагоприятных для югославской стороны факторов. Сказался страх югославского правительства перед возможным союзом итальянцев, венгров и румын, который начал – пока смутно – вырисовываться в результате наступления итальянской дипломатии и мог поставить под угрозу окончательное присоединение Делвидека к Югославии. Повлияла на ситуацию всеобщая февральская забастовка в оккупированных Пече, Сабадке и Темешваре, которую венгерское правительство поддержало и помогло организовать. Свою роль сыграл тот факт, что, столкнувшись с суровой действительностью, венгерское правительство перестало уповать на благие намерения великих держав и перешло к заявлениям, в которых не исключало возможность вооруженного сопротивления [8, p. 2]. Наконец, но не в последнюю очередь, ужесточение югославской оккупационной политики было вызвано тем, что парижская мирная конференция держала преемников Габсбургской империи в неведении и просто вынудила Югославию представить занятие территорий как свершившийся факт. С конца марта 1919 г., когда в Венгрии установилась советская власть по модели СССР, Белград перестал опасаться протестов будапештского правительства, так как режим Белы Куна пользовался в международной политике более дурной славой, чем

его предшественники. В совокупности все это привело к тому, что к весне 1919 г. в Делвидеке – хотя с точки зрения международного права его статус не менялся – де факто произошла смена государственной власти. После подписания же 4 июня 1920 г. Трианонского мирного договора незаконные, по сути, действия приобрели законную силу, по крайней мере, для внутренней судебной практики Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.

Заслуживает внимания тот факт, что белградское правительство – проявив сдержанность – отклонило инициативу командующего военного округа Уйвидек от 14 апреля 1919 г., который предлагал отменить параграф Белградской конвенции о сохранении и дальнейшей работе венгерских административных органов и ликвидировать их. «Необходимость скорейшего решения данного вопроса подтверждается ежедневно. Пассивное сопротивление венгерских служащих железной дороги, почты, телеграфа и телефона неизменно» - писал автор вышеупомянутой инициативы воевода Петар Бойович, просивший предоставить ему полномочия «увольнять всякого венгерского гражданского служащего при подозрении в измене», а также интернировать опасных лиц и вредителей для улучшения «неблагоприятной» обстановки [21, p. 139.]. Однако на тот момент Белград еще не был готов к обострению ситуации. Для решения вопроса там посчитали достаточным уволить ряд чиновников и организовать принятие присяги Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев – отказ венгерского чиновника давал законный повод для его увольнения, что позволял пополнять состав административных органов южными славянами [1, p. 32].

Не стоит забывать, что до подписания мирного договора все венгерские правительства аппелировали к соблюдению законности и своими действиями подчеркивали неотъемлемую принадлежность оккупированных земель к Венгрии. Они претендовали на сохранение в занятых областях венгерского административного управления, обучения, армейского набора и налогообложения [1, p. 134][1]. На деле удалось сохранить лишь венгерское судопроизводство.

В переходный оккупационный период венгры сохраняли контроль над железной дорогой Делвидека. Коммерческий департамент железной дороги Сабадки перечислял доходы от перевозок в Венгрию, где принимались решения о назначениях и продвижении по службе и откуда, естественно, шла зарплата. Венгерские чиновники всех сфер госуправления ждали жалованья из Будапешта, зачастую тщетно. Все железнодорожные служащие продолжали работать до начала 1920 г. – массовые увольнения и высылки из страны начались только после «восстания» в Сабадке в апреле 1920 г., когда очередная железнодорожная забастовка вылилась в беспорядки.

Итак, до сентября 1919 г. Будапешт убеждал чиновников Делвидека не присягать новым властям, даже если это приведет к увольнению и высылке из страны. Позиция по присяге оставшихся на оккупированных территориях чиновников изменилась осенью 1919 г., когда правое правительство Иштвана Фридриха призвало их начать формально приспосабливаться к новым жизненным условиям. В начале 1920 г. признанное международным сообществом коалиционное правительство Кароя Хусара предложило чиновникам самостоятельно решить, приносить присягу или нет. К тому моменту у Будапешта появилась официальная информация об условиях мирного договора – и новых границах Венгрии – поэтому ссылаться на переходный период было бессмысленно. В то же время, надежды на перенос границ в будущем требовали присутствия венгров на ключевых постах административного управления отделенных территорий. Закрепление должностей за венгерскими чиновниками приобрело государственную важность. На то имелись и материальные причины: «финансовых средств урезанного в границах венгерского государства не хватит для пропитания соотечественников за рубежом» – такой аргумент прозвучал на заседании правительства, «запретившем объявлять общественный бойкот» присягнувшим Югославии госслужащим и «вменять им это в вину впоследствии» [Цит. по: 1, p. 37.].

Единственным организованным протестом венгров Делвидека против оккупации, смены государственной принадлежности, увольнения руководства и принуждения к присяге стала упоминавшаяся выше всеобщая железнодорожная забастовка в феврале 1919 г., в ходе которой прекратили работу железнодорожники Печа, Сабадки, Зомбора и Темешвара, для возобновления железнодорожного сообщения требовавшие соблюдения Белградской военной конвенции, а точнее – обеспечить неприкосновенность венгерского административного управления. В Темешваре и других городах Делвидека волнения с легкостью подавили с помощью угроз, однако в Пече к протестам присоединились шахтеры, поэтому власти были вынуждены пойти на уступки и частично выполнить требования бастующих: отменить обязательное принесение присяги и уволить ряд сербских чиновников - в обмен на это они потребовали возобновить работу в течение 48 часов, угрожая ввести военное положение [16, p. 269].

Дискриминация

Одновременно с военным вторжением в Делвидек началось усиление здесь южнославянского присутствия. Важным элементом этой стратегии было повышение статуса южных славян, в первую очередь, сербов, и назначение их на руководящие посты, а также оттеснение на общественную периферию народов, которые могли составить им конкуренцию. Одним из важных и ярких явлений здесь стала вышеупомянутая «национализация» административного управления. Однако в политике, экономике и культуре было множестов других сфер, где венгры, оказавшиеся в меньшинстве, после 1918 г. подвергались дискриминации. В культурной сфере камнем преткновения стала ситуация с национальными школами и языками, в экономике права меньшинств ущемлялись главным образом в ходе тенденциозной аграрной реформы и национализации хозяйственных объектов: предприятий и хозяйственных структур.

Несмотря на то, что декларация Великой Народной Скупщины от 25 ноября провозгласила,

[1] Два последних пункта были совершенно несостоятельны.

что «На территориях, подчиненных Народной Управе, управление будет осуществляться по принципу полного равноправия и свободы народов», а неоспоримым правом каждого гражданина станет общение с властями на родном языке, действительность была совершенно иной. Новая власть почти полностью блокировала работу венгерских и немецких партий. Самые яркие национальные печатные издания были запрещены, остальные жестко цензурировались, а любые организованные политические акции венгров и немцев характеризовались как враждебные и «ирредентистские» [21, p. 131].

В отношении меньшинств все чаще случались националистические перегибы. Запрет венгерских и немецких коммерческих вывесок, физическое запугивание венгров властями (полицией и жандармерией) и полуофициальными организациями (клубом «Сокол» массовой националистической организацией, маскировавшаяся как сеть молодежных спортивных клубов) а также незаконный призыв венгерской и немецкой молодежи в армию Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в конце концов вызвали кровопролитные столкновения в Бачке весной 1920 г. В начале марта в уезде Кула получившие повестку венгры и немцы решили не являться на призывной пункт и выразить свой протест главному ишпану в Зомборе. Быстро собралась толпа в несколько тысяч человек, которая, вооружившись кирками, косами и ружьями, направилась в Зомбор. Местным сербам задержать толпу не удалось – для разгона пришлось частично применить военную силу (сюда было согнано 5000 солдат). В результате столкновения погибло порядка 10-ти и ранено 40 человек. [24, p. 421–422]. По сведениям сербской стороны, в результате столкновения было убито 9 и ранено 12 человек [21, p. 144].

В апреле в Сабадке вновь забастовали железнодорожники, которые требовали, во-первых, улучшить бытовые условия, а во-вторых – прекратить в городе произвол. Бежавший из Сабадки венгерский начальник полиции в рапорте министру внутренних дел писал: «многие жители окраин, как венгры, так и сербы, в ночное время нападают на близлежащие казармы, в ходе одного из нападений были застрелены участковый офицер полиции Имре Гаал и старший полицейский Копилович, обнаруженное в казарме оружие нападавшие изъяли и совершили налеты на другие полицейские казармы, офицерам и рядовому составу удалось бежать, однако наружную охрану нападавшие застали врасплох и нескольких полицейских избили до полусмерти» [24, p. 425 – 429]. Согласно распортам сербской стороны, восставшие напали на полицейских, нанеся тяжкие увечья 10-ти офицерам и убив 3 инспекторов [5, p. 6121]. После беспорядков – быстро подавленных армией и жандармерией – Белград заподозрил зачинщиков в антигосударственном заговоре, последовали увольнения бунтовавших железнодорожников – по большей части венгров – а также венгерских чиновников, которые еще продолжали работать. Входе проведенного расследования югославские власти установил и уголовную ответственность 150 человек (1 серба, 1 немца, 26 сербов-католиков (буневацов) и 122 венгров) и нашли доказательства того, что волнения были организованы коммунистами и Лигой Защиты Венгерских Земель и направлены на развал Югославии[1]. Из одного только управления железной дороги Сабадки было уволено 1500 человек, более 2000 служащих, как военнообязанных, принудили выполнять ту же работу, без выплаты жалованья. Многих просто перевезли через демаркационную линию на территорию Венгрии [21, p. 145].

Аграрная реформа

Во многих районах нового государства южных славян, в особенности довоенной Сербии, царила послевоенная разруха. Их экономическое восстановление белградские власти планировали провести за счет вновь присоединенных, менее пострадавших от войны регионов, в том числе Делвидека. С этой целью 25 января 1920 г. было выпущено постановление, предписывавшее обмен венгерских крон на сербские динары по курсу 4:1. Выполнение этого постановления привело к резкому падению ценности денег в указанном регионе и обеспечило выкачивание ресурсов из бывших земель Габсбургской монархии. Оно непосильным грузом легло на плечи всех населявших Делвидек народов. Экономические интересы меньшинств, в частности, венгров, ущемляло и стремление центра передать в руки сербов управление хозяйственными объединениями и в обязательном порядке включать южных славян – в первую очередь сербов - в советы директоров ряда предприятий и банков, тем самым гарантируя им возможность управления.

Долгое время собственность на землю была основой политической власти и общественной иерархии, а также главным источником пропитания. Именно таково было положение в преимущественно аграрных странах Центральной и Восточной Европы начала XX в. Неслучайно после завершения Первой мировой войны государство южных славян постаралось создать на присоединенных территориях выгодные для себя в этом смысле условия. Первым этапом стало принятие закона об аграрной реформе, который – под лозунгом отмены общественного неравенства – обеспечил правовой инструмент для изменения структуры землевладения Делвидека и распределния земли между этносами.

Предварительное постановление об аграрной реформе, которое объявляло, что все, у кого совсем нет земли или ее мало, могут на нее претендовать, было принято уже 25 января 1919 г. Данная формулировка создавала видимость равноправия с общегосударственной и этнической точек зрения, однако из числа выгодоприобретателей косвенным образом исключались венгры и другие меньшинства, поскольку землю давали только семейным мужчинам, которые были гражданами нового государства и постоянно проживали на территории проведения аграрной реформы. Вопрос с гражданством венгерского населения был на тот момент не решен, а славяне получали югославское гражданство автоматически. Через месяц, 27 февраля, вышло постановление со-

[1] См. телефонограмму Пашича в посольство в Лондоне о ходе расследования восстания в Сабадке 16 июня 1920 г. [6, p.6225].

вета министров об аграрной реформе, именовавшейся социальной. Приоритет предоставлялся инвалидам войны, военным вдовам и сиротам, а также сербским добровольцам (доброволяцам). До окончательного распределения земли государство временно сдавало ее выгодоприобретателям в аренду по льготной цене[1]. Постановление ответственного за проведение аграрной реформы министра от 29 января 1920 г. – дополнительно подтвержденное постановлением за 1 июля 1920 г. – запрещало гражданам венгерской и немецкой национальности участвовать в выборах местных аграрных комиссий, так как вопрос с их гражданством не отрегулирован на международном уровне.

Здесь следует упомянуть об институте так наз. «опциональности». Подписанные по итогам Первой мировой войны мирные соглашения предоставляли право выбора гражданства жителям территорий, которые были отделены от побежденных государств. Так было и в случае с Трианонским мирным договором, статья 61 которого гласила: «Все подданные территорий, ранее относившихся к Австро-Венгерской Монархии, при утрате венгерского гражданства официально получают гражданство той страны, под государственную юрисдикцию которой переходят».

Таким образом, жители территорий, перешедших от Венгрии к Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев – будучи тамошними подданными – автоматически получали югославское гражданство. Лицам старше 18 лет также предоставлялось право просить гражданство у бывшей родины. Прошение мужа подразумевало опциональное прошение жены, а прошение обоих родителей – детей до 18 лет. Лицам, выбравшим венгерское гражданство, предоставлялось 12 месяцев, чтобы покинуть Югославию. Они имели право на беспошлинный свободный вывоз движимого имущества, а также на сохранение за собой недвижимости[2]. Однако лица, ставшие подданными упомянутых территорий после 1 января 1910 г., имели право на сербо-хорватско-словенское гражданство только с разрешения от государства. При отсутствии такого разрешения они получали гражданство той страны, к юрисдикции которой относилось место их постоянного проживания до 1910 г. [9, p. 35–36]. Это постановление позволяло Белграду – воспользовавшись положением - массово отказывать венграм в сербо-хорватско-словенском гражданстве. Многие просто не знали, что гражданство нужно просить, и пропускали установленные сроки. Некоторым власти не подтвердили подданство по месту жительства и отказали в гражданстве по этой причине. Однако большинство прошений было принято, и в течение 1921–1922 г. основная масса людей получила гражданство, правда, на протяжении всего рассматриваемого периода в Делвидеке оставалось порядка 20–30 тыс венгров, которым вопрос с гражданством решить так и не удалось.

Эта задержка привела к тому, что многие венгры пропустили раздачу земли, так как не могли на нее претендовать без сербо-хорватско-словенского гражданства. К моменту завершения процедуры и официального признания того, что было и так очевидно: что венгры Делвидека являются гражданами Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев – аграрная реформа уже прошла. Это привело к тому, что в ходе реформы десятки тысяч безземельных венгров Делвидека не получили ни клочка земли, хотя имели на нее полное право. В Баншаге этим правом обладало 60% венгерских крестьян, в Бачке – 41%[3]. Большинство, национализированных земель, пущенных на раздачу земли – за исключением нескольких десятков крупных поместий – были владениями средних размеров, по большей части принадлежащими сербам, немцам и сербам-католикам («буневацам»). Венгерских помещиков средней руки было довольно много лишь в Верхней Бачке и по берегам Тисы. Однако большая часть венгров владела крошечными наделами, работала на барина, занималась сельскохозяйственным трудом и была мелкими арендаторами [10, p. 8].

Проведенная таким образом аграрная реформа нанесла венграм Делвидека двойной ущерб: с одной стороны, оставила ни с чем мелких землевладельцев и наемных работников, которые составляли среди венгров большинство, с другой – ликвидировала или сильно урезала в размерах крупные поместья, которые кормили своих владельцев [18, p. 340].

Согласно учету, проведенному перед Второй мировой войной министерством сельского хозяйства Югославии, венграм принадлежало 14,1% (403 626 кадастровых хольдов) всей пахотной земли Воеводины – 8,3% в Баншаге, 22,9% в Бачке, 19% в Баране[4]. Несмотря на то, что учет был проведен почти через двадцать лет после описываемого периода, он, скорей всего, точно отобразил ситуацию, сложившуюся в начале двадцатых годов в результате аграрной реформы.

В свете всего вышесказанного неудивительно, что одним из главных пунктов программы Венгерской партии, созданной осенью 1922 г., было обещание добиться компенсации для обойденных аграрной реформой венгров и задним числом внести их в список выгодоприобретателей.

Помимо изменения имущественных отношений в регионе, аграрная реформа позволила государству южных славян слегка подкорректировать этнические пропорции при раздаче земли. По соседству с чисто венгерскими деревнями – а нередко и в их центре – и вдоль границы для южнославянских поселенцев-землевладельцев возводились закрытые

[1] 18 декабря 1919 г. вышло «Обязательное постановление о военных добровольцах», определявшее размер земли, предоставляемой добровольцам, и компенсации за нее. Согласно постановлению, «воевавший» доброволец получал 5 га плодородной земли, а «не воевавший» – 3 га, при условии, что он сам будет ее возделывать. Эту землю нельзя было продать и поместить в залог. Доброволец утрачивал право на землю, если вступал в антиправительственную партию или движение. Практика раздачи земли добровольцам, не являвшимся крестьянами, была прекращена.

[2] Срок действия опционального права истекал через 12 месяцев после вступления в силу Трианонского мирного договора, то есть 26 июля 1922 г., однако его несколько раз продлевали, окончательно он истек лишь в 1930 г.

[3] В числе 57 631 безземельных крестьян Бачки было 23.863 венгров, т.е. 9,1% всего венгерского населения Бачки [13, p. 41–42].

[4] Сербы владели 42,4%, а немцы и венгры вместе – 37,4% всех земель, иными словами немцы владели 23,3% всех земель [26, p. 363].

поселки, которые, при необходимости, могли послужить инструментом «призвания к порядку» венгерского населения. При распределении земли в Делвидеке наделы получили почти 13 тысяч семей, преимущественно сербских и черногорских колонистов[1].

Другой дискриминационной мерой, которая в перспективе угрожала венграм Делвидека, было массовое закрытие венгерских школ и создание всяческих препятствий для обучения на венгерском языке – это делалось, чтобы оттеснить на задний план венгерскую культуру и подавить доминирование венгерской политики.

Школы Делвидека были национализированы в октябре 1919 г. Учредители (церковь или община) должны были объявить о передаче школы со всем имуществом государству. В противном случае школа утрачивала право публичности, то есть больше не могла выдавать выпускникам аттестат, а учителям государство переставало платить зарплату и выдавать дрова. В экономически тяжелое послевоенное время эта мера разрушила многие судьбы.

Международный договор, гарантировавший права меньшинств, требовал предоставлять им за счет выделяемых на воспитательно-образовательные, религиозные и благотворительные нужды ресурсов государственного, регионального или иного бюджета, иными словами, за счет госбюджета, достойную – то есть пропорциональную численности – материальную поддержку. Договор предписывал государству финансировать преподавание на родном языке только в средней школе, что в то время означало всего четыре года обучения. В то же время допускалось – Однако всем, в том числе нациям, представлявшим большинство, разрешалось за счет собственных средств создавать благотворительные, религиозные и социальные организации, школы и иные воспитательные учреждения.

Теоретически меньшинства могли иметь собственные школы, однако национализация имущества церквей, общин и др. все чаще вынуждала общины, содержавшие школы, «предлагать» их государству. Через два дня после подписания Трианонского мирного договора, 6 июня 1920 г., министр образования Светозар Прибичевич издал указ о поэтапном упразднении школьного преподавания на венгерском языке с 1920/21 учебного года. Согласно данному указу, во всех государственных гимназиях обучение сохранялось в неизменнов виде, однако в старших классах можно было учиться только на сербском.

27 августа 1920 г. в Делвидеке вступил в силу новый закон об образовании, объявлявший все средние школы государственными. Для неславянских меньшинств параллельное отделение открывали, если на один класс подавало заявление не менее 60 учеников, на два класса – 55, на три-четыре – 45. Они должны были изучать сербский язык и историю, история, а также география преподавались на сербском языке.

Вместо автономных колледжей и светских школ с преподаванием на родном языке в Уйвидеке, Зомборе и Панчове было разрешено открыть венгерские отделения при сербских школах. Новый удар преподаванию на венгерском языке нанес пресловутый указ № 14.449 от 20 сентября 1922 г. «О проверке этнической принадлежности учащихся», который прославился как «указ об именном препарировании» и требовал записывать в сербскую школу всех детей, у которых один из родителей не был венгром[2].

На фоне упомянутых выше мер имела место хроническая нехватка учителей, что было вызвано, во-первых, увольнениями, во-вторых, отъездами в Венгрию и, в-третьих, но не в последнюю очередь, переводом учителей на работу в удаленные районы, чем югославское правительство проделывало нередко. Учителя были обязаны сдавать экзамен на владение государственным языком, а также экзамен на сербском языке по отличавшимся по программе истории, литературе и географии южных славян. В 1920 г. на овладение сербским языком учителя получили два года.

Политическая адаптация

Смена государственной принадлежности создала для венгров Делвидека непонятную ситуацию. В один прекрасный день из титульной нации они вдруг стали – во многом бесправным - меньшинством и не просто с трудом мирились с этим – им потребовались годы, чтобы понять, что переход под власть южных славян – не временное, преходящее явление, что этот порядок установился надолго и им придется искать в нем свое место. Некоторые поняли это достаточно рано, еще в 1919 г., однако для большинства моментом истины стало подписание Трианонского мира 4 июня 1920 г., когда люди осознали, что положение, которое казалось временным, получило международное признание и перейдет в статус постоянного. Это понимание носило для подавляющего большинства вынужденный характер - в глубине души люди продолжали верить, что все изменится, о чем с исторической родины постоянно поступали утвердительные сигналы.

Все это, а также тот факт, что исторически Делвидек развивался иначе, чем прочие населенные венграми земли – вследствие чего не имел для венгерского самосознания столь яркого политического, символического и эмоционального наполнения, как Фелвидек и Трансильвания – привело к тому, что, в отличие от других отделенных от Венгрии регионов, политическая самоорганизация проходила здесь с трудом.

Делвидек всегда был на удалении от центральных венгерских земель, что стало очевиднее с расширением Османской империи до границ Королевства Венгрия. Периферийность сохранялась и после изгания турок. Дело в том, что в XVIII в. венграм, можно сказать, пришлось повторно заселять эти территории, что удалось сделать примерно на две-трети, поскольку вследствие габсбургской политики

[1] В Бачке землю получило 6175 семей добровольцев [См. 13, p. 66]. В Банате наделы получило 6238 семей [14, p. 379].

[2] Национальность учащегося определялась по отцу, в сложных случаях окончательное решение принималось властями. Новая версия «указа об именном препарировании» от середины ноября 1924 г. ужесточала процедуру и обязывала директоров школ определять национальность учащихся вплоть до третьего колена. Указ требовал записывать венгерского ребенка в славянский класс, даже если до сих пор он учился в венгерском классе.

они стали массово переезжать сюда довольно поздно, после немцев и сербов, а многие – только после подписания австро-венгерского соглашения 1867 г. Венгры занимались преимущественно земледелием, многие были сельхозрабочими и кормили семьи батрацким трудом. Из этой прослойки не мог выйти «аутентичный» средний класс, который мог бы сильнее привязать Делвидек к ядру венгерской земли.

Таким образом, венгры Делвидека не занимали ведущих позиций в экономике и культуре, мало того – присутствие большого количества южных славян и немцев, а также определенной доли румын не позволяло им быть большинством и в численном отношении[1]. В виду отсутствия крепкого среднего класса и интеллигенции, из других регионов Венгрии в Делвидек приезжало большое количество чиновников государственных и частных компаний, а также государственных служащих, которые стали массово покидать эту территорию в первые месяцы и годы после окончания войны, отчасти «сами», так как ликвидировались рабочие места и исчезал источник дохода, а отчасти под давлением югославских властей[2].

Таким образом, венгры Делвидека остались без духовных и политических лидеров, что в первые годы имело чрезвычайно негативный эффект. Позднее выяснилось, что у этого есть свои плюсы, поскольку исчезли тянувшиеся с предыдущего столетия конфликты между представителями старой венгерской политической элиты, которые могли помешать шедшей и без того с трудом политической организации. К тому же прежние лидеры были в массе своей помещиками и опасались, что новая политическая инициатива с их стороны негативно скажется на их будущем и не смели активно поддержать организацию венгерской партии. Им на смену пришло новое поколение политиков преимущественно из рядов вольной интеллигенции, адвокатов и врачей [10, p. 47–48].

Стремясь оттолкнуть венгерские массы от создающейся венгерской партии, политическое руководство Югославии утверждало, что она создается классом прежних господ и не собирается защищать интересы бедняков-крестьян и рабочего класса. В этом была доля правды, так как у новых политиков не было опыта общения с крестьянством и рабочим классом, а ждать советов от исторической родины не приходилось[3]. Симпатии венгров Делвидека, особенно рабочих – по причине материального и социального положения – постепенно смещались влево, в первую очередь, к социал-демократам, а также коммунистической партии.

Способ самоорганизации венгров Делвидека был вопросом столь же сложным, как и выбор лидеров для почти полумиллионной диаспоры. Имелось два возможных пути: «пассивизм» и «активизм». Сторонники пассивисткого решения принадлежали к октябристам, которые эмигрировали в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев после падения Венгерской Советской республики (август 1919 г.) и освобождения южными славянами Печа и Барани (июль 1921 г.) – они считали, что для основания самостоятельной партии еще не пришло время и следует пока сосредоточиться на вопросах экономики и культуры. В свою очередь, сторонники активизма выступали за создание независимой венгерской политической партии, утверждая, что без нее венгры растворятся среди крупных славянских партий[4]. Яркой фигурой во второй группе был адвокат из Бечкерека (Баншаг) Имре Варади, который – как бывший депутат Парламента и известная в комитате персона – обладал многолетним политическим опытом и тесными связями с интеллигенцией и экономической элитой сербов Делвидека. При выборе пути решающую роль сыграло будапештское правительство, которое – что не удивительно - призвало венгров Делвидека занять активистскую позицию, а противникам пригрозило лишением финансовой поддержки и «полным бойкотом за непатриотичное поведение» [2, p. 2].

Однако споры шли не только вокруг пассивистской и активистской модели, старых и новых политических лидеров. Параллельно проходила конкурентная борьба между Баншагом и Бачкой. Непосредственно после смены государственной принадлежности Баншаг оказался в более выгодном положении, поскольку больше лидеров венгерской интеллигенции сохранили свои позиции и – благодаря упомянутому Имре Варади и адвокату из Панчовы Ласло Граберу – поддерживало тесные контакты с сербской элитой. В то же время, для Делвидека Баншаг был периферией, а абсолютная численность и пропорциональная доля венгров здесь была гораздо ниже [10, p. 47–48]. Сначала политическая организация приобрела более внушительные масштабы в Бачке – в частности в Сабадке и Зомборе. Преимущество первого заключалось в том, что у венгров было здесь две серьезных организации: Союз фермеров и Народный союз, в которые входила значительная часть венгерской экономической и интеллектуальной элиты.

Свободная от полемики, организация венгров с начала 1921 г. постепенно набирала ход, что вызывало пристальное внимание со стороны югославского правительства[5]. С начала февраля 1922 г. в

[1] Если благодаря своей роли в сербском культурном возрождении Уйвидек был прозван «сербскими Афинами», то для венгров он был всего лишь плодородным краем богатых крестьянских хозяйство и богатеев-набобов.

[2] Согласно статистике Государственного Управления по делам беженцев, с 1918 по 1924 г. из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в Венгрию переехало 44 903 человек, из них 8511 государственных чиновников, а также учителей, представителей свободных интеллектуальных профессий, служащих частный компаний и членов их семей [Источник цитируется по: 3, p. 49]. Сербские источники сообщают о 39 272 человек в период до 1922 г. С 13 ноября по 31 декабря 1918 г. упоминается 5459 человек, в 1919 г. - 19 239, в 1920 г. - 10 551, а в 1921 г. - 4023 [21, p. 146].

[3] Вряд ли венгерская авторитарная политическая система правового толка могла быть образцом для диалога с социально и экономически ущемленными группами населения [2, p. 2].

[4] Идея последнего венгерского ишпана Сабадки Лукача Плесковича, выступавшего за создание партии Воеводины, которая объединит все народы Делвидека и будет бороться за автономию региона, опережала время, но не имела шансов на реализацию и была выдвинута от безысходности [2, с. 2].

[5] Сабадская газета «Хирлап», выходившая с декабря 1920 г. при активной поддержке венгерского прави-

Сабадке начал работу организационный комитет будущей Венгерской партии, а 11 февраля в Надьбечкереке прошло организационное заседание баншагского отделения Венгерской партии. Белградское правительство и сербские политические партии придерживались мнения, что создавать независимую венгерскую партию не нужно, и убеждали венгров присоединяться к существовавшим сербским партиям. Две из них: радикалы и демократы – были готовы, в случае присоединения к ним венгров, решить ряд вопросов с дискриминацией меньшинств, в частности, в административном управлении и школьном образовании, а также обеспечить венграм мандаты в своих рядах. Однако венгерские представители отвергли это предложение, и 17 сентября 1922 г. в Зенте была создана независимая Общенациональная Венгерская Партия, которую возглавил врач-хирург из Сабадки Дёрдь Санта[1]. Программа партии включала 16 пунктов[2], с одной стороны, она подчеркивала лояльность венгров Делвидека Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев, с другой, требовала равноправия для венгров как граждан страны и гарантии прав национальных меньшинств согласно международным соглашениям[3]. Таким образом, программа намечала желательные для венгерского меньшинства отношения с югославским государством, а также указывала на необходимость решения вопроса с дискриминацией.

Вскоре Венгерской партии должна была представиться возможность выйти на общегосударственную политическую арену и реализовать заявленную программу. Дело в том, что в марте 1923 г. из-за внутриполитической нестабильности в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев были объявлены досрочные выборы, в которых Венгерская партия собиралась участвовать. Для этого, в первую очередь, были нужны избиратели. Однако к началу 1923 г. власти окончательно не урегулировали вопрос с гражданством венгерского меньшинства, а многие из тех, кто получил югославское гражданство, не были внесены в списки избирателей. Поэтому подавляющее большинство венгров не смогло участвовать в выборах. Для решения этой проблемы Венгерская партия начала переговоры с сербскими политическими силами и в январе 1923 г. заключила пакт с правящей Радикальной партией. Согласно пакту, белградское правительство включало в список избирателей всех представителей венгерского меньшинства с правом голоса, а при выдвижении кандидатов обеспечивало Венгерской партии 8 мандатов. Венгерская партия могла самостоятельно назначать кандидатов от регионов с венгерским населением, а в обмен гарантировала радикальным кандидатам голоса венгров там, где у нее не было своих.

Однако этот план не был реализован. Несоблюдение конфиденциальности привело к утечке информации о пакте с радикалами, а когда дошло до дела, те потребовали, чтобы венгерские избиратели Баншага голосовали только за их кандидатов. Вследствие этого руководство Венгерской партии приняло решение бойкотировать выборы. Таким образом, венгры Делвидека остались без парламентских представителей.

В августе 1923 г. Венгерская партия составила краткосрочную программу, содержавшую наиболее насущные проблемы, главный упор в ней был сделан на обучении на венгерском языке и включении венгров в список избирателей и выгодоприобретателей аграрной реформы. Кроме того, партия создала комитет, который приступил к сбору фактов нарушения прав венгерского меньшинства со стороны правительства.

В ходе подготовки к новым выборам партия выпустила брошюру «Чего хочет Венгерская партия», в которой практически дублировалась ее принятая при основании программа. Она включала в себя следующие требования:

- гарантия равенства гражданских прав, предоставление наделов безземельным венграм,
- достойное возмещение убытков от национализации земли,
- обучение на родном языке в начальной и средней школе,
- свободное использование родного языка в деловой и частной жизни,
- гарантия свободы собраний и объединений,
- разработка закона о гражданстве, прекращающего злоупотребление властью и беззаконие,
- введение единой прогрессивной налоговой системы,
- представительство венгров в комиссиях по налогообложению, пропорциональное численности,
- свобода организации рабочих,
- признание права на забастовки,
- изменение принципа административного деления и предотвращение слияния районов Воеводины с другими районами страны,
- введение всеобщего и тайного избирательного права, пропорционального размерам населенного пункта,
- честное, чистое, быстрое и беспристрастное госуправление,
- недорогое, качественное и быстрое правосудие,
- занятость венгров в органах госуправления пропорционально их численности,
- дотации на поддержку венгерских культурных, экономических и социальных институтов, равные по сумме затратам на аналогичные структуры титульной нации.

тельства и ставшая позднее официальным изданием Венгерской партии, в номере от 17 января 1921 г. открыто выступила с идеей создания политической партии венгров.

[1]. При выборе места решающую роль сыграло то обстоятельство, что в Зомборе и Сабадке власти не дали разрешения на проведение организационного собрания партии. Зомбор был исключен, поскольку был столицей комитата Бач-Бодрог, а Сабадка – потому, что она была слишком близко к венгерской границе [10, p. 56-57].

[2] Полный текст программы опубликован в [10, p. 66–70].

[3]Таковыми были: Договор о меньшинствах, который был подписан главными державами 10 сентября 1919 г., а представителем югославского правительства – после некоторой задержки – 5 декабря, и затем гарантирован Лигой Наций, а также Трианонский мирный договор от 4 июня 1920 г.

Венгерская партия посчитала важным еще раз заявить, что будет бороться за достижение указанных целей только законными и конституционными средствами [10, p. 200].

На следующих парламентских выборах 8 февраля 1925 г. Венгерская партия потерпела сокрушительное поражение. Несмотря на то, что в Воеводине в списках избирателей было почти 65 0001 граждан-венгров, за Венгерскую партию проголосовало всего 11 059 человек, и партия вновь осталась без парламентских мандатов. Победу – ценой запугиваний и подкупа, причем не только меньшинств – с большим отрывом одержала Радикальная партия.

Причины провала Венгерской партии, помимо упомянутого запугивания избирателей, стоит искать в плохой организованности, внутренних конфликтах и столкновениях старых венгерских политиков Делвидека и политических эмигрантов из Венгрии, преимущественно октябристов. Во второй группе было много евреев, вследствие чего в Делвидеке обозначился иудейско-христианский конфликт, который, однако, не принял масштабов трианонской Венгрии. В отчете будапештскому правительству Венгерская партия открыто говорила о предательстве на выборах, ссылаясь на то, что газета эмигрантов-октябристов «Бачмедьеи Напло», вероломно атаковала венгерское сообщество, газету которого «Хирлап», югославские власти закрыли перед выборами [24, p. 440–442].

После поражения на выборах в Венгерской партии усилились прежние разногласия о политической стратегии. Победила идея сотрудничества с одной из сербской партий взамен политической самостоятельности. Руководство Венгерской партии, а также претендовавшее на определение ее партийной линии венгерское правительство признали необходимость предвыборной коалиции со славянской партией, в первую очередь, с наиболее влиятельной Радикальной партией, и быстро осознали важность активной защиты культурных, языковых и экономических интересов. Для этого разрозненные культурные общества начали объединять в Культурный Союз венгров Воеводины. Было решено открыть правозащитные офисы в крупных городах с центром в Белграде. Правозащитные офисы были призваны компенсировать отсутствие парламентского представительства и поддерживать связь с различными группами белградской политической элиты. В последующие годы была заложена основа региональной сети Венгерской партии. Партийные организации были основаны везде, где было можно, в том числе, в малых венгерских населенных пунктах славянских районов. Решающую роль в успехе организации сыграло венгерское католическое и протестантское духовенство. Для организации венгерского меньшинства Делвидека было необходимо составить его точную и подробную перепись. Первые шаги в этом направлении были предприняты в начале 1928 г. Денеш Штрелицки, постепенно укреплявший свои позиции в Венгерской партии, предложил провести в каждом населенном пункте опрос, который позволит получить сведения о населении (численность, национальная и конфессиональная принадлежность, политические симпатии), представит общую картину, а также сведения о культурном и материальном положении, перечислит школы, приходы, общественные, культурные и экономические орагниазции, опишет ситуацию с земельной собственностью после аграрной реформы – иными словами, будет содержать все сведения, необходимые для фактического знакомства с положением Делвидека. Предложение провести «альтернативную» статистическую перепись приняло и поддержало венгерское правительство. Одновременно с этим было принято решение открыть секретариат Венгерской партии в Белграде. В офисе, в котором должен был работать всего один человек, предполагалось разместить и белградскую редакцию газеты «Хирлап».

6 декабря 1926 г. Венгерская партия, наученная горьким опытом 1925 г., заключила коалиционное соглашение с Радикальной партией. Партии договорились выдвинуть на региональных выборах общий список кандидатов для выборных округов Сабадки и Зомбора, а также районов Бачтопоя, Зента, Апатин, Паланка, Кула, Дарда и Ходшаг. На региональных выборах 23 января 1927 г. в региональный парламент прошло 16 венгерских депутатов, тем самым подтвердив обоснованность предвыборной коалиции с Радикальной партией [10, p. 275]. Венгерские депутаты не вошли в радикальный клуб регионального парламента, создав собственный клуб представителей меньшинства под председательством Лео Деака, являвшегося венгерским членом постоянного выборного комитета парламента.

Через полгода, на выборах в белградскую скупщину, также благодаря предвыборной коалиции с Радикальной партией, в списке последней в парламент прошло два депутата Венгерской партии: Имре Варади и Денеш Штрелицки2. Неслучайно в отчете о политических и культурных тенденциях в жизни воеводинских венгров за 1927 г. говорилось, что в ней «появились радостное оживление и реалистичные планы» [24, p. 459]. Венгерской партии действительно удалось побороть внутенние противоречия, а ее усиленная социальная программа и смягчение позиции югославских властей помогли улучшить показатели, в первую очередь, политического представительства на местном, региональном и общегосударственном уровне.

Кроме того, в 1926–1927 г.г. в венгерско-югославских государственных отношениях наметилось несомненное улучшение, что не могло не сказаться на положении венгров Делвидека. Однако следует отметить, что при принятии внешнеполитических решений ни венгерское, ни югославское правительство особо не учитывало мнение венгерского меньшинства. Оно было фактором влияния в отношениях двух стран: гуманным обращением с венграми Делвидека Белград периодически вызывал «одобрение»

[1] Венгры, включенные в списки избирателей, составляли лишь 55-60% всех венгров с правом голоса. [24, p. 440.]

[2] Через год, когда в округе Сабадка освободилось место, отведенное для представителя Радикальной партии, в скупщину вошел третий представитель Венгерской партии Эдэн Надь, как депутат, набравший наибольшее количество голосов.

венгерского общества и политического руководства. Однако Югославия обращалась к этому средству лишь тогда, когда ей требовалось сблизиться с Венгрией.

Государство южных славян во многом являлось правопреемником троекратно выросшего в размерах Королевства Сербии, вследствие чего в экономике и политике доминировали сербские интересы. В Королевстве Сербия национальный, этнический вопрос никогда не возникал, поскольку нация была практически стопроцентно гомогенной. Впервые Сербия столкнулась с этой проблемой за год до Первой мировой войны, в ходе двух Балканских войн, а из-за увеличения территории по итогам Первой мировой войны и принуждения к подписанию международных договоров вынуждена была уделять ей пристальное внимание1. Венгров и немцев Делвидека с самого начала пытались стравливать, причем немцы всегда оказывались в более выигрышном положении, поскольку венгерский ирредентизм представлял для целостности Югославии большую угрозу, ведь Венгрия граничила с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев. Венгры считались важнейшим меньшинством королевства, не только благодаря численности, но и благодаря ведущей роли, которую в течение тысячи лет играли в своем государстве и с утратой, которой – в чем белградское правительство было уверено – мало кто смирился [28, p. 33–34]. В Белграде о венграх бытовало следующее мнение: они всегда гордились тем, что тысячу лет были главной нацией страны, и не смогут принять новое положение, поэтому на их лояльность рассчитывать не приходится. То же мнение было выражено в докладе, подготовленном для министерства иностранных дел, согласно которому «венгры по природе своей непокорны, воспитаны в шовинистическом духе и гордятся свой тысячелетней культурой, национальным и государственным прошлым» [4, p.58.] Разве стоит после этого удивляться, что Югославия старалась всеми способами оттеснить венгров на периферию и не собиралась поддаваться внешнему давлению в вопросе гарантии прав меньшинств. Основной принцип югославской национальной политики заключался в том, что послабления можно давать лишь по собственному усмотрению.

В 1926 г. в Белграде почувствовали необходимость нормализации отношений с Будапештом и решили, что наступил подходящий момент «самим» сменить отношение к венгерскому меньшинству на более толерантное. Во многом именно благодаря этому Венгерская партия – уже в третий раз – добилась серьезного политического успеха в ходе региональных выборов 6 ноября 1927 г., которые проводились в Делвидеке впервые. Отчасти успех обеспечило более активное, чем на парламентских выборах, участие венгров, отчасти – сдержанность предвыборных подтасовок со стороны правительства. Там, где у Венгерской партии был собственный список кандидатов, она одержала полную победу [10, p. 325] и в общем и целом получила 532 региональных мандата. В населенных пунктах с чисто венгерским населением партия получила все мандаты, там же, где населением было смешанным, количество венгерских депутатов соответствовало пропорциональной численности венгров.

Однако введение 6 января 1929 г. королевской диктатуры практически за один день свело на нет все заоевания: король Александр распустил избранный 11 ноября 1927 г. парламент, отменил «Видовданскую конституцию» за 1921 г. (принятую в день Св. Вида) и, сославшись на закон о госбезопасности, запретил созданные на религиозной и этнической основе партии. В соответствии с этим решением, была распущена и Венгерская партия, а ее архив передан полиции. Еще более серьезный удар по венграм нанес диктаторский указ о роспуске региональных парламентов и муниципальных депутатских представительств, так как они были сформированы в период парламентаризма, а их депутаты входили в распущенные партии.

Несмотря на то, что формально королевская диктатура была новым явлением, она мало повлияла на положение югославских венгров. Да, диктатура аннулировала десятилетний итог их борьбы за представительство во власти, однако их политические шансы и так были условны. Возможности венгров попрежнему определяла динамика отношений двух государств, развитие международной обстановки и отношение белградского правительства к вопросу меньшинств.

Перечень географических наименований

Города, деревни

Апатин (венг. Apatin) ныне в Сербии (серб. Apatin)
Арад (венг. Arad) ныне в Румынии (рум. Arad)
Бачтопоя (венг. Bácstopolya) ныне в Сербии (серб. Bačka Topola)
Бестерце (венг. Beszterce) ныне в Румынии (рум. Bistriţa)
Бечкерек (венг. Becskerek) ныне в Сербии (серб. Bečkerek, Zrenjanin)
Вершец (венг. Versec) ныне в Сербии (серб. Vršac)
Дарда (венг. Dárda) ныне в Хорватии (хорв. Darda)
Зента (венг. Zenta) ныне в Сербии (серб. Senta)
Зимонь (венг. Zimony) ныне в Сербии (серб. Zemun)
Зомбор (венг. Zombor) ныне в Сербии (серб. Sombor)
Кула (венг. Kula) ныне в Сербии (серб. Kula)
Липпа (венг. Lippa) ныне в Румынии (рум. Lipova)
Лугош (венг. Lugos) ныне в Румынии (рум. Lugoj)
Опазова (венг. Ópazova) ныне в Сербии (серб. Stara Pazova)
Оршова (венг. Orsova) ныне в Румынии (рум. Orşova)

[1] Ярким примером отношения Белграда к меньшинствам стало нежелание радикального правительства Николы Пашича подписывать даже Сен-жерменский договор, гарантирующий права меньшинств сноску [52].

Паланка (венг. Palánka) ныне в Сербии (серб. Bačka Palanka)
Панчова (венг. Pancsova) ныне в Сербии (серб. Pančevo)
Сабадка (венг. Szabadka) ныне в Сербии (серб. Subotica)
Темешвар (венг. Temesvár) ныне в Румынии (рум. Timişoara)
Уйвидек (венг. Újvidék) ныне в Сербии (серб. Novi Sad)
Фехертемплом (венг. Fehértemplom) ныне в Сербии (серб. Bela Crkva)
Ходшаг (венг. Hódság) ныне в Сербии (серб. Odžaci)
Комитаты (области) и регионы
Баншаг (венг. Bánság) ныне в Сербии и Румынии (серб. Banat)
Бараня (венг. Baranya) ныне в Хорватии (хорв. Baranja)
Бач-Бодрог (венг. Bács-Bodrog) ныне в Венгрии и Сербии (серб. Bač-Bodrog)
Бачка (венг. Bácska) ныне в Сербии (серб. Bačka)
Делвидек (венг. Délvidék) ныне в Сербии (серб. Vojvodina)
Муравидек (венг. Muravidék) ныне в Словении (слов. Prekmurje)
Муракэз (венг. Muraköz) ныне в Словении (слов. Medžimurje)
Серемшег (венг. Szerémség) ныне в Сербии (серб. Srem)
Реки
Драва (венг. Dráva) ныне в Венгрии и Хорватии (рум. Drava)
Марош (венг. Maros) ныне в Венгрии и Румынии (рум. Mureş)
Мура (венг. Mura) ныне в Венгрии, Словении и Хорватии (слов. и хорв. Mura)

Источники и литература / References

1. A. Sajti Enikő: A Délvidék elcsatolása. // Bűntudat és győztes fölény. Magyarország, Jugoszlávia és a délvidéki magyarok. Szerk.: Jeney Zsuzsanna. Szegedi Tudományegyetem Történettudományi Doktori Iskola Modernkori Program, Szeged, 2010. P. 25–46.
2. A. Sajti Enikő: A jugoszláviai magyarok politikai szervezkedésének lehetőségei és korlátai (1918–1941) // Regio, 1997 № 2. P. 3–31.
3. A. Sajti Enikő: Változások a kisebbségi magyar társadalomban. // Bűntudat és győztes fölény. Magyarország, Jugoszlávia és a délvidéki magyarok. Szerk.: Jeney Zsuzsanna. Szegedi Tudományegyetem Történettudományi Doktori Iskola Modernkori Program, Szeged, 2010. P. 47–64.
4. Arhiv Jugoslavije (Архив Югославии) 159–58.
5. Arhiv Jugoslavije (Архив Югославии) 336–15. V/1. 6121
6. Arhiv Jugoslavije (Архив Югославии) 341–4. 6225.
7. Arhiv Jugoslavije (Архив Југославии) 398–1.
8. Az Est, 4 марта 1919 г. P. 2.
9. Balkanski ugovorni odnosi 1876-1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II. tom. (1919–1945) // Prired.: Momir Stojković. Beograd, JP Službeni list SRJ, 1998. 709 p.
10. Csuka János: A délvidéki magyarság története 1918–1941. Budapest, Püski, 1995. 499 p.
11. Ekmečić, Milorad: Ratni ciljevi Srbije 1914. Beograd, Srpska književna zadruga, 1973. 550 p.
12. Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről 1918–1919. // Szerk.: Ádám Magda, Ormos Mária. Budapest, Akadémiai, 1999. 408 p.
13. Gačeša, Nikola L.: Agrarna reforma i kolonizacija u Bačkoj 1918–1941. Novi Sad, Matica Srpska, 1968. 286 p.
14. Gačeša, Nikola L.: Agrarna reforma i kolonizacija u Banatu, 1919–1941. Novi Sad, Matica srpska, 1972. 420p.
15. Građa o stvaranju Jugoslovenske države 1. I. 1918–20. XII. 1918. I-II. Prired. Dragoslav Janković, Bogdan Krizman. Beograd, Institut društvenih nauka, 1964. 818 p.
16. Hajdu Gyula: Harcban az elnyomók és megszállók ellen. Pécs Város Tanácsa, Pécs, 1957. 451 p.
17. Janjetović, Zoran: A magyar és a német kisebbség Jugoszláviában, 1918–1941. // Magyarország és a Balkán a XX. században. Szerk. A. Sajti Enikő. Szeged, JATE Press, 2011. P. 19–40.
18. Janjetović, Zoran: Deca careva, pastorčad kraljeva. Institut za noviju istoriju Srbije. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2005. 457 p.
19. Kalafatović, Danilo: Naša primirja u 1918. godini. // Srpski književni glasnik, 1923 № 7. P. 513–519.
20. Károlyi Mihály: Egy egész világ ellen. Budapest, Gondolat, 1965. 550 p.
21. Kecić, Danilo: Revolucionarni radnički pokret u Vojvodini 1917–1921. Novi Sad, Filozofski fakultet u Novom Sadu Institut za istoriju, 1972. 481 p.
22. Krizman, Bogdan: Beogradsko primirje. Zbornik Matice Srpske za društvene nauke, 1967. P. 111–134.
23. Krizman, Bogdan: Srpska Vrhovna komanda u danima raspada Austro-Ugarske 1918. Historijski zbornik, 1961. P. 167–216.
24. Magyarok kisebbségben és szórványban. A Magyar Miniszterelnökség Nemzetiségi és Kisebbségi Osztályának válogatott iratai 1919–1944. Szerk.: Bán D. András, Diószegi László, Fejős Zoltán, Romsics Ignác (főszerk.), Vinnai Győző. Budapest, Teleki László Alapítvány, 1995. 732 p.
25. Magyarország története. Főszerk.: Ránki György. 8/1. köt. Budapest, Akadémiai, 1988. 728 p.
26. Mesaroš, Šandor: Mađari u Vojvodini 1929–1941. Novi Sad, Filozofski Fakultet u Novom Sadu Institut za Istorije, 1989. 401 p.
27. Mesaroš, Šandor: Položaj mađara u Vojvodini 1918–1929. Novi Sad, Filozofski fakultet u Novom Sadu Institut za istoriju, 1981. 280 p.
28. Popović, Daka: Banat, Bačka i Baranja. Savremeni nacionalni, politički i društveni problemi. Novi Sad, 1935. 42 p.
29. Veliki rat Srbije za oslobođenje i ujedinjenje Srba, Hrvata i Slovenaca 1914–1918. g. Knjiga 31. Beograd, Štamparska radionica Ministarstva vojske i mornarice, 1939. 398 p.
30. Vinaver, Vuk: Jugoszlávia és Magyarország a Tanácsköztársaság idején. // Századok, 1971 № 6. P. 1217–1246.

Сведения об авторе

Арпад Хорняк – доцент Печского Университета, ведущий научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных наук Венгерской Академии Наук, специалист истории Балканского полуострова в XIX–XX вв. и венгеро-югославских отношений в XX веке (Печ, Венгрия) / bajmok1@gmail.com

Information about the author

Árpád Hornyák – Associated Professor, University of Pecs, senior research fellow, Institute of History of the Hungarian Academy of Sciences in Budapest, specializes in the history of the Balkans in the 19th and 20th century and the Hungarian-Yugoslav relations in the 20th century (Pecs, Hungary) / bajmok1@gmail.com

УДК 349.2

Т. Ф. Вышеславова

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ НА СТАВРОПОЛЬЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Становление института коллективных трудовых споров прошло немалый исторический период: от признания права на трудовые конфликты до полного их отрицания и рецепции их в трудовых отношениях. Определенный отпечаток на данный институт наложили исторические условия развития общественных отношений в стране. Анализируя ранее разработанные правовые нормы, мы выявляем закономерности развития коллективных трудовых споров, глубже понимаем объективные и субъективные условия возникновения трудовых конфликтов и ориентируемся на профилактику разногласий в сфере наемного труда.

Данная статья посвящена правовому анализу советского периода становления нормотворческой деятельности на Ставрополье в сфере регулирования трудовых конфликтов. В ней анализируется деятельность профсоюзов, работодателей и власти по созданию правовой базы для урегулирования трудовых споров в губернии на фоне отсутствия правовой регламентации трудовых разногласий на союзном уровне и массовых выступлений работников по защите своих экономических прав и интересов. На конкретном архивном материале автором рассмотрены эффективные шаги нормотворческой деятельности по разрешению трудовых споров в Ставропольской губернии. Уделено внимание особенностям локального нормотворчества в период коллективной защиты трудовых прав работниками по инерции после революции и до полного исчезновения из правовых актов советской России норм о регулировании коллективных трудовых споров.

Ключевые слова: коллективные трудовые конфликты, трудовые права, стачечное движение, забастовка, требования рабочих, профессиональные союзы, органы по разрешению трудовых конфликтов, коллективных договор.

Tatyana Vysheslavova

FEATURES OF COLLECTIVE LABOR DISPUTE RESOLUTION IN THE STAVROPOL TERRITORY DURING THE SOVIET PERIOD

The formation of the institution of collective labor disputes has passed a considerable historical period from the recognition of the right to labor conflicts to their complete denial and reception in labor relations. The historical conditions for the development of public relations in the country have left a certain imprint on this institution. Analyzing previously developed legal norms, we identify patterns of development of collective labor disputes, better understand the objective and subjective conditions of labor conflicts and focus on the prevention of disputes in the field of hired labor.

This article is devoted to the legal analysis of the Soviet period of the formation of normative activity in the Stavropol region in the field of regulation of labor conflicts. It analyzes the activities of trade unions, employers and authorities to create a legal framework for the settlement of labor disputes in the province against the background of the lack of legal regulation of labor disputes at the Union level and mass actions of employees to protect their economic rights and interests. Based on specific archival material, the author considers the effective steps of standard-setting activities to resolve labor disputes in the Stavropol province. Attention is paid to the peculiarities of local rule-making during the period of collective protection of labor rights by employees due to inertia after the revolution and before the complete disappearance of norms on the regulation of collective labor disputes from the legal acts of Soviet Russia.

Key words: collective labor conflicts, labor rights, strike movement, strikes, workers' demands, trade unions, bodies for resolving labor conflicts, collective agreements.

Начало данного периода характеризуется как упадком промышленности и сельского хозяйства, так и нестабильностью власти в связи с войной. Так в 1917–1918 гг. в губернии действовали 3 металлообрабатывающих предприятия с нагрузкой до 40%, из имеющихся 9. Простаивали 311 предприятий по причине отсутствия сырья и топлива, а существующие мельницы работали 5–10 дней в месяц. Отмечалась высокая безработица, зарегистрированных безработных числилось 13,2 тысяч [15, с. 64].

Годы военного коммунизма в губернии имели следующие черты: уничтожалась рыночная связь между частными хозяйствами; народное хозяйство управлялось партийной властью; национализированные предприятия превращались в государственные, работающие даже без выгодности; снижалась заинтересованность рабочих в производительности труда; оплата труда зависила от состава семьи, а не от квалификации работника.

Забастовочное движение в эти годы не прекращалось, так 07.04.1918 г. земские служащие г. Ставрополя защищали свои интересы по оплате труда в связи с тем, что заработная плата учителя равнялась оплате труда рабочего 1–2 разряда. По архивным данным коллективные выступления работников сильны были до 1920 года, в связи с чем, на Ставрополье были учреждены первые концентрационные лагеря для «чуждых элементов», где содержались рабочие – участники волнений и забастовок [11, л.105]. Профсоюзы продолжали включать в содержание уставов пункты о проведении забастовок в «случае недоразумений, возникших по условиям договоренности между предпринимателями и служащими»

[8, л.88, 124]. Вводятся временные правила для фабзавкомов «О рабочих комитетах в промышленных заведениях» от 23.04.1917 года. П.16 правил предусматривал примирительный порядок разрешения трудовых споров. Коллективные договоры того времени не обходились без условий по разрешению коллективных трудовых споров. Например, колдоговор Ставропольского профсоюза кожевников от 05.04.1918 г. предусматривал разрешение спора третейским судом, созданного на паритетной основе сторон спора с участием нейтрального лица (п.18.). Также споры разрешались в Губернской фабрично-заводской камере в срок до 6 месяцев [6, л.44].

Однако правовых норм по разрешению трудовых споров было недостаточно даже на губернском уровне, что служило толчком развитию локального нормотворчества. Так 16.03.1918 г. протоколом конференции заводских комитетов и правлением профсоюзов было принято решение о добавлении в существующие Правила найма и расчета рабочих и служащих Ставропольской губернии пункта о том, что «все конфликты передаются на рассмотрение Правления Бюро – до разработки законоположений о рабочем суде» [4, л.3]. Все это свидетельствует о том, что коллективные споры не имели достаточного регулирования, что конечно ущемляло права трудящихся.

Подтверждение нашего вывода мы находим в резолюции общего собрания Ставропольского губбюро профсоюзов от 9.11.1917 г., рассматривавшего требование местного Окружного суда об исключении из уставов профсоюзов положений о праве свободы проведения стачек и образования стачечных капиталов. Данное собрание вынесло решение о необходимости запроса от прокурора Ставропольского Окружного суда, чем вызвано и на каком основании это требование предъявлено. Отмечалось, что оно не соответствует завоеваниям революции. Собрание требовало предложить тем лицам, выдвинувшим данное требование удалиться из Окружного суда, чтобы «не было возвратных движений к старому режиму» [5, л.14].

Из этого следует, что революционные завоевания в сфере разрешения коллективных трудовых споров попираются, но вера в то, что новая законодательная база не только закрепит права на разрешение трудовых конфликтов и забастовку, но и подробно их регламентирует, присутствует в рабочей среде.

Начало 1918 г. в губернии было ознаменовано работой комиссии по пересмотру взаимных отношений работников и работодателей. Свидетельства данной правовой работы мы находим в материалах Государственного архива Ставропольского края, где сохранились протоколы заседаний, свидетельствующие о трудной работе комиссии по разработке путей урегулирования трудовых конфликтов, опирающихся на статьи 48, 51, 95, 97, 50, 60, 103 Устава о примышленном труде и Правил по найму рабочих от 18.03.1913 г., а также и иные нормативные документы власти. Интересно заседание комиссии от 28.08.1918 года, где анализировалась ст. 62 Устава в части ответственности рабочих за участие в забастовке или стачке и об их допустимости [10, Журнал №2. Л.8; Журнал №4. Л.9.]. По мнению комиссии, забастовка разрешалась с условием, если были исчерпаны все возможные способы примирения между представителями спорящих сторон. Способствовать урегулированию спора должны были уже созданные Ставропольская Примирительная Камера, конфликно-расценочные комиссии предприятий и примирительные комиссии при Ставропольском губпрофбюро.

Заседание комиссии от 04.09.1918 г. обсуждало вопрос о посредничестве между трудящимися и работодателями, где признано необходимым развитие местной торговли и промышленности, скорейшее разрешение конфликтов в данной сфере в губернии, вплодь до издания по этим вопросам республиканского закона. Комиссия вынесла решение о создании Торгово-промышленной Палаты или Управы с паритетным участием в их работе представителей работников, работодателей, власти - фабричного Инспектора, Губернского Инженера, городского и земского самоуправления. Этот орган получал право надзора за всей торгово-промышленной жизнью губернии. Органом регулирования трудовых конфликтов закреплялись примирительные камеры, которые должны были действовать в уездах и крупных промышленных центрах губернии. Представительство в них строилось на паритете работников и работодателей. В камеру входили по три представителя от сторон спора и три по назначению губернской власти. Предусматривалось наличие кандидатов, которые могли замещать представителей сторон. Спор должен был рассмотрен безотлагательно после его подачи в камеру.

Обращает на себя внимание тот факт, что члены комиссии даже не представляли себе, что советское государство в скором будущем исключит все нормы о праве на забастовку из всех нормативно-правовых актов.

Однако на последнем заседании комиссии от 26.09.1918 г. разработанные Правила были приняты, что закрепляется Ставропольским военным губернатором, издавшим приказ №369. О значении данного документа можно судить по обращению Ставропольского губбюро профсоюзов к Совету профсоюзов Екатеринодара 19.04.1919 г.: «Комиссия по выработке правил взаимоотношений между рабочими и работодателями сообщает, что выработанные этой комиссией правила представлены Ставропольским губернатором в Особое Совещание при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России, с ходатайством об утверждении их, не ожидая разработки рабочего вопроса в законодательном порядке. Утверждение указанных правил в самом спешном порядке для ставропольских рабочих крайне необходимо, так как правилами этими предусматривается организация органов, регулирующих взаимоотношения рабочих и работодателей, а так как в Ставрополе в настоящее время их нет, благодаря чему не представляется разумно разрешать трудовые конфликты» [7, л.14]. Заметим, что данные сведения публикуются впервые, так как исследователи истории Ставрополья этого периода не обращались к данному локальному акту.

В губернии забастовки имели место и в 1919 г., руководимые Северо-Кавказским Советом профсоюзов, разрабатывающим претензии к работодателям и обеспечивающим мирное разрешение трудового

спора. Конечно, данные Правила в действительности военного коммунизма не могли действовать в отдельно взятой губернии и были отменены в газете «Губернские ведомости» 01.07.1919 г. приказом №191 Ставропольского генерал-губернатора на основе Правительственного распоряжения [16].

Опубликование данного приказа вызвало протест губернских профсоюзов. В своих доводах профсоюзы ссылались на успешную работу комиссии по созданию Правил, которые определяли законные органы разрешения трудовых конфликтов и давали возможность их законного разрешения. Правила явились сдерживающим фактом при разрешении разногласий, давали возможность однообразно подходить к урегулированию споров и являлись единственным законным путем разрешения трудовых конфликтов. Отмена данного нормативного акта, подчеркивалось профсоюзами «дает повод к самостоятельным выступлениям рабочих и неправомерного разрешения недоразумений. Просим оставить временные Правила в силе». Также в обращении к власти губернии констатировалось: «Высшая власть, вопреки власти местной, вырывая почву законности, толкает рабочих на путь анархии и самостоятельных выступлений в борьбе за свое экономическое право» [8, л.88, 124]. Профсоюзы слагали с себя всякую ответственность за отстаивание трудящимися своих экономических прав.

После начала НЭПа в губернии ожила практика заключения коллективных договоров между работниками и работодателями. Совет профсоюзов губернии становиться органом защиты своих членов в трудовых отношениях. Экономические права работников встречали противодействие предпринимателей и существенных выгод работники не чувствовали от работы данного Совета профсоюзов. Недовольные стали выходить из объединения профсоюзов, а в мае-июне 1920г. Совет покинули 12 крупных профсоюзов, что отразилось на его структуре и значимости. В этом же году Совет был упразднен распоряжением Уполномоченного Всероссийским Центральным Советом профсоюзов и НКТ на Северном Кавказе. Однако в середине 1920 г. в губернии избирается Краевой Совет профсоюзов, в структуре которого был создан особый конфликтный отдел, осуществлявшем большую работу по предотвращению трудовых конфликтов на предприятиях края [1].

В стране в 1921 г., наконец, выходит декрет «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах», который предписывал при рассмотрении споров действовать на принципах трипартизма, где судьями выступали – Председатель от Правления Союза и представители администрации и работников. В губернии издается Положение о трудовых дисциплинарных судах приказом №6 от 05.04.1921 г. В содержание Положения входит условие, что председатель суда является постоянным его членом, а представители сторон избирались сроком на 6 месяцев. Так трудовой дисциплинарный суд рассматривал спор 14.01.1921 г. работников одного из кожевенных заводов при отказе выхода на работу 31 рабочего, которые подверглись дисциплинарной ответственности от строгого выговора до предупреждения о привлечении к принудительным работам [3, л.20].

В этот период времени в губернии в сфере разрешения трудовых конфликтов работают и расценочные конфликтные комиссии, где рассматривались споры в сфере оплаты труда работников. Профсоюзы также стали органом по урегулированию трудовых споров, что закреплялось п.13 Положением о конфликтных комиссиях. Споры урегулировались на уровне профсоюза и только затем поступали на рассмотрение конфликтной комиссии.

Таким образом, начинает действовать новый принцип о предварительном рассмотрении спора профсоюзом, но данный принцип не получает широкого применения, так как комиссии отдела Труда могли разрешать спор и без рассмотрения его профсоюзом. Однако сама комиссия при отделе Труда часто убеждала рабочих в полезности предварительного обращения в профсоюз. Отделы Труда подчеркивали преимущества профсоюзов при защите интересов своих членов, тем более в случае не урегулированности конфликта оставалась возможность обращения в отдел Труда. Стороны имели право на обжалование решений конфликтной комиссии в трехмесячный срок с момента вынесения решения только в кассационном порядке.

Также в 1922 г. в губернии издается Положение о примирительных камерах и третейских судах. Так п.1 указанного положения предписывал создание примирительных камер и третейских судов по разрешению споров по заключению, изменению и выполнению коллективных договоров и других споров в сфере наемного труда. Положение даже предусматривало возможность, если в ходе урегулирования спора обнаруживались признаки уголовных правоотношений, то они должны были быть выделены и направлены на рассмотрение народных судов. П.2 Положения предусматривал рассмотрение споров примирительными камерами только в добровольном порядке. Решение, достигнутое сторонами, приобретало силу обязательности для участников спора (п. 6 Положения).

В случае недостижения соглашения в примирительной камере стороны могли обращаться в третейский суд с обязательным подчинением решению данного суда, в противном случае народный судья мог привести данное решение к принудительному исполнению (п.7 Положения). Интересным является тот факт, что при разрешении трудовых споров в государственных организациях третейский порядок рассмотрения спора являлся обязательным. Однако нормы анализируемого Положения не действовали для предприятий транспорта, где для разрешения споров ВЦСПС и НКТ разрабатывались специальные нормы [2, л.34].

Все сказанное говорит о том, что на Ставрополье в период НЭП были созданы и действовали органы по разрешению коллективных трудовых споров, регулируемые исключительно на локальном уровне. Констатацией разрешаемого спора являлся конфликтный бланк, направляемый в Центральное бюро статистики содержащий сведения о ходе разрешения спора и решения по нему.

В 1922 г. в губернии принимается постановление НКТ, ВЦСПС и УСЦИ «О постановке текущей регистрации и учета конфликтов и забастовок» №259 от 29.05.1922г, где указывалось на необходимость заполнения конфликтных бланков. Примечательно,

что в нем предусматривалось условие, что при не достижении сторонами спора соглашения, спор мог перерасти в забастовку, что так же документировалось специальным бланком (раздел 1, примечание 2). Разделом 2 постановления регламентировался данный учет забастовок. Вся информация по забастовкам концентрировалась в Губернской Секции Статистики Труда. Был разработан даже бланк локаута, где особое место уделялось оплате времени отказа от работы работников и суммам потерянной заработной платы рабочими в период забастовки.

Статистические данные того времени говорят о том, что только в сентябре 1922 г. в губернии было зарегистрировано множество коллективных трудовых споров. Так, регистрацию прошли 34 спора на государственных предприятиях, в кооперативных организациях – 7, которые разбирались профсоюзами, отделом Труда, примирительными камерами третейским судом [12, л.26, л.31–45].

Таким образом, Ставропольская губерния имела значительное число трудовых конфликтов и в основном на государственных предприятиях. Это объяснялось наличием на предприятиях первичных органов профсоюза, которые защищали экономические интересы работников в разнообразных органах примирения.

Однако уже в январе 1923 г. все сведения, связанные с коллективными трудовыми спорами, засекречиваются и концентрируются в созданном Ставропольском губернском суде. Все данные действия закрепляются в Инструкции по борьбе с злоупотреблениями в органах НКТ, а также циркуляре НКТ от 18.09.1923 года с пометкой «совершенно секретно». Последующий затем циркуляр «О предоставлении сведений местными органами НКТ о возникающих конфликтах и забастовках» предусматривал наблюдения за промышленной жизнью с целью предупреждения возникновения трудовых конфликтов [13, л. 5. Циркуляр № 14/ктв 30/501; л. 69. Циркуляр №36 от 12.09.1923 г.].

Циркуляром предписывалось наблюдение над настроением трудящихся, и принятие соответствующих мер профсоюзами, Инспекцией Труда по устранению возможности конфликтов и забастовок на предприятиях всех форм собственности. В обязанность профсоюзов и Инспекции входило немедленное донесение при ситуации, грозившей трудовым конфликтом органам власти, посредством телеграфа через органы ГПУ, передаваемая секретным шифром, о причинах спора и возможности ликвидировать конфликт местными средствами и какие средства могут предотвратить конфликт.

Из этого следует, что профилактика трудовых конфликтов шла не по пути экономического улучшения положения работников и условий труда, а концентрировалась в выяснении настроений трудящихся и принуждении исполнения решений органов, рассматривающих трудовые споры. Следующий циркуляр «О заработной плате служащих» от 19.11.1923 г. №440 устанавливал требования к колдоговорам государственных служащих, где заработная плата работника 1 разряда «не должна превышать 15 червонных рублей», а гарантии в локальных актах не должны быть выше, чем установлены в действующем КЗоТ. Мало того, при превышении указанных гарантий, такие колдоговоры подлежали задержке в регистрации и подлежали пересмотру [14, л.29, 88]. В середине 1924 г. начинают действовать в губернии Камеры инспекции труда, на которые возлагались обязанности и по устранению трудовых споров.

Примечательно, что, включая 1927 г., на Ставрополье работали Окружная Камера Труда по особому внутреннему распорядку, который предусматривал привлечение к ответственности работников, которой не было в КЗоТ 1922 г., например, за опоздание на работу служащие Камеры могли подвергнуться вычетам из заработной платы. В 1925 г. в губернии принимается Положение о РКК (расценочная конфликтная комиссия), которая разрешала конфликты между администрацией и месткомами по поводу исполнения коллективных договоров, а также по вопросам увольнения и переводов работников. Решение РКК было обязательно для сторон спора.

С середины 1927 г. практика разрешения трудовых споров надолго уходит из регулирования трудовых правоотношений. Наступил период полного запрета коллективных протестов, разногласия разрешаются только в рамках коллективных договоров. Все попытки массовых выступлений пресекались властью.

Данный анализ позволяет нам сделать несколько выводов.

1. Забастовки и трудовые конфликты в губернии были не редки с 1917 по 1927 гг., когда трудящиеся использовали коллективные формы борьбы, защищая свои права, как бы по инерции со стачечным дореволюционным периодом. Споры разрешались на основании локального нормотворчества профсоюзов и местной власти на паритетной основе, несмотря на отсутствие регламентации на государственном уровне.

2. Прерогатива в правовом регулировании трудовых отношений данного периода отводилась союзному ведению, за исключением особенностей коллективных договоров. Это объясняет недолговечность нормативных актов, изданных в губернии для разрешения коллективных трудовых споров. Действующий КЗОТ не предусматривали наличие трудовых конфликтов и их разрешения.

3. На Ставрополье действовали недолго различные органы примирения, их работа регламентировалась местными нормативными актами. Большинство конфликтов возникало на государственных предприятиях, которые разрешались мирным путем.

4. Дальнейшее урегулирование разногласий в сфере наемного труда ограничивается рамками заключения и выполнения колдоговоров. Таким образом, общеправовой кризис в сфере трудовых отношений ярко отразился на регулировании коллективных трудовых споров, на Ставрополье.

Литература

1. Власть Советов. Ставрополь. 1922. №70.
2. ГАСК. Ф.197. Оп.1. Д.68.
3. ГАСК. Ф.197. Оп.1. Д.364.
4. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.1.

5. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.2.
6. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.27.
7. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.57.
8. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.58.
9. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.58.
10. ГАСК. Ф.Р-2430. Оп.1. Д.157.
11. ГАСК. Ф.2765. Оп.2. Д.3.
12. ГАСК. Ф.3808. Оп.1. Д.29.
13. ГАСК. Ф.3808. Оп.1. Д.29.
14. ГАСК. Ф.3808. Оп.1. Д.29.
15. Круглов А. И. Ставропольский край в истории России. Часть 2. -Ставрополь, 2001. 352с.
16. Губернские Ведомости. 1919. 1 июля.

References

1. Vlast' Sovetov. Stavropol'. 1922. No.70. (In Russian).
2. State archive of Stavrpol territory (GASK). F.197. Inv.1. D.68. (In Russian).
3. GASK. F.197. Inv.1. D.364. (In Russian).
4. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.1. (In Russian).
5. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.2. (In Russian).
6. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.27. (In Russian).
7. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.57. (In Russian).
8. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.58. (In Russian).
9. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.58. (In Russian).
10. GASK. F.R-2430. Inv.1. D.157. (In Russian).
11. GASK. F.2765. Inv.2. D.3. (In Russian).
12. GASK. F.3808. Inv.1. D.29. (In Russian).
13. GASK. F.3808. Inv.Op.1. D.29. (In Russian).
15. Kruglov A.I. Stavropol'skii krai v istorii Rossii *(Stavropol Territory in the history of Russia)*. Part 2. Stavropol', 2001. 352 p. (In Russian).
16. Gubernskie Vedomosti. 1919. July 1. (In Russian).

Сведения об авторе

Вышеславова Татьяна Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vysheslavova_tf@mail.ru

Information about the author

Vysheslavova Tatyana – PhD in Law, Accossiate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Instute of Law, North-Caucasus Federal Institute (Stavropol) / vysheslavova_tf@mail.ru

УДК: 347.73

А. В. Гладчук

ПРИНЦИПЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК И ИХ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Основные направления финансового контроля в сфере закупок определяются финансово-правовой политикой государства. Таким образом в целях понимания сущности принципов финансового контроля в сфере закупок в рамках данной научной статьи выделяется научное обоснование понятий «финансовая политика» и «финансово-правовая политика».

Принципы финансового контроля, приобретают определенное значение благодаря осуществлению практической всесторонней деятельности финансового контроля. В статье указывается на выделение в науке финансового права определенной категории принципов, являющихся общеотраслевыми основами общественных отношений. Так, например, одни и те же принципы, закрепляемые в финансовом, налоговом, валютном, бюджетном праве, а именно – законности, гласности, системности.

Для достижения результативности при проведении финансово-контрольной деятельности необходимо руководствоваться теми или иными принципами. При проведении финансового контроля в любой сфере общественной жизни, в том числе государственного заказа, необходимо знание основ, на которых построены контрольные мероприятия. Для определения таких правовых основ (принципов) необходимо определить «источник» их образования.

В данной научной статье раскрываются содержание, проблематика и правовые особенности принципов финансового контроля в сфере закупок, даются научные подходы к определению сущности принципов финансового контроля, а также выделяются автором виды принципов финансового контроля и их правовое значение, как условие реализации внешнего финансового контроля сферы закупок.

При этом в статье представлены авторские типы принципов финансового контроля в сфере закупок исходя из положений законодательства о контрактной системе в сфере закупок, а также предлагаются меры по совершенствованию результатов процедур закупок с точки зрения качества, результативности и достижения необходимых задач, определяемых законодательством о государственном заказе.

Учитывая изложенное выше, а также принимая во внимание, что законодательством Российской Федерации не закреплены принципы финансового контроля в сфере закупок, для обеспечения эффективной контрольной деятельности по соблюдению бюджетного законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по составлению, исполнению и расходованию бюджетных средств страны в сфере закупок, подтверждается актуальность темы рассматриваемой в данной статье.

Ключевые слова: принципы финансового контроля, принципы финансового контроля в сфере закупок, финансовый контроль, правовая основа, принцип открытости и прозрачности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа, принцип эффективности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа.

Anton Gladchuk

PRINCIPLES OF FINANCIAL CONTROL IN THE FIELD OF PURCHASES AND THEIR LEGAL FIXING

The main directions of financial control in the field of procurement are determined by the financial and legal policy of the state. Thus, in order to understand the essence of the principles of financial control in the field of procurement, this scientific article highlights the scientific justification of the concepts of “financial policy” and “financial and legal policy”.

The principles of financial control acquire a certain significance due to the implementation of practical comprehensive activities of financial control. The article points to the allocation of a certain category of principles in the science of financial law, which are the General principles of public relations. For example, the same principles are enshrined in financial, tax, currency, and budget law, namely, legality, transparency, and consistency.

In order to achieve effectiveness in conducting financial and control activities, it is necessary to follow certain principles. When conducting financial control in any sphere of public life, including state orders, it is necessary to know the ground on which control measures are based. To determine such legal bases (principles), it is necessary to determine the “source” of their formation.

The article reveals the content, issues and legal aspects of the principles of financial control in procurement, scientific approaches to determination of essence of the principles of financial control are given. The author specifies the types of financial control principles and their legal significance, as a condition of implementation of external financial control in the area of procurement.

The article presents the author’s types of principles of financial control in procurement based on the provisions of the legislation on contract system in procurement and proposes measures to improve the results of procurement procedures, in terms of quality, impact and achievement of required tasks specified in the law on the state order.

In view of the above, and taking into account the fact that the legislation of the Russian Federation does not stipulate the principles of financial control in the sphere of procurement to ensure effective verification activities on the compliance with budget legislation and other regulatory legal acts that regulate preparation, execution and budget spending of the country in the field of procurement, the topics discussed in this article appear to be relevant.

Key words: principles of financial control, principles of financial control in the field of procurement, financial control, legal framework, the principle of openness and transparency of financial control in the field of public procurement, the principle of the effectiveness of financial control in the field of public procurement.

Основные направления финансовой деятельности в сфере закупок определяются финансово-правовой политикой государства. Необходимо выделить в рамках данной научной работы различия двух на первый взгляд схожих категории «финансовая политика» и «финансово-правовая политика».

В целях дальнейшего понимания сущности принципов финансового контроля необходимо обратиться к существующему научному обоснованию понятия «правовая политика». Так, например, ученым А.В. Малько было дано определение правовой политике, как деятельности государственных и муниципальных органов, осуществляемой систематически и

последовательно и направленной на создание механизма правового регулирования для обеспечения прав, и свобод человека и гражданина, укрепления дисциплины, законности и правопорядка, формирования правовой государственности и высокого уровня правовой культуры, жизни общества и личности [10]. Правовая политика осуществляется правовыми средствами, поэтому их необходимо модернизировать, увеличивать их эффективность [12, с. 237].

Необходимо отметить, что в науке финансового права особое место среди видов правовой политики занимает финансовая политика. Е.В. Покачаловой отмечается определенная дифференциация финансовой политики в качестве государственной политики и финансово-правовой политики государства в качестве разновидности правовой политики государства [15].

Под финансово-правовой политикой понимается публичная деятельность субъектов финансового права по созданию эффективного механизма финансово-правового регулирования в целях образования, распределения и использования денежных фондов страны [6, с. 302].

Необходимо обратиться к сопоставлению терминов «контроль» и «финансовый контроль», «правовая политика» и «финансово-правовая политика». Указанные понятия соотносятся, как общее и частное соответственно. В частном содержатся основные начала общего, но с учетом формирования своих частных положений. Таким образом, изучая принципы контроля без учета положений о сущности финансов вообще и финансового права в частности, невозможно определить принципы финансового контроля.

Основными целями финансового контроля, в том числе в сфере государственного заказа являются обеспечение законности, рациональности и эффективности использования бюджетных ресурсов, обеспечить эффективное управление бюджетными фондами страны. Финансовый контроль и финансово-правовая политика обладают общей целью по успешной реализации правовой политики государства [18, с. 29].

Для достижения результативности при проведении финансово-контрольной деятельности необходимо руководствоваться отельными, законодательно установленными принципами. При проведении финансового контроля в сфере государственного заказа, необходимо руководствоваться основополагающими направлениями деятельности, в соответствии с которыми проводятся контрольные мероприятия. При определении таких правовых основ (принципов) необходимо знать «источник» их образования.

Понятие «правовая основа» очень часто используется в праве: в отношении бюджетной системы, деятельности органов финансового контроля и так далее. Так само понятие «основа» имеет следующие значения. Например, Д. Н. Ушаковым дается понятие, как «внутренняя часть предмета, опорой остальным частям, каркас; что является сущностью чего-нибудь; источник, базис» [19]. Также А. Ю. Кожевников определяет указанное понятие как «база, базис, фундамент» [4].

Таким образом, при определении понятия «правовая основа» приходим к выводу, что это основа, обеспеченная правом; сущность, определенная нормами права.

Определить значимость принципа права, как основы обеспеченной нормой права, можно исследовав предложения ученых юристов в своих научных трудах. Так, например, Н. И. Химичевой было предложено закрепить принципы финансового права отдельным нормативным правовым актом [21]. Учитывая, что институт финансового контроля входит в отрасль финансового права предложенное Н. И. Химичевой имеет отношение и к принципам финансового контроля. Схожую позицию по поводу закрепления принципов финансового права можно проследить у Т. В. Конюховой, которой была предложена концепция Федерального закона «О финансовом контроле» [5].

Ученым А. В. Малько дается определение понятия принципа, как «основное, исходное начало, положение, идея, выражающее сущность права» [1, с. 51]. О. И. Мамина при определении понятия принципа, как отправного начала, законодательного требования выделяет две категории принципов, а именно общие, которые распространяются на все органы и специальные, которые относятся к отдельному органу [11, с. 49].

Необходимо отметить, что принципы, которые лежат в основе финансового контроля являются сходными с основными началами, которые закрепляются во многих отраслях права. Деятельность по финансовому контролю осуществляется на основании следующих принципах: законность, объективность, независимость, разграничение функций, гласность [13, с. 57].

Таким образом, под принципами финансового контроля понимаются – основополагающие начала, исходные правовые положения финансового контроля, сложившиеся в практике, в той или иной сфере финансового контроля (в настоящем исследовании – в сфере финансового контроля в сфере государственного заказа).

Учеными юристами в своих трудах указываются отдельные значения принципов права. Так, например, Н. И. Химичевой определяется, что «правовые принципы позволяют раскрывать и исключать недостатки законодательства» [22, с. 5]. Более точное определение принципа, характеризующее значение его основного признака, целенаправленности и объективности, указывается Д. А. Смирновым, а именно определяется, что правовой принцип – это «закрепленное в нормах права основополагающее требование, направляющее процесс создания и функционирования права» [16].

Принципы финансового контроля, приобретают определенное значение благодаря осуществлению практической всесторонней деятельности финансового контроля. В науке финансового права можно выделить определенную категорию принципов, являющихся общеотраслевыми основами общественных отношений. Так, например, одни и те же принципы, закрепляемые в финансовом, налоговом, валютном, бюджетном праве, а именно – законности, гласности, системности. Иная категория принципов, отличная от общеотраслевых, выделяется в зависимости от особенностей отдельной отрасли права, от-

дельного института – особые принципы. Так, например, в налоговом праве – «принципы правового статуса налогоплательщиков» [16], «принцип установления, введения в действие и прекращения действия ранее введенных налогов субъектов РФ и местных налогов» [17, с. 62]; в валютном – и т.д.

При исследовании принципов финансового контроля необходимо выделить их правовую основу – Лимская декларация [9]. Лимской декларацией закрепляется особый присущий только институту финансового контроля принцип независимости субъектов контроля [9].

Указанный принцип предполагает независимость в двух аспектах: как самостоятельность при осуществлении контрольных мероприятий, (самостоятельность в выборе контрольных объектов, самостоятельность при принятии решений); независимость от других органов власти при осуществлении контрольных мероприятий (отсутствие какого-либо вида воздействия на орган контроля или уполномоченное должностное лицо контрольного органа).

Необходимо отметить, что Лимской декларацией предусматривается невозможность полной свободы контрольных органов, ввиду того, что они являются частью государства [9]. Невозможно говорить о принципе независимости субъектов контроля, учитывая, что в основном субъекты контроля — это органы определенной ветви власти, а значит зависимы от вышестоящего органа. Указанный принцип применим только к контрольно-счетным органам РФ, так как они не являются органами ни исполнительной, ни законодательной ветви власти. Но с учетом определенных особенностей этой независимости, а именно контрольно-счетные органы создаются высшим представительным органом власти соответствующего уровня и являются ему подотчетными. Учитывая изложенное, прослеживается отсутствие необходимости закрепления указанного принципа в международном правовом акте.

Необходимо отметить, что в Лимской декларации отсутствует определение понятия независимость, но закрепляется разъяснение указанного принципа, а именно «независимость от проверяемых организаций и защита от постороннего влияния» [9]. На основании указанного, не представляется возможным точно определить, что понимается под «посторонним влиянием». Можно определить данное понятие, как полное невмешательство в деятельность уполномоченного лица при осуществлении контрольного мероприятия, как со стороны контрольного объекта, так и со стороны собственного руководства.

Существует позиция ученого В. В. Бурцева согласно которому деятельность субъекта контроля является независимой от иных лиц в том числе собственного руководства [2]. Невозможно представить ситуацию, при которой подчиненный является независимым от руководства. В этом случае может иметь место случаи несоответствия соблюдения принципа независимости и локальных нормативных актов контрольного органа, в том числе должностных регламентов.

Еще один принцип закрепленный в Лимской декларации – принцип финансовой независимости. Содержание данного принципа исходит из материальной самостоятельности при реализации органом контроля контрольных мероприятий, а именно подразумевается наличие собственных денежных ресурсов. Учитывая, что органы финансового контроля, за исключением контрольно-счетных органов Российской Федерации являются органами исполнительной либо законодательной власти, получающие в соответствии с бюджетным законодательством средства от главных распорядителей бюджетных средств, остается нерешенным вопрос реализации в полной мере указанного принципа.

Руководящее начало соответствия контрольных мероприятий программе проверки контрольного органа, закрепленный в статье 13 Лимской декларации предполагает упорядочивание деятельности контрольного органа при осуществлении контрольных мероприятий. На практике данный принцип может проявляться в разработке и утверждении перед осуществлением контрольных мероприятий программ проверки с указанием вопросов проверки в соответствии с установленными полномочиями органа контроля.

Согласно ст. 15 Лимской декларации установлен принцип международного обмена опытом, который имеет значение для взаимодействия между иностранными контрольными органами в целях формирования знаний для решения проблемных вопросов, повышения уровня знаний при изучении международной практики совершаемых ошибок при осуществлении контроля.

Определенный интерес вызывает принцип отчетности, указанный в главе VI Лимской декларации [9]. Учитывая закрепленный Лимской декларацией принцип независимости, можно говорить об осуществлении определенного вида контроля за деятельностью контрольного органа, согласно предоставляемым отчетам о деятельности за определенный период. Таким образом, прослеживается идея закрепления скрытого вида контроля за контрольным органом. Необходимо конкретнее определить позицию того, что ни один контрольный орган не должен являться последней инстанцией.

В науке финансового права многими учеными выделяются одинаковые принципы финансового контроля. Так, например, принципы плановости, системности, непрерывности, законности, объективности, независимости, гласности, эффективности выделяются С. П. Опенышевым, В. А. Жуковым [14], В. В. Бурцевым [2], А. Г. Грязевой [20], В. Е. Кузнеченковой [7].

Исходя из представленного выше, можно сделать вывод о том, что существует определенный набор принципов финансового контроля, по которому исследователи приходят к общему мнению, а именно законность, гласность, объективность, независимость, системность. Необходимо отметить, что указанный набор принципов применим во многих отраслях права и является общим для любого процесса государственной деятельности.

Можно провести аналогию по разделению норм права на общие и специальные, так, например, в Бюджетном кодексе РФ имеются две части (общая и особенная), также существует следующая классификация принципов – общие и специальные. Специальные принципы права выделяются в определен-

ных процессах деятельности в соответствии со специальной компетенцией отдельных государственных органов, в том числе органов финансового контроля.

Общие принципы можно определить, как правовые требования, подлежащие применению в любой области деятельности государства независимо от сферы применения. Такие принципы, как законность, гласность, объективность, системность являются основными для любой сферы деятельности государства.

Учитывая изложенное необходимо определить общие принципы применительно к деятельности по финансовому контролю в сфере государственного заказа. Так, принцип законности, основан на положениях Конституции РФ о верховенстве конституции и федеральных законов [8]. В практическом смысле указанный принцип представляет собой реализацию полномочий органов финансового контроля в полном соответствии с нормами законодательства Российской Федерации.

Принцип гласности предусматривает, деятельность органов финансового контроля является открытой и доступной, информирование общественности о результатах осуществляемых ими проверочных мероприятий. Принцип объективности подразумевает беспристрастность и непредвзятость к объектам контроля при осуществлении уполномоченными должностными лицами контрольных мероприятий. Беспристрастность и непредвзятость подразумевает, что по результатам мероприятий контроля делаются выводы после объективной и достоверной оценки фактов деятельности объектов контроля.

Отдельно стоит выделить принцип независимости как особый принцип применяемый к деятельности органов внешнего государственного финансового контроля. При изучении принципа независимости можно выделить две основные категории: функциональная и организационная. Организационная независимость подразумевает наличие отдельных властных полномочий, благодаря которым исключается вмешательство в деятельность контрольного органа со стороны органов государственной и муниципальной власти. Функциональная независимость подразумевает наличие определенных прав и гарантий у уполномоченных должностных лиц, благодаря которым исключается влияние на принятие решения уполномоченного должностного лица в ходе осуществления должностных полномочий и принятия ими решений. Существует мнение Е.М. Гутцайт, что в сфере контрольной деятельности полная независимость не возможна [3].

По результатам мероприятий финансового контроля уполномоченное должностное лицо должно принимать решение исходя из принципа объективности, независимо от различного рода обстоятельств (например, при осуществлении проверки поступила информация, что объект контроля имеет нарушения бюджетного законодательства за деятельность, осуществляемую в предыдущие годы) указанное не должно являться определяющим наличие или отсутствие его вины в ходе настоящей проверки.

Учеными указывается на возможность конфликта принципов между собой [17]. В случае, когда один принцип противоречит другому так, например, принцип независимости противоречит принципу системности включающим в себя подчиненность органов контроля высшему органу исполнительной власти. В данном случае необходимо соблюдать права и интересы субъектов и их свободы.

Существуют отдельные мнения ученых по поводу понимания принципа системности. Так учеными А. Г. Грязевой и К. В. Маркиной под указанным принципом понимается единство правовой основы, периодичность в проведении финансового контроля [21]. Иное понимание данному принципу дается С. П. Опенышевой и В. А. Жуковой, а именно указывается обязательность рассмотрения всей системы взаимосвязей объекта контроля по вертикали и горизонтали структуры управления [14].

При исследовании позиций разных ученых, выделяются такие принципы, как плановости и ответственности, которые можно определить, как общие. Плановость предполагает установление, упорядочение мероприятий в соответствии с графиком деятельности контрольного органа. Принцип ответственности понимается как возможность претерпевать как позитивный, так и негативный характер мер реагирования в зависимости от правильности осуществляемой хозяйственной деятельности объекта контроля. Так, например, по результатам проверок может быть указано на недопущение в дальнейшем действий, которые могут повлечь наказание в виде административной или уголовной ответственности, либо применяются меры по привлечению лица к ответственности при выявлении состава совершаемого или совершенного правонарушения.

В ходе анализа научных трудов и предложенных учеными правовых принципов необходимо выделить отдельно особые принципы финансового контроля в сфере государственного заказа. Так, например, сфера государственных закупок основывается на принципах: открытости, прозрачности информации, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков и т.д.

В деятельности по осуществлению финансового контроля в сфере государственного заказа можно выделить авторский *принцип открытости и прозрачности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа*. Указанный принцип подразумевает обеспечение открытости и прозрачности информации о результатах финансового контроля.

Благодаря этому принципу в единой информационной системе осуществляется сбор, хранение и открытый доступ к информации о результатах проверок в рамках финансового контроля в сфере закупок, в том числе по результатам внешнего государственного финансового контроля в виде аналитической информации, размещаемой ежегодно на официальный сайт государственных закупок контрольно-счетными органами.

Следующий принцип, который можно выделить – это принцип профессионализма. В рамках указанного принципа подразумевается осуществление проверочных мероприятий уполномоченными должностными лицами органа финансового контроля, обладающих специальными знаниями в сфере государственного заказа.

Также можно выделить авторский *принцип эффективности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа*. Данный

принцип подразумевает обеспечение экономической обоснованности и рационального использования всех видов государственных и муниципальных ресурсов при осуществлении процедур закупок.

Одной из проблем развития финансового контроля является отсутствие закрепления его в отдельном нормативном правовом акте с разграничением конкретных недублирующих полномочий органов финансового контроля. На сегодняшний день складывается ситуация, при которой проводятся неоднократные проверочные мероприятия разных органов одного и того же подконтрольного объекта по одинаковым вопросам проверок. В результате, одно и то же лицо подвергается многочисленным проверкам. Таким образом, складывается ситуация, при которой частота проверок напрямую зависит не только от ее регламентации, но и от количества органов контроля.

Учитывая, что органы финансового контроля в сфере закупок осуществляют контроль за использованием средства бюджета в сфере государственного заказа, особое значение приобретает закрепление законодателем принципа эффективности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа.

Таким образом в системе финансового контроля в сфере государственных закупок предлагается выделить и закрепить две группы принципов: общие (законность, гласность, объективность и другие) и особенные (специальные): принцип открытости и прозрачности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа; принцип профессионализма; принцип эффективности осуществления финансового контроля в сфере государственного заказа.

Принимая во внимание, что российским законодательством о государственном заказе регулируются отношения, направленные на обеспечение нужд государства в лице государственных или муниципальных органов, а также иных учреждений, использующих систему государственного заказа в целях выполнения своих функций и задач с использованием средства бюджета, закрепление указанных выше принципов обеспечит совершенствование системы финансового контроля за эффективным расходованием бюджетных средства страны.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2011. 704 с.
2. Бурцев В. В. Основные принципы организации государственного финансового контроля в современных условиях // Финансовый менеджмент. 2005. № 2. С.23–24.
3. Гутцайт Е. М. Независимость финансового контроля и его качество // Аудиторские ведомости. 2007. № 9. С.15–23.
4. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: Практический справочник: Том 1. СПб.: Нева, 2003. 448 с.
5. Конюхова Т. В. К вопросу о концепции проекта федерального закона «О финансовом контроле» // Журнал российского права. 2006. № 6. С.16–27.
6. Крохина Ю. А. Финансовое право России. – 3-е изд. М.: НОРМА, 2008. 720 с.
7. Кузнеченкова В. Е. Принцип системности – основа государственного и муниципального финансового контроля // Финансовое право. 2010. № 3. С.21–24.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения 25.03.2020).
9. Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята в г. Лиме (Республика Перу) 17 октября 1977 г. – 26 октября 1977 г. IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)). Документ опубликован не был // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения 25.03.2020).
10. Малько А. В. Правовая политика и российское законодательство XXI века // Законодательство России в XXI веке: материалы научно-практической конференции. (17 октября 2000 г.). М.: Городец-издат, 2002. С.30–35.
11. Мамина О.И. Проблемы реализации принципов правосудия как показатель отношения граждан Российской Федерации к состоянию правосудия в России на современном этапе // Российская юстиция. 2008. № 10. С.47–51.
12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. 512 с.
13. Овсянников Л. Н. Государственный финансовый контроль: учреждения и возможности // Финансы. 2012. № 6. С.53–57.
14. Опенышев С. П., Жуков В. А. Предмет, метод, виды и принципы государственного финансового контроля // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2000. № 4. С. 21-23.
15. Покачалова Е. В. Публичный долг: Теоретические и практические аспекты российского финансового права в Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов: СГАП, 2007. 66 с.
16. Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов: СГАП, 2011. 58 с.
17. Смирнов Д. А. О понятии принципов налогового права // Правоведение. 2009. № 5. С.50–69.
18. Терехова Е. В. Финансово-правовые аспекты современного управления инвестициями // Финансовое право. 2008. № 8. С.25–31.
19. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.
20. Финансы: учебник. 2–е изд. / под ред. А.Г. Грязевой, К.В. Маркиной. М.: КНОРУС, 2012. 496 с.
21. Химичева Н. И. Актуальность научного обоснования принципов современного российского финансового права и их законодательное закрепление // Актуальные проблемы современного финансового права России: сб. науч. тр., посвящ. 80-летию доктора юридических наук, проф., акад. МАН ВШ Н.И. Химичевой / под ред. Е. В. Покачаловой. Саратов: СГАП, 2008. С.8–18.
22. Химичева Н. И. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. 2009. № 2. С.4–6.

References

1. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A.V. Mal'ko (*Big legal dictionary*). Moscow: Prospekt publ., 2011. 704 p. (In Russian).
2. Burcev V. V. Osnovnye principy organizacii gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v sovremennyh usloviyah (*Basic principles of the organization of state financial control in modern conditions*) // Finansovyj menedzhment. 2005. No. 2. P. 23–24. (In Russian).

3. Gutcajt E. M. Nezavisimost' finansovogo kontrolya i ego kachestvo (*Independence of financial control and its quality*) // Auditorskie vedomosti. 2007. No. 9. P. 15–23. (In Russian).

4. Kozhevnikov A. U. Bol'shoj sinonimicheskij slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: Prakticheskij spravochnik. Vol 1. (*Big synonymic dictionary of the Russian language. Speech equivalents: A practical guide*). St.Petersburg: Neva publ., 2003. 448 p. (In Russian).

5. Konyuhova T. V. K voprosu o koncepcii proekta federal'nogo zakona «O finansovom kontrole» (*On the issue of the concept of the draft Federal law "On financial control"*) // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. No. 6. P. 16–27. (In Russian).

6. Krohina Yu. A. Finansovoe pravo Rossii (*Financial law of Russia*). Moscow: NORMA publ., 2008. 720 p. (In Russian).

7. Kuznechenkova V.E. Princip sistemnosti – osnova gosudarstvennogo i municipal'nogo finansovogo kontrolya (*The principle of consistency - the basis of state and municipal financial control*) // Finansovoe pravo. 2010. No. 3. P. 21–24. (In Russian).

8. Konstituciya Rossijskoj Federacii (*The Constitution of the Russian Federation*) (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s popravkami ot 30 dekabrya 2008 g., 5 fevralya, 21 iyulya 2014 g.) URL: http://base.garant.ru (Accessed: 25.03.2020). (In Russian).

9. Limskaya deklaraciya rukovodyashchih principov kontrolya (*Lima Declaration of control guidelines*) (prinyata v g. Lime (Respublika Peru) 17 oktyabrya 1977 g. – 26 oktyabrya 1977 g. IX Kongressom Mezhdunarodnoj organizacii vysshih organov finansovogo kontrolya (INTOSAI)). Dokument opublikovan ne byl URL: http://base.garant.ru (Accessed: 25.03.2020). (In Russian).

10. Mal'ko A. V. Pravovaya politika i rossijskoe zakonodatel'stvo XXI veka (*Legal policy and Russian legislation of the XXI century*) // Zakonodatel'stvo Rossii v XXI veke: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (17 oktyabrya 2000 g.). Moscow: Gorodets-izdat publ., 2002. P. 30–35. (In Russian).

11. Mamina O. I. Problemy realizacii principov pravosudiya kak pokazatel' otnosheniya grazhdan Rossijskoj Federacii k sostoyaniyu pravosudiya v Rossii na sovremennom etape (*Problems of implementing the principles of justice as an indicator of the attitude of citizens of the Russian Federation to the state of justice in Russia at the present stage*) // Rossijskaya yusticiya. 2008. No.10. P.47–51. (In Russian).

12. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava (*Theory of state and law: the textbook*). Moscow: Yurist publ., 2004. 512 p. (In Russian).

13. Ovsyannikov L. N. Finansovyj kontrol' kak sistema (*Financial control as a system*) // Finansy. 2000. No. 12. P. 53–57. (In Russian).

14. Openyshev S.P., Zhukov V.A. Predmet, metod, vidy i principy gosudarstvennogo finansovogo kontrolya (*Subject, method, types and principles of state financial control*) // Byulleten' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii. 2000. No. 4. P. 21 – 23. (In Russian).

15. Pokachalova E. V. Publichnyj dolg v Rossijskoj Federacii: voprosy teorii finansovogo prava. (*Public debt in the Russian Federation: questions of the theory of financial law*). Saratov: SSAL Publ., 2007. 66 p. (In Russian).

16. Smirnov D. A. Principy rossijskogo nalogovogo prava: teoreticheskie i prakticheskie aspekty formirovaniya i realizacii (*Principles of Russian tax law: theoretical and practical aspects of formation and implementation*). Saratov: SSAL Publ., 2011. 58 p. (In Russian).

17. Smirnov D. A. O ponyatii principov nalogovogo prava (*On the concept of principles of tax law*) // Pravovedenie. 2009. No. 5. P. 50–69. (In Russian).

18. Terekhova E.V. Finansovo-pravovye aspekty sovremennogo upravleniya investiciyami (*Financial and legal aspects of modern investment management*) // Finansovoe pravo. 2008. No. 8. P.25–31. (In Russian).

19. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetanij (*Big explanatory dictionary of modern Russian: 180,000 words and phrases*). Moscow: Alta-Print publ., 2005. 1239 p. (In Russian).

20. Finansy: uchebnik. 4-e izd. (*Financial: the textbook*) / ed by A.G. Gryazevoj, K.V. Markinoj. Moscow: KNORUS publ., 2012. 496 p. (In Russian).

21. Himicheva N. I. Aktual'nost' nauchnogo obosnovaniya principov sovremennogo rossijskogo finansovogo prava i ih zakonodatel'noe zakreplenie (*Relevance of scientific substantiation of the principles of modern Russian financial law and their legislative consolidation*) // Aktual'nye problemy sovremennogo finansovogo prava Rossii: sb. nauch. tr., posvyashch. 80-letiyu doktora yuridicheskih nauk, prof., akad. MAN VSH N.I. Himichevoj / ed by E.V. Pokachalovoj. Saratov: SSAL publ., 2008. P.8–18. (In Russian).

22. Himicheva N.I. Nauchno obosnovannye principy finansovogo prava kak vektor ego dejstviya, razvitiya i formirovaniya novoj metodologii prepodavaniya (*Science-based principles of financial law as a vector of its action, development and formation of a new teaching methodology*) // Finansovoe pravo. 2009. No. 2. P.4–6. (In Russian).

Сведения об авторе

Гладчук Антон Владимирович – аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gladchukavzakupki@ yandex.ru

Information about the author

Gladchuck Anton – Post-graduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / gladchukavzakupki@yandex.ru

УДК 340.1

И. А. Кузьмин

ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье, на основе анализа доктринальных, справочных нормативных и правоприменительных источников, исследованы явления «правовая позиция» и «политическая позиция». В качестве источниковой базы исследования послужили доктринальные и справочные материалы, международные договоры и соглашения, положения внутригосударственного права, а также акты международных и национальных юрисдикционных органов. Установлено отсутствие единообразного понимания правовых и политических позиций во внутригосударственных и международных официальных документах. Содержание правовой позиции в отечественной правовой системе зачастую связывается с результатами толкования норм права участниками судебного процесса. На межгосударственном уровне правовые позиции рассматриваются в качестве сформулированных правовых убеждений (системы правовых убеждений) отдельных субъектов, которые могут коррелировать или противопоставляться по отношению друг к другу. Политические позиции выражают отношение субъектов политики к различным элементам политической сферы, оценку соответствующих политических явлений и результаты выбора средств и методов политической борьбы. Отмечено многообразие трактовок политических позиций в российском и международном праве, в решениях межгосударственных юрисдикционных органов в контексте права обозначить политическую волю, положения (статуса), политического отношения к институтам власти и источника информации о политической жизни. Выявлены противоречия в структуре правовых, политических и фактических позиций, которые могут быть рациональными и иррациональными, повторяя укоренившиеся особенности и дефекты в правосознания субъектов-носителей. Проведено соотнесение правовых и политических позиций в системе «форма» и «содержание». Определены продуктивные свойства и качества правовых и политических позиций, способных предупреждать (содействовать преодолению, разрешению) юридические и политические конфликты. Предложена классификация правовых и политических позиций по степени значимости на официальные, официозные и неофициальные.

Ключевые слова: правовые позиции, политические позиции, внутригосударственные отношения, международные отношения, юрисдикционный процесс.

Igor Kuzmin

LEGAL AND POLITICAL POSITIONS IN THE CONTEXT OF INTERNAL AND INTERNATIONAL RELATIONS

In the article, based on the analysis of doctrinal, reference normative and law enforcement sources, the phenomena «legal position» and «political position» are investigated. Doctrinal and reference materials, international treaties and agreements, provisions of domestic law, as well as acts of international and national jurisdictional bodies served as the source of the research. The absence of a uniform understanding of legal and political positions in domestic and international official documents was established. The content of the legal position in Russia is often associated with the results of the interpretation of the norms of law by the participants in the trial. At the interstate level, legal positions are considered as formulated legal beliefs (systems of legal beliefs) of individual subjects, which can enter into dissonance with respect to each other. Political positions express the attitude of the subjects of politics to various elements of the political sphere, assessments of the relevant political phenomena and the results of the choice of means and methods of political struggle. The author notes the diversity of interpretations of political positions in Russian and international law, in the decisions of interstate jurisdictional bodies in the context of the right to designate political will, position (status), and political attitude to the institutions of power and as a source of information about political life. The study reveals contradictions in the structure of legal, political and factual positions, which can be rational and irrational, repeating the corresponding features and defects of legal consciousness of the subjects-carriers. Correlation of legal and political positions in the system "form" and "content" is carried out. The productive properties and qualities of legal and political positions that can prevent (assist in overcoming, resolving) legal and political conflicts have been determined. The classification of legal and political positions according to the degree of importance into official, semi-official and unofficial is proposed.

Key words: legal positions, political positions, internal relations, international relations, jurisdictional process.

Международная политическая и внутринациональная правовая системы подразумевают одновременное функционирование целого спектра политико-правовых феноменов, каждый из которых обеспечивает закрепление (статику) и реализацию (динамику) разнообразных нормативных и индивидуальных положений. В последнее десятилетие в качестве одного из «движущих» международную практику явлений стали называть политические и правовые позиции, интегративное восприятие которых привело к появлению нового термина «политико-правовые позиции».

В целях определения содержания конструкта «политико-правовая позиция», обратим внимание на составляющие его элементы: **правовую позицию** и **политическую позицию**. При этом мы будем ориентироваться, преимущественно, на официальные политические и правовые позиции.

В отечественном праве термин «***правовая позиция***» был впервые использован в ст. 73 (утратившей силу) Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ, применительно к принятым данным органом решениям, в которых эти позиции содержались. В ст. 29 рассматриваемого закона конкретизировано, что акты Конституционного Суда РФ выражают конституционно-выверенную правовую позицию судей. Ранее сформулированные Конституционным Судом правовые позиции могут также служить основанием для разрешения отдельных категорий дел без проведения слушаний (ст. 47.1 Закона). Как указал в своем постановлении

от 13.02.2020 г. № 8-П Конституционный Суд РФ, рамки его компетенции по рассмотрению жалоб предполагают необходимость судопроизводства только в тех случаях, когда без проверки конституционности закона нарушенные права и свободы не могут быть восстановлены, назвав соответствующее замечание правовой позицией. Г. А. Гаджиев высказался в том плане, что определяя конституционно-правовое содержание правовых норм посредством толкования, суд прибегает к юридической технике, именуемой «правовая позиция», под которой понимается отношение суда к определенной норме права [4, л. 8]. Позднее профессор уточнил свою точку зрения, указав, что под правовой позицией следует понимать «принцип решения группы юридических дел… Это своеобразные лекала, которые применимы и для разрешения других сходных дел» [5, л. 102]. В таком контексте может идти речь о признании судебного прецедента в России, против чего категорически возражают В. С. Нерсесянц и Б. С. Эбзеев. Вместе с тем, авторы проблемного комментария к Конституции РФ под редакцией В. А. Четвернина полагают, что авторитет казуального толкования, даваемого Конституционным Судом РФ, понуждает все остальные публичные органы и юридическую науку ориентироваться на правовые позиции, закрепленные в актах суда. То есть, фактически создаются прецеденты толкования, имеющие нормативную силу [11, л. 54]. Использование правовых позиций в правоприменительной деятельности осложняется тем, что ориентация органов, граждан и общественных объединений на достижение задач, стоящих перед гражданским обществом, требует специальной юридической подготовки и наличия у соответствующих субъектов широкого правопонимания [16, л. 31]. Потребность подобного «плюралистического» видения правовой действительности и отступления от однобокой ее интерпретации, по мнению Р. Р. Габиляна, И. Н. Клюковской и Е. Н. Кониной, имеется во всех современных государствах (в особенности находящихся на перепутье) [3, л. 165]. Как верно установили А. М. Дроздова и Е. Г. Зинков, от типа правопонимания и согласованности его доминирующих аспектов непосредственно зависит содержание правового пространства и источники права [8, л. 29]. Между тем, рассматриваемый термин может иметь и иную словоформу: «позиция права» [12, л. 324].

Принятие (установление) правовых позиций, соответственно, является непременным условием развития любого государства и правовой системы. Как сказано в ст. 78 Конституции Королевства Тайланд от 24.08.2007 г. [10, л. 789–912] государство принимает на себя обязанность действовать согласно политике государственного управления, в том числе − учредить судебный орган, формулирующий правовые позиции по деятельности государства, чтобы гарантировать действие принципа господства права.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что правовые позиции суды зачастую связывают с правовой квалификацией, проводимой не только Конституционным Судом РФ, но и Верховным Судом РФ. Например, в апелляционном определении Курганского областного суда от 15.01.2019 г. № 33-121/2019 правовой позицией был назван акт правовой квалификации, изложенный в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.09.2018 г. № 11-КГ18-17.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 г., термин «правовая позиция» употреблен в нескольких смыслах:

− в качестве позиции сторон (истца и ответчика) по конкретному судебному делу;

− толкования (правовой квалификации) конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в определении коллегии и постановлении Президиума;

− толкования конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом;

− толкования конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в постановлении Пленума;

− толкования конкретных положений Конституции и (в соотношении с ней) федерального закона Конституционным Судом РФ.

Соответственно, под правовой позицией высший судебный орган понимает любое толкование норм права, отношение суда или стороны процесса к конкретным правовым и фактическим положениям, исходя из условий и обстоятельств определенной ситуации. В связи с этим правовые позиции могут иметь меньшую (в судебном решении) или большую (в постановлении Пленума) степень обобщенности и, соответственно, охватывать сферу, которая ограничивается обстоятельствами отдельного казуса или целой группой реальных и потенциальных юридически-значимых обстоятельств, отвечающих критерию нормативности. Формой закрепления правовых позиций могут быть разнообразные акты суда, выносимые в процессе правосудия и иных официальных видов деятельности. Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) признает возможность формирования правовых позиций также районными судами, судами субъектов, органами местного самоуправления (на что ЕСПЧ было обращено внимание в постановлениях от 24.06.2010 г., жалоба № 30141/04, от 25.11.2010 г. жалоба № 30251/03).

Неудивительно, что даже в специализированных работах [1, л. 56-57] авторы крайне осторожно высказываются о месте и роли правовых позиций в правовой системе, избегая категоричных индуктивных выводов.

В плане работы на 2020 г. (постановление от 25.12.2019 г. № 236/1756-7) Центральная избирательная комиссия Российской Федерации закрепила такое направление деятельности как подготовку правовых позиций ЦИК РФ по запросам различных органов власти. Согласно п. 3.3.2.2. Регламента Счетной палаты Российской Федерации (утвержденного постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.06.2013 г. № 3ПК) проекты документов, представляемые на подпись аудитору, руководителю аппарата (или его заместителю) Счетной Палаты РФ визируются директором Правового департамента в случаях, когда они содержат правовую позицию данного органа. В письме Федеральной налоговой службы России от 12.12.2019 г. № БС-4-21/25601 налоговым органам предлагается обосновать свою

правовую позицию на основе разъяснений Министерства финансов России (письмо от 11.12.2019 г. № 03-05-04-01/96698). Верховный Суд РФ напрямую признал право иных органов исполнительной власти (Правительства РФ, Минэкономразвития, Минюста РФ, ФСБ РФ, Росрыболовства и др.) формулировать правовые позиции в процессуальных документах (возражениях, пояснениях и т.д.) в решениях от 21.08.2019 г. по делу № АКПИ19-451, от 28.11.2019 г. по делу № АКПИ19-786, от 05.12.2019 г. по делу № АКПИ19-866, от 12.12.2019 г. по делу № АКПИ19-829 и в других. В приложении к приказу Федеральной антимонопольной службы России от 08.08.2019 г. № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» приведен пример запроса Генеральной прокуратуры РФ в ФАС России о выделении специалиста. Причем целью данного запроса является оперативное получение правовой позиции ФАС России по материалам прокурорской проверки. Согласно п. 36 распоряжения Министерства транспорта Российской Федерации от 10.10.2019 г. № ЕД-138-р ответы на запросы из Управления Президента России по работе с обращениями граждан и организаций могут предоставляться в виде информационных справок, документов, материалов и правовых позиций. В апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25.07.2019 г. № АПЛ19-250 имеется ссылка на правовую позицию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, изложенная в письме от 23.07.2019 г. № УПП/03879-ОБ» по вопросу толкования использованного в законе понятия «военная техника».

Упоминания о правовых позициях можно встретить и на международном уровне. Так, постановлением № 38-23 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 г. был утвержден Словарь юридической терминологии для государств-участников, в котором термин «правовая позиция» получил свое официальное закрепление в международных отношениях. В ст. 2 Международной конвенции по поиску и спасанию на море 1979 года (заключена в Гамбурге 27.04.1979 г.) специально оговаривается, что ее положения не наносят ущербу настоящим или будущим притязаниям и правовым позициям любого государства по вопросам в морского права. В ст. 28 Типового согласительного регламента Организации Объединенных Наций для разрешения споров между государствами (принят 11.12.1995 г. Резолюцией 50/50 на 87-ом пленарном заседании Генассамблеи ООН) заинтересованным сторонам предписывается предохранять свои правовые позиции, воздерживаясь от преждевременных ссылок на вопросы, по которым не достигнуты договоренности. Кроме того, в документе упомянуты такие термины как «правовые соображения» и «фактологические соображения». Заметим, что в трех своих постановлениях от 17.11.2016 г., вынесенных по делам Поняева, Пчелинцева и Аленцева, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) наравне с правовой позицией использовал термин «фактическая позиция». Между тем в предшествующих актах ЕСПЧ данные понятия, по-видимому, не разграничивались. Например, в п. 38 постановления ЕСПЧ от 31.05.2016 г. по делу «Надтока (Nadtoka) против Российской Федерации» (жалоба № 38010/05) указано, что Европейский Суд разделяет правовую позицию сторон в части целеполагания определенных действий, что является некорректным, так как здесь речь идет скорее о фактах, чем о правовых суждениях. В постановлении от 08 июля 2004 г. (жалоба № 48787/99) ЕСПЧ поднял вопрос о том, могли ли фактические обстоятельства, на которые ссылается государство, повлиять на правовую позицию об ответственности данного государства по Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (Конвенция). Ранее в постановлении от 22.04.1997 г. (жалоба № 21830/93) ЕСПЧ учел в качестве подготовительной информации проблему разграничения научной и правовой позиции к транссексуалам. В постановлении от 02.03.2010 г. (жалоба № 61498/08) ЕСПЧ отмечает, что правовая позиция относительно смертной казни оказала влияние на ряд государств, в том числе обеспечила переход от фактической к юридической отмене этого вида наказания. В ст. 10 Регламента Суда Евразийского экономического сообщества по рассмотрению обращений хозяйствующих субъектов установлено, что судья-докладчик «перед выступлением сторон докладывает фактические обстоятельства дела и излагает правовую позицию по делу» (решение Суда Евразийского экономического сообщества от 22.05.2012 № 12).

Правовые позиции могут формулироваться как самим субъектом международного права, так и его структурными подразделениями. В частности, в постановлении ЕСПЧ от 15.10.2015 г. по делу «Набид Абдуллаев (Nabid Abdullayev) против Российской Федерации» (жалоба № 8474/14) была выявлена правовая позиция Комитета ООН против пыток, исходя из ранее принятых им решений.

В Директиве № 2019/1 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О представлении полномочий антимонопольным органам государств-членов ЕС в целях эффективного правоприменения и обеспечения надлежащего функционирования внутреннего рынка» (г. Страсбург 11.12.2018) говорится о правовой позиции правонарушителей. Указано, что решения компетентных должностных лиц о наложении штрафных выплат должно быть способны влиять на интересы правонарушителей и вызывать «явное изменение их правовой позиции».

В отдельных ситуациях международные организации воспринимают правовые позиции внутринациональных органов. К примеру, Комитет Министров Совета Европы в решении № CM/Del/Dec(2019)-1348/H46-25 (принято 04.06-06.06.2019 г. на 1348 заседании представителей министров) признал интересной правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, подтвердившую пропорциональность для дисциплинарных наказаний и исключительную природу увольнения с должности судьи.

«Рекомендации по установлению льготных режимов торговли для иностранных туристов и временных посетителей по системе tax free», принятые Постановлением № 48-13 на 48-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29.11.2018 г. содержат призыв к парламентам государств − участников СНГ интегрировать в свое законодательство правовую позицию, касающуюся особого налогового режима для иностранных граждан.

В постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств − участников СНГ № 47-5 от 13.04.2018 г. положительно оценено сближение правовых позиций и национальных законов стран в области межкультурного диалога.

В постановлении ЕСПЧ от 28.06.2018 г. (жалоба № 1828/06) говорится, что Конвенция должна применяться непосредственно и прямым образом на территории всех государств − участников конвенции в приоритетном порядке по отношению к внутреннему законодательству. И в этом отношении приветствуется сближение практики Страсбургского и Люксембургского судов и виляние их правовых позиций друг на друга в деле конституционализации европейского правопорядка.

Верховный Суд РФ в рамках контроля, осуществляемого Комитетом Министров Совета Европы над исполнением постановлений ЕСПЧ в России, подготовил документ «Универсализация правовых позиций международных правозащитных организаций», включающий правовые позиции Европейского Суда, изложенные в его постановлениях. Верховный Суд РФ неоднократно отмечал, что любые нормы конвенции следует толковать в соответствии с правовой позицией ЕСПЧ. Такой подход был изложен, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Исходя из содержания приложения № 3 к приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.10.2019 г. № 246 следует, что основанием для внесения в учетно-статистическую карточку на уголовное дело соответствующей записи является поступление дела в связи с правовой позицией ЕСПЧ. В свою очередь в постановлении от 24.03.2016 г. (жалоба № 51445/09) ЕСПЧ признал возможность обычных судов формулировать правовые позиции, направленные на обеспечение эффективности законов, отвечающих положениям Конвенции (в этом качестве они выступают судами Конвенции).

В п. 5.1. выводов решения Суда Евразийского экономического союза от 31.10.2019 г. № СЕ-1-2/6-19-АП прямо установлено, что Суд при рассмотрении дел в качестве дополнительных средств уяснения содержания правовых норм принимает широкий круг источников, включая правовые позиции, выработанные Судом в своей практике. Причем Суд может излагать свои правовые позиции не только в решениях, но и в иных актах, например консультативных заключениях (п. 3.2 консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 31.10.2019 г. № СЕ-2-2/4-19-БК), или выделяя позиции по тексту (как это было сделано в решении Суда Евразийского экономического союза от 03.03.2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-15−КС). Некоторые акты Суда содержат особые мнения судей, в которых правовые позиции также излагаются (например, в консультативном заключении Суда от 18.06.2019 N СЕ-2-1/2-19-БК).

В своем обзоре судебной практики по делам о толковании международных договоров и других актов Содружества о пенсионном обеспечении за период с 1995 по 2016 годы и решениях от 21.03.2017 г. № 01-1/3-16, от 26.11.2015 г. № 01-1/2-15 Экономического Суда СНГ последний отметил, что при толковании норм он учитывает собственные правовые позиции, сформулированные ранее. Данный подход характерен для большинства международных юрисдикционных органов, включая и ЕСПЧ (постановление ЕСПЧ от 08.12.2016 г., жалобы N 37198/09, 27269/10, 29657/10, 35655/11, 46902/11, 63660/12, 14181/15 и 39024/15).

В связи с изложенным, следует признать справедливость мнения Н. А. Власенко, который рассматривает правовую позицию в контексте оценки фактической реальности и системы аргументов, выводов и предложений по ее правовому урегулированию. Это логико-юридическая конструкция, выражающая отношение к правовой реальности [2, л. 299]. Вместе с тем правовая позиция, будучи результатом правового сознания, может отражать как рациональное, так и иррациональное (эмоциональное, инстинктивное, интуитивное и пр.) содержание правосознания ее создателя [7, л. 77].

Обобщая обозначенные выше доктринальные и официальные подходы по вопросу понимания правовой позиции, мы приходим к следующим выводам:

− правовая позиция − универсальная правовая категория, которая может быть использована применительно к регулированию и характеристике внутригосударственных и международных отношений;

− правовые позиции выражают юридически-обоснованное (аргументированное) отношение тех или иных субъектов права к фактическим и/или правовым обстоятельствам;

− правовые позиции возникают (формулируются) в ходе правоинтерпретационного процесса (толкования права) и имеют значение для создания правоположений (правотворчества), разрешения различного рода и вида дел (правоприменения), правореализации в целом;

− правовые позиции излагаются в любых правовых документах, включая международные (нормативные) договоры и соглашения, нормативные и индивидуальные правовые акты, а также иных документах (включая рекомендательные и содержащие нормы «мягкого права»);

− правовые позиции могут быть официальными (обладать юридической силой и регулировать общественные отношения) и неофициальными (не обладать таковой, носить информационный или промежуточный характер);

− официальные правовые позиции взаимодействуют между собой, складываясь в определенную систему, в которой более «свежие» правовые позиции зачастую появляются на основе прежних, вступают в горизонтальные и вертикальные связи, порождая различные правовые последствия при обращении к ним (могут полностью или частично отменять / приостанавливать действие друг друга);

− официальные правовые позиции могут содействовать преодолению правовых коллизий и восполнению пробелов в системе права, служить в качестве средств правового регулирования.

Понятие «***политическая позиция***» также не имеет своей единообразной трактовки, обладает объемным содержанием и рассматривается в различных контекстах.

В политологическом словаре под редакцией М. Г. Штракса политическая позиция упоминается в

качестве структурного элемента политической культуры [6, л. 30]. В словаре А. А. Мустафина политическая позиция, опирающаяся на какую-либо концептуальную основу общего характера, именуется политической платформой [13, л. 96]. Словарь по политологии под редакцией В. Н. Коновалова уделяет особое внимание политической позиции в качестве структурного элемента политического диалога, с которым нужно бороться (если это политическая позиция противника), и который нужно защищать (если это собственная политическая позиция) [15, л. 66–67].

А. О. Зиновьев заметил, что любая политическая позиция выражает социальную позицию субъекта «в том смысле, что образуется из последней в поле политики и зависит от социальной позиции…», кроме того, она существует только в поле политики и определяется по отношению к другим позициям в этом поле [9, л. 135].

Обзор обозначенных выше и ряда иных научных и справочных изданий позволил выявить несколько смыслов термина «политическая позиция»:

– отношение субъектов политики к различным элементам политической сферы;

– оценка субъектами политики различных политических явлений, а также подход к решению проблем общественно-политического развития;

– осознанный выбор субъектами политики средств и методов деятельности в политической сфере.

Сказанное в равной степени относится и к официальным трактовкам политических позиций. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 г. № 4-П орган конституционного контроля отмечает, что основу современной парламентской структуры составляют депутатские фракции, которые позволяют депутатам объединиться, сформировать и коллективно отстаивать свою политическую позицию, облегчая работу законодательного органа и делая ее ход предсказуемым. В ст. 3 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19.07.1998 г. № 114-ФЗ указано, что целью такого сотрудничества также является укрепление военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира.

Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации (утвержденная ранее существовавшей Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков 16.10.2009 г.) исходит из необходимости усиления многопланового взаимодействия по линии ОДКБ, СНГ и ШОС, в том числе – выработке согласованных политических позиций по наиболее важным вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков.

В прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013–2014 годы, разработанный Минэкономразвития отмечается, что обновление и развитие спутниковых систем связи и государственного вещания создаст условия для укрепления экономических и политических позиций Российской Федерации на международном рынке телекоммуникаций.

В своих актах ЕСПЧ неоднократно употребляет термин «политическая позиция» в разных отношениях:

− как право обозначать свою политическую волю гражданином;

− как положение того или иного органа (должностного лица), депутата или политического объединения в политической сфере;

− как вмененное (не соответствующее истине) политическое отношение лица к институтам власти;

− как источник информации о политической жизни.

В силу ст. 29 Договора о Европейском Союзе (Подписан в г. Маастрихте 07.02.1992) Совет, как высший орган ЕС принимает решения, определяющие позицию Союза по отдельным вопросам географического или тематического характера. Государства-члены следят за соответствием своей национальной политики позициям Союза.

С учетом вышеизложенного, и опираясь на традиционный подход к восприятию правовых и политических позиций в официальной юридической практике, мы приходим к выводу, что их в целом нужно различать. Так, ст. 29 упомянутого ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» определяет, что акты КС РФ выражают конституционно-выверенную правовую позицию суда, свободную от политических пристрастий. Согласно положениям ст. 16 Модельного закона о статусе уполномоченного по правам человека (принят 04.12.2004 г. постановлением 24-7на 24-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) установлено, что решения уполномоченного «выражают свободную от политических пристрастий правовую позицию, соответствующую конституции государства, его международным договорам, общепризнанным принципам и нормам международного права».

Несмотря на приведенные положения, мы не можем отрицать тот факт, что принятие (санкционирование) любой правовой нормы – это результат проявления политической воли субъекта, который занимает официальное положение и наделен соответствующими властными полномочиями. В. Д. Перевалов справедливо отмечает, что нормы права испытывают на себе идеологическое воздействие, истоки которого лежат в политических учениях и, порой, конституируют (оформляют в праве) массовые, политические отношения [14, л. 14–15]. Любое правоустановление несет в себе определенную долю конкретной политической позиции, проявившей себя как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения (правореализации).

Конституционный Суд РФ в постановлении от 12 апреля 1995 г. № 2-П отметил, что в ситуации, при которой высшие органы государства, избегая принятия решений, могут попытаться решать политические вопросы через толкование Конституции РФ Конституционным Судом РФ, последний может быть вынужден высказать политическую позицию для предотвращения политического конфликта.

Очевидно, что политические и правовые позиции имеют единое родовое понятие – социальные позиции, предопределенные сложившимися в обществе обстоятельствами и опирающиеся на условия собственной жизнедеятельности разнообразных участников общественных отношений.

На уровне международных отношений, в условиях геополитической и иной борьбы, основные их

участники – государства и международные организации выстраивают межсубъектное взаимодействие, руководствуясь исключительно своими политическими интересами, опираясь на соответствующие политические позиции. В тех же случаях, когда эффективность проявления политической позиции может быть усилена правовой формой – ее облекают в рамки конкретного правового документа, принятого в ходе международного юрисдикционного процесса и она приобретает характер политико-правовой позиции (международного договора, резолюции международной организации, одностороннего акта государства по отношению к другому и т.д.). При этом мы не отрицаем саму возможность существования собственно-правовых позиций в тех вопросах, где у субъектов нет собственной политической заинтересованности (ангажированности), в частности – вопросах регулирования отдельных, как правило, второстепенных (незначимых) процедур, не способных повлиять на итоговое решение.

Обобщая изложенное, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, формулирование и установление политических и правовых позиций является непременным условием развития международной правовой системы и систем национального права, поскольку они отражают динамику разнообразных нормативных правовых и индивидуальных правовых положений.

Во-вторых, термин «правовая позиция» получает свое закрепление в нормах действующего законодательства и широко используется в актах применения права. В конструкте правовой позиции могут объединяться позиции участников юридического процесса, толкование (квалификация) ими отдельных норм права, отражающие отношение субъектов правовой деятельности к правовым и фактическим положениям конкретной или абстрактной ситуации. Функциональные особенности правовой позиции и ее влияние на государственно-правовую действительность можно проследить в многочисленных нормативных документах и актах судебных и внесудебных органов. Большая часть правовых позиций имеют политическое основание, а часть из них − политически ангажирована, что не исключает возможность существования собственно-правовых позиций, свободных от явного политического содержания.

В-третьих, политическая позиция выражает социальную позицию участника политических отношений, основанную на субъективной оценке данным субъектом обстоятельств сложившейся ситуации. В политической позиции может получить свое отражение видение перспектив развития (изменения) политической ситуации, включая методы и средства воздействия на нее. Использование термина «политическая позиция» в официальных источниках и судебной практике также указывает на наличие у него юридически-значимых характеристик. При этом возможно формулирование и постановка политических позиций, не имеющих отношения к праву.

В-четвертых, политико-правовая позиция − условный термин, обозначающий явно выраженную политическую позицию, оформленную в правовом акте (нормативном или индивидуальном) и являющуюся частью определенной ситуации, полностью или частично урегулированной нормами международного и (или) внутринационального права.

В-пятых, предлагается признать для целей практики дифференциацию правовых и политических позиций на официальные (обладающие юридической силой и сформулированные компетентными субъектами), официозные (сформулированные по поручению компетентных субъектов для совершенствования профессиональной деятельности) и неофициальные (не обладающие юридической силой, формулируемые любыми субъектами).

Литература

1. Беляков А. А., Чердаков О. И. К вопросу о правовых позициях в российской правовой системе // Юридическая мысль. 2010. №2. С. 54−58.

2. Власенко Н. А. Теория государства и права. Научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. 424 с.

3. Габрилян Р. Р., Клюковская И. Н., Конина Е. Н. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №4. С. 161−167.

4. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. №3. С. 3−15.

5. Гаджиев Г. А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права / Б.Н. Топорин, Э. Серверэн, К. Гюнтер [и др.]. М.: Юрист, 2000. 224 с.

6. Дейшле В. А., Лобжанидзе А. А. Политология: терминологический словарь / под ред. М.Г. Штракса. М.: МАДИ, 2012. 79 с.

7. Демченко Т. И. О целостном понимании правосознания // Право и образование. 2011. №9. С. 70−79.

8. Дроздова А. М., Зинков Е. Г. Коллизионное единство и многообразие феномена «правопонимание» // Юридический вестник ДГУ. 2013. №1 С. 25−31.

9. Зиновьев А. О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т.6. №4. С. 130−145.

10. Конституции государств Азии. В 3 т. Том 3. Дальний Восток / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Норма, 2010. 1040 с.

11. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / [кол. авт.]; отв. ред.: В.А. Четвернин. М.: [б. и.], 1997. 702 с.

12. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. Изд. 5-е. М.: КНИГОДЕЛ, 2009. 376 с.

13. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012. 168 с.

14. Перевалов В.Д. Норма права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. №5. С. 10−19.

15. Словарь по политологии / под ред. В.Н. Коновалова. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. 285 с.

16. Смирнов Д.А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. №4. С. 29−37.

References

1. Belyakov A. A., CHerdakov O. I. K voprosu o pravovyh poziciyah v rossijskoj pravovoj sisteme *(On legal positions in Russian legal system)* // YUridicheskaya mysl'. 2010. No. 2. P. 54–58. (In Russian).
2. Vlasenko N. A. Teoriya gosudarstva i prava. Nauchno-prakticheskoe posobie dlya samostoyatel'noj podgotovki studentov vsekh form obucheniya *(Theory of State and Law. Scientific and practical guide for self-preparation of students of all forms of education)*. Moscow: YUrisprudenciya publ., 2009. 424 p. (In Russian).
3. Gabrilyan R. R., Klyukovskaya I. N., Konina E. N. Pravovoj plyuralizm: ot genezisa teoreticheskoj koncepcii k realizacii v sovremennyh usloviyah *(Legal pluralism: from the genesis of theoretical concept to implementation in modern conditions)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2019. No. 4. P. 161−167. (In Russian).
4. Gadzhiev G. A. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii *(Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation)* // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 1997. No. 3. P. 3−15. (In Russian).
5. Gadzhiev G. A. Fenomen sudebnogo precedenta v Rossii *(The phenomenon of judicial precedent in Russia)* // Sudebnaya praktika kak istochnik prava / B.N. Toporin, E. Serveren, K. Gyunter [etc.]. Moscow: YUrist publ., 2000. 224 p. (In Russian).
6. Dejshle V. A., Lobzhanidze A. A. Politologiya: terminologicheskij slovar' *(Political Science: Terminological Dictionary)* / M. G. SHtraksa [ed.]. Moscow: MADI publ., 2012. 79 p. (In Russian).
7. Demchenko T. I. O celostnom ponimanii pravosoznaniya *(On holistic understanding of legal consciousness)* // Pravo i obrazovanie. 2011. No. 9. P. 70−79. (In Russian).
8. Drozdova A. M., Zinkov E. G. Kollizionnoe edinstvo i mnogoobrazie fenomena «pravoponimanie» *(Conflict of unity and diversity the phenomenon of legal comprehension)* // YUridicheskij vestnik DGU. 2013. No 1 P. 25−31. (In Russian).
9. Zinov'ev A. O. Rol' diskursa v organizacii politicheskih pozicij *(The role of discourse in the organization of political positions)* // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. 6. No. 4. P. 130−145. (In Russian).
10. Konstitucii gosudarstv Azii *(Constitutions of Asian states)*. In 3 vol. Vol. 3. Dal'nij Vostok / ex. ed. T.YA. Habrieva. Moscow: Norma publ., 2010. 1040 p. (In Russian).
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Problemnyj kommentarij *(Constitution of the Russian Federation. Problematic comment)* / ex. ed. V. A. CHetvernin. Moscow, 1997. 702 p. (In Russian).
12. Llojd D. Ideya prava *(Idea of law)* / translat. M.A. YUmashevoj, YU.M. YUmasheva ; scien. ex.. YU.M. YUmashev. Izd. 5-e. Moscow: KNIGODEL publ., 2009. 376 p. (In Russian).
13. Mustafin A. A. Politologiya: slovar' sovremennyh terminov i vyrazhenij *(Political science: a dictionary of modern terms and expressions)*. Angarsk: AGTA publ., 2012. 168 p. (In Russian).
14. Perevalov V. D. Norma prava: problemy ponimaniya i opredeleniya *(Legal norms: the problems of understanding and definition)* // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. No. 5. P. 10–19. (In Russian).
15. Slovar' po politologii *(Dictionary of Political Science*) / ed. V. N. Konovalov. Rostov-on-Don: RSU publ., 2001. 285 p. (In Russian).
16. Smirnov D. A. O ponyatii principov prava *(On the concept of the principles of the right)* // Obshchestvo i pravo. 2012. No 4. P. 29−37. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск) / grafik-87@yandex.ru

Information about the author

Kuzmin Igor Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk) / grafik-87@yandex.ru

УДК 343.231

Н. В. Мирошниченко, В. Ю. Максимов

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЯ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Насилие как распространенное и сложное социальное явление выступает объектом исследования множества гуманитарных, в том числе правовых, наук. Изучение насилия как способа совершения общественно опасного деяния имеет большое значение в уголовном праве, где предметом научного дискурса становятся вопросы отграничения преступного насилия от непреступного, видов и способов насилия, особенно разнообразных методов осуществления насилия психического. В статье предпринята попытка обобщения опыта уголовно-правового анализа криминального насилия как в Общей, так и в Особенной частях уголовного права и закона. При этом авторы отмечают, что насилие как особый способ совершения общественно опасного деяния не находит должного отражения в уголовно-правовой статистике, осуществляемой отечественными правоохранительными органами.

В работе отмечается многообразие объекта исследования: с одной стороны, сложность его понимания лишь с общефилософских позиций, с другой – широкий спектр даже его криминальных проявлений, что выражается в наличии в уголовном законе России множества обозначающих те или иные его виды терминов. Разнообразны особенности реального выражения уголовного насилия, его влияния на развитие причинно-следственной связи между деянием и последствиями, как и сами наступающие последствия, которые способны выражаться в различных видах вреда многочисленным правам и интересам личности и степенях их проявления.

Вторая, большая часть работы посвящена авторами месту насильственных деликтов в главе Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья человека, анализу конкретных видов используемого при этом насилия, его общественно опасных последствий и их влиянию на предусмотренную законом уголовную ответственность. Значительную часть данного исследования занимают вопросы особенностей квалификации отдельных разновидностей преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, в том числе отграничения одних составов преступлений от других, смежных с ними.

Ключевые слова: насилие, угроза, способ совершения преступления, преступления против жизни и здоровья, убийство, вред здоровью.

Nadezhda Miroshnichenko, Vladimir Maksimov

VIOLENT METHOD OF COMMITTING AN ACT AND ITS MANIFESTATION IN CRIMES AGAINST THE LIFE AND HEALTH OF AN INDIVIDUAL

Violence as a widespread and complex social phenomenon is the object of research in many Humanities, including legal sciences. The study of violence as a method of committing a socially dangerous act is of great importance in criminal law, where the subject of scientific discourse is the separation of criminal violence from non-criminal violence, types and methods of violence, especially various methods of mental violence. The article attempts to generalize the experience of criminal law analysis of criminal violence in both general and special parts of the criminal law and the law. At the same time, the authors note that violence as a special way of committing a socially dangerous act is not properly reflected in the criminal law statistics carried out by domestic law enforcement agencies.

The paper notes the diversity of the object of research: on the one hand, the complexity of understanding it only from a General philosophical position, on the other, a wide range of even its criminal manifestations, which is expressed in the presence of a variety of terms in the criminal law of Russia that denote certain types of terms. There are various features of the actual expression of criminal violence, its influence on the development of the causal relationship between the act and the consequences, as well as the consequences themselves, which can be expressed in various types of harm to numerous rights and interests of the individual and the degrees of their manifestation.

The second, most of the work is devoted to the place of violent torts in the Chapter of the Criminal code of the Russian Federation that provides for liability for crimes against human life and health, the analysis of specific types of violence used in this case, its socially dangerous consequences and their impact on the criminal liability provided for by law. A significant part of this research is the specific features of qualification of separate kinds of crimes under Chapter 16 of the criminal code, including separation of certain offenses from others, connecting with them.

Key word: violence, threat, method of committing a crime, crimes against life and health, murder, harm to health.

В настоящее время применение насилия является едва ли не самым распространенным способом совершения преступных посягательств на охраняемые Уголовным кодексом Российской Федерации интересы личности, общества, государства. По мнению некоторых современных исследователей [4, с.5], насильственный способ характерен, скорее всего, более чем для половины всех совершаемых в нашей стране преступлений. Тем не менее (а может, и в силу этого), преступные деяния, осуществляемые таким образом, не являются учетной единицей в отчетностях о состоянии преступности, публикуемых аналитическими подразделениями МВД и Генпрокуратуры, и не включены ни в один из используемых при формировании статистической отчетности перечней известного Указания 2019 г., принятого данными органами власти.

Любое поведение человека осуществляется тем или иным *способом*, однако для уголовного права (квалификации совершенного деяния в соответствии с определенной уголовно-правовой нормой) установление способа имеет значение не всегда, а лишь в случаях, описанных в уголовном законе (его Особенной либо – реже – Общей частях). Способ (прием, метод) совершения *преступления* – один из его признаков, относящийся в теории уголовного права к факультативным признакам объективной стороны как элемента состава преступления.

Так как состав преступления – это *система* объективных и субъективных признаков деяния, характеризующих его как отдельную разновидность преступления, описанную конкретной уголовно-правовой нормой, то каждый признак преступления в нем взаимосвязан с другими. В частности, очевидна связь способа совершения преступления с иными признаками объективной стороны и объекта преступления. Так, например, насилие как способ совершения деяния предполагает объект своего воздействия – личность потерпевшего, следовательно, оно возможно лишь в преступлениях, прямо или косвенно посягающих на человека.

Однако насилие как способ совершения преступления (внешний признак) взаимосвязано и с его внутренними признаками, относящимися как к субъективной стороне, так и к субъекту преступления. Так, насилие по определению предполагает умышленную форму вины; кроме того, насилие предопределяет своеобразный «насильственный» тип личности преступника.

Из бесчисленного множества данных в прошедшие века определений насилия приведем несколько современных, почерпнутых из различных областей гуманитарных знаний.

1. Философский словарь определяет заглавное понятие следующим образом: «Насилие – общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность» [6, с.349].

2. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, насилие – это «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» [1, с.5].

3. Насилие в уголовном праве – это «внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (группу лиц), осуществляемое помимо или против его (их) воли и способное причинить ему физический, физиологический, психический вред и (или) ограничить свободу его действий или иного волеизъявления» [3, с.22].

С криминологической точки зрения насилие есть одно из проявлений агрессии, т.е. направленности личности преступника на причинение какого-либо вреда жертве.

В Уголовном кодексе Российской Федерации насильственный способ совершения преступлений может обозначаться не только термином «насилие», но и другими, характеризующими его более конкретные (и при этом более опасные) проявления:

1) «особая жестокость» – это особенность способа совершения преступления, выходящего за пределы его «обычной» жестокости, т.е. грубого, открытого нарушения прав человека [5, с.53];

2) «садизм» – проявление жестокости, доставляющие удовольствие лицу, осуществляющему насилие;

3) «издевательство» – длительное осуществление жестоких действий, сопряженное с причинением жертве, как правило, психических, нравственных страданий;

4) «мучение» – доставление потерпевшему также длящихся, но в большей степени физических страданий, боли;

5) «пытка» – это причинение жертве как физических, так и нравственных страданий в каких-либо целях (например, понуждения к чему-либо).

В соответствии с уголовным правом и уголовным законом России, насилие может проявляться в двух основных формах: физической и психической (хотя некоторые авторы называют и другие его формы). Под физическим, как правило, понимается насилие, осуществляемое при непосредственном контакте причиняющего вред лица (либо его орудий и средств, в т.ч. живых) с телом потерпевшего (его отдельными частями) [7, с.101].

Насилие психическое – воздействие на психику (а через нее, возможно, и на физиологические проявления организма) потерпевшего посредством как устных или письменных слов, так и мимики либо жестов [2, с.15]. Наиболее часто встречающийся на практике способ психического насилия – угроза какими-либо неблагоприятными для жертвы и/или других лиц (в первую очередь, ее близких) последствиями и, таким образом, понуждение ее к различным нежелательным для нее действиям/бездействию. Часто к психическому насилию относят так называемый шантаж, который, по сути, является разновидностью психической угрозы, только выраженной в более изощренной форме. Возможно и такое психическое действие, как воздействие испугом (даже как способ убийства), оскорбление, гипноз и т.п. проявления преступного замысла.

Физическое насилие присутствует в совершаемых преступлениях гораздо чаще и может реально проявляться по-разному – во всех способах, в которых выражается само преступное деяние. Так, преступник может осуществлять деяние:

а) собственным физическим (частями тела) воздействием на потерпевшего;

б) при помощи орудий и средств («продолжающих», усиливающих воздействие частей тела);

в) механизмов и веществ, не только усиливающих насильственное воздействие, но и способных действовать на расстоянии и в другое время;

г) при посредстве сил природы;

д) с использованием животных;

е) посредством других лиц (действующих как виновно, так и невиновно).

Общественно опасные последствия в уголовном праве – это тот вред, который причиняется объекту преступления и, в частности, охраняемым уголовным законом интересам. В насильственных преступлениях ими выступают права и охраняемые законом интересы личности.

Последствиями насилия (как физического, так и психического) могут выступать:

а) ущерб основным естественным интересам человека – его жизни и здоровью, т.е. непосредственный вред организму потерпевшего (физический, физиологический, психический);

б) вред иным его правам и свободам: праву на неприкосновенность, свободе передвижения, выбора места пребывания, чести и достоинству, свободе выбора жизненного партнера и окружения, конституционным правам и свободам человека и гражданина и т.д.

Первый тип вреда является наиболее существенным, трудно восполнимым, а иногда и не поддающимся компенсации (например, при лишении жизни). Данный тип вреда подразделяется, таким образом, на вред жизни (смерть) и вред здоровью.

Вред здоровью, как и само насилие, может быть, в первую очередь, двух типов: опасный и не опасный для жизни. Более подробно он подразделяется на вред здоровью: тяжкий, средней и небольшой тяжести. Критерии отнесения вреда здоровью к тому или иному виду закреплены в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Постановление Правительства РФ 2007 г.) и в утвержденных на их основе Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Приказ Минздравсоцразвития РФ 2008 г.).

Таким образом, по степени опасности для человека и само насилие может быть вредоносным для: а) жизни, б) жизни и здоровья (тяжкий вред), в) только здоровья, т.е. повлекшее реально или могущее повлечь указанные виды вреда (вред здоровью небольшой и средней тяжести).

Иногда насилие и даже его отдельные виды указываются в диспозициях норм УК РФ, в других же случаях они очевидны или вполне вероятны, – например, в таких деяниях, как *понуждение*, *принуждение*, *воспрепятствование* и т.д.

Конкретные разновидности насильственных преступлений зафиксированы в Особенной части УК РФ и систематизированы там в соответствии с признаком основного объекта преступления. Таким образом, по нашему мнению, насильственные преступления могут быть предусмотрены главами 16–25 и 29–34 УК РФ.

Убийство (ст.105–108 УК РФ) – наиболее наглядный пример насильственного преступления. В Кодексе это – группа составов преступлений, подразделяемых на так называемое «простое» убийство, а также на лишение жизни при отягчающих и при смягчающих ответственность обстоятельствах.

Поскольку убийство, как и другие преступления против жизни и здоровья, посягает на основополагающие, естественные права человека, современное российское уголовное право не учитывает при этом содержание воли жертвы, т.е. наличие или же отсутствие согласия потерпевшего на причинение ему вреда. Совершаются убийства как с прямым, так и с косвенным умыслом виновного.

Деяние при убийстве – причинение смерти другому человеку, – естественно, чаще всего носит насильственный характер. Деяние при убийстве может быть, как физическим, так и (реже, но возможно) психическим. Физическое деяние может быть, как действием, так и бездействием (оставлением в угрожающем жизни состоянии), однако, представляется, что последнее нельзя отнести к насилию.

Последствия данного деяния – смерть человека, причем либо смерть мозга, либо биологическая смерть (Федеральный закон 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). При «простом» убийстве деяние непосредственно направлено на причинение смерти жертве преступления, реально причиняет ей данный вред, т.е. насилие связано только с лишением человека жизни.

Убийство, сопряженное с похищением человека или захватом заложника (п.«в» ч.2 ст.105 УК РФ), – сложное преступление, подразумевающее двойную квалификацию содеянного: во-первых, самих похищения человека (ст.126) или захвата заложника (ст.206) и, во-вторых, совершаемого убийства, т.е. лишения жизни самого похищенного или захваченного лица.

Таким образом, характер насилия в данном случае также сложен и будет представлять собой в общих чертах возможные комбинации характера насилия в двух преступлениях. Последствия в этом преступлении те же, что и в неквалифицированном составе, т.е. смерть человека (одного или нескольких).

Убийство, совершенное с особой жестокостью (п.«д» ч.2 ст.105 УК РФ) – квалифицированное убийство, в котором отягчающим ответственность признаком выступает именно способ совершения преступления. Насилие при этом вряд ли может быть психическим. Физическое насилие отягчено тем, что совершается не с «обычной» (как при «простом» убийстве) жестокостью, а с «особой».

Понятие особой жестокости было дано выше и раскрывается применительно к данному случаю в постановлении Пленума Верховного суда РФ 1999 г. (в редакции 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Это может быть, как насилие, сопряженное с причинением жертве особых прижизненных мучений (сожжение, расчленение, постепенное утопление или отравление, забивание и т.п.) или же с причинением особых нравственных страданий близким жертвы (убийство на их глазах).

Убийство, сопряженное с разбоем или вымогательством (п.«з» ч.2 ст.105 УК РФ), как и в случае п.«в» того же преступления, требует двойной квалификации: с одной стороны, за разбой (ст.162) или вымогательство (ст.163) и, с другой, – непосредственно за убийство.

Естественно, что последнее должно находиться в причинной связи с названными преступлениями против собственности. Это возможно в силу того, что как разбой всегда сопряжен либо с насилием (причем опасным для здоровья или даже жизни потерпевшего), либо с угрозой таковым, а вымогательство предполагает угрозу (применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения нежелательных сведений), т.е. насилие психическое. Однако нередко при нежелании жертвы выполнять требования разбойника или вымогателя последний переходит от угроз к действиям, которые могут даже (особенно в случае разбоя) причинить смерть потерпевшему.

Убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п.«к» ч.2 ст.105 УК РФ). И в этом случае присутствует идеальная совокупность преступлений, когда одними действиями преступник совершает несколько (два или более) преступлений. Изнасилование (ст.131), как и действия сексуального характера

(ст.132) – по определению насильственные преступления, которые совершаются посредством либо физического насилия, либо угрозы такового (т.е. против воли жертвы), либо использования ее беспомощного состояния (помимо ее воли). Поскольку сопротивление жертвы, как правило, велико, то преступник, преодолевая его, может причинить потерпевшему телесные повреждения вплоть до смерти. В случае психического отклонения преступника акт убийства происходит зачастую независимо от поведения потерпевшего неразрывно с актом сексуального удовлетворения.

Убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ) имеет привилегированный состав, при наличии которого ответственность матери снижается. Однако это происходит не в результате особого родственного отношения преступника к жертве и его «прав» по отношению к ее жизни. Ответственность по ст.106 УК наступает лишь в трех случаях, описанных в ее диспозиции. Во-первых, если мать находится в состоянии родильной горячки во время или сразу же после родов. Во-вторых, если она признана ограничено вменяемой. В-третьих, в условиях психотравмирующей ситуации, т.е. когда женщина объективно поставлена в трудные жизненные условия.

Деяние при данном виде убийства может быть выражено как в действии, так и – достаточно часто – в бездействии (оставлении ребенка в опасных условиях). Действие же (причем насильственное) может быть, конечно, только физическим (удушение, удары и т.п.).

Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.107 УК РФ) – также разновидность привилегированного состава лишения жизни. Однако виновный несет существенно пониженную ответственность не только за то, что находился в состоянии «суженного» сознания, «помутненного рассудка», а и вследствие того, что потерпевший сам несет на себе часть вины за свою смерть: по правилам нормы аффект виновного должен быть вызван противоправными или аморальными деяниями жертвы.

Насилие в данном случае имеет те особенности, что, во-первых, оно не может быть психическим, убийство происходит в самых своих простейших формах, просто «голыми руками» или первыми попавшимися предметами. Во-вторых, действие производится достаточно быстро – в пределах существования самого аффекта (кратковременного сильного «душевного» (т.е. эмоционального) волнения). В силу этого избирательность насильственных действий практически отсутствует.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч.1 ст.108 УК РФ), имеет много общего с убийством, совершенным в состоянии аффекта, в силу чего на практике часто возникают сложности с их разграничением при квалификации.

Однако преступление, предусмотренное ст.108, менее тяжкое, чем в ст.107, т.к. в рассматриваемом случае жертва не просто спровоцировала виновного на нападение на себя, а во многом вынудила его это сделать. Действия жертвы при убийстве при превышении пределов необходимой обороны характеризуются как «противоправные или аморальные», а конкретно как посягательство (на интересы самого обороняющегося или любые другие охраняемые законом), в том числе, и преступное. Оборона с причинением смерти нападающему также носит, естественно, активный характер. Это также насилие, причем насилие физическое.

Преступлением его делает явное несоответствие характеру и степени опасности посягательства. Ст.37 говорит, что причинение смерти будет всегда оправданным, если жертва сама угрожала жизни обороняющегося или других лиц. Преступление наличествует, когда виновный ясно понимал, что посягающий не желает причинить ему ни смерти, ни действий, способных к таковой привести (нанесение повреждений, влекущих тяжкий вред здоровью, изнасилование и т.п.).

В целом схожа (по крайней мере, в отношении способа совершения) характеристика преступления, предусмотренного ч.2 той же статьи, т.е. убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Способы доведения до самоубийства (ст.110 УК РФ) в диспозиции статьи определяются как: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Таким образом, совершение этого преступления возможно как действиями, так и бездействием, т.к. жестокое обращение (в отличие от, например, особой жестокости) может выражаться в лишении жертвы жизненно важных условий существования.

Угрожать виновный может как физическим насилием, так и совершением в отношении потерпевшего иных грубо нарушающих его интересы действий (уничтожением имущества, совершением действий имущественного характера, распространением сведений и т.п.). Жестокое обращение, кроме бездействия, может выражаться (и чаще всего выражается) в непосредственно физическом насилии: побоях, истязании, причинении легкого вреда здоровью и др. Причинение вреда здоровью средней тяжести или тяжкого влечет (по правилам квалификации по санкции) признание наличия совокупности преступлений.

Систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего представляет собой психическое или физическое насилие в виде повторяющихся многократно и воспринимающихся как «звенья одной цепи» оскорблений и издевательств. Последствия данного деяния – самоубийство или покушение на самоубийство.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ) – наиболее опасное преступление против здоровья человека. Деяние при этом по характеру совпадают с таковыми при убийстве, но менее интенсивны. Следовательно, и способы одни и те же, и чаще всего это – насилие, как физическое, так и психическое.

Ч.2 статьи предусматривает особые случаи насилия, усиливающие уголовную ответственность виновного: это – совершение деяния с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего.

Характерные последствия такого насилия перечислены в диспозиции ч.1 ст.111: это вред здоровью, во-первых, опасный для жизни человека в момент его причинения, а во-вторых, отнесенный к тяжкому по его последствиям. Это может быть: потеря

зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, неизгладимое обезображивание лица, значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (35 и более процентов), заведомая для виновного полная утрата профессиональной трудоспособности.

Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.112 УК РФ) – преступление, менее тяжкое, чем описанное в предыдущей статье УК, хотя по характеру своих проявлений практически совпадающее с ним. Насилие при этом также однопорядковое, но выраженное слабее. Квалифицирующий признак особой жестокости, а также издевательства над потерпевшим или его мучения присутствует в ч.2 ст.112.

Последствия менее тяжкие, чем описаны в диспозиции ст.111. Это: длительное расстройство здоровья (т.е. свыше 21 дня) или значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть (но свыше 10%).

Преступления, описанные в статьях 113 и 114 УК РФ, совмещают в себе признаки способа, описанные для статьи 108, и последствий, перечисленных в статьях 111 и 112 Кодекса.

Наименьшая степень вреда причиняется при умышленном причинении легкого вреда здоровью (ст.115 УК РФ). Деяние так же, как и преступлениях, предусмотренных статьями 111 и 112, как правило, активное, физическое, и в данном случае совершается при помощи насилия.

Насилие может так же выражаться в ударах (частями тела или орудиями), удушении, выламывании пальцев, рук и других частей тела, сбрасывании, отравлении, воздействии термическом и т.д. – т.е. во всем том, чем причиняется и любой вред здоровью, и смерть.

Последствия в данном преступлении – кратковременное расстройство здоровья (до 21 дня включительно) или незначительная стойкая утрата общей трудоспособности (на 5-10%).

Побои (статьи 116 и 116.1 УК РФ) определяются Уголовным кодексом как насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115.

Под побоями понимается неоднократное совершенное в непродолжительное время нанесение достаточно сильных ударов по телу потерпевшего. (Несильные удары могут расцениваться как оскорбление, которое тоже, кстати, может быть преступлением, а сильные, но растянутые во времени, – как истязание, преступление более тяжкое.) Неважно, чем причиняются побои – частями тела виновного (руками, ногами, головой) или же удерживаемыми им орудиями (палкой, ремнем и т.д.) – и по какой части тела жертвы они наносятся; главное – чтобы они причинили ей физическую боль. «Иными насильственными действиями» могут быть: сечение (хлестание), проведение болевых приемов (например, выкручивание рук, пальцев), таскание за волосы (вырывание их), щипание, сдавливание (болевые захваты), болезненные уколы и т.д.

Последствиями преступления, конечно, выступают и нравственная боль, и моральный ущерб, но они становятся очевиднее, если сопровождаются появлением синяков, ссадин, кровоподтеков, небольших ран, царапин и т.п. Кроме боли, у потерпевшего могут возникать недомогание, плохое самочувствие, которые, однако, как и все последствия побоев, относительно быстро (по крайней мере, в течение нескольких дней у человека со «средним» здоровьем) проходят.

Если описанные ранее действия продолжаются со стороны виновного в отношении одного и того же потерпевшего достаточно долго (систематически, т.е. три и более раз, и воспринимаются потерпевшим как эпизоды единого насилия над ним), то это будет уже другое, более тяжкое преступление – истязание (ст.117 УК РФ).

Истязание – это «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112» УК. Таким образом, характер действий при истязании тот же, что и при побоях, однако продолжительность их гораздо больше. В силу этого они и причиняют жертве уже не просто боль, а страдания (как физические, так и психические).

Квалифицирующие насильственные признаки истязания, – во-первых, совершение этих действий в отношении похищенного либо захваченного в качестве заложника (что заставляет вспомнить ч.2 ст.105), а во-вторых, с применением пытки. Пытка же определятся в примечании к статье как причинение жертве в каких-либо целях как физических, так и нравственных страданий.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст.119 УК РФ) – одно из немногих в уголовном праве чисто психологических насильственных преступлений. Это определяется, в частности, и тем, что у виновного лица не было намерения осуществлять высказанную угрозу. Цель при этом – запугать потерпевшего, заставив его выполнить требуемое действие (бездействие).

Деяние может быть выражено как в устной, так и в письменной, а также – реже – в конклюдентной форме. Обязательным условием уголовной ответственности является то, что потерпевшим угроза воспринимается как реальная.

Если после высказывания угрозы виновный осуществляет ее, то в зависимости от направленности первоначального умысла это можно квалифицировать либо по совокупности преступлений, либо лишь как убийство или причинение тяжкого вреда здоровью.

Еще одно насильственное преступление – принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст.120 УК РФ). В качестве способа обеспечения требования (принуждения) виновный использует: либо насилие, либо угрозу его применения.

Для определения возможного объема насилия, квалифицируемого только по данной статье, необходимо учитывать два фактора. Во-первых, при насилии физическом (как способе обеспечения согласия жертвы) возможно и причинение вреда здоровью. При этом данный вред не должен превышать вреда средней тяжести. Во-вторых, само изъятие органов и (или) тканей потерпевшего не включается в

рассматриваемый состав и квалифицируется по совокупности со ст.111, 112 или 115 УК РФ.

Относительно новым составом, включенным в Кодекс в 2019 г., является состав преступления, предусмотренного ст.124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». В части 1 статьи указано, что такое воспрепятствование может осуществляться «в какой бы то ни было форме» (т.е. физической или психической), в которой виновный умышленно причиняет как боль, так и легкий вред здоровью потерпевшего.

Таким образом, как следует из вышеприведенного анализа, насилие характерно для большинства преступлений, предусмотренных главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против жизни и здоровья». Они выступает в качестве конститутивного, а зачастую также и квалифицирующего признака почти в двух третях (64%) из 25 статей данной главы. Как представляется, такое положение дел подтверждает данную нами предварительную оценку насилия как наиболее часто встречающегося и, очевидно, самого опасного способа совершения преступных посягательств на основополагающие интересы личности.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2002 г.: уменьшение риска, содействие здоровому образу жизни. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/89781 (Дата обращения: 05.09.2020).

2. Петин И. А. Механизм преступного насилия. СПб.: Питер, 2013. 348 с.

3. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2002. 384 с.

4. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. 16 с.

5. Тришина Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы): диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Тамбов, 2010. 254 с.

6. Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.

7. Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве. Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2006. 418 с.

References

1. The world health organization. Doklad o sostojanii zdravoohranenija v mire, 2002 g.: umen'shenie riska, sodejstvie zdorovomu obrazu zhizni *(World health report 2002: reducing risk, promoting healthy lifestyles)*. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/89781 (Accessed: 05.09.2020). (In Russian).

2. Petin I. A. Mehanizm prestupnogo nasilija *(Mechanism of criminal violence)*. St. Petersburg: Piter publ., 2013. 348 p. (In Russian).

3. Serdjuk L. V. Nasilie: kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie *(Violence: criminological and criminal law research)*. Moscow: Jurlitinform publ., 2002. 384 p. (In Russian).

4. Titaev K. D. Nasil'stvennaja prestupnost' v Rossii: zhertvy i prestuplenija: analiticheskij obzor *(Violent crime in Russia: victims and crimes: an analytical review)*. St.Petersburg: Institute for Law Enforcement Issues at the European University at St. Petersburg publ., 2019. 16 p. (In Russian).

5. Trishina Zh. V. Osobaja zhestokost' kak sposob sovershenija prestuplenij protiv lichnosti (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy) *(Special cruelty as a way of committing crimes against the person (criminal law and criminological problems)*: thesis. Tambov, 2010. 254 p. (In Russian).

6. Filosofskij slovar' *(Philosophical dictionary)* / Edited by I. T. Frolov. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Russian).

7. Sharapov R. D. Nasilie v ugolovnom prave. Ponjatie, kvalifikacija, sovershenstvovanie mehanizma ugolovno-pravovogo preduprezhdenija *(Violence in criminal law. Concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law prevention)*: thesis. Ekaterinburg, 2006. 418 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Мирошниченко Надежда Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / n01071978@ mail.ru

Максимов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / maximow26@yandex.ru

Information about the authors

Miroshnichenko Nadezhda – doctor of law, associate Professor, head of the Department of state and municipal administration and law, Stavropol state agrarian University (Stavropol) / n01071978@ mail.ru

Maksimov Vladimir – candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of state and municipal administration and law, Stavropol state agrarian University (Stavropol) / maximow26@yandex.ru

УДК 349.4

Э. С. Навасардова, Р. В. Нутрихин

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК САНКЦИЯ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА[1]

Институт принудительного изъятия земельных участков в Российской Федерации развивается еще со времен СССР, но все же еще очень далек от совершенства. В статье рассматриваются проблемы предусмотренных в законе оснований для такого изъятия. Делается вывод о том, что эти основания раньше формулировались в законе крайне некорректно. В 2016 году в Земельный кодекс Российской Федерации была внесена новая формулировка оснований для принудительного изъятия земельного участка. Теперь к ним относится его использование не по целевому назначению или использование земли с нарушением законодательства. В статье разъясняется, почему и эта формула также не является достаточно полной.

В статье рассматриваются и проблемы трактовки данных оснований в практике правоприменения. Приводятся примеры судебных решений, по которым земельные участки изымались у титульных владельцев по основаниям, не вполне соответствующим букве закона. Особенно много проблем в этой связи связано с распашкой пастбищ, которая трактуется правоприменителем как нарушение целевого назначения земель, что не находит достаточных оснований в земельном законодательстве.

В статье обсуждается вопрос о влиянии института принудительного изъятия земельного участка в России и других странах Евразийского экономического союза на эффективность их экономической интеграции. На примерах России и Казахстана показывается, как несовершенства данного института могут влиять на инвестиционную привлекательность отраслей, связанных с землепользованием. Так, анализируется проблема расширения перечня приграничных территорий Российской Федерации в 2020 году, в результате чего иностранные граждане, апатриды и иностранные юридические лица лишились права иметь землю на этих территориях в собственности. При этом порядок изъятия у них таких земель в законодательстве отсутствует.

По итогам проведенного исследования формулируются выводы, обладающие новизной, касающиеся совершенствования института принудительного изъятия земельных участков в России и странах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, прекращение права собственности, Евразийский экономический союз, ЕАЭС.

Eleonora Navasardova, Roman Nutrikhin

FORCED SEIZURE OF LAND AS A SANCTION OF LAND LIABILITY IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The institute for the forced seizure of land in the Russian Federation has been developing since the times of the USSR, but is still very far from being perfect. The article addresses the problems of the grounds for such a seizure provided for in the law. It is concluded that these grounds were previously formulated in the law extremely incorrectly. In 2016, a new wording of the grounds for the forced seizure of a land plot was introduced into the Land Code of the Russian Federation. Now this includes its use for non-intended purposes or the use of land in violation of the law. The article explains why this formula is also not sufficiently complete.

The article also addresses the problems of interpreting these grounds in law enforcement practice. Examples of court decisions are given on which land plots were seized from title holders on grounds that do not fully correspond to the letter of the law. Especially many problems in this regard are associated with the plowing of pastures, which is interpreted by the enforcer as a violation of the intended purpose of land, which does not find sufficient grounds in land legislation.

The article discusses the influence of the institution of forced seizure of land in Russia and other countries of the Eurasian Economic Union on the effectiveness of their economic integration. The examples of Russia and Kazakhstan show how the imperfections of this institute can affect the investment attractiveness of land-use industries. Thus, the problem of expanding the list of border territories of the Russian Federation in 2020 is being analyzed, as a result of which foreign citizens, stateless persons and foreign legal entities have lost the right to own land in these territories. At the same time, Russian legislation lacks the procedure for the seizure of such lands.

Based on the results of the study, conclusions with novelty are formulated regarding the improvement of the institution of forced seizure of land in Russia and the countries of the Eurasian Economic Union.

Key words: seizure of land, termination of ownership, Eurasian Economic Union, EAEU.

Принудительное изъятие земельного участка, как правило, представляет собой реакцию государства в лице уполномоченных им органов на совершенное земельное правонарушение. Предварительно отметим, что, во-первых, изъятие земельного участка не всегда связано с противоправным поведением его владельца (например, изъятие для государственных или муниципальных нужд, реквизиция). Известны случаи принудительного изъятия участков, когда их владельцы не совершали земельных правонарушений (предоставление ограниченных или изъятых из оборота участков или предоставление с нарушением установленного порядка). В этих ситуациях правонарушения имели место, однако имущественных прав на участки лишались их владельцы, формально не преступившие закон [8, с.186]. Во-вторых, непринципиальным в данном случае является вопрос о виде прав владельца на земельный участок (вещные, включая право собственности, либо обязательственные).

В наши задачи входит анализ обновленного российского земельного и гражданского законодательства и практики его применения в части регули-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского экономического союза».

рования изъятия земельных участков, а также рассмотрение аналогичных ситуаций в некоторых странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Надо отметить, что земельное законодательство на протяжении ряда лет содержало нормы, позволявшие изымать земельные участки у недобросовестных владельцев. В советский период согласно п. 5 ст. 14 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик хозяйствующие субъекты могли лишиться прав на земельные участки в случае их неосвоения в течение двух лет подряд. Этот же документ в ст. 50 содержал перечень правонарушений, совершение которых также влекло прекращение земельных правоотношений. Участки можно было изъять при: бесхозяйственном использовании земель или использовании в целях извлечения нетрудовых доходов; порчи земель сельскохозяйственного и иного назначения, загрязнении земель отходами и сточными водами; непринятии обязательных мер, связанных с улучшением земель, охраной почв от негативных процессов, ухудшающих их состояние (ветровой, водной эрозии и др.) [9].

Закрепленные в Земельном кодексе РСФСР 1991 г. формулировки оснований прекращения прав со временем частично изменились, хотя целый ряд из них был гораздо более строгим, чем ныне действующие. Помимо нецелевого использования земельных участков, этот Земельный кодекс предусматривал ответственность за снижение плодородия почв, выражающееся в уменьшении фактической урожайности, за изменение состава сельхозугодий путем перевода более ценных в менее ценные, а также за использование земельных участков способами, приводящими к ухудшению экологической обстановки. Устанавливался состав правонарушения, выражавшегося в систематическом невнесении земельного налога и арендной платы. Более жестким являлся и срок, в течение которого подлежал освоению участок, предоставленный из земель сельскохозяйственного назначения. Этот срок составлял один год. Для иных несельскохозяйственных целей – два года, независимо от категории земель [4].

Ныне действующий Земельный кодекс РФ 2001 г. включает ст. 54, предусматривавшую возможность изъятия земельного участка, предоставленного на титулах ограниченных вещных прав [5]. Аналогичная норма, но уже в отношении земельных участков, находившихся в собственности, содержал Гражданский кодекс РФ. Правда, в отличие от ЗК РФ, ГК РФ, процедуры изъятия не предусматривал. Основания же прекращения прав соответственно закрепляются в 284 и 285 ГК РФ в отношении собственников; в ст. 287 ГК РФ [1] и ст. 45-47 ЗК РФ в отношении не собственников земельных участков.

3 июля 2016 г. в российское законодательство были внесены изменения, связанные с принудительным изъятием земельных участков. Новеллы достаточно объемны, поэтому остановимся лишь на некоторых из них. Закон дал новую формулировку оснований принудительного изъятия земельных участков. Если раньше речь шла об их ненадлежащем использовании (неконкретность данной формулировки сама по себе вызывала возражения), то новая редакция говорит об использовании не по целевому назначению или использовании земельного участка с нарушением законодательства. При этом, когда речь идет о нарушениях, под ними в качестве основания для принудительного изъятия земельного участка понимается существенное снижение плодородия почв или причинение вреда окружающей среде.

Критерии существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения установлены Постановлением Правительства РФ от 22 июля 2011 г. №612 [10]. Что же касается причинения вреда окружающей среде, то его размер, по замыслу законодателя, должен определяться Федеральным законом «Об охране окружающей среды», трактующим такой вред как негативные изменения окружающей среды, повлекшие за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов [15]. В связи с этим Министерством природных ресурсов и экологии РФ был издан приказ от 8 июля 2010 г. №238 «Об утверждении методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» [11].

Что же касается «нарушения законодательства» как основания для изъятия земельного участка, то даже если речь идет только о земельном законодательстве, то оно включает в себя значительное число видов правонарушений, а не только нецелевое использование участка и загрязнение окружающей среды. Так, например, ст. 45 ЗК РФ наряду с причинением вреда окружающей среде называет порчу земель, не ассоциируя между собой эти два вида нарушения земельного законодательства, влекущие возможность принудительного прекращения прав на земельные участки [5]. Более того, порча земли признана административным правонарушением согласно ст. 8.6. КоАП, выражается, например, в уничтожении плодородного слоя почвы, нарушениях правил обращения с пестицидами, агрохимикатами и другими опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами, а также с отходами производства и потребления [6]. Порча земли, как известно, признана еще и преступлением. Статья 254 УК РФ более подробно, нежели КоАП РФ раскрывает признаки объективной стороны преступления, касающиеся способов его совершения, а также указывает на условия разграничения этих правонарушений, выступающие в виде последствий их совершения [13].

Не приравниваются друг к другу и такие виды земельных правонарушений как снижение плодородия почв и невыполнение обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв.

Из приведенного анализа можно сделать вывод, что законодатель вновь предложил некорректную формулировку оснований для принудительного изъятия земельных участков, значительно сузив сферу применения этого вида прекращения прав на землю.

Проанализируем ряд правовых ситуаций, характеризующих применение санкции земельно-правовой ответственности в виде принудительного изъятия земельного участка.

Прежде всего отметим, что объективная сторона деяний, за совершение которых установлен этот вид наказания, зависит от категорий земель, которые, в свою очередь, определяются в зависимости

от предполагаемых целей их использования. От категории земель может зависеть порядок изъятия участка. В то же время ряд признаков объективной стороны характерен лишь в отношении конкретной категории земель.

Наиболее уязвимы земли сельскохозяйственного назначения. Известно, что аграрно-земельная реформа, начатая в 90-е гг. XX столетия, не достигла намеченных результатов. Как отмечается в литературе, в нашей стране за последние 25 лет хозяйственного использования выбыло около 50 миллионов га земель сельскохозяйственного назначения, и этот процесс по сей день развивается, что говорит о серьезных недостатках в регулировании данной сферы экономики [12, с. 89]. В этой связи внесены изменения в законодательство, связанные с процедурой изъятия земель, которые используются ненадлежащим образом.

Одними из самых распространенных правонарушений, касающихся использование всех земель, в том числе и земель сельскохозяйственного назначения, является их нецелевое использование и неиспользование в течение сроков, установленных законом или правоустанавливающими документами. В литературе часто ставится вопрос: каковы же причины нецелевого использования земель, либо их неиспользования в отношении земель сельскохозяйственного назначения? И соответственно: по каким мотивам принимались изменения в законодательство? С такой постановкой вопроса можно согласиться. В качестве первой причины неиспользования земель сельхозназначения называется отсутствие до недавних пор должной государственной поддержки аграрного сектора, в результате чего часть сельхозпроизводителей обанкротилась. Земля же, в том числе, находящаяся в долевой собственности, в этой связи перестала обрабатываться. Однако в данном случае имеет место именно неиспользование участков, образующее самостоятельный состав земельного правонарушения.

Вторая причина, на которую указывают исследователи, представляется более сомнительной. Ф. П. Румянцев и Т. Д. Коноплева отмечают, что «значительная площадь сельскохозяйственных земель не используется не в силу финансовых трудностей, возникших у правообладателей, а исключительно из-за спекулятивных интересов». Авторы ведут речь о выкупе «паев», как они называют земельные доли, в пригородных хозяйствах, для их перепродажи либо под коттеджную застройку, либо под возведение крупных пригородных торговых комплексов и иного строительства [12, с. 89].

Сомнительность этого тезиса заключается в том, что, во-первых, законодательство последних лет установило ряд существенных ограничений для покупки земельных долей. Во-вторых, принцип целевого использования земли никто не отменял, следовательно, для целевого перепрофилирования участка необходим перевод земель из одной категории в другую, иначе новые владельцы не смогут зарегистрировать возведенные ими постройки. Процедура эта достаточно сложная, хотя ФЗ от 21.12.2004 г. №172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» допускает трансформацию назначения использования участка, например, в связи с изменением границ населенного пункта и т.д. [16]. Хотя, справедливости ради, отметим, что и продажа земель сельхозназначения и строительство на них разного рода недвижимости от коттеджей до торговых центров, часто имели место на практике. И по сей день Интернет «пестрит» предложениями на предмет продажи сельскохозяйственных угодий под коттеджное строительство.

Однако, и это уже третье возражение, земельные участки, примыкающие к границам населенных пунктов, в совокупности врядли могут составить такую внушительную площадь, каковой измеряются неиспользуемые сельхозугодья в России. В связи с этим именно финансовая несостоятельность сельхозпроизводителей является, на наш взгляд, основной причиной неиспользования сельхозугодий.

Еще одна причина неиспользования таких земель – разница качества земельных участков, выделяемых в счет земельных долей. Зачастую ряд земельных участков расположен на неудобьях, обладает низким уровнем плодородия, в силу чего их не берут в аренду ни фермеры, ни коллективные хозяйства [7, с. 43].

Надо отметить, что квалификация нецелевого использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, не всегда единообразна, в силу чего разнятся и судебные решения по этой категории земельных споров. Для аграрных регионов довольно типичным явлением стала распашка пастбищ. При этом суды, вслед за надзирающими органами, по-разному квалифицируют это деяние. Рассмотрим несколько судебных решений. Результатом одного из них явилось расторжение договора аренды, а по существу, принудительное изъятие земельного участка у пользователя.

Управление Росимущества по Ставропольскому краю обратилось в Ставропольский арбитражный суд с иском к АО «ПЗ имени Героя Соцтруда В. В. Калягина» о расторжении договора аренды земельного участка, переданного ответчику на 49 лет. Претензия истца – нецелевое использование и несоответствие разрешенному использованию земельного участка. Согласно фабуле дела, арендатор распахал пастбище и засеял его рапсом. Суд первой инстанции иск удовлетворил.

Согласно Земельному кодексу РФ, и пашня, и пастбища относятся к сельскохозяйственным угодьям и используются для ведения сельскохозяйственного производства [5]. В судебном решении говорится о нарушении требования разрешенного использования земельного участка, но не указывается, какой вид разрешенного использования указан в правоустанавливающих документах. Почему? Да, потому что и в отношении пашни, и в отношении пастбища будет указан только один вид разрешенного использования – сельскохозяйственное производство.

Далее в судебном решении дается ссылка на ст. 42 Земельного кодекса РФ как на нарушенную ответчиком. Последнего, по сути, обвиняют не только в нецелевом использовании земельного участка, но и в использовании его способами, которые наносят вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту. Однако при этом суд не указывает, какой вред причинен окружающей среде и земле, в частности. Здесь уместно напомнить, что наиболее ценным видом сельскохозяйственных угодий является пашня. Распахав пастбище и посадив пшеницу

и рапс, хозяйство повысило плодородие почв. Кадастровая оценка земельного участка в связи с этим возросла.

Надо отметить, что по данному делу суд выносил решение в то время, когда хозяйство обжаловало решение надзорного органа о привлечении его к административной ответственности за данное якобы «правонарушение». Даже если судом была бы признана законность привлечения организации к административной ответственности, то есть был бы доказан факт нарушения земельного законодательства, это еще не являлось бы основанием к досрочному расторжению договора. Надзирающий орган должен был выдать предписание об устранении выявленных нарушений в разумные сроки.

Итак, распашка пастбища по факту не меняет категорию земель. Они по-прежнему остаются землями сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования – «Сельскохозяйственное использование». Следовательно, такое деяние нельзя квалифицировать как нецелевое использование земельного участка.

Однако зачастую распашка пастбища приводит к негативным экологическим последствиям. Судами Ставропольского края вынесен ряд решений, по которым установлены факты причинения вреда окружающей среде. Так, решением Левокумского районного суда от 3 июля 2013 г. установлено, что при распашке пастбища, которое затем использовалось как пашня с выращиванием бахчевых культур, был уничтожен ряд растений, занесенных в Красную книгу РФ. Суд, во-первых, запретил хозяйству использовать пастбище не по целевому назначению; во-вторых, обязал хозяйство за свой счет восстановить нарушенное состояние окружающей среды – пастбищ. И вновь обращает на себя внимание формулировка резолютивной части решения – «нецелевое использование». Отметим, что ни в судебном решении, ни в документах административного производства не был отмечен факт причинения экологического вреда.

Интересна и административная практика. Так, в 2011 г. в Ипатовском районе Ставропольского края при проведении проверки КФХ инспекторами Россельхознадзора был выявлен факт распашки пастбища. При этом, как отмечается в акте, фактов порчи земли не установлено. В самовольной распашке пастбища проверяющие усмотрели нарушение требований ст. 42 Земельного кодекса РФ (нарушение вида разрешенного использования) и квалифицировали деяние по ст. 8.8 КоАП РФ (нецелевое использование земельного участка).

В 2016 году в Туркменском районе Ставропольского края проверкой инспектора Россельхознадзора также выявлен факт распашки пастбища. В этом случае владельца участка обвинили в не проведении обязательных мероприятий по улучшению качества земель, которое, по мнению инспектора, привело к деградации почв, выразившееся в «перемешивании плодородного слоя почвы с глинистым грунтом». Виновного привлекли к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.7 КоАП. При этом в постановлении не указано, какие именно мероприятия должен был выполнить владелец участка.

Так как же на самом деле надзирающим органам и судам следует реагировать на распашку пастбищ?

На федеральном уровне не установлены запреты на подобные действия. Запрет на распашку пастбищ предусмотрен законодательством Ставропольского края. Однако ответственность за данное деяние в регионе на сегодняшний день не установлена, что означает допустимость такого способа использования сельскохозяйственных угодий, в том числе и в Ставропольском крае. Более того, в СМИ широко обсуждаются многочисленные случаи, когда в отношении определенных землевладельцев надзирающие органы не принимают никаких мер за аналогичные действия.

Рассматриваемые нами проблемы имеют значение не только с точки зрения совершенствования российского законодательства и практики его применения, но и с позиций улучшения инвестиционного климата в России – особенно в контексте динамично развивающихся интеграционных отношений в рамках ЕАЭС. Экономическая интеграция подразумевает трансграничное взаимопроникновение капитала, трудовых ресурсов, практик, технологий и тому подобного, при котором вполне типичными и даже наиболее желательными являются ситуации, когда хозяйствованием на территории одной страны занимается резидент другого государства. На первый план при этом выступает тот фактор, что если речь идет о сельском хозяйстве или иных видах землепользования, нерезидент-инвестор должен выполнять при осуществлении своей деятельности требования другого государства, на территории которого он эту деятельность осуществляет. Отсюда ясно, что такие сложные и даже «болевые» институты земельного законодательства, как принудительное изъятие участков, могут быть серьезным препятствием на пути иностранных инвестиций. Едва ли сельхозпроизводитель или застройщик-нерезидент пожелают рисковать вкладываемыми в иностранный проект деньгами только из-за того, что предоставленный для его реализации земельный участок на территории иностранного государства может быть в любой момент изъят по не вполне ясным, а иногда и спорным основаниям. Инвестор, естественно, ищет гарантий максимальной стабильности и соблюдения своих имущественных интересов при осуществлении землепользования на территории другого государства. Поэтому стране, желающей привлечь иностранные инвестиции в сферу сельского хозяйства, строительство и иные отрасли, связанные с использованием земельных участков, необходима предельная ясность и прозрачность соответствующего законодательства. Чтобы инвестор был уверен, что у него не отнимут ранее предоставленный ему участок по основаниям, которые будут ему не до конца понятны. В этой связи стоит отметить, что ни одна из стран, входящих в настоящее время в ЕАЭС, не сбалансировала институт принудительного изъятия земельных участков до такой степени, чтобы обеспечить привлекательность соответствующих сфер землепользования для иностранных инвестиций в целях наиболее эффективной экономической интеграции.

На серьезные расхождения в земельно-правовом регулировании сходных отношений и на сохра-

няемые в этой связи значительные ограничения земельных прав для иностранцев во всех государствах ЕАЭС обращено особое внимание в Приложении №2 к Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций («Перечень сохраняемых государствами-членами "горизонтальных" ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности») к Договору о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014 г.), который является правовой основой деятельности ЕАЭС [2].

В качестве интересного примера можно указать на ст. 23 Земельного кодекса Республики Казахстан от 20.06.2003 г. №442-II, которая запрещает иметь земельные участки, расположенные в пограничной зоне Казахстана, на праве собственности не только иностранцам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам (в этом данная норма сходится с аналогичной нормой российского законодательства), но также и гражданам Республики Казахстан, состоящим в браке (супружестве) с иностранцами или апатридами. В данной статье прямо сказано, что при заключении брака (супружества) гражданами Республики Казахстан с иностранцами или лицами без гражданства право собственности на земельные участки, расположенные в пограничной зоне и пограничной полосе, подлежит переоформлению или отчуждению в соответствии со ст. 66 Земельного кодекса Республики Казахстан. Таким образом, вступление в брак с негражданами Казахстана влечет для граждан Казахстана поражение в некоторых земельных правах. Указанная норма гласит, что при невыполнении такими лицами обязанности по отчуждению земельного участка или по переоформлению на другое, допускаемое законом право местный исполнительный орган «подает иск о возврате земельного участка по его месту нахождения» [3]. Это довольно странная формулировка, учитывая, что земельный участок является вещью недвижимой и, строго говоря, не может быть возвращен по месту его нахождения, так как данного «места» не покидает по определению. Здесь правильнее было бы говорить, как раз об изъятии земельного участка или о прекращении права пользования им, каковое предложение мы и адресуем казахскому законодателю.

Не все гладко в этой связи и в российском законодательстве. Пункт 3 ст. 13 ЗК РФ запрещает нерезидентам Российской Федерации иметь в собственности землю на приграничных территориях [5]. Недавно был принят Указ Президента РФ от 20.03.2020 г. №201 «О внесении изменений в перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 января 2011 г. №26» [14]. Указанный документ расширил перечень приграничных территорий 27-ю муниципальными образованиями Крыма и Севастополя, куда вошли все города и районы этих новых регионов Российской Федерации (Симферополь, Ялта, Керчь, Судак и др.). Кроме того, данным указом перечень приграничных территорий был расширен еще и рядом муниципальных образований Калининградской и Астраханской областей. Учитывая тот факт, что Астраханская область граничит с Республикой Казахстан, становится ясно, что эта новелла затрагивает имущественные интересы большого числа резидентов этой страны, которым нужно будет избавляться от земельной собственности на новых приграничных территориях России. При этом российским законодательством подразумевается, что собственник участка, которому теперь запрещено иметь его в собственности по закону, добровольно избавится от такого участка путем его продажи или иного отчуждения. Однако, как быть, если собственник отказывается сделать это добровольно? Примечательно, что в российском законодательстве не урегулирован порядок принудительного изъятия земельного участка в данном случае и даже отсутствует какая-либо ответственность за неправомерное обладание земельным участком на праве собственности, которая могла бы стимулировать собственника к добровольному прекращению такого права. Очевидно, что в России должен быть разработан порядок принудительного изъятия земельных участков у их собственников-нерезидентов на приграничных территориях Российской Федерации с обязательной материальной компенсацией при таком вынужденном ущемлении их имущественных интересов.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что институт принудительного изъятия земельного участка в России и других странах ЕАЭС нуждается в дальнейшем совершенствовании. Причем, законотворческая работа в данной сфере должна вестись с учетом целей экономической интеграции в рамках ЕАЭС, то есть не каждым государством отдельно, а общими усилиями – путем гармонизации земельно-правовых институтов, призванных обеспечить эффективное экономическое сближение между союзными странами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20.06.2003 г. №442-II // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1040583 (Дата обращения: 01.08.2020).
4. Земельный кодекс РСФСР от 25.04.1991 г. №1103-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. №136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Правовые последствия увеличения минимального размера вновь образуемых земельных участков сельскохозяйственного назначения в Ставропольском крае // Аграрное и земельное право. 2017. №5. С. 41–48.
8. Навасардова Э. С., Чечель Г. И., Нутрихин Р. В. Проблемы правового режима земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №4. С. 186–196.
9. Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик от 13.12.1968 г. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 22.07.2011 г. №612 «Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 08.07.2010 г. №238 «Об утверждении методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Румянцев Ф. П., Коноплева Т. Д. Обеспечит ли новый закон исполнение Послания Президента Российской Федерации об изъятии неиспользуемых сельскохозяйственных земель? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. №9. С. 89–94.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента РФ от 20.03.2020 г. №201 «О внесении изменений в перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 января 2011 г. № 26» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон от 10.01.2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Федеральный закон от 21.12.2004 г. №172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 g. №51-FZ (*Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

2. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (Astana, 29.05.2014 g.) *(Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, 29.05.2014)* // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

3. Zemel'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 20.06.2003 g. №442-II (*Land code of the Republic of Kazakhstan of 20.06.2003 No. 442-II*) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1040583 (Accessed: 01.08.2020). (In Russian).

4. Zemel'nyj kodeks RSFSR ot 25.04.1991 g. №1103-1 (*Land Code of the RSFSR of 25.04.1991 No. 1103-1*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

5. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 g. №136-FZ (*Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 g. №195-FZ (*Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 30.12.2001 of 195-FZ*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

7. Navasardova Je. S., Nutrihin R. V. Pravovye posledstvija uvelichenija minimal'nogo razmera vnov' obrazuemyh zemel'nyh uchastkov sel'skohozjajstvennogo naznachenija v Stavropol'skom krae (*Legal consequences of increasing the minimum size of newly formed agricultural land in the Stavropol Territory*) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2017. No. 5. P. 41 – 48. (In Russian).

8. Navasardova Je. S., Chechel' G. I., Nutrihin R. V. Problemy pravovogo rezhima zemel' lechebno-ozdorovitel'nyh mestnostej i kurortov (*Problems of the legal regime of the lands of health-improving areas and resorts*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 4. P. 186–196. (In Russian).

9. Osnovy zemel'nogo zakonodatel'stva Sojuza SSR i sojuznyh respublik ot 13.12.1968 g. (*The basis of land legislation of the USSR and the Union republics of 13.12.1968*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.07.2011 g. №612 «Ob utverzhdenii kriteriev sushhestvennogo snizhenija plodorodija zemel' sel'skohozjajstvennogo naznachenija» (*Decree of the Government of the Russian Federation of 22.07.2011 No. 612 "On the approval of criteria for a significant reduction in the fertility of agricultural land"*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

11. Prikaz Ministerstva prirodnyh resursov i jekologii RF ot 08.07.2010 g. №238 «Ob utverzhdenii metodiki ischislenija razmera vreda, prichinennogo pochvam kak ob#ektu ohrany okruzhajushhej sredy» (*Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 238 dated 08.07.2010 "On approval of the methodology for calculating the amount of damage caused to soils as an object of environmental protection"*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

12. Rumjancev F. P., Konopleva T. D. Obespechit li novyj zakon ispolnenie Poslanija Prezidenta Rossijskoj Federacii ob iz#jatii neispol'zuemyh sel'skohozjajstvennyh zemel'? (*Will the new law ensure the implementation of the Address of the President of the Russian Federation on the seizure of unused agricultural land?*) // Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii. 2016. No.9. P. 89 – 94. (In Russian).

13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. №63-FZ (*Criminal Code of the Russian Federation No. 13.06.1996 of 63-FZ*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

14. Ukaz Prezidenta RF ot 20.03.2020 g. №201 «O vnesenii izmenenij v perechen' prigranichnyh territorij, na kotoryh inostrannye grazhdane, lica bez grazhdanstva i inostrannye juridicheskie lica ne mogut obladat' na prave sobstvennosti zemel'nymi uchastkami, utverzhdennyj Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 janvarja 2011 g. № 26» (*Decree of the President of the Russian Federation of 20.03.2020 No. 201 "On Amending the List of Border Territories in which Foreign Citizens, Stateless Persons and Foreign Legal Entities Cannot Own Land Plots, Approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 9, 2011 No. 26"*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

15. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 g. №7-FZ «Ob ohrane okruzhajushhej sredy» (*Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection"*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

16. Federal'nyj zakon ot 21.12.2004 g. №172-FZ «O perevode zemel' ili zemel'nyh uchastkov iz odnoj kategorii v druguju» (*Federal Law of 21.12.2004 No. 172-FZ "On the transfer of land or land plots from one category to another"*) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

Сведения об авторах

Навасардова Элеонора Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / navasardova@yandex.ru

Нутрихин Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / nut-roman@yandex.ru

Information about the authors

Navasardova Eleonora – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Environment, Land and Labor right, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / navasardova@yandex.ru

Nutrikhin Roman – Doctor of Law, Associate Professor, Chair of Environment, Land and Labor right, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / nut-roman@yandex.ru

УДК 342.95

А. Ю. Соколов, О. А. Лакаев

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К ПОЛУЧЕНИЮ, ВЫРАЩИВАНИЮ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР И ОБОРОТА ПРОДУКЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ С ИХ ПРИМЕНЕНИЕМ, ПО НОВОМУ ПРОЕКТУ КОАП РФ[1]

Актуальность данной статьи обусловлена её теоретической и практической значимостью. Теоретическое значение исследования административной ответственности за нарушения требований к получению, выращиванию генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота продукции, полученной с их применением, связано с тем, что отсутствует достаточная научная проработка составов административных правонарушений в данной сфере; текущее состояние развития теории административного права показывает отсутствие исследований, направленных на оптимизацию административной ответственности в области генно-инженерной деятельности с точки зрения количественных и качественных показателей, выделение соответствующих составов административных правонарушений в отрасли растениеводства. Практическое значение анализа материалов законопроектной работы по данному вопросу определяется тем, что от его должного научного обоснования зависит дальнейшее развитие норм российского законодательства об административной ответственности в области генно-инженерной деятельности в растениеводстве, поскольку совершенствование подхода к установлению административной ответственности за нарушения требований к получению, выращиванию генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота получаемой при этом продукции может способствовать внедрению последующих нововведений в исследуемый законопроект. В данной статье выявлены ключевые особенности нового подхода по проекту КоАП РФ к регулированию административной ответственности в области генной инженерии в растениеводстве, однако большая часть предлагаемых разработчиками норм имеет неразделённый предмет регулирования, устанавливая административную ответственность за нарушения правил осуществления генно-инженерной деятельности и оборота получаемой при этом продукции в целом, без учёта её специфики в отраслях растениеводства и животноводства. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проведённого анализа нового проекта КоАП РФ выделены и охарактеризованы составы административных правонарушений, непосредственно затрагивающие генно-инженерную деятельность в отрасли растениеводства с точки зрения родовых объектов, субъектов, административных наказаний и перспектив расширения судебной подведомственности соответствующих дел, что может стимулировать последующие исследования в обозначенной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, сельскохозяйственные культуры, генно-инженерная деятельность, административно-деликтное законодательство.

Aleksandr Sokolov, Oleg Lakaev

RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE REQUIREMENTS FOR OBTAINING AND GROWING GENETICALLY MODIFIED CROPS AND THE TURNOVER OF PRODUCTS OBTAINED WITH THEIR USE AS GIVEN IN A NEW PROJECT OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

The relevance of this article is due to its theoretical and practical significance. The theoretical significance of the study of administrative responsibility for violations of the requirements for obtaining and growing genetically modified crops and the turnover of products obtained with their use is due to the fact that there is no sufficient scientific study of the composition of administrative offenses in this area; the current state of development of the theory of administrative law shows the lack of research aimed at optimizing administrative responsibility in the field of genetic engineering in terms of quantitative and qualitative indicators, and the identification of appropriate compositions of administrative offenses in the crop industry. The practical significance of the analysis of the materials of the draft law on this issue is determined by the fact that its proper scientific justification depends on further development of the Russian legislation on administrative responsibility in the field of genetic engineering in crop production, since the improvement of the approach to establishing administrative responsibility for violations of the requirements for obtaining, the cultivation of genetically modified crops and the turnover of the resulting products can contribute to the introduction of subsequent innovations in the draft law under the study. This paper identified key features of the new approach on the draft administrative code to the regulation of administrative responsibility in the field of genetic engineering in crop production, however, most of the proposed standards have an undivided subject of regulation, establishing administrative liability for violations of the rules for the implementation of genetic engineering activities and turnover of the resulting products in general, without taking into account its specificity in crop and livestock production. The scientific novelty of the article lies in the fact that it is based on the analysis of the new draft of the Administrative Code of the Russian Federation, the authors identify and characterize the composition of administrative offenses that directly affect genetic engineering activities in the crop industry in terms of generic objects, subjects, administrative penalties and prospects for expanding the judicial jurisdiction of the relevant cases, which can stimulate further research in this area.

Key words: administrative liability, administrative offense, agricultural crops, genetic engineering, administrative and tort legislation.

Законодательство об административных правонарушениях ввиду постоянного развития отношений во всех сферах жизни общества нуждается в перманентном совершенствовании, о чём свидетельствует непрерывная работа законодателей по внесению изменений и дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) [2] и административно-деликтные законы субъектов

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14048.

Российской Федерации. Это обусловливается выявлением различных форм деструктивного поведения, препятствующих нормальному функционированию тех или иных социальных институтов, дезорганизующих совместную жизнедеятельность людей, затрудняющих удовлетворение их экономических, социальных, культурных, политических и других потребностей.

Научный прогресс также не должен оставаться без внимания законодателя, поскольку даже у прорывных достижений по ряду научных направлений имеется и негативная сторона, которая при неправильном их использовании может быть выражена в причинении вреда или угрозе причинения вреда жизни и здоровью граждан, окружающей среде, объектам животного и растительного мира и другим охраняемым законом объектам. К числу таких достижений относятся и открытия в генной инженерии, создание генно-модифицированных организмов животного и растительного происхождения. Неслучайно Президентом РФ в Стратегии национальной безопасности РФ обращено внимание на недопустимость неограниченного распространения генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, произведённой с использованием соответствующих технологий [7]. Результаты проведённых исследований по данному направлению биологической науки в настоящее время не дают окончательного ответа на вопрос о безопасности таких организмов для человека. Существует возможность генетического загрязнения окружающей среды организмами, новыми для экосистемы той или иной территории и нарушающими экологический баланс. Такие негативные последствия возможны в случаях получения, выращивания генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота продукции, полученной с их применением.

Несмотря на развитие технологий модификации генома живых организмов в течение нескольких последних десятилетий и наличие оснований полагать о возможности причинения вреда охраняемым законом ценностям в случае их применения, законодателем длительное время не уделялось внимание предметному регулированию административной ответственности за нарушения в сфере генно-инженерной деятельности. До 2014 года в Особенной части КоАП РФ не было ни одной нормы, в диспозиции которой упоминалось бы об административной ответственности за нарушения в сфере генно-инженерной деятельности. Разумеется, это не исключало применение таковой в принципе. Н.В. Богатырёва, исследуя данный вопрос до внесения соответствующих дополнений в КоАП РФ, указала, что, несмотря на отсутствие специальных составов административных правонарушений в рассматриваемой сфере, подлежит применению ряд общих норм, предусматривающих административную ответственность за нарушения санитарно-противоэпидемического законодательства, за сокрытие или искажение экологической информации, за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), за нарушения обязательных требований к предоставлению информации потребителям и др. [1 с.62–65].

В настоящее время в КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушения федерального законодательства области генно-инженерной деятельности, включая правила, затрагивающие государственную регистрацию и специальные условия использования генно-инженерно-модифицированных организмов, в том числе при производстве продукции (ст. 6.3.1), а также за нарушения обязательных требований к маркировке пищевой продукции, содержащей генно-инженерно-модифицированные организмы или полученной с их применением (ст. 14.46.1).

Примечательно, что возможности усиления административной ответственности в данной сфере ограничивает сам федеральный законодатель. В ст. 12 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [8] установление юридической ответственности за соответствующие правонарушения ставится в зависимость от двух факторов:

1) причинение вреда работникам организации, реализующей генно-инженерную деятельность, населению и окружающей среде действиями или бездействием физических и юридических лиц, занятых в сфере генной инженерии;

2) осуществление юридическими лицами генно-инженерной деятельности с нарушением регистрационных правил и условий использования генно-инженерно-модифицированных организмов.

В то же время данная позиция является непоследовательной, поскольку по указанным выше составам привлечение к административной ответственности не ставится в зависимость от причинения вреда (они являются формальными), а обусловленная Федеральным законом «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» возможность применения наказания к любым физическим лицам (включая недолжностных лиц) ограничена: граждане не являются субъектами этих административных правонарушений. Кроме того, за нарушения регистрационных правил и условий использования генно-инженерно-модифицированных организмов предусмотрена административная ответственность не только юридических, но и должностных лиц. Думается, что подобные ограничения в законодательстве о генно-инженерной деятельности нецелесообразны, иначе его положения будут носить декларативный характер, в то время как меры юридической ответственности должны применяться к нарушителям любых установленных в нём правил.

Такую несогласованность следует устранить в ходе текущего совершенствования действующего законодательства о генно-инженерной деятельности. Это важно и на случай возможного принятия нового проекта КоАП РФ, подготовленного Министерством юстиции РФ и опубликованного 30 января 2020 г. [9]. Разработчиками проекта уделено значительное внимание составам административных правонарушений в сфере генно-инженерной деятельности: его принятие повлечёт увеличение количества таких составов, в том числе введение новых – связанных исключительно с получением, выращиванием генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборотом продукции, полученной с их применением. Необходимо выделить ряд особенностей предлагаемого подхода к регулированию административной ответственности в исследуемой сфере.

1. Осознана необходимость выделения некоторых составов административных правонарушений, посягающих на установленный порядок деятельности по выращиванию и обороту генно-модифицированной продукции в сфере растениеводства. Так, ч. 1 ст. 19.3 проекта предполагает привлечение к административной ответственности за нарушение правил ведения документации на семена сельскохозяйственных растений, в том числе внесение в неё недостоверных сведений о содержании генно-инженерно-модифицированных организмов, а также за выращивание растений (семян), полученных с применением методов генной инженерии, кроме семян, предназначенных для проведения научно-исследовательских работ и экспертиз. В ст. 19.6 проекта предлагается установить административную ответственность за производство, ввоз или реализацию кормов, выращенных с применением методов генной инженерии. При этом следует учитывать, что корма, предназначенные для сельскохозяйственных животных, являются результатом переработки продукции отрасли растениеводства. В остальной части разработчики проекта игнорируют возможности разделения составов административных правонарушений, связанных с получением и оборотом генно-модифицированных организмов, по признаку технико-экономических отраслей в сельском хозяйстве: проект повторяет составы, содержащиеся в действующем законодательстве, прибавляя к ним административную ответственность за реализацию пищевой продукции в отсутствие информации о наличии в ней компонентов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов или с их применением (ч. 1 ст. 12.7, ст. 12.8 проекта).

2. Предлагается расширение перечня родовых объектов административных правонарушений в сфере генно-инженерной деятельности. По действующему законодательству к таковым отнесены общественные отношения в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охраны здоровья граждан, а также социальные связи в сфере предпринимательской деятельности. По проекту КоАП РФ родовыми объектами исследуемых составов являются общественные отношения в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охраны здоровья граждан, в сфере защиты прав потребителей, в отрасли сельского хозяйства и в сфере технического регулирования. При этом оба состава административных правонарушений, которые могут быть совершены исключительно в отрасли растениеводства, имеют родовым объектом общественные отношения в сельском хозяйстве. Вместе с тем по проекту КоАП РФ новый подход к группировке составов административных правонарушений по признаку родового объекта лишён практического смысла ввиду отказа от понимания однородных административных правонарушений как деликтов, имеющих единый родовой объект посягательства [4, п.16]. Разработчиками они рассматриваются в качестве правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьёй или частью статьи Раздела II проекта КоАП РФ либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Таким образом, административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 19.3 и 19.6 проекта КоАП РФ, не будут считаться однородными, и совершение лицом одного из них в течение срока административной наказанности за совершение другого не приведёт к каким-либо юридическим последствиям для делинквента. В то же время выделение однородных административных правонарушений должно быть основано на базовых положениях теории административного права о корреляции однородных правонарушений с их родовым объектом, под которым понимаются общественные отношения, складывающиеся в определённой сфере общественной жизни, исходя из чего соответствующие составы административных правонарушений группируются по главам Особенной части КоАП РФ [3, с.69–70]. Представляется, что разработчикам проекта КоАП РФ следует скорректировать свою позицию по этому вопросу.

3. Круг субъектов административных правонарушений приведён в соответствие с требованиями Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». По проекту КоАП РФ к административной ответственности могут быть привлечены и граждане (недолжностные лица), но только по тем составам административных правонарушений, которые они объективно могут совершить (ст. 10.9, 10.10, ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.6). Кроме того, индивидуальных предпринимателей предполагается привлекать к административной ответственности не как должностных лиц, а в качестве отдельной категории физических лиц, для которых предусмотрен свой предельный размер административного штрафа. Индивидуальные предприниматели предусмотрены в качестве субъектов административных правонарушений по всем составам в сфере получения, выращивания генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота продукции, полученной с их применением.

4. Проект КоАП РФ ориентирован на расширение судебной подведомственности, в том числе и по делам об административных правонарушениях в сфере генно-инженерной деятельности. В настоящее время дела о нарушениях законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности (ст. 6.3.1 КоАП РФ) рассматриваются в административном порядке органами, осуществляющими контроль за выпуском генно-инженерно-модифицированных организмов в окружающую среду (Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [6], Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору [5]), а дела о нарушениях обязательных требований к маркировке пищевой продукции, содержащей генно-инженерно-модифицированные организмы или полученной с их применением (ст. 14.46.1 КоАП РФ) – органами судебной власти. По проекту же дела по аналогичным составам, а также по ст. 10.10, 12.8 проекта (нарушения законодательства в области генно-инженерной деятельности, если это повлекло причинение вреда здоровью граждан и окружающей среде, а также реализация пищевой продукции в отсутствие информации о наличии в ней компонентов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов или с их применением, если это повлекло причинение вреда здоровью потребителей) находятся в исключительной компетенции судей. Расширение судебной подведом-

ственности по указанным составам административных правонарушений объясняется изменением перечня применяемых за их совершение административных наказаний, к которым помимо административного штрафа по проекту относятся конфискация вещей, явившихся предметами административного правонарушения, либо административный запрет деятельности (административное наказание, аналогичное по содержанию применяемому в настоящее время административному приостановлению деятельности). В то же время к числу недоработок проекта следует отнести установление административной подведомственности (дела уполномочен рассматривать Роспотребнадзор) по ч. 1 ст. 12.7, санкция которой предусматривает в том числе конфискацию товаров, явившихся предметом административного правонарушения, хотя данное административное наказание может быть назначено только судом. Что касается новых составов административных правонарушений, которые дезорганизуют общественные отношения, связанные с использованием генно-модифицированных организмов исключительно в сфере растениеводства (ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.6 проекта), то по ним устанавливается исключительно административная подведомственность. Введение за их совершение исключительно административного штрафа даёт возможность отнести соответствующие дела к компетенции Россельхознадзора.

Конструируя составы административных правонарушений, законодатель (а также разработчики проектов законов) ориентируется на действующие регулятивные нормы, устанавливающие права и обязанности субъектов тех или иных правоотношений, и определяет, какие из них нуждаются в охране нормами административно-деликтного, уголовного и иного законодательства. Степенью развитости регулятивных норм обусловливается и содержание законодательства об административных правонарушениях. Как видно из содержания проекта КоАП РФ, его разработчики предложили предельно возможное количество составов административных правонарушений в сфере генно-инженерной деятельности. Большая часть соответствующих норм имеет неразделённый предмет регулирования, устанавливая административную ответственность за нарушения правил осуществления генно-инженерной деятельности и оборота получаемой при этом продукции в целом, без учёта её особенностей в отраслях растениеводства и животноводства. Дальнейшее совершенствование административной ответственности в этой сфере зависит от развития законодательства о генной инженерии. Действующий Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», состоящий из 14 статей, крайне скудно регламентирует исследуемые правоотношения, не выделяет особенностей осуществления генно-инженерной деятельности в отношении сельскохозяйственных культур и оборота продукции растениеводства, полученной с применением методов генной инженерии. Тем не менее новый проект КоАП РФ показывает перспективы оптимизации института административной ответственности в этом направлении, вводя новые составы административных правонарушений, посягающих на установленный порядок получения, выращивания генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и оборота продукции, полученной с их применением.

Литература

1. Богатырёва Н. В. Направления совершенствования законодательства об административной ответственности в области генно-инженерной деятельности // Административное право и процесс. 2015. №12. С.62–65.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Липатов Э. Г., Филатова А. В., Чаннов С. Е. Административная ответственность: учебно-практическое пособие. М.: Волтерс Клувер, 2010. 400 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. №6.

5. Постановление Правительства РФ от 8 декабря 2017 г. №1491 «Об утверждении Правил осуществления Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 51. Ст. 7805.

6. Постановление Правительства РФ от 13 марта 2017 г. №281 «О порядке осуществления Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 12. Ст. 1724.

7. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

8. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 28. Ст. 3348.

9. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=99059 (дата обращения: 05.09.2020).

References

1. Bogatyreva N. V. Napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti v oblasti genno-inzhenernoi deyatel'nosti (*Areas of improvement of legislation on administrative responsibility in the field of genetic engineering*) // Administrativnoe pravo i protsess. 2015. No. 12. P. 62–65. (In Russian).

2. The Federal Law No. 195-FZ «Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» (*Code of administrative offences of the Russian Federation*) (30.12.2001) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. No. 1 (part 1). Art. 1. (In Russian).

3. Lipatov E. G., Filatova A. V., Channov S. E. Administrativnaya otvetstvennost': uchebno-prakticheskoe posobie (*Administrative responsibility*). M.: Volters Kluver, 2010. 400 p. (In Russian).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» (*«On some issues that arise in the courts when applying the Code of administrative offences of the Russian Federation»*) (24.03.2005) // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2005. No. 6. (In Russian).

5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1491 «Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya Federal'noi sluzhboi po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru monitoringa vozdeistviya na cheloveka i okruzhayushchuyu sredu genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov i produktsii, poluchennoi s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchei takie organizmy, i kontrolya za vypuskom takikh organizmov v okruzhayushchuyu sredu» (*Onthe approval of Rules of implementation by the Federal service for veterinary and phytosanitary supervision of monitoring of impact on the person and environment of genetically engineered organisms and products obtained with the use of such organisms or containing such organisms, and control of release of such organisms into the environment*) (08.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2017. No. 51. Art. 7805. (In Russian).

6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 281 «O poryadke osushchestvleniya Federal'noi sluzhboi po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelei i blagopoluchiya cheloveka monitoringa vozdeistviya na cheloveka i okruzhayushchuyu sredu genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov i produktsii, poluchennoi s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchei takie organizmy, i kontrolya za vypuskom takikh organizmov v okruzhayushchuyu sredu» (*«On the exercise of the Federal service for supervision of consumer rights protection and human well-being monitoring of human exposure and the environment to genetically modified organisms and products obtained using such organisms or containing such organisms, and control of release of such organisms into the environment»*) (13.03.2017) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2017. No. 12. Art. 1724. (In Russian).

7. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» (*«On the national security Strategy of the Russian Federation»*) (31.12.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2016. No. 1 (part 2). Art. 212. (In Russian).

8. The Federal Law No. 86-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoi deyatel'nosti» (*«On state regulation in the field of genetic engineering»*) (05.07.1996) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996. No. 28. Art. 3348. (In Russian).

9. *Federal portal of draft normative legal acts.* URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=99059 (Accessed: 05.09.2020). (In Russian).

Сведения об авторах

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / aysockolov@ mail.ru

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / olegoleg81@mail.ru

Information about the authors

Sokolov Alexandr – Doctor of law, Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / aysockolov@mail.ru

Lakaev Oleg – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / olegoleg81@mail.ru

УДК 342.721(438)

К. Хмеляж

ИНВИГИЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖБ И ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПОЛЬШИ

В эпоху глобального технологического прогресса современное государство обязано обеспечивать безопасность и прежде всего противодействовать внутренним угрозам государству, в том числе таким, как: шпионаж, терроризм, незаконный оборот оружием, экстремизм, разглашение секретной информации или киберпреступность. Обеспечение безопасности является прямой обязанностью государства, которое должно защищать своих граждан от угроз, действуя рационально и стремясь уменьшить их чувство опасности и неопределенности. Это, в основном, связано с политикой безопасности, которая должна организовывать деятельность компетентных органов с целью обеспечения безопасности общества. Кроме того, правильно функционирующая политическая система должна реагировать на все угрозы в адрес государству, имеющие политический и внутренний характер. К ним относятся: политическая дестабилизация, политический переворот, события, нарушающие конституционный, правовой или экономический порядок в стране.

В ходе исследования основное внимание уделялось попыткам понять процессы, происходящие в данной реальности, специфические последствия которых обусловлены конкретными причинами с учетом контекста зависимости фактической (эмпирической) аргументации и логической правильности. В работе использовалась смешанная схема исследования, которая позволяла изучать одни и те же факты в результате объединения разных методов с преобладанием их количества. При планировании исследования предполагалось, что продолжительность используемых временных фактов будет зависеть от наличия статистических данных для отдельных переменных исследуемых областей.

Документальным источником исследования стала полученная опубликованная и неопубликованная информация от государственных служб и органов, в том числе о масштабах применения оперативного контроля и степени получения телекоммуникационных данных.

Ключевые слова: политика безопасности, инвигиляция, оперативная и разведывательная деятельность, оперативный контроль, телекоммуникационные данные, право на неприкосновенность частной жизни.

Kzhishtof Khmelyazh

THE INVIGILATION OF GOVERNMENTAL SERVICES AND THE RIGHT TO PRIVACY IN THE CONTEXT OF THE SECURITY POLICY THE REPUBLIC OF POLAND

In the era of global technological development, the modern state is obliged to ensure security and, above all, to counter internal threats to the state, including espionage, terrorism, arms trafficking, extremism, the disclosure of classified information or even cybercrime. Ensuring security is the responsibility of the state, which must protect its citizens from threats, acting rationally and striving to reduce their sense of danger and uncertainty. This is mainly due to the security policy, which should organize the activities of the competent authorities in order to ensure the safety of society. In addition, a properly functioning political system should respond to all threats to the state that are political and domestic in nature, such as political destabilization, political upheaval, events that violate the constitutional, legal or economic order in the country.

The study focused on attempts to understand the processes taking place in this reality, the specific consequences of which are determined by specific reasons, taking into account the context of the dependence of actual (empirical) argumentation and logical correctness. The study used a mixed research scheme, which allowed us to study the same facts as a result of combining different methods with the predominance of quantitative methods. When planning the study, it was assumed that the duration of the time series used would depend on the availability of statistical data for individual variables of the studied areas.

The documentary source of the research became the received published and unpublished information from government services and authorities, including on the extent of the application of operational control and the degree to which telecommunications data were obtained.

Key words: state security policy, operational and reconnaissance activities, surveillance, field of operational control, control of telecommunications data, right to privacy.

Безопасность (от лат. *isne cura (securitas*) означает состояние, лишённое забот, беспокойства, тревоги или неприятных перемен, которое в Древнем Риме определяло политическую стабильность [1, 2]. Безопасность, как и многие другие теоретические категории, исследуемые в социальных науках, не имеет единого четкого определения [3, с. 88]. Ничего удивительного, что в литературе по этому вопросу появилось много определений безопасности, которые звучат поливариантно, но все же имеют общее семантическое ядро [4, с. 37].

Исследование понятия безопасности включает отдельные единицы, социальные группы, страны, международные организации, глобальную систему и делает безопасность чрезвычайно сложной когнитивной категорией, поэтому до сих пор в научной литературе нет общепринятого определения термина *безопасность* [4, с. 40]. Без сомнения, безопасность представляет огромный интерес для многих специалистов, научно-исследовательских центров и учреждений в области гуманитарных, социальных, технических и естественных наук, поэтому здесь мы имеем дело с огромным количеством значений, вариантов и масштабов этой концепции [4, с. 44].

В целях обеспечения государственной безопасности становится необходимым посягать на неприкосновенность частной жизни граждан в соответствии с принципом соразмерности, ограничивая тем самым их права и свободы. Угрозы национальной безопасности диктуют применение такой политики безопасности, которая могла бы эффективно бороться, например, с организованной преступно-

стью или терроризмом. Решительные действия политики безопасности, как оказалось, нарушают баланс между свободой и правами на неприкосновенность частной жизни и безопасностью государства.

В свою очередь, право на неприкосновенность частной жизни принадлежит тем правам и свободам человека, которые важны в демократическом правовом государстве и в то же время представляют собой особую меру развития демократии; осознание уважения к неприкосновенности частной жизни также является одним из определяющих факторов чувства безопасности [5, с. 401]. Право на защиту частной жизни в соответствии со ст. 47 и ст. 53 раздела 7 Конституции Речи посполитой Польши от 2 апреля 1997 года гарантирует каждому гражданину страны право на защиту частной и семейной жизни, чести и доброго имени, а также право самому планировать свою личную жизнь. Тем более, никто не обязан эксплицировать государственным органам свое мировоззрение, религиозные убеждения или вероисповедание.

Из доктрины и прецедентного права польских судов и трибуналов следует, что право на неприкосновенность частной жизни является очень сложной и широкой концепцией, охватывающей, среди прочего, семейную жизнь, домашний покой, личные права человека, неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных, тайну переписки и содержания сообщений, интимную сферу жизни граждан, право на свободу выражения собственных мнений и убеждений, получение и передачу информации и идей, а также защиту своего постоянного (или временного) места жительства [6, с. 214].

Анализ существующих мнений о доктрине и прецедентном праве приводит к убеждению, что существует большое количество возможностей для определения права на неприкосновенность частной жизни. Как в англосаксонской, так и в континентальной литературе можно выделить несколько способов определения сферы конфиденциальности и права на неприкосновенность частной жизни: 1) области (сферы), защищенные правом на неприкосновенность частной жизни, 2) функции, которые должно выполнять право на неприкосновенность частной жизни, 3) ситуации, в которых право на неприкосновенность частной жизни может быть нарушено [7, с. 92].

В своих постановлениях Конституционный трибунал Речипосполитой Польши (от 19 июня 1992 года, U 6792, OTK 1992, часть I, стр. 204; от 20 марта 1994 года, W 3/93, OTK 1994, часть I, стр. 158-159; от 16 марта 1994 г., W 8/93, OTK 1994, часть I, стр. 168; от 26 апреля 1995 г., K 11/94, OTK 1995, часть I. 132-133, от 21 ноября 1995 г., K 12/95, OTK ZU 1995, № 3, p. 141, от 24 апреля 1996 г., W 14/95, OTK ZU 1996, № 2 136.) признал конституционный ранг права на неприкосновенность частной жизни, утверждая, что им являются принципы и правила, касающиеся различных сфер жизни человека, а их общим знаменателем является предоставление человеку права жить собственной жизнью, планированой в соответствии с его волей, и в то же время ограниченной необходимым минимумом любого внешнего вмешательства. Конфиденциальность, понимаемая таким образом, относится, прежде всего, к личной, семейной, общественной жизни и иногда определяется как право выбора жить в одиночестве. Это также касается защиты информации, относящейся к данному лицу, и гарантирует определенное состояние независимости, благодаря которому человек может принять решение о масштабах и сфере распространения и передачи информации о своей жизни другим лицам. Конституционный трибунал Речипосполитой, Польши, также отмечает тот факт, что существование права на неприкосновенность частной жизни в польском правопорядке уже было подтверждено в прецедентном праве Верховного суда Польши, в котором понятие защиты личных прав относилось к сфере частной и интимности жизни граждан. В этом контексте Конституционный трибунал РП утвердил, в частности, что защита в названных сферах жизни может касаться случаев разглашения фактов из личной и семейной жизни, злоупотребления полученной информацией, сбора информации и сведений об интимных отношениях единицы общества, публикации этой информации или разглашения её другим образом.

Решением Верховного суда от 19 февраля 2002 г., U 3/01, OTK-A 2002, № 1, п. 3 и решением от 17 июня 2008 г., K8/04, OTK-A 2008, № 5, п. 81 Конституционный трибунал Речипосполитой Польши открыто заявил, что информационная автономия, являющаяся элементом защиты частной жизни, означает право самостоятельно принимать решение о разглашении информации о себе, а также право осуществлять контроль над такой информацией, если ею владеют третьи лица.

Й. Брацяк, как и в свое время А. Копфф, выделяет ситуации, которые могут нарушать неприкосновенность частной жизни. Ими являются: 1) вмешательство в личную или семейную жизнь, 2) дискомфорт в отношении психической или физической неприкосновенности личности, её свободы, убеждений, обычаев, 3) вмешательство по отношению вероисповедания, чести или взглядов, 4) представление кого-либо в неблагоприятном для него свете, 5) раскрытие интимных фактов, связанных с личной жизнью единицы, 6) инвигиляция в личную переписку или разглашение информации, полученной от третьего лица в условиях конфиденциальности, 7) сбор, хранение и компьютеризация персональных данных единицы, 8) инвигиляция и преследование другого человека, 9) подслушивание, 10) слежка, 11) наблюдение, 12) подсматривание и фотографирование, 13) вторжение или проникновение в частную собственность, 14) навязывание своей компании, 15) распространение неправдивой информации о человеке, 16) оскорбление, угрозы, 17) домогательство и преследование, 18) представление человека в ложном свете, 19) нежелательная почта и телефоны, 20) диктование правил касательно выполнения родительских обязанностей, 21) склонение к «обязательным» медицинским тестам, 22) принуждение к дачи информации, 23) присвоение чужой фамилии, псевдонима или достижений, 24) распространение чужого имиджа [8, с. 112, 212–213]. Согласно концепции Копффа, сфера интимности не может подвергаться вмешательству со стороны кого-либо, тогда как сфера конфиденциальности может быть несколько ограничена, особенно когда это диктуется, например, необходимостью обеспечения покоя, общественного порядка, охраны здоровья и т. д.

Конституционный трибунал РП в рассмотрении человеческого достоинства неоднократно подчеркивал в своих решениях, что запрет на нарушение

человеческого достоинства является абсолютным и распространяется на всех, в то время как обязанность уважать и защищать достоинство человека была наложена на государственные органы власти. Как следствие, все действия органов государственной власти должны, с одной стороны, учитывать существование определенной сферы автономии, при которой человек может полностью реализовать себя социально, а с другой стороны, эти действия не могут привести к созданию правовых или фактических ситуаций, которые лишают человека чувства достоинства (решение Конституционного суда РП от 4 апреля 2001 г., К 11/00, ОТК 2001, № 3, пункт 54). В своем устоявшемся прецедентном праве Конституционный трибунал РП установил, что ограничение свободы и прав допустимо, если оно действует в рамках закона, а введение ограничений необходимо в демократическом правовом государстве для его же безопасности или общественного порядка, или для защиты окружающей среды, общественного здоровья и нравственности, или же свободы и прав других. Важно, чтобы эти ограничения не нарушали сущности индивидуальных свобод и прав и, следовательно, служили защите общественных интересов в областях, упомянутых выше. В свою очередь, брак конкретной связи обуславливает отсутствие конституционной основы для установления ограничений и, следовательно, неконституционность данного постановления (решение Конституционного суда РП от 30 июля 2014 года, номер ссылки К 23/11).

Кроме того, Европейский Суд по Правам Человека (ЕСПЧ), рассматривая вопрос о допустимости ограничений в сфере права на неприкосновенность частной жизни, заявил, что это не абсолютное право и оно может поддаваться ограничениям, которые должны отвечать первостепенным интересам Сообщества, а применяемые меры должны быть соразмерны предполагаемой цели и не нарушать сути закона при обеспечении процессуальных гарантий. В своих решениях ЕСПЧ подчеркнул, что действия по защите порядка и предупреждении преступности могут более оправдывать широкую сферу вмешательства в случае осужденного, чем пребывающего на свободе предположительного подозреваемого (National Panasonic (UK) Ltd. Комиссия европейских сообществ от 26 июня 1980 года), 136/79, ECR 1980, стр. 2033, § 20. См. Hermann Schräder HS Kraftfutter GmbH & Co. KG против Hauptzollamt Gronau от 11 июля 1989 г., 265/87, ECR 1989, стр. 2237, §15); См. Мнение генерального адвоката Космы от 10 июня 1998 года, C-223/98, Adidas AG - Справочник по предварительному решению Коминтерна в Стокгольме).

В этом отношении политика государственной безопасности должна проводиться таким образом, чтобы введение государственных ограничений подтверждало то, что они являются законными и служат таким важным целям, как государственная безопасность, защита общественного порядка или защита прав других лиц. В соответствии со ст. 31 раздел 3 Конституции РП, существенным для возможности вмешательства государства в сферу конституционных свобод и прав личности является установление соответствующих положений только в рамках Закона и только тогда, когда они необходимы для обеспечения безопасности государства, общественного порядка, защиты окружающей среды, здоровья и нравственности общества или свободы и прав других людей; и когда они созданы по образцу тех ограничивающих нарушения свобод и прав положений, которые включены в Международный пакт о Личных и Политических Правах, а также в Европейскую Конвенцию о Правах Человека [9, 10].

Что касается оперативно-разведывательных методов, то здесь следует согласиться с утверждением, что «инвигиляция» – это слово с довольно сильной уничижительной окраской, которое чаще всего ассоциируемое, скорее инстинктивно, чем сознательно, с действиями государства тоталитарной системы, состоящими в слежке, надзоре, наблюдении за ничего не подозревающими гражданами. Эти действия нередко используются публицистами и журналистами [11, с. 9]. Слова «наблюдение, надзор» происходят от глагола с латинским корнем «invigilo, invigilare», что означает наблюдение за чем-либо, наблюдение за кем-либо или надзор за чем-либо, отслеживание, контроль, шпионаж [12, с. 20]. Глагольный эквивалент слова «наблюдение» также относится к «invigiate» на английском языке и «inviglieren» - на немецком. Кроме того, слежка может быть определена как тайное наблюдение за кем-либо, осторожная, систематическая слежка за кем-либо со стороны полиции или частных детективов.

На разговорном, публицистическом и политическом языках понятие «инвигиляция» также имеет негативную перцепцию, поскольку оно обычно связано с деятельностью органов власти на грани закона. Слова надзор или наблюдение имеют другие значения в юридическом языке, потому что по своей природе этот язык имеет нейтральное значение, что лишает этих выражений отрицательного восприятия [11, с. 12–13].

В криминалистической и детективной литературе, как и в других исследованиях, инвигиляция не является однородной концепцией, о чем свидетельствуют, например, работы, посвященные этому вопросу, поскольку слежка называется отслеживанием поведения подозрительных лиц, главным образом, посредством наблюдений, опросов и бесед с лицами, которые предоставляют информацию конфиденциальным образом. Наблюдение подчеркивается как сложный процесс, осуществляемый единовременно или непрерывно, указывая на то, что это важная, повседневная и эффективная форма оперативной работы, которая позволяет собирать информацию о деятельности находящейся под наблюдением личности, например, о её частной или профессиональной жизни, предпочтениях, интересах, зависимостях.

В криминалистике инвигиляция чаще всего понимается как вид сложной оперативно-разведывательной деятельности. Следует добавить, что в уголовно-правовой доктрине не определены четкие границы важности этого действия. Хотя это слово используется чаще всего для описания типа сложной оперативной и исследовательской деятельности, а некоторые авторы используют слово инвигиляция, или наблюдение в более сходном значении с разговорным [11, с. 14].

Суды общей юрисдикции, Верховный суд и Конституционный трибунал РП, а также Европейский Трибунал по Правам Человека, а также Суд Европейского Союза (решения Конституционного трибунала

ЕС от 12 декабря 2005 года, номер ссылки K 32/04; от 23 июня 2009 г., ссылочный номер K 54/07; от 30 июля 2014 г. (ссылочный номер K 23/11) используют термин «надзор или наблюдение» в своих решениях, поэтому на практике невозможно избежать слова инвигиляция, хотя действующие правовые акты и государственные службы отходят от таких терминов, отдавая предпочтение названиям «оперативная разведка», «оперативный контроль», «оперативное прослушивание» (не судебное разбирательство), а также «контроль данных электросвязи». Подробные действия для оперативного надзора определяют ведомственные распоряжения и инструкции, которые являются секретными и содержат, в частности, соответствующие секретные положения.

В настоящее время оперативные и разведывательные работы проводятся польскими службами в рамках так называемой оперативной работы при использовании разных форм и методов, которые конкретно представлены в секретных распоряжениях соответствующих руководителей служб. Формы оперативной работы, также известные как оперативные вопросы, охватывают, среди прочего, процедуру, включающую сбор и проверку информации о деятельности, которая содержит элементы преступного деяния подозреваемого. Операционные методы – это набор взаимосвязанных явных и секретных мероприятий и мер, используемых таким образом, чтобы достичь намеченной цели или выполнить поставленную задачу.

Польские спецслужбы и полицейские службы используют следующие методы оперативной работы: 1) сотрудничество с личными источниками информации, 2) вербовка, 3) оперативная комбинация, 4) спецоперация, 5) маскирующие действия, 6) оперативный контроль, 7) контролируемая покупка, 8) контролируемая передача или получение финансовой выгоды, 9) тайно контролируемый груз, 10) оперативное наблюдение, 11) оперативный допрос, 12) засада, 13) криминальный анализ. Кроме того, в зависимости от специфики услуг в рамках оперативной деятельности могут создаваться так называемые сети коммерческих предприятий, например, для разведывательных целей.

Подытоживая, никакие положения не определяют концепцию оперативно-разведывательной деятельности, поскольку законодатель только лишь указывает цели, для которых они предназначены, а одним из общепризнанных инструментов выявления угроз и преследования за нарушение закона является оперативно-разведывательная деятельность (Решение Конституционного трибунала Речипосполитой Польши от 30 июля 2014, номер ссылки K 23/11).

Одиннадцать польских служб и органов имеют законные права применения оперативной и разведывательной деятельности в текущем правовом статусе: 1) Полиция, 2) Агентство внутренней безопасности, 3) Агентство внешней разведки, 4) Центральное антикоррупционное бюро, 5) Пограничная служба, 6) Служба контрразведки, 7) Служба военной разведки, 8) Военная полиция, 9) Национальная налоговая администрация, 10) Служба государственной охраны и 11) Инспектор внутренней безопасности Министерства внутренних дел и администрации.

Кроме того, отмечая различия, связанные с использованием новых технологий для совершения традиционных преступлений и широко понимаемых компьютерных преступлений, Конституционный трибунал Речипосполитой Польши неоднократно заявлял, что необходимо разработать дифференцированный подход к оценке соразмерности положений, разрешающих применения новых технологий для предотвращения нарушения закона, обнаружения и ликвидации угрозы в зависимости от того, как новые технологии используются в незаконных целях.

Попытки предложить абстрактное определение деятельности оперативной разведки на основе вышеупомянутых выводов кажутся бессмысленными, поэтому конкретные нормативные положения, которые касаются работы отдельных служб и органов, а также данных оперативного контроля и телекоммуникациями, относящихся к деятельности оперативной разведки, представлены ниже.

Оперативный контроль относится к нетипичному типу контроля и записи содержания телефонных разговоров, называемому оперативным прослушиванием телефонных разговоров. Этот тип контроля и записи содержания телефонных разговоров происходит вне уголовного процесса. Упомянутые выше государственные службы и органы создаются для его применения, а их полномочия в этом отношении вытекают из предоставленных им законных прав.

Анализ материалов, собранных в оперативном контроле, позволяет получить информацию, имеющую большое значение и позволяющую проникать в криминальные группы и выявлять связи между общающимися в них людьми, что поможет быстро обезвредить преступников. Следовательно, таким образом можно получить информацию и факты, которые ранее не были доступны правоохранительным органам [13, с. 39].

В соответствии с польскими правовыми нормами, которые определены в законах о компетенции, оперативный контроль проводится тайно и состоит из: 1) получения и записи содержания разговоров, проводимых с использованием технических средств, в том числе через телекоммуникационные сети, 2) получения изображения лица или записи голосов из помещений, транспортных средств или мест, не являющихся общественными местами, 3) получение и запись содержимого корреспонденции, включая корреспонденцию, осуществляемую посредством электронной связи, 4) получение доступа и контроль содержимого почтовых отправлений, 5) получение и запись данных, содержащихся на носителях ИТ, телекоммуникационных оборудованиях, системах IT и ICT.

Конституционный трибунал РП в вышеупомянутых решениях подчеркивает, что тайное получение информации о гражданах государственными органами в ходе оперативного контроля, направленного на предупреждение, выявление и борьбу с преступлениями, является обязательным и законным. Открытый характер этих действий может сделать их неэффективными, что, в свою очередь, повлияет на уровень безопасности государства и его граждан. Эта оценка явилась результатом осознания специфики преступной деятельности и усложнения условий для обеспечения безопасности, вызванного угрозой терроризма, организованной преступности или использования преступниками новых технологий

(например, компьютера) для общения друг с другом и совершения различных преступлений.

В свою очередь, управление телекоммуникационными данными представляет собой метод получения информации при помощи «технических средств», которые включают в себя все устройства для секретного получения и записи содержания разговоров и информации, содержащейся в сигналах, знаках и изображениях, включая электронные системы передачи и обработки данных [14, 15], например, электронный контроль людей, мест и предметов, а также транспортных средств (так называемый GPS), электронный контроль телефонных или радиосвязных средств.

Полученные телекоммуникационные данные включают: 1) данные абонента, когда уполномоченные органы могут запросить у оператора телекоммуникационной сети общего пользования и поставщика телекоммуникационных услуг общего пользования данные, идентифицирующие абонентов (пользователей телефона), благодаря которым они могут узнать персональные данные абонента, в том числе фамилию и имя, имена родителей, место и дату рождения, адрес проживания, адрес для корреспонденции, место постоянного/временного жительства, идентификационный номер, фамилию, серию и номер документа, подтверждающего личность, т.е. паспортные данные и данные, содержащиеся в документах, подтверждающих возможность выполнения обязательства перед поставщиком общедоступных телекоммуникационных услуг в результате договора на оказание телекоммуникационных услуг, номер банковского счета, номер платежной карты, адрес электронной почты, контактные телефоны; 2) биллинг, который в правовой системе Польши не имеет юридического определения, широко известен как список связей. В свою очередь, так называемый Глоссарий, содержащийся в Законе о телекоммуникации, включает три способа, относящиеся к понятию соединения: а) соединение - физическое или логическое соединение терминального оборудования связи, обеспечивающее передачу телекоммуникаций; б) сетевое соединение - физическое и логическое соединение общедоступных телекоммуникационных сетей, используемых одними и теми же или различными телекоммуникационными предприятиями, чтобы позволить абонентам одной телекоммуникационной компании обмениваться данными с пользователями, пользующимися услугами или сетью той же или другой телекоммуникационной компании, или доступ к услугам, которые предоставляет другая телекоммуникационая компания; сетевое соединение – это особый вид телекоммуникационного доступа, осуществляемый между операторами; с) телефонное соединение - соединение, устанавливаемое посредством общедоступной телекоммуникационной услуги, позволяющей осуществлять двустороннюю голосовую связь. Кроме того, поставщик общедоступных телекоммуникационных услуг предоставляет абоненту бесплатный счет-фактуру с базовым списком выполненных телекоммуникационных услуг, содержащим информацию о выполненных платных соединениях, включая для каждого типа соединения количество учетных единиц, соответствующее стоимости соединений, выполненных абонентом; 3) геолокационные данные, позволяющие уполномоченным органам определять географические координаты местоположения BTS (базовой приемопередающей станции), так называемая базовая ретрансляционная станция. В свою очередь, станция BTS – это не что иное, как радиоприемник и передатчик, в котором могут одновременно находиться тысячи людей. Поэтому так называемый снимок экрана от BTS представляет информацию о всех пользователях в течение определенного времени в пределах диапазона данной базовой станции. В случае BTS данные, идентифицирующие антенну базовой станции, включают в себя не только ранее обсужденные географические координаты этой станции, но также азимут, луч и рабочий диапазон антенны этого типа. Данные, полученные через так называемые геолокации, позволяют с очень высокой точностью определять местоположение пользователя телефона в указанное время, как совершая, так и принимая им телефонный звонок; 4) Интернет-данные, позволяющие определить пользовательские данные, отчеты о соединениях, списки интернет-сеансов, IP-пользователя и его активность в Интернете, переадресацию, номера IMEI и номера ESN телекоммуникационного оконечного оборудования. Кроме того, интернет-данные, полученные уполномоченными органами, можно разделить на две категории: отчеты о соединении (согласно определенным критериям) и пользовательские данные (персональные и адресные данные определенного IP-номера и адреса электронной почты), а также определение интернет-услуги на основе персональных данных, адреса, REGON или NIP - налоговый идентификационный номер.

Анализ материалов, собранных при помощи телекоммуникационных данных, позволяет получить информацию, имеющую важное значение и позволяющую точно реконструировать процессы принятия решений в преступных группах и определения взаимосвязи между общающимися людьми. Анализ этих данных, согласно законодательству, позволяет быстро выявлять лиц, являющихся угрозой для таких важных ценностей, как жизнь или здоровье людей. Следует также иметь в виду, что новые технологии, используемые в ходе оперативной и разведывательной деятельности, позволяют правоохранительным органам консолидировать и впоследствии реконструировать содержание голосовых, текстовых или мультимедийных сообщений, передаваемых по телекоммуникационным сетям.

Защищенные ценности, для которых конфиденциальность может быть ограничена (включая конфиденциальность информации), являются общественной безопасностью. По этой причине в ведомственных нормативных актах упоминаются источники конфиденциальной информации, которые государственные органы могут собирать, проверять, обрабатывать, а также использовать для целей обнаружения и идентификации преступника, например, отпечатки пальцев. Нарушения прав личности рассматриваются как действия исключительного характера, поскольку контроль за перепиской и использование соответствующих технических мер могут быть приняты лишь в том случае, если другие меры окажутся неэффективными или существует высокая вероятность того, что они будут бесполезными для выявления преступления, раскрытия его исполнителей, а также получения неопровержимых доказательств

[8, с. 202 – 203]. Защита неприкосновенности частной жизни в связи с правами и свободами других лиц, необходимостью жить в сообществе, а также внутренней безопасностью государства, как заявляет Конституционный трибунал РП, не является неограниченной (постановление Конституционного трибунала РП от 24 июня 1997 года - K 1 / 96, OTK 1996, № 5, пункт 38 и от 17 декабря 2003 года SK 15/02, OTK ЗУ 2003, пункт 103, от 12 января 1999 года, P 2/98, OTK 1999, № 1, пункт 2, стр. 16).

Как упоминалось ранее, конфиденциальность может подвергаться ограничениям, которые должны быть сформулированы таким образом, чтобы соответствовать конституционным требованиям. Следует согласиться с решением Конституционного трибунала РП о том, что ограничения могут иметь место только при наличии другой конституционной нормы, принципа или необходимости, говорящих в его пользу, а степень этого ограничения должна оставаться пропорциональной интересам, которым должно служить ограничение (решение Конституционного трибунала РП от 20 ноября 2002 г. – K 41/02, OTK-A 2002, № 6, пункт 83).

Следует согласиться с мнением о том, что перед лицом растущей преступности, в том числе организованной и интернационализированной, необходимо ограничивать право на неприкосновенность частной жизни. Однако такие ограничения всегда должны основываться на четких правилах и принципах, в противном случае мы не можем говорить о существовании справедливого закона [16, с. 90], а оперативная и исследовательская деятельность, вмешивающаяся в сферу права на неприкосновенность частной жизни, не обязательно автоматически означает неконституционность этой деятельности, а также не каждое проявление ограничения права на частную жизнь равносильно нарушению личного достоинства или, точнее, прав, вытекающих из этого достоинства (решение Конституционного суда РП от 20 июня 2005 г., K 4/04, OTK ZU 2005, № 6A, пункт 64 и решение Конституционного трибунала РП от 5 марта 2003 года, K 7/01, OTK-A 2003, № 3, пункт 19).

Ограничение права на неприкосновенность частной жизни заключается в сужении предела защиты этого права по отношению к сфере действий, определенных положениями Конституции РП. Таким образом, допустимо даже глубокое посягательство на сферу конституционных гарантий отдельных лиц при условии, что это посягательство имеет адекватные процессуальные гарантии и, как следствие, не ведет к ущемлению достоинства лица, подлежащего контролю (решение Конституционного суда РП от 12 декабря 2005 г., K 32/04, OTK ЗУ 2006, № 1A, п.13).

Согласно информации, направленной Генеральным прокурором РП в Сенат РП в период с 2013 по 2018 годы, суды постановили совместно контролировать и фиксировать разговоры 33 128 человек и отказались от надзора (контроля) над 132 лицами. Кроме того, суд не дал согласия на оперативный контроль над 1 042 людьми за рассматриваемый период. Служба государственной охраны и инспектор внутреннего надзора в 2018 году не подавали запросы на оперативный контроль. В свою очередь, масштабы запросов на доступ к телекоммуникационным данным со стороны государственных служб и органов власти ежегодно достигают более 2 000 000.

Подводя итоги, можно с определенностью сказать, что политика безопасности государства должна проводиться таким образом, чтобы обеспечить своим гражданам как в личном, так и в коллективном контексте защиту их прав и свобод. С другой стороны, в ситуации угрозы (опасности) государство может ограничивать или блокировать другие права человека в соответствии с законом для обеспечения порядка и предотвращения организованной преступности или террористической угрозы.

Литература / References

1. Szczudlińska-Kanoś A. Polityczne uwarunkowania zarządzania bezpieczeństwem wewnętrznym Polski // Zeszyty Naukowe WSOWL. 2013. Nr 3. C. 65.
2. Sekściński A. Bezpieczeństwo wewnętrzne w ujęciu teoretycznym. Geneza i współczesne rozumienie w naukach politycznych // Ośrodek Analiz Politolgicznych. 2013. Nr 6. C. 43.
3. Szubrycht T. Współczesne aspekty bezpieczeństwa państwa // Zeszyty Naukowe Akademii Marynarki Wojennej. 2006. Nr 4. C. 88.
4. Łebkowska J. Bezpieczeństwo – teoretyczny wymiar ponadczasowej wartości // Przegląd Strategiczny. 2011. Nr 1. C. 37, 40, 44.
5. Siostrzonek-Sergiel A. Prawo do prywatności a bezpieczeństwo publiczne realizowane przez proces karny. Kultura bezpieczeństwa // Nauka-Praktyka-Refleksje. 2014. Tom. 16. C. 401.
6. Pryciak M. Prawo do prywatności // Studia Erasmiana Wratislaviensia, 2010. 214 c.
7. Mednis A. Prawo do prywatności a interes publiczny // Mednis Arwid, 2006. 92 c.
8. Braciak J. Prawo do prywatności // Wydawnictwo Sejmowe, 2004. 112, 212-213 c.
9. Garlicki L. Przesłanki ograniczania konstytucyjnych praw i wolności, na tle orzecznictwa Trybunału Konstytucyjnego // Państwo i Prawo. 2001. Nr 10. C. 7.
10. Winczorek P. Komentarz do Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. // Prawo i Administracja. 2000. 50 c.
11. Kustra A. Inwigilacja - podstawowe znaczenia, (red.) P. Chrzczonowicz, V. Kwiatkowska-Darul, K. Skowroński, Społeczeństwo inwigilowane w państwie prawa // Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 2003. 9,12 – 14 c.
12. Chmielarz K. Zarys taktyki detektywistycznej // Policealna Szkoła Detektywów (do użytku wew. nie publ.). 2008. Cz. I. C. 20.
13. Słoński J. Kontrola operacyjna // Kwartalnik Prawno-Kryminalistyczny Szkoły Policji w Pile. 2011. Nr 3-4. C. 39.
14. Zakrzewski R. Jarocha W. Dopuszczalność stosowania kontroli korespondencji i podsłuchu // Kontrola Państwowa. 1997. Nr 1. C. 115.
15. Klejnowska M. Podsłuch operacyjny i prowokacja policyjna // Prokuratura i Prawo. 2004. Nr 3. C. 94.
16. Gołębiewska E. Owsianny M. Kontrola korespondencji osób prawnie pozbawionych wolności (red.) P. Chrzczonowicz, V. Kwiatkowska-Darul, K. Skowroński, Społeczeństwo inwigilowane w państwie prawa // Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 2003. 90 c.

Информация об авторе

Кшиштоф Хмеляж – кандидат социальных наук, доцент административно-экономического факультета Государственного высшего профессионального училища в Тарнове (Тарнов, Польша) / krzysztofchmielarz@op.pl

Information about the authors

Kzhishtof Khmelyazh – PhD in Social Sciences, Associate Professor, Administrative and Economic Faculty, State Professional School (Tarnov, Poland) / krzysztofchmielarz@op.pl

УДК 81.811.112

С. Н. Бредихин, Т. Г. Борисова

СПЕЦИФИКА СРЕДСТВ АКЦЕНТУАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА ДЕТСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена особенностям трансляции актуализированных фонетических, ритмических и лексико-грамматических компонентов в рамках сохранения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта детской поэзии. Трансляционная специфика детской поэзии заключается в ее графичности, быстрой смене образов, лиричности, подвижности, переменчивости ритма, повышенной музыкальности речи, параллельной рифме, наибольшей тяжести семантики в словах, служащих для рифмы. Материалом исследования послужили поэтические произведения сборника фольклорного творчества для детей “Mother Goose’s Nursery Rhymes” («Песенки матушки Гусыни»), а также их переводы, выполненные С. Я. Маршаком и К. И. Чуковским. Цель работы заключается в выявлении и описании наиболее эффективных средств реализации содержательно-тематического и функционально-стилевого единства, позволяющих сохранять заложенный в оригинале перлокутивный эффект с учетом возрастных и психологических особенностей реципиента. Методы обусловлены спецификой объекта и материала исследования и базируются на комплексном сравнительном анализе эмпирических данных, индуктивном методе, контекстуальном анализе. Тексты детской поэзии в качестве одного из базовых принципов построения имеют прагматическую ориентировку на психолого-эмоциональные и возрастные особенности потенциального реципиента. Наиболее часто используемые методы сохранения перлокутивного эффекта: на фонетическом уровне – выравнивание ритма, создание собственного ритма или его повторение, передача ассонанса/диссонанса и поиск эквивалентов английского звукоподражания; на морфемном – аффиксация; на лексическом уровне – переводческие трансформации (транскрипция, транслитерация, калькирование, сужение смысла, расширение смысла, эмфатизация, нейтрализация) и создание/сохранение стилистических приемов (метафоры, ирония, эпитеты); на синтаксическом уровне – переводческие трансформации (перестановка, стяжение, добавление, опущение) и создание/сохранение стилистических приемов (параллельные конструкции, перечисления, антитеза, эллипсис, повествовательный/риторический вопросы).

Ключевые слова: детская поэзия, эмоционально-эстетическая информация, ритмика, рифма, метрические средства, перлокутивный эффект.

Sergey Bredikhin, Tatyana Borisova

SPECIFICS OF ACCENTUATION TOOLS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PERLOCUTORY EFFECT IN CHILDREN’S POETRY TEXT

The study focuses on specific features of translating relevant phonetic, rhythmic and lexical-grammatical components within the framework of preserving the perlocutionary effect of children’s poetry that is adequate to the source. The translation specifics of children’s poetry implies its graphic nature, rapid change of images, lyricism, mobility, rhythm variability, increased speech musicality, parallel rhyme, and the semantic load is concentrated in words, which are used to ensure rhyme. The material for the study included poetry works from the collection of children’s folk poetry “Mother Goose’s Nursery Rhymes” (Mother Goose’s songs), as well as their translations performed by S. Ya. Marshak and K. I. Chukovsky.

The purpose of the work was to identify and offer a description for the most effective means of implementing content and theme and function and stylistics unity, which allow preserving the original perlocutionary effect, taking into account the recipient’s age and psychological features. The methods were determined by the specifics of the object and material of the study, and are based on a comprehensive comparative analysis of the empirical data, inductive method, and contextual analysis. In children’s poetry texts, one of the basic principles of construction is a pragmatic orientation to the psychological, emotional and age-related features of the potential recipient.

The most common methods employed to preserve the perlocutionary effect on the phonetic level include rhythm alignment, creating your own rhythm or its repetition, transmitting assonance/dissonance and search for equivalents of English onomatopoeia; on the morphemic level – affixation; on the lexical level – translation transformations (transcription, transliteration, translation loan, narrowing of meaning, expansion of meaning, emphatization, neutralization) as well as creating/preserving stylistic devices (metaphors, irony, epithets); on the syntax level – translation transformations (permutation, contraction, addition, omission) and creation/preservation of stylistic devices (parallel constructions, enumerations, antithesis, ellipsis, narrative/rhetorical questions).

Key words: children’s poetry, emotional and aesthetic information, rhyme, rhythm, metric means, perlocutionary effect.

Детская поэзия представляет собой специфический тип поэтического текста, который базируется на прагматической ориентировке на психолого-эмоциональные и возрастные особенности потенциального реципиента, т.е. призван воссоздать в рамках перлокуции эмоциональное состояние ребенка. Чтобы дать определение термину «перлокутивный эффект», следует обратиться к теории речевых актов Дж. Л. Остина. Она была изложена в 1955 г. в курсе лекций «How To Do Things With Words» в Гарвардском университете. Ученый предлагает рассматривать речевой акт как образование, состоящее из трех уровней – локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты. Первый реализуется в рамках языковых средств, второй – целью и условиями его осуществления, третий – результатами и эмпирической верификацией [15]. Таким образом, перлокутивный акт – составляющая речевого акта в отношении результатов

его осуществления. Под ожидаемыми результатами сохранения средств акцентуации при трансляции детской английской поэзии на русский мы подразумеваем реализацию её основных аспектов.

О. Н. Лагута в учебном словаре терминов «Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации» приравнивает перлокутивный эффект к коммуникативному успеху [7, с. 180]. Под коммуникатвным успехом она поднимает генерализованные характеристики коммуникации и доминантную цель общения, в рамках реализации которой продуцент осуществляет решение более частных коммуникативных задач [7, с. 89]. При этом автор указывает, что важнейшим фактором успешного общения является коммуникативная компетенция. Это – совокупность некоторых потенций и индивидуально-личностных свойств, интра- и экстралингвистических умений и навыков, которые призваны обеспечить всю коммуникативную деятельность отдельного члена лингвокультурного сообщества [7, с. 80].

Дж. Л. Остин указывает, что эффекты перлокуции обладают реальными последствиями, которые не включают в себя конвенциональные эффекты [16, p. 102]. В переводах детской английской поэзии такими последствиями предлагаем считать развитие чувства ритма, развитие чувств и эмоций, реализация игровой функции, дидактичность (которая также включает в себя ознакомление с иностранной культурой), а также интерес ребенка к изучению языка оригинала.

Для достижения перлокутивного эффекта в рамках трансляции самого акцентуируемого компонента и общего фона детского поэтического текста наиважнейшую роль играют как переводческие трансформации, так и сохранение/создание собственных авторских стилистических приемов. Все средства достижения перлокутивного эффекта рационально классифицировать по разным уровням языка.

По Бенвенисту, двумя нижними уровнями анализа считаются *фонетический* (уровень минимальных сегментных единиц) и *меризматический* (уровень различительных признаков) [3, с. 131]. Однако различительная функция фонемы основывается на том, что фонема может быть включена в определенную единицу более высокого уровня. Таким образом, фонемы являются конструктивными единицами экспликанты морфем, морфемы же в свою очередь аллолексем в произведении, а они уже высказываний, равно как и обратнонаправленный нисходящий вектор имеет место в данной системе и т.д.

Важно отметить, что К.И. Чуковский в своих работах негативно высказывался о практике буквального, дословного перевода и призывал отходить от буквализма при переводе стихотворений для детей [10, с. 374]. Т.е. принцип динамической эквивалентности, последовательно реализуемый на всех уровнях (от фонемного до синтаксического, с учетом возможной трансляции супрасегментных особенностей), наиболее полно отвечает задачам сохранения адекватного перлокутивного эффекта. В условиях полного сохранения лингвокультурной доминанты и вербализующих её элементов также невозможна реализация воздействующей и эстетической функции английского детского стиха [11, с. 84], это может привести к смысловым вариациям невозможным в принимающей лингвокультуре. Рассмотрим переводческие трансформации и сохранение стилистических средств подлинника на каждом языковом уровне.

Фонемный уровень

В фонетической системе стиха звуки приобретают содержательность, эмоциональное, смысловое значение [15, с. 4], т.е. акцентуируют отдельные компоненты генерализованного смысла, которые релевантны для достижения перлокутивного эффекта соответвующего иллокутивной цели. Как уже было сказано выше, стихотворения для детей носят дидактический характер, знакомя детей с окружающим миром. Такое средство, как *звукоподражание* (*ономатопея*) знакомит детей с животным и природным миром. Это средство существует в английском языке и часто имеет свои эквиваленты в русском. Так, в стихотворении “Three Little Kittens” котята и кошка произносят следующие звуки: «miew, miew, miew», «purr, purr, purr». В русском языке у этих звуков есть устоявшиеся эквиваленты: «мяу-мяу» и «мур-мур-мур», которые и использует С.Я. Маршак в своем переводе под названием «Перчатки». В стихотворении «This is the way the ladies go» (в переводе С.Я. Маршака – «Ездят леди вкруг арены) используются следующие звукоподражания: «nim, nim, nim», «trot, trot, trot», «gallop, gallop, gallop». В оригинале они отличаются по гендерному признаку, поэтому и в переводе находят следующие эквиваленты: «топ, топ, топ» и «гоп-галоп, гоп-галоп», при этом переводчик решил опустить строки про охотника, как не акцентуирующие релевантные компоненты:

«This is the way the hunters go / Gallop, gallop, gallop»… [17, p. 261].

Если бы переводчик опустил в данных примерах звукоподражание, то утратилась бы дидактическая функция произведения, а именно – познание окружающего мира через акцентуированные звукоподражания.

Важную роль в детских стихотворениях играют *ассонансы* и *диссонансы*, сохранив при переводе которые можно сохранить и общую эмоциональную окраску произведения. При этом можно говорить о так называемой «гипертензии пере-о-смысления» [4, с. 130]. Хотя в своей пятой заповеди для детских писателей К. И. Чуковский указывал, что в детских стихах скопление согласных невозможно, и при составлении такой поэзии следует чередовать гласные с согласными либо увеличивать в строках количество гласных [14, с. 171], с помощью ассонансов и диссонансов можно передать настроение стихотворение и эмоциональную окраску, как особый символический фон доминантного субъекта высказывания.

В стихотворении «Hickory, dickory, dock» четко прослеживается повторение согласных звуков [d], [k] и [r], которые похожи на звуки, которые издают часы:

*Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck**, /The mouse **r**an up the **cl**o**ck**. / The **cl**o**ck** st**r**uck one, / The mouse **r**an down, / Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck**, / Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck**, / The mouse **r**an up the **cl**o**ck**, / The **cl**ock st**r**uck two / The mouse said, "BOO", / Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck**, / Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck**, / The mouse **r**an up the **cl**o**ck**, / **The cl**o**ck st**r**uck** th**r**ee / The mouse said "WHEEEEE", / Di**ck**e**r**y, di**ck**e**r**y, do**ck*** [17, p. 256].

В русскоязычном переводе сохранено повторение звука [r], но также добавилась аллитерация шипящей [ш] и свистящих [з] и [с], которые напоминают шорох, издаваемый обычно мышами:

*Вы**ш**ли мы**ш**и как-то **р**аз / Поглядеть, кото**р**ый ча**с**. / **Р**аз-два-т**р**и-четы**р**е. / Мы**ш**и де**р**нули за ги**р**и. / Вд**р**уг **р**аздался **с**т**р**а**ш**ный **з**вон -/ Убежали мы**ш**ки вон* [8, с. 94].

Сохранение *диссонанса* имеет большое значение при трансляции детской поэзии. Одной из разновидностей детских стихотворений являются колыбельные, благозвучие в которых необходимо передать и на языке перевода. Диссонанс, ритм и рифма задают музыкальность поэтической речи, что соответствует пятой «заповеди для детских поэтов» К. И. Чуковского [14, с. 171]. Например, в колыбельной «Hush-a-bye, baby, on the tree top» можно четко отследить диссонанс звуков [ʌ], [a], [eɪ], [ɪ:], [e], [ɪ], который передает мелодичность, необходимую для того, чтобы стихотворение можно было напевать:

*H**u**sh-a-b**y**e, b**a**by, on the tr**ee** top, / Wh**e**n the wind blows the cr**a**dle will rock; / Wh**e**n the bough br**ea**ks the cr**a**dle w**i**ll fall, / Down w**i**ll c**o**me b**a**by, cr**a**dle, and all* [17, p. 216].

Прием акцентуации напевности сохраняется и при переводе на русский язык. В русском языке используются такие гласные звуки, как [а], [йэ], [‘э], [у], [йу], которые задают мягкость и мелодичность речи:

*Б**аю**-б**аю** д**е**тки / На **е**ловой в**е**тк**е**. / Трон**е**т в**е**тер в**а**шу **е**ль – / З**а**к**а**ч**а**ет колыб**е**ль, / **А** подуе**т** во в**е**сь дух - / Колыб**е**ль на з**е**млю бух!* [8, с. 149].

Рифма – это созвучие, которое сближает разные по значению слова, создавая неожиданную и впечатляющую связь между ними, повышает выразительность слов и подчеркивает смысл, который они несут в себе [15, с. 4]. Кроме того, основываясь на шестой «заповеди для детских поэтов», следует иметь в виду, что в стихотворениях для детей рифмы должны находиться на самом близком расстоянии, а именно – в произведениях должна преобладать параллельная рифма [14, с. 172]. Пример – сохранение параллельной рифмы исходника в стихотворении «Robin the Bobbin» («Робин-Боббин» у С. Я. Маршака и «Барабек» у К. И. Чуковского), «The Old Woman and the Peddler» («Старушка» у С. Я. Маршака), «The Queen of Hearts» («Происшествие в карточном домике» у С. Я. Маршака) и т.д. Кроме того следует подчеркнуть облигаторность соблюдения ключевого принципа при трансляции рифмы – наибольшая значимость семантики заключается в рифмующихся словах [2, с. 123].

Оригинал	Перевод С.Я. Маршака	Перевод К.И. Чуковского
Robin the Bobbin, the big-bellied **Ben**, He ate more meat than fourscore **men** [17, p. 180].	Робин-Боббин кое-**как** Подкрепился нато**щак** [8, с. 127].	Робин Бобин Бара**бек** Скушал сорок чело**век** [14, с. 218].
The Queen of Hearts She made some T**arts** [17, p. 210].	Дама бу**бён** Варила бул**ьон** [8, с. 99].	
There was an old woman, as I’ve heard t**ell**, She went to market her eggs for to s**ell** [17, p. 134].	Старушка пошла продавать **молоко.** Деревня от рынка была дал**еко** [8, с. 89].	

В стихотворении *ритм* является акцентуационным средством, определяющим композиторно-архитектоническое построение, и в рамки ритма вдвигается генерализованный смысл и выражение произведения [12, с. 65]. Квятковский определяет предмет ритма в теоретическом и практическом изучении многообразных ритмических процессов стиха [6, с. 248]. По мнению К. И. Чуковского, преобладающим ритмом детской поэзии должен быть хорей, что основывается на собственных наблюдениях автора за детской речью [14, с. 130].

Основываясь на анализе англоязычных детских стихотворений, можно сказать, что в них не прослеживается какой-либо определенный размер стихосложения.

Four-and-twenty tailors Went to kill a snail («The Tailors and the Snail»)	¯ ˘	¯ ˘	¯ ¯ ˘	¯ (хорей)
I saw a ship a-sailing, A-sailing on the sea («I saw a ship a-sailing »)	˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ (ямб)

В большинстве стихотворений на английском тяжело точно определить размер, ударные и безударные слоги чередуются с двустопными пиррихием (два безударных слога) и спондеем (два ударных слога):

Baa, baa, black sheep, Have you any wool?	_ _|_ _ _ ˘|_ ˘|_ (спондей в первой строчке и ямб во второй)
This is the farmer sowing his corn, That kept the cock that crowed in the morn	_ ˘|˘ _|˘ _|˘ ˘|_ ˘ _|˘ _|˘ _|˘ ˘|_ (стопы пиррихия чередуются со стопами ямба и хорея)

В русскоязычных аналогах данных стихотворений преобладает ямб, но с сочетанием стоп хорея и пиррихия:

- Ты скажи, барашек наш, Сколько шерсти ты нам дашь?	˘˘|_˘|_˘|_ _˘|_˘|_˘|_ (хорей со стопами ямба и пиррихием)
Наши-то портные Храбрые какие	_˘|_˘|_˘ _˘|_˘|_˘ (хорей, совпадает с ритмом подлинника)
Плывёт, плывёт кораблик, Кораблик золотой	˘_|˘_|˘_|˘ ˘_|˘˘|˘_ (ямб с пиррихием, почти совпадает с подлинником)
Кабы реки и озера Слить бы в озеро одно	˘_|˘_|˘_|˘_ _˘|_˘|˘˘|_ (ямб с пиррихием и стопами хорея)

Однако в переводах других произведений К. И. Чуковский не отходит от своих убеждений и пытается придерживаться хорея в своих строках, хоть и со стопами пиррихия и ямба:

Бабушка по улице старенькая шла, Девочкам по денежке бабушка дала	_˘|˘˘|_˘|˘_|˘˘|˘_ _˘|˘˘|_˘|˘_|˘˘|˘_
Курица-красавица у меня жила. Ах, какая умная курица была!	_˘|˘˘|_˘|˘˘|˘_|˘_ _˘|_˘|_˘|˘_|˘˘|˘_

Таким образом, адаптируя поэзию к русскоязычному реципиенту и к уже установившимся ритмическим правилам стихосложения, переводчики выравнивают ритм, даже если он не совпадает с ритмом исходника, таким образом акцентуирующие элементы также могут подвергаться лингвокультурной адаптации. Этот прием используется для того, чтобы обеспечить реализацию перлокутивного эффекта на фонетическом уровне при переводе. Такие приемы, как выравнивание ритма, создание собственного ритма или его повторение, передача ассонанса/диссонанса и поиск эквивалентов английского звукоподражания обусловлены созданием благозвучия и мелодичности, которые играют важную роль в стихотворениях для детей. Кроме того, сохранение этих приемов помогает переводу соответствовать возрастному, дидактическому, игровому и эстетическому аспекту детской поэзии.

Морфемный уровень

Несмотря на то, что на морфемном уровне достаточно сложно отследить как переводческие трансформации, так и стилистические приемы акцентуации, на данном языковом уровне выделяется специфический прием, который играет важную роль при сохранении акцентуирующих средств реализации адекватного перлокутивного эффекта в процессе перевода детской английской поэзии на русский язык – *аффиксацию*.

При анализе переводческих решений в отношении детской английской поэзии несложно выявить закономерность – использование такого приема при переводе придает отдельным маркируемым лексемам особую эмоциональную окраску (как положительную, так и отрицательную, которая не свойственна суффиксам в английском языке), свойственную детским стихотворениям. К. И. Чуковский отмечает, что с помощью суффиксов словам можно задавать различные оттенки (увеличительный, уничижительный), кроме того, суффиксы обладают разными значениями (*-ник* используется для определения профессии человека – пожар***ник***, сапож***ник***, *-л*, эксплицирует инструментальность – ши***л***о – то, чем шьют, мы***л***о – то, чем моют и т.д.). Этот прием обусловлен тем, что в раннем возрасте дети склонны создавать собственные лексемы, особенно в перио гиперкоррекции [14, с. 7–8].

В дошкольном возрасте дети овладевают грамматическим строем языка, экспериментируя и создавая много окказионализмов, построенных по всем правилам, но в то же время неприемлемых для языка. Чаще всего такие слова образуются именно суффиксальным путем. Однако О. М. Дьяченко и Т. В. Лаврентьева убеждены, что язык детей – это не «сюсюкание», не стоит добавлять уменьшительно-ласкательные суффиксы к словам, чтобы обучить ребенка речи [5, с. 23].

Чаще всего производящими основами являются в данный период речевого онтогенеза именно существительные, а дериватами оказываются как другие существительные, так и глаголы, прилагательные. С. Н. Цейтлин определяет одну особенность акцентуированной детской речи – круг производящих порой расширяется настолько, что образовываются новые слова, обозначающие даже неодушевленные предметы, значение при этом деформируется в значение уменьшительности [13, с. 175].

Как пример использования уничижительных суффиксов, можно рассмотреть строчки стихотворений «Hark, hark, the dogs do bark»:

The beggars are coming to town; Some in jags, Some in rags…	Идет попроша**ек** стая – Кто в рваной одеж**ке**, Кто в драной рогож**ке**,
And they all lived together In a little crooked house.	И так они жили втроем понемножку, Покуда не рухнул кривой их дом**ишк**о.

Несмотря на то, что К. И. Чуковский в своей работе отметил различные обертоны смысла, которые могут добавлять суффиксы в детской речи, на

основе собранного материала отметим, что наиболее часто в переводах К. И. Чуковского и С. Я. Маршака используются именно уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Например, такие слова, как *mile*, *mouse* из стихотворения «The Crooked Man» К. И. Чуковский перевел как *дорожк**е***, *мышк**и***. Если бы переводчик не использовал аффиксацию при переводе (*миля, дорога; мыши*), общий эмотивный фон стихотворения, несмотря на его экспликацию вне аффиксальной акцентуации в оригинале, был бы снижен, что не соответствует художественному стилю и характеру детской поэзии.

Такой прием также используется и С. Я. Маршаком. *Sheep* в стихотворении «Baa, Baa, Black Sheep» переводится как *бараш**ек***. Ниже приведены примеры переводов с применением аффиксации.

She sat by the fire and told many a fine tale… [17, p. 208].	Сказ**очк**у расскажет, песен**к**у споёт… [14, с. 220].
I saw a ship a-sailing… [17, p. 129].	Плывёт, плывёт корабл**ик**… [8, с. 81].
Little Nancy Etticote, In a white petticoat… [17, p 123].	Тонкая девч**онк**а, Белая юбч**онк**а… [8, с.114].

Таким образом, стоит отметить, что при переводе детской английской поэзии стоит учитывать приемы *аффиксации*, которые помогут сделать язык стихотворений более живым, что отвечает доминантным целям данного вида поэзии – экспрессивной, гедонистической и дидактической. Кроме того, они помогают актуализировать эстетические и коммуникативные компоненты текста в рамках возрастной категории (дошкольники).

Лексический уровень

Разнообразие стилистических приемов и переводческих трансформаций на лексическом уровне обусловлено тем, что эта подсистема объединяет в своем составе лексемы, которые являются минимальными значимыми самостоятельными единицами языка (в отличие от единиц предыдущих уровней).

Для определения способов сохранения средств акцентуации в рамках реализации перлокутивного эффекта при переводе детской поэзии предлагаем рассмотреть как разные виды переводческих трансформаций, так и приемы сохранения (либо создания) стилистических приемов подлинника на данном уровне.

Включение сохранения/создания стилистических приемов в классификацию акцентуированных средств сохранения перлокутивного эффекта при переводе детской поэзии (на лексическом и синтаксическом уровне) обусловлено тем, что данный жанр требует особого внимания к стилистическим приемам. Считаем необходимым их рассмотрение наравне с трансформациями, потому что создание стилистического приема при переводе можно объяснить только некоторыми трансформациями, т.к. при условии анализа переводов детской поэзии только в рамках переводческих трансформаций утратится практическая ценность предложенной классификации.

Лексика художественного стиля обладает своими особенностями, но лексика детской поэзии по-своему уникальна. Язык литературы для детей должен быть особенно выразительным, ведь это помогает ребенку расширить горизонты познания, узнать о новых формах речи. Однако помимо этого язык должен быть доступен и прост [9, с. 229]. Отдельное внимание в детской английской поэзии заслуживают культурные реалии, которые могут вызывать трудности при переводе. Основываясь на «Заповеди для детских поэтов» К. И. Чуковского, важно отметить, что таким стихотворениям нужна быстрая смена образов, а лексика, употребляемая для создания рифмы, должна быть главным маркером всей фразовой акцентуации (на ней должна быть наибольшая смысловая нагрузка). Например, в переводе стихотворения «The Crooked Man» К.И. Чуковский придерживается этого правила:

*Жил на свете **человек**, / Скрюченные **ножки**, / И гулял он целый **век** / По скрюченной **дорожке**. / А за скрюченной **рекой** / В скрюченном **домишке** / Жили **летом** и **зимой** / Скрюченные **мышки*** [14].

Кроме того, как уже было сказано, важной особенностью выступает небольшое количество прилагательных и эпитетов в целом (детям нужна быстрая смена образов, обеспечение которой в тексте прилагательные могут нивелировать, а глаголы как раз помогают передавать динамичную картину стихотворения) [14, с. 169]. Ярким примером является перевод стихотворения «The Queen of Hearts» С. Я. Маршака:

*Король бубен / **Спросил** про бульон / И пудинга **ждал** на обед. / Десятка бубён / **Вернула** бульон, / А пудинг **вернул** валет* [8].

Употребление сложных логико-конкретизирующих эпитетов не является характерным средством акцентуации в детском поэтическом тексте, однако, характерно повторение разных частей речи, словосочетаний в функции эпитетов. Также в детской поэзии допускается употребление разговорной лексики. Для описания цвета не используются значения оттенков и полутонов – присутствуют глубокие, яркие цвета [1, с. 24–25].

*Заплакал Джек, а тетка Доб, / Склонившись над беднягой, / Спешит ему заклеить лоб / **Коричневой** бумагой* [8].

*Тонкая девчонка, / **Белая** юбчонка, / **Красный** нос…* [8].

В рамках комплексного анализа выбранного материала, отмечается частое использование числительных в текстах английской детской поэзии. Они помогают ребенку создать более четкий образ героев и представить ситуацию, а также носят обучающий характер, поэтому важно сохранить их акцентуацию при переводе, хотя в некоторых ситуациях переводчику пришлось пожертвовать семантической составляющей, что несложно проследить в работах С. Я. Маршака:

***Four**-and-twenty tailors…* [17]. – *Однажды **двадцать пять** портных…*[8].

Yes sir, yes sir, / Three bags full [17]. – *Не стриги меня пока. / Дам я шерсти три мешка…*[8].

Four and twenty ; that 's enough. / Give the poor barber a pinch of snuff [17].

- Возьмет он полсотни / Щетинок свиньи, / И выйдет отличный / Парик для судьи [8].

Рассмотрим примеры применения трансформаций на лексическом уровне. Переводческая *транскрипция* – это пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетически имитируя исходное слово. Обратная данной трансформации – *транслитерация* – это побуквенное воссоздание слова алфавитом переводящего языка. *Калькирование* – это передача не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, при которой морфемы или лексемы переводятся соответствующими элементами переводящего языка. Такие приемы передачи акцентуированных элементов получили широкое распространение в переводе английской детской поэзии, хотя в отдельных случаях переводчикам приходилось прибегать к доместикации лексических единиц либо созданию собственных окказиональных лексем. В основном транскрипция и транслитерация применяются при трансляции собственных имен, реализуя культурологический и дидактический аспекты детской английской поэзии.

Например, имя героя стихотворения «Robbin the Bobbin» у С. Я. Маршака звучит как *Робин-Боббин*, а у К. И. Чуковского – *Робин Бобин Барабек*. В первом случае применена транслитерация, во втором – транскрипция, кроме того, автор добавил свое слово *Барабек*, чтобы соответствовать принципам фонетического дублирования с трансформацией компонентов, который последовательно реализуется в детской речи, которая богата лексическими новообразованиями. При переводе «Old King Cole» С. Я. Маршак использовал транскрипцию в имени собственном – *Старый дедушка Коль*. С помощью транскрипции были переданы такие имена как *Jack* (*Джек* в «Дом, который построил Джек»), *Robinson Crusoe* (Робинзон Крузо в «Бедный Робинзон Крузо!..»), *Arthur* (Артур в «Артур был славным королем») и т.д. Транслитерация применялась при переводе имён Dob, Jill (Доб и Джилл в «Джек и Джилл»), а также Tom (Том в «Том, сын трубача»).

В загадке «Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess» транскрипция помогает реализовать дидактический характер детской поэзии – транслируя имена как *Элизабет, Лиззи, Бэтси и Бэсс* и сохраняя игровой характер загадки, переводчик показывает, что у имени Элизабет есть разные варианты.

Калькирование при переводе данных стихотворений помогает ребенку познакомиться с реалиями английской культуры, которые исполняют в оригинале роль элементов маркирования концептуально значимой информации:

I love ***sixpence*** *better than my life…* [17] / ***Шесть*** *прекрасных* ***пенсов*** *нынче дали мне* [8].

Oh, my little ***fourpence****, pretty little* ***fourpence*** [17] / *Ах,* ***четыре пенса****, все* ***четыре пенса*** [8].

Среди лексико-семантических модификаций распространено сужение и расширение смысла. Эти трансформации тоже часто используются при переводе реалий, а сужение значения применяется для расширения фоновых знаний ребенка.

There was a crooked man, / And he walked a crooked ***mile****, / He found a crooked* ***sixpence*** */ Against a crooked stile* [17].

Жил-был человечек кривой на мосту. / Прошел он однажды кривую ***версту****.* (сужение) */ И вдруг на пути меж камней мостовой / Нашел потускневший* ***полтинник*** (расширение) *кривой* [8].

All the King's ***horses*** *and all the King's* ***men****…*[17].

Вся королевская ***конница*** (расширение)*, / Вся королевская* ***рать*** (сужение) [8].

If all the ***seas*** *were one sea, / What a great sea that would be!* [17].

Кабы ***реки*** *и* ***озера*** (сужение) */ Слить бы в озеро одно…* [8].

Эмфатизация и *нейтрализация* значения слова в качестве приемов сохранения акцентуированных единиц широко применяется при переводе, посредством чего достигается реализация в целевом тексте коммуникативного аспекта как одного из основных характерологических признаков детской поэзии. Эмфатизируя или нейтрализуя отдельные компоненты значение, переводчик выступает в коммуникации посредником между автором и читателем, адаптируя текст для восприятия ребенком.

And if the ***great*** *man took the* ***great*** *axe, / And cut down the* ***great*** *tree…*[17].

Кабы, взяв топор ***могучий****, / Этот* ***грозный великан*** */ Этот ствол обрушил с кручи…* [8].

Эмфатизация с негативной коннотацией была применена при переводе *the* ***great*** *man – этот* ***грозный*** *великан* с целью более прецизионной акцентуации образа в тексте. Пример эмфатизации с применением разговорной лексики можно отследить на примере перевода «Three Little Kittens»:

Lost your mittens, / You ***naughty*** *kittens!* [17].

- Потеряли перчатки? / Вот ***дурные*** *котятки!* [8].

Часто эмфатизация при переводе реализуется посредством фразеологизмов, даже если они не были использованы в тексте оригинала. Они помогают ребенку ознакомиться с новыми конструкциями родного языка, пополнить лексический запас, а переводчику – выстроить ритм и рифму.

Run*, tailors,* ***run****, or / She'll kill you all just now…* [17].

Но ***еле ноги унесли****, / Спасаясь от врага…*[8].

Every fiddler, he had a fiddle, / And a very fine fiddle had he… [17].

И трубили они, / До утра ***не смыкая очей****…*[8].

Tom, Tom the piper's son, / Stole a pig and away ***he ran****…* [17].

Том, Том, сын трубача, / Украл свинью и ***дал стрекача****…* [8].

Важно отметить, что при анализе избранного материала не было выявлено таких способов трансляции акцентуированных элементов, как описание значения или переводческий комментарий. На наш взгляд, переводческий комментарий был бы актуален при переводе географических названий, имен собственных или культурных реалий, позволив ребенку больше погрузиться в иноязычную культуру и получить объяснение незнакомых слов, встречающихся в оригинальном тексте.

Проведя анализ переводов К. И. Чуковского и С. Я. Маршака, мы выявили следующие наиболее характерные для детской поэзии стилистические приемы акцентуации содержания.

Метафора используется в текстах детской поэзии для более яркого построения образов, она задает общий фон произведения и «схему действования» с текстом, помогает ему быть графичным, подвижным.

Ведёт кораблик утка, Испытанный моряк…[8].

Чтобы мельницы / Мололи, / Чтобы завтра / Из муки / Испекли нам / Пирожки… [8].

А вьюга до рассвета шумела за окном... [8].

Ирония в детских стихотворениях помогает детям смоделировать ситуацию и направить в нужном направлении процесс сравнения личностных и лингвокультурных аксиологических доминант. Ирония носит в детских стихотворениях поучительный, дидактический характер.

Наши-то портные / Храбрые какие: / "Не боимся мы зверей, / Ни волков, ни медведей!" А как вышли за калитку / Да увидели улитку - / Испугалися, / Разбежалися! [12].

Бедный Робинзон Крузо! / Он жилет себе сшил / Из шерсти и жил, / Чтобы прикрыть себе пузо [8].

Сохранение либо воссоздание данных стилистических приемов при переводе помогает стихотворению звучать в качестве имитационной речи самого ребенка, но в то же время знакомит его с новыми лексическими конструкциями родного языка, чтобы он в дальнейшем мог их использовать. На наш взгляд, данные трансформации и стилистические средства наиболее релевантны в условиях перевода детской английской поэзии. Эти методы помогают сохранить перлокутивный эффект в коммуникативном, педагогическом, психологическом и игровом аспекте, реализуя также эстетическую функцию произведений.

Такие более сложные стилистические средства, как цитирования, перифаз, использование клише не только не могут быть аргументированы стилем и жанром, но также и трудны для восприятия потенциальной аудиторией. Вышеприведенные приемы помогают максимально эффективно сохранить акцентуацию генерализованного содержания, что позволяет достигнуть адекватной тексту оригинала перлокуции и реализовать аспекты детской английской поэзии, даже если переводчику приходится пренебрегать семантической составляющей.

Синтаксический уровень

Синтаксический уровень языка является наиболее сложным, объединяя как словосочетания, так и предложения. Особенности структуры данных единиц играют важную роль в реализации всех аспектов детской поэзии. При анализе материала было выявлено, что такие стилистические приемы, как *инверсия, полисидентон, асидентон и апозиопезис* нельзя назвать распространенными как в оригинальной, так и в переводной английской поэзии для детей. *Инверсия* может затруднить восприятие текста, который должен быть прост и понятен для детей (инверсия в принципе не очень характерна для английского языка, в котором одним из основных правил стандартизированной вербализации является прямой порядок слов). Таким же образом можно охарактеризовать *полисидентон, асидентон* и *апозиопезис*, которые не несут особой практической ценности в контексте создания стихотворений для детей (исключение может составить *эстетический* аспект, когда такие приемы используются для создания ритма, рифмы или мелодичности стихотворения, либо – в отношении *апозиопезиса – дидактический* характер).

Однако перевод поэзии для детей можно охарактеризовать сохранением следующих стилистических средств акцентуации.

1) *Параллельные конструкции.* Лексические повторы помогают маленькому читателю сосредоточить рассеянное в данном возрасте внимание на основных объектах, явлениях и героях стихотворения. Также они помогают при построении ритма и рифмы.

I love ***sixpence****, pretty little* ***sixpence****, / I love* ***sixpence*** *better than my life*… [17].

Дали мне ***шесть пенсов****,* ***шесть*** *блестящих* ***пенсов****, /* ***Шесть*** *прекрасных* ***пенсов*** *нынче дали мне* [8].

He called for *his pipe, /* ***And he called for*** *his bowl, /* ***And he called for*** *his fiddlers three*… [17].

– Эй, налейте нам кубки, / ***Да набейте*** *нам трубки, /* ***Да зовите*** *моих скрипачей, трубачей, /* ***Да зовите*** *моих скрипачей!* [8].

Перечисления. Играют важную роль, так как могут носить как людический, так и дидактический характер. Являясь однородными членами, могут акцентуировать психоэмоциональные обертоны смысла той лексемы, к которой относятся.

He ate more meat than fourscore men; / He ate ***a cow****, he ate* ***a calf****, / He ate* ***a butcher*** *and* ***a half****, / He ate* ***a church****, he ate* ***a steeple****, / He ate* ***a priest*** *and* ***all the people****!..* [17].

Скушал сорок человек, / ***И корову, и быка****, /* ***И кривого мясника****, /* ***И телегу, и дугу****, /* ***И метлу, и кочергу****, / Скушал* ***церковь****, скушал* ***дом***…[12].

I saw a fishpond all of fire / I saw a house bow to a squire / I saw a parson twelve feet high / I saw a cottage near the sky…[17].

Я видел ***озеро в огне****, /* ***Собаку*** *в брюках на коне, / На доме* ***шляпу*** *вместо крыши, /* ***Котов****, которых ловят мыши*…[8].

2) *Антитеза.* В переводах стихотворений для детей может носить дидактический и коммуникативный характер, погружая ребенка в реальную (или нереальную) ситуацию, из которой он может сформулировать для себя модель правильного поведения в реальной жизни. Акцентуация ценностно-ориентационного пространства лингвокультурного сообщества представляется одной из наиболее характерных для текстов детской поэзии.

The longer *she stands, /* ***The shorter*** *she grows*… [17].

Чем длиннее *ночи, /* ***Тем она короче*** */ От горючих слез*…[8].

The King of France ***went up the hill****, / With twenty thousand men, / The King of France* ***came down the hill****, / And ne'er went up again* [17].

По склону вверх *король* ***повел*** */ Полки своих стрелков. /* ***По склону вниз*** *король* ***сошел****, / Но только без полков* [8].

3) *Эллипсис.* Может применяться с целью экономии языковых средств, а также в процессе построении ритма и рифмы стихотворения.

The sails were made of silk, / And the masts were made of gold… [17].

Плывёт, плывёт кораблик / На запад, на восток. / ***Канаты – паутинки,*** */* ***А парус – лепесток*** [8].

Yes sir, yes sir, / Three bags full. / ***One for the mast****er, /* ***One for the dame****, /* ***And one for the little boy*** */ Who lives down the lane…* [17].

Не стриги меня пока. / Дам я шерсти три мешка: / ***Один мешок - Хозяину****, /* ***Другой мешок - Хозяйке****, / А* ***третий - детям маленьким*** */ На тёплые фуфайки* [8].

4) *Повествовательный и риторический вопросы*. В переводах стихотворений для детей вопросы в основном обыгрываются в диалогах между персонажами, чтобы сделать язык поэзии более насыщенным, а развитие сюжета – динамичным, ребенок может построить себе более четкий образ героев. Однако распространены и вопросы, на которые автор сам дает ответ, а также вопросы, ответ на которые не подразумевается в тексте, подобными средствами происходит акцентуация когнитивных и дидактических компонентов детского стиха.

Повествовательный вопрос:

The king was in the counting-house, / Counting out his money; [17].

Где король? *На троне / Пишет манифест* [8].

Barber, barber, shave a pig. / ***How many hairs will make a wig ?*** */* ***Four and twenty****; that 's enough* [17].

А сколько щетинок */* ***Уйдет на парик?*** */ Возьмет он* ***полсотни*** */ Щетинок свиньи…* [8].

Риторический вопрос:

Now had these children been at home, / Or sliding on dry ground… [17].

Зачем позволили на льду */* ***Кружиться им в июле?*** [8].

Young lambs to sell, young lambs to sell; / If I had as much money as I could tell / I never would cry young lambs to sell… [17].

Кому телят? Кому телят? */ Будь я не беден, а богат, / Я б не кричал: «Кому телят?»…* [8].

Описывая возможные способы трансляции детской поэзии, К. И. Чуковский убежден, что синтаксис оригинала может быть передан более или менее точно. Кроме того, он советует использовать «изломы синтаксиса», чтобы фразы перевода были так же неправильны, как предложения в оригинале, которые акцентируют читательское внимание [9, с. 403]. При проведении анализа переведенных текстов детской английской поэзии, выявляются наиболее распространенные переводческие трансформации.

1. *Перестановка*. Данная трансформация играет важную роль в акцентуации эстетического компонента детского стихотворения. Грамотное использование перестановки помогает трансформировать оригинальное предложение согласно синтаксическим нормам русского языка, что в рамках сохранения акцентуации, обеспечит и адекватное восприятие.

He ate a ***church****, he ate a steeple, / He ate a priest and all the people! / A* ***cow*** *and a calf, / An ox and a half…* [17].

Съел ***корову*** */ Целиком / И прилавок / С мясником, / Сотню жаворонков в тесте / И коня с телегой вместе, / Пять* ***церквей*** *и колоколен - / Да еще и недоволен!* [8].

2. *Стяжение*. Позволяет освободить язык детской поэзии от осложненных конструкций, и способствует акцентуированию релевантных для реализации доминантной задачи стиха компонентов, – развернутые конструкции подлинника транслируются в форме более кратких конструкций, если средства переводящего языка позволяют это.

This is the way the ladies go / Nim, nim, nim. / This is the way the gentlemen go / Trot, trot, trot [17].

Ездят леди вкруг арены - / Топ, топ, топ, топ. / ***А лихие джентльмены*** */ Гоп-галоп, гоп-галоп!* [8].

3. *Добавление.* Позволяет читателю создать более четкие акцентуированные образы, разъяснить доминантную идею стихотворного текста. Часто прием добавления аргументирован различиями синтаксических конструкций в русском и английском языках, поэтому применяется для того, чтобы конструкция соответствовала нормам русского языка.

Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess, / They all went together to seek a bird's nest; / They found a bird's nest with five eggs in, / They all took one, and left four in [17].

Хоть разные / ***Названы здесь имена*** */ (Элизабет, Лиззи, Бэтси и Бэсс), / Но так называлась / Девчонка одна. / Она и ходила с корзинкою в лес* [8].

Sing a song of sixpence, / A pocketful of rye; / Four and twenty blackbirds, / Baked in a pie [17].

Много, много птичек / Запекли в пирог: / Семьдесят ***синичек****, / Сорок семь* ***сорок****. / Трудно непоседам в тесте усидеть – /* ***Птицы за обедом / Громко стали петь*** [8].

4. *Опущение*. Обосновано тем, что некоторые синтаксические элементы стилистически неуместны для детской поэзии, а также не являются релевантными для акцентуации генерализованного смысла произведения. Также опущение может использоваться в целях построения ритма и рифмы в целевом тексте.

She baked me my bread, she ***brewed*** *me my* ***ale****,*
She sat by the fire and told many a fine tale [17].

Сладкие, румяные пекла мне пироги. / А когда управится, сядет у ворот - / Сказочку расскажет, песенку споёт [12].

The pig was eaten */ And Tom was beaten / And Tom went howling down the street* [17].

Украл свинью и дал стрекача. / Украл он свинью и за это побит. / И вот он в слезах по дороге бежит [8].

Трансляция акцентуированных синтаксических конструкций подлинника детской поэзии требует особого внимания. Синтаксис детской поэзии не должен быть перегружен нерелевантными элементами, но в то же время должен быть доступным читателю. Языковые и трансляционные средства на данном уровне помогают реализовать перлокутивный эффект, соответствующий оригиналу, функционируя в разных аспектах детской поэзии и прежде всего создавая специфическую форму фразовой акцентуации, выделяя важные компоненты интуитивного эмотивного восприятия.

Таким образом, на наш взгляд, переводческие трансформации и сохранение, а также создание новых, присущих идиостилю автора целевого текста, стилистических приемов акцентуации генерализованного содержания неразрывно взаимосвязаны и

взаимодополняют друг друга в процессе перевода детской поэзии. Структура стихотворения рассматривается в рамках уровневой организации языка, которая иерархически объединяет свои компоненты, а это значит, что на каждом уровне есть свои особенности, которые необходимо сохранить либо воссоздать в переводе. Именно подобным путем средства акцентуации не нивелируются полностью, а наоборот в принимающей лингвокультуре получают соответствующую адекватной реализации перлокутивного эффекта форму.

Литература

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. М.: Академия, 2005. 576 с.
2. Аутлева Ф. А. Лексико-семантические особенности переводов С. Я. Маршака // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №1. С. 123–128.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Бредихин С. Н. Игровой абсурд: трансляционная специфика сохранения перлокутивного эффекта // Вторые Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 130–134.
5. Дьяченко О. М., Лаврентьева Т. В. Психическое развитие дошкольников. М.: Педагогика, 1984. 128 с.
6. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская Экнциклопедия, 1966. 376 с.
7. Лагута (Алешина) О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации. Ч. 2. Новосибирск: НГУ, 2000. 147 с.
8. Маршак С. Я. Собрание сочинений. Т.2. М.: Художественная литература, 1968. 599 с.
9. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 463 с.
10. Петренко Д. И. Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского. Ставрополь: СГУ, 2011. 482 с.
11. Полякова А. А. Особенности передачи языковой картины мира в переводах английских стихотворений для детей // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 80-84.
12. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
13. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.
14. Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Педагогика, 1990. 384 с.
15. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. 430 с.
16. Austin J. L. How to do things with words. Oxford: University Press, 1962. 167 p.
17. Mother Goose's Nursery Rhymes. A collection of Alphabets, Rhymes, Tales and Fingles. New York: George Routledge and Sons, 1877. 320 p.

References

1. Arzamastseva I. N., Nikolaeva S. A. Detskaya literature *(Children's literature)*. Moscow: Academia publ., 2005. 576 p. (In Russian).
2. Autleva F. A. Leksiko-semanticheskie osobennosti perevodov S. Ya. Marshaka *(Lexical and semantic peculiarities of S. Ya. Marshak translations)* // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya I iskusstvovedenie. 2008. No. 1. P. 123–128. (In Russian).
3. Benveniste E. Obshtshaya lingvistica *(General linguistics).* Moscow: Progress publ., 1974. 447 p. (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Igrovoy absurd: translyatsionnaya spetsifika sokhraneniya perlokutivnogo effekta *(Ludic absurd: translation specific of perlocutive effect retention)* // Vtorye Shcheulinskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Lipetsk, 30 marta 2018 g.). Lipetsk: Lipetsk state pedagogical institute named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskii, 2018. P. 130–134. (In Russian).
5. Dyachenko O. M., Lavrentyeva Vol. V. Psihicheskoe razvitie doshkolnikov (*Mental development of preschool children*). Moscow: Pedagogika publ., 1984. 128 p. (In Russian).
6. Kvyatkovskiy A.P. Poeticheskiy slovar (*Poetic dictionary*). M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. 376 s. (In Russian).
7. Laguta (Alyoshina) O. N. Stilistika. Kultura rechi. Teoriya rechevoy kommunikatsii (*Stylistics. Speech culture. Verbal communication theory*). Part. 2. Novosibirsk: NSU publ., 2000. 147 p. (In Russian).
8. Marshak S. Ya. Sobraniye sochineniy (*Collected edition*). Vol. 2. Moscow: Hudozhestvennaya literature publ., 1968. 599 p. (In Russian).
9. Modestov V. S. Hudozhestvennyy perevod: istoriya, teoriya, praktika (*Literary translation: history, theory, praxis*). Moscow: Literature Institute named after A.M. Gorkogii, 2006. 463 p. (In Russian).
10. Petrenko D. I. Lingvisticheskiy vitalism metapoetiki K. I. Chukovskogo (*Linguistic vitalism of K.I. Chukovskii metapoetics*). Stavropol: SSU publ., 2011. 482 p. (In Russian).
11. Polyakova A. A. Osobennosti peredachi yazykovoy kartiny mira v perevodah angliyskih stihotvoreniy dlya detey (*Peculiarities of reproduction of the language picture of the world in translations of English poems for children*) // Teoreticheskie I prikladnye aspekty lingvistiki (*Theoretical and applied aspects of linguistics*). M.: MSPU named after M.A. Sholokhov, 2015. P. 80–84. (In Russian).
12. Tomashevskiy B.V. Teoriya literatury. Poetika (*Theory of literature. Poetics*). Moscow: Aspekt Press publ, 2002. 334 p. (In Russian).
13. Tseitlin S. N. Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoy rechi (*Language and child. Linguistics of children's speech*). Moscow: VLADOS publ., 2000. 240 p. (In Russian).
14. Chukovskii K. I. Ot dvuh do pyati (*From two to five*). Moscow: Pedagogika publ., 1990. 384 s. (In Russian).
15. Etkind E. G. Poeziya I perevod (*Poetry and translation*). Leningrad: Sovetskiy pisatel publ., 1963. 430 p. (In Russian).
16. Austin J. L. How to do things with words. Oxford: University Press, 1962. 167 p.
17. Mother Goose's Nursery Rhymes. A collection of Alphabets, Rhymes, Tales and Fingles. New York: George Routledge and Sons, 1877. 320 p.

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichin-sergey@yandex.ru

Борисова Татьяна Григорьевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского, родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / kafedrarus@bk.ru

Information about the authors

Bredikhin Sergey – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru

Borisova Tat'yana – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Russian, native languages and linguodidactics, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / kafedrarus@bk.ru

УДК 811.161.1

А. А. Буров, Г. П. Бурова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

В статье рассматриваются некоторые аспекты лингвориторического употребления синтаксически средств наименования, которые участвуют в формировании русской поэтической картины мира, отражающей «логику» построения стихотворного текста. Представляется актуальным вслед за Ю. М. Лотманом рассматривать данный текст как художественную структуру, «протяженную в пространстве» и конструирующую сложные смыслы по «принципу возвращения», когда поэт, повторяя уже сказанное, сыгравшее свою роль в тексте, открывает в нем новые, до этого скрытые и подчас неожиданные смысловые оттенки. Употребление фразовой номинации, чей риторический прагматический потенциал является предметом исследования в работе, определяется, в отличие от лексического наименования, такой структурацией внутренней формы описательного обозначения, которая основана на предицировании признака или ряда признаков обозначаемого. Автор поэтического текста получает в этом случае не только полную и имманентную свободу выбора и основной атрибутики денотата, и ее деталей, и обстоятельств раскрытия признаков, но и возможность включить в пространство номинации элементы метакомментария, фиксирующие авторское присутствие в тексте. Авторы раскрывают на материале стихов А. А. Ахматовой, Б. Ш. Окуджавы, А. С. Кушнера специфику употребления предикативных наименований как структурных элементов, приобретающих в поэтическом тексте особую семантическую нагрузку риторической направленности. Анализ того, как раскрывается лингвориторический потенциал фразовой номинации в языке поэзии, позволяет сделать вывод о правомерности подробного и всестороннего анализа внутренней формы данного наименования как поэтической структуры, участвующей в формировании индивидуально-личностного авторского диалога (полилога) с адресатом стихотворного текста. В статье отмечается, что употребление синтаксической номинации как структуры «остановленного мгновения» поэтического бытия связано с лингвориторикой катарсиса.

Ключевые слова: поэтическая картина мира, номинационно-синтаксический семиозис, фразовая наименование, прагматика, внутренняя форма, предицирование признака, лингвориторика, катарсис.

Alexander Burov, Galina Burova

SYNTAXIC NOMINATION IN THE POETIC PICTURE OF THE WORLD: VIEW FROM LINGUISTIC AND RHETORIC POSITION

The article examines some aspects of the linguistic use of syntactic means of the name, which are involved in the formation of the Russian poetic picture of the world, reflecting the “logic” of constructing a poetic text. It seems relevant after Yu. M. Lotman to consider this text as an artistic structure “extended in space” and constructing complex meanings according to the “principle of return”, when the poet, repeating what has already been said, which played a role in the text, reveals in it new, previously hidden and sometimes unexpected semantic shades. The use of a phrasal nomination, whose rhetorical pragmatic potential is the subject of research in the work, is determined, in contrast to the lexical name, by such a structuring of the internal form of a descriptive designation, which is based on predicating a feature or a number of features of the denoted. In this case, the author of a poetic text receives not only complete and immanent freedom of choice and the main attributes of the denotation, and its details, and the circumstances of the disclosure of signs, but also the opportunity to include meta-commentary elements in the nomination space, fixing the author’s presence in the text. With the reference to the works by A. A. Akhmatova, B. Sh. Okudzhava and A. S. Kushner, the authors reveal specificity in the use of predicative names as structural elements that acquire a special semantic load of rhetorical orientation in a poetic text. An analysis of how the linguistic potential of phrasal nomination in the language of poetry is revealed allows us to conclude that a detailed and comprehensive analysis of the internal form of this name as a poetic structure participating in the formation of an individual-personal author's dialogue (polylogue) with the addressee of the poetic text is legitimate. The article notes that the use of the syntactic nomination as the structure of the “frozen moment” of poetic life is associated with the linguistics of catharsis.

Key words: poetic picture of the world, nominal-syntactic semiosis, phrasal naming, pragmatics, internal form, predicate a feature, linguistics, catharsis.

Как следует из формулировки темы настоящего исследования, в поле зрения оказывается *поэтическая картина мира* – объект, который являет собой «национально-культурное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста» [18, с. 33] и всегда представлен в своем индивидуально-авторском варианте [19, с. 159]. Синтаксическая номинация как область единиц синтаксиса, участвующих в процессе речевых наименований, в поэтическом тексте часто выражается своей наиболее яркой и интересной в функционально-прагматическом отношении разновидностью – *фразовой*. Фразовая номинация (далее – ФН) – уникальное средство аналитического обозначения денотатов, денотативных состояний и целых ситуаций. Это значимая единица речи, в которой динамически уравновешены, с одной стороны, структурно-семантическая синтаксическая модель местоименно-соотносительного придаточного нерасчлененных сложноподчиненных предложений, образующего вместе с коррелятом главной части предикативную перифразу в составе единицы коммуникации [13; 2; 3; 4 и др.], а с другой – прагматика вербального закрепления предметно-понятийной фиксации фрагментов картины мира, иными словами – номинативная функция.

Русский язык показателен тем, что в его поэтическом тексте синтаксическая номинация носит ярко выраженный лингвориторический характер. Этому способствует сам структурный речевой потенциал обозначения, дающий материал для расширения возможностей антропогенного выражения автора как языковой личности. Представить привычные

смыслы особым образом, донести до адресата свой личный, свободный от любых форм социального вмешательства, синергетический взгляд на мир – это значит *убедить* реципиента *средствами языка.* Об этом свидетельствует применяемый в данной работе метод номинационно-синтаксического анализа употребления фразового обозначения в поэтическом тексте. Эффективность данного подхода, имеющего ярко выраженную антропоцентрическую направленность, достигается в сочетании с уже апробированными способами характеристики языкового материала, такими как структурно-семиотический анализ, когнитивно-дискурсивое моделирование мира и фрагментов его картины, интерпретационно-герменевтическая реконструкция внутренней формы текста и его единиц и др.

Любое употребление ФН как производных номинационно-синтаксического семиозиса обусловлено необходимостью восполнения индивидуальной ощущаемой недостаточности привычных единиц словаря как «лексико-фразеологического сообщества», по определению Н. М. Шанского [20, с. 79]. «Спрос» говорящего (автора) находит встречное «предложение» языка в виде универсальной и емкой предикативной перифразы, способной *называть* сложные денотативные локусы, в частности - связанные с внутренним миром человека. Личностным интенциям авторского познания в процессе развертывания дискурса соответствуют естественно сформированные языковой материей средства более высокого, субъективно ощущаемого уровня словарности – текстового. Они и включаются автором в процесс «называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них» [17, с. 336], но уже в качестве не лексических, а *синтаксических наименований* [см.: 2].

Языку поэзии, с его имманентным стремлением к свободе авторского самовыражения, как нельзя более *соответствует* сложная расчлененная фактура ФН. Ю. М. Лотман совершенно справедливо подчеркивал, что поэзия есть структурная форма идеи: «...*стихотворение – сложно построенный смысл.* Положение это следует понимать таким образом: входя в состав единой целостной структуры, значащие элементы языка (в первую очередь семантические) оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенную особую семантическую нагрузку» [24, с. 88]. В поэтическом тексте в целом и в отдельных его отрезках раскрывается «неожиданное, вне стиха невозможное *новое семантическое содержание*. Более того: «...семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре» [там же]. Конструкция поэтического текста, по мысли Ю. М. Лотмана, представляет собой художественную структуру, «протяженную в пространстве» и выражающую сложные смыслы по «принципу возвращения», когда поэт, повторяя уже сказанное им и сыгравшее свою роль в тексте, в процессе его развертывания открывает в нем новые, до этого скрытые и подчас неожиданные смысловые оттенки.

В самом деле, рассмотрим текст второго посвящения «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой:

Ты ли, Путаница-Психея,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю – она одна надо мною, –
Ту, что люди зовут весною,
Одиночеством я зову.
Сплю – мне снится молодость наша,
Та, е г о миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

Весна как «остинатный бас» текста ощущается автором контрастно по отношению к собственному состоянию, для выражения которого уже найдена емкая лексическая номинация – *одиночество.* Лингвориторический ракурс употребления номинационно-синтаксической перифразы «*Ту, что люди зовут весною»,* когда наблюдается контаминация синтаксической и лексической номинаций, здесь связан с метакомментарием поэта, заложенным в трансформации **«***весна → та, что люди зовут весною → одиночество»*. Отметим два момента, актуализирующих непосредственное участие автора в формировании ФН и вскрытии ее энергетического потенциала.

Во-первых, это сам выбор предикативной формы номинации-перифразы, когда описательное обозначение осуществляется не прямо, а косвенно – посредством предицирования не самого атрибута называемого, а отношения к нему со стороны, здесь – за счет модуса авторского предположения, вносящего сомнение в реальности денотата, и актуализации выбора другой номинации, с соответствующей денотату внутренней формой [14]. «*То, что* ***люди зовут*** *весною*», в сознании автора звучит по-другому, что и подтверждает употребление в правом тексте (главная часть сложноподчиненной конструкции) лексической номинации «*одиночество»*.

Во-вторых, показателен авторский выбор компонентов местоименно-соотносительного блока «***та, что...***» во ФН. В свое время Н. Ю. Шведова, характеризуя специфику местоименных слов и определяя направление материализации языкового смысла с помощью «разноуровневых языковых единиц», так обозначила статус местоименного «исхода» при относительном подчинении: в «придаточной части, вводимой исходом, определенность смыслов *тот, туда, тогда* получает индивидуальную отнесенность к единичной (данной, отдельной) ситуации» [22, с. 37]. Индивидуализация местоименного значения в тексте обусловлена тем, что «оно находится в процессе постоянного движения и развития, в ходе своего существования обрастая ‘оттенками’ и порождая новые единицы...» [22, с. 50]. В рассматриваемой нами «отдельной ситуации» местоименный коррелят ***«та»*** употреблен в форме женского рода,

соотносясь с номинацией «весна», способной персонифицироваться и подвергаться метафоризации. В то же время релят ***«что»*** употреблен в форме среднего рода, вызывая ассоциации с неодушевленным денотатом, что и подтверждает правый текст ФН. Нейтрализация гендерного пола-рода, его авторское «усреднение», соотнесение с неодушевленным денотатом означает только одно: *весна* для автора – это просто время года, не более. Полемический диссонанс, заложенный в самом тексте ФН и приобретающий здесь аппроксимационный функциональный оттенок, разрешается автором за счет контекстного синонима всей перифразы *одиночество* (***одиночеством*** *я зову*). Появление лексической номинации усиливает употребление ФН как *тенденциозно экспрессивное,* лингвориторическое.

Функционирование ФН, а значит – и ее лингвориторика маркированы субъективным авторским восприятием картины мира. Чтобы выразить свое собственное сложное состояние, поэт обращается к синтаксической форме обозначения, чья энергетическая емкость и риторические возможности обусловлены структурно-семиотической спецификой. В первую очередь это предикативная структура ФН, чья внутренняя форма основана на свободном, индивидуально ощущаемом выборе тех признаков, которые кладутся автором в основание поэтической номинации, выступающей динамическим «именем» сложного денотативного состояния и соответствующего концепта.

Можно предположить, что лингвориторика поэтической картины мира основана на внутреннем убеждении автора в приоритете имманентной свободы авторского взгляда на мир и возможности выбора средств субъективного речевого выражения индивидуально ощущаемых образов. Последние требуют поиска резервов речевой организации поэтического текста – тех единиц номинации, которые имеют ярко выраженный антропогенный характер своей внутренней формы, выражающей *лингвориторику эйдоса* – души автора. Только так может сформироваться образ мира, запечатленный в наиболее правдивых и значимых в нравственном и эстетическом плане текстах, чьи авторы руководствуются принципами служения Красоте, Добру и Любви как воплощением Духа, что полностью соответствует законам поэтической гармонии [23]. Поэтому представляется некорректным обращение некоторых современных филологов, преимущественно исследующих взаимодействие различных дискурсов, ко взаимопересечению поэтической картины мира с «дискурс-практиками», погруженными в социальные, идеологические или политические сферы. Убеждающая речевая образность настоящей поэзии потому и *убедительна*, что далека от лингвориторики социокультурной коммуникации, основанной на моделировании тенденциозной картины мира и максимально эксплицированной в феномене политической пропаганды [6; см.: 4]. Нелишне вспомнить в этой связи бессмертную пушкинскую формулу: *«Гений и злодейство – две вещи несовместные».*

Возвращаясь к ФН и ее лингвориторическому употреблению в поэтическом тексте, отметим целесообразность широкого подхода к предикативной форме обозначения и включения в состав ее репрезентантов перифрастических номинаций не только местоименно-соотносительного, но и присубстантивно-атрибутивного типа [13; 1 и др.]. Тем самым не только расширяется спектр номинационно-синтаксических средств риторического воздействия в поэзии, но и проявляется тесная связь между лексическим и синтаксическим способами номинации [11]. Присубстантивно-атрибутивная модель ФН представляет собой контаминационное «звено», синтезирующее лексическую и синтаксическую формы наименования [2]. Ср. еще пример из А.А. Ахматовой:

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесён.
Но кто нас защитит от ***ужаса, который***
Был бегом времени когда-то наречен?

ФН «***ужас, который // Был бегом времени когда-то наречен***», представляет тот случай, когда в описательном обозначении автором задействованы контаминированные единицы номинации, обладающие двойным лингвориторическим потенциалом. Специфика синтаксической номинации здесь обусловлена тем, что позицию коррелята ФН занимает лексическое наименование – субстантив «***ужас***», получающий атрибутивное распространение в виде развернутого предицируемого признака, который автор выделяет во внутренней форме обозначаемого, чтобы дать свою оценку сложного денотативного состояния. Поэт, употребляя вторичную оценочную лексическую номинацию (*ужас*), включает ее в пространство фразового обозначения как индивидуально ощущаемую экспрессему – альтернативу общепринятой метафоре (*бег времени*) и создает тем самым *полемический оксюморон,* вносящий риторический диссонанс в поэтический текст. Заметим, что для идиостиля А.А. Ахматовой весьма показательно обращение к лингвориторической модели обозначения, основанной на столкновении синтаксического и лексического способов номинации одного и того же денотата.

Фразово-номинационное «открытие» денотации в пространстве поэтической картины мира характеризуется поистине неисчерпаемыми экспрессивными ресурсами, реализация которых свидетельствует об изобразительно-выразительном потенциале синтаксического способа номинации. Обратимся к тексту стихотворения А.С. Кушнера «***То, что мы зовем душой***».

То, что мы зовем душой, (а)
Что, как облако, воздушно
И блестит во тьме ночной
Своенравно, непослушно (б)
Или вдруг, как самолет,
Тоньше колющей булавки,
Корректирует с высот
Нашу жизнь, внося поправки; (в)
То, что с птицей наравне
В синем воздухе мелькает, (г)
Не сгорает на огне, **(д)**
Под дождем не размокает, (е)
Без чего нельзя вздохнуть,
Ни глупца простить в обиде; (ж)
То, что мы должны вернуть,
Умирая, в лучшем виде, – (з)
Это, верно, ***то*** *и есть,*
Для чего не жаль стараться, (и)
Что и делает нам честь,
Если честно разобраться. (к) **[1]**

В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты **–** *свободна.* **[2]**

Данный поэтический текст представляет собой индивидуально-авторское рассуждение о человеческой свободе как естественном состоянии и непременном условии духовного самопознания в процессе познания концепта *Душа*, относящегося к базовым ментальным константам и коррелирующего в нашем сознании с более высокой понятийной ипостасью **–** ***Дух*** [см.: 16; 10; 7 и др.]. Специфика когнитивно-дискурсивного раскрытия концепта здесь заключается в использовании автором целого ряда ФН в качестве его репрезентантов. То, что поэт в целях раскрытия содержания денотата задействует предикативные структуры синтаксической номинации, говорит о том, что ФН обладает значительными структурными возможностями выражения скрытых глубинных смыслов и их оттенков в процессе развертывания поэтического текста как «протяженной в пространстве» семиотической цепочки, конструирующей сложные смыслы в соответствии с лотмановским «принципом возвращения». Более того, обобщающая семантика местоименно-соотносительного блока ФН в совокупности с предицированием признаков номинации, включаемых в полипредикативные отношения связного поэтического построения, формируют некий аналитический универсальный эталон авторского подхода к характеристике и оценке любой ментальной константы, которая представляет область высоких сфер картины мира, имеющих нравственно-эстетическую значимость. Говоря современным языком, структура ФН в поэтическом тексте проявляет свойство духовной «ликвидности».

Композиция текста стихотворения «*То, что мы зовем душой*». структурирована так, чтобы максимально реализовать авторские лингвориторические интенции. Текст включает две части: **(I)** – основную, в форме синтаксического периода; **(II)** – резюмирующую, в форме заключительного катрена.

Синтаксический период образуется в тексте за счет употребления двух цепочек ФН: первые восемь перифраз **–** от **(а)** до **(з) –** включены автором во вводящую часть периода, его *протазис*, тогда как перифразы **(и)** и **(к)** составляют вторую, заключающую, часть периода **–** *аподозис* [Кузнецова 2003]. Местоименный «исход» ***это*** (***Это****, верно, то и есть*) выполняет две функции: связующего звена между двумя частями периода и одновременно пространственного «локуса», обобщающего семантическую энергию атрибутики всех ФН, которые входят в протазис.

Эмоционально-образная функция, в целом присущая периоду как экспрессивному риторико-стилистическому средству «создания торжественности, взволнованности, приподнятости, лирического пафоса» [12, с. 285], формирует и общий функционально-прагматический «фон» авторского употребления ФН. Поэт, опираясь на принципы актуального членения высказывания, определенным образом распределяет функционально-коммуникативные роли между субстантивными перифразами, первая из которых «***То, что мы зовем душой*****» (а),** употребляемая в препозиции текста в качестве *темы*, является основным звеном его тематического развертывания. Звенья **(б), (в), (г), (д), (е), (ж), (з)** вносят уточнение в атрибутику авторской индивидуализации обычного, бытового понимания человеческой *души,* тогда как ***звенья «и»*** и **«*к*»** формируют рематический компонент периода, решающий задачи авторского метакомментария, который тоже выражен ФН и завершает полипредикативную структурацию внутренней формы («гиперформы») всего периода как сложного синтаксического знака. Автор тем самым подводит читателя к общему выводу во II части текста, когда концепт *Душа* рассматривается как *лексически репрезентируемый* фрагмент картины мира, включающий ряд «небесных» денотатов, ассоциативно связанных со *свободой*: здесь и земная *жизнь, и присутствие Духа,* иными словами **–** ***вера в Бога***, путь к которому человеческая душа должна искать всю земную жизнь, чтобы вступить на него по ее завершении**:** «*Тучка, ласточка,* ***душа. / Я привязан, ты – свободна***». Заметим, что *так рассуждать вслух* в 1969 году, во времена господства коммунистической идеологии в СССР («времена не выбирают, в них живут и умирают»), мог пусть и «привязанный» к социуму своих «времен», но действительно духовно свободный, нравственно чистый и смелый поэт.

Поскольку основная лингвориторическая нагрузка, по замыслу автора, ложится в этом поэтическом тексте на ФН, синтаксическое обозначение становится основным средством выражения индивидуально ощущаемой *внутренней поэтической формы* **–** главного «нерва» стихотворного произведения как эстетического и нравственно маркированного знака человеческой души, или эйдоса. В рассматриваемом случае *«то, что мы зовем душой*» (а) находит конкретизацию и детализацию в актуализируемой атрибутике денотатов, денотативных состояний и ситуаций мира, окружающего поэта. А.С. Кушнер делает пространство внутренней формы обозначаемого описательно предельно динамичным, гибким и «многоликим». Местоименная форма коррелятно-релятного блока «***то, что»***, изредка повторяясь, напоминает полую стереометрическую конструкцию, которая наполняется в правом тексте самыми разнообразными, формирующими в нашем сознании образ «*того, что мы зовем душой*», деталями-атрибутами: от того, «*что, как облако, воздушно // И блестит во тьме ночной // Своенравно, непослушно», –* до того, «*что и делает нам честь, // Если честно разобраться*». Автор, обнажая атрибутику обозначаемого и предицируя ее в пространстве синтаксической номинации, насыщая образными сравнениями, эпитетами, экспрессивной фразеологией и другими риторическими моментами, выстраивает многомерное пространство поэтического образа, который представлен как комплексный денотативно-концептный носитель атрибуции.

Важную роль в проецировании лингвориторического ракурса употребления ФН в тексте играет авторское **«*мы*** **(**зовем**)» –** не безличная форма «*зовется*», а активная, представленная местоименным «исходом» 1-го лица множественного числа, соответствующим *плеологической установке поэта на общение со многими от лица многих*, берущих на себя ответственность за правдивость и убежденность в правоте своего выбора признаков внутренней формы концепта.

Тем самым возникает взаимодействие между всеми элементами поэтического дискурса. В поэтическом *тексте* благодаря ФН как репрезентантам ключевого концепта *Душа* вскрывается *подтекст* и в организации пространства синтаксического наименования проявляется *метатекст,* включающий момент авторской модальности. Лингвориторический же вектор употребления ФН направлен на формирование *надтекста* – того высшего слоя поэтического дискурса, который воспринимается реципиентом и определяет личностное, субъективно ощущаемое состояние души, очарованной текстом (фасцинация), и испытывающей духовное очищение. Катарсис – неизбежное следствие восприятия поэзии конкретной языковой личностью, определяющее индивидуально ощущаемый выбор Высших духовных ценностей реципиентом – тем, кому индивидуально, *личностно же*, адресуется поэтический текст. Думается, структурация внутренней формы синтаксического обозначения при употреблении ФН в стихотворном тексте направлена на решение именно этой лингвориторической задачи. Внутренняя форма является связующим звеном между содержательной и формально-языковой сторонами синтаксической номинации в стихотворном тексте. Именно она требует серьезного анализа, от результатов которого во многом зависит познание «тайны» личностного поэтического катарсиса.

Риторика как речевое искусство убеждения, воплощаясь в лингвистическом пространстве, обретает вербальную форму, которая имеет определенную структуру, включающую *телос*, *логос, этос, пафос,* а также и *эйдос* – то, что принято считать *душой.* В условиях коммуникации мы часто забываем, что цель и смысл, а главное – результат любого воздействия и убеждения определяется именно *эйдосом*, синтезирующим содержание и форму и придающим синтезу жизненность. В поэтическом тексте коммуникация достигает обратной связи в выходе авторского монолога (ср.: *иллокуция*) на уровень *плеолога* – речи, «которая адресована более чем одной аудитории, чтобы будущее удержало это в вечном пользовании...» [9, с. 31], что, в свою очередь, предполагает неограниченную, потенциально бесконечную *вариантность* индивидуально-личностного *полилога,* многоголосия, каждый авторский голос которого *диалогичен* на уровне индивидуального общения конкретного реципиента и поэта. Возникновение подобного диалога и свидетельствует о достижении риторического результата (ср.: *перлокуция*) в каждом конкретном случае восприятия поэтического текста.

Проведенное нами исследование показывает, что фразовое обозначение как одно из ярких ее проявлений имеет ряд функционально-прагматических преференций, привлекающих автора поэтического текста. Главное – то, что ФН является универсальным динамическим знаком, называющим фрагменты картины мира посредством предицирования именно тех денотативных признаков и в таком коннотативном ракурсе, которые определяются свободой авторского самовыражения в процессе его творческой деятельности. Воплощается сама возможность выбора любого признака номинации, который соответствует авторскому взаимодействию с миром и видению его фрагментов именно в том ракурсе, который определяет субъективное, индивидуальное ощущение поэта, отвечающее его *замыслу как проявлению Высшего Промысла* (вспомним финальные слова драмы «Камоэнс» В. А. Жуковского: *«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли»).* В своем постижении мира и самого себя в этом мире - как его открытии в поэтическом образе, или поэтической картине мира, автор поэтического текста всецело полагается на имманентность синергетической природы языка, гармонично отражающей внутреннюю динамику естественного течения жизни в мире. Иными словами, поэт следует единственно возможному *принципу: «Каждый пишет, что он слышит, // Каждый слышит, как он дышит, // Как он дышит, так и пишет, // Не стараясь угодить. // Так природа захотела, // Почему, не наше дело, // Для чего, не нам судить //* (Б. Окуджава. Исторический роман). И поскольку «вымысел не есть обман», а художественная правда как суть поэзии не может быть «неживой», совершенно неизбежен естественно возникающий «зазор» между вымыслом и текстом как его авторским воплощением. Более того, именно он, этот «зазор», дает поэтическому слову ту «жизнь», которая признается поэтом как данность, как естественная необходимость, индивидуально ощущаемая, субъективная, а главное – имманентная, поэтому не подвластная никакому, даже самому изощренному анализу. Налицо пресуппозиция, которая обрекает на неудачу усилия исследователей «живого» поэтического слова, пытающихся с антропоцентрических позиций речемыслительной деятельности подобрать все новые и новые «ключи» к познанию того, что *открыто человеческому со-знанию просто и естественно в нашем опыте как Данность,* как *ко-гнозис - изначально заложенное самой природой языка нравственное бытие как представление уже данного нам генетически опыта*, не требующее никаких доказательств и выражаемое *поэтической внутренней формой* любого называющего знака. Именно внутренняя форма составляет суть и специфику поэтического языка, который характеризуется особым уровнем когниции как познания и коммуникации как общения, но никак не может находиться *«между» ними* [ср.: 8]. Скорее всего, здесь наблюдается *самопознание* языковой личности поэта *как открытие мира в себе и себя в мире,* основанное на индивидуально ощущаемом и имманентном мировосприятии. В основе этого самопознания лежит синергетический выход в особое эстетическое измерение текста как знака, когда трехмерности (парадигматическое, синтагматическое и эпидигматическое измерения) недостаточно, и познающий оказывается перед необходимостью признать реальность особого «нулевого», точечного измерения, о котором, в частности, говорили В. И. Вернадский [5] и П. Тейяр де Шарден [21]. Предполагается, что здесь проявляется особый, высший уровень когниции, которая «направлена на постижение тех сторон языковой картины мира и ее элементов, которые недоступны анализу, т.е. – это прерогатива «Зазеркалья» реальности... Это особое «N-ное (четвертое?) измерение знака, которое мы называем измерением α ...» [3, с. 147].

Мы рассматриваем поэтический текст в качестве особого проявления дискурсивности, которая носит здесь антропогенный характер, хотя бы в силу

абсолютной индивидуальности, субъективности, имманентности самого феномена поэзии. Поэтический дискурс включает в себя особый текстовый слой, *надтекст,* связанный со внутренней формой текста. Ее динамика синергетически отражает поиск отдельным авторским сознанием универсальной общей гармонии как результата преодоления условностей формы внешней и ее статики (родо-видовые, жанровые, стилевые, формально-языковые моменты) выраженной языковой структурой на пути к ее синтезу с выражаемыми авторскими мыслями и чувствами. Поэтому требуется специальный анализ внутренней формы как поэтического текста в целом, так и, в частности, такой интересной его единицы, какой является ФН, обладающая лингвориторическим потенциалом. Реализация этой задачи станет шагом на пути к созданию гибкой полифункциональной модели структурации авторского поэтического идиостиля, основанной на отражении в стихотворном дискурсе и тексте субъективной, индивидуально ощущаемой и имманентной поэтической картины авторского мира и реализуемого в ней лингвориторического потенциала номинации, в том числе – и синтаксической.

Литература

1. Буров А. А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 17 с.
2. Буров А. А. Лексический способ номинации и номинационно-синтаксическая конверсия в русском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. №30. С. 85–91.
3. Буров А. А. Когниолингвистические вариации па тему русской языковой картины мира: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 361 с.
4. Буров А. А. Современная отечественная медиакартина мира: innocens credit omne verbo // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. №3. С.86–91.
5. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2002. 575 с.
6. Ворожбитова А. А. Лингворитогрическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. М.: Флинта; Наука, 2014. 376 с.
7. Воропаева О. В. Лингвоконцепты «Дух» и «Душа» в русской духовной поэзии: автореф. дис. ... канд. филоло. наук. Архангельск, 2016. 18 с.
8. Демьянков В. З. Художественное творчество – между когницией и коммуникацией // Когнитивные исследования языка. 2015. №21. С. 53–57.
9. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №1. С.17–34.
10. Колесникова В. В. Художественный концепт «душа» и его языковая репрезентация :на материале произведений Б. Пастернака: автореф. дис ... канд. филол. наук. Владимировна. Краснодар, 2008. 20 с.
11. Косых Е. А. Русская ономасиология: учебное пособие [Эл. ресурс]. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.; 12 см.
12. Кузнецова А.А. Период // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 282–285.
13. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. … доктора филол. наук. М., 1971. 29 с.
14. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С.17–200.
15. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с франц. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С.569–573.
17. Телия В. Н. Номинация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: БРЭ, 1998. С.336–337.
18. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.
19. Чумак-Жунь И. И. Когнитивно-дискурсивный ракурс языковой личности поэта и его поэтической картины мира (на материале лирики Б. Окуджавы) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. №2. С. 151–156.
20. Шанский Н. М., Боброва Т. А. О национально маркированной номинации в русском языке // Русский язык в школе. 1997. №6. С. 79–83.
21. Шарден Т. де. Феномен человека /сост. и предисл. В. Ю. Кузнецова; пер. с фр. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 553 с
22. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
23. Штайн К. Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: СГУ, 2006. 646 с.
24. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 560 с.

References

1. Burov A. A. Funkcii substantivnyh mestoimenno-sootnositel'nyh pridatochnyh v tekste *(Functions of substantive pronominal-correlative clauses in the text)*. Moscow, 1979. 17 p. (In Russian).
2. Burov A. A. Leksicheskij sposob nominacii i nominacionno-sintaksicheskaya konversiya v russkom yazyke *(Lexical way of nomination and nominal-syntactic conversion in Russian)* // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. No. 30. P. 85–91. (In Russian).
3. Burov A. A. Kogniolingvisticheskie variacii pa temu russkoj yazykovoj kartiny mira *(Cognito-linguistic Variations on the Russian Language Picture of the World)*. Pyatigorsk: PSLU publ., 2003. 361 p. (In Russian).
4. Burov A. A. Sovremennaya otechestvennaya mediakartina mira: innocens credit omne verbo *(Modern Russian media picture of the world: innocens credit omne verbo)* // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. No. P. 86–91. (In Russian).
5. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera *(Biosphere and noosphere)*. Moscow: Ajris-Press, 2002. 575 p. (In Russian).
6. Vorozhbitova A. A. Lingvoritogricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty *(Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects*). Moscow: Flinta; Nauka publ., 2014. 376 p. (In Russian).

7. Voropaeva O. V. Lingvokoncepty "Duh" i "Dusha" v russkoj duhovnoj poezii *(Linguistic concepts “Spirit” and “Soul” in Russian spiritual poetry)*: abstract of thesis. Arhangel'sk, 2016. 18 p. (In Russian).

8. Dem'yankov V.Z. Hudozhestvennoe tvorchestvo - mezhdu kogniciej i kommunikaciej *(Artistic creation - between cognition and communication)* // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2015. No. 21. P. 53–57. (In Russian).

9. Karasik V. I. Diskursologiya kak napravlenie kom¬munikativnoj lingvistiki *(Discourseology as a direction of communicative linguistics)* // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2016. No. 1. P.17–34. (In Russian).

10. Kolesnikova V. V. Hudozhestvennyj koncept "dusha" i ego yazykovaya reprezentaciya: na materiale proizvedenij B. Pasternaka *(The artistic concept of “soul” and its linguistic representation: based on the works of B. Pasternak)*: abstract of thesis. Krasnodar, 2008. 20 p. (In Russian).

11. Kosyh E. A. Russkaya onomasiologiya *(Russian onomasiology)*: textbook [electronic resource] Barnaul: AltSPU publ., 2016. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM): il.; 12 sm. (In Russian).

12. Kuznecova A. A. Period *(Period)* // Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / ed by M.N. Kozhina. Moscow: Flinta; Nauka publ., 2003. P. 282–285. (In Russian).

13. Maksimov L. Yu. Mnogomernaya klassifikaciya slozhnopodchinennyh predlozhenij (na materiale sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka) *(Multidimensional classification of complex sentences (based on the material of the modern Russian literary language)*: abstract of thesis. Moscow, 1971. 29 p. (In Russian).

14. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk *(Thought and language)* // Potebnya A. A. Slovo i mif. Moscow: Pravda publ., 1989. P.17–200. (In Russian).

15. Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu *(Works on linguistics)* / translated be A. A. Holodovicha. Moscow: Progress publ., 1977. 696 p. (In Russian).

16. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya *(Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience)*. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury publ., 1997. P. 569–573. (In Russian).

17. Teliya V. N. Nominaciya *(Nomination)* // Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / ex. ed V.N. YArceva. Moscow: BRE publ., 1998. P.336–337. (In Russian).

18. Chumak-Zhun' I. I. Poeticheskij tekst v russkom liricheskom diskurse konca XVIII – nachala XXI vekov *(Poetic text in Russian lyric discourse of the late 18th – early 21st centuries)*. Moscow: Direkt-Media publ., 2014. 302 p. (In Russian).

19. Chumak-Zhun' I. I. Kognitivno-diskursivnyj rakurs yazykovoj lichnosti poeta i ego poeticheskoj kartiny mira (na materiale liriki B. Okudzhavy) *(Cognitive-discursive perspective of the poet's linguistic personality and his poetic picture of the world (based on the lyrics of B. Okudzhava)* // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No. 2. P. 151–156. (In Russian).

20. Shanskij N. M., Bobrova T. A. O nacional'no markirovannoj nominacii v russkom yazyke *(About the nationally marked nomination in Russian)* // Russkij yazyk v shkole. 1997. No. 6. P. 79 – 83. (In Russian).

21. Sharden T. de. Fenomen cheloveka *(Human phenomenon)* / comp. and introdaction V.YU. Kuznecov. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002. 553 p.

22. Shvedova N. Yu. Mestoimenie i smysl *(Pronoun and meaning*). Moscow: Azbukovnik, 1998. 176 p. (In Russian).

23. Shtajn K. E. Garmoniya poeticheskogo teksta: Sklad. Tkan'. Faktura *(Harmony of poetic text: Warehouse. The cloth. Texture)*. Stavropol': SSU publ., 2006. 646 p. (In Russian).

24. Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola *(Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school)*. Moscow: Gnozis publ., 1994. 560 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Буров Александр Архипович – доктор филологических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Института переводоведения и многоязычия Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / professorburov@rambler.ru

Бурова Галина Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы филиала ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки / professorburov@rambler.ru

Information about authors:

Burov Alexander Arkhipovich – Doctoral of Philology, professor, Chair of the Russian Language, Literature Studies and Philological Education, Translation Studies and Multilingualism Institute, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / professorburov@rambler.ru

Burova Galina Petrovna – doctor of Philology, Associate Professor, Head of Chair of the Russian Language and Literature, the Essentuki branch of Stavropol State Pedagogical Institute (Essentuki) / professorburov@ rambler.ru

УДК 81

С. А. Егорова, М. В. Ласкова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В СПОРТИВНОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Коммуникативные стратегии, используемые в спортивном газетно-публицистическом дискурсе изучены явно недостаточно: коммуникативная стратегия представляет собой один из наиболее актуальных аспектов изучения в сфере теории дискурса, прежде всего, потому, что благодаря реализации коммуникативных стратегий воплощаются авторские интенции, обретают свой онтологический статус цели коммуникации. Изучение любого вида дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте было бы неполным и не имело бы достаточной объяснительной силы без обращения к понятию коммуникативной стратегии. Коммуникативная стратегия в том виде, в каком она реализуется в любом дискурсе, может быть рассмотрена как комплекс речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной цели.

Современная лингвистика располагает целым рядом дефиниций коммуникативной стратегии и концепций реализации коммуникативных стратегий и тактик в дискурсе и тексте. В процессе реализации коммуникативной стратегии речевое воздействие на адресата производится так, чтобы в определенной степени трансформировать его поведение в соответствии с целями адресанта. В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что адресант планирует коммуникативный акт в соответствии со своими целями и задачами, обеспечивая успешность своих коммуникативных усилий. Особое внимание М. Л. Макаров уделяет языковым средствам, а не целям акта коммуникации, что позволяет говорить об известном сближении определения коммуникативной стратегии в его трактовке с коммуникативной тактикой, потому что средства речи и языка как раз и направлены на оформление определенной коммуникативной стратегии.

По Т. А. ван Дейку, коммуникативная стратегия – это наиболее общая инструкция «для каждой конкретной ситуации интерпретации» [7], с помощью коммуникативной стратегии могут быть достигнуты как индивидуальные цели адресанта, так и некие цели, значимые для социума. Выбор конкретной коммуникативной стратегии определяется, по мнению Т. А. ван Дейка, конкретным намерением адресанта, которое с необходимостью проявляется в данной коммуникативной ситуации, что позволяет соотнести такую концепцию с когнитивно-дискурсивным подходом, значимым для современной лингвистики.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, адресат, стратегия убеждения, лексические сочетания, стратегия утверждения, аргументативный фокус, когнитивные структуры.

Svetlana Egorova, Marina Laskova

IMPLEMENTATION OF COMMUNICATION STRATEGIES IN SPORTS NEWSPAPER AND JOURNALISTIC DISCOURSE

The communicative strategies used in sports newspaper and journalistic discourse have not been studied enough: the communication strategy is one of the most relevant aspects of the study in the field of discourse theory, first of all, because thanks to the implementation of communication strategies, the author's intentions are embodied, acquire their ontological status as the goals of communication. The study of any kind of discourse in the communicative-pragmatic aspect would be incomplete and would not have sufficient explanatory power without resorting to the concept of a communicative strategy. A communicative strategy in the form in which it is implemented in any discourse can be considered as a complex of speech actions that are aimed at achieving communicative goal.

Modern linguistics has a number of definitions of communicative strategy and concepts for the implementation of communicative strategies and tactics in discourse and text. In the process of communicative strategy implementation, speech impact on the addressee is performed in such a way as to transform his behavior to a certain extent in accordance with the goals of the addressee. In this regard, it is necessary to emphasize that the addressee plans communicative act in accordance with his goals and objectives, ensuring the success of his communicative efforts. M. L. Makarov pays special attention to linguistic means, but not to the goals of the communication act, which allows us to speak about a certain convergence of communicative strategy definition in its interpretation with communicative tactics, because the means of speech and language are precisely aimed at certain communication strategy forming.

According to T. A. van Dijk, communication strategy is the most general instruction "for each specific situation of interpretation" [7], with the help of communication strategy, both the individual goals of the addressee and some goals that are significant for society can be achieved. The choice of a specific communication strategy is determined, according to T. A. van Dijk, the specific intention of the addressee, which is necessarily manifested in given communicative situation, which allows us to correlate such concept with a cognitive-discursive approach that is significant for modern linguistics.

Key words: communicative strategy, addressee, persuasion strategy, lexical combinations, confirmation strategy, persuasive focus, cognitive structures.

Развивая подход Т. А. ван Дейка, О. С. Иссерс трактует коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [8]. Исследователь устанавливает и описывает тесные связи коммуникативной стратегии и планирования коммуникативного акта, подчеркивая, что в его ходе определяются также ведущие коммуникативные тактики, а значит, коммуникативная стратегия, определяя способы достижения целей адресанта, осуществляет и «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов, а также реализацию плана общения» [8].

Представляется наиболее убедительным изучение коммуникативной стратегии как многоуровневого лингвистического феномена, возникшего на пересечении когнитивно-дискурсивной, психологической и прагматической сфер. Целесообразно понимать под коммуникативной стратегией общую цель адресанта в координатах конкретного коммуникативного акта, включая и речевую перспективу. Безусловно, коммуникативная стратегия определяет

коммуникативное поведение адресанта, ее реализация осуществляется целым рядом коммуникативных тактик, которые представлены вербальными и невербальными средствами

Понятие коммуникативной стратегии опирается на целый ряд предпосылок, среди которых обозначим наиболее приоритетные для нашей исследовательской концепции. Коммуникативные предпосылки обусловливаются необходимостью достижения целей общения посредством различных коммуникативных способов. Отметим в этой связи, что коммуникативные предпосылки тесно связаны с реализацией принципа кооперации, сформулированного Г. П. Грайсом:

- коммуникативные ситуации должны изучаться с позиций их соответствия / несоответствия целям общения и правилам коммуникативного поведения;
- коммуникативная деятельность представляет собой совместную деятельность участников диалога, которые имеют общие цели, заданные с самого начала общения, либо осознаваемые в его процессе;
- процесс общения включает этапы (шаги), каждый из которых предполагает верификацию уместности высказываний, применяемых в коммуникативных ситуациях;
- вклад каждого из коммуникантов на определенном этапе коммуникации должен с необходимостью соответствовать цели / направлению диалога [4].

Исследователи различным образом характеризуют риторику как особую отрасль знаний, например, она трактуется как «совокупность коммуникативных стратегий, обращенных на достижение определенных целей» [1]. Значит, эффективность речевой коммуникации тесно связана с риторическим оформлением речи, а для успешной реализации общения необходимо стратегическое планирование коммуникации при учете интересов, настроений и специфики понимания мира адресатом, а также близости его миросозерцания к восприятию мира адресантом. В известной степени значимы и экстралингвистические факторы, обеспечивающие коммуникацию (например, присутствие или отсутствие посторонних лиц при общении, физическое состояние коммуникантов, желательное знанием ими этикета речевого общения). Эстетические предпосылки реализуются в косвенной коммуникации, в элементах непрямого общения [6].

Потеря имплицитных смыслов, которые свидетельствуют об эмоциях, оценках и пр.., при выражении наших идей в ходе коммуникации представляется лингвистам неизбежной, однако такую потерю всё же необходимо учитывать.

Важным в структуре коммуникативной стратегии представляется и семиозис, свойственный языку в целом. Для современной лингвистики аксиоматична асимметрия языковых знаков и их нетождественность в плане содержания, что закономерно определяет специфику самих коммуникативных стратегий, проявляясь в наличии полисемантичности языковых форм либо, напротив, в наличии единственного значения для нескольких форм [3]. Также необходимо особо подчеркнуть, что коммуникативные стратегии имеют и экономические основания, определяемые конкуренцией в сфере экономики и, как следствие, появлением всё новых требований к рекламе и маркетингу, поэтому, как справедливо указывают исследователи, именно коммивояжеры были первыми, кто умело использует стратегии убеждения покупателя [12]. И, наконец, нельзя не упомянуть о политических предпосылках коммуникативных стратегий, которые обосновал Дж. Миршаймер. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что надо выгодно «продавать» и политические идеи, продвигать определенных кандидатов, политические партии, все более упрочивая их авторитет и, как следствие, власть. Люди не перестали трепетать перед властью, но они стали возражать ей, что обусловило, в конечном счете, важность убеждения избирателей в правоте и искренности определенных кандидатов на разные государственные посты [11]. Для коммуникативных стратегий особой важностью обладают риторические и эстетические предпосылки. Исследователи различным образом характеризуют риторику как особую отрасль знаний, например, она трактуется как «совокупность коммуникативных стратегий, обращенных на достижение определенных целей» [1].

Применительно к спортивному газетно-публицистическому дискурсу необходимо изучать коммуникативные стратегии в соответствии и тесной их взаимосвязи с целями спортивного дискурса. Основной целью спортивного дискурса следует признать вербализацию поддержки целей спортивных соревнований и выступлений – победы в них, достижения пика спортивной формы, что становится определяющим условием для такой спортивной победы, а также обеспечения позитивного имиджа государства или социального института спорта. Коммуникативные стратегии спортивного газетно-публицистического дискурса направлены, прежде всего, на реализацию идеи патриотизма, гордости за свою страну, они ориентируют адресата на сплочение различных групп населения вокруг национальной идеи. Такое сплочение оформляется благодаря ценностям, нормам, традициям, которые транслируются спортивным дискурсом массмедиа благодаря пропаганде духа спорта. Нельзя не отметить, что спорт обладает к тому же и целым арсеналом невербальных способов коммуникации и транслирования информации, которые возможны за счет ритуальности, символичности, образности, ценностности и стереотипичности восприятия спорта.

Безусловно, общей целью спорта и спортивного дискурса является передача и обмен информации между большими группами населения, что обусловливает понимание спорта как социального и лингвокультурного феномена. Под большими группами социологи понимают здесь: в мировом масштабе – континенты и страны; в государственном – сферы влияния (политика, экономика, юриспруденция, культура, образование и наука), которые, в свою очередь, обеспечивают интертекстуальность спортивного дискурса, на которую мы также указывали в главе первой.

Спорт манифестирует ценностную картину мира, свойственную обществу и наци в целом, однако здесь есть ряд отличий. Например, для национальной картины мира, свойственной любому народу, является нормой оказание помощи слабому человеку, оказавшемуся лицом к лицу с затрудни-

тельными, часто непреодолимыми в одиночку обстоятельствами. Спортивные состязания моделируют абсолютно иную ситуацию: спортсмен обязан пройти испытания сам, не полагаясь ни на кого, опережающий не может ждать отстающего и оказывать ему помощь, а командные виды спорта ориентированы в еще большей степени на открытое столкновение в противоборстве, на соперничество.

Коммуникативные стратегии спортивного газетно-публицистического дискурса обусловливаются теми целями, которые свойственны спорту. Выделяются следующие цели: рекреационная, развивающая, творческая, социализирующая, контролирующая. Рекреационная цель спорта реализуется в том, что именно спорт позволяет отвлечься от рутинного существования, перебороть отрицательные эмоции, забыть неприятные переживания как во время занятий каким-либо видом спорта, так и во время наблюдения за развитием спортивных событий. Спорт позволяет развивать самые разные способности индивида (физические, психологические, психологические и интеллектуальные). Творческие цели находят свое отражение в варьировании тактик для достижения победы в спортивных состязаниях. Взаимодействие спортсменов в достижении поставленных целей (победы, рекорда) составляет сущность социализирующей цели, а контролирующая цель состоит в том, чтобы оценивать работу тренеров, судей, самих спортсменов в сравнении с показателями предыдущих соревнований, месяцев, лет. Именно продуценты спортивного газетно-публицистического дискурса, а также спортивные комментаторы в процессе спортивных аудио- и видеотрансляций осуществляют эти цели комплексно.

Одной из наиболее востребованных в спортивном газетно-публицистическом дискурсе является коммуникативная стратегия *убеждения*, одна из наиболее важных форм интерактивной аргументации. В научной парадигме убеждение рассматривается в двух значениях: 1) как «рационально сформированные и относительно стабильные формы включения субъекта в социальные отношения» [13]. Второй аспект связан, скорее, с аргументированным воздействием на адресата, с прагматическим аспектом речевой деятельности. На наш взгляд, адресант весьма убедительно реализует коммуникативную стратегию убеждения, опираясь на приведение точных данных, отсылку к известным авторитетным именам в конкретной спортивной сфере, а также с помощью акцентирования внимания адресата на элементе неожиданности, присущей в целом спортивным играм и состязаниям разных уровней: «Мы же приступаем к обзору последних событий в Европе. В Старом Свете, начиная с минувшего четверга, проходит заключительная 6-дневка групповых турниров. И последние игровые дни принесли немало неожиданностей, к которым можно, например, отнести победу Австрии над Сербией, домашние ничьи Италии с Македонией и Хорватии с Финляндией, а также крупную победу Исландии над Турцией в гостях. Поляк Роберт Левандовски и португалец Криштиану Роналду *побили прежний рекорд бомбардиров отборочного этапа ЧМ*. Англия повторила собственное достижение по беспроигрышной серии на этом этапе соревнований и в дальнейшем вполне может его увеличить. Германия попала в «десятку», то есть одержала победы во всех 10-ти матчах группового отборочного турнира и при этом еще и установила рекорд результативности – 43 гола!!! В общем, дыхание чемпионата мира в России ощущается все больше…» [15]. Так, точные данные манифестированы лексическими сочетаниями с числительными (*десяти матчах, шестидневка, сорок три гола*), имена известных футболистов (*Роберт Левандовски, Криштиану Роналду*) манифестированы в контексте для уточнения, от каких футболистов сборной РФ на чемпионате мира можно ждать самых значительных проблем (*побили прежний рекорд бомбардиров отборочного этапа ЧМ*). Кроме того, само завершение данного фрагмента высказыванием *дыхание чемпионата мира в России ощущается все больше* способствует убеждению адресата в том, что и это событие необходимо ожидать со все более нарастающим нетерпением, и сами тексты адресанта (в данном случае – аналитические статьи и обзоры) также надо отслеживать и воспринимать с возможно более усиленным вниманием.

В спортивном газетно-публицистическом дискурсе коммуникативная стратегия убеждения становится весьма значимой потому, что с помощью конкретных высказываний адресант совершает попытку воздействовать на адресата, изменять его картину миру, в том числе, систему норм и ценностей путем репрезентации собственных знаний, убеждений, эмоционального и интеллектуального состояния [10]. Так, например, в следующем фрагменте: «И третья – Макгрегор *начинает драться до боя.* Разумеется, не физически. Он и его команда досконально изучают будущих соперников – их поведение, сильные и слабые стороны. Иногда Конор *намеренно хочет взбесить оппонента,* чтобы он полетел на него с первых секунд. Так повелся на провокацию, например, Жозе Альдо. Итог – бразилец лег на 13 секунде после удара левой, хотя изначально многие были уверены в его победе над Конором» [14] адресант отсылает адресата к фоновым знаниям о смешанных единоборствах UFC, что позволяет ввести, например, образное высказывание *начинает драться до боя*, *намеренно хочет взбесить оппонента*, т.к. болельщикам известен стиль поведения Макгрегора на любых мероприятиях, предшествующих собственно бою, его агрессия и тонко нацеленные на конкретного соперника издевки. В приведенном макроконтексте адресант убеждает читателя в том, что причины побед Макгрегора – не только в его мастерстве бойца UFC, но и в той психологической подготовке, которая является результатом работы целой команды.

Также воздействие с помощью коммуникативной стратегии убеждения примечательно в следующем примере: «*Ну а что касается врачей общей практики*, то *нам*, *физкультурникам и спортсменам*, к ним лучше не обращаться, поскольку эти специалисты в большинстве своем далеки от физкультурной проблематики. Ведь в медицинских вузах на изучение предмета «лечебная физкультура и медицинский контроль физкультурников и спортсменов» отводится мизерное число учебных часов. И, *как следствие*, медицинские ошибки. Недавно в одну из московских клиник привезли выдающегося советского спортсмена, который продолжал вести активный образ жизни, два раза в неделю играл в теннис,

раз в неделю посещал тренажерный зал и еще раз бассейн. Да, похоже, перетренировался. Увидев его кардиограмму, медики ахнули: аритмия! (*О таком понятии, как «сердце спортсмена», они и не слышали*.) Начали пичкать пациента лекарствами и довели до… инсульта» [16]. Свое отношение к медицинской помощи и наблюдению со стороны врачей – обычных терапевтов адресант определяет весьма отчетливо: с помощью различных синтаксических конструкций (*ну а что касается врачей общей практики, к ним лучше не обращаться, как следствие*) транслирует оценку уровня знаний врачей общей практики в отношении людей с хорошей спортивной подготовкой. Кроме того, важное значение здесь приобретает и уточнение *нам, физкультурникам и спортсменам*, которое позволяет осуществить объединение с определенной целевой группой данного медиатекста. Вставная конструкция *О таком понятии, как «сердце спортсмена», они и не слышали* уточняет эту сниженную оценку и позволяет говорить о полной реализации коммуникативной стратегии убеждения, к тому же автор еще и приводит описание реального случая медицинской ошибки.

Убеждение адресата опирается в коммуникативном акте на мнение или суждение адресанта, которые репрезентируются с помощью коммуникативной стратегии *утверждения*. Как и коммуникативная стратегия *убеждения*, утверждение обусловливается потребностью в логической аргументации, которая, разумеется, осуществляется не только апелляцией к рациональному началу, но и посредством эмоционального воздействия на адресата. Аргументация в целом связана с предикацией, т.к. любая мысль имеет предикативный характер. Кроме того, важным представляется и включение некоторыми исследователями в парадигму классификаций речевых (иллокутивных) актов таксономии психологических состояний (например, у Дж. Лича), что вполне закономерно, потому что каждый отправитель сообщения, кроме собственных интенций, коммуникативных целей и пр., в каждый конкретный промежуток времени характеризуется определенным психологическим состоянием. В. В. Богданов указывает, что «для нормального осуществления того или иного речевого акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое есть правда, если только он не делает оговорки, что утверждает нечто со слов других лиц» [2]. Такие акты утверждения Е.И. Григорьев именует экспликативами (от лат. explikatus - ‘развитие, развертывание, объяснение’), основной целью которых является представление события или факта [5].

Примером такого акта утверждения считаем следующий (приводим его в том виде, в каком он содержится в медиатексте – в форме диалога корреспондента и интервьюируемого): «– Если обобщить, то получается, что на четверых российские клубы в первых встречах 1/16 финала Лиги Европы одержали только одну победу – спасибо «Локомотиву» за выигрыш у «Ниццы»…

– Вообще, ситуация с нашим футболом, откровенно говоря, плачевная. Хорошим европейским командам мы уступаем наголову! *Скажите, вы смотрели матчи 1/8 финала Лиги чемпионов между «Ювентусом» и «Тоттенхэмом», а также мадридским «Реалом» и «ПСЖ»? Вы обратили внимание на интенсивность их игры, почувствовали разницу?* В отличие от российских команд, европейские уверены в себе*, они быстрые, работоспособные и агрессивные*. В континентальных клубах ведущие футболисты есть во всех линиях, практически каждый их игрок способен взять на себя инициативу. Там футболисты *отлично готовы функционально*, *с большим желанием и на высоких скоростях носятся от стартового до финального свистка.* Неймар – вообще красавец, а каков Роналду в свои 33 года! В России о таком уровне остается только мечтать. А ведь на носу у нас домашний чемпионат мира…» [15]. Опора на всем известные факты позволяет делать весьма убедительные выводы, которые поданы именно как утверждение, не требующее доказательства. Оценочность, присущая высказываниям адресанта, реализуется во встречных вопросах (*Скажите, вы смотрели матчи 1/8 финала Лиги чемпионов между «Ювентусом» и «Тоттенхэмом», а также мадридским «Реалом» и «ПСЖ»? Вы обратили внимание на интенсивность их игры, почувствовали разницу?*), а также в атрибутивах с оценочным компонентом значения (*они быстрые, работоспособные и агрессивные, отлично готовы функционально*, *с большим желанием и на высоких скоростях носятся от стартового до финального свистка).* Коммуникативная стратегия утверждения воздействует на адресата таким образом, что веры в победу или хотя бы в выход в полуфинал сборной РФ на чемпионате мира по футболу-2018 у него не остается, и это, на наш взгляд, корректно выстроенная коммуникативная стратегия, т.к. аналитическая статья в целом опирается на целый ряд объективных данных, а не просто на желание выиграть в ЧМ-2018 и акцентирование на патриотических чувствах читателей. В результате, как всем известно, такой объективно выстроенный анализ, основанный на реализации коммуникативной стратегии утверждения, оправдался: сборная России дошла на ЧМ-2018 до четвертьфинала, проиграв сборной Хорватии в нем.

Коммуникативная стратегия утверждения эксплицируется в высказывании, сообщении, в медиатексте посредством целого ряда лексических и грамматических средств, которые призваны, прежде всего, реализовать связность и способствовать осуществлению эффективной аргументации. Адресант осуществляет выбор таких средств утверждения, которые позволяют сохранить фокусировку на конкретном обсуждаемом феномене, а также могли бы корректно транслировать адресату переключение коммуникативных регистров и, соответственно, акцентирование внимания на том или ином объекте дискурса. Таким образом, аргументативный фокус, в котором находятся конкретные лексемы, лексические сочетания, другие языковые и речевые конструкты, отражают позицию адресанта в отношении оказания наибольшего воздействия на адресата. Единицы, которые могут быть использованы при реализации коммуникативных стратегий убеждения и утверждения, можно назвать аргументатемами, способствующими эффективной аргументации.

Различные вербализованные представления, когнитивные структуры и коммуникативные модели, с помощью которых язык опосредует окружающий

мир, всегда имеют национальную специфику. Языковая картина мира является поэтому конкретным типом концептуализации действительности, разноуровневой принадлежности. Спортивная картина мира – один из значимых компонентов национальной картины мира – включает как идеологему *Спорт*, так и концепты, подчиненные ей и структурируемые в ее составе, а также терминологические компоненты соответствующей сферы спорта. Поскольку спорт представляет собой значимый компонент национальной культуры, спортивные феномены репрезентируют как личностные, так и национально стереотипные особенности отношения членов лингвокультурного коллектива к миру, к базовым ценностям, нормам и установкам.

Литература

1. Авеличев А. К. Возвращение риторики (Предисловие) // Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин [и др.]. М.: Прогресс, 1986. С.5–26.
2. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения; Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С.25–37.
3. БС: Большой спорт. URL: http://www.bolshoisport.ru/ (Дата обращения: 24.04.2020).
4. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. Монография. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. 225 с.
6. Григорьев Е. И. Основы фонопрагматики немецкого языка: монография. Днепропетровск: Навчальна кн., 1997. 169 с.
7. Грушевская Т. М., Фанян Н. Ю. Модулярный подход к анализу текста/дискурса: вклад женевской лингвистической школы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2 (99). С.190–194.
8. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 300 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 7-е изд., стер. М.: КомКнига, 2015. 289 с.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГТ «Гнозис», 2003. 280 с.
11. НСГ: Независимая спортивная газета. URL: http://www.aksport.ru/ (Дата обращения:15.03.2020).
12. Mearsheimer J. J. Why leaders lie. The truth about ling in international politics. Oxford: University Press, 2011. 186 p.
13. Pratkanis A. R., Aronson E. Age of propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. N. Y.: W.H. Freeman and company, 2001. 384 p
14. Trojanow V. I. Argumentation von Űberzeugungen // Язык, дискурс и личность. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 1990. С.16–25
15. ФиС: Физкультура и спорт. URL: http://fis1922.ru/ (Accessed: 10.04.2020).

References

1. Avelichev A. K. Vozvrashchenie ritoriki (Predislovie) *(The Return of Rhetoric (Foreword)* // Obshchayay ritorika. Moscow: Progress publ., P. 5–26. (In Russian).
2. Bogdanov V. V. Klassifikatsiya rechevykh actov (*Classification of speech acts*) // Lichnostnye aspect yazykovogo obshchenia, Kalinin. gos. un-t. Kalinin, 1989. P. 25–37. (In Russian).
3. BS: Bolshoi sport (*Big sport*). URL: http://www.bolshoisport.ru/ (Accessed: 24.04.2020). (In Russian).
4. Byuler K. Teoria yazyka: reprezentativnaya funktsia yazyka (*Theory of language: the representative function of language*). Moscow: Progress publ., 1993.501 p. (In Russian).
5. Grice G. P. Logika i rechevoe obshchenie (*Logic and verbal communication*) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike: lingvisticheskay pragmatika. Issue. XVI. Moscow: Progress publ., 1985. 225 p. (In Russian).
6. Grigoriev E. I. Osnovy phonopragmatiki nemetskogo yazyka (*Fundamentals of phonopragmatics of the German language*): monographia. Dnepropetrovsk, 1997. 169 p. (In Russian).
7. Grushevskaya T. M., Fanyan N. Yu. Modulyarnyi podkhod k analizu teksta/ /diskursa: vklad zhenevskoy lingvisticheskoy shcoly (*Modular Approach to Text / Discourse Analysis: Contribution of Linguistics Geneva School*) // Vestnik Adygeiskogo universiteta. Ser. Philologia i iskustvovedenie. Maikop, 2012. Issue. 2 (99). P. 190–194. (In Russian).
8. Dijk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya (*Language. Cognition. Communication*). Moscow: Progress, 1989. 300 p. (In Russian).
9. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi (*Communicative strategies and tactics of Russian speech*). 7-e izd., ster. Moscow: Komkniga publ., 2015. 289 p. (In Russian).
10. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa (*Foundations of Discourse Theory*). Moscow: Gnosis publ., 2003.280 p. (In Russian).
11. NSG: Nezavisimaya sportivnaya gazeta (*Independent sport newspaper).* URL: http://www.aksport.ru/ (Accessed: 15.03.2020) (In Russian).
12. Mearsheimer J. J. Why leaders lie. The truth about ling in international politics. Oxford: University Press, 2011. 186 p.
13. Pratkanis A. R., Aronson E. Age of propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. New York: W.H. Freeman and company, 2001. 384 p.
14. Trojanow V. I. Argumentation von Űberzeugungen // Yazyk, diskurs i lichnost' (*Language, discourse and personality*). Tver': Tverkoy gosudarstvenyi universitet, 1990. P.16–25.
15. PhIS: Phiskultura i sport (*Physical culture and sport).* URL: http://fis1922.ru/ (Accessed: 10.04.2020). (In Russian).

Сведения об авторах

Егорова Светлана Александровна – аналитик отдела международных проектов и программ Донского государственного технического университета, аспирант Института Филологии, Журналистики и Межкультурной Коммуникации Южного Федерального Университета (Ростов-на-Дону) / s_zinyakova@mail.ru

Ласкова Марина Васильевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону) / pr_laskova@rambler.ru

Information about authors

Egorova Svetlana – analyst of international projects and programs department, Don state technical university, Postgraduate of Institute of philology journalism and intercultural communication, Southern federal university (Rostov-on-Don) / s_zinyakova@mail.ru

Laskova Marina – Ph.D. of philology, professor, Head of translation, Interpreting and IT in Linguistics department, Southern federal university (Rostov-on-Don) / pr_laskova@rambler.ru

УДК 81.811.112

О. В. Князева, В. А. Болдырева

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТАЛЛЯЦИОННОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ КАК МОДАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМИНИРОВАНИЯ В ПЕРСОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

В настоящем исследовании предпринят анализ базовых приемов и тактик построения перформативного высказывания в персонально-ориентированном дискурсе, а также способов сохранения их эффективности при переводе англоязычных высказываний на русский язык. Наиболее частотной и эффективной стратегией имплементации доминирующего положения продуцента признается инсталляционная, которая, по мнению автора, осуществляется на основе реализации двух векторов интерпретации: субъект-субъектных ситуативно-объектно опосредованных отношений и 2) субъект-объектных отношений. Опосредованный субъект-субъектный вектор обеспечивается за счет акцентуации главенствующего положения продуцента посредством применения тактик манифестации, конфессивности и бравады. Данные тактики не только позволяют автору высказывания оккупировать актуальную роль модератора коммуникации, но и создать пространство эскульпации в случае срыва коммуникативного намерения. Процессы вербальной экспликации недоминирующего пространства коррелируют с использованием комитативных, апеллятивных и реквестивных актов на основе тактики консолидационного/конфронтационного позиционирования. В данном случае речевой поступок может трактоваться как максимально перформативный с оттенками негативного действия, ведь акт лицемерной комплиментации является реальным, а не вербальным «проступком».

В процессе трансляции компонентов экспансии доминирующего положения и обеспечения максимальной степени доступа к управлению развитием дискурса наиболее сложным является сохранение в целевом тексте адекватного перлокутивного эффекта перформатива с учетом лингвокультурных расхождений в когнитивно-коммуникативной ратификации модальных пространств. Обеспечение трансляции перформативных смыслов осуществляется с применением комплексных лексико-грамматических трансформаций, контекстуальных эквивалентов корректируемых на основе прагматической верификации, а также аддикции или девальвации экспрессивных компонентов исходного перформатива.

Ключевые слова: персонально-ориентированный дискурс, перформативность, переводческие трансформации, иллокуция, перлокуция, перформативные стратегии.

Oksana Kniazeva, Valeriia Boldyreva

TRANSLATOLOGIC PECULIARITIES OF INSTALLATION PERFORMATIVITY AS A MODAL DOMINATIVE SPACE IN PERSON-ORIENTED DISCOURSE

This study offers an analysis into the basic techniques and tactics of constructing a performative utterance in a personally oriented discourse, as well as ways to preserve their effectiveness when translating utterances from English into Russian. The most frequent and effective strategy for implementing the producent's dominant position is considered to be installation, which, subject to the author's opinion, is based on implementing two vectors of interpretation: subject-subject situationally objective mediated relations and 2) subject-object relations. The mediated subject-subject vector is sustained through accentuating the producent's dominant position through employing tactics like manifestation, confessiveness and bravado. These tactics not only allow the author of the statement to take over the actual role of the communication moderator, yet also help create a space for exculpation in case the communicative intention is disrupted. The processes of non-dominating space verbal explication correlate with the use of commitative, appellative and requestive acts based on the "friendly positioning" tactics. In this case, a speech act can be interpreted as the most performative with shades of negative action since the act of hypocritical complimentation is a manifestation of real, not verbal "misdemeanor".

Through translation of the expansion components of the dominant position, and ensuring the highest degree of access to the discourse development, the most difficult part is to maintain in the target text proper perlocutionary effect of the performative in view of the linguistic and cultural differences of the cognitive-communicative ratification of the modal spaces. Translation of performative meanings is ensured through employing complex lexical and grammatical transformations, contextual equivalents corrected based on pragmatic verification, as well as addiction or devaluation of the expressive components of the original performative.

Key words: personally oriented discourse, performativity, translation transformations, illocution, perlocution, performative strategies.

В условиях современного развития манипулятивных аспектов различных речевых практик некоторые сферы когнитивной лингвистики и прагмалингвистики представляют собой весьма плодотворное поле для изучения и анализа дискуссионных, хотя и весьма эффективных способов имплементации продуцентской иллокуции в перлокутивное пространсто. Возможности сохранения перлокутивного эффекта подобных средств воздействия наиболее четко эксплицированы в перформативных высказываниях как интенсивно детерминативных конструкциях, реализующих наивысшую степень «социокультурного регулирования» [2, с. 122] посредством персональной легитимизации собственного статуса. В рамках межкультурного взаимодействия наиболее сложным представляется сохранение адекватной иллокутивной цели перлокутивного эффекта перформатива с учетом лингвокультурных расхождений в когнитивно-коммуникативной ратификации модальных пространств.

Коммуникативные действия в персонально-ориентированном типе дискурса, как правило, реализуются в четырех видах стратегий: инсталляционной, аффирмационной, контроверзной и трансформационной. Примарной в аспекте реализации необходимой степени воздействия является инсталляционная стратегия перформативности, которая вербализует два типа интерпретативных векторов: 1) субъект-субъектные ситуативно-объектно-опосредованные отношения и 2) субъект-объектные отношения.

В опосредованном субъект-субъектном векторе доминирующей являются тактики индивидуально-авторской идентификации и акцентуации при повышении степени экспрессивности высказывания (манифестация, конфессивность, восклицание о победе или поражении, бравада).

При конфессивном или пораженческом восклицании происходит элиминация компонентов доминирования и дискредитирует субъекта высказывания. Данный тип ситуативно опосредованной тактики, хотя и используется чрезвычайно редко, необходимо включает в себя дополнительные валентностные характеристики, такие как оправдание или готовность понести наказание. Например, ***My fault*** *in his death* ***can only be justified*** *by* ***my weal intentions to help*** *his daughter get* ***insurance*** [8, p. 74]. – ***Моя вина*** *в его смерти* ***может быть оправдана*** *лишь* ***моими благими намерениями помочь*** *его дочери получить* ***страховку*** (перевод автора – *О.К.*). Постоянные и облигаторные тактики экскульпации сохраняют возможности сохранения за субъектом высказывания достаточной степени к векторам управления развитием дискурса [3, с. 78]. Трансляция лексических компонентов в данном случае не представляет сложности. Однако следует отметить принципиальную невозможность сохранения того же перлокутивного эффекта, который достигается в оригинальном высказывании. Происходит снижение эффективности оправдания своих действий ввиду несоответствия ментальных пространств концептуализации «намеренности» действия, а также значительно большей сферы ядерного пространства валерного содержания вербализатора ***insurance*** в американской лингвокультуре. При переводе компоненты концептуального поля WEALTH нивелируются по причине отсутствия содержательных элементов материального достатка в русскоязычном концепте БЛАГО, который характеризуется только слотами «духовность», «добро», «абсолют», «сохранение» и т.д.

В следующем выражении конфессивность подкрепляется тактикой фатализации (добровольного принятия наказания), отдельно вербализуемые компоненты «ответственность» и «осознанное действие» расширяют экспликаторные возможности перформативного высказывания. Акты покаяния и самопровозглашения сливаются в едином коммуникативном статусе, который порождает градационную форму самоуничижения: ***I confess, but never pay dividends****, nothing to explain away,* ***my conscience drives me fall****! The punishment it doesn 't matter to me right now! I already* ***convicted****, destroyed,* ***got my instant karma****!* [8, p. 83]. – ***Я признаюсь, я каюсь****, ни к чему оправдания –* ***вина гонит меня на самое дно****! Какое наказание мне сейчас назначат не имеет значения! Я уже* ***наказан****, раздавлен,* ***испепелен*** (перевод автора – *О.К.*). Сохранение адекватного оригиналу перлокутивного эффекта при трансляции данного перформативного высказывания достигается за счет применения приема смыслового развития и повышения степени экспрессивности. Маркеры конфессивного акта исходного выражения ***I confess, but never pay dividends*** подразумевают противительную связь компонентов «признание» и «оправдание», которое характерно для архетипической оппозиции в американском ценностно-ориентационном пространстве. В русской лингвокультуре концептуализированное понятие «признание» не подразумевает элемента «оправдание», его более высокая степень – это концепт ПОКАЯНИЕ, который может выступать в качестве контекстуального соответствия как семантическое развитие контроверзных отношений. Лексемы, эксплицирующие самоуничижение, реализуют значимые в концептуально-валерной системе американского сообщества экстериорное осуждение ***convicted*** и неизбежность наказания ***got my instant karma***, в целевом тексте они приобретают компоненты внутреннего «духовного самоистязания» и содержат ноэмы «ад», которые имманентно присутствуют в вербализаторе ***испепелен***. Таким образом расширение эмотивно-экспрессивного фона перформативного акта признания сохраняет необходимый перлокутивный эффект.

В высказываниях основанных на сочетании манифестации и бравады наиболее часто используется прямое провозглашение самого себя доминантным актантом в ситуации семиозиса. Например, *“****I’m chief****,” said Ralph tremulously. “And what about* ***the fire****? And* ***I’ve got the conch*** *-”* [9, p.131]. – ***Я главный****, – дрожащим голосом сказал Ральф. – И как же* ***костер****?* ***И у меня рог****…* (перевод Е. Суриц). В данном примере эксплицитное декларирование главенства ***I’m chief***, которое несмотря на описание, следующее в дальнейшем горизонтальном контексте и указывающее на скрытую неуверенность данном перформативном акте, вызывает у реципиента убежденность в аргументированности высказывания. Подобное подкрепления манифистирующей перформативности достигается благодаря упоминанию о наличии некоего символа власти, в данном случае это используемая в широком контексте бравады амфиболия лексемы ***conch***, которая кроме простого уточнения некоего артефакта «раковина молюска» имеет и значение образованное в рамках метонимического переноса – «власть», «порядок», ведь раковина выстраивается в строго определенном алгоритме наслоения кальция в форме спирали.

Трансляция данного символического вербализатора в русскую лингвокультуру осложнена отсутствием системных соответствий данных значений в переводящем языке. Для обеспечения трансляции данных обертонов в целевом тексте применяется контекстуальное соответствие, базирующееся на метафорическом переносе функционала артефакта, который используется в качестве духового инструмента для подачи сигналов. В русском языке подобный инструмент называется «рог», кроме того при применении данной трансформации сохраняется экспликация формы предмета, но что более важно создаются ассоциативные обертоны к понятию «сигнальный рожок», а также интенсификация аллюзивных смыслов с символическим и мифологическим «рогом Хеймдаля» как атрибутом власти и упорядочивания мира.

Следует указать и на контекстуальное соответствие ***костер***, произведенное на основе сужения семантики вербализатора ***fire***, которое в широком контексте может рассматриваться в качестве аллюзивной отсылки к мифологическим мотивам (миф о Прометее, принесшем огонь людям). Таким образом главенствующее положение героя подкрепляется не

только наличием символов власти, но и декларированием заслуженного пиетета и подчеркиванием легитимности собственных притязаний в форме вопроса-напоминания *как же* ***костер****?* При использовании такой хеджированной формы манифестации усиливается степень доступа к управлению развитием дискурса, поскольку расширяются валентностные возможности высказывания связанные с необходимостью контркоммуникантов каким-то образом реагировать на вопросную форму, причем в рамках той тематики, которая задается продуцентом.

В рамках подобной манифестационно-бравадной экспликации производится легитимизации доминирующего положения продуцента как в рефлексивном, так и в реальном действии, а контроверз перформативности персонажной речи с эмотивно-демонстрационным содержанием слов автора производит необходимый перлокутивный эффект, который сохраняется в целевом тексте. Контроверзные обертоны представляются доминантными в любой коммуникативной практике, ведь несовпадение либо рефлексивных пространств, либо средств вербализации и порождает коммуникацию. Так В. А. Лукин считает, что отсутствие противоречий и наличие полного согласия в действиях до его коммуникативного достижения представляет собой определенный вид коммуникативной дисфункциональности – отсутствие коммуникации вообще [6, с. 95].

В процессе реализации субъект-объектного вектора вербального взаимодействия четко усматривается лимитирующая роль объектной составляющей. При ограничении доминирующей роли субъекта наиболее частотной является устанавливающая стратегия, которая обеспечивается рядом комиссивных приемов, основанных как на самоограничениях (акты клятвы, обещания, мольбы), так и на хеджированном ограничении с совместной ответственностью за перформативное высказывание (акты спора, пари, коммитативного действия). Каждое ограничение и снижение степени доступа к управлению дискурсом является несвойственным для узуального концептуально-валерного пространства потенциального манипулирования, однако, в персонально-ориентированном дискурсе имеет достаточно распространение ввиду объективной необходимости принятия на себя каких-либо обязательств. ***I beg you…*** *How can you blame me, everything* ***depends not only on me but many things to attend****…* ***Don't you think I'm Almighty!*** [8, p. 211]. – ***Я Вас умоляю****… Какие претензии Вы можете мне предъявлять, ведь выполнение моего обещания* ***зависит не только от моего желания****,.. тут миллион факторов… Я же не Господь Бог!* (перевод автора – *О.К.*). В данном случае ограничительный акт мольбы ***I beg you…*** эксплицирует преуменьшение собственной значимости и имплицирует трансфер доминирующей роли неким третьим силам ***many things to attend***. При этом уточним, что снижение степени доступа или же передача коммуникативной роли субъекта, управляющего коммуникацией, не происходит. Охранительные тактики (хеджирования, передачи ответственности, ссылки на непререкаемые авторитеты ***Don't you think I'm Almighty!***) поддерживают продуцента в его актуализированной роли.

Трансляция маркеров лимитации в данном высказывании не вызывает затруднений, однако для сохранения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта необходимо применяется коррекция на основе социокультурной прагматической верификации. Так в целевом тексте применяется комплексная трансформация с гиперболой ***тут миллион факторов***, повышающая экспрессивность исходного выражения ***many things to attend***, для создания повышенного эмотивного фона контекстуального противопоставления понятий «обещание» и «мольба». Контекстуальное соответствие вербализатору ***Almighty***, который призван эксплицировать коммитативную ответственность и ссылку на непререкаемый авторитет, принимает форму характерную для русской лингвокультуры ***Господь Бог***. Таким образом с помощью более экспрессивных культурных концептов достигается сохранение перлокутивного эффекта.

Манифестирующая перформативность в персонально-ориентированном взаимодействии реализуется в амфиболической нисходяще-восходящей триаде «субъект – объект – субъект». При этом нисходящий вектор характеризуется объективацией супрадоминирующего характера субъекта, т.е. принимает форму директивных коммуникативных актов, не требующих аргументации и принимаемых на веру: приказов, запретов и т.п. Кроме того существует возможность интенсификации компонентов авторитетного мнения в сходных коммуникативных действиях, осложненных самопрезентацией продуцента в качестве эксперта: совет, предупреждение, разрешение и т.д. Подтверждение субъектом-продуцентом) соподчиненного статуса субъекта-реципиента основывается на факторе ассертивности или хеджирования коммуникативных последствий со стороны реципиента.

Обратим внимание на снижение степени доминирования при осложненных экспертными компонентами директивных актах, однако, невозможности её полного элиминирования в предупреждениях и советах. Происходит компенсация актуальной роли определяющего ход развития коммуникации субъекта за счет актуализации авторитетного (экспертного) мнения говорящего. *Kevin,* ***standing akimbo and his lower lip pushed out****, insisted on that outcome in court: "Well,* ***fuck the old asshole, I'll do what I've said anyway****! As a partner, I'm within my full right to never bring it to him! What does he have to put up against me, except his* ***longer membership in the Panel****? And* ***I don't care a spit*** *about his senior age!"*

Rosenfeld, sinking even deeper into his leather chair and ***taking a drag on his Havana cigar, retorted calmly****: "****My boy, you're wrong here****. Of course, I don't know much about all the things you have with him,* ***but given my status****,* ***here's my advice to you*** *–* ***don't you piss against the wind****!"* [8, p. 327]. – *Кевин* ***подбоченившись и выпятив нижнюю губу*** *настаивал на таком исходе в суде – Ну и* ***черт с этим старым ослом, я сделаю так, как сказал****! Я как партнер вполне могу позволить себе не ставить его в известность! Что он сможет мне противопоставить, разве что* ***более длительное членство в коллегии****. Да и с почтенным его возрастом* ***я мириться не намерен****! – Розенфельд, погрузившись ещё глубже в свое кожаное кресло и* ***затянувшись «Гаваной»****,* ***спокойно парировал*** *–* ***Мальчик мой****,* ***ты не прав****, я, конечно, не специалист в Ваших с*

ним делах, но ***с высоты своего положения не советую*** *Вам «****ссать против ветра****»!* (перевод автора – *О.К.*). В данном пассаже молодой адвокат стремиться нивелировать превосходство своего коллеги с рамках стратегии дискредитации, которая приобретает форму инвективных директивных высказываний ***fuck the old asshole***. При этом манифестируется собственное доминирующее положение на основе переосмысления и девальвации преимуществ оппонента ***longer membership in the Panel***, которое имманентно содержит в себе собственное возвышение (принадлежность к гильдии в столь молодом возрасте). Выступающий в данном споре третичный агент коммуникации (старший коллега) в качестве объектно-ситуативного компонента опосредует полную элиминацию доминирующего положения объекта коммуникации, подкрепляя свой совет аргументом к пафосу ***given my status***, которое укрепляется формой снисходительного обращения – ***My boy*** и использованием обсценного устойчивого выражения *«****piss against the wind****»*. Следует подчеркнуть несвойственность английской лингвокультуре прямой дискредитации контркоммуниканта в отличие от русской, где нет табуирования непосредственного обличения [5, p. 142] именно поэтому вариант ***I would disagree*** будет обладать тем же функционально-прагматическим потенциалом, что и синонимичная конструкция со сменой активного субъекта ***ты не прав***. Степень несогласия эксплицируется на лексическом уровне компонентом ***completely***, который опускается в целевом тексте с целью сохранения степени экспрессии, ведь конструкция прямого обличения «ложности» мнения оппонента не нуждается в дополнительном усилении.

Трансляция обертонов экспертного суждения в этом примере осуществляется благодаря поиску эквивалентного соответствия в фразеологизму в переводящем языке ***«ссать против ветра»***. Кроме того кинемы, описывающие невербальное поведение контркоммуниканта, в отличие от бравурного поведения Кевина, репрезентируют внутреннее спокойствие и переводятся в рамках снижения степени психо-эмоционального напряжения ***затянувшись «Гаваной», спокойно парировал***, а открытая апелляция к собственному авторитету оставляет за ним возможность приоритетного доступа к управлению коммуникацией *Кевин сник...* Языковая реализация тактики оспаривания в стратегии манифестации и в оригинальном и в целевом тексте осуществляется за счет применения приемов дискредитации субъекта и объекта коммуникации в экспозитивных высказываниях.

Однако возможно применение тактики субъектного самопозиционирования осложненного недоминирующим пространством делегирования актуальной роли. Подобные способы применяются в условиях восходящего вектора опосредованной субъект-субъектной коммуникации, т.е. соподчиненное положение эксплицируется посредством апеллятивов и реквестивов (молитва, просьба о помощи). Данные речевые акты позволяют реализовать коммуникативное первенство в условиях субъект-субъектной асимметрии и прогнозировать дальнейшие коммуникативные действия реципиента на основе реактивного взаимодействия.

– As a ***small fry****, of course, I* ***can't*** *handle this game. You, however, are an old hand on things like that ... I can't even imagine anything that can ever keep you from dumping this ballast. As for me, though, I* ***swear*** *I will collect all the information.* ***I'm begging you****… but it's only* ***for God's sake****! There is nothing else I can offer. Noting but my infinite gratitude and utter support!* [8, p. 324]. *– Я как* ***мелкая сошка****, конечно,* ***не могу*** *разыграть эту партию. Но ведь Вы то собаку на таких делах съели… Что Вам то мешает сбросить этот балласт, а я со своей стороны* ***клянусь*** *собрать всю информацию.* ***Прошу Вас****,.. но только* ***за ради Бога****! – больше то мне нечем Вас одарить, только своей бесконечной признательностью и всемерной поддержкой!* (перевод автора – *О.К.*)/

В случае интенциональной реализации соподчиненного положения инсталляционные перформативы сопровождаются реквестивами и инъюнктивами семантика которых не зависит от ситуации семиозиса. Данные формы представляются универсальными для большинства лингвокультур и описывают стандартную когнитивную ситуацию осознания «собственной беспомощности».

В вышеприведенном примере недоминирующее положение манифестируется в вербализаторе ***small fry*** как одна из ключевых манипулятивных стратегий модального подпространства невозможности совершения действия ***can't***. Кроме того описываемая ситуация в аспекте поддержания степени доступа к управлению дискурсом осложняется прямой просьбой о помощи в форме реквестива ***I'm begging you*** и виндиктива *I* ***swear***. Особенностями речевого акта клятвы становятся компоненты обещания некоторых феноменов рефлексивной или объективной реальности, обладание которыми не входит в систему влияния субъекта речи.

Экспликаторные и функциональные потенции реквестивов и виндиктивов имеют универсальный характер в большинстве языков, а потому трансляционная специфика данных актов в перформативном высказывании детерминируется лишь степенью эксплицируемого соподчинения (просьба, мольба или обещание, клятва). Таким образом, перекодирование подобных коммуникативных действий не вызывает сложностей, – все они имеют эквивалентные соответствия в рассматриваемых языковых системах, а минимальные «отличия в экстралингвистическом опыте и речеповеденческих привычках, основанных на ндивидуально-личностных характеристиках» [7, с. 104] не несут диссоциативных функций.

Гораздо более сложной для передачи заложенного в оригинале перлокутивного эффекта при переводе обладают тактики консалидационного/конфронтационного позиционирования. Акты похвалы, как и другие комплиментаторы, вне зависимости от их верификации на основе критерия истинности/ложности, призваны объединить аксиологические пространства контркоммуникантов, ввести персональные характеристики описываемого объекта в консонантные отношения. Тактика конфронтационного позиционирования наоборот в дисфункциональных актах угрозы, упрека, оскорбления формирует пространство диссонанса аксиологических компонентов продуцента и реципиента. Каждая из тактик является вариативной и детерминируется в терминах ассерции и хеджирования с позитивным или негативным ассоциированием. В случае узуального использования в бытовой коммуникации данные тактики не

несут в себе инсталляционной перформативности (комплимент супругу или другу не оценивается как коммуникативно-перформативное действие, т.е. не несет манипулятивного задания). В то же время истинно или ложно верифицируемый комплимент в деловых переговорах или общении коллег, реализующих разностатусные актуализированные роли создает прецедент поступка при положительной верификации и проступка при отрицательной верификации (подхалимство, лицемерие, угодничество). Ментальная специфика аксиологического варьирования «позволяет установить соотношение между осознанием действительности и конкретными языковыми формами» [1, с. 31].

Коммуникативные акты, опредмечивающие соподчинение в рамках тактики консолидационного/конфронтационного позиционирования проявляют свою дуальность в вариативности нисходящих и восходящих векторов субъектно-субъектной асимметрии [4, с. 118], поскольку основой избрания того или иного из них служит не только иерархия актуальных ролей, но и тип аксиологической интерпретации. Сохранение поверхностной структуры при переводе данного типа высказываний часто меняется на противоположный, т.е. антонимический перевод является наиболее эффективным в аспекте сохранения перлокутивного эффекта.

Таким образом, в перформативных высказываниях инсталляционного типа в рамках реализации преимущественно двухвекторной интерпретации (ситуативно-объектно опосредованной субъект-субъектной и субъект-объектной) происходит константная смена доминантных позиций субъекта-продуцента и субъекта-реципиента. Осуществляемая смена верификационных кодов обеспечивает сохранение степени доступа к управлению векторами развития дискурса и создает ассертивно-хеджированное пространство, позволяющее как нести полную степень ответственности за свершенный коммуникативно-деятельностный акт, так и перенести её на контркоммуниканта или третью силу. Доминирующий субъект реализуется в тактиках манифестации, конфессивности и бравады, в то время как соподчиненное пространство обеспечивается апеллятивными и реквестивными актами на основе тактики консолидационного/конфронтационного позиционирования. В процессе трансляции адекватного перлокутивного эффекта инсталляционной перформативности необходимо придерживаться стратегии динамической эквивалентности с привлечением постпереводческой коррекции на основе прагматической верификации, а также аддикции или девальвации экспрессивных компонентов исходного перформатива.

Литература

1. Бредихин С. Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №3 – 1 (21). С.29–33.
2. Бредихин С. Н., Банман П. П. Вербализация категории перформативности в предписывающих конструкциях конвенционализирующего текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №1. С.120–127.
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И. Способы экспликации степени доступа к управлению институциональным дискурсом посредством устойчивых выражений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6 – 2(72). С.78–81.
4. Бредихин С. Н., Серебрякова С. В. Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С.114–121.
5. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С.118–157.
6. Лукин В. А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсивные стратегии, текстовые свойства // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С.91–109.
7. Князева О. В. Специфика трансляции коннотативных смыслов окказиональных терминов (на материале текстов английской философской аналитики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6 – 2 (72). С.103–105.
8. Bilal P. The Ghost Runner: A Makana Investigation. London: Bloomsbury, 2015. 432 p.
9. Golding W. Lord of the Flies. London: Faber and Faber, 1997. 240 p.

References

1. Bredikhin S. N. Lingvokul'turologicheskiy aspekt smysloporozhdenniya na grammaticheskom urovne (*Linguocultural aspect of sense creation on grammatical level*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 3-1(21). P. 29–33 (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Verbalizatsiya kategorii performativnosti v predpisyvayushhikh konstruktsiyakh konventsionaliziruyushhego teksta *(Performativity category verbalization in prescriptive constructions of a conventionalizing tex*t) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2020. No. 1. P. 120–127 (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Bredikhina Yu. I. Sposoby eksplikatsii stepeni dostupa k upravleniyu institutsional'nym diskursom posredstvom ustoichivyh vyrazheniy *(The methods of explication of the level of access to the management of institutional discourse by means of set expressions)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 6–2 (72). P.78–81 (In Russian).
4. Bredikhin S. N., Serebriakova S. V. Sub"ektno-ob"ektnaya asimmetriya pri raspoznavanii rechi (*Subject-object asymmetry in speech recognition*) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki *(Issues of cognitive linguistics*). 2016. No. 4 (49). S.114–121 (In Russian).
5. Wierzbicka A., Goddard C. Discurs I kul'ture (*Discourse and culture*) // Zhanry rechi (*Speech genres*). Saratov: College, 2002. Issue. 3. P.118–157 (In Russian).
6. Lukin V. A. Protivorechie I soglasie: yasykovyye kontsepty, diskursivnyye strategii, tekstovyye svoystva (*Contradiction and harmony: language concepts, discourse strategies, textual peculiarities*) // Voprosy Jazykoznanija (*Topics in the study of language*). 2003. No.4. P.91–109 (In Russian).
7. Knyazeva O. V. Spetsifika translyatsii konnotativnykh smyslov okkazional'nykh terminov (na materiale tekstov anglijskoj filosofskoj analitiki) (*Specifics of transferring connotational meanings of occasional terms (by the material of the english philosophical analytics*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No.6–2 (72). P.103–105. (In Russian).
8. Bilal P. The Ghost Runner: A Makana Investigation. London: Bloomsbury, 2015. 432 p.
9. Golding W. Lord of the Flies. London: Faber and Faber, 1997. 240 p.

Сведения об авторах

Князева Оксана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ksushenka124 @mail.ru

Болдырева Валерия Андреевна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / valeryboldyreva@yandex.ru

Information about authors:

Kniazeva Oksana – PhD in philology, Associate Professor, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ksushenka124@mail.ru

Boldyreva Valeriia – postgraduate student, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / valeryboldyreva@yandex.ru

УДК 811

С. Д. Краснокутская, В. П. Ходус

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЯРНОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО» И «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»

Статья посвящена актуальной для современной лингвистики проблеме изучения категории текстового пространства. В последнее десятилетие, в ходе междисциплинарных исследований, проведенных в когнитивной и антропологической лингвистике, изменилось понимание о семантической организации художественного текста. Текст в окончательно сформированном виде предполагает особую материальную протяженность, последовательно связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, производящих семантическое, но конкретнее – семиотическое пространство. Категория пространства в тексте воспринимается в совокупности линейно расположенных знаков как комплекс смыслов. При такой трактовке текст рассматривается как «ментальное образование, ментальное пространство, имеющее определенную специфику», осознание «пространства текста» позволяет лингвистам представить текст как целостную систему, в которой обнаруживаются структурные связи, способные помочь в ходе понимания смыслов, заложенных в тексте. Таким образом, в современном исследовании необходимо изучать текст, опираясь на его пространственно-временное существование, потому что «текст закрепляется в письменном виде и воспринимается посредством зрения как пространственный феномен».

Для объективного языкового выражения категории ментального пространства в тексте, существует определенный набор лексических единиц и грамматических средств, с помощью которых автор создает перед читателем континуум произведения. В статье перечислены основные языковые средства выражения пространственной категории, анализ которых может привести к сути произведения и выделить его континуум. Актуальность исследования категории ментального пространства в тексте классического русского писателя заключается в поиске изображения бытия писателем, в способности синтеза национального сознания и картины мира автора путем исследования языковых средств выражения пространственных категорий и способов их представления в художественном тексте. Таким образом, категория пространства в художественном тексте дает возможность выявить характерные черты индивидуальной картины мира автора.

В статье показываются языковые особенности организации категории этноментального пространства, полярной модели мира в повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место». Топос «проклятое место» – промежуточная точка между реальным и ирреальным пространством.

Ключевые слова: пространство, категория пространства, Н. В. Гоголь, «Заколдованное место», этноментальное пространство.

Svetlana Krasnokutskaya, Viacheslav Khodus

LANGUAGE FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE POLAR MODEL OF THE WORLD IN N. V. GOGOL'S STORIES “THE ENCHANTED PLACE” AND "EVENING ON THE EVE OF IVAN KUPALA"

The article is devoted to the problem of studying the category of text space, which is relevant for modern linguistics. In the last decade, interdisciplinary research conducted in cognitive and anthropological linguistics has changed the understanding of the semantic organization of a literary text. The text in its final form assumes a special material extension, sequentially connected sentences and super – phrasal units that produce semantic, but more specifically, semiotic space. The category of space in the text is perceived as a set of linear signs as a complex of meanings. With this interpretation, the text is considered as "a mental formation, a mental space that has a certain specificity". awareness of the "space of the text" allows linguists to present the text as an integral system in which structural connections are found that can help in the course of understanding the meanings inherent in the text. Thus, in modern research, it is necessary to study the text based on its spatio-temporal existence, because "the text is fixed in writing and is perceived through vision as a spatial phenomenon".

For an objective linguistic expression of the category of mental space in the text, there is a certain set of lexical units and grammatical means by which the author creates a continuum of the work in front of the reader. The article lists the main linguistic means of expressing a spatial category, the analysis of which can lead to the essence of the work and highlight its continuum. The relevance of the study of the category of mental space in the text of a classical Russian writer lies in the search for an image of being a writer, in the ability to synthesize the national consciousness and the author's worldview by studying the language means of expressing spatial categories and ways to represent them in a literary text. Thus, the category of space in a literary text makes it possible to identify the characteristic features of the author's individual picture of the world.

The article shows the linguistic features of the organization of the category of ethnomental space, the polar model of the world in the story of N. V. Gogol "the Enchanted place". The topos "cursed place" is an intermediate point between real and unreal space.

Key words: space, category of space, N.V. Gogol, "Enchanted place", language features.

Повесть Н. В. Гоголя «Заколдованное место» относится к ранним произведениям писателя и является завершающей (четвертой) цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», опубликована в 1832 г. Рукописи произведения не сохранилось, поэтому невозможно установить время работы Н. В. Гоголя над ним. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» ключевую роль играет пространственно-временной континуум, обеспечивающий целостность цикла. Уже в самом названии произведения задействованы пространственно-временные координаты. При этом, время неизменно – это ночь: перед Рождеством, накануне Ивана Купала и т.д. Номинация многих произведений Н. В. Гоголя имеет пространственное значение, «Заколдованное место» не является исключением и представляет особую ценность для исследователей языковых особенностей организации пространства в текстах Н. В. Гоголя.

Пространство, представленное в тексте Н. В. Гоголя, реально (по классификации Н. А. Николиной): баштан (поле, бахча), курень (дом), дорога. Ландшафт равнинный: «по всему гладкому месту» [3, с. 133]. В тексте присутствует упоминание конкретного географического пространства – топос Крым, куда отправляется батько (отец) чумаковать (торговать), оставив домочадцев. Пространство баштана имеет границы, но не отрезано от мира, его окружают хутора, по дороге едут возы, идут прохожие. Образ неограниченного пространства создается путем перечисления количества ежедневно проезжающих чумаков: «…чумаков каждый день возов пятьдесят проедет» [3, с. 132]. В этом обыденном пространстве обнаруживается зона, которую на современном языке назвали бы аномальной, а рассказчик называет проклятым местом: «…пошел вывертывать ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами» [3, с. 133]. Этот локус имеет конкретные, отмеченные в пространстве границы – земля в этом месте гладкая. Герой повести может «вытанцовывать» до определенной черты, середины участка, за которой он уже не властен ни над собой, ни над пространством вокруг: «Только что дошел, однако ж, до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, – не подымаются ноги, да и только! Разогнался снова, дошел до середины – не берет! что хочь делай: не берет, да и не берет! ноги как деревянные стали!». При пересечении границы герой попадает в зону, где время и пространство искажаются: «Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам – гладкое поле» [3, с. 133]. Пространство становится безграничным, лексема «поле» в словаре В. И. Даля имеет толкование – простор, обширная равнина. Место герою кажется одновременно знакомым и незнакомым, реальность стирает границы и ориентиры: «Начал прищуривать глаза – место, кажись, не совсем незнакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь далеко в небе. Что за пропасть! да это голубятня, что у попа в огороде! С другой стороны тоже что-то сереет; вгляделся: гумно волостного писаря» [3, с. 133]. При этом, в реальном мире художественного текста описание этих, знакомых мест иное: «Вышел и на поле – место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подалее; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал итти другою дорогою – гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне – гумно спряталось. Побежал снова к гумну – голубятня пропала; к голубятне – гумно пропало» [3, с. 134]. Наблюдается несоответствие пространственных объектов: широкое пространство в реальном мире сужается в ирреальном. Это необычное изменение обыденного пространства герой повести приписал нечистой силе: «Вишь, дьявольское место! <…> Вот куда затащила нечистая сила!» [3, с. 133].

Покинуть ирреальное пространство герою удается «Поколесивши кругом, наткнулся он на дорожку» [3, с. 133]. Колесить – побродить, кругом – совершив круговое движение, описав круг, герой повести находит дорожку. Пространственным ориентиром, границей ирреального пространства является «попова левада»: «что это попова левада? Вот и плетень его! теперь и версты нет до баштана» [3, с 134]. Лексема «левада» в толковом словаре имеет следующее значение: огороженный или окопанный луг или пастбище.

Поп – православный священник. «<…> как добежал до попова огорода, тогда только перевел немного дух» [3, с. 135]. Таким образом, территориальные владения православного священника в реальном пространстве художественного текста являются своеобразными воротами, границей, зоной выхода из суггестивного влияния ирреального пространства.

Итак, «заколдованное место» – это пространство, закрытое, но проницаемое. При пересечении границы и проникновении в него пространство деформируется, представляет опасность для «чужого», но при этом не оказывает физического воздействия, не приносит значительного урона. Атмосфера страха достигается эффектом повторения синтаксических конструкций – эхом произнесенных фраз. Существа, населяющие это место, представлены в тексте фрагментарно: птичий нос, баранья голова, рыло медведя. Употребление сочетания медвежье рыло в этом тексте уникально, в художественной литературе встречается устоявшееся – свиное рыло.

«– А, голубчик, вот где ты! – вскрикнул дед, подсовывая под него заступ.

– А, голубчик, вот где ты! – запищал птичий нос, клюнувши котел.

Посторонился дед и выпустил заступ.

– А, голубчик, вот где ты! – заблеяла баранья голова с верхушки дерева.

– А, голубчик, вот где ты! – заревел медведь, высунувши из-за дерева свое рыло» [3, с. 135].

Неодушевленные предметы наделяются свойствами, присущими живым существам, для создания атмосферы опасности используется прием персонификации: «чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза; ноздри раздулись, нос поморщился и вот так и собирается чихнуть» [3, с. 135].

Атмосфера страха в тексте создается также благодаря сочетанию разнообразных лексических средств и приемов экспрессивного синтаксиса, таких как сравнительные конструкции, атрибутивные словосочетания, умолчание и повторы: «И чудится деду, что из-за нее мигает какая-то харя: у! у! нос — как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей-Богу, как две колоды! красные очи выкатились наверх, и еще и язык высунула и дразнит!» [3, с. 135]. Пространство, данное в восприятии персонажа, характеризуется обратимостью пространственных элементов и особой точкой зрения на него: «Боже ты мой, какая ночь! ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него!» [3, с. 135]. Предлоги и лексемы, обладающие пространственной семантикой, находясь в одной синтаксеме, одновременно расширяют и сужают пространство, создают ощущение нереальности происходящего.

Семиотическая оппозиция «верх – низ» в данном контексте членит пространство не только по вертикали, но и по горизонтали. В этом пространстве царит мрак, единственный источник освещения – свеча на могиле «на могилке вспыхнула свечка» [3, с. 133].

В этом пространстве примечательно и расположение могилы: вдоль дороги. Согласно Д.К. Зеленину по славянской мифологии так хоронили заложенных покойников, тех которые умерли неестественной или преждевременной смертью. Они также назывались «мертвяками» и «нечистыми». К ним причисляли умерших насильственной смертью, самоубийц, утопленников, некрещёных детей, колдунов и ведьм. По одной из версий лексема «заложные» возникла потому, что могилу закладывали камнями и ветками. В повести «Заколдованное место» могилу также накрывает большой камень «Велик проклятый камень!» [3, с. 135]. Это доказывает, что в пространстве заколдованного места ирреально все.

Разорение могил противоречит христианским традициям, а герой повести, дед Максим, как и другие персонажи Н. В. Гоголя, православный христианин. В речи главного героя частотно употребление имени божьего, как антипод темным силам: «что ни скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын!» [3, с. 136]. Совершить задуманное и найти клад, герою удается только с третьей попытки пребывания в ирреальном пространстве, в этом мы наблюдаем традицию волшебной сказки – троекратное повторение, причем в третий раз деду Максиму удается попасть в мистическое место путем особого обряда и произнесения заклинания: «”Проклятое место!» – взошел на середину, где не вытанцывалось позавчера, и ударил в сердцах заступом» [3, с. 134]. Фактически, добровольное возвращение в необъяснимое для героя пространство можно трактовать, что персонаж находится под суггестивным воздействием того самого пространства.

Троекратную интервенцию героя из реального пространства в ирреальное мы находим также в повести «Вий». Три ночи в церкви Хома Брут читает молебен над панночкой и испытывает воздействие мистического пространства. В повести «Вий» ирреальное пространства является закрытым, имеющим четкие границы, это здание церкви, в котором заперт по ночам герой, и которое так и не удается ему покинуть.

В «Заколдованном месте» герою все же удается вернуться в реальный мир, и даже принести с собой из мистического пространства клад, который оказывается призрачным. Вместо драгоценностей, дед Максим принёс домой в тяжелом котле «сор, дрязг и стыдно сказать что такое». Все усилия искателя сокровищ оказались напрасны, и более того, в конце повести он получил небольшое и отчасти комическое наказание, которое будто возвращает героя в реальность: «Вот кстати, сюда вылить помои! – сказала и вылила горячие помои <…> смешно показалось, когда седая голова деда вся была окутана в помои и обвешана корками с арбузов и дыней» [3, с. 136].

Топос «проклятого места» в данном случае играет роль чистилища – это место испытания человеческой души, точка пограничного пространства между мирами.

В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя схожую ситуацию с кладом, вынесенным героем из ирреального пространства, находим в повести «Вечер накануне Ивана Купала». Опубликована была в 1830г. под заглавием «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви», без указания имени автора. В журнальной редакции повести Н. В. Гоголь делает примечание: «В Малороссии существует поверие, что папоротник цветет только один раз в год, именно в полночь перед Ивановым днем, огненным цветом. Успевший сорвать его – несмотря на все призраки, ему препятствующие в этом, находит клад». Модель пространственно-временных отношений в данном тексте способствуют восприятию произведения как легенды. Временные рамки событий, описываемых в повести, стерты, читателю представлены сразу три временных пласта: рассказчик когда-то услышал быль, пересказанную дьячком, который, в свою очередь, услышал её, от деда, будучи ребенком, который заявлял, что эта история случилась «лет куды! более чем за сто» [3, с. 30]. События повести, о которых рассказывает дьячок, происходят на открытом пространстве, это небольшое село, бедный хутор: «избенок десять» [3, с. 30]. На этом хуторе есть своя церковь, и он расположен на неограниченном пространстве, поле, находится «может, не дальше ста шагов от Диканьки» [3, с. 30], но это эфемерное пространство: «села этого теперь и следу нет» [3, с. 30]. В этом селении обнаруживается пространственная демоническая вертикаль, Басаврюк «или, лучше, дьявол в человеческом образе» [3, с.30] появляется из ниоткуда и бесследно исчезает: «гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь снова будто с неба упал» [3, с. 30]. Таким образом, выходец из ирреального пространства деформирует бытовое пространства села. В литературе по славянской мифологии имя Басаврюка не упоминается. Не встречается также ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, ни в этимологических словарях украинского и русского языков, однако в украинском языке встречается слово «босоркун», означающее «упырь». Это существо, объединяющее в себе человеческое и демоническое естество. В 1-й редакции повести он имел говорящее прозвище Бисаврюк – «бесовский человек» [3, с. 30].

Важным пространственным элементом является шинок, который находится в отдалении от села «по Опошнянской дороге» [3, с. 37]. Этим пространством овладевает нечистая сила, оно принимает ее, трансформируется и становится ирреальным: «…мимо развалившегося шинка, который нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было» [3, с. 37]. В данном контексте сочетание «нечистое племя» означает связанное со злым духом, нечистая сила. Поправляло – владело.

В этом пространстве оказывается герой повести Петрусь: «в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене» [3, с. 32]. Заутреня – ранняя (на рассвете, до обедни) церковная служба у православных. Единство календарно-мифологического времени – ночь накануне Ивана Купала и ирреального пространства приводят к трагическим событиям повести – герой заключает сделку с дьяволом и отправляется на поиски клада. Место встречи – Медвежий овраг. Микротопоним «Медвежий Угол» достаточно часто встречается в топонимии. Это фразеологизм, означающий «захолустное» место в старой России. Данное наименование прослеживается в памятниках письменности в течение XVI–XVIII вв. В середине

XIX в. в «Списке населённых мест Российской империи» оно уже не упоминается, однако устойчиво закрепилось в народной памяти. Н. В. Гоголь использует лексему «овраг», вместо «угол». Топоним Медвежий овраг существует и в современно России, историческая часть Ярославля. По преданиям, это место называлось Медвежья Яма, и были там дикие селения. Князь Ярослав Мудрый предложил им отдать территорию, но поселенцы, отказав, выпустили на князя медведя. Если не соотносить указанное пространство с реальным географическим, то сочетание Медвежий овраг имеет следующее толкование: овраг – глубокая длинная с крутыми склонами впадина на поверхности земли. Глухая, безлюдная, местность, в непроходимом лесу, такое место, которое выбирают медведи для своего обитания. Локация ниже поверхности земли среди леса: «…бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом» [3, с. 33]. Лес в восточнославянской мифологии – это среда дикая, враждебная, противопоставляется человеческому жилью.

Как и в повести «Заколдованное место» локация ирреального пространства ровная, но в данном тексте расположена среди непроходимой местности: «пробирались они по топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу. Вот и ровное место» [3, с. 33]. Пространство деформируется, когда наступает полночь: «Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место». Атмосфера страха создается трансформацией пространственных объектов, динамичное пространство сменяет статичное: «Все утихло <…> Вокруг не шелохнет» [3, с. 33]. Реально видимое сливается с воображаемым: «…показался сидящим Басаврюк <…> почудилось ему, будто трава зашумела <…> показалась избушка, как говорится, на курьих ножках» [3, с. 33, 34]. Лексемы «чудится, кажется» и уточняющая конструкция «как говорится» подчеркивают ирреальность происходящего.

В повести «Заколдованное место» ознаменованием места, где хранится клад, была свеча, то в «Ночь накануне Ивана Купала» цветок, который не без помощи мистических сил стал огненным шаром, среди мрака, и указал герою локус, где под землей лежит сундук с золотом: «Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем» [3, с. 34].

По восточно-славянской мифологии, «на Ивана Купалу... Перун выступал на битву с демоном-иссушителем, останавливающим колесницу Солнца на небесной высоте, разбивал его облачные скалы, отверзал скрытые в них сокровища», и потому ночной «молниеносный цвет Перуна» (цветок папоротника), в частности, «обнаруживает подземные клады <...>. Кто владеет чудесным цветком, тот видит всё, что кроется в недрах земли», а нечистые силы хотят захватить цветок, ибо его владелец «становится вещим человеком, знает прошедшее, настоящее и будущее, угадывает чужие мысли и понимает разговоры растений, птиц, гадов и зверей».

Герой находится под суггестивным действием пространства. Когда Петрусь, увидев богатства под землей, совершил кровопролитие пространство снова деформировалось: «Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним <…> Все пошло кругом в голове его <…> Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах» [3, с. 34].

Петрусь покидает ирреальное пространство и возвращается в реальность спустя трое суток после Купальской ночи. Проснувшись, обнаруживает мешки с золотом, память частично стерта: «…будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять» [3, с. 34]. Частичная потеря памяти и золото из потустороннего мира в физическом свидетельствуют о том, что ирреальное пространство продолжает влиять на героя повести: «Отчего, что с ним сделалось, Бог знает. Сидит на одном месте, и хоть бы слово с кем <…> как будто прикованный, сидит посереди хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом» [3, с. 35,36]. Пространство дома замкнутое, и время для героя замкнулось на июльской ночи. Спустя год, в вечер накануне Ивана Купала Пидорка, жена Ивася приводит колдунью из Медвежьего оврага в дом, и Петрусь гибнет под влиянием мистического: «Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар» [3, с. 36,37]. Вместе с героем пропадают и мешки с золотом: «одни битые черепки лежали вместо червонцев» [3, с. 37]. Участь клада из ирреального пространства такая же, как и в повести «Заколдованное место», однако в «Заколдованном месте» герою удается выйти из-под суггестивного влияния ирреального. В конце повести дед Максим проводит материальную границу у «проклятого места» в виде плетеного забора: ««Проклятое место» загородил плетнем, велел кидать все, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана. <...> Земля славная! И урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго...» [3, с. 136]. Влияния на бытовое пространство «проклятое место» само по себе не несет, кроме того, что в этом локусе неплодородная земля. В текстовом пространстве реальный и потусторонний мир взаимодействуют между собой в границах топоса заколдованного места.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» наблюдается циклизация событий. Басаврюк появляется на хуторе в день гибели Петруся, и снова принялся «играть» с пространством: «Вот и померещилось, – еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, – что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих» [3, с. 37]. Пидорка, которая косвенно испытала влияние мистического пространства, покидает хутор, обращается к церкви: «приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки по всем приметам узнали Пидорку». Здесь мы наблюдаем аналогию с текстом «Заколдованное место», где покинуть ирреальное можно только через служение богу.

В конце повести рассказчик подчеркивает, что все мистические события остались в прошлом: «Теперь на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно» [3, с. 37].

Единение ирреального, фантастического и реального, бытового пространства играет важную роль в построении повести. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» ирреальное связано с мистическими персонажами из потустороннего мира (сатана, ведьма, призрак), превращениями (человека в животное, золота в черепки), сказочных образов (баба Яга, избушка на курьих ножках). Если говорить об этноментальном пространстве текста, то в данной повести естественно соседствуют христианское и языческое, историческое и вымышленное, реальное географическое пространство и художественное.

В повести «Заколдованное место» разрушается полярная модель мира, взаимодействуют реальное и ирреальное пространства. Заколдованное место является центром, а остальной мир располагается как бы вокруг этого локуса.

В исследуемых повестях пространство «проклятого места» является пограничным и принимает на себя функции главенствующего.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2004. 496 с.
2. Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография М.: Эдиториал, УРСС, 2008. 248 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Альфа-книга», 2017. С. 65 – 389.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. Даль. - Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. М.: Цитадель, 1998.
5. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. 432 с.
6. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: УРСС, 2002. 367 с.
7. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С.87–94.
8. Черкашина Е. В., Чумак-Жунь И. И. Языковые механизмы создания образа ирреального пространства в индивидуально-авторской картине мира (на материале ранних произведений Н. В. Гоголя) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. № 3. С.19–26.

Reference

1. Babenko L. G. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika *(Linguistic analysis of literary text. Theory and practice)*. Moscow: Flinta; Nauka publ., 2004. 496 p. (In Russian).
2. Belousov K. I. Sinergetika teksta: ot struktury k forme *(Synergetics of the text: from structure to form)*: monografija. Moscow: Jeditorial publ., 2008. 248 p. (In Russian).
3. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome *(Complete works in one volume)*. Moscow: Al'fa-kniga publ., 2017. P. 65–389. (In Russian).
4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka *(Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*: In 4 Vols. Moscow: Citadel' publ., 1998. (In Russian).
5. Zelenin D. K. Ocherki russkoj mifologii *(Essays on Russian mythology)*. Moscow: Indrik publ., 1995. 432 p. (In Russian).
6. Papina A. F. Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii *(Text: its units and global categories)*. Moscow: URSS publ., 2002. 367 p. (In Russian).
7. Prokof'eva V. Ju. Kategorija prostranstva v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy *(Category of space in artistic refraction: loci and toposes)* // Vestnik OGU. 2005. No. 11. P.87–94. (In Russian).
8. Cherkashina E. V., Chumak-Zhun' I. I. Jazykovye mehanizmy sozdanija obraza irreal'nogo prostranstva v individual'no-avtorskoj kartine mira (na materiale rannih proizvedenij N.V. Gogolja) (*Linguistic mechanisms of creating an image of an unreal space in the individual author's picture of the world (based on the early works of N.V. Gogol)* // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija «Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». 2012. No. 3. P. 19–26. (In Russian).

Сведения об авторах

Краснокутская Светлана Дмитриевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского университета (Ставрополь) / Svetlyak26rus@mail.ru

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vkhodus@ncfu.ru

Information about the authors

Krasnokutskaja Svetlana – postgraduate student, Chair of the Russian language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Svetlyak26rus@mail.ru

Khodus Viacheslav – Doctor of Philology, Chair of the Russian language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vkhodus@ncfu.ru

ДК 81.811.112

И. Н. Махова, О. А. Чуднова

СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ МАРКЕРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В данной статье анализируются основные способы трансляции лексических маркеров эмоционально-эстетической информации в рамках сохранения перлокутивного эффекта психологизированного текста. В рамках анализа предельно психологизированный мемуарно-автобиографический текст рассматривается как литературное воспоминание о событиях прошлого, созданное участником описываемых событий. В настоящее время такие произведения анализируются и в истории, и в филологии, и в психологии, и социологии в качестве важного источника сведений. Комплексный анализ расширяет информационные возможности мемуарно-автобиографических текстов, что приводит к выработке более эффективных стратегий эмотивизации целевого текста. В соответствии с целью и задачами предпринятого исследования выявлена специфика трансляции различных лексико-стилистических средств эмоционального воздействия на материале автобиографии Ф. Фенелон. Стилистически нейтральная лексика позволяет особо выделить средства эмоционального воздействия в качестве способа создания стилистической окраски. Эмоционально окрашенные слова и выражения позволяют автору оригинала и перевода описать непереносимые условия жизни заключенных в концлагере. Они помогают отвлечься от сложившейся ситуации, переводя сенсуально-соматические гетерообразы в рефлексивные автообразы, призванные настроить реципиента на восприятие текста в рамках имманентно приданной «схемы действования». При сохранении стилистического своеобразия в переводе для максимально полной передачи всех чувств и эмоций автора, наиболее эффективным является использование словарных эквивалентов, а в случае отсутствия таковых, более эффективен прием стилистической нейтрализации, для соблюдения принципа гендерной спецификации. Полученные результаты исследования способствуют расширению представления о способах эмотивизации и психологизации мемуарно-автобиографического текста и продолжению изучения и выработке базовых принципов трансляции психо-эмотивного пространства с учетом не только лингвокультурной специфики, но и адресантно-адресатной фокусности.

Ключевые слова: мемуарно-автобиографический текст, эмоционально-эстетическая информация, аксиологические обертоны смысла, психо-эмотивное пространство, трансляция, переводческие трансформации, сенсуально-соматические образы.

Irina Makhova, Olga Chudnova

SPECIFICS OF TRANSLATING EMOTIONAL AND AESTHETIC INFORMATION MARKERS

This article analyzes the major ways for translating emotional and aesthetic information lexical markers in the framework of maintaining the perlocutive effect of a psychologized text. Within the analysis, the extremely psychologized memoir-autobiographical text is viewed as a literary memory of events from the past created by a participant of the events that are described. Currently, such works are analyzed in history, in philology, as well as in psychology, and sociology as an important source of information. A comprehensive analysis expands the informational capacity of memoir-autobiographical texts, which leads to the development of more effective strategies for the emotivization of the target text. Following the aim and objectives of the undertaken research, the specifics of the translation of various lexical-stylistic means of emotional influence (based on F. Fenelon's autobiography) was revealed. Stylistically neutral vocabulary allows highlighting emotional means as a way to create a stylistic coloring. Emotionally colored words and expressions allow the author of the source and translation to describe the intolerable living conditions that prisoners had to suffer in a concentration camp, at the same time helping get distracted from from the current situation and translating sensory-somatic heteroimages into reflexive auto-images meant to set the recipient to perceiving the text within the framework of the immanently given "action scheme". While maintaining the stylistic specifics in the translation for the most complete transfer of all of the author's feelings and emotions, the most effective is the use of vocabulary equivalents, and in case they are lacking, more effective is the use of stylistic neutralization to follow the principle of gender specification. The study outcomes help broaden the understanding of the ways for emotivization and psychologization of the memoir-autobiographical text, and continue studying and developing basic principles for translation of psycho-emotive space in view of not only linguocultural specifics, yet also the speaker-recipient focus.

Key words: memoir-autobiographical text, emotional and aesthetic information, axiological overtones of the meaning, psycho-emotive space, translation, translation transformations, sensory-somatic images.

В любом языке существует огромное количество слов и словосочетаний, которые помимо их номинативного значения имеют и элемент экспрессии, чувства, эмоции. Подобные лексические единицы выражают отношение к ним говорящего к называемому им предмету, особого рода оценочность, на лексическое значение наслаивается эмоционально-экспрессивная, оценочная окраска. В последнее время усилился интерес к рассмотрению средств эмоционального воздействия с точки зрения поэтики, эстетики, коммуникативистики [6], лингвокультурологии, психолингвистики, интерпретологии [5] а также текстологической смыслодеривации [4]. Анализ выше названных средств является одной из важных как в теоретическом, так и в практическом отношении проблем, специфика их перевода продолжает оставаться предметом многочисленных исследований [3]. В сопоставительном плане данный вопрос представляет наибольшие сложности и вместе с тем является относительно мало разработанным.

Целью предпринятого исследования является анализ специфики механизмов трансляции маркеров эмоционально-эстетического воздействия в рамках сохранения перлокутивного эффекта на материале автобиографических текстов предельной психологизации Ф. Фенелон «Das Mädchenorchester in Auschwitz» (1981) [10].

Мемуарно-автобиографические тексты – это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток

личности автора. Все достоинства и недостатки мемуариста невольно переходят и на воспоминания. В противном случае мемуары безлики. Иногда в исторической литературе, в учебниках субъективность мемуаров если не оценивается открыто как недостаток, то, во всяком случае, подразумевается. «Однако иными, повторяю, мемуары быть и не могут. Их субъективность есть объективно присущее им свойство» [2, с. 36].

В предельно психологизированном тексте, который был избран нами в качестве наиболее репрезентативного в аспекте представленности маркеров эмоционально-эстетической информации, сохранение и передача данного типа аксиологических обертонов смыслового пространства текста связаны с определенной спецификой. Эстетическая функция мемуарного теста основана на эмоциональной реакции. Специфика эмоций заключается в отражении значений предметов или явлений. Эмоция, другими словами, это оценка. Сохранить экспрессивную прагматику при переводе означает достичь одинаковой реакции реципиента оригинала и перевода. Существует так называемая экспрессивно прагматическая модель перевода, следуя которой, переводчик добивается адекватного перевода. Данная модель представляется важной, поскольку экспрессивность является наряду с психикой и мышлением одним из важнейших чувственных атрибутов человека.

В мемуарно-автобиографическом тексте Ф. Фенелон присутствует эмоционально-эстетическая информация, к средствам выражения которой относятся обсценная лексика, восклицательные предложения, риторические вопросы, отражающие разные нюансы настроений, отрицательных эмоций человека.

1. Обсценная лексика, в том числе и относящаяся к социальным вариантам языка, просторечие, ругательства, табуированная лексика, жаргонизмы, профессионализмы, лексика высокого стиля, например: *Jemand schreit: «Der soll still sein, der* ***Drecksker!****»* [10, S. 20]. – *Кто-то кричит: «Пусть он замолчит,* ***сволочь****!»*. В данном предложении присутствует инвективная лексика, выступающая в качестве спонтанной реакции человека в поезде на крик ребенка. Перевод на русский язык выполнен при помощи словарных эквивалентов, что обеспечивает передачу когнитивного компонента, однако, в результате нейтрализации снижается эмотивность высказывания. При этом следует указать на оправданность снижения степени психологизации данного отрывка, ведь при сохранении максимального количества исходных аксиологем, существует риск привнесения в целевой текст неприсущих немецкоязычной лингвокультуре компонентов, которые присутствуют в русской лингвокультуре в арготизмах «козёл», «падла».

Кроме того, необходимым является следование принципу сохранения гендерной специфики экспликации эмоционально-психологического пространства, т.е. учёт, так называемого, фокуса адресанта, – автором оригинального произведения является женщина, что обусловливает нивелировку маскулинно-маркированных выражений.

2. Восклицательные предложения, в которых содержится констатация факта, передаваемая через эмоции огорчения, раздражения или злости, например: *Gott, wie das* ***stinkt****!* [10, S. 8]. – *Боже, как здесь* ***воняет****!* или *Stirb nicht!* [10, S. 7]. – *Не умирай!* При переводе восклицательных предложений передача высказывания осуществляется с помощью подбора эквивалентов, в рамках наиболее полного сохранения и адекватной передачи эмотивно-аксиологических обертонов.

3. Риторические вопросы. Автор использует риторические вопросы для того, чтобы подчеркнуть значимость утверждения, обратить внимание читателя [1, с. 271] и побудить его к восприятию информации. Приведем следующий пример: *Was für ein Höllenzug in meinem Kopf… Ist es Tag, ist es Nacht?* [10, S. 8]. – *Что за адский поезд в моей голове… День сейчас или ночь?* Риторический оборот указывает на условность вопросительной интонации, благодаря чему высказывание приобретает особый оттенок выразительности. При переводе применяется трансформация лексическое развертывание к слову *Höllenzug – адский поезд*. *Von wem sprechen sie? Wer ist tot?* [10, S. 9]. – *О ком они говорят? Кто умер?* В данном примере ярко описано эмоционально-психологическое состояние автора: Ф. Фенелон больна, она находится между жизнью и смертью, соматические и сенсуальные образы автоматически транслируются в область ментального содержания [7, с. 29]. Рефлексивное пространство также оказывается «заражённым», метущимся в неопределенности онтологии и не различающим фантомы и симулякры бредового сознания и явления объективной реальности. В ее мыслях много вопросов, некоторые из которых так и останутся без ответа, повышая тем самым психо-эмотивную нагрузку повествования. Свое состояние она описала, используя риторические обороты, чтобы акцентировать внимание читателя на важных деталях, на тех областях рефлексивного пространства, которые призваны оказывать психостимулирующий эффект на реципиента и диктующий его восприятию дальнейшего текстового пространства определенную «схему действования» [5].

В мемуарно-автобиографическом тексте Ф. Фенелон встречаются также и междометия? и релятивные конструкции, позволяющие наиболее адекватно передать внутреннее состояние автора. Междометия представляют собой спонтанные членораздельные звукосочетания, выражают чувства и эмоции. Рассмотрим примеры междометий: ***Oh****, du bringst mich zum Heulen…ich muß dich küssen* [10, S. 14]. – ***О****, ты заставляешь меня плакать…я должна тебя поцеловать.* ***Gott****, ist mir heiß* [10, S. 9]. – ***Боже****, как же жарко.* ***Mein Gott, mein Gott****!* [10, S. 9]. – ***Боже мой, боже мой!*** Трансляция междометий и релятивов в предельно психологизированных текстах зачастую не представляет собой особых сложностей, обычно в каждом языке есть словарный эквивалент, в случае отсутствия такового применяется банальная транскрипция, транслитерация.

Исследованный нами корпус примеров эмоционально-аксиологической информации, отражая конкретный фрагмент картины мира, представляет собой некое целостное образование, оказывающее сильное эмоциональное воздействие на реципиента. Именно передача этой информации вызывает определенные сложности при переводе, т.к. ее необходимо сохранить и передать как можно точнее.

Лексические средства как маркеры психо-эмоционального воздействия представлены в тексте

стилистически маркированной лексикой: книжной и возвышенной, просторечной и разговорной. В пределах книжной лексики встречаются эмоционально окрашенные слова. Одни из них дают положительную оценку тем или иным процессам, действиям, свойствам и явлениям, другие – отрицательную или неодобрительную. На основе анализа эмпирического материала выделяются следующие группы, учитывая семантику и степень эмоционально-аксиологической экспликаторности:

1. Книжная и возвышенная лексика:

а) положительно окрашенная: *Über mir, auf meinem Gesicht, ein Hauch…ein undefinierbarer Geruch, ein* ***köstlicher*** *Duft* [10, S. 8]. – *Надо мной, над моим лицом, дыхание… неуловимый запах,* ***приятный*** *аромат.* В словаре зафиксированы следующие значения слова *köstlich – изысканный, приятный*. В данном примере реализуется значение с пометой «emotional» (эмоциональная), исходя из контекста и учитывая пометы словаря [9]. В данном примере автор описала свои первые чувства при виде Ирмы Грезе, не смотря на их тяжелый переезд в Освенцим, и плохое самочувствие, она пыталась открыть глаза, чтобы увидеть, что на самом деле происходит, т.е. вывести свое восприятие из полностью рефлексивной сферы в бытийственную, «начать жить» в реальности. Стилистическое своеобразие в переводном тексте в данном случае наиболее полно сохраняется при актуализации ядерной области оценочных эпитетов.

б) отрицательно окрашенная: *Das Schreien, das* ***Jammern****, das Stöhnen der Mädchen zerreißt ihn in spitze Scherben, in Spiegelsplitterchen, die mich zerfleischen, die sich in meinen Schädel bohren* [10, S. 7]. – *Крики,* ***вопли****, стоны девушек разрывают его на острые обломки, на осколки зеркала, которые терзают меня, которые врезаются в мой череп.* В словаре зафиксированы следующие значения слова *der Jammern – вопль:* (gehoben) jemandes Mitleid erregen; jemandem im Innersten leidtun [9]. В данном примере реализуется значение с пометой «gehoben» (возвышенная), используя подобные лексические единицы, автор конкретного речевого акта показывает громкий, пронзительный крик, выражающий страх, гнев, боль с помощью контекста. При этом на второй план отходят ядерные компоненты значения «печаль», что позволяет акцентировать внимание реципиента на физических страданиях, что одновременно подкрепляется и сенсуализмами ментального пространства – *die mich zerfleischen, die sich in meinen Schädel bohren*.

Сходные экспликаторные характеристики актуализируются при применении сенсуализмов, имеющих в качестве центрального компонента медицинскую семантику: *Ist das mein* ***Urin****, der mich mal wärmt, mal schüttelt vor Kälte, oder ist es das* ***Fieber****?* [10, S. 7]. – *Это что моя* ***моча****, которая то согревает меня, то заставляет трястись от холода, или это* ***лихорадка****?* В словаре зафиксировано следующее значение слова *das Fieber – лихорадка*: (gehoben) (возвышенная) [9], используя данную лексическую единицу, автор передает свое состояние в лагере, сопровождаемое ознобом и высокой температурой. Слово «лихорадка» является специальным маркером, отождествляющим эмотивно-психологическое состояние с физическим, что акцентуируется также и использованием соматизма ***Urin***, контрастирующего с возвышенным эмоциональным фоном. При этом следует указать на общность стратегий эмфатизации и психологизации в сравниваемых текстах оригинала и перевода, что подтверждает и разделенность ядерной сферы всего психо-эмоционального пространства европейской цивилизации, – единство эпистем.

Ich singe…und vor mir, um mich herum, aus allen Teilen des Lagers kommen, an Barackenwände gestützt, sterbende ***Schatten****,* ***Skelette*** [10, S. 15]. – *Я пою…и передо мной, и вокруг меня со всех частей лагеря собираются, опираясь на стены барака, умирающие* ***тени****,* ***скелеты****.* В словаре зафиксировано следующее значение: *der Schatten – тень:* bildungssprachlich (книжная) [9], используя подобные лексические единицы, автор показывает ужас происходящего, описывая то, что от людей не осталось совершенно ничего, а одни лишь ***тени, скелеты***, вводя в рефлексивное пространство (*sterbende* ***Schatten***) вполне конкретный соматизм ***Skelette***. Хотя, с точки зрения перевода, слово *Schatten* не является эмоционально окрашенным, но благодаря его возвышенности и метафоризации в конкретном предложении, лексема является эмотивно-маркированной. В русском варианте лексема *тени* является стилистически нейтральной, что указывает на действенность даже в процессе трансляции метафорического выражения приема стилистической нейтрализации.

Für uns gilt das auf ***Gedeih*** *und* ***Verderb****!* [10, S. 31]. – *Для нас это означает* ***процветание*** *и* ***погибель****!* В словаре зафиксированы следующие значения слов *Verderb – погибель, Gedeih – процветание.* Согласно словарю данные лексемы относится к «gehoben» (возвышенной) лексике [9]. Данный пример ясно передает все реалии происходящего, осознаваемого на контрасте архетипических членов оппозиций «жизнь – смерть», «добро – зло». Что сохраняется в целевом тексте.

2. Разговорная речь – это одна из полноправных литературных разновидностей языка, а не какое-то языковое образование, стоящее, как представляется на первый взгляд, на обочине литературного языка или вообще за его пределами [8, с. 112]. Рассмотрим примеры разговорной лексики в мемуарно-автобиографическом тексте Ф. Фенелон, которая превалирует в данном произведении:

а) отношение к заключенным: *Ich werde* ***verenden*** [10, S. 7] – *Я* ***сдохну****.* В словаре зафиксированы следующие значения: *verenden – сдохнуть, подохнуть.* В данном примере реализуется значение с пометой «Jägersprache» (охотничий жаргон) [9], используя данную лексическую единицу, автор сравнивает смерть людей со смертью животных, говоря об обесценивании человеческой жизни, что позволяет нам отнести ее и к отрицательно-эмоциональной лексике. Стилистическое своеобразие в процессе трансляции не поддается передаче по причине отсутствия демаркационной линии между смертью животного и человека в русском языке, однако, использование сниженного регистра (лексема *сдохнуть*) позволяет сохранить общее впечатление нивелирования ценности человеческой жизни в лагере.

Man erzählt sich Geschichten, Witze, ***lamentiert****, winselt und weiß alles aus sicherer Quelle* [10, S. 20]. – *Рассказывают истории, анекдоты,* ***жалуются****,*

причитают и знают все из надежного источника. В словаре зафиксировано следующее значение глагола *lamentieren – жаловаться, причитать.* В данном примере реализуется первое значение с пометой «umgangssprachlich» (разговорная) и «abwertend» (уничижительная) [9]. Автор показывает, что каждый выражает свое недовольство, и это естественно, ведь они находятся в ужасных условиях. Данный пример, мы отнесли к эмотивам-номинативам, согласно классификации М. Я. Блох и Н. А. Резниковой, т. к. Слово «жалуются» вызывает негативные эмоции. В русском варианте лексема *«жаловаться»* является стилистически нейтральной, что указывает на прием стилистической нейтрализации. Однако, углубляясь в периферийные компоненты оригинальной лексемы, можно с уверенностью утверждать, что все высказывание построено на контрасте, ведь компонент «выражение недовольства» в слове *lamentieren* имеет имманентно приданный обертон «вслух», «громко», что не соответствует реалиям жизни в лагере. Таким образом «громкое выражение недовольства», «сплетни», «анекдоты» приближают страшные реалии жизни в «аду» к нормальной, повседневной жизни простых людей. Данный пассаж призван не только понизить степень психо-эмоциональной напряженности повествования, но и осуществить слом уже воспринятой читателем «схемы действования» по интерпретации текста.

Акцентуация животных соматизмов происходит и в следующем примере: *Die Mädchen um uns herum* ***brüllen****: «Quälen, foltern, mit Stumpf und Stiel in den Boden stampfen muß man sie alle!»* [10, S. 12]. – *Девушки вокруг нас* ***ревут****: «Мучить, пытать, уничтожить, втоптать в землю надо их всех!».* В словаре зафиксировано следующее значение: *brüllen – кричать, громко реветь.* В данном примере реализуется первое значение с пометой «abwertend» (уничижительно) [9], используя подобные лексические единицы, автор описывает всю гамму отрицательных чувств, на которые способен человек – ярость, гнев, ненависть и злость девушек, находящихся в лагере. Впечатление еще больше усиливается за счет перечисления таких глаголов действия, как *quälen, foltern, stampfen.* В русском варианте лексема *реветь* обладает ядерными компонентами «голос животного, преимущественно хищника», однако, не передает отдельные аспекты, эксплицируемые в оригинальном тексте, а именно компонент «мычание», являющийся ядерным. В данном случае при трансляции теряется один из наиболее существенных элементов лагерной жизни – «стадность», «забитость», «обреченность на заклание», которые присущи «скоту» на фермах – ведь концентрационные лагеря являются своего рода «фермами смерти».

Eine Frau mischt sich ein: «Habt ihr sie ***massakriert****?»* [10, S. 12]. – *«Вы* ***расправились*** *с ними?» – вмешалась одна женщина*. *Massakrieren – жестоко расправляться, устроить резню*. В данном примере реализуется значение с пометой «umgangssprachlich» (разговорная лексика), значение данной лексической единицы словарь описывает как «убивать в жестокой манере» [9]. В данном примере для трансляции отдельных обертонов «насилие», «самоуправство», «преступление» применяется нейтрализация ядерных компонентов «жестокость», «извращённость» в угоду актуализации вышеназванных элементов, эксплицирующих не легитимность. Акцентуацию наиболее важной эмотивной информации поддерживает экспрессивный синтаксис в рамках факультативного изменения порядка слов в целевом тексте.

Ещё одним примером стилистической нейтрализации в рамках соблюдения принципа гендерной спецификации служит *«Wollen Sie mit mir* ***bumsen****? Sie kriegen Kaffee»* [10, S. 26]. – *«Хотите* ***переспать*** *со мной? Получите за это кофе»*. В словаре зафиксировано следующее значение: *bumsen – переспать.* В данном примере реализуется значение с пометой «**vulgär**» (вульгарная) [9]. Используя вульгарную лексику, автор подчеркивает не просто низость культуры нацистов, но и актуализирует табуированные оттенки совершения полового акта, что нейтрализуется в тексте перевода. Сохранение не типичных для автора-женщины лексем в целевом тексте нарушает общую «схему действования» по его интерпретации, а потому является нежелательным.

Весьма интересным в аспекте потерь амфиболических компонентов при трансляции может служить следующий пример: *Nach der Dusche* ***schmeißt*** *man uns alte Männerschuhe hin, ein Kopftuch für den nackten Schädel, so was wie eine Garnitur Unterwäsche, ein Kleid* [10, S. 30]. – *После душа нам* ***швыряют*** *старую мужскую обувь, косынку на лысую голову, что-то вроде нижнего белья и платье.* В словаре зафиксировано следующее значение: *hinschmeißen – швырять, кидать*. В данном примере реализуется значение с пометой «umgangssprachlich» (разговорная лексика) [9]. В данном примере показано отношение нацистов к заключенным, его можно характеризовать только с отрицательно-эмоциональной стороны. Однако в переводном тексте потерян ядерный компонент одного из первичных значений глагола *schmeißen – испражняться*, который в оригинале и дает общее понимание ситуации, – как происходит процесс «вручения» одежды заключенным.

б) описание внешности: *Dieser* ***Trampel*** *scheint sich Sängerinnen anders vorzustellen* [10, S. 17]. – *Эта* ***неуклюжая женщина****, кажется, по-другому представляет себе певиц.* В словаре зафиксировано следующее значение слова: *der Trampel – увалень, неуклюжий человек.* В данном примере реализуется значение с пометой «umgangssprachlich» (разговорный) и «abwertend» (уничижительно) [9], используя данную лексику, автор описывает неповоротливого немецкого офицера, который ничего не понимает в музыке. Словосочетание «неуклюжий человек» относится к отрицательно-эмоциональной лексике. При трансляции используется прием лексического развертывания, поскольку соответствие русское *неуклюжая женщина* немецкой лексеме *Trampel* лишь частично покрывает ядерную сферу языка оригинала. Следует упомянуть о потерянных в результате трансляции коннотациях, ведь компонент «колода», наличествующий в оригинальной лексеме и акцентуирующий гетеростереотипный образ фригидной женщины, при введении его в рефлексивный автообраз Ф. Фенелон, не является релевантным в данной ситуации, а значит, может быть элиминирован.

Примером положительной акцентуации в процессе использования негативно-аксиологически-маркированных лексем может служить следующее высказывание6 *Ich singe «God save the King», und die*

Tränen schießen diesen Militärs aus den Augen, fließen über diese ***verschwitzten*** *Gesichter, hinterlassen* ***helle Spuren*** *auf den vom Krieg verklebten Wangen* [10, S. 13]. – *Я пою «Боже, храни короля» и из глаз военнослужащих текут слезы, текут по* ***вспотевшим*** *лицам, оставляя* ***светлые следы*** *на их щеках.* В словаре зафиксировано следующее значение слова *verschwitzt – вспотевший, потный*: (umgangssprachlich). В данном примере реализуется значение с пометой «umgangssprachlich» (разговорная лексика) [9]. Автор описывает неожиданность и трогательность момента, а также потные лица слушателей, которые не смотря на весь ужас от того места, где они находятся, одновременно переживают и восхищаются. В данном предложении есть также иноязычное вкрапление *«God save the King»,* которое, представляя реалию английской лингвокультуры, транслируется с помощью словарного эквивалента *«Боже, храни короля»*. Подобная реминисценция к гимну Великобритании воспринимается в качестве актуализирующего релятивного компонента, призванного вызвать у читателя смену «схем действования» в процессе интерпретации повествования. Следует также подчеркнуть отсутствие в русском варианте в лексеме *вспотеть*, которая является стилистически нейтральной, отдельных обертонов смысла – периферийного компонента «забывать», содержащегося в оригинальной лексеме и репрезентирующего постепенное отмирание социокультурной памяти узников концлагерей, которая и возрождается с первыми звуками песни.

Анализ стилистически маркированной лексики произведения «Das Mädchenorchester in Auschwitz» позволяет сделать следующий вывод: стилистически немаркированная лексика позволяет особо выделить стилистически маркированную лексику в качестве средства создания экспрессивности и интенциональной имплементации конкретной «схемы действования» автором для реализации адекватного интенции автора перлокутивного эффекта.

Способы трансляции стилистически маркированной эмотивно-экспрессивной лексики

Согласно представленной диаграмме, из общего количества проанализированных нами примеров (160 лексических единиц) 61 (55 %) могут быть переданы с достаточной степенью адекватности с помощью поиска словарного эквивалента, 53 примера (35 %) – с помощью стилистической нейтрализации, 16 лексических единиц (5%) при помощи лексического развертывания, 16 лексических единиц (5%) при помощи экспликации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что как репрезентация психо-эмоционального пространства в тексте оригинала, так и трансляция в целевом тексте актуальной эмоционально-экспрессивной информации в психологизированном тексте производится на сходных когнитивных основаниях. Аксиологически-маркированные лексемы зачастую подкрепляются контрастом с нейтральными, а также конструкциями экспрессивного синтаксиса, что позволяют наиболее эффективным образом осуществлять адресантно-адресатное иллокутивно-перлокутивное взаимодействие. Перманентная смена кодов и регистров в сенсуально-соматических гетерообразах и рефлексивных автообразах призвана настроить реципиента на восприятие текста в рамках имманентно приданной «схемы действования». Трансляционные принципы лингвокультурного маркирования и гендерной спецификации реализуются посредством приемов стилистической нейтрализации и лексического развертывания.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 352 с.

2. Богомолов Н. А. Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. 375 с.
3. Бредихин С. Н. Игровой абсурд: трансляционная специфика сохранения перлокутивного эффекта // Вторые Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С.130 – 134.
4. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013. №1. URL: http://www.science-education.ru/ ru/article/view?id=8484 (Дата обращения: 25.02.2020).
5. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920 (Дата обращения: 25.02.2020)
6. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С.210–216.
7. Бредихин С. Н., Пелевина Ю. А. Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фоно-графической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. №12. Пятигорск: ПГУ, 2019. С.28–36.
8. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. М.: Наука, 1981. 240 с.
9. Duden. URL: http://www.duden.de/woerterbuch (Дата обращения: 25.02.2020).
10. Fenelon F. Das Mädchenorchester in Auschwitz. München: Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2016. 380 S.

References

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie (*Introduction to translation study*). Moscow: Akademiya publ., 2004. 352 p. (In Russian).
2. Bogomolov N. A. Dnevniki v russkoj kul'ture nachala XX veka (*Memoirs in Russian culture of the beginning of XX century*) // Tynyanovskij sbornik: Chetvertye tynyanovskie chteniya. Riga: Zinatne, 1990. 375 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Igrovoy absurd: translyatsionnaya spetsifika sokhraneniya perlokutivnogo effekta (*Ludic absurd: translation specific of perlocutive effect retention*) // Vtorye Shcheulinskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Lipetsk, 30 marta 2018 g.). Lipetsk: Lipetsk state pedagogical university named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskii, 2018. P.130–134. (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Printsipy i usloviya nalichiya i formirovaniya smysla (smysloporozhdayushchie mekhanizmy) *(Principles and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. No. 1. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484 (Accessed: 21.02.2020) (In Russian).
5. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii *(Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya 2014. No. 4. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/ view?id=13920 (Accessed: 21.02.2020) (In Russian).
6. Bredikhin S. N., Davydova L. P. Poehticheskij tekst kak kommunikativno-ehsteticheskaya kategoriya *(Poetic text as communicative-aesthetic category)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No.2. P.210 – 216. (In Russian).
7. Bredikhin S. N., Pelevina Yu. I. Realizaciya perlokutivnogo effekta v razlichayushchihsya lingvokul'turah (na materiale znakov fono-graficheskoj derivacii) (*Actualization of perlocution effect in differing linguocultures (on the material of phono-graphic derivation signs)*) // Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. No. 12. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. P.28–36. (In Russian).
8. Zemskaya E. A., Kitajgorodskaya M. V., Shiryaev E. N. Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie (*Russian vernacular speech. General questions. Word-building*). Moscow: Nauka publ., 1981. 240 p. (In Russian).
9. Duden. URL: http://www.duden.de/woerterbuch (Accessed: 25.02.2020).
10. Fenelon F. Das Mädchenorchester in Auschwitz. München: Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2016. 380 s.

Сведения об авторах

Махова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / zheltova.ira71@mail.ru
Чуднова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / chudnova08@mail.ru

Information about the authors

Makhova Irina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Language, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / zheltova.ira71@mail.ru
Chudnova Olga – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Language, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / chudnova08@mail.ru

УДК 347.95(049.32)

А. Ф. Авидзба, М. Е. Колесникова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИСТАВА ЦЕБЕЛЬДЫ Ф. Я. ЛИСОВСКОГО В 1837–1841 гг.: ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ «ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА»[1]

[Рецензия: Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина. Сборник архивных документов / сост. Л.И. Цвижба; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука-Вост. лит., 2019. 190 с.: карты, ил. ISBN 978-5-02-040557-8: 500 экз.]

Aslan Avidzba, Marina Kolesnikova

ABOUT THE ACTIVITIES OF TSEBELDA BAILIFF F.Ya. LISOVSKY IN 1837–1841: ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE COLLECTION OF ARCHIVAL DOCUMENTS "WESTERN CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY"

[Review: Western Caucasus in the first half of the 19th century: based on F. Ya. Lisovsky's and V. L. Churkin's materials. Collection of archival documents / comp. L.Tsvijba; Institute of Oriental Studies RAS. Moscow: Nauka-Oriental literature publ., 2019. 190 p. maps, ill. ISBN 978-5-02-040557-8: 500 copies]

В 2019 г. в издательстве «Восточная литература» в Москве вышел сборник документов «Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина». Его составителем, автором предисловия и указателей является известный архивист и историк Л. И. Цвижба. Ответственным редактором издания - доктор исторических наук Ю. Д. Анчабадзе. Рецензентами сборника документов выступили кандидаты исторических наук М. Ю. Рощин и П. И. Тахнаева.

В сборник вошли документы, выявленные в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). Большая часть документов публикуются впервые. Всего представлено 48 документов, которые сгруппированы в двух разделах «Переписка должностных лиц» (док. № 1-40) и «Описания, записки» (док. № 41-48). Хронологически документы охватывают период с 1834 по 1842 г. и отражают сложную политическую ситуацию на Западном Кавказе в первой трети XIX в., в условиях продолжающейся Кавказской войны. Все документы так или иначе связаны со службой на Западном Кавказе, в частности, в Абхазии, русских офицеров Феликса Яковлевича Лисовского и Василий Леонтьевича Чуркина.

В предисловии дана краткая характеристика процесса укрепления России на Западном Кавказе в первой трети XIX в., представлена структура населения, в состав которого входили и абхазы, в том числе относящиеся к абхазской этнической группе убыхи и джигеты (садзы). Они занимали территории пяти округов – Абжуйского, Абхазского, Бзыбского, Самурзаканского, Цебельдинского. В ущельях. по верховьям рек Бзыбь, Псоу и Мзымта располагались абхазские общества Псху и Ахчипсу [3, с. 4].

Абхазия рассматривалась как плацдарм для расширения российского влияния на Западном Кавказе. Помимо военных экспедиций, направленных на усмирение горцев, значительное внимание уделялось обустройству путей сообщений, строительству укреплений и поселений. Работа эта активизировалась после подписания в 1829 г. Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией, по условиям которого все кавказское побережье Черного моря от устья р. Кубани до северной границы Аджарии и крепостей Ахалкалахи и Ахалцих, перешло к России. Встала задача прокладки дорог и строительства укреплений вдоль береговой линии от Поти до Анапы. Работы эти осуществлялись топографами и офицерами Отдельного Кавказского корпуса. Русские офицеры принимали участие также в изучении Кавказа, составлении военно-статистических описаний, в разработке и реализации проектов интеграции новой территории России в единое пространство империи.

Предисловие сборника содержит краткие биографические сведения о Ф. Я. Лисовском и В. Л. Чуркине, служба которых проходила на Западном Кавказе. В 1826 г. В. Л. Чуркин был отправлен в отряд топографов Отдельного Кавказского корпуса, побывал в 1827 и 1828 гг. в Закавказье, в 1830 г. принял участие в экспедиции в Абхазию, в 1836 г. – произвел инструментальную съемку западной части Большой Кабарды и земель карачаевцев, открыл с проводниками пешее сообщение из Карачая через Кавказский хребет и Цебельду в Абхазию, составив описание и карту сообщения [3, с. 12].

Более подробно даны биографические сведения о Ф.Я. Лисовском (1806? 1809 г.? – между 1844–1851 гг.), составленные автором сборника на основе формулярных списков 1834 г. и 1843 г., хранящихся в РГВИА (Ф.395, оп. 140, Д. 77). Он оказался на Кавказе в 1828 г., в «ссылке», после исключения и числа студентов Виленского университета за участие в тайном обществе «Приверженцы отечества». Начал службу рядовым в Отдельном Кавказском корпусе, за

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

усердие и отличие по службе был произведен в унтер-офицеры, прапорщики, подпоручики, в 1841 г. в штабс-капитаны, ушел в отставку майором. Принимал участие в военных походах и операциях, в рекогносцировках, устройстве сухопутного сообщения в Абхазии, в возведении укреплений в Илоре и Дранде, составлял карты и описания.

В общей сложности Ф.Я. Лисовский прослужил в Абхазии 15 лет. Он хорошо знал местные обычаи, абхазский и грузинский языки, пользовался уважением у населения. В период 1837-1841 г. был приставом Цебельды. Это время в сборнике отражают документы, помещенные в первый раздел «Переписка должностных лиц» (док. № 4, 6-14, 16, 21-25) и во второй раздел «Описания, записки» (док. № 43-45), всего 19 документов. Из числа этих документов 11 публикуются впервые (док. № 4, 6-14, 16, 21), другие были опубликованы ранее (док. № 21- 25 43, 44, 45). Обо всех названных публикациях, осуществлявшихся ранее, есть указания в легендах документов, публикующихся в сборнике «Западный Кавказ в первой половине XIX века». Следует отметить, что документы № 7 и № 9 были опубликованы ранее в «Материалах по истории Абхазии XIX века» (Т.1. Сухум, 2008). Однако, это не получило отражение в комментариях к документам, по причине того, что их заголовки и тексты не идентичны с заголовками и текстами документов, опубликованных в сборнике «Западный Кавказ в первой половине XIX века».

Считаем уместным отметить еще одно обстоятельство, которое, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к сборнику «Западный Кавказ в первой половине XIX века» и уже никак не может служить упреком к его составителю. В нем отсутствует документ, в котором рассказывается о покушении на Ф. Я. Лисовского – «Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Головина военному министру Чернышеву о восстании в Цебельде» от 20 июня 1840 г., появившийся почти на месяц раньше, чем опубликованный в рецензируемом сборнике рапорт начальника Черноморской береговой линии, генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву (док. № 22). Указанный документ был опубликован в «Материалах по истории Абхазии XVIII–XIX века» со ссылкой на Акты Кавказской Археографической комиссии [4, с. 225–227; 2, с. 490–491].

Период приставства Ф.Я. Лисовского в Цебельде уместил в себе процесс подготовки и проведения двух военных экспедиций: экспедиция барона Г. В. Розена в Цебельду 1837 г.; экспедиция полковника Н. Н. Муравьева в Цебельду и Дал 1840–1841 гг. В «Донесении командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву с изложением хроники действий отряда в Цебельде с 9-го по 19-е мая 1837 г. и назначении приставом Цебельды Ф. Я. Лисовского» от 20 мая 1837 г. (док. № 7) сообщалось: «Для управления Цебельдою соответственно обычаям и понятиям жителей я назначил приставом Черноморского линейного № 5 батальона прапорщика Лисовского, который в продолжение долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером и обычаями здешних народов и может даже с цебельдинцами на их языке» [3, с. 32]. Об этом же писал сам Ф. Я. Лисовский 16 мая 1837 г. в Докладной записке на имя Г. В. Розена (док. № 6): «Находясь около десяти лет в Абхазии, я изучил, так сказать, ум и характер здешнего народа и убедился, что ничем нельзя действовать на них, как справедливостью и управлением, соответствующим их понятиям» [3, с. 27].

В донесении Г.В. Розена военному министру А. И. Чернышеву (док. № 7) сообщалось: «Пристав сей непосредственно подчинен командующему войсками в Абхазии подполковнику Чиляеву, коему поручен ближайший надзор за всем происходящим в Цебельде» [3, с. 31]. А в предписании Г. В. Розена к самому Ф. Я. Лисовскому от 31 мая 1837 г. (док. № 9), Б. Г. Чиляев упоминается несколько раз, а в пункте 11 сказано: «Цебельдинский пристав во всем подчиняется командующему войсками в Абхазии, коему вы должны доносить обо всех действиях ваших и о происходящем в Цебельде» [3, с. 37].

Ф. Я. Лисовский был назначен после относительно мирного покорения Цебельды в результате экспедиции под командованием генерала Г. В. Розена. Сам Г. В. Розен писал об этом (док. № 7) следующим образом: «Народ цебельдинский при личном вступлении моем с отрядом, а равно и по убеждению моему почти без сопротивления изъявил совершенную покорность правительству» [3, с. 31-32]. Судя по всему, тогда политика относительно мирного покорения Абхазии соответствовала планам российского правительства на Кавказе. В предписании военного министра А. И. Чернышева генералу Г. В. Розену (док. № 8) от 30 мая 1837 г. говорилось: «Его величество изволил оставаться вполне уверенным, что при дальнейших действиях против горцев ласковое с ними обхождение и строгое соблюдение в войсках наших должного порядка будут самые верные средства к успешнейшему окончанию дальнейших предприятий наших» [3, с. 33].

Главными задачами Ф. Я. Лисовского в качестве пристава Цебельды бароном Г.В. Розеном были определены следующие (док. № 9): «Князьям, духовенству и другим почетным людям внушайте верноподданнически обязанности их к великому нашему государю императору, объясните им в приличных случаях величие и могущество нашего монарха и что государь наш от них и от других горских народов, кроме верности его императорскому величеству, миролюбивой жизни, оставления хищничества и разбоев и повиновения установленному над ними начальству, ничего более не требует и что на тех из горцев, кою отличаются своей преданностью, щедро изливает высочайшие милости. Старайтесь внушать цебельдинцам необходимость более сближаться с русскими и для собственной их пользы обучаться нашему языку. Особенную заботливость вы должны употребить на то, чтобы не допускать раздоров и несогласия между князями и вообще людьми почетными» [3, с. 34]. Однако условия покорности цебельдинцев не могли ни привести к недовольству тех самых, которых Г. В. Розен называл «князями и вообще людьми почетными». В силу этого по прибытии в Цебельду Ф. Я. Лисовский 12 июня 1837 г. нашел следующее состояние дел: «Все вообще раскаиваются в том, что сдались без сопротивления. Они относят это к своему стыду» (док. № 11) [3, с. 42].

Приставу Цебельды, прапорщику Ф. Я. Лисовскому, как человеку сведущему в топографии, было поручено «обозреть собственным писанием часть главного Кавказского хребта, пролегающего через

Цебельду» (док. № 7) [3, с. 31]. В предписании к Ф. Я. Лисовскому Г. В. Розен писал: «Ознакомится сколь возможно более со стороною, с характером, обычаями и понятиями жителей. Собрать по возможности точные сведения о народонаселении, о степени повиновения и обязанности подвластных своим владельцам» (док. № 9) [3, с. 34]. Чуть позже Ф. Я. Лисовский отвечал: «Я занимаюсь приобретением различных сведений, особенно о лицах, имеющих значения в народе, о их характере, равно как и о характере народном, и стараюсь разведывать о всех вообще племенах и прочих лицах, которые наведываются в Цебельду без видов» (док. № 11) [3, с. 43].

Интерес представляет переписка Ф. Я. Лисовского и Г. В. Розена о подготовке и осуществлении топографических работ (док. № 6, 9). Пристав Ф. Я. Лисовский запрашивал средства на переводчиков, на подарки для горцев: «Мне необходимо иметь средство не только к приличному содержанию соответственно достоинству русского чиновника, но и для сближения с цебельдинцами быть в состоянии не отказывать им в некоторых подарках. Здесь господствует исламизм, и мне кажется было бы весьма полезным, если бы правительству было угодно одного из здешних священных лиц, пользующегося лучшим уважением у цебельдинцев, приласкав какими-либо подарками, сделать его орудием моих действий» [3, с. 27]. Командир Отельного Кавказского корпуса Г. В. Розен отвечал: «На содержание вам сверх получаемого жалованья назначаю в год 180 рублей серебром. На угощения горцев, поощрение их усерднейшему исполнению поручений начальства, а равно и на необходимых вам лазутчиков по 150 рублей серебром в год» [3, с. 38]. Ф. Я. Лисовский писал: «Полезно было бы также, чтобы находились при мне по крайней мере шесть цебельдинцев … Истребовать для меня за переводчика абхазского языка дворянина Бзыбского округа Коташ Лакоба» [3, с. 28]. Ответ Г. В. Розена: «Разрешаю вам нанять переводчика абхазского языка, шесть человек есаулов из жителей… На наем переводчика и содержание его назначаю в месяц по 14 руб. серебром, на наем и содержание 6-ти есаулов из жителей каждому в месяц по 4 руб. серебром» [3, с. 38]. В итоге Ф. Я. Лисовский составил несколько важных записок и описаний, которые содержат подробные географические, климатические и этнографические сведения о территории Абхазии и сопредельных землях.

После инспекционной поездки по Кавказу императора Николая I 12 декабря 1837 г. Г. В. Розен был отправлен отставку. Командиром Отдельного Кавказского корпуса стал Е. А. Головин, перед которым была поставлена задача по скорейшему замирению Кавказа. Он прибыл в Тифлис 31 марта 1838 г. [1, с. 143]. 27 мая 1838 г. приказом по корпусу была создана Черноморская береговая линия, начальником которого 9 августа 1838 г. был назначен Н. Н. Раевский [1, с. 144]. Эти и другие действия свидетельствовали о том, что в Петербурге возобладала убежденность о невозможности относительно мирного покорения горных абхазских обществ.

В рапорте Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву от 15 июля 1840 г. говорится: «В ночь с 8-го на 9-е июня партия злонамеренных сделала нападение на деревню, в которой жил цебельдинский пристав, и сожгла ее; при этом убито трое русских поселян; уведены три мальчика, разграблены скот, лошади и все пожитки, а сам пристав цебельдинский подпоручик Лисовский ранен шашкою два раза в щеку и в бороду с правой стороны» (док. № 22) [3, с. 59]. Пристава Ф. Я. Лисовского спасли от гибели Цебельдинские князья Зосхан и Мисоуст Маршания, укрыв его у себя дома. Но сам он несмотря на увечья не отстранился от дальнейшего исполнения своих должностных обязанностей. 11 июня «израненный» Ф.Я. Лисовский прибыв в Сухум вместе с цебельдинцами. Цебельдинцы уехали, а он остался в Сухуме «для перевязки ран с тем, чтобы отправиться оттуда вместе с отрядом» [3, с. 60]; 15 июня Лисовский имел с прапорщиком Шабатом переговоры и личное свидание в селении Джиша» (док. № 22) [3, с. 60]. 19 июня 1840 г. Ф. Я. Лисовский с абхазскими и цебельдинскими князьями «вызывали прапорщика Шабата из Дала на урочище Багаду, взяли от него аманатов и поручителей в безусловной его покорности» [3, с. 61].

Полковник Н. Н. Муравьев 7 января 1841 г. в рапорте командиру отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головину, писал: «Дал со своею едва доступною местностью побежден и опустошен в 12 дней с потерею в отряде 10 человек убитыми и от ран умершими и 20 ранеными» (док. № 25) [3, с. 74-75]. В достижении поставленной цели большую помощь ему оказал Ф. Я. Лисовский, который «начальствуя цебельдинской милицией, действовал с ними отдельно от отряда на левом фланге и, несмотря на родственные связи цебельдинцев с дальцами, успел заставить их действовать усердно против мятежников» [3, с. 15]. За активное участие в походе на Дал Ф. Я. Лисовский был представлен Н. Н. Муравьевым к чину штабс-капитана после завершения похода (9 января 1841 г.) в феврале 1841 г. В представлении отмечалось: «Он доставлял самые подробные и верные ведения с планом, самим им составленным для следования отряда через Цебельду; много содействовал очищению Дала и выводу оттуда жителей» [3, с. 15]..

Ф. Я. Лисовский был приставом Цебельды, скорее всего до перевода в Черноморский линейный № 9 батальон. Он был переведен туда, судя по всему, после присвоения ему звания Штабс-капитана 13 ноября 1841 г. [3, с. 13].

В предисловии к сборнику Л. И. Цвижба отмечает, что по мере продвижения Российской империи на Кавказ «протекал процесс узнавания двух социокультурных систем, их взаимодействие, формирования новых общественных и ментальных установок». Она считает, что планомерное и всестороннее изучение региона российскими военными были вызваны в первую очередь нуждами войны, но «потеряв со временем конъюнктурную актуальность, оставленными ими работы стали в настоящее время важными источниками аутентичной информации на Кавказе» [3, с. 3]. Замечания справедливое и весьма ценное.

Сборник архивных документов «Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина» подготовлен профессионально и соблюдением существующих на сегодня всех академических требований к изданиям такого рода. Археографическая подготовка документов к печати соответствует правилам издания документов. Тексты опубликованы в современной орфогра-

фии с сохранением особенностей стиля. В документах сохранены авторские подчеркивания, ниже документов помещены резолюции, комментарии, пометки. Документы снабжены примечаниями по тексту, которые поясняют неразборчивые слова, подписи, пометы на полях и по содержанию.

Внутри сборника документы расположены в хронологическом порядке по дате создания документа. Каждый документ снабжен заголовком и легендой. Заголовок включает указание на вид документа, адресата и адресанта, вид документа, дату описываемого события и дату создания документа. В легенде приведены название архива, номера фонда, описи, дела и листов, а также сведения о подлинности или копийности.

Научно-справочный аппарат сборника документов включает предисловие, тематический указатель, указатель этнонимов и субэтнонимов, указатель имен, список сокращений, список источников и литературы, перечень документов, включенных в сборник.

В приложении сборника помещены 4 карты: «Подробная карта северной покатости Кавказского хребта между вершинами рек Лабы, Кубани и горой Эльбрусом и переход через снеговой хребет на южную сторону Кавказа по Цебельде и Абхазии, вниз по реке Кодора до крепости Сухум-кале», составленная прапорщиком В. Чуркиным и унтер-офицером Поздышевым в 1836 г.; «Карта мест Абхазии, осмотренных Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским» 1842 г.; «Карта части Абхазии с обозначением пройденного маршрута Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским из Сухум-кале в Клухорский перевал и предполагаемого – из укрепления Бамбора через Псху на Кубань» 1842 г.; «Карта верховьев рек Кубани и Лабы с обозначением двух путей через Кавказский хребет, пройденных Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским с 1837 по 1842 г.»

Этот сборник, безусловно, является вкладом в подвижническое и трудоемкое дело восполнения источниковой базы истории Абхазии XIX века.

Источники и литература

1. Агумаа А. С. Черноморская береговая линия // Абхазоведение. 2012. №7. С. 137–181.

2. Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1884. Т. IX: Кавказ и Закавказье за время управления генерала-адъютанта генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина. 1837–1842. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Александра Ивановича Нейдгардта. 1842–1844. 1013 с.

3. Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина. Сборник архивных документов / сост. Л. И. Цвижба; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука-Вост. лит., 2019. 190 с.

4. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века: сборник документальных материалов / Академия наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа; [сост.: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакян, А. Ф. Авидзба]. Т. 2: 1762–1859. Сухум: АбИГИ им. Д. И. Гулиа, 2011. 510 с.

References

1. Agumaa A. S. Chernomorskaja beregovaja linija *(Black sea coastline)* // Abhazovedenie. 2012. No. 7. P. 137–181. (In Russian).

2. Akty Kavkazskoj Arheograficheskoj komissii *(Acts of the Caucasian Archaeographic Commission).* Tiflis, 1884. Vol. IX: Kavkaz i Zakavkaz'e za vremja upravlenija generala-ad#jutanta generala ot infanterii Evgenija Aleksandrovicha Golovina. 1837–1842. Kavkaz i Zakavkaz'e za vremja upravlenija generala ot infanterii Aleksandra Ivanovicha Nejdgardta. 1842–1844 *(Caucasus and Transcaucasia during the management of Adjutant General of Infantry General Yevgeny Alexandrovich Golovin. 1837–1842. Caucasus and Transcaucasia during the management of infantry general Alexander Ivanovich Neidgardt. 1842–1844)*. 1013 p. (In Russian).

3. Zapadnyj Kavkaz v pervoj polovine XIX veka: po materialam F. Ja. Lisovskogo i V. L. Churkina *(Western Caucasus in the first half of the 19th century: based on of F. Ya. Lisovsky's and V. L. Churkin's materials)*. Collection of archival documents / comp. L. I. Cvizhba. Moscow: Nauka-Oriental literature publ., 2019. 190 p. (In Russian).

4. Materialy po istorii Abhazii XVIII–XIX veka: sbornik dokumental'nyh materialov *(Materials on the history of Abkhazia of the XVIII–XIX centuries: a collection of documentary materials)* / Academy of Sciences of Abkhazia, Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D. I. Gulia [comp: A. Je. Kuprava, S. Sh. Salakjan, A. F. Avidzba]. Vol. 2: 1762–1859. Suhum: AbISI named after D. I. Gulia, 2011. 510 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Авидзба Аслан Фазлыбеевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа АНА (Сухум, Абхазия) / aslanavid@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam2017@mail.ru

Information about the authors

Avidzba Aslan– Doctor of History, Professor, Deputy Director, Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D. I. Gulia ASA (Sukhum, Abkhazia) / aslanavid@mail.ru

Kolesnikova Marina – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

УДК 93/94(049.32)

Т. А. Булыгина

НИТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ТКАНИ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

[Рецензия: Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / А. В. Васильев, В. В. Высокова, О. В. Заиченко, И. Г. Ионов, М. В. Кирчанов, С. И. Маловичко и др. / отв. ред. Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2020. 460 с. ISBN 978-5-90578-63-1: 600 экз]

Tamara Bulygina

THE THREADS OF HISTORICAL PAST IN THE TEXTURE OF THE PRESENT AND THE FUTURE

[Review: The Past for the present: history-memory and the narratives of national identity / A. Vasiliev, V. Vysokova, O. Zaichenko, I. Ionov, M. Kirchanov, S. Malovichko and ect. / executive editor L. Repina. Moscow: Aquilon, 2020. 460 p. ISBN 978-5-90578-63-1: 600 copies]

Данное издание можно условно разделить на 3 части. Это теоретико-методологические размышления о природе и функциях коллективной памяти, о соотношении исторической науки и национальной идентичности. Следующая часть вопросов посвящена выявлению механизмов действия коллективной памяти и идентичности в Российской империи, в СССР и современной России. Кроме того, здесь освящен процесс создания национальных историй в основном на примере России, влияние на них мотивов и целеполаганий, которые в свою очередь определяются типами научного знания, а также формами презентации национальных историй. Наконец, 3 часть – это постановка проблемы историческая память/идентичность в Европе: Британии, Германии, Польше, а на примере Боливии – в Латинской Америке.

В заголовке предлагаемой коллективной монографии содержится одна из основополагающих проблем современной исторической науки – соотношение научного и социально ориентированного знания в контексте механизмов, форм и средств формирования национальной идентичности, содержательная и инструментальная роль коллективной памяти. Уже во вступлении к книге четко определена позиция авторов по отношению к возможности взаимодействия истории и памяти. Замечу, что тезис П. Нора, на который ссылаются авторы исследования о том, что «история убивает память» или «память убивает историю» представляют метафору, отражающую полемический характер проблемы. В интервью российскому журналу ученый высказывает, казалось бы, парадоксальную позицию, говоря вначале, что «конечно, бесспорно, между историей и памятью существует фундаментальная разница». Память – это субъективная операция, носящая утвердительный характер, а история – интеллектуальная операция, носящая гипотетический характер. Однако затем П. Нора обращает внимание на то, что наличие «между историей и памятью тесной и глубокой, исторической, осмелюсь сказать, связи очевидно» [2, с.75–76].

Авторами рассматриваемой работы раскрывается и конкретизируется эта точка зрения. Ими постулируется не тождественность этих понятий, а их нераздельность по принципу сообщающихся сосудов. Речь идет с одной стороны, о «включенности историков в социальность и ментальное пространство социума, а с другой, о влиянии строгого исторического знания на интеллектуализацию массового сознания» [1, с.7].

Сильной стороной монографии является постановка «новых» и «старых» вопросов, требующих дальнейшего научного изучения. Таким образом, перед историками открывается широкое поле исследований. Так, одно из исследовательских направлений изучения концепта «память и идентичность» в данной работе – это пути преодоления конфликтности исторического сознания в условиях социальных трансформаций и роль в этом историков. В монографии представлена роль истории в политических проектах, функционирование образов прошлого и их смена в общественном сознании и в профессиональной историографии, в том числе способы и приемы фиксации образа прошлого опыта, влияние формулируемых представлений о прошлом на мотивацию поведения отдельных личностей, групп и социума в целом. Авторы попытались выявить возможности и механизм использования исторической памяти как инструмента реализации национальной идентичности. Процесс функционирования исторической памяти и особенности рассматриваются во временных и пространственных рамках – от средневековья до наших дней, от России до отдельных стран Европы и обществ Северной и Латинской Америки.

В первой главе подробно освещено противоречивое взаимодействие профессионального исторического знания с национально-патриотической парадигмой, вскрывается механизм функционирования исторического сознания: «Сочетание, пусть проблематичное, познавательно-критической и национально-патриотической функций позволяло «научным» версиям прошлого вносить весомую лепту в укрепление национального самосознания» [1, с.19] Можно согласиться с Л.П. Репиной в том, что даже структура исторического нарратива в каждую эпоху имеет жесткую форму: «Исторический нарратив обычно организован не просто как цепь памятных событий, но и как история перехода общества из одного состояния в другое… каждый значимый период обрамляется «великими», «переломными» историческими событиями, которые маркируют конец одного периода и начало следующего». Эти периоды в общественном сознании маркируются по-разному – от «золотого века», до «темных веков», от «смутных времен», до времени «пробуждения и возрождения» [1, с.20].

В этой главе также получила развитие проблема соотношения национальной идентичности и исторической памяти. Автор справедливо замечает,

что коллективная память выступает средством интерпретации окружающего мира, что составляет одну из базовых черт идентичности. При этом расширяются рамки содержания исторической памяти благодаря пониманию изменчивости этого конструкта, который «социально дифференцирован и избирателен, а также непрерывен» [1, с.5, 14]. В монографии утверждается, что представления о прошлом становятся элементами социальной идентичности.

Важная проблема, поставленная в книге и требующая дальнейшего изучения, – это соотношение исторической памяти и понятия исторического опыта, в терминах которого «народы осознают себя» [1, с. 16–17]. Эти вопросы актуализируются в условиях кризиса и процессов трансформации политики, экономики, социума, культуры, включая кризис исторического сознания, который, в свою очередь, «требует идеологической переоценки сложившегося комплекса культурно-исторических символов в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах, включая «национальную историю» как форму профессионального историописания, в которой на разных этапах развития общества (пере)создается образ «единого национального прошлого» В результате изменения происходят и в историческом нарративе, в том числе, по мнению автора, важно «в пространстве историографии как академической дисциплины» [1, с.18].

Ретроспективно обращаясь к особенностям «национальных историй», Л. П. Репина стремится выявить особенности и роль исторической науки в современных условиях глобализации и культурной унификации, которую политики и идеологи сегодня расценивают (впрочем, как и раньше) как важный инструмент формирования национальной идентичности. С другой стороны, четко осмысливается деление исторического знания на социально ориентированное и на критическое строго научное знание. В первом случае речь идет о «политике памяти».

Однако и научное историческое знание, как справедливо утверждается в монографии, может стать базовым для конструирования ценностно-значимых исторических символов, выполняющих социальные функции, имея в виду образовательную, нормативную, идеологическую, которая способна объединить социум. В этом тезисе внимание сосредоточено на юбилейной коммеморации [1, с. 30]. На наш взгляд, в ряде социально-политических систем, к примеру в советской системе, исторические юбилеи выступали даже в качестве инструмента строительства внешней и внутренней политики.

Авторы вскрывают механизм взаимодействия национального мифа, идеологии и подвижного социокультурного пространства [1, с. 33]. Они обращают внимание на «синтез прагматического и когнитивного подходов к ее изучению». [1, с. 34]. С одной стороны, научная история не может не воздействовать на обыденное сознание, а с другой, историческая наука не свободна от влияния социальной реальности в разных формах.

Замечание Ш. Пикте де Рошмона в разгар Великой французской революции, приведенное И. Н. Ионовым, на наш взгляд, свидетельствует не только о «зависимом сознании» России от Европы [1, с. 39], но и европейских ритмах российской истории, которые смещены во времени и отличаются по форме, но и характеризуют Россию как часть Европы.

История как наука стремится к достоверности представления о прошлом, к тому, чтобы знания о нем не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент настоящего. Для исторической науки прошлое ценно само по себе, и ученый-историк должен, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности и следовать логике доводов и доказательств. История не в состоянии упразднить память, но, дистанцируясь от памяти, делая ее объектом критического анализа, по мнению автора, историческое знание обретает научный статус [1, с. 36].

И.Н. Ионов во 2-ой главе, прослеживая функционирование коллективной памяти в имперской России, считает, что дискурс о прошлом здесь «до сих пор доминирует над опытом». Поэтому в перспективе перед отечественными историками стоит задача выявления множественности предпосылок: от локальных до глобальных, а также различных вариантов исторической памяти [1, с. 37–39] Привлекает внимание тезис автора о цивилизационном сознании, о корнях конфронтации между взглядами на развитие России по европейскому пути и представлениями идеи о самобытности российского пути. Представляется, что именно это противостояние, а не сами идеи, существенно повлияли и продолжают влиять на конструкцию исторической памяти российского общества. Предлагается продуктивным анализ коллективной памяти различных сословий Российской империи, прежде всего, крестьянства и дворянства. Автор попытался выявить общее и принципиально различное в исторической памяти имперских элит и крестьянства. В целом надо выделить стремление к подробному освещению эволюции крестьянского сознания от «веры в царя-батюшку» до новой протестной идентичности, в которой императору оставалось все меньше места, а также особенности рождения рабочей идентичности. При этом И. Н. Ионов использует понятие протестной идентичности, основой которой является нарушение обратной связи между властью и обществом [1, с. 68].

В главе также прослеживается эволюция интеллектуальных факторов формирования исторической памяти в разные периоды истории имперской России. Через процесс формирования исторической памяти рассматриваются изменения в социальной жизни страны, в частности поляризация российского общества в начале XX века, когда шла выработка революционно-демократической историографической традиции, показанная на конкретных примерах [1, с. 63]. Кроме того, следовало бы отметить стремление автора главы на примере процессов изменения исторической памяти, исторического сознания и идентичности рассмотреть ритмы российской истории. Представляется, что мысли И. Г. Ионова приобрели бы большую аргументированность, если бы он более четко показал авторскую трактовку указанных выше категорий.

Глава 3, ставшая продолжением предыдущей главы, наиболее ценная с точки зрения степени исследованности проблем советской истории, предлагает анализ формирования советской идентичности и роль в этом исторической памяти на основе выработки новой историографической модели. И. Г. Ионов показал пути

конструирования советской коллективной памяти, среди которых была и традиция в новых формах, и изменение смыслов мест памяти, и новые ритуалы. Автор показал внутреннюю противоречивость культурной памяти, внедряемой властью в массы. В этом разделе монографии тенденции в перипетиях советской коллективной памяти усилены сравнительным анализом подобных процессов на Западе, помещенным в синхронное время.

Вообще надо отметить, ценность одной из черт монографии. В ней в большинстве случаев проблемы исторического сознания и исторической науки в отдельных обществах рассматриваются в контексте мировой истории Это характерно не только для данной главы, но и последующих глав, где удачно применяется в отношении России и Великобритании сравнительный метод.

Автор приводит примеры исторических текстов периода Великой Отечественной войны и послевоенного периода, которые строились согласно канонам социалистического реализма. Таким образом, исторические и художественные сочинения строились по одной схеме, которая была далека от научных поисков истины. Их задача состояла в том, чтобы «перестроить старую интернациональную государственную идентичность на этнокультурный лад». [1, с. 89]. Кроме того, в них соблюдались требования власти к выбору субъектов как творцов истории, как героев и как врагов. Например, набор врагов очерчивался по шаблону «Краткого курса».

В главе объясняются предпосылки перемен в советской историографии 1960-х годов в контексте изменений политики власти после смерти Сталина. Задачи перехода власти требовали иных исторической памяти и политической идентичности, препятствовали преобразованиям во внешней и внутренней политике [1, с. 89–90]. В то же время автор на конкретных примерах истории исторической науки в конце 1960-х – начале 1970-х годов продемонстрировал неизменность механизма формирования коллективной памяти и идентичности на основе сохранения персонального идеала в лице В. И. Ленина, который был основой идентичности. Справедливо, что эта стабильность принципа формирования идентичности связана с базисной моделью формирования коллективной памяти, которая была выработана еще в 1930-е годы.

Разрушение этой модели развернулось в связи со сменой политического режима, но главное, в связи с распадом СССР. Показаны также поиски инструментов конструирования новой коллективной памяти. Автор включает в этот процесс не только либеральную критику исторического опыта страны, не только изменения оценок прежних исторических персонажей, не только история репрессий, но и обращение к микроистории, устной, семейной истории, к истории ментальностей [1, с.95–96]. Можно согласиться с автором по поводу большей действенности идеи единой империи по сравнению с идеей гражданственности для интеграции российского общества. Однако выявление механизма действия этого феномена, как нам кажется, требует более детального изучения.

Как уже замечено, существенной проблемой, затронутой авторами монографии, является изучение и сравнение путей конструирования национальных историй на территории Европы в различной исторической ретроспективе. Это дает возможность сравнить разные пути и общие принципы формирования национально-государственного нарратива в различных европейских странах в контексте единого цивилизационного пространства

Надо выделить освещение этого вопроса в контексте российской истории в 4–6 главах книги, автором которых является С. И. Маловичко. Автор ставит целью показать способы презентации национальной истории России в XVIII–XIX веках. Однако, связывая этот процесс с различными моделями исторического исследования, он так или иначе касается и ее конструирования.

Он представляет различные виды презентации и показывает их функционирование, обращая внимание на то, что они родились и существуют до сих пор в поле классической модели исторической науки. В российской традиции термин «национальная история», по мнению автора, тождественен понятию «отечественная история». Однако это понятие определяет не только национальную историю, но и комплекс всех исследований по истории России [1, с. 118].

Опираясь на выводы историков науки, автор вскрывает временную разницу между историографией XVIII и XIX веков в мировом контексте «национальных историй». Особый интерес вызывают размышления над различиями видов написания национальных историй конца XVIII и XIX веков, выполняя роль инструментов для оценки личностей историков и их места в историографии, как это оказалось с М. Т. Каченовским и «скептической школой» [1, с. 120]. Обращается также внимание на содержание процесса трансформациии, под которой автор понимает не простое обновление или постепенное изменение, а преобразование структуры, способа историописания и целевой направленности национальной истории [1, с. 121].

Исследователи историографии редко указывают виды нарраций, в которых было представлено историческое знание, следуя практике обозначения сочинений историописателей: «работа», «труд» или «произведение». С.И. Маловичко обращает внимание читателя на жанр как способ структурирования исторического нарратива. Он различает большую (полную) национальную историю, очерки по истории, научную статью, учебную книгу по национальной истории, а также распространенных в XIX–XXI веках монографий, диссертаций [1, с. 125]. Кроме того, автор погружает национальную историографию XVIII века в общеевропейский контекст [1, с. 131]. В результате он выявляет специфику терминов в российской историографии, в частности, превращение «опытов» в «очерки» [1, с. 132].

Важным для разработки теории источниковедения является попытка применения видовой характеристики источников, примененная к историографическим источникам. При этом речь идет об их функциональных признаках в определенном социуме в определенную эпоху. Представляется, что данная мысль требует дальнейшей рефлексии и нуждается в отдельной разработке. В этих главах широко используется сравнительный метод при изучении текстов историографических источников на примере работ М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера. Автор

наглядно продемонстрировал, как разное целеполагание рождает разные стили нарратива. Подобное сравнение позволяет освоить механизм создания исторических текстов, их структуры, стиля, в целом историографических операций в зависимости от целеполагания [1, с. 158–159].

Подробно рассмотрен вопрос о переменах в контурах национальной памяти XIX века. Именно тогда актуализировались концепты «своего» и «чужого», особенно «нашего» государства. Национальная история приобрела более героизированные черты, причем героем выступал отдельный идеализированный народ. произошло дисциплинарное структурирование исторической науки и профессионализм истории [1, с. 161]. Тогда же вырабатывается механизм конструирования модели коллективной памяти, а также государственно-исторические нарративы, ориентированные на широкую аудиторию, особенно учебную литературу. Ведь приведенные в учебниках метафоры придавали окраску исторической памяти, тем самым усиливая национальную идентичность [1, с. 207].

К концу XIX – началу XX века, по мнению автора, профессиональная историография стала избавляться от безусловной веры в единый однолинейный исторический процесс и необратимый прогресс. Новые модели исторического знания содержали неклассическую, а затем и постнеклассическую рациональность, которая ослабляла интерес к национально-государственному нарративу. Коснулся автор и советского национально-государственного нарратива, приводя в пример большую национальную историю в лице девяти томов «Очерков истории СССР» и 11 томов «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Жаль, что С.И. Маловичко не обратил внимания на том, обо что «споткнулись» авторы этих изданий – не только о затратность многотомников, но и о советский XX век.

В.В. Высокова поднимает в 7–8 главах вопросы, касающиеся не только английской историографии, но и в целом своеобразия истории исторической науки. Она подробно освещает вопрос о процессах разделения исторического нарратива на любительский и профессиональный к началу XIX века [1, с. 217]. Она подчеркивает, что в Англии процесс институционализации и профессионализации историописания был тесно связан с трансформацией всех сторон жизни английского общества конца XVI – середины XVII веков. Именно это стало точкой отсчета функционирования национально-культурной модели идентичности, отвечавшей требованиям строительства современного государства Великобритании [1, с. 214]. Очевидно, что такие пути складывания национальной истории могут быть экстраполированы на национальные истории в разных европейских странах.

Обращает на себя внимание погружение в хорографию, которая в отличие от истории была посвящена не человеку, а «месту»/локусу , от города до замка, от поля битвы до чудес природы из прошлого. В отличии от географии это направление была связана не с поисками географических координат, а на методе наблюдения и широкое описание результатов [1, с. 228]. Такой подход помогает понять исследовательские поля «новой локальной истории», которая рассматривает место как как пребывание локального сообщества.

Важным для рассмотрения имперской национальной идентичности на основе новой модели исторической памяти, является и положение о том, как это закреплялось новыми «местами памяти», такими, как Вестминстерский дворец, а уж потом изменением смыслов прежних «мест памяти». Автор предлагает путь к познанию формирования национальной идентичности в других империях [1, с. 272, 289].

Не менее интересной для изучения принципов формирования моделей исторической памяти во имя складывания новой национальной идентичности на примере Германии, которые формулирует О. В. Заиченко. Вскрывая процесс формирования исторических мифов Германии, она показывает не только поиски материала для национальной истории в прошлом германских земель, но и механизм превращения прошлой реальности и исторического факта в миф. Автор использует конкретные данные, к примеру превращение одного из вождей германских племен Арминия в национального героя – основателя немецкой нации [1, с. 357].

Автор 10 главы М. В. Корчанов построил материал раздела на принципе сравнительного анализа стратегии актуализации и воображения национальной памяти в двух странах Европы – России и Великобритании. При этом он рассматривает историческую память как форму воображения каждой из этих наций [1, с. 292]. Важным представляются усилия автора показать не истоки формирования исторической памяти, о чем создан целый пласт литературы в пространстве гуманитаристики, а механизм ее трансформаций в обществах Англии и России. Сравнительный анализ коснулся не только синхронного изучения коллективной памяти и национальных историй этих стран, но и метаморфозы этих феноменов в ходе временных изменений.

М. В. Корчанов выделяет несколько дискуссионных вопросов в интеллектуальном пространстве Великобритании и России. Это древняя история Англии и региональные измерения исторического процесса в истории России. Однако в центре этих дискуссий стоит общая проблема – линейность и большой нарратив. Автор вскрывает социальные корни этих споров, а именно попытки «соотнести свои национальные /националистические предпочтения с идеологическими требованиями и канонами, а также с нормами больших нарративов, которые определяли основные векторы и траектории российского и английского историописания» [1, с. 293]. При этом обращается внимание на попытку соотнести национального и наднационального как имперского в историографиях и идеологию этих стран. Касаясь идеологизации истории в больших официальных нарративах, автор справедливо показал, что процесс идеологизации в XX веке затронул Европу в целом, но формы ее выражения различны. В СССР идеология выработала обязательные каноны большого нарратива, отодвинув на периферию государственной историографии местные национальные истории. Здесь явно проявилось доминирование государственной истории над национальными. Автор относит начало игнорирования национальных историй ко времени возвышения Москвы, а затем к имперскому этапу российской историографии. На примере Твери он по-

казал образец «забывания и вытеснения из исторической памяти моментов, не вписывающихся в официальный дискурс» [1, с.306–308]. Надо заметить, что эта тенденция господствовала и в 1960-е – 1980-е годы, несмотря на возрождение краеведения. Местные истории сводились к иллюстрации государственной истории.

Британская версия идеологизации выразилась в развитии междисциплинарных направлений в исторических исследованиях, их деление на народную, социальную новую социальную, интеллектуальную истории и историю идей, т.е. различных школ британской историографии. Это позволило актуализировать английскую идентичность, сконструировав национальный образ Английской революции середины XVII века, а образ протестантизма как фактор, содействовавший национализации традиционных культур и идентичностей [1, с. 297]. Можно согласиться с автором главы, что такое многообразие направлений в историографии Британии в XIX–XX веках стало инструментом закрепления национальной идентичности.

Справедливо отмечается в разделе главное противоречие современной российской историографии. Смена идеологии привела к быстрому переключению на «национализм как универсальный код и язык политического и исторического воображения», но не изменила прежние принципы этого воображения, не отказалась от прежних мифов [1, с. 310–311]. Национальные истории сегодня являются орудием утверждения национальной идентичности, разрушая государственный нарратив и противопоставляя себя русской истории. Главной чертой раздела является сегодня проблема вхождения национальных регионов в состав Русского государства и позднее Российской Империи [1, с. 313].

В целом же автор показал, что в современном мире как России, так и Великобритании «противоречия между историографиями формально доминирующих групп лежат в плоскости отношений между Англией и Уэльсом, Англией и Шотландией, Россией и национальными регионами в контекстах вхождения этих территорий в состав Великобритании или России и их пребывания в составе имперских государственностей» [1, с. 312]. Таким образом, весьма продуктивной является идея переживания недавнего имперского прошлого репрезентативными группами обеих стран.

В 13 и 14 главах А. Г. Васильев и А. А. Щелчков раскрывают содержание и разные результаты использования историко-идеологических понятий для конструирования национальных историй и национальных идентичностей Польши и Боливии. В Польше дискурс «сарматизм» пережил несколько периодов: вначале публицистический, который перешел в теоретические размышления в конце XVIII в., а затем этот исторический образ стал инструментом национальной идентичности. Важным является констатация того, что в течение XIX века этот исторический образ идеологически разделил вначале историографические модели о генезисе польской нации, а затем, используя современные научные модели сарматизма, он стал своеобразным эпицентром дискуссий либералов и консерваторов о модели польской национальной идентичности для XXI века: «Для первых сарматизм – культурный конструкт, относительно происхождения и ценности которого можно и нужно спорить, который следует подвергать анализу, критической рефлексии и деконструкции. Для вторых – «эссенция польскости», бесценное национальное наследие, которое следует бережно хранить и на котором строить национальное будущее» [1, с. 416].

Текст А.Г. Васильева перекликается с последней главой монографии А.А. Щелчкова по вопросам деколонизации исторического сознания. В первом случае этот процесс привел к интеллектуальному противостоянию двух тенденций создания национальной идентичности. Что касается Боливии, то важным обстоятельством является выделение субъекта диколонизации истории, которым явилась группа историков и публицистов, попытавшихся создать официальный нарратив на основе индеанизма, который представлял деколонизацию памяти, связанную с возникновением новых типов памяти меньшинств. Боливийцы ощущали себя частью общего этноса с индейскими корнями. Лидеры и идеологи индеанизма использовали это понятие для конструирования партийной идентичности и по приходе к власти не смогли придать ему общенациональный характер, «укрывшись за ширмой мультикультурализма», и это привело к серьёзным противоречиям и ментально-психологическим разрывам в отношениях с большинством граждан. Боливийцы в своем историческом воображении стали возвращаться «к старой креольско-метисной модели идентичности, заставляя и самих индеанистов скорректировать свою стратегию, приспособляясь к доминирующим в обществе настроениям на метизацию» [1, с. 456]. Здесь продемонстрирована опасность сектантской замкнутости той или иной идеи, пусть даже укорененной в исторической памяти, для создания позитивного образа национальной идентичности.

Таким образом, вопросы, поставленные в рецензируемой книге, чрезвычайно актуальны для современной исторической науки с ее дискуссионным вниманием к проблемам исторической памяти и национальной идентичности и дают возможность дальнейшего их осмысления с помощью сопоставления конкретных путей их построения.

Литература

1. Васильев А. В., Высокова В. В., Заиченко О. В., Ионов И. Г., Кирчанов М. В., Маловичко С. И. и др. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2020. 460 с.

2. История и память в эпоху господства идентичностей (Интервью с действительным членом Французской академии историком Пьером Нора) //Этнографическое обозрение. 2011. №4. С.75–84.

References

1. Vasil'ev A. V., Vysokova V. V., Zaichenko O. V., Ionov I. G., Kirchanov M. V., Malovichko S. I. and etc. Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti *(The threads of historical past in the texture of the present and the future)* / ed by L. Repina. Moscow: Akvilon publ., 2020. 460 p. (In Russsian).

2. Istoriya i pamyat' v epokhu gospodstva identichnostey (Interv'yu s deystvitel'nym chlenom Frantsuzskoy akademii istorikom P'erom Nora) *(History and memory in the epoch of dominated identities (Interview with a full member of the French Academy, the historian Pierre Nora)* // Etnograficheskoe obozrenie. 2011. No. 4. P. 75–84. (In Russsian).

Информация об авторе

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru

Information about the author

Bulygina Tamara – Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher, Professor, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bul.tamara2011@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал
2020. № 4

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 18.12.2020
Дата выхода в свет 21.12.2020
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 27,07 Уч.-изд. л. 26,69
Бумага офсетная Заказ Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2